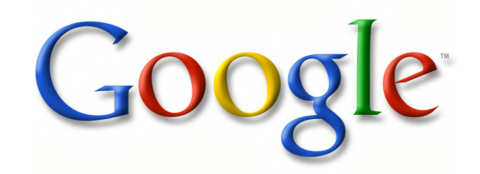
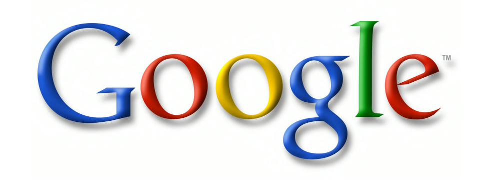




STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ

ВЪ

УЧИЛИЩАХЪ ПРИБАЛТІЙСКИХЪ ГУБЕРНІЙ.

Составили

СТАРШІЙ УЧИТЕЛЬ РИЖСКОЙ ГИМНАЗІИ

С. ШАФРАНОВЪ

И

СТАРШІЙ УЧИТЕЛЬ МИТАВСКОЙ ГИМНАЗІИ

И. НИКОЛИЧЪ.

Часть вторая.

ПОЭЗІЯ.

РЕВЕЛЬ

изданіе Франца Клуге.

1860.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ

ВЪ

УЧИЛИЩАХЪ ПРИБАЛТІЙСКИХЪ ГУБЕРНІЙ.

Составили

СТАРШІЙ УЧИТЕЛЬ РИЖСКОЙ ГИМНАЗІИ

С. ШАФРАНОВЪ

И

СТАРШІЙ УЧИТЕЛЬ МИТАВСКОЙ ГИМНАЗІИ

И. НИКОЛИЧЪ.

Часть вторая.

ПОЭЗІЯ.

РЕВЕЛЬ

изданіе Франца Клуге.

1860.

Приложеніе III-е.

Образцы стихотворныхъ переводовъ.

Объясненіе сокращеній словъ въ примѣчаніяхъ:

слав. славянское слово или форма.
стар. старинное слово или форма.
греч. греческое слово.
просторѣч. слово изъ просторѣчія,
вм. вмѣсто.
смот. смотри.

Краткій очеркъ

Исторіи Русской Словесности.

Опечатки:

					напечатано:	вмѣсто:
Стр.	17	строка	13	снизу:	говорить —	говори́т-
—	19	—	16	— и	И Польша	— И Польша,
—	22	—	17	—	торжествуетъ	— торжествуетъ,
—	26	—	8	сверху	зоконъ	— законъ
—	29	—	11	снизу	счаствя	— счастья
—	33	—	13	сверху	зятмѣнье	— затмѣнье
—	—	—	16	—	челѣ,	— челѣ
—	36	—	9	—	незанамятнаго	— незапамятная
—	44	—	17	—	караблемъ	— кораблемъ
—	46	—	15	снизу	вступишь	— вступить
—	50	—	13	сверху	боготворить	— боготворить,
—	54	—	18	снизу	вѣковыя ;	— вѣковыя,
—	80	—	6	сверху	растворили	— растворяли
—	99	—	18	снизу	пишетъ	— нышетъ
—	101	—	8	—	хотѣ не,	— хоть не
—	107	—	2	—	изливщая съ	— излившаяся
—	112	—	1	—	смѣшенъ	— смѣшонъ
—	118	—	12	—	(¹)	— —
—	136	—	19	—	спѣпотой	— слѣпотой
—	205	—	2	сверху	Каролевна	— Королевна
—	213	—	1	снизу	исполиниш-	— исполинишь
—	—	—	2	—	нсь	— но —
—	214	—	3	—	риновъ	— риковъ
—	218	—	5	—	въ сердце	— въ сердцѣ.

Б. ПОЭЗІЯ.

I. ПОЭЗІЯ ЛИРИЧЕСКАЯ.

I. Ода.

1. Надежда.

Мой духъ! довѣренность къ Творцу!
Мужайся, будь въ терпѣньи камень!
Не Онъ ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови (1) мечъ врага,
И градъ свинцовый отражала?
Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды, и гладъ, и непогоду,
И силу въ бѣдствѣ сохранить —
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стезею потаенной,
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ вожатый неизмѣнный?
Онъ! Онъ! Его все даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все даръ Его: и краше всѣхъ
Даровъ надежда лучшей жизни!
Когда-жъ узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

Батюшковъ.

(1) вмѣсто: жадный *до крови.*

2. Библія.

Кто сердца не питалъ, кто не былъ восхищенъ
Сей книгой, отъ небесъ Евреямъ вдохновенной!
Ея божественнымъ огнемъ воспламененъ,
Полночный нашъ Давидъ (1) на лирѣ обновленной
Пророческую пѣснь Псалтыри пробуждалъ (2) —
И сѣверъ дивному пѣвцу рукоплескалъ.
Тамъ, тамъ, гдѣ цвѣлъ Эдемъ, на брегѣ Іордана,
На гордыхъ высотахъ сѣнистаго Ливана,
Живетъ восторгъ; туда, туда спѣши, пѣвецъ;

(1) Ломоносовъ. (2) можетъ относиться къ тому, что одною изъ первыхъ книгъ, читанныхъ и изученныхъ Ломоносовымъ была Псалтырь, переложенная въ стихи Полоцкимъ, или же намекаетъ то, что нѣкоторые псалмы имъ сами переложены въ стихи новаго разм

Тамъ міръ въ младенчествѣ предстанетъ предъ тобою,
И мощный, мыслію сопутствуемъ одною,
Въ чудесномъ торжествѣ творенія Творецъ....
И слова дивнаго прекрасное рожденье (3),
Се первый человѣкъ; вкусилъ минутный сонъ —
Подругу сладкое даруетъ пробужденье.
Уже съ невинностью блаженство тратитъ онъ.
Поверженъ праведникъ — о грозный Богъ! о мщенье!
Се воды хлынули.... земли преступной нѣтъ,
Одинъ, путеводимъ Предвѣчнаго очами,
Возносится ковчегъ надъ бурными валами,
И въ немъ съ надеждою таится юный свѣтъ.
Вы, пастыри, вожди племенъ благословенныхъ,
Іаковъ, Авраамъ, восторженный мой взглядъ
Васъ любитъ обрѣтать, могущихъ и смиренныхъ,
Въ родительскихъ шатрахъ среди шумящихъ стадъ:
Сколь вашей простоты величіе плѣняетъ!
Сколь на востокъ намъ вашъ славный слѣдъ сіяетъ!..
Не ты ли, тихій гробъ Рахили (4), предо мной?..
Но сынъ ея зоветъ меня ко брегу Нила (5);
Напрасно злобы сѣть невинному грозила;
Живъ Богъ — и онъ спасенъ. О! сладкія съ тобой,
Прелестный юноша, мы слезы проливали.
Нѣтъ тебя.... увы, на чуждыхъ берегахъ
Сыны Израиля въ гоненіи, въ цѣпяхъ
Скорбятъ.... но небеса склонились къ ихъ печали (6).
Кто ты, спокойное дитя, средь шумныхъ волнъ?
Онъ, онъ, Евреевъ щитъ, ихъ плѣна разрушитель!
Спѣши, о дщерь царей (7), спасай чудесный челнъ,
Да не дерзнетъ къ нему приблизиться губитель —
Въ сей колыбели скрытъ Израиля предѣлъ.
Раздвинься, море... пой, Израиль, искупленье!
Синай, не ты ли день завѣта въ страхѣ зрѣлъ?
Не на твою-ль главу, дрожащую въ смятеньѣ,
Гремящимъ облакомъ Егова низлетѣлъ?
Реку-ль — и дивный столпъ, въ день мрачный, въ нощь горящій (8),
И изумленную пустыню отъ чудесъ,
И солнце, ставшее незапно средь небесъ,
И Руѳь, и отъ Руки Сампсона храмъ дрожащій (9),

---

(3) міръ, сотворенный по единому слову Божію. (4) Рахиль умерла при рожденіи сына Веніамина и схоронена, по *близъ Виѳлеема.* (5) Іосифъ.

(6) Рабство Израильтянъ въ Египтѣ. — (7) дочь Царя Фараона, Термутисъ. (8) столпъ днемъ облачный, ночью огненный указывалъ Израильтянамъ путь въ пустынѣ. (9) Дагоновъ храмъ, близъ Газы; нѣкогда знаменитый городъ въ пашалыкѣ Дамасскомъ.

И дѣву юную (10), которая въ слезахъ,
Среди младыхъ подругъ, на отческихъ горахъ,
О жизни сѣтуя, два мѣсяца бродила?...
Но что? рука Судей Израиль утомила!
Неблагодарнымъ въ казнь, Царей (11) послалъ Творецъ;
Саулъ помазанъ — палъ и пастырю вѣнецъ;
Отъ племени его народовъ Искупитель;
И воину-царю наслѣдникъ царь-мудрецъ.
Гдѣ вы, левиты? Ждетъ божественный строитель!
Стеклись.... о торжество! храмъ (12) вѣчный заложенъ.
Но что? ужъ десяти во градѣ нѣтъ колѣнъ!....
Падите, идолы! разсыпьтесь въ прахъ, божницы:
Се въ блескѣ Илія на небо воспарилъ..
Иду подъ вашу сѣнь, Товія, Рагуилъ...(13)
Се мужи Промысла, Предвѣчнаго зѣницы;
Грядущія лѣта какъ прошлыя для нихъ —
И въ часъ показанный народы изчезаютъ.
Увы, Сидонъ (14)! на вѣкъ подъ пепломъ ты утихъ!...
Какія вопли токъ Эвфрата возмущаютъ?
Ты, плакавшій въ плѣну, на вражескихъ брегахъ,

(10) Iефта, испросившая у отца отсрочки на два мѣсяца предъ принесеніемъ ея въ жертву (Кн. Судей гл. 11, 36—40). (11) Цари смѣнили судей. (12) Храмъ Соломоновъ. (13) одинъ изъ сподвижниковъ и друзей Товіи, отецъ Сары; о немъ упоминается въ книгѣ Товіи гл. 8, 7. (14) о паденіи Сидона говорится у Iезекіиля и Исаіи.

Iуда, ободрись; восходитъ день спасенья!
Смотри: сія рука, разитель преступленья,
Несетъ тирану казнь, другимъ тиранамъ въ страхъ (15).
Сіонъ, восторжествуй свиданье съ племенами;
Се Эздра Маккавей съ могущими сынами;
И се Младенецъ-Богъ, Мессія въ пеленахъ.

Жуковскій.

(15) Антіохъ Епифанъ, Царь Сирійскій. Эздра былъ посланъ Артаксерксомъ I для поселенія въ Палестинѣ.

3. Бородинская годовщина *).

Русскій Царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена;
Кровь на ней была святая,
Тамъ, престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло,
И престолъ и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождемъ
И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:
Благовонно золотая
Жатва плещетъ по холмамъ;
Гдѣ упорнѣй бились, тамъ

*) Стихотвореніе это написано по случаю открытія памятника на Бородинскомъ полѣ въ день годовщины самой битвы, 26. Августа 1839.

Мирныхъ инокинь обитель (1).
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ,
Всѣхъ рѣшитель браней, крестъ.

И на пиръ поминовенья
Рать другаго поколѣнья,
Новымъ, славнымъ ужъ Царемъ (2)
Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Такъ же рать числомъ обильна,
Такъ же мужество въ ней сильно,
Тѣ жъ орлы, тѣ жъ знамена
И полковъ тѣ жъ имена,
А въ рядахъ другіе стали;
И серебряной медали (3),
Прежде данной ей Царемъ,
Не видать ужъ ни на комъ.

И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Гдѣ Смоленскій (4), вождь спасенья?
Гдѣ герой, примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ, Барклай!
Гдѣ, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дивившій,
И подъ старость сохранившій
Все, что въ молодости есть,
Коновницынъ, ратныхъ честь.

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подъ часъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ вихорь-атаманъ (5)?

Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ (6),
Милорадовичъ? Гдѣ славный
Дохтуровъ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ, на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?

И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сенъ-При; Ланской нашъ палъ;
Кончилъ Тормасовъ; могила
Невѣровскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ;
Въ гробѣ старецъ Бенингсонъ.

И боецъ, сынъ Аполлоновъ....
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ

---

(1) Спасо-Бородинскій монастырь, основанный близъ села Семеновскаго вдовою генерала А. А. Тучкова, на той батареѣ, гдѣ онъ убитъ, сражаясь храбро. Тѣло его не было отыскано. Всѣ кости, найденныя на этомъ мѣстѣ были зарыты въ одну могилу, надъ которою теперь возвышается церковь. (2) Императоромъ Николаемъ I. (3) въ память 1812 года была выбита медаль съ надписью: Не намъ, не намъ, а имени *Твоему.* (4) Князь Голенищевъ-Кутузовъ, главнокомандующій въ 1812 году.

(5) Графъ Платовъ, Атаманъ Войска Донскаго. (6) Роландъ былъ одинъ изъ наѣздниковъ Карла Великаго, отличался мужествомъ и палъ въ битвѣ при Ронсевалѣ; Баярдъ, одинъ изъ знаменитыхъ вождей Франца I, Короля Французскаго, прославившійся во время похода въ Италію соперничествомъ въ военномъ искусствѣ съ Францемъ Сикингенскимъ, вождемъ Германскимъ. Перваго называли цвѣтомъ Французскаго воинства, а втораго цвѣтомъ Германскихъ бойцовъ.

Проводить въ Бородино....
Той награды не дано:
Вингъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!

И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ
Твердымъ царскимъ словомъ спасъ,
Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій Императоръ,
Міра свѣтлая звѣзда,
И твоя пришла чреда!

О година Русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ!
Какъ спасительно Онъ ввелъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно Онъ десницу
Протянулъ врагамъ Своимъ!
Какъ гордился Русскій Имъ!

Вдругъ.... отъ всѣхъ частей далеко,
Въ бѣдномъ краѣ (7), одиноко
Передъ плачущей женой (8),
Нашъ Владыка, нашъ герой,
Гаснетъ Царь благословенный:
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся Имперія идетъ (9).

И его какъ не бывало,
Передъ кѣмъ все трепетало!...
Есть далекая скала (10);
Вкругъ скалы морская игла;
Съ моремъ степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь загражденъ.....
Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ временъ, столь чудныхъ,
Дней блистательныхъ и трудныхъ
Съ новымъ зрѣли мы Царемъ;
До Стамбула Русскій громъ
Былъ доброшенъ по Балкану;
Миромъ мстили мы Султану;
И вскатилъ на Араратъ
Пушки храбрый нашъ солдатъ.

И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взялъ нашъ сѣверный Аяксъ (11);
Русской гранью сталъ Араксъ;
Арзерумъ сдался намъ дикій;
Закипѣлъ мятежъ великій;
ПредъВаршавой сталъ нашъ фрунтъ,
И съ Варшавой рухнулъ бунтъ.

И нежданная ограда,
Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царь-града:
И съ Турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русской сторожъ на Босфорѣ,
Отразясь въ завѣтномъ морѣ,
Мавзолей нашъ говоритъ:
»Здѣсь былъ Русскій станъ разбитъ (12).«

Всходитъ дневное свѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина;
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью
Крестъ небесной благодатью,
И подъ нимъ въ виду колоннъ
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

(7) Таганрогъ, гдѣ скончался Императоръ Александръ I. (8) Императрица Елизавета Алексѣевна. (9) Тѣло Императора Александра I. было провезено почти чрезъ всю Россію, и его сопровождали повсемѣстно толпы народа. (10) Островъ Св. Елены.

(11) Князь Паскевичъ Эриванскій. (12) Въ 1839 году Россія отправила въ Турцію войско на помощь противъ Египетскаго Паши Мегемета-Али.

Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
И, далеко умирая,
Слышалъ вѣсть: Москвы ужъ нѣтъ!
И опять онъ здѣсь, одѣтъ
Въ гробѣ дивною бронею,
Бородинскою землею (13);
И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.

Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились!
И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь ихъ тишина,
Небомъ полная, объемлетъ,
И какъ будто бы подъемлетъ
Изъ–за гроба голосъ свой
Рать усопшая къ живой.

Несказанное мгновенье?
Лишь изрекъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій алтарю:
Память вѣчная Царю!
Вдругъ обгрянулъ залпъ единый
Бородинскія вершины,
И въ одинъ великій гласъ
Вся съ нимъ армія слилась.

Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты обѣтъ изрекъ святой;
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
Па поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена. —

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;
Въ свой чередъ мы грудью станемъ,
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь *за общую намъ мать.*

В. Жуковскій.

(13) Тѣло Багратіона покоится у подножія *Бородинскаго памятника.*

---

4. Изъ стихотворенія: „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.“

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ,
На гибель сопостата,
Кто слабость падшаго щадитъ,
И грозно мститъ за брата!
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье битвы гласъ;
Спокоенъ подъ громами,
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.

Хвала тебѣ, нашъ добрый вождь,
Герой подъ сѣдинами (1)!
Какъ юный ратникъ, вихрь, и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О, сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О диво! се орелъ пронзилъ (2)
Надъ нимъ небесъ равнины....
Могучій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины.

Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;

(1) Князь Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій. (2) Однажды, когда Кутузовъ обозрѣвалъ полки, въ воздухѣ парилъ орелъ. Это было всѣми замѣчено и Кутузовъ снялъ шляпу, склонилъ голову, при общихъ кликахъ всего войска.

Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
Довѣренность къ герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье;
Тамъ стѣны.... въ Россахъ вся она;
Мы здѣсь — и Богъ нашъ мщенье.

Хвала сподвижникамъ-вождямъ!
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ твои перуны.
Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.
Нашъ Милорадовичъ, хвала!
Гдѣ онъ промчится съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью.

Нашъ Витгенштеинъ, вождь-герой,
Петрополя спаситель (³),
Хвала!... Онъ щитъ странѣ родной,
Онъ хищныхъ истребитель.
О сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами
Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ,
И вдругъ .... движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.

Хвала тебѣ, Славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый! ...
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гре-
митъ,
И пышетъ пламень боя ...

Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ .... однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье,
Примѣръ и ратнымъ и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье.

Хвала нашъ вихорь — атаманъ!
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для сопостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту — мостъ изчезъ;
Лишь къ селамъ — пышутъ селы.

Хвала, нашъ Несторъ (⁴) — Бе-
нингсонъ!
И вождь и мужъ совѣта,
Блюдетъ враговъ не дремля онъ,
Какъ змій орелъ съ полета.
Хвала нашъ Остерманъ — герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
И Тормасовъ, летящій въ бой,
Какъ юноша веселый!
И Багговутъ, среди громовъ,
Средь копій безмятежный!
И Дохтуровъ, гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный!

Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать Славянъ, когда стрѣла
Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда полмертвъ, окровавленъ,
Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ изнесенъ
За ратный строй друзьями.

(³) Побѣда подъ Полоцкомъ удержала Французовъ отъ движенія къ сѣверу и отвлекла ихъ отъ сѣверной столицы.

(⁴) Бенингсенъ былъ тогда по старшинству службы первый генералъ въ Русской арміи.

Смотрите . . . . язвой роковой
Къ постелѣ пригвожденный,
Онъ страждетъ, братскою толпой
Увѣчныхъ окруженный.

Ему возглавье ([5]) бранный щитъ;
Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
»Друзья, бѣдамъ презрѣнье!«
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
Веселье пробуждаетъ,
И, оживясь, до полы мечъ
Рука ихъ обнажаетъ.
Спѣши-жъ, о витязь нашъ! воспрянь;
Ужъ ангелъ истребленья
Горѣ ([6]) подъялъ ужасну длань,
И близокъ часъ отмщенья.

Хвала, Щербатовъ, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О тратѣ незабвенной.
О витязь, ободрись . . . . она
Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
Дружинъ твоихъ хранимы.
Любви и скорби оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы.

Хвала, нашъ Паленъ, чести сынъ!
Какъ бурею носимый,
Вездѣ впреди своихъ дружинъ
Разитъ, неотразимый.
Нашъ смѣлый Строгановъ, хвала!
Онъ жаждетъ чистой славы,
Она изъ мира увлекла
Его на путь кровавый . . . .
О храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье,

([5]) Возглавье, церкв.-слав., вмѣсто изголовье. ([6]) Церкв. Слав. значитъ: къ небу, вверхъ.

Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
На коняхъ окриленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ
Во слѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй; въ ночи
Страшатъ какъ привидѣнья;
Блистаютъ смертью ихъ мечи;
Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
По всѣмъ разсыпаны путямъ;
Невидимы и зримы;
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ;
И всюду невредимы.

Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь прокрался вкругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи . . . .
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ —
А онъ ужъ витязь на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ.
Сеславинъ — гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками:
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
И устланъ путь врагами.

Давыдовъ, пламенный боецъ!
Онъ вихремъ въ бой кровавый;
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы ([7]).
Кудашевъ скокомъ черезъ ровъ
И летомъ на стремнину;
Бросаетъ взглядомъ Чернышовъ
На мечъ и громъ дружину;
Орловъ отважностью орелъ;
И мчитъ грозу ударовъ

([7]) Извѣстенъ какъ поэтъ, воспѣвавшій веселіе и воинскія потѣхи.

Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
Въ среду враговъ Кайсаровъ.

Воины.

Вожди Славянъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье!
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

Пѣвецъ.

Друзья, кипящій кубокъ сей
Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ!
Уже не придутъ въ сонмъ(8) друзей;
Не станутъ въ ратномъ строѣ;
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья;
Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ щитъ;
Ихъ ратники унылы;
И сиръ могучихъ конь стоитъ
Близъ тихой ихъ могилы.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ, главу на щитъ склонилъ,
И стиснулъ мечъ во длани.
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь (9) его могила.
И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери, угасъ
Герой нашъ незабвенной!

А ты, Кутайсовъ, вождь младой...
Гдѣ прелести? гдѣ младость?
Увы онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ какъ радость.

Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ —
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ —
Одушевлялись струны...
О горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
И нѣтъ на немъ героя.

И гдѣ же твой, о витязь, прахъ?
Какою взятъ могилой?...
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милой...(10)
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день пріятнѣй;
И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни;
И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружней тѣни (11).

И ты...и ты, Багратіонъ?...
Вотще (12) друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мнятъ: съ одра возстанетъ;
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
„Увы намъ! скоро грянетъ."
А онъ.... на вѣки взоръ смежилъ.
Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ — Суворовъ.

И честь вамъ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни;
Тамъ ваша вѣрная семья —
Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять

(8) Въ этомъ словѣ сохранились слѣды носоваго звука. (9) Церкв. слав. то же что сегодня, нынѣ.

(10) Окончаніе ой вмѣсто ый для им. пад. употребляется новѣйшими поэтами весьма часто. (11) дружній — принадлежащій другу. (12) вотще — напрасно.

И позднихъ лѣтъ бесѣды,
»Отъ нихъ учитесь умирать!«
Такъ скажутъ внукамъ дѣды.
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
И водрузитъ тамъ знамя.

Воины.

При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
И водрузитъ тамъ знамя.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ мщенью! други въ строй!
И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть! нашъ роковой
Обѣтъ предъ Богомъ брани.
Вотще, о врагъ, изъ тьмы племенъ
Ты зиждешь ([13]) ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ,
И жаждутъ низложенья.
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ;
Тамъ стрѣлы и кольчуги;
Мы села въ пепелъ, грады въ прахъ,
Въ мечи — серпы и плуги.

Злодѣй! онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины,
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
Съ кремлевскія вершины.
„Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
Пойду... и все восплещетъ!
И въ прахъ падутъ съ своимъ Царемъ!“...
Притекъ... и самъ трепещетъ;
Подвигло мщеніе Москву:
Вспылала предъ врагами,
И грянулась на ихъ главу
Губящими стѣнами.

Веди-жъ своихъ царей-рабовъ
Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
Во срѣтеніе глада... ([14])
Зима, союзникъ нашъ, гряди!
Имъ запертъ путь возвратный;
Пустыни въ пеплѣ позади;
Предъ ними сонмы ратны.
Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Воины.

Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Пѣвецъ.

Святому братству сей фіалъ
Отъ вѣрныхъ братій ([15]) круга!
Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга;
Съ нимъ счастье вдвое; въ скорбный часъ
Онъ сердцу утѣшенье;
Онъ наша совѣсть; онъ для насъ
Второе Провидѣнье.
О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить и пасть друзьями!

В. Жуковскій.

([13]) зижду т. е. строю, устрояю, есть наст. время отъ церкв. слав. глагола *здати*.

([14]) На встрѣчу голоду. ([15]) Церкв. слав. вмѣсто братьевъ.

5. На церковное строеніе.

Одною встрѣчей я всегда въ прогулкѣ счастливъ:
Будь лѣтомъ жарокъ день, иль осенью ненастливъ, (1)
Подъ проливнымъ дождемъ, въ морозъ, въ палящій зной,
На перекресткѣ онъ, съ открытой головой
И съ книгою въ рукѣ (2), протянутой къ прохожимъ.
Глядитъ онъ странникомъ и человѣкомъ Божьимъ,
Смиренья съ простотой лежитъ на немъ печать;
Свой страннической крестъ пріявъ (3), какъ благодать,
Изъ дальняго села пришелъ онъ въ городъ чуждый,
Но привели его не собственныя нужды.
Нѣтъ! къ дому Господа усердьемъ возгоря,
И возлюбивъ и блескъ, и святость алтаря,
Онъ благолѣпью ихъ посильный трудъ приноситъ,
И именемъ Христа на церковь братій проситъ
Въ волненьяхъ суеты, среди столичныхъ стѣнъ,
Преданье и урокъ Апостольскихъ временъ,
Онъ ходитъ между насъ Евангельскою вѣстью
И праздныя сердца въ насъ будитъ къ благочестью.
И рѣдко, кто пройдетъ, — и больно за того,
Кто мимо могъ пройти, не одѣливъ его
Хоть малымъ чѣмъ-нибудь, хоть ласковымъ вниманьемъ,
Сочувствіемъ любви, поклономъ, пожеланьемъ,
Чтобъ труженика путь Господь благословилъ
И жатвой доброю жнеца обогатилъ.
Но болѣе всего любуюсь доброхотомъ,
Который дастъ свой грошъ, трудомъ и крѣпкимъ потомъ
Добытый — и себя жъ тутъ осѣнитъ крестомъ,
Какъ будтобъ онъ еще остался съ барышемъ.
Храня въ душѣ моей отцевъ простую вѣру,
Я слѣдовать люблю народному примѣру
И лепту и мою спѣшу въ тотъ сборъ принесть.
Скажу: и моего тутъ меду капля есть,
Скажу: и моего тутъ будетъ капля масла,
Чтобъ предъ иконою лампада въ вѣкъ не гасла,
Чтобъ тихій свѣтъ ея ликъ Спаса озарялъ
И въ душу скорбную отрадой проникалъ.

И въ этой мысли мнѣ есть сладость упованья,
Что тутъ и мой кирпичъ пойдетъ въ основу зданья,
Гдѣ мирная семья смиренныхъ поселянъ
На благовѣстъ любви, сзывающій міранъ,
Усердною толпой сберется въ день воскресный.
И молятся они, чтобы Отецъ Небесный

---

(1) Вм. ненастный.
(2) Собирающимъ деньги на построеніе храма выдается отъ епархіальнаго начальства книга, въ которую вносятся сдѣланныя на этотъ предметъ пожертвованія. (3) пріять; Церкв. слав. вмѣсто принять; отсюда сущ. *пріятель*.

Послалъ имъ свышній (4) миръ, чтобы за ихъ труды
Имъ принесла земля обильные плоды;
Чтобъ день былъ совершенъ, святъ, миренъ и безгрѣшенъ(5),
Чтобъ изцѣлѣлъ больной, чтобъ скорбный былъ утѣшенъ;
Живущимъ вѣрою, хранящимъ Божій страхъ,
Труждающимися всѣмъ, въ молитвѣ и слезахъ,
Всѣмъ странствующимъ, всѣмъ далече въ морѣ сущимъ (6),
Всѣмъ долю тяжкую и тяжкій плѣнъ несущимъ
Господь послалъ свой миръ, любовь и благодать;
Чтобъ въ покаяньи имъ дни прочіе скончать,
Чтобъ ангелъ мирный, душъ ихъ и тѣлесъ хранитель,
Берегъ и стадо ихъ, и поле и обитель,
Чтобъ помянулъ Господь во царствіи своемъ
Отцевъ и братію, почившихъ смертнымъ сномъ,
Святителей церквей, родныхъ, владыкъ державныхъ,
И всѣхъ лежащихъ здѣсь и всюду православныхъ.
И отрѣшая ихъ отъ всѣхъ земныхъ заботъ,
Ко Господу любви душа ихъ вопіетъ,
Чтобъ непостыдная и тихая кончина
Предстательствомъ Его возлюбленнаго Сына
Сошла, какъ благодать, даруя имъ покой,
Чтобъ имъ омыть грѣхи раскаянья слезой,
И въ оный страшный день, съ отвѣтнымъ добрымъ словомъ,
Младенцами предстать имъ на судѣ Христовомъ.

И безымянною молитвой обо мнѣ
Помянутъ вѣрные въ далекой сторонѣ,
Когда за Божій домъ собравшіеся въ ономъ
И за создателей той церкви крестъ съ поклономъ
Предъ Господомъ живыхъ и мертвыхъ сотворятъ.
Года пройдутъ. Давно онъ, ихъ усопшій братъ,
Лежитъ въ землѣ сырой; но въ поколѣньи новомъ
Все тѣмъ же любящимъ и благодарнымъ словомъ
О братѣ, чуждомъ имъ, помолится народъ.
Тутъ память и моя пойдетъ изъ рода въ родъ;
И можетъ быть, Богъ дастъ, сей лептой богомольной
Искупится мой грѣхъ, иль вольной, иль невольной,
И тамъ зачтется мнѣ въ замѣну добрыхъ дѣлъ,
Что къ церкви Божіей душей я не хладѣлъ.

Кн. Вяземскій.

---

(4) свышній то же что вышній, въ смыслѣ небесный. (5) Слова, упоминаемыя въ ектеніяхъ, усѣченныя окончанія именъ прил. вмѣсто полныхъ, въ значеніи опредѣленій составляютъ свойство стариннаго языка. (6) Также слова ектеніи.

6. Плачъ и утѣшеніе.

Я пѣлъ Его. Любовь мой стихъ одушевляла.
Я отголоскомъ былъ народнымъ, и мой стихъ,

Мой задушевный стихъ Россія повторяла
Какъ собственную мысль и отзывъ чувствъ своихъ.
Но обратилась пѣснь въ надгробное рыданье:
На мужественный кликъ печаль отозвалась;
Изъ богатырскихъ душъ исторгнулось стенанье,
И русская земля слезами залилась:

Нашъ якорь въ пристани, нашъ въ бурю вѣтръ попутный,
Нашъ крѣпкій вождь, булатъ и щитъ и булава,
Нашъ прозорливый стражъ, всеобщій, всеминутный,
Россіи мощной грудь, душа и голова,
Нашъ Царь, нашъ Николай лежитъ въ безмолвномъ гробѣ!
Глядимъ — и мнится намъ, что видимъ страшный сонъ:
Не вѣрится любви, не вѣрится и злобѣ,
Что палъ, что могъ Онъ пасть: такъ былъ державенъ Онъ.
Міръ, вздрогнувъ, онѣмѣлъ подъ роковымъ ударомъ.
Обрушилась скала, твердыня русскихъ силъ,
Пріютъ и всѣмъ оплотъ, когда, въ разливѣ яромъ,
Потокъ свирѣпыхъ волнъ міръ затопить грозилъ (1).

Россія имъ жила, какъ жилъ и Онъ Россіей.
Онъ первый былъ изъ насъ, не властью, не вѣнцемъ,
Но тѣмъ, что, духъ сроднивъ съ народною стихіей,
Онъ русской доблести былъ высшимъ образцомъ.
Въ немъ зрѣлся Русскій Царь: станъ стройный, величавый,
Орлиный взглядъ; чело запечатлѣла честь;
Плеча, могущія подъять судьбы державы,
Готовыя народъ чрезъ бездну перенесть.
И духъ державный въ Немъ подъ ростъ Его былъ стану,
Онъ вѣнценосецъ былъ и духомъ и челомъ.
Царь-рыцарь, вѣренъ былъ Онъ царственному сану;
Царь-честный-человѣкъ, Онъ чести былъ рабомъ.
Желѣзной волей былъ Онъ крѣпокъ и упоренъ,
Затѣмъ, что въ совѣсти Онъ закалилъ ее,
Что долгу, какъ земной святынѣ, былъ покоренъ
И посвятилъ ему свой путь и бытіе.
Себя и свой народъ предавъ смиренно Богу,
Онъ духомъ не слабѣлъ, какъ ни былъ силенъ врагъ.
Событій валъ предъ Нимъ перечилъ ли дорогу?
Съ пути прямаго Онъ не отступалъ на шагъ (2).

И мощный дѣлатель отторгнутъ Онъ отъ дѣла
Въ пылу труда, въ бою враждебныхъ силъ, когда
Зиждительная мысль въ груди Его кипѣла,

(1) Намекъ на событія 1848 года, волновавшія Европу послѣ изгнанія Людовика Филиппа, короля Французскаго, равно какъ и на помощь, дарованную Австріи противъ *возмутившейся* Венгріи.

(2) Вмѣсто: не отступалъ ни на шагъ.

И бодро несъ одинъ отвѣтственность труда.
Изнемогаетъ мысль, предъ Промысломъ нѣмѣя.
Кто съ таинства его дерзнетъ покровъ совлечь?
Россія, вѣруя, скорбя, благоговѣя,
Безропотнымъ слезамъ даетъ свободно течь.
Онъ жилъ Царемъ; какъ Царь и умеръ смертью славной:
Послыша, что Его грядущій часъ зоветъ,
Дѣла земныя сдалъ нашъ труженикъ державной,
Небесному Царю готовясь дать отчетъ.
И смертный одръ Его возросъ другимъ престоломъ,
Который всѣхъ земныхъ престоловъ выше сталъ;
И никогда еще столь царственнымъ глаголомъ,
Какъ въ часъ послѣдній, Царь души не обнажалъ (3)?
Душа созрѣла въ Немъ подъ зноемъ испытаній
И свѣтлой красотой покорства облеклась,
Зажглась кадильницей святыхъ благоуханій
И къ небу, жертвою вечерней (4), вознеслась.

Благодаритъ Его Россія съ умиленьемъ
За Царскіе труды, за блескъ и честь вѣнца,
За то, что вѣрилъ ей, что Онъ съ самозабвеньемъ
Любилъ ее и былъ ей вѣренъ до конца;
Благодаритъ Его за миръ и за побѣды,
За то, что духъ Петра Его проникнулъ грудь,
Что бодро довершалъ, чего желали дѣды,
Что внукамъ проложилъ въ грядущемъ къ славѣ путь.
Но въ горестныхъ слезахъ и за Его кончину
Царя благодаритъ Россія.... Въ этотъ часъ
Онъ помысловъ своихъ, всѣхъ чувствъ, всѣхъ дѣлъ причину
Раскрылъ, явясь, чѣмъ былъ предъ Богомъ и для насъ.
Духовнымъ торжествомъ и блескомъ свѣтозарнымъ
Увѣковѣчилъ Онъ народную печаль,
И день сей вѣчныхъ слезъ потомствомъ благодарнымъ
Внесется свѣтлымъ днемъ въ народную скрижаль.
Мірскую лѣтопись царей и царствъ прочтете,
Прекраснѣй смерти сей въ преданьяхъ не сыскать,
И умилительнѣй картины не найдете,
Какъ этотъ смертный одръ, походную кровать
Свой царственный походъ свершившаго во славѣ,
Того, кто тридцать лѣтъ, какъ воинъ на стѣнѣ,
Съ престола прослужилъ народу и державѣ,
Родной твердыни стражъ и щитъ, внутри и внѣ.

Нѣтъ, славы суетной любостяжатель жадный,
Привыкшій попирать народныя права,
Не такъ, развѣнчанный рукою смерти хладной,

(3) Указаніе на послѣдніе часы жизни Императора Николая Павловича. (4) Сравненіе, заимствованное изъ извѣстной молитвы: *Да исправится молитва моя яко кадило предъ Тобою....*

Готовится на судъ земли и Божества!
Нѣтъ, угасающимъ, но ясномирнымъ окомъ
Не такъ окинетъ онъ прошедшаго пути,
И почестямъ земнымъ на поприщѣ высокомъ
Не такъ проговоритъ послѣднее прости!
Предсмертную тоску кончины неизбѣжной
Ему ли усладить, прощаяся съ семьей,
Бесѣдою любви родительской и нѣжной
И словомъ мудрости духовной и земной?
Ему ли быть другимъ отрадой въ часъ разлуки,
Всѣхъ вспомнить, всѣхъ къ одру призвать, благодарить
И, къ Богу вознеся молитвенныя руки,
Ихъ съ крестнымъ знаменьемъ на ближнихъ опустить?
А такова была кончина Николая!
Какъ царствовать — Царямъ Онъ жизнью образецъ,
Прекрасной смертью жизнь прекрасную вѣнчая,
Онъ всѣмъ намъ далъ примѣръ, какъ встрѣтить дней конецъ.
Въ немъ доблестной души часъ страшный не встревожилъ,
Въ часъ скорби, въ душу мракъ унынья не проникъ.
Онъ отжилъ для земли, но для безсмертья ожилъ;
Великъ Онъ жизнью былъ, и смертью Онъ великъ!
Но бодрствуемъ еще подъ горестью утраты:
Онъ палъ, но духъ Его въ народѣ не угасъ.
Мы плачемъ, мы скорбимъ, но слезы *наши святы:*
Мы молимся о Немъ. Онъ молится за насъ,
Да съ честью вынесть намъ годину испытаній,
Умѣть, какъ Онъ умѣлъ, терпѣть и уповать,
И да Господь побѣдъ, щедротъ и воздаяній
Хранитъ Его семью, народъ Его и рать.
На скорбь великую великимъ упованьемъ
Онъ воспиталъ для насъ Преемника-Царя:
На русскій небосклонъ взошла обѣтованьемъ
Изъ сѣней смертной тьмы дня новаго заря.

Тебя, о юный Царь, Россія восприяла
Изъ охладѣвшихъ рукъ Владыки и Отца.
Его любовь Твоей любви насъ завѣщала —
И въ насъ на сей завѣтъ откликнулись сердца.
И Твой народъ, какъ Ты, осиротѣвъ, рыдаетъ:
Ты памятью Отца его усынови!
Души безсмертной плодъ, любовь не умираетъ:
И плачъ нашъ объ Отцѣ будь Сыну пѣснь любви!

Нашъ славный Кремль (5) Тебѣ былъ славной колыбелью,
А воспріемницей вся Русская земля:
Въ народномъ торжествѣ надъ свѣтлою купелью
Святыня древняго и новаго Кремля,
И Царскихъ тѣней ликъ съ Петромъ, съ Екатериной,

(5) Въ Кремлевскомъ Маломъ дворцѣ родился Императоръ Александръ II.

И славою отцевъ нетлѣнные вѣка
Съ побѣдоносной ихъ и доблестной дружиной,
И Онъ, еще живый, Котораго рука
Высоко вознесла честь русскаго народа,
Дала Европѣ миръ въ возмездье за войну,
Благословенный Царь двѣнадцатаго года,
Въ одну молитву всѣ слiявшись въ мысль одну,
Пророчески Тебѣ на царство указали,
Благословивъ Тебя наслѣдникомъ своимъ —
И Кремль и вся Москва, гордясь, вострепетали,
Помолодѣвъ съ Тобой, младенцемъ ихъ роднымъ.
Пророчество сбылось: и Отрокъ Провидѣнья,
Кремлевскiй Отрокъ-Царь, всея (6) Россiи Царь!
И тамъ, гдѣ встрѣченъ былъ Онъ таинствомъ крещенья,
И царственный елей Ему прольетъ олтарь (7).

Кто въ знаменьи святомъ не узритъ отпечатка
Руки, ведущей ходъ свѣтилъ и смертныхъ дѣлъ?
Кто не признаетъ здѣсь грядущихъ благъ задатка,
Который намъ со стѣнъ кремлевскихъ просвѣтлѣлъ?

Вѣрь и надѣйся, Царь! Твой подвигъ многотруденъ,
Но доблестной душѣ нѣтъ жатвы безъ трудовъ.
Народъ Твой весь съ Тобой, могущъ онъ, многолюденъ,
И каждый за Тебя въ немъ умереть готовъ.
Дни опытовъ и грозъ грядущей жизнью полны,
Достигнемъ цѣли мы упорствомъ и борьбой.
Нѣтъ, не затопятъ насъ племенъ враждебныхъ волны,
Нѣтъ, свято устоитъ Россiя предъ враждой.
Иль духъ нашъ оскудѣлъ? иль руки безоружны?
Иль чести гласъ и долгъ въ насъ могутъ онѣмѣть?
Миръ и война равно въ народной жизни нужны:
Въ пылу огня дано желѣзу отвердѣть.

Ты вырвешь ли намъ миръ изъ рукъ вражды усталой,
Напрасно противъ насъ зазубрившей свой мечъ,
И въ буряхъ съ давнихъ лѣтъ Россiи возмужалой
Дашь въ славной тишинѣ почить отъ славныхъ сѣчъ,
И силою любви и мысли благодушной
Упрочишь Ты странѣ плоды державныхъ рукъ:
Благихъ законовъ власть, законамъ судъ послушный,
Промышленности жизнь и свѣтлый духъ наукъ?
Иль въ злобѣ закоснитъ (8) врагъ дерзкiй и лукавый?
Тебѣ весь пламень душъ! Тебѣ вся наша кровь!

(6) Славянскiй родительный падежъ женскаго рода въ мѣстоименiяхъ прилагательныхъ. (7) Въ Москвѣ воспрiялъ Императоръ Александръ Николаевичъ *святое* крещенiе въ Чудовомъ монастырѣ, *въ Москвѣ же и коронованъ.*

(8) Церкв. слав. вм. закоснѣетъ.

На мирные труды, на подвигъ
ратной славы,
Сподвижникъ Твой и стражъ народ-
ная любовь.

Князь П. Вяземскій.

---

7. Всемогущество.

Ты можешь вдругъ меня сравнить съ
презрѣннымъ прахомъ —
И вдругъ опять изъ праха воскре-
сить!
Смутить мой духъ, наполнить душу
страхомъ —
И вновь ее развеселить!
Ты ложе скорбное умѣлъ убрать
цвѣтами!
Ты пролилъ ароматъ изъ золотыхъ
кадилъ,
И томную главу страдальца освѣ-
тилъ
Во снѣ прекрасными мечтами,
И свѣялъ слезы съ глазъ дыха-
ніемъ любви!
Мнѣ снилось разъ, я былъ надъ
грозною рѣкою —
Упалъ . . . и, вопія, хваталъ Тебя
рукою,
И ты извлекъ меня и мнѣ сказалъ:
»живи.«

Ѳ. Глинка.

---

8. Плачъ плѣненныхъ Іудеевъ
(Псал. 136).

Когда, влекомы въ плѣнъ, мы стали
Отъ стѣнъ Сіонскихъ далеки,
Мы слезъ ручьи не разъ мѣшали
Съ волнами чуждыя (1) рѣки.

Въ печали, молча, мы грустили
Все по тебѣ, святый (2) Сіонъ!
Надежды рѣдко намъ свѣтили,
И тѣ надежды были сонъ!

Замолкли вѣщіе органы,
Затихъ веселый нашъ тимпанъ;
Напрасно намъ гласятъ тираны:
»Воспойте пѣснь Сіонскихъ странъ!«

Сіона пѣсни — гласъ свободы!
Тѣ пѣсни слава намъ дала!
Въ нихъ тайны мы поемъ природы
И Бога дивнаго дѣла!

Нѣмѣй органъ нашъ голосистый,
Какъ занѣмѣлъ нашъ въ рабствѣ
духъ!
Не опозоримъ пѣсни чистой:
Не ей ласкать злодѣевъ слухъ!

Увы! неволи дни суровы
Органамъ жизни не даютъ:
Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсней не поютъ!

Ѳ. Глинка.

---

(1) Имена прилагательныя женскаго рода принимаютъ въ церкв. слав. языкѣ окончанія ыя и ія, и эти формы въ стихотвореніяхъ *встрѣчаются довольно* часто.

(2) Обыкновенно говорятъ и пишутъ: святой, но въ старинномъ языкѣ всѣ прилагательныя безъ исключенія оканчивались и произносились на ый. Въ языкѣ торжественномъ, когда говориться о предметахъ священныхъ и высоко уважаемыхъ, эти, равно какъ и другія старинныя формы, предпочитаются формамъ обыденной рѣчи.

---

9. Москва.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы.

И, свои раздвинувъ рамки,
Понаставилъ въ нихъ картинъ,

И бодро несъ одинъ отвѣтственность труда.
Изнемогаетъ мысль, предъ Промысломъ нѣмѣя.
Кто съ таинства его дерзнетъ покровъ совлечь?
Россія, вѣруя, скорбя, благоговѣя,
Безропотнымъ слезамъ даетъ свободно течь.
Онъ жилъ Царемъ; какъ Царь и умеръ смертью славной:
Послыша, что Его грядущій часъ зоветъ,
Дѣла земныя сдалъ нашъ труженикъ державной,
Небесному Царю готовясь дать отчетъ.
И смертный одръ Его возросъ другимъ престоломъ,
Который всѣхъ земныхъ престоловъ выше сталъ;
И никогда еще столь царственнымъ глаголомъ,
Какъ въ часъ послѣдній, Царь души не обнажалъ (³)?
Душа созрѣла въ Немъ подъ зноемъ испытаній
И свѣтлой красотой покорства облеклась,
Зажглась кадильницей святыхъ благоуханій
И къ небу, жертвою вечерней (⁴), вознеслась.

Благодаритъ Его Россія съ умиленьемъ
За Царскіе труды, за блескъ и честь вѣнца,
За то, что вѣрилъ ей, что Онъ съ самозабвеньемъ
Любилъ ее и былъ ей вѣренъ до конца;
Благодаритъ Его за миръ и за побѣды,
За то, что духъ Петра Его проникнулъ грудь,
Что бодро довершалъ, чего желали дѣды,
Что внукамъ проложилъ въ грядущемъ къ славѣ путь.
Но въ горестныхъ слезахъ и за Его кончину
Царя благодаритъ Россія.... Въ этотъ часъ
Онъ помысловъ своихъ, всѣхъ чувствъ, всѣхъ дѣлъ причину
Раскрылъ, явясь, чѣмъ былъ предъ Богомъ и для насъ.
Духовнымъ торжествомъ и блескомъ свѣтозарнымъ
Увѣковѣчилъ Онъ народную печаль,
И день сей вѣчныхъ слезъ потомствомъ благодарнымъ
Внесется свѣтлымъ днемъ въ народную скрижаль.
Мірскую лѣтопись царей и царствъ прочтете,
Прекраснѣй смерти сей въ преданьяхъ не сыскать,
И умилительнѣй картины не найдете,
Какъ этотъ смертный одръ, походную кровать
Свой царственный походъ свершившаго во славѣ,
Того, кто тридцать лѣтъ, какъ воинъ на стѣнѣ,
Съ престола прослужилъ народу и державѣ,
Родной твердыни стражъ и щитъ, внутри и внѣ.

Нѣтъ, славы суетной любостяжатель жадный,
Привыкшій попирать народныя права,
Не такъ, развѣнчанный рукою смерти хладной,

(³) Указаніе на послѣдніе часы жизни Императора Николая Павловича. (⁴) Сравненіе, заимствованное изъ извѣстной молитвы: *Да исправится молитва моя яко кадило предъ Тобою.....*

Готовится на судъ земли и Божества!
Нѣтъ, угасающимъ, но ясномирнымъ окомъ
Не такъ окинетъ онъ прошедшаго пути,
И почестямъ земнымъ на поприщѣ высокомъ
Не такъ проговоритъ послѣднее прости!
Предсмертную тоску кончины неизбѣжной
Ему ли усладить, прощаяся съ семьей,
Бесѣдою любви родительской и нѣжной
И словомъ мудрости духовной и земной?
Ему ли быть другимъ отрадой въ часъ разлуки,
Всѣхъ вспомнить, всѣхъ къ одру призвать, благодарить
И, къ Богу вознеся молитвенныя руки,
Ихъ съ крестнымъ знаменьемъ на ближнихъ опустить?
А такова была кончина Николая!
Какъ царствовать — Царямъ Онъ жизнью образецъ,
Прекрасной смертью жизнь прекрасную вѣнчая,
Онъ всѣмъ намъ далъ примѣръ, какъ встрѣтить дней конецъ.
Въ немъ доблестной души часъ страшный не встревожилъ,
Въ часъ скорби, въ душу мракъ унынья не проникъ.
Онъ отжилъ для земли, но для безсмертья ожилъ;
Великъ Онъ жизнью былъ, и смертью Онъ великъ!
Но бодрствуемъ еще подъ горестью утраты:
Онъ палъ, но духъ Его въ народѣ не угасъ.
Мы плачемъ, мы скорбимъ, но слезы *наши святы*:
Мы молимся о Немъ. Онъ молится за насъ,
Да съ честью вынесть намъ годину испытаній,
Умѣть, какъ Онъ умѣлъ, терпѣть и уповать,
И да Господь побѣдъ, щедротъ и воздаяній
Хранитъ Его семью, народъ Его и рать.
На скорбь великую великимъ упованьемъ
Онъ воспиталъ для насъ Преемника-Царя:
На русскій небосклонъ взошла обѣтованьемъ
Изъ сѣней смертной тьмы дня новаго заря.

Тебя, о юный Царь, Россія восприяла
Изъ охладѣвшихъ рукъ Владыки и Отца.
Его любовь Твоей любви насъ завѣщала —
И въ насъ на сей завѣтъ откликнулись сердца.
И Твой народъ, какъ Ты, осиротѣвъ, рыдаетъ:
Ты памятью Отца его усынови!
Души безсмертной плодъ, любовь не умираетъ:
И плачъ нашъ объ Отцѣ будь Сыну пѣснь любви!

Нашъ славный Кремль (5) Тебѣ былъ славной колыбелью,
А воспріемницей вся Русская земля:
Въ народномъ торжествѣ надъ свѣтлою купелью
Святыня древняго и новаго Кремля,
И Царскихъ тѣней ликъ съ Петромъ, съ Екатериной,

(5) Въ Кремлевскомъ Маломъ дворцѣ родился Императоръ Александръ II.

И славою отцевъ нетлѣнные вѣка
Съ побѣдоносной ихъ и доблестной дружиной,
И Онъ, еще живый, Котораго рука
Высоко вознесла честь русскаго народа,
Дала Европѣ миръ въ возмездье за войну,
Благословенный Царь двѣнадцатаго года,
Въ одну молитву всѣ слiявшись въ мысль одну,
Пророчески Тебѣ на царство указали,
Благословивъ Тебя наслѣдникомъ своимъ —
И Кремль и вся Москва, гордясь, вострепетали,
Помолодѣвъ съ Тобой, младенцемъ ихъ роднымъ.
Пророчество сбылось: и Отрокъ Провидѣнья,
Кремлевскiй Отрокъ-Царь, всея (⁶) Россiи Царь!
И тамъ, гдѣ встрѣченъ былъ Онъ таинствомъ крещенья,
И царственный елей Ему прольетъ олтарь (⁷).

Кто въ знаменьи святомъ не узритъ отпечатка
Руки, ведущей ходъ свѣтилъ и смертныхъ дѣлъ?
Кто не признаетъ здѣсь грядущихъ благъ задатка,
Который намъ со стѣнъ кремлевскихъ просвѣтлѣлъ?

Вѣрь и надѣйся, Царь! Твой подвигъ многотруденъ,
Но доблестной душѣ нѣтъ жатвы безъ трудовъ.
Народъ Твой весь съ Тобой, могущъ онъ, многолюденъ,
И каждый за Тебя въ немъ умереть готовъ.
Дни опытовъ и грозъ грядущей жизнью полны,
Достигнемъ цѣли мы упорствомъ и борьбой.
Нѣтъ, не затопятъ насъ племенъ враждебныхъ волны,
Нѣтъ, свято устоитъ Россiя предъ враждой.
Иль духъ нашъ оскудѣлъ? иль руки безоружны?
Иль чести гласъ и долгъ въ насъ могутъ онѣмѣть?
Миръ и война равно въ народной жизни нужны:
Въ пылу огня дано желѣзу отвердѣть.

Ты вырвешь ли намъ миръ изъ рукъ вражды усталой,
Напрасно противъ насъ зазубрившей свой мечъ,
И въ буряхъ съ давнихъ лѣтъ Россiи возмужалой
Дашь въ славной тишинѣ почить отъ славныхъ сѣчъ,
И силою любви и мысли благодушной
Упрочишь Ты странѣ плоды державныхъ рукъ:
Благихъ законовъ власть, законамъ судъ послушный,
Промышленности жизнь и свѣтлый духъ наукъ?
Иль въ злобѣ закоснитъ (⁸) врагъ дерзкiй и лукавый?
Тебѣ весь пламень душъ! Тебѣ вся наша кровь!

(⁶) Славянскiй родительный падежъ женскаго рода въ мѣстоименiяхъ прилагательныхъ. (⁷) Въ Москвѣ воспрiялъ Императоръ Александръ Николаевичъ *святое* крещенiе въ Чудовомъ монастырѣ, *въ Москвѣ же и коронованъ.*

(⁸) Церкв. слав. вм. закоснѣетъ.

На мирные труды, на подвигъ ратной славы,
Сподвижникъ Твой и стражъ народная любовь.

Князь П. Вяземскій.

---

7. Всемогущество.

Ты можешь вдругъ меня сравнить съ презрѣннымъ прахомъ —
И вдругъ опять изъ праха воскресить!
Смутить мой духъ, наполнить душу страхомъ —
И вновь ее развеселить!
Ты ложе скорбное умѣлъ убрать цвѣтами!
Ты пролилъ ароматъ изъ золотыхъ кадилъ,
И томную главу страдальца освѣтилъ
Во снѣ прекрасными мечтами,
И свѣялъ слезы съ глазъ дыханіемъ любви!
Мнѣ снилось разъ, я былъ надъ грозною рѣкою —
Упалъ . . . и, вопія, хваталъ Тебя рукою,
И ты извлекъ меня и мнѣ сказалъ:
»живи.«

Ѳ. Глинка.

---

8. Плачъ плѣненныхъ Іудеевъ (Псал. 136).

Когда, влекомы въ плѣнъ, мы стали
Отъ стѣнъ Сіонскихъ далеки,
Мы слезъ ручьи не разъ мѣшали
Съ волнами чуждыя (¹) рѣки.

(¹) Имена прилагательныя женскаго рода принимаютъ въ церкв. слав. языкѣ окончанія ыя и ія, и эти формы въ стихотвореніяхъ *встрѣчаются довольно* часто.

Въ печали, молча, мы грустили
Все по тебѣ, святый (²) Сіонъ!
Надежды рѣдко намъ свѣтили,
И тѣ надежды были сонъ!

Замолкли вѣщіе органы,
Затихъ веселый нашъ тимпанъ;
Напрасно намъ гласятъ тираны:
»Воспойте пѣснь Сіонскихъ странъ!«

Сіона пѣсни — гласъ свободы!
Тѣ пѣсни слава намъ дала!
Въ нихъ тайны мы поемъ природы
И Бога дивнаго дѣла!

Нѣмѣй органъ нашъ голосистый,
Какъ занѣмѣлъ нашъ въ рабствѣ духъ!
Не опозоримъ пѣсни чистой:
Не ей ласкать злодѣевъ слухъ!

Увы! неволи дни суровы
Органамъ жизни не даютъ:
Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсней не поютъ!

Ѳ. Глинка.

(²) Обыкновенно говорятъ и пишутъ: святой, но въ старинномъ языкѣ всѣ прилагательныя безъ исключенія оканчивались и произносились на ый. Въ языкѣ торжественномъ, когда говориться о предметахъ священныхъ и высоко уважаемыхъ, эти, равно какъ и другія старинныя формы, предпочитаются формамъ обыденной рѣчи.

---

9. Москва.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы.

И, свои раздвинувъ рамки,
Понаставилъ въ нихъ картинъ,

И въ объемъ свой вдвинулъ замки
Ты, нашъ городъ-исполинъ!

Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ;
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!

И могучею рукою
Ты, какъ хартія, развитъ;
И надъ мелкою рѣкою
Ты великъ и знаменитъ!

На твоихъ церквахъ старинныхъ
Выростаютъ дерева!
Глазъ не хватитъ улицъ длинныхъ —
Это — матушка-Москва!

Кто царь-колоколъ подниметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ (1)?..

Ты, какъ мученикъ, горѣла (2),
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!

И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!...

Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ!
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

Ѳ. Глинка.

(1) При проходѣ сквозь Спасскія ворота, ведущія съ Красной Площади въ Кремль къ Вознесенскому монастырю, соблюдается старинный обычай, снимать шапку; неизвѣстно, съ которыхъ поръ онъ вошелъ въ употребленіе, со времени ли чумы въ 1771 г., или послѣ *сверженія* ига Монгольскаго. (2) Въ *1812 году.*

10. Геллеспонтъ.

Надъ Геллеспонтомъ вѣтръ шумитъ;
Онъ, волны черныя вздымая,
Ихъ въ море бурное клубитъ;
И, разстилаясь, тѣнь ночная
На полѣ томъ уже легла,
Гдѣ такъ напрасно кровь текла.
Скрываютъ мрачные туманы
Ту степь, гдѣ царствовалъ Пріамъ (1);
На ней замѣтны, здѣсь и тамъ,
Одни могильные курганы.
Ни ужасъ битвъ, ни блескъ вѣнца,
Ничто-бъ отъ мрака не спаслося
Безъ пѣсенъ нищаго слѣпца (2)
Съ холмовъ кремнистаго Хіоса.
И я былъ тамъ! и видѣлъ я
Тотъ брегъ, мечты священной полный;
И я былъ тамъ!... тамъ и меня
Кипучія носили волны.
Пѣвецъ! когда-жъ удастся мнѣ,
Въ твоей минувшаго странѣ,
Томиму (3) думою высокой,
Бродить опять по тѣмъ полямъ,
Гдѣ дивное понятно намъ,
Гдѣ каждый холмикъ одинокій
Останки славные хранитъ,
И гдѣ, какъ прежде, все шумитъ,
Шумитъ твой Геллеспонтъ широкій.
И бѣденъ, бѣденъ тотъ душой,
Кто предъ завѣтной ихъ красою,
Пѣвецъ, разсказъ чудесный твой
Считаетъ выдумкой одною!

Одѣлись волны черной мглой,
И съ мракомъ ужасъ ночь наводитъ;
А надъ туманною горой
Желанный мѣсяцъ не восходитъ.
О Ида (4)! онъ съ твоихъ высотъ,

(1) Пріамъ, сынъ Лакедемона, Царя Трояискаго, отецъ Гектора, былъ очевидцемъ разрушенія Трои и палъ отъ руки Пирра, сына Ахиллова. (2) Гомера. (3) Дат. пад. усѣченнаго окончанія. (4) Ида, гора близъ Трои.

Бывало, свѣтъ дрожащій льетъ
На поле битвъ; но смолкло поле —
И нѣтъ на немъ тѣхъ ратныхъ болѣ,
Которымъ часто въ тмѣ ночей
Былъ въ гибель блескъ его лучей.
Лишь пастухи, въ ихъ мирной долѣ,
Когда онъ свѣтитъ веселѣй,
Пасутъ стада вокругъ могилы
Того, кто, славный и младой (5),
Сраженъ Дарданскою стрѣлой (6).
Здѣсь возвышался холмъ унылый,
Здѣсь сынъ Аммона (7) горделивый,
Свершая тризну, пировалъ.
Сей холмъ народы воздвигали,
Цари могучіе вѣнчали;
Но самъ курганъ надменный палъ,
И въ безъименной здѣсь пустынѣ
Почти отъ взоровъ скрылся нынѣ.
О ты, жилецъ его былой!
Какъ тѣсенъ домъ подземный твой!
Пришлецъ одинъ на немъ мечтаетъ
О томъ, кого и въ гробѣ нѣтъ,
И свой задумчивый привѣтъ
Пустыннымъ вѣтрамъ повѣряетъ.
Нашъ прахъ какъ бы живетъ въ гробахъ;
Но твой исчезъ и самый прахъ.

Козловъ.

(5) Ахиллъ, погибшій въ Троянской войнѣ вмѣстѣ съ Аяксомъ, Амфилохомъ и Патрокломъ. (6) Троянскій; Дарданъ былъ царь Троянскій. (7) Прозвище Юпитера въ Египтѣ, гдѣ онъ былъ боготворимъ въ видѣ овна, имѣлъ храмъ и оракулъ; сыномъ Аммона назывался Александръ Македонскій.

11. Бородинская годовщина *).

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: »Шли-же племена,
»Бѣдой Россіи угрожая;
»Не вся ль Европа тутъ была?
»А чья звѣзда ее вела!...
»Но стали-жъ мы пятою твердой,
»И грудью приняли напоръ
»Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,
»И равенъ былъ неравный споръ.

»И чтожъ? свой бѣдственный набѣгъ,
»Кичась, они забыли нынѣ;
»Забыли русскій штыкъ и снѣгъ,
»Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
»Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь —
»Хмѣльна для нихъ Славяновъ кровь:
»Но тяжко будетъ имъ похмѣлье;
»Но дологъ будетъ сонъ гостей
»На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
»Подъ злакомъ сѣверныхъ полей!

»Ступайте-жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ.
»Но знайте, прошеные гости!
»Ужъ Польша васъ не поведетъ:
»Черезъ ея шагнете кости!..«
Сбылось — и, въ день Бородина,
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ (1) кровавый —
И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньѣ падшій невредимъ,
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды (2)

*) Стихотвореніе это написано въ воспоминаніе Бородинской битвы, въ день годовщины, въ который была взята Варшава въ 1831 году, и имѣетъ предметомъ не столько изображеніе *событій 1812 года*, сколько *характеръ происшествій* въ 1831.

(1) знамя. (2) богиня справедливаго мщенія, каравшая преимущественно людей надменныхъ.

Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Но вы, мутители палатъ,
Легкоязычные витіи,
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи (3)!
Что взяли вы? ... Еще ли Россъ —
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще ли сѣверная слава
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана (4)?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ Русскихъ городовъ,
Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили ль Русскаго Владыку?
Скажите, кто главой поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали —
Смотрите-жъ: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали —
И Польши участь рѣшена ...

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!
Греми, восторговъ общій гласъ!
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,

(3) *Журналисты и газетные крикуны особенно въ Франціи.* (4) *Малороссія.*

Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы:
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть тріумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младаго внука своего (5).

А. Пушкинъ.

(5) Нынѣшняго Прибалтійскаго генералъ-губернатора. Ему было поручено привезти Императору первое извѣстіе о взятіи Варшавы.

12. Пророкъ (1).

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои

(1) Исаія, см. Прор. Ис. гл. 6.

Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
»Возстань пророкъ, и виждь (²), и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.«

А. Пушкинъ.

(²) Славянская форма повелительнаго наклоненія.

13. Море.

Я видѣлъ море — я измѣрилъ
Очами жадными его:
Я силы духа моего
Передъ лицемъ его повѣрилъ.
О море, море, — я мечталъ,
Въ раздумьи грустномъ и глубокомъ:
Кто первый мыслилъ и стоялъ
На берегу твоемъ высокомъ?
Кто, неразгаданный въ вѣкахъ,
Замѣтилъ первый блескъ лазури,
Войну громовъ и ярость бури
Въ твоихъ младенческихъ волнахъ?
Куда исчезли другъ за другомъ
Твоихъ владѣльцевъ племена,
О коихъ вѣсть намъ предана
Однимъ злопамятнымъ досугомъ?...
Всегда ли, море, ты почило
Въ скалахъ, висящихъ надо мной?
Или невѣдомая сила,
Враждуя съ мирной тишиной,
Не разъ твой образъ измѣнила?
Что ты? откуда? изъ чего?
На долго ль влажная порфира
Твоей безстрашной красоты —
Осуждена блистать для міра
Изъ нѣдръ бездонной пустоты?...
Вотъ тайный плодъ воображенья
Души, волнуемой тоской,
За мигъ невольный восхищенья
Передъ пучиною морской!...
Я вопрошалъ ее.... Но море,
Подъ знойнымъ солнечнымъ лучемъ,
Сребрясь въ узорчатомъ уборѣ,
Межъ тѣмъ лелѣялось кругомъ
Въ своемъ покоѣ роковомъ.
Черезъ разсыпанныя волны
Катились груды новыхъ волнъ,
И между нихъ отваги полный
Нырялъ предъ бурей утлый челнъ.
Счастливецъ, знаешь ли ты цѣну
Смѣшнаго счастья твоего?
Смотри на челнъ — ужъ нѣтъ его:
Въ отвагѣ онъ нашелъ измѣну!..
Въ другое время на брегахъ
Балтійскихъ водъ, въ моей отчизнѣ,
Красуясь цвѣтомъ юной жизни,
Стоялъ я нѣкогда въ мечтахъ;
Но тѣ мечты мнѣ сладки были:
Онѣ привѣтно сквозь туманъ,
Какъ за волной волну, манили
Меня въ житейскій океанъ.
И я поплылъ... О море, море!

А. Пушкинъ.

14. Пиръ Петра Перваго.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ:
Въ царскомъ домѣ пиръ веселой;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ Царь великій
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отъ чего пальба и клики
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русской штыкъ, иль Русской флагъ?

Побѣжденъ ли Шведъ суровой?
Мира ль проситъ грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у Шведа
Прибылъ Брантовъ (1) утлый ботъ,
И пошелъ на встрѣчу дѣда
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ Государь,
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла Русскій Царь?
Родила ль Екатерина?
Иманинница ль Она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нѣтъ: Онъ съ подданнымъ (2) мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цалуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Отъ того-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Отъ того-то въ часъ веселой
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

А. Пушкинъ.

(1) Яковъ Брантъ былъ голландскій корабельный мастеръ, строившій суда при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ на Дедюхинской пристани, на Окѣ. (2) Съ провинившимся вельможею, кажется, Меньшиковымъ.

15. Наводненіе *).

Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ.....
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури...
И спорить стало ей не въ-мочь...(1)
Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь —
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло.... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ (2) хлынули каналы —
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ (3),
По поясъ въ воду погруженъ.

Осада! приступъ! злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища

*) Въ этомъ стихотвореніи изображено наводненіе въ Петербургѣ, бывшее 7-го Ноября 1824 года.

(1) Мочь, сила, есть одно изъ тѣхъ именъ существительныхъ, которыя употребляются лишь въ нѣсколькихъ падежныхъ формахъ: нѣтъ мочи, изъ мочи вонъ. (2) Каналы окаймлены въ Петербургѣ чугунными перилами. (3) Тритонъ, морской богъ, сынъ Нептуна.

Плывутъ по улицамъ! Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! Все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять (4)?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный Царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ Онъ
И молвилъ: »съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать.« Онъ сѣлъ
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ:
Стояли стогны (5) озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ — изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонущій народъ.

А. Пушкинъ.

(4) Вмѣсто: гдѣ что будетъ взять? (5) Церкв. слав. площади.

16. Наполеонъ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила....
Подъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державный
Ты на земныя племена.

. . . .

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой;
Европа гибла: сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

. . . .

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца Русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара (1)
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно Русскихъ разгадалъ...

Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права!

. . . .

Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни, краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война, по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами.
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣжатъ Европы ополченья;

(1) Московскаго.

Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Во слѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья (²)
Полночный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ, иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ (³)
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

А. Путкинъ.

(²) Островъ св. Елены. (³) Герцогъ Рейхштадтскій; Рейхштадтъ, въ Богеміи, близъ Бунцлау, былъ мѣстопребываніемъ сына Наполеона и супруги его Маріи Луизы.

17. Поэту.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явенъ даръ:
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышащее слово —
Иди ты въ міръ, — да слышитъ онъ пророка;
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ!
Не лобызай сахáрныхъ устъ порока,
И не проси и не бери наградъ.
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ?
Невиненъ будь какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ мýки,
И царь Саулъ заслушается ихъ;
И жизнію торжественно-высокой
Ты процвѣтешь — и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!
Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ,
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
Онъ на тебя немилосердо взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ — и жрецъ отпрянетъ
Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

Н. Языковъ.

18. Землетрясеніе *).

Всевышній граду Константина
Землетрясенье посылалъ,
И Геллеспонтская пучина,
И берегъ съ грудой скалъ и горъ
Дрожали, и царей палаты,
И храмъ, и циркъ, и гиподромъ (1),
И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты,
И все поморіе кругомъ.

По всей пространной Византіи,
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ
Обильно пѣлися литіи,
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Сенатъ, синклитъ (2), народа волны
И самъ благочестивый Царь.

Вотще. Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ:
И гулъ и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла,
И быстро отрока схватила,
И выше облакъ унесла.

И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: Святъ, Святъ,
Святъ!
И пѣсню ту принесъ онъ долу,
Священнымъ трепетомъ объятъ;
И церковь тѣ слова святыя
Въ свою молитву приняла,
И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.

*) Изображеніе чудеснаго событія, случившагося въ Константинополѣ при Императорѣ Θеодосіи II. (408—450) и сестрѣ его Пульхеріи. Архіепископомъ былъ тогда Проклъ, ученикъ Златоуста.

(1) Конское ристалище. (2) Греческое слово, равносильное русскому соборъ; здѣсь означаетъ *Дворъ царскій*.

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли,
Носись душей превыше праха
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

Н. Языковъ.

19. Финляндія.

Въ свои разсѣлины вы приняли
пѣвца,
Граниты Финскіе, граниты вѣковые,
Земли ледянаго вѣнца
Богатыри сторожевые.
Онъ съ лирой между васъ. Поклонъ
его, поклонъ
Громадамъ, міру современнымъ:
Подобно имъ да будетъ онъ
Во всѣ годины неизмѣннымъ!
Какъ все вокругъ меня плѣняетъ
чудно взоръ!
Тамъ необъятными водами
Слилося море съ небесами;
Тутъ съ каменной горы къ нему
дремучій боръ
Сошелъ тяжелыми стопами,
Сошелъ — и смотрится въ зерцалѣ
гладкихъ водъ!
Ужъ поздно, день погасъ; но ясенъ
неба сводъ,
На скалы Финскія безъ мрака ночь
нисходитъ
И только что себѣ въ уборъ
Алмазныхъ звѣздъ ненужный
хоръ
На небосклонъ она выводитъ!
Такъ вотъ отечество Одиновыхъ (1)
дѣтей,

(1) Праотецъ Норманновъ, обоготворенный герой.

Грозы народовъ отдаленныхъ!
Такъ это колыбель ихъ безпокойныхъ дней,
Разбоямъ громкимъ посвященныхъ!
Умолкъ призывный щитъ, не слышенъ скальда (²) гласъ,
Воспламененный дубъ угасъ (³),
Развѣялъ буйный вѣтръ торжественные клики;
Сыны не вѣдаютъ о подвигахъ отцовъ;
И въ дольнемъ прахѣ ихъ боговъ
Лежатъ низверженные лики!
И все вокругъ меня въ глубокой тишинѣ!
О вы, носившіе отъ брега къ брегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои (⁴)?
Вашъ слѣдъ исчезъ въ родной странѣ.
Вы ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи,
Плывете въ облакахъ туманною толпой?
Вы ль? дайте мнѣ отвѣтъ, услышьте голосъ мой,
Зовущій къ вамъ среди молчанья ночи.
Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ!
Какъ отдѣлились вы отъ каменной отчизны?
Зачѣмъ печальны вы? зачѣмъ я прочиталъ
На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?
И вы сокрылися въ обители тѣней!
И ваши имена не пощадило время!
Что-жъ наши подвиги, что слава нашихъ дней,
Что наше вѣтреное племя?
О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!
Для всѣхъ одинъ законъ, зоконъ уничтоженья,
Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго забвенья!
Но я, въ безвѣстности, для жизни жизнь любя,
Я беззаботливый душою
Вострепещу ль передъ судьбою?
Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя:
Не одному ль воображенью
Гроза ихъ что-то говоритъ?
Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
Какъ я принадлежу мгновенью!
Что нужды до былыхъ, иль будущихъ племенъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами;
Я, не внимаемый, довольно награжденъ
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

Баратынскій.

---

20. Послѣдняя смерть.

Есть бытіе; но именемъ какимъ
Его назвать? Ни сонъ оно, ни бдѣнье;
Межъ нихъ оно, и въ человѣкѣ имъ
Съ безуміемъ граничитъ разумѣнье.
Онъ въ полнотѣ понятья своего,
А между тѣмъ какъ волны на него
Одни другихъ мятежнѣй, своенравнѣй,
Видѣнія бѣгутъ со всѣхъ сторонъ:
Какъ будто бы своей отчизны давней
Стихійному смятенью отданъ онъ;
Но иногда, мечтой воспламененный,
Онъ видитъ свѣтъ другимъ неоткровенный.

(²) Норманскіе поэты. (³) Жгли деревья при жертвоприношеніяхъ въ священныхъ рощахъ. (⁴) Сѣверные.

Созданье ли болѣзненной мечты,
Иль дерзкаго ума соображенье,
Во глубинѣ полночной темноты
Представшее очамъ моимъ видѣнье?
Не вѣдаю; но предо мной тогда
Раскрылися грядущіе года;
Событія вставали, развивались,
Волнуяся подобно облакамъ,
И полными эпохами являлись
Отъ времени до времени очамъ,
И наконецъ я видѣлъ безъ покрова
Послѣднюю судьбу всего живаго.

Сначала міръ явилъ мнѣ дивный садъ:
Вездѣ искуствъ, обилія примѣты;
Близъ веси весь (1) и подлѣ града
градъ,
Вездѣ дворцы, театры, водометы,
Вездѣ народъ и хитрый свой законъ
Стихіи всѣ признать заставилъ онъ:
Ужъ онъ морей мятежныя пучины
На островахъ искуственныхъ се-
лилъ,
Ужъ разсѣкалъ небесныя равнины
По прихоти имъ вымышленныхъ
крилъ;
Все на землѣ движеніемъ дышало,
Все на землѣ какъ будто ликовало.

Исчезнули безплодные года,
Оратаи по волѣ призывали
Вѣтра, дожди, жары и холода;
И вѣрною сторицей (2) воздавали
Посѣвы имъ, и хищный звѣрь исчезъ
Во тьмѣ лѣсовъ и въ высотѣ небесъ
И въ безднѣ водъ сраженный чело-
вѣкомъ.
И царствовалъ повсюду свѣтлый
міръ.
Вотъ, мыслилъ я прельщенный див-
нымъ вѣкомъ,
Вотъ разума великолѣпный пиръ!

Врагамъ его и въ стыдъ и въ поу-
ченье,
Вотъ до чего достигло просвѣ-
щенье!

Прошли вѣка. Яснѣть очамъ моимъ
Видѣніе другое начинало:
Что человѣкъ? что вновь открыто
имъ?
Я гордо мнилъ, и что-же мнѣ пред-
стало?
Наставшую эпоху я съ трудомъ
Постигнуть могъ смутившимся у-
момъ.
Глаза мои людей не узнавали;
Привыкшіе къ обилью дольнихъ
благъ.
На все они спокойные взирали,
Что суеты рождало въ ихъ отцахъ,
Что мысли ихъ, что страсти ихъ
бывало
Влеченіемъ всесильнымъ увлекало.
. . . .

Прошли вѣка, и тутъ моимъ очамъ
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущаго судьбина,
Гдѣ люди? гдѣ? скрывалися въ
гробахъ!
Какъ древніе столпы на рубежахъ
Послѣднія семейства истлѣвали;
Въ развалинахъ стояли города,
По пажитямъ заглохнувшимъ блуж-
дали
Безъ пастырей безумныя стада
Съ людьми, для нихъ исчезло про-
питанье:
Мнѣ слышалось ихъ гладное бле-
янье.

И тишина глубокая во слѣдъ
Торжественно повсюду воцарилась,
И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
Державная природа облачилась.

(1) Церкв. слав. вмѣсто деревня. (2) Въ видѣ сущ. имени обыкновенно не употребляется.

Величественъ и грустенъ былъ позоръ ([3])
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
По прежнему животворя природу,
На небосклонъ свѣтило дня взошло;
Но на землѣ ничто его восходу
Произнести привѣта не могло:
Одинъ туманъ надъ ней синѣя вился
И жертвою чистительной дымился.

Баратынскій.

([3]) Это сущ. употреблено здѣсь не въ настоящемъ смыслѣ, но ему придано значеніе словъ: позорище, видъ.

21. Римъ.

Ты былъ ли, гордый Римъ, земли самовластитель,
Ты былъ ли, о свободный Римъ?
Къ нѣмымъ развалинамъ твоимъ
Подходитъ съ грустію ихъ чуждый навѣститель.
За что утратилъ ты величье прежнихъ дней?
За что, державный Римъ! тебя забыли боги?
Градъ пышный, гдѣ твои чертоги?
Гдѣ сильные твои, о родина мужей?
Тебѣ ли измѣнилъ побѣды мощный геній!
Ты ль на распутіи временъ
Стоишь въ позорище племенъ,
Какъ пышный саркофагъ погибшихъ поколѣній?
Кому еще грозишь съ твоихъ семи холмовъ?
Судьбы ли всѣхъ державъ ты грозный возвѣститель?
Или, какъ призракъ-обвинитель,
Печальный предстоишь очамъ твоихъ сыновъ?

Баратынскій.

22. Споръ.

Какъ-то разъ передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ.
»Берегись, сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ....
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ.«
— Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары ([1])
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ Грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна ([2])
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима ([3]),
Богомъ сожжена,
Безглагольна, неподвижна
Мертвая страна;

([1]) Platanus orientalis. ([2]) Азіатскій курительный приборъ для куренія табаку черезъ воду. ([3]) Ради размѣра стиха вмѣсто: Іерусалима.

Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя пустыни
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня! —
— »Не хвались еще заранѣ,
Молвилъ старый Шатъ:
Вотъ на Сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!« —
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущонъ;
И, смутясь, на Сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ;
Впереди несутъ знамены (4),
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,

(4) *Вмѣсто знамена.*

Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой (5).
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно-медленны какъ тучи,
Прямо на Востокъ.
И томимъ зловѣщей думой,
Полный чорныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмой,
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ
И навѣкъ затихъ.

Лермонтовъ.

(5) Ермоловъ, счастливо воевавшій съ Горцами.

---

23. Молитва.

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью, иль покаяніемъ,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго, —
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.

Окружи счастіемъ счаствя достойную;
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному міръ упованія.

Срокъ ли приблизится часу прощальному,
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,

Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.

Лермонтовъ.

24. Молитва.

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится и плачется,
И такъ легко, легко!....

Лермонтовъ.

25. Пророкъ *).

Съ тѣхъ поръ какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я ([1])
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій, —
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ Божьей пищи.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой.

»Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Слѣпецъ хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

»Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!«

Лермонтовъ.

*) Общая мысль этого стихотворенія опирается на слова Св. Евангелія, Луки гл. 4. ст. 24.

([1]) *Исаія, по изображенію* въ I. книгѣ *Царствъ гл. 8. 19.*

26. Монастырь.
(Изъ Демона.)

Въ прохладѣ межъ двумя холмами
Таился монастырь святой,
Чинаръ и тополей рядами
Онъ окруженъ былъ — и порой,
Когда ложилась ночь въ ущельи,
Сквозь нихъ мелькала въ окнахъ кельи
Лампада схимницы ([1]) младой.
Кругомъ въ тѣни деревъ миндальныхъ,
Гдѣ рядъ стоитъ кустовъ печальныхъ,
Безмолвныхъ сторожей гробницъ,
Спѣвались хоры легкихъ птицъ;
По камнямъ прыгали, шумѣли
Ключи студеною волной,
И подъ нависшею скалой,

([1]) Монахиня, принявшая схиму, т. е. наложившая на себя самыя строгія правила иноческой жизни.

Сливаясь дружески, въ ущельи
Катились дальше, межъ кустовъ,
Покрытыхъ инеемъ цвѣтовъ.

На сѣверъ видны были горы
При блескѣ утренней авроры,
Когда синѣющій дымокъ
Курится въ глубинѣ долины,
И, обращаясь на востокъ,
Зовутъ къ молитвѣ муэззины;
И звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая.
Въ торжественный и мирный часъ,
Когда Грузинка молодая
Съ кувшиномъ длиннымъ за водой
Съ горы спускается крутой.
Вершины цѣпи снѣговой
Свѣтло-лиловою стѣной
На чистомъ небѣ рисовались;
А въ часъ заката одѣвались
Онѣ румяной пеленой.
И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоялъ всѣхъ выше головой
Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.

Лермонтовъ.

---

27. Горныя выси.

Одѣты ризою тумановъ
И льдомъ заоблачной зимы,
Въ рядахъ, какъ войско великановъ,
Стоятъ державные холмы.
Привѣтъ мой вамъ, столпы созданья,
Нерукотворная краса,
Земли могучія возстанья,
Побѣги праха въ небеса!
Здѣсь—съ грустной цѣпи тяготѣнья
Земная масса сорвалась,
И, какъ въ порывѣ вдохновенья,
Съ кипящей думой отторженья
Въ отчизну молній унеслась; —
Рванулась выше... но открыла
Нѣмую вѣчность впереди:
Чело отъ ужаса застыло,
А пламя спряталось въ груди; —
И вотъ — на тучахъ отдыхая,
Виситъ громада вѣковая,
Чужая долу и звѣздамъ:
Она съ высотъ, гдѣ громъ рокочетъ,
Въ міръ дольній ринуться не хочетъ,
Не можетъ прянуть къ небесамъ.

О горы — первыя ступени
Къ широкой, вольной сторонѣ!
Съ челомъ открытымъ на колѣни
Предъ вами пасть отрадно мнѣ.
Какъ праха сынъ, клонюсь главою
Я къ вашимъ каменнымъ пятамъ
Съ какой-то робостью — а тамъ,
Какъ сынъ небесъ, пройду пятою
По вашимъ бурнымъ головамъ!

Бенедиктовъ.

---

28. Могила.

Я въ мірѣ боецъ; да, я биться хочу —
Смотрите: я бросилъ ужъ лиру;
Я мечъ захватилъ и открыто лечу
На встрѣчу нечистому міру.

И Богъ да поможетъ мнѣ зло поразить,
И въ битвѣ глубоко, глубоко,
Могучей рукою сталь правды вонзить
Въ шипучее сердце порока!

Не бойтесь, друзья: не падетъ вашъ пѣвецъ!
Пусть грозно враговъ ополченье!
Какъ левъ я дерусь; какъ разумный боецъ,
Упрочилъ себѣ отступленье.

Могила за мною, какъ геній, стоитъ
И въ сердце вливаетъ отвагу;

Когда же боренье меня истомитъ,
Туда — и подъ холмикомъ лягу.

И пламенный духъ изъ темницы своей
Торжественнымъ крыльевъ размахомъ
Къ Отцу возлетитъ, а ползучихъ гостей
Земля угоститъ моимъ прахомъ.

Но съ міромъ не конченъ кровавый расчетъ!
Нѣтъ — въ бурныя силы природы
Вражда моя въ новой красѣ перейдетъ
И въ воздухъ, и въ пламя, и въ воды.

На хладныхъ людей я вулканомъ дохну,
Кипящею лавой нахлыну;
Средь водной равнины волною плесну —
Злодѣя ладью опрокину!

Порою злымъ вихремъ прорвусь на просторъ,
И вихрей-собратій накличу,
И прахомъ засыплю я хищника взоръ,
Коварно слѣдящій добычу!

Чрезъ горы преградъ путь свободный найду —
Сквозь камень стѣны безпредѣльной
Къ сатрапу въ чертоги заразой войду
И язвою лягу смертельной!

Бенедиктовъ.

---

29. Ватерлоо.

Видали ль вы, какъ изъ валовъ тумана
Свѣтило дня, восторгъ очей,
Встаетъ надъ бездной океана
Въ кровавой ризѣ безъ лучей?
Не долго на небѣ хранится
Раздумья утренняго видъ:
Туманы упадутъ, востокъ озолотится,
И огненный гигантъ высоко возлетитъ!
Такъ дивный мужъ судебъ, недавно погруженный
Во мракъ безвластія на островѣ нѣмомъ,
Опять возникъ туманнымъ божествомъ (1)
Предъ взорами Европы утомленной.
Прошли тѣ дни, какъ взмахъ его руки,
Одно движеніе нахмуренною бровью
Могло стянуть и разметать полки,
Измять вѣнцы и міръ забрызгать кровью,
Когда такъ пышно и свѣтло
Звѣзда судьбы его сіяла,
И слава жадно цѣловала
Его высокое чело.
Теперь, когда еще не тронуло забвенье
Въ умахъ нарѣзанной черты,
Что и гиганту съ высоты
Возможно страшное паденье, —
Теперь, тревожное сомнѣнье
Украдкой шло по дну сердецъ;
Слабѣй блисталъ однажды сбитый
И свѣжимъ лавромъ неувитый
Изъ праха поднятый вѣнецъ,
Которымъ вновь по волѣ рока
Былъ до таинственнаго срока
Увѣнчанъ царственный бѣглецъ.
Туманъ минувшаго вздымался, —
И на виновника утратъ

---

(1) Наполеонъ, по оставленіи имъ острова Эльбы.

Духъ недовѣрчивыхъ Палатъ
Враждебнымъ словомъ ополчался.
Но мигъ — и дивный свѣтъ разсѣкъ
пучины мглы:
Орлиный взоръ вождя сверкнулъ
передъ полками,
И взоръ тотъ поняли орлы
И бурю двигнули крылами.
Свѣтило брани вновь паритъ
И мчатся вдоль громовъ раскаты:
Пускай витійствуютъ Палаты!
Ихъ шумъ побѣда заглушитъ.
Пусть спорятъ о судьбѣ! Ея вла-
ститель — Геній;
Вковалась въ мысль его она,
И эта мысль заряжена
Огнемъ гремучихъ вдохновеній,
И движетъ массами полковъ:
И опоясанная славой,
Отражена въ игрѣ кровавой
Живыми иглами штыковъ.
Какъ море, арміи разлиты;
Шумятъ шаги, звучатъ копыты (²);
Враги сошлись, — и вспыхнулъ
бой —
Предтеча битвы роковой.
День гаснулъ, бой горѣлъ и длился,
И вотъ затихъ, и надъ землей
Въ багряной ризѣ прокатился
По небу вечеръ золотой.
Уже томился воинъ каждой
Желаньемъ отдыха, а онъ —
Онъ весь сгаралъ ужасной жа-
ждой,
Ему былъ чуждъ отрадный сонъ.
Какъ онъ желалъ по небу ночи
Провесть огонь, разлить пожаръ,
Обрызнуть молніями очи
И кончить вѣрный свой ударъ!
Но видъ героевъ, ихъ усталость...
Впервые тронутъ и унылъ,
Дотоль невѣдомую жалость
Онъ въ бурномъ сердцѣ ощутилъ,
И предъ толпою утомленной
Себя дозволилъ превозмочь,
Взглянулъ на ратниковъ съ лю-
бовью,
И отдалъ имъ, на отдыхъ, съ
кровью
Изъ сердца вырванную ночь.
И тучъ пелена небосклонъ оковала;
Взоръ въ небо послалъ онъ: подъ
тяжкою мглой
Послѣдняя въ небѣ звѣзда помер-
кала, —
То было затмѣнье звѣзды роковой!
И долу безсонныя очи склоняя,
Съ спокойствіемъ дикимъ на блѣд-
номъ челѣ,
Стоялъ онъ, съ улыбкою взоры вперяя
На ратниковъ, спящихъ на хладной
землѣ.
Покойтесь, онъ думалъ, молчитъ
непогода:
Мной сладкая ночь вамъ, о други,
дана!
Подслушала тайную думу природа
И свиснула по полю вихремъ она.
Бурный вѣтеръ тучи двинулъ;
Зашатался ночи мракъ;
Тучи лопнули, и хлынулъ
Ливень крупный на бивакъ, —
И ручьи студеной влаги
На почіющихъ текли,
И, дрожа, сыны отваги
Поднималися съ земли,
И безропотно рукою
Отирали прахъ съ очей,
И осматривали къ бою
Грани ружей и мечей;
И въ порывахъ нетерпѣнья
Ждали вызова къ ружью,
Чтобъ согрѣть въ пылу сраженья
Грудь иззябшую свою.
Чуть день встрепенулся — герои
стояли,
И пламя струилось по свѣтлымъ
очамъ,

(²) *Для рифмы вмѣсто копыта.*

И воздухъ веселые клики взрывали,
И самъ, стопобѣдный, леталъ по строямъ.
Но взоръ къ востоку: тамъ денница
Горитъ не пышно, не свѣтло;
Не всходитъ солнце Аустерлица
Надъ грознымъ полемъ Ватерло!
Чу! эхо вызвано ударомъ;
Взыгралъ неотвратимый бой;
Окрестность вспыхнула пожаромъ; —
И онъ, державный исполинъ,
Уже блеснулъ побѣдными лучами;
Онъ массы войскъ съ дымящихся вершинъ
Окидывалъ орлиными очами,
И грозно въ даль направленный имъ взоръ,
Казалося, могуществомъ волшебнымъ
Усиливалъ полковъ его напоръ,
И гибель силамъ несъ враждебнымъ; —
И между тѣмъ, какъ вновь, въ бореньи огневомъ,
Махало счастіе сомнительнымъ вѣнкомъ,
И на державнаго бросало взглядъ разлуки,
Онъ на груди своей крестомъ
Укладывая царственныя руки,
Еще взиралъ довѣрчиво кругомъ
На мощные ряды оградъ самодержавья —
На старыхъ воиновъ, готовыхъ подъ конецъ
Изъ самыхъ челюстей безславья
Исхитить, спасть его вѣнецъ.
Бой длится; утрата наводитъ утрату;
Смятеніе рыщетъ въ усталыхъ рядахъ;
Багровое солнце склонилось къ закату
И тонетъ въ вечернихъ густыхъ облакахъ.
Грозно гласъ вождя разлился,
Очи вспыхнули его,
И, какъ лѣсъ, зашевелился
Сонмъ отважныхъ вкругъ него;
И за нимъ, какъ за судьбою,
Жаромъ гибельнымъ полна,
Быстро двинулася къ бою
Страшной гвардіи стѣна;
То сверкнетъ, то въ дымѣ тонетъ...
Тяжкій гулъ идетъ въ дали;
Отъ пальбы дрожитъ и стонетъ,
Ходитъ моремъ грудь земли.
Сердце радостно взыграло.
Этотъ гулъ... друзья, впередъ!
Это Маршалъ запоздалой
Силы свѣжія ведетъ!
Рать туда живымъ каскадомъ,
Но шатнулася она,
Крупнымъ встрѣченная градомъ
И свинца, и чугуна, —
И послѣдній строй героевъ,
Помня славу прошлыхъ лѣтъ,
Легъ на лаврахъ прежнихъ боевъ,
На трофеяхъ ста побѣдъ.
Гдѣ жъ онъ, гдѣ виновникъ губительной брани?
Чрезъ трупы убитыхъ, сквозь вопли и стонъ,
Сквозь сумракъ, сквозь ядра и громъ восклицаній
На бодромъ конѣ выбивается онъ.
Съ позорища рока безмолвный, угрюмый,
Онъ ѣхалъ, зарытый въ полночную мглу.
Судьба измѣнила: однѣ только думы
Державному вѣрны остались челу.

И вотъ, утомленный, предъ скипетромъ ночи
Поникъ онъ, какъ данникъ, на ложе челомъ,

И сномъ небывалымъ задернулись очи,
Глубокимъ, желѣзнымъ, спасительнымъ сномъ.
Душа его долго со снами боролась,
И онъ отражалъ ихъ, какъ волны утесъ;
Теперь покорился: невѣдомый голосъ
Святое »свершилось« надъ нимъ произнесъ.
Огнями небо разрывая,
Летѣла туча громовая;
Умолкла... вѣтръ ее несетъ —
И тихо въ бездну океана
Печальной глыбою тумана
Огне-гремучая падетъ.
Губящъ, блистателенъ, огроменъ,
Прошелъ дозволенный ей пиръ,
И въ мигъ паденья грознотеменъ
Прощальный взглядъ ея на міръ.
Еще она не догремѣла,
Еще палящихъ силъ зерно
Въ ея клубахъ заключено;
Но сила тщетная замлѣла,
И молній замкнутый колчанъ
Безъ грому спущенъ въ океанъ.

Онъ палъ, помазанникъ судьбины!
Тамъ, между скалъ, въ нѣмой дали,
Угасъ во мракѣ, средь пучины,
На скудномъ лоскутѣ земли.
Не могъ, неволею томимый,
Унять онъ бурныхъ думъ своихъ:
Не убаюкивали ихъ
Ни ночи миръ ненарушимый,
Ни томный шумъ волны, дробимой
О край утесовъ вѣковыхъ;
Не могъ смирить державной страсти
Онъ искусительныхъ тревогъ,
На дребезгахъ разбитой власти
Онъ успокоиться не могъ: —
И въ мигъ, когда къ могильной грани
Жизнь исполина перешла,
Въ послѣдній мигъ земныхъ страданій
Его душа съ мечтой о брани
Въ обитель мира потекла.

Величья дольняго граница
Надъ прахомъ генія возвигнулась гробница,
И тѣ пустынныя мѣста осѣнены
Наитіемъ священной тишины,
И, кажется, ровнѣй тамъ вѣтеръ дышитъ,
И осторожнѣй гнетъ покорную лозу,
И трепетнымъ листкомъ таинственнѣй колышетъ,
Боясь пробудить почившую грозу;
И, кажется, кругомъ на царственномъ просторѣ
Самодовольнѣй плещетъ море,
Какъ бы гордясь, что удержать могло
Гиганта-плѣнника своимъ кристалломъ синимъ,
И грознаго земнымъ твердынямъ
Въ оковахъ влаги сберегло; —
И облекаетъ мракъ угрюмый
Гробницу острова; лукаво шепчетъ лѣсъ,
И облака стекаются, какъ думы,
На сумрачномъ челѣ небесъ.

В. Бенедиктовъ.

---

30. Человѣкъ.

Много жизненныхъ вопросовъ
Тѣмъ рѣшивъ, что все пустякъ (1),
Жилъ когда-то Грекъ философъ —
Удивительный чудакъ.
Онъ ходилъ, какъ жалкій нищій,
Полу-нагъ и босикомъ,
И питался грубой пищей,
Сытъ былъ брошеннымъ кускомъ;
Въ бочкѣ жилъ (2); лучами солнца

(1) имя сущ., употребляемое обыкновенно во множ. числѣ. (2) Діогенъ.

Освѣщаемъ и согрѣтъ,
Онъ героя-Македонца,
Покорившаго весь свѣтъ,
И царя и полу-бога
Гордой просьбой изумилъ:
»Отодвинься, братъ, немного!
Ты мнѣ солнце заслонилъ.«

О, давно-минувши лѣта!
Незапамятнаго старь!
Днемъ, при полной силѣ свѣта,
Діогенъ зажегъ фонарь,
И въ толпѣ народа шумной
Онъ идетъ, кругомъ глядитъ:
Ищешь ты кого, безумный?
»Человѣка« — говоритъ.
Строгій циникъ видѣлъ Грека
И въ хитонѣ, и въ плащѣ,
Но не видѣлъ человѣка
И искалъ его вотще.
Если-бъ шелъ онъ въ вѣкъ изъ вѣка
Вплоть до нынѣшнихъ временъ —
И до-нынѣ человѣка
Все искалъ бы Діогенъ....
Ходъ вѣковъ мы видимъ ясно;
Намъ исторіи скрижаль
Открываетъ безпристрастно
Дней давно-протекшихъ даль.
Что-жъ тамъ? — Нѣсколько сокровищъ,
Много хламу жизни сей,
Много тамъ людей — чудовищъ,
Лже-людей, полу-людей;
Всюду брани, козни, ковы;
Видны: Римлянинъ суровый,
Грубый Скиѳъ и хитрый Грекъ;
Много смертныхъ полудикихъ,
Много малыхъ, горсть великихъ.....
Гдѣ-же просто — человѣкъ?

Былъ одинъ. Онъ шелъ безъ грома,
Полонъ истины огнемъ,
Можно было — »ecce homo!« —
Смѣло вымолвить о немъ.
Онъ на всѣхъ смотрѣлъ съ любовью,
Всѣхъ къ безсмертью, какъ на пиръ,
Призывалъ, и чистой кровью
Онъ своей опрыснулъ міръ.
Этотъ міръ былъ имъ испуганъ;
Онъ былъ схваченъ, былъ поруганъ,
Былъ оплеванъ, былъ казненъ
Отъ ватаги фарисейской
Смертью крестною, злодѣйской,
И въ вѣнцѣ терновомъ онъ
Оцетъ пилъ средь смертной жажды...
»Человѣкъ, однако, могъ
Намъ явиться хоть однажды?«.....
Нѣтъ, о люди, то былъ — Богъ!

В. Бенедиктовъ.

---

31. Благовѣщеніе.

Кто сей юный? — Въ ризѣ свѣта
Онъ небесно возблисталъ,
И сіяющій предсталъ
Кроткой Дѣвѣ Назарета: (¹)
Дышитъ радостью чело;
Вѣютъ благовѣстью рѣчи;
Кудри сыплются на плечи;
За плечомъ дрожитъ крыло.

Кто сія? — Покровъ лилейный
Осѣняетъ ясный ликъ,
Долу взоръ благоговѣйный
Подъ рѣсницами поникъ?
Скрещены на персяхъ (²) руки,
Въ персяхъ сдержанъ тихій вздохъ;
Робкій слухъ пріемлетъ звуки:
»Дѣва, сынъ твой будетъ Богъ!«
Этотъ юноша крылатый —
Искупленія глашатай,
Ангелъ, вѣстникъ торжества,
Вѣстникъ тайны воплощенья;
А предъ нимъ полна смущенья —
Дѣва-Матерь Божества!

Бенедиктовъ.

(¹) Архангелъ Гавріилъ. (²) на груди.

32. Кіевъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава (¹), Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель (²)!

Громко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ:
»Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?«

— »Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ — краса полей.«
— »Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!« —

— »Край мой — теплый брегъ Эвксина!«
— »Край мой — брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ.«

—»Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ;
Тамъ страна моя родная!«
— »Мнѣ отчизна старый Псковъ.«

— »Я отъ Ладоги холодной, —
»Я отъ синихъ волнъ Невы.«
— »Я отъ Камы многоводной.«
»Я отъ матушки — Москвы.«

Слава, Днѣпръ — сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ — чудный градъ!

Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.

Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ, Россія,
Солнца вѣчнаго Востокъ (³)!

Хомяковъ.

(¹) т. е. слава тебѣ. (²) Кіевъ былъ первоначальный разсадникъ Христіанской вѣры въ *Россіи.*

(³) заря христіанства.

33. „26-го Августа 1856.“

Народомъ полонъ Кремль великій;
Народомъ движется Москва;
И слышны радостные клики
И звонъ и громы торжества.

Нашъ Царь въ стѣнахъ издревле славныхъ,
Среди ликующихъ сердецъ
Пріялъ вѣнецъ Отцевъ державныхъ,
Царя-избранника вѣнецъ.

Ему Господь роднаго края
Вручилъ грядущую судьбу,
И Русь, его благословляя,
Вооружаетъ на борьбу:

Его елеемъ помазуетъ
Она живыхъ своихъ молитвъ,
Да силу Богъ ему даруетъ
Для жизненныхъ, для царскихъ битвъ.

И преклоненно у подножья
Молитвеннаго алтаря,
Мы вѣримъ: будетъ милость Божья
На православнаго Царя.

И дастъ Всевышній даръ познанья
И ясность мысленнымъ очамъ,

И въ сердце крѣпность упованья,
Несокрушимую бѣдамъ (1).

И вѣримъ мы, и вѣрить будемъ,
Что дастъ онъ даръ-вѣнецъ дарамъ,
Даръ братолюбья къ братьямъ-людямъ,
Любовь отца къ своимъ сынамъ.

И дастъ года онъ яркой славы,
Побѣду въ подвигахъ войны,
И средь прославленной державы
Года цвѣтущей тишины.

А ты, въ смиреніи глубокомъ
Вѣнца пріявшій тяготу,
О, охраняй неспящимъ окомъ
Души безсмертной красоту!

А. Хомяковъ.

(1) вмѣсто: несокрушимую въ бѣдахъ.

34. Звѣзды.

Въ часъ полночный, близъ потока
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.

Ночи вѣчныя лампады,
Невидимы въ блескѣ (1) дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго (2) огня.

Но впивайся въ нихъ очами —
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звѣздами,
Тьмами (3) звѣзды въ ночь ушли.

Вновь вглядись — и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:

(1) вмѣсто: при дневномъ блескѣ, свѣтѣ. (2) вмѣсто неугасимаго. (3) т. е. цѣлыми тысячами; тьма означала, какъ *имя числительное, десять тысячъ; отсюда выраженіе темникъ Мамай.*

Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.

Въ часъ полночнаго молчанья,
Отогнавъ обманы сновъ,
Ты вглядись душей въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ (4), —

И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.

Узришь, — звѣзды мысли водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли.
Вновь вглядись — другія всходятъ;
Вновь вглядись и тамъ вдали

Звѣзды мысли, тьмы за тьмами
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла. —

А. Хомяковъ.

(4) святыхъ апостоловъ.

35. По прочтеніи псалма.

Земля трепещетъ: по эѳиру
Катится громъ изъ края въ край....
То Божій гласъ: онъ судитъ міру (1).
»Израиль, Мой народъ, внимай!

Израиль, ты мнѣ строилъ храмы, —
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся ѳиміамы,
И день и ночь огни горятъ.

Къ чему мнѣ вашихъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды;
Я небо очертилъ рукой:

(1) Вмѣсто: судитъ міръ.

Хочу, — и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ,
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.

Къ чему мнѣ злато? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ.

Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины:
А ваши серебро и злато
Лишь всплескъ той пламенной волны.

Къ чему куренья? — Предо мною
Земля со всѣхъ своихъ концевъ
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.

Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я-ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?

Твой скуденъ даръ. — Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему:
Ты съ нимъ явись и, примиренный,
Я всѣ дары твои пріиму.

Мнѣ нужно сердце чище злата
И воля, крѣпкая въ трудѣ,
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна мнѣ правда на судѣ.

А. Хомяковъ.

---

36. Клермонтскій Соборъ.

Не свадьбу праздновать, не пиръ,
Не на воинственный турниръ
Блеснуть *оружьемъ и конями*,
Въ Клермонтъ нагорный притекли
Богатыри со всей земли (1).
Какъ лугъ, усѣянный цвѣтами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздымалась массами людей,
Какъ перекатными волнами.
Лучъ солнца ярко озарялъ
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпуръ, и металлъ.
Подъ златотканнымъ балдахиномъ
Средь духовенства властелиномъ
Въ тіарѣ Папа (2) возсѣдалъ;
У трона — герцоги, бароны
И красныхъ кардиналовъ рядъ,
Вокругъ ихъ — спрыхъ обороны —
Толпою рыцари стоятъ.
Въ узорныхъ латахъ Итальянцы,
Тяжелый Швабъ и рыжій Бритъ,
И Галлъ, отважный сибаритъ,
И въ шлемахъ съ перьями Испанцы.
Лишь отдаленъ отъ всѣхъ старикъ,
Дерзавшій свергнуть папства узы,
То обращенный еретикъ
Изъ фанатической Тулузы (3).
Здѣсь строй Норманновъ удалыхъ,
Какъ въ маскахъ, въ шлемахъ пудовыхъ,
Съ своей тяжелой аллебардой.
На крыши взгромоздясь, народъ
Всѣхъ поименно ихъ зоветъ:
Всё это львы, да леопарды,
Орлы, медвѣди, ястреба —
Какъ-будто грозныя прозванья
Сама сковала имъ судьба,
Чтобъ обезсмертить ихъ дѣянья!
Надъ ними, стаей лебедей,
Слетѣвшихъ на берегъ зеленый,
Изъ ложъ кругомъ сіяютъ жены
Въ шелку, въ зубчатыхъ кружевахъ,
Въ алмазахъ, въ млечныхъ жемчугахъ.

---

(1) соборъ созванъ былъ въ 1094 г. (2) Урбанъ II. (3) Альбигензы.

Лишь шопотъ слышится въ собраньи.
Необычайная молва
Давно чудесныя слова
И непонятныя сказанья
Носила въ мірѣ. Видѣнъ крестъ
Былъ въ небѣ. Несся стонъ съ востока.
Заря кроваваго потока
Имѣла видъ. Межъ блѣдныхъ звѣздъ,
Какъ человѣческое, было
Лице луны и слезы лило,
И вкругъ клубился дымъ и мгла (4)..
Чего-то страшнаго ждала
Толпа, внимать готовясь Богу —
И били грозную тревогу
Во всѣхъ церквахъ колокола.

Вдругъ звонъ затихъ — и на ступени
Престола Папы преклонилъ
Убогій пилигримъ колѣни;
Его съ любовью осѣнилъ
Святымъ крестомъ первосвященникъ,
И помоляся небесамъ,
Пустынникъ (5) говорилъ къ толпамъ:

»Смиренный нищій, бѣглый плѣнникъ
Предъ вами, сильные земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движетъ мной иная воля.
Не мнѣ внимайте, короли —
Самъ Богъ, державствующій нами,
Къ моей склонился нищетѣ
И повелѣлъ мнѣ стать предъ вами,
И вамъ въ сердечной простотѣ
Сказать про плѣнъ, про тѣ мученья,
Что испыталъ и видѣлъ я.
Вся плоть истерзана моя.
Спина хранитъ слѣды ремня,
И язвамъ нѣту (6) исцѣленья!
Взгляните: на рукахъ моихъ —
Оковъ кровавыя запястья (7).
Въ темницахъ душныхъ и сырыхъ,
Безъ утѣшенья, безъ участья
Провелъ я юности лѣта;
Копалъ я рвы, бряцая цѣпью,
Влачилъ я камни знойной степью
За то, что вѣровалъ въ Христа!
Вотъ эти руки .... Но въ молчаньѣ
Вы вытупляете глаза;
На грозныхъ лицахъ состраданья,
Я вижу, катится слеза:
О, люди, люди! язвы эти
Смутили васъ на краткій часъ!
О, впечатлительныя дѣти!
Какъ слезы дешевы у васъ!
Уже-ль, чтобъ тронуть васъ страдальцамъ
Къ вамъ надо нищими предстать?
Чтобъ васъ увѣрить, надо дать
Ощупать язвы вашимъ пальцамъ!
Тогда лишь бѣдствіямъ земнымъ,
Тогда неслыханнымъ страданьямъ,
Безчеловѣчнымъ истязаньямъ
Вы сердцемъ внемлете своимъ!....
А тѣхъ страдальцевъ милліоны,
Которыхъ вамъ не слышны стоны,
Къ которымъ мусульманинъ злой,
Какъ къ агнцамъ трепетнымъ, приходитъ
И безпрепятственно уводитъ
Изъ нихъ рабовъ себѣ толпой;
Въ глазахъ у брата душитъ брата
И неродившихся дѣтей
Во чревѣ рѣжетъ матерей,
И вырываетъ для разврата
Изъ ихъ объятій дочерей?....
Я видѣлъ: блѣдныхъ, безоружныхъ
Толпами гнали по степямъ;

(4) вѣрнѣе было бы: *клубились*. (5) Петръ *Аміенскій*.

(6) простонародная форма вмѣсто: *нѣтъ*.
(7) вмѣсто: кровавые слѣды оковъ на рукахъ. Запястьями называются также обшивки на краяхъ рукавовъ.

Отсталыхъ старцевъ, женъ недужныхъ
Бичомъ стегали по ногамъ;
И Турокъ рыскалъ по пустынѣ,
Какъ передъ стадомъ гуртовщикъ.
Но мигъ — мнѣ памятный донынѣ,
Благословенный жизни мигъ,
Когда, окованнымъ, средь дыма
Прозрачныхъ утреннихъ паровъ
Предстали намъ Ерусалима
Святые храмы безъ крестовъ!..
Замолкли стоны и тревога,
И, позабывши прахъ и тлѣнъ,
Возславословили мы Бога
Въ виду Сіонскихъ древнихъ стѣнъ,
Гдѣ ждали насъ позоръ и плѣнъ!
Породнены тоской, чужбиной,
Латинецъ съ Грекомъ обнялись,
Всѣ, какъ сыны семьи единой,
Страдать безропотно клялись.
И Грекъ намъ далъ примѣръ великій:
Іерея, пѣвшаго псаломъ,
Съ коня спрыгнувши, Турокъ дикій
Ударилъ взвизгнувшимъ бичомъ:
Тотъ пѣлъ и бровію не двинулъ.
Злодѣй страдальца опрокинулъ,
И вырвалъ бороду его....
Рванули съ воплемъ мы цѣпями,
А онъ Евангелья словами
Господне славилъ торжество!
Въ куски изрубленное тѣло
Злодѣи побросали въ насъ:
Мы сохранили ихъ всецѣло,
И, о душѣ его молясь,
Въ темницѣ, гдѣ страдали сами,
Могилу вырыли руками,
И на груди святой земли
Его останки погребли.
»И онъ не встанетъ, вѣдь, предъ вами
Вамъ язвы обнажить свои
И выпросить у васъ слезами
Слезу участья и любви!
Увы, не разверзаютъ гробы
Святыя жертвы адской злобы!
Нѣтъ, и живое не прійдетъ
Къ вамъ одновѣрцевъ вашихъ племя —
Христу молящійся народъ;
Одинъ креста несетъ онъ бремя,
Одинъ онъ тернъ Христовъ несетъ,
Какъ рабъ евангельскій, израненъ,
Въ степи лежитъ, больной, безъ силъ....
Иль ждете вы, чтобъ напоилъ
Его чужой Самаритянинъ,
А вы, съ кошницей яствъ, бойцы,
Пройдете мимо, какъ слѣпцы?
О, нѣтъ, для васъ еще священны
Любовь и правда на землѣ!
Я вижу ужасъ вдохновенный
На вашемъ доблестномъ челѣ!
Возстань, о воинство Христово,
На мусульманъ войной суровой!
Да съ громомъ рушится во прахъ
Созданье злобы и коварства —
Ихъ тяготѣющее царство
На христіанскихъ раменахъ! (8)
Разбейте съ чадъ (9) Христа оковы,
Дохнуть имъ дайте жизнью новой;
Они васъ ждутъ, чтобъ васъ обнять,
Край вашихъ ризъ облобызать?
Идите ангелами мщенья,
Изъ храма огненнымъ мечомъ
Изгнавъ невѣрныхъ поколѣнья,
Отдайте Богу Божій домъ!
Тамъ благодарственные псальмы (10)
Для васъ народы воспоютъ,
А падшимъ — мучениковъ пальмы
Вѣнцами ангелы сплетутъ!»...

Умолкъ. Въ отвѣтъ, какъ-будто громы

---

(8) рамо, црк.-слв., вмѣсто плечо. (9) чадо, црк.-слв., вмѣсто дитя. (10) псáльмы — поэт. вольность вмѣс псалмы́.

Перекатилися въ горахъ.
То кликъ одинъ во всѣхъ устахъ:
«Идемъ, оставимъ женъ и домы!»
И, въ умиленіи святомъ,
Вокругъ желѣзные бароны
Въ восторгѣ плакали какъ жены;
Врагъ лобызался со врагомъ
И руку жалъ герой герою,
Какъ левъ косматый, алча бою;
На общій подвигъ дамы съ рукъ
Снимали злато и жемчугъ;
Свой грошъ и нищіе бросали;
И радость всѣхъ была свѣтла:
Ее литавры возвѣщали
И въ небесахъ распространяли
Со всѣхъ церквей колокола.

Вотъ такъ латинскіе народы,
Во имя братства и любви,
Шли въ отдаленные походы,
Кипѣла доблесть въ ихъ крови.
Іудѣ чуждая и Крезамъ,
Лишь славолюбіемъ дыша,
Подъ этой сталью и желѣзомъ
Жила великая душа.
И ею созданные люди
На насъ колоссами глядятъ,
Которыхъ каменныя груди
Ни мечъ, ни громъ не сокрушатъ.
Тогда въ ряды священной рати
Не ополчались мы войной.
Тогда отставшая отъ братій,
Россія дѣтскою рукой
Училась пробовать въ набѣгахъ
Свой мечъ на лютыхъ Печенѣгахъ;
Тогда крещенія вода
Едва чело ей окропила
И къ жизни сердце пробудила;
Едва рубила (11) города
Ѳна по дебрямъ одичалымъ;
Чужда высокимъ идеаламъ,
И міру цѣлому чужда,
Ѳдной съ нимъ жизнью не дышала,

Ѳдной съ нимъ чаши не пила.
Теперь чреда ея пришла.
Ей двигать міръ пора настала;
И въ недоконченный походъ
За гробъ Христа она идетъ.

А. Майковъ.

---

37. Границы человѣчества.
(Изъ Гете.)

Древле-владычный,
Міродержавный Зевесъ!

Когда на грѣховную землю
Шлешь громы и молніи
Суда правосуднаго, —
Я въ ужасѣ вѣщемъ,
Съ покорностью дѣтской,
Цѣлую трикраты
Послѣднюю складку
Одежды твоей!

Безсмертные всесильны,
Ничтоженъ человѣкъ!

Коснешься-ль челомъ своимъ
Надзвѣздной высоты, —
Въ пространствѣ, безъ подножія,
Ты немощно повисъ:
Тобой играетъ буйный вѣтръ,
Ненастье и гроза.
Ногами-ли ты твердо сталъ
На твердой сей землѣ, —
Ты съ кедромъ не помѣришься:
Приземному кустарнику
Ты еле по плечу.

Безсмертные всесильны,
Ничтоженъ человѣкъ!

Къ ихъ вѣчному подножію,
Чредою неизмѣнною,

---

(11) т. е строила.

Несетъ свои сокровища
Житейская волна;
Тебя волна подниметъ разъ,
Поглотитъ — и съ собою въ даль
Навѣки унесетъ.

Жизнь наша ограничена,
Кольцо едва замѣтное!
Но связью неразрывною
Съ ней слиты поколѣнія
Безчисленныхъ существъ;
Но всѣ они, и каждое, —
Звено необходимое
Въ цѣпи во-вѣки сущаго
Живаго естества.

А. Струговщиковъ.

38. Кювье.

Таинственный, безмолвный и великій
Былъ край, куда онъ, смѣлый, нисходилъ:
На зовъ его являлись мертвыхъ лики (1),
И съ ними онъ, безстрашный, говорилъ.

Въ скупой землѣ онъ не искалъ стяжаній:
Онъ жизнь искалъ, гдѣ жизни слѣдъ погасъ (2),
И дивный міръ предъ силой обаяній (3)
Затрепеталъ, услыша вѣщій гласъ.

(1) ликъ въ собирательномъ значеніи то же, что хоръ. (2) Кювье занимался преимущественно зоологіею допотопнаго міра. (3) очарованій.

Раскрылися предвѣчныя скрижали:
Вотще потопъ горами ихъ облёкъ;
Предъ мыслію во прахъ граниты пали:
Минувшее разоблачилъ пророкъ.....

Онъ міръ прозрѣлъ, но чуждый намъ и дальній,
Гдѣ мамонтъ жилъ, драконъ и кракенъ злой;
Въ столѣтьяхъ бурь, гдѣ каменѣли пальмы,
И человѣкъ надъ всѣмъ парилъ главой.

Созданій всѣхъ предъ нимъ мелькнули тѣни,
Забытыя въ преданьяхъ на землѣ,
И онъ прошелъ подземныя ступени.
Не утомясь и съ думой на челѣ,

Былъ кротокъ путь его отъ колыбели;
Но въ этотъ путь какъ много онъ вмѣстилъ!
Вѣка предъ нимъ въ хаосѣ пролетѣли,
И мрачность ихъ онъ свѣтомъ озарилъ.

Какъ Прометей (4), обнявши всѣ сказанья,
Онъ древній міръ въ обломкахъ разгадалъ;
И чудныя, погибшія созданья
Изъ персти взялъ и къ жизни возсоздалъ.

(4) Сынъ Япетовъ, отецъ Девкаліона, произвелъ, по разсказамъ миѳологіи, людей изъ глины и оживилъ ихъ огнемъ, похищеннымъ съ неба, за что прикованъ былъ къ горамъ Кавказскимъ, и коршунъ клевалъ его пока онъ не былъ убитъ Геркуле

2. *Элегія.*

39. Тоска въ одиночествѣ.

Среди долины ровныя (1), на гладкой высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ въ могучей красотѣ.
Высокій дубъ развѣсистый одинъ у всѣхъ въ глазахъ;
Одинъ, одинъ, бѣдняжечка, какъ рекрутъ на часахъ.
Взойдетъ ли красно солнышко: — кого подъ тѣнь принять?
Ударитъ ли погодушка: — кто будетъ защищать?
Ни сосенки кудрявыя, ни ивки близъ него,
Ни кустики зеленые не вьются вкругъ него.
Ахъ скучно одинокому и дереву расти,
Ахъ, горько, горько молодцу безъ друга жизнь вести!
Есть много сребра, золота! — кого имъ подарить?
Есть много славы, почестей: — но съ кѣмъ ихъ раздѣлить? —
Встрѣчаюсь ли съ знакомыми: поклонъ, да былъ таковъ.
Встрѣчаюсь ли съ пригожими: поклонъ, да пара словъ. —
Одинъ я самъ пугаюся, другой бѣжитъ меня;
Всѣ вѣрны, всѣ пріятели до чернаго лишь дня!
Гдѣ съ сердцемъ отдохнуть могу, когда гроза взойдетъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ, на помощь не придетъ!
Ни роду нѣтъ, ни племени въ чужой мнѣ сторонѣ,
Не ластится любезная подруженька ко мнѣ!
Не плачется отъ радости старикъ, смотря на насъ!
Не вьются вкругъ малюточки, тихохонько рѣзвясь! —
Возьмите-же все золото, всѣ почести назадъ;
Мнѣ родину, мнѣ милую, мнѣ милой дайте взглядъ!

Мерзляковъ.

(1) *слав. родит.*-падежъ именъ прил. въ *женскомъ родѣ.*

---

40. Тѣнь друга.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона (1):
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ,
За караблемъ вилася гальціона (2),
И тихій гласъ ея пловцевъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ —
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ,
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ,
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,

(1) Англія. (2) Такъ называется супруга Цеикса въ Превращеніяхъ Овида. По смерти супруга она бросилась въ море и превратилась въ чайку, и имя ея, въ нарицательномъ значеніи, стало обозначать плеядъ, морскихъ нимфъ.

Но вѣтровъ шумъ и моря колебанье
На вѣжды томное забвенье навели.
Мечты смѣнялися мечтами —
И вдругъ..... то былъ ли сонъ?.... предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейскими струями (3).
Но видъ не страшенъ былъ: чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское, веселіемъ цвѣло,
И все небесное душѣ напоминало.
»Ты-ль это! милый другъ, товарищъ лучшихъ дней,
Ты-ль это?« я вскричалъ, »о воинъ вѣчно милой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ (4) огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ,
И тѣнь въ небесную отчизну провожалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ,
Или протекшее все было сонъ, мечтанье:
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
О, молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный слухъ ласкаетъ,
Пускай рука моя, о незабвенный другъ!
Твою съ любовію сжимаетъ.» —
И я летѣлъ къ нему...... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ огнистой полуночи,
Исчезъ — и сонъ покинулъ очи.
Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины,
Стихіи грозныя казалися безмолвны.
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла —
Тебя, о милый братъ! о лучшій изъ друзей!

Батюшковъ.

---

(3) подъ Лейпцигомъ. (4) богиня войны.

41. Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ,
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю — но ты, природа — мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ;
Тобою въ чувствахъ оживаю:

Ихъ выразить, душа не знаетъ
стройныхъ словъ,
И какъ молчать объ нихъ — не
знаю.

Батюшковъ.

---

42. Царскосельскій лебедь.

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣло-
крылый,
Какъ-же нелюдимо, ты, отшель-
никъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уеди-
ненныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней
современныхъ
Жизни, переживши, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одино-
кой;
Сумрачный пустынникъ, изъ уеди-
ненья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго еди-
ный
Брошенный обломокъ, въ новый
лебединый
Свѣтъ, на пиръ веселый, гость не-
приглашенный,
Ты вступишь дичишься въ кругъ
неблагосклонный
Рѣзвой молодежи. На водахъ ши-
рокихъ,
На виду царевыхъ теремовъ высо-
кихъ,
Предъ Чесменской (1) гордо бле-
щущей колонной
Лебеди младые голубое лоно
Озера тревожатъ плаваньемъ, пле-
сканьемъ,
Боемъ крылъ могучихъ, бѣлыхъ,
шей купаньемъ;
День они встрѣчаютъ, звонко окли-
каясь;
Въ зеркалѣ прозрачной влаги отра-
жаясь,
Длинной вереницей, бѣлымъ фло-
томъ стройно
Плаваютъ въ сіяньи солнца на спо-
койной
Озера лазури; ночью жъ межъ звѣ-
здами
Въ небѣ, повторенномъ тихими (2)
водами
Облакомъ перловымъ, водъ не зы-
бля, рѣютъ,
Иль двойною тѣнью, дремля, въ
нихъ бѣлѣютъ;
А когда гуляетъ мѣсяцъ межъ звѣ-
здами,
Влагу расшибая сильными крылами,
Въ блескѣ волнъ, зажженныхъ мѣ-
сячнымъ сіяньемъ,
Окруженны брызговъ огненнымъ
сверканьемъ,
Кажутся волшебныхъ призраковъ
явленьемъ,
Племя молодое, полное кипѣньемъ
Жизни своевольной. Ты жъ ста-
рикъ печальный,
Молодость ихъ образъ твой мону-
ментальный
Рѣзвую пугаетъ; онъ на нихъ на-
водитъ
Скуку, и въ пріютъ твой ни одинъ
не входитъ
Гость изъ молодежи, вѣтрено ле-
тящей
Вслѣдъ за быстрымъ мигомъ жизни
настоящей.
Но не сѣтуй, старецъ, пращуръ
лебединый,
Ты родился въ славный вѣкъ Ека-
терины,
Былъ ея ласкаемъ царскою рукою,

---

(1) памятникъ въ Царскосельскомъ саду, въ прудахъ котораго водится нѣсколько лебедей.

(2) вмѣсто: отраженномъ въ тихихъ водахъ.

Памятниковъ гордыхъ битвѣ подъ Чесмою,
Битвѣ при Кагулѣ воздвиженье зрѣлъ ты,
Съ вѣкомъ Александра тихо устарѣлъ ты
И, почти столѣтній, въ вѣкѣ Николая
Видишь, угасая, какъ вся Русь святая
Вкругъ царевой силы — вѣковой зеленый
Плющъ вкругъ силы дуба — вьется, подъ короной
Царской отъ окрестныхъ бурь ища защиты.
Дни текли за днями. Лебедь незабытый
Таетъ одиноко; а младое племя
Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время.
Разъ среди ихъ шума раздался чудесно
Голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной;
Лебеди услышавъ голосъ, присмирѣли,
И стремимы тайной силой, прилетѣли
На голосъ: предъ ними вновь помолодѣлой
Радостно вздымая перья груди бѣлой
Голову на шеѣ, гордо распрямленной,
Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый;
А когда допѣлъ онъ — на небо взглянувши,
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши —
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся ..... и его не стало
Въ высотѣ.... и навзничь съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ негорящій.

Жуковскій.

---

43. Отзывъ на это стихотвореніе.

Такъ, оно сбылося, старца предвѣщанье,
Грустное поэта намъ иносказанье,
Гдѣ свою предрекъ онъ и воспѣлъ кончину,
Лебедь нашъ мастистый, лебедь величавый,
Честь родпаго слова, Русской пѣсни слава!...
Близость тихой смерти свѣтлою душою
Чуялъ онъ безъ страха, и поникъ главою
Передъ Божьей волей!... Съ вѣрой и молитвой,
Съ миромъ и любовью изъ житейской битвы
Выходилъ онъ бодро, кончивъ всѣ расчеты
Съ бренностью земною, отложивъ заботы,
Позабывши славу, съ счастіемъ прощаясь.....
Только на порогѣ гроба озираясь,
Бросилъ онъ послѣдній взглядъ съ благословеньемъ
На своихъ малютокъ.... Только съ сожалѣньемъ

Къ сердцу онъ прижалъ... и ихъ
и мать младую... (1)
И потомъ припомнилъ Русь свою
родную,
Дальнюю отчизну.... и вздохнулъ
глубоко
О семьѣ своей онъ, сирый, оди-
нокій
На чужбинѣ бурной (2) .... онъ
хотѣлъ, нашъ милый
Дорогой поэтъ нашъ, на краю
могилы,
Крѣпче къ мощной груди родины
священной
Привязать малютокъ цѣпью незаб-
венной;
Онъ сложилъ имъ сказку про свою
судьбину,
Онъ пропѣлъ имъ пѣсню про свою
кончину;
Легкою приманкой чудныхъ при-
баутокъ
Звукамъ Русской рѣчи онъ училъ
малютокъ,
Чтобъ отца, отчизну дѣти полю-
били,
Чтобъ они въ чужбинѣ братьями
имъ были!
И съ послѣднимъ словомъ, и съ
послѣднимъ звукомъ
Жизнь его свершилась.... Но
предсмертнымъ мукамъ
Праведникъ улыбкой рая улы-
бался....
Духомъ ужъ давно онъ къ Небу
приближался!

(1) Послѣдніе часы Жуковскаго. (2) Онъ умеръ въ Баденъ-Баденѣ.

44. Къ радости.

О радость, радость, что-же ты
Намъ скоро измѣняешь,
И сердца милыя мечты
Такъ рано отнимаешь!

Зачѣмъ, небесная, летишь
Пернатою стрѣлою,
И въ مракѣ бѣдствія горишь
Далекою звѣздою!

Зачѣмъ-же прелестью своей
Ты льешь очарованье,
И оставляешь ..... свѣтлыхъ дней
Одно воспоминанье!

Минувшее съ твоей мечтой
Какъ въ душу ни тѣснится —
Его бывалой красотой
Душа не оживится.

Духъ пылкій ею увлеченъ,
Дни счастья вспоминая,
Тревожитъ сердца тяжкій сонъ,
Тоски не услаждая.

Такъ мѣсяцъ свѣтитъ надъ рѣкой,
Въ струяхъ ея играетъ,
И блескъ сребристо-золотой
Надъ ними разсыпаетъ:

Рѣка въ сіяньи пламя льетъ,
Горитъ его лучами —
И въ море темное течетъ
Холодными волнами.

И. Козловъ.

45. Тоска по родинѣ.

Съ любовью вѣчною, святой
Я помню о странѣ родной,
Гдѣ жизнь цвѣла;
Она мнѣ видится во снѣ.
Земля родная, будь ты мнѣ
Всегда мила!

Бывало, мы предъ огонькомъ
Сидимъ съ родимой (1) вечеркомъ,

(1) Такъ называется часто въ народной поэзіи мать.

Сестра и я,
Поемъ, смѣемся, — полночь бьетъ,
И къ сердцу насъ она прижметъ,
Благословя.

Я вижу тихій, синій прудъ;
Какъ ивы съ тростникомъ ростутъ
На берегахъ, —
И лебедь вдоль него летитъ,
И солнце вечера горитъ
Въ его волнахъ.

И вижу я, не вдалекѣ
Зубчатый замокъ на рѣкѣ
Въ тиши стоитъ
Съ высокой башней, и на ней,
Я слышу, мнится, въ тьмѣ ночей,
Какъ мѣдь гудитъ.

Когда жъ опять увижу я
Мою Сіяну, лѣсъ, поля
И надъ рѣкой
Тотъ сельскій домикъ, гдѣ я жилъ?..
О, будь всегда, будь сердцу милъ
Мой край родной.

Козловъ.

---

46. Туча.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облегала
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ (1),
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

А. Пушкинъ.

(1) церк. слав. форма вмѣсто: деревъ, сохранившаяся въ Русскомъ языкѣ лишь въ словахъ небо и чудо.

---

47. Уединеніе,

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ цирцей (1),
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,

(1) волшебница, которая удалилась изъ Колхиды въ Италію, оказывала тамъ гостепріимство странствующему Улиссу на мысѣ, гдѣ находился городъ Circeji.

Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада.
Овины длинные и мельницы крылаты,
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душей законъ боготворить
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ раждаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

А. Пушкинъ.

---

48. Уединеніе.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.

А. Пушкинъ.

---

49. Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ!
Онъ думы разбудилъ, уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило!
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ полуденныя волны.
Тамъ нѣкогда, въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь (1).

А. Пушкинъ.

(1) воспоминаніе о пребываніи Пушкина въ Крыму и Бессарабіи.

---

50. Ко гробу Кутузова.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой....
Все спитъ кругомъ, однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады (1)
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

(1) внутренность Казанскаго собора въ Петербургѣ, гдѣ покоится прахъ Кутузова, украшена гранитными колоннами, а на нихъ висятъ знамена, ключи городовъ и жезлъ маршала Даву, отнятые у Французовъ въ отечественную войну и во время походовъ 1813 и 1814 годовъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ Русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
»Иди, спасай!« Ты всталъ и спасъ.

А. Пушкинъ.

---

51. Лицейская годовщина. (*)

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
Свою святую годовщину;
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину,
Тѣмъ рѣже онъ, тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе,
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

Давно-ль, друзья... Но двадцать лѣтъ
Тому прошло — и что же вижу?
Того царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
Воскресла Грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ (1),
Отбунтовала вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душею часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.

Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ на ратномъ полѣ,
Кто дома, кто въ землѣ чужой,
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой;
И всѣхъ мы братски поминали.

И, мнится, очередь за мной....
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый(2),
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышленій,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ
На вѣкъ отъ насъ ушедшій геній.

А. Пушкинъ.

(*) Царскосельскій Лицей былъ открытъ 19-аго Октября 1811 года. Это стихотвореніе написано въ 1831 году.

(1) Карлъ X, *Король Французскій.*

(2) Дельвигъ умеръ въ Петербургѣ 14-го Января 1831 года.

---

52. Лицейская годовщина.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй,
И пили всѣ за здравіе надежды,
И юности, и всѣхъ ея затѣй.

Къ сердцу онъ прижалъ... и ихъ
и мать младую... (1)
И потомъ припомнилъ Русь свою
родную,
Дальнюю отчизну.... и вздохнулъ
глубоко
О семьѣ своей онъ, сирый, оди-
нокій
На чужбинѣ бурной (2).... онъ
хотѣлъ, нашъ милый
Дорогой поэтъ нашъ, на краю
могилы,
Крѣпче къ мощной груди родины
священной
Привязать малютокъ цѣпью незаб-
венной;
Онъ сложилъ имъ сказку про свою
судьбину,
Онъ пропѣлъ имъ пѣсню про свою
кончину;
Легкою приманкой чудныхъ при-
баутокъ
Звукамъ Русской рѣчи онъ училъ
малютокъ,
Чтобъ отца, отчизну дѣти полю-
били,
Чтобъ они въ чужбинѣ братьями
имъ были!
И съ послѣднимъ словомъ, и съ
послѣднимъ звукомъ
Жизнь его свершилась.... Но
предсмертнымъ мукамъ
Праведникъ улыбкой рая улы-
бался....
Духомъ ужъ давно онъ къ Небу
приближался!

(1) Послѣдніе часы Жуковскаго. (2) Онъ умеръ въ Баденъ-Баденѣ.

44. Къ радости.

О радость, радость, что-же ты
Намъ скоро измѣняешь,
И сердца милыя мечты
Такъ рано отнимаешь!

Зачѣмъ, небесная, летишь
Пернатою стрѣлою,
И въ мракѣ бѣдствія горишь
Далекою звѣздою!

Зачѣмъ-же прелестью своей
Ты льешь очарованье,
И оставляешь..... свѣтлыхъ дней
Одно воспоминанье!

Минувшее съ твоей мечтой
Какъ въ душу ни тѣснится —
Его бывалой красотой
Душа не оживится.

Духъ пылкій ею увлеченъ,
Дни счастья вспоминая,
Тревожитъ сердца тяжкій сонъ,
Тоски не услаждая.

Такъ мѣсяцъ свѣтитъ надъ рѣкой,
Въ струяхъ ея играетъ,
И блескъ сребристо-золотой
Надъ ними разсыпаетъ:

Рѣка въ сіяньи пламя льетъ,
Горитъ его лучами —
И въ море темное течетъ
Холодными волнами.

И. Козловъ.

45. Тоска по родинѣ.

Съ любовью вѣчною, святой
Я помню о странѣ родной,
Гдѣ жизнь цвѣла;
Она мнѣ видится во снѣ.
Земля родная, будь ты мнѣ
Всегда мила!

Бывало, мы предъ огонькомъ
Сидимъ съ родимой (1) вечеркомъ,

(1) Такъ называется часто въ народной поэзіи мать.

Сестра и я,
Поемъ, смѣемся, — полночь бьетъ,
И къ сердцу насъ она прижметъ,
Благословя.

Я вижу тихій, синій прудъ;
Какъ ивы съ тростникомъ ростутъ
На берегахъ, —
И лебедь вдоль него летитъ,
И солнце вечера горитъ
Въ его волнахъ.

И вижу я, не вдалекѣ
Зубчатый замокъ на рѣкѣ
Въ тиши стоитъ
Съ высокой башней, и на ней,
Я слышу, мнится, въ тьмѣ ночей,
Какъ мѣдь гудитъ.

Когда жъ опять увижу я
Мою Сіяну, лѣсъ, поля
И надъ рѣкой
Тотъ сельскій домикъ, гдѣ я жилъ?..
О, будь всегда, будь сердцу милъ
Мой край родной.

Козловъ.

46. Туча.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облегала
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ (1),
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

А. Пушкинъ.

(1) церк. слав. форма вмѣсто: деревъ, сохранившаяся въ Русскомъ языкѣ лишь въ словахъ небо и чудо.

47. Уединеніе,

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ цирцей (1),
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,

(1) волшебница, которая удалилась изъ Колхиды въ Италію, оказывала тамъ гостепріимство странствующему Улиссу на мысѣ, гдѣ находился городъ Circeji.

Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины длинные и мельницы крылаты,
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душей законъ боготворить
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ раждаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

А. Пушкинъ.

48. Уединеніе.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.

А. Пушкинъ.

49. Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ!
Онъ думы разбудилъ, уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило!
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ полуденныя волны.
Тамъ нѣкогда, въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь (1).

А. Пушкинъ.

(1) воспоминаніе о пребываніи Пушкина въ Крыму и Бессарабіи.

50. Ко гробу Кутузова.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой....
Все спитъ кругомъ, однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады (1)
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

(1) внутренность Казанскаго собора въ Петербургѣ, гдѣ покоится прахъ Кутузова, украшена гранитными колоннами, а на нихъ висятъ знамена, ключи городовъ и жезлъ маршала Даву, отнятые у Французовъ въ отечественную войну и во время походовъ 1813 и 1814 годовъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ Русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
»Иди, спасай!« Ты всталъ и спасъ.
А. Пушкинъ.

---

51. Лицейская годовщина. (*)

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
Свою святую годовщину;
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину,
Тѣмъ рѣже онъ, тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе,
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

Давно-ль, друзья... Но двадцать лѣтъ
Тому прошло — и что же вижу?
Того царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
Воскресла Грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ (¹),
Отбунтовала вновь Варшава.

(*) Царскосельскій Лицей былъ открытъ 19-аго Октября 1811 года. Это стихотвореніе написано въ 1831 году.

(¹) Карлъ X, *Король Французскій.*

Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душею часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.

Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ на ратномъ полѣ,
Кто дома, кто въ землѣ чужой,
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой;
И всѣхъ мы братски поминали.

И, мнится, очередь за мной....
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый(²),
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышленій,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ
На вѣкъ отъ насъ ушедшій геній.
А. Пушкинъ.

(²) Дельвигъ умеръ въ Петербургѣ 14-го Января 1831 года.

---

52. Лицейская годовщина.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй,
И пили всѣ за здравіе надежды,
И юности, и всѣхъ ея затѣй.

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился,
Сталъ гуще (1) звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора: ужъ двадцать пятый разъ
Мы празднуемъ Лицея день завѣтный;
Прошли года чредою незамѣтной;
И какъ они перемѣнили насъ!
Не даромъ, нѣтъ промчалась четверть вѣка;
Не сѣтуйте: таковъ судьбы законъ;
Вращается весь міръ вкругъ человѣка, —
Уже-ль одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Припомните, о други! съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
Чему, чему свидѣтели мы были!.....
Игралища таинственной игры,
Металися смущенные народы,
И высились и падали цари,
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари (2).

Вы помните, когда возникъ Лицей,
Какъ Царь для насъ открылъ чертогъ Царицынъ (3) —
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ (4)
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.
Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала; еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа —
Еще грозилъ и колебался онъ.

Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ..... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага,
И заревомъ московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ (5)
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался;
Какой восторгъ предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ Онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ Онъ главный свой досугъ!

---

(1) *глуше.* (2) *воспоминанія* о дѣйствіяхъ *Наполеона.*

(3) Царскосельскій Лицей былъ помѣщенъ въ одной части Императорскаго дворца, построеннаго Императрицею Елисаветою. (4) Куницынъ былъ воспитателемъ въ Лицеѣ. (5) Императоръ Александръ I.

И нѣтъ Его — и Русь оставилъ Онъ,
Взнесенну Имъ надъ міромъ изумленнымъ,
И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый Царь безстрашный и могучій
На рубежѣ Европы бодро сталъ.

А. Пушкинъ.

---

53. Муза.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу ([1]) мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ настуховъ ([2]).
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

А. Пушкинъ.

([1]) свирѣль Пана состояла изъ семи стволовъ. ([2]) писатели идиллій. Фригія, область въ Малой Азіи.

---

54. Заклинаніе.

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы —
Я тѣнь зову, я жду Леилы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна, какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.
Приди, какъ дальняя звѣзда,
Какъ легкій звукъ иль дуновенье,
Иль какъ ужасное видѣнье,
Мнѣ все равно: сюда, сюда!...

Зову тебя, не для того,
Чтобъ укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтобъ извѣдать тайны гроба;
Не для того, что иногда
Сомнѣньемъ мучусь... но тоскуя
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой. Сюда, сюда!

А. Пушкинъ.

---

55. Телега жизни.

Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телегу;
Мы рады голову сломать,
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: пошолъ!...

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги;
Порастрясло насъ; намъ страшнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!

Катитъ по прежнему телега.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночлега,
А время гонитъ лошадей.

А. Пушкинъ.

---

56. Сто лѣтъ минуло.

Сто лѣтъ минуло, какъ Тевтонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался;
Страной полночной правилъ онъ.
Уже Прусакъ (1) въ оковы вдался;
Или сокрылся — и въ Литву
Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными брегами
Струился Нѣманъ: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни, и кругомъ
Шумѣли рощи вѣковыя;
Духовъ пристанища святыя.
Символъ Германца на другомъ,
Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотѣлъ всю область Палемона (2),
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлачить.

Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Въ косматой рысьей шапкѣ, съ пукомъ
Каленыхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ.
Литовцы юные, въ толпахъ,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На стражѣ Нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Пищаль съ молитвой заряжалъ.
Всякъ переправу охранялъ:
Токъ Нѣмана гостепріимный,
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Сталъ прагомъ вѣчности для нихъ;
Сношеній дружныхъ гласъ утихъ,
И всякъ, переступившій воды,
Лишенъ былъ жизни и свободы.
Лишь хмѣль Литовскихъ береговъ,
Нѣмецкой тополью плѣненный,
Черезъ рѣку, межъ тростниковъ,
Переправлялся дерзновенный,
Бреговъ противныхъ достигалъ
И друга нѣжно обнималъ.
Лишь соловьи дубравъ и горъ
По старинѣ вражды не знали,
И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.

А. Пушкинъ.

(1) Литовцы, первобытные жители сѣверовосточной Пруссіи. (2) у Литовцевъ существуетъ баснословное преданіе о пришествіи въ ихъ страну въ незапамятныя времена изъ Лигуріи какого-то витязя Палемона, овладѣвшаго Литвою.

---

57. Къ морю.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ звонъ его въ прощальный часъ
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ!

Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы!

Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ отважно средь зыбей:
Но ты взыгралъ, неодолимый,
И стая тонетъ кораблей!

Не удалось на вѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.

Ты ждалъ, ты зналъ… я былъ окованъ,
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть! Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ:

Одна скала, гробница славы…
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми, волнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ (1)!

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты ничѣмъ неукротимъ.

Міръ опустѣлъ………
…………………

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

А. Пушкинъ.

---

(1) Байронъ.

---

58. Дорожныя жалобы.

Долго-ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телегѣ, то пѣшкомъ?

Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь отческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ.

На каменьяхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобраннымъ мостомъ.

Иль чума меня подцѣпитъ,
Иль морозъ окостенитъ,
Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпитъ
Непроворный инвалидъ.

Иль въ лѣсу подъ ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ,
Иль со скуки околѣю
Гдѣ нибудь въ карантинѣ.

Долго ль мнѣ въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать,
И телятиной холодной
Трюфли Яра ([1]) поминать?

То ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой ([2]) разъѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
На досугѣ помышлять!

То ли дѣло рюмка рома,
Ночью сонъ, поутру чай;
То ли дѣло, братцы, дома!...
Ну пошолъ же, погоняй!...

А. Пушкинъ.

([1]) Яръ былъ извѣстный въ Москвѣ содержатель гостинницы. ([2]) улица въ Москвѣ.

59. Брожу ли я вдоль....

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараюсь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать;
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

А. Пушкинъ.

60. Истина.

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я,
Или во вѣкъ его не обрѣту ([1]) я
Въ пустынѣ бытія?

Младые сны отъ сердца отлетѣли,
Не узнаю я свѣтъ:

([1]) *обрѣсть* вмѣсто *найти* употребляется въ возвышенномъ значеніи (обрѣтены мощи), или въ поэтическомъ языкѣ.

Надеждъ своихъ лишенъ я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.

Безуменъ ты и всѣ твои желанья:
Мнѣ тайный голосъ рекъ;
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я на-вѣкъ.

Но для чего души разувѣренье
Свершилось не вполнѣ?
За чѣмъ-же въ ней слѣпое сожалѣнье
Живетъ о старинѣ?

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
Я тяжкій жребій свой,
Вдругъ Истину (то не было мечтаньемъ)
Узрѣлъ передъ собой.

»Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!»
Вѣщала: «захочу —
И страстнаго отрадному безстрастью Тебя я научу.

»Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный, разлюбишь
И ближнихъ и друзей.

»Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой.«

Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: о гостья неземная!
Печаленъ твой привѣтъ.

Свѣтильникъ твой — свѣтильникъ погребальный
Послѣднихъ благъ моихъ!
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный,
И страшенъ для живыхъ.

Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.

Прости! иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,

Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти:
Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти.

Баратынскій.

---

61. Елизійскія поля. (*)

Бѣжитъ невѣрное здоровье,
И каждый часъ готовлюсь я
Свершить послѣднее условье,
Законъ послѣдній бытія;
Ты не спасешь меня, Киприда (¹)!
Пробьютъ урочные часы
И низойдетъ къ брегамъ Аида (²)
Пѣвецъ веселья и красы.

---

*) Элизій и Элизійскія поля были по понятіямъ древнихъ мѣстопребываніемъ усопшихъ.

(¹) у Римлянъ Венера. (²) царство мертвыхъ, гдѣ протекала рѣка Коцитъ.

Простите, вѣтренные други,
Съ кѣмъ беззаботно въ жизни сей
Дѣлилъ я шумные досуги
Разгульной юности моей!
Я не страшуся новоселья;
Гдѣ-бъ ни жилъ я, мнѣ все равно:
Тамъ — тоже славить отъ бездѣлья
Я стану дружбу и вино.
Не измѣнясь въ подземномъ мірѣ,
И тамъ, на шаловливой лирѣ,
Превозносить я буду вновь
Покойной Дафнѣ (3) и Темирѣ
Неприхотливую любовь.

О Дельвигъ! слезы мнѣ не нужны;
Вѣрь: въ закоцитной (4) сторонѣ
Пріемъ радушный будетъ мнѣ:
Со мною музы были дружны!
Тамъ, въ очарованной тѣни,
Гдѣ благоденствуютъ поэты,
Прочту Катуллу и Парни (5)
Мои небрежные куплеты,
И улыбнутся мнѣ они.

Когда изъ таинственной сѣни,
Отъ темныхъ Орковыхъ полей (6),
Здѣсь навѣщать своихъ друзей
Порою могутъ наши тѣни,
Я навѣщу, о други, васъ,
Сыны забавы и веселья!
Когда для шумнаго похмѣлья
Вы соберетесь въ праздный часъ,

(3) у Овидія называется Дафною дочь рѣчнаго бога Пенея, превращенная въ лавровое дерево. (4) Коцитъ есть въ миѳологіи древнихъ рѣка подземнаго царства, рукавъ Стикса, впадающаго въ Ахеронъ и значитъ „рѣка плача." (5) Катуллъ — извѣстный римскій сочинитель элегій и эпиграммъ, род. въ Веронѣ въ 87 г. до Р. Х. Парни, Французскій писатель и сочинитель элегій, жившій въ концѣ XVIII вѣка. (6) подъ именемъ Орка, вмѣстилища умершихъ, подразумѣвается миѳологическая страна, изъ которой не было *никакого выходу;* богъ Оркъ у Римлянъ *Плутонъ.*

Приду я съ вами Вакха (7) славить;
А къ вамъ молитва объ одномъ:
Приборъ покойнику оставить
Не позабудьте за столомъ.

Межъ тѣмъ за тайными брегами,
Друзей вина, друзей пировъ,
Веселыхъ добрыхъ мертвецовъ
Я подружу заочно съ вами.
И вамъ, чрезъ день или другой,
Законъ губительный Зевеса
Велитъ покинуть міръ земной;
Мы встрѣтимъ васъ у вратъ Аи-
деса (8)
Знакомой дружеской толпой;
Наполнимъ радостныя чаши,
Хвала свиданья возгремитъ,
И огласитъ привѣты наши
Весь необъемлемый Аидъ!

Баратынскій.

(7) представляется въ миѳологіи сыномъ Зевеса и Ѳивянки Семелы. (8) то же, что Аидъ, т. е. ада.

62. Зимній вечеръ.

Когда порой зимы такъ рано вече-
рѣетъ,
И солнце безъ лучей на западѣ
тускнѣетъ,
Зачѣмъ, зачѣмъ такъ грустно
мнѣ?
Когда природы день такъ молодъ
умираетъ,
И день подложный нашъ его пе-
реживаетъ,
Зачѣмъ печаль встаетъ въ душѣ?

Смотрю, какъ стелются туманы чер-
ной мглою,
Внимаю птицъ ночныхъ пронзи-
тельному вою —
И, мысли грезой замѣня,

Видѣнья мрачныя, тоскующія думы,
Чернѣе внѣшней мглы, станицею угрюмой,
Уныньемъ вѣютъ на меня.

Зачѣмъ?.... Какая связь межъ сердцемъ безпокойнымъ,
Кипящимъ жизнію, и этимъ дивно стройнымъ,
Но хладнымъ, мертвымъ естествомъ?
Зачѣмъ мечты мои цвѣтъ неба отражаютъ?
Зачѣмъ сочувствія міръ видимый сдружаютъ
Съ неосязаемымъ умомъ?

Иль перстъ зиждительный всему даетъ значенье?
Иль все окрестное есть притча и сравненье,
Прообразъ нашего житья?
Иль это таинство созвучій сокровенныхъ,
Въ мигъ посвященія, въ часъ сумеркъ вдохновенныхъ,
Чутьемъ души постигла я?

И можетъ быть затѣмъ такъ сердце пріуныло,
Что есть и у него закатное свѣтило,
И безотрадная зима....
Что полдень радости и утро упованья
Недолго рдѣютъ тамъ .... что всякое сіянье
Невѣрно, бѣгло, какъ мечта.

Не разъ младую жизнь страданья облекали
Могильнымъ саваномъ; нерѣдко ночь печали
Смѣняетъ счастья красный день...
И жертвы тайныя скорбей неизлечимыхъ
Живутъ, живутъ свой вѣкъ, и въ ихъ сердцахъ томимыхъ
Все холодъ, пустота и тѣнь.

Когда порой зимы такъ рано вечерѣетъ,
И солнце безъ лучей на западѣ тускнѣетъ,
Мнѣ жаль, мнѣ жаль младаго дня...
Когда. съ отцвѣтшею душею я встрѣчаюсь,
Я за нее грущу, участьемъ съ ней сливаюсь,
Мнѣ страшно ..... страшно за себя!....

Гр. Растопчина.

---

63. Ангелъ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ,
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ,
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Лермонтовъ.

64. Три Пальмы.
(Восточное сказаніе.)

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый изъ чуждой земли
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой,
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
»На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы.
Ни чей благосклонный не радуя взоръ?....
Не правъ твой, о Небо, святой приговоръ!

И только замолкли — въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные *звуки,*
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ, челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали:
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ воронаго коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ Фариса вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданыхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ, —
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,

Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнёмъ.

Когда же на западъ умчался туманъ;
Урочный свой путь совершалъ караванъ:
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодной:
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ,
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ —
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Лермонтовъ.

---

65 Сосна.

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма ростётъ.

Лермонтовъ.

---

66. Парусъ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ....
Что ищетъ онъ въ странѣ далёкой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?

Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ....
Увы, онъ счастія не ищетъ,
И не отъ счастія бѣжитъ!

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Лермонтовъ.

---

67. Замокъ Тамары.

.... На склонѣ каменной горы,
Надъ Кайшаурскою долиной (1)
Еще стоятъ до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Разсказовъ страшныхъ для дѣтей
О нихъ еще преданья полны....
Какъ призракъ, памятникъ безмолвный,
Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
Между деревьями чернѣетъ.
Внизу разсыпался аулъ,
Земля цвѣтетъ и зеленѣетъ,
И голосовъ нестройныхъ гулъ
Теряется, и караваны
Идутъ, гремя издалека
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блеститъ и пѣнится рѣка.
И жизнью вѣчно молодою,
Прохладной, солнцемъ и весною
Природа тѣшится шутя,
Какъ беззаботное дитя.

---

(1) на Кавказскихъ горахъ.

Но грустенъ замокъ, отслужившій
Когда-то въ очередь свою,
Какъ бѣдный старецъ, пережившій
Друзей и милую семью.
И только ждутъ луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда имъ праздникъ и свобода!
Жужжатъ, бѣгутъ во всѣ концы.
Сѣдой паукъ, отшельникъ новый,
Прядетъ сѣтей своихъ основы;
Зеленыхъ ящерицъ семья
На кровлѣ весело играетъ,
И осторожная змѣя
Изъ темной щели выползаетъ
На плиту стараго крыльца:
То вдругъ совьется въ три кольца,
То ляжетъ длинной полосою
И блещетъ, какъ булатный мечъ,
Забытый въ полѣ грозныхъ сѣчъ,
Не нужный падшему герою....
— Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ
Прилежно, долго ихъ сметала,
И не напомнитъ ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его!
Но церковь на крутой вершинѣ,
Гдѣ взяты кости ихъ землей,
Хранима властію святой
Видна межъ тучъ еще понынѣ;
И у воротъ ея стоятъ
На стражѣ черные граниты,
Пластами снѣжными покрыты,
И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Льды вѣковѣчные горятъ.
Обваловъ сонныя громады
Съ уступовъ, будто водопады,
Морозомъ схваченные вдругъ,
Висятъ, нахмурившись, вокругъ;
И тамъ мятель дозоромъ ходитъ,
Сдувая пыль со стѣнъ сѣдыхъ,
То пѣсню долгую заводитъ,
То окликаетъ часовыхъ,
Услыша вѣсти въ отдаленьѣ
О чудномъ храмѣ въ той странѣ,
Съ востока облака однѣ
Спѣшатъ толпой на поклоненье.
И надъ семьей могильныхъ плитъ
Давно никто ужъ не грустить!
Скала угрюмая Казбека
Добычу жадно сторожитъ,
И вѣчный ропотъ человѣка
Ихъ вѣчный миръ не возмутитъ.

Лермонтовъ.

68. Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ?
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны (1)?

И пальма та жива-ль понынѣ?
Все такъ же-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или, въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?..

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

(1) Еврейскій праздникъ кущей, установленный въ воспоминаніе сорокалѣтняго странствованія въ пустынѣ; Солима вмѣсто Іерусалима.

Иль, Божьей рати лучшій во-
инъ ([2]),
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и Божествомъ?..

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лам-
пады,
Кивотъ ([3]) и крестъ, символъ свя-
той...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Лермонтовъ.

([2]) крестоносцы возвращались обыкновенно изъ Палестины съ пальмовыми вѣтвями.
([3]) Кивотъ, или кіота, есть тотъ ящикъ, въ которомъ, за стекломъ, ставятся иногда иконы.

69. Могила.

Чья это могила?
Тиха, одинока,
И крестъ тростниковый,
И насыпь свѣжа,
И чистое поле
Кругомъ безъ дорогъ?
Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?
Татаринъ-ли дикій
Свершилъ здѣсь убійство
Въ ночной темнотѣ,
И свѣжею кровью
Горячею брызнулъ
На Русскую быль?
Или молодая
Жница-поселянка,
Ангела — младенца
На рукахъ лелѣя,
Оплакала горько
Кончину его, —
И подъ яснымъ небомъ,
Въ полѣ на просторѣ,
Въ цвѣтахъ васильковыхъ
Положенъ дитя.

Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку —
Перекати-поле;
Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ, не пробудитъ
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы!
И встаютъ видѣнья
Въ душѣ одинокой....

А. Кольцовъ.

70. Сяду я за столъ....

Сяду я за столъ,
Да подумаю —
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому.

Нѣтъ у молодца
Молодой жены;
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнова ([1]),

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны, сохи,
Коня-пахаря....

Вмѣстѣ съ бѣдностью,
Далъ мнѣ батюшка

([1]) Въ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ простонародномъ вкусѣ, принято писать родит. падежъ именъ прил. не по грамматическому его окончанію, но по произношенію.

Лишь одинъ таланъ —
Силу крѣпкую.

Да и ту какъ разъ
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю размыкала.

Сяду я за столъ,
Да подумаю —
Какъ мнѣ вѣкъ дожить
Одинокому.

А. Кольцовъ.

---

71. Развалины.

Обломки.. прахъ!.. все сумрачно и дико!
Въ кустахъ столбы-изгнанники высотъ;
Въ развалины пробилась павелика (1)
И, грустная, по мрамору ползетъ.
Тамъ чуть висятъ полунагіе своды;
Здѣсь-дряхлая стоитъ еще стѣна,
Она въ рубцахъ: ее изсѣкли годы
И вывели узоромъ письмена:
Прочли-ль вы ихъ? — здѣсь лѣтопись природы
На зодчествѣ людей продолжена.

Здѣсь время быть художникомъ желало —
И медленно огнемъ и влагой бурь,
Согнавъ долой и пурпуръ и лазурь,
Таинственныя краски набросало,
И, наступивъ широкою пятой
На мрачныя, безмолвныя руины,
Любуется могильной красотой
Безъ кисти имъ набросанной картины.
Тутъ башня опочила, преклонясь;
Вставявшая на небо великаномъ,
Теперь своимъ полуистлѣвшимъ станомъ
На груды прежде павшихъ оперлась,
И старчески лежитъ облокотясь.
Дщерь времени! Тебя изъѣло тлѣнье;
Исчезло все — и крѣпость и краса;
Устала ты летѣть на небеса
И, бранная, легла въ изнеможеньи.

Вотъ ночь. Луна глядитъ на ликъ земли;
Въ сребрѣ ея чрезоблачнаго взгляда,
Сквозь паръ ночной, на вышинѣ вдали,
Является нестройная громада
Безъ очерковъ, какъ призракъ безъ лица,
И грудами колоннъ разбитыхъ звенья
Виднѣются — подъ желтой пылью тлѣнья,
Разбросаны, какъ кости мертвеца,
Лишенныя святаго погребенья.
Нѣмая тишь .... одинъ неровный шумъ
Своихъ шаговъ полночный путникъ слышитъ,
И возмущенъ въ немъ рай неясныхъ думъ,
И все окрестъ глубокой тайной дышитъ.

Бенедиктовъ.

---

72. Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты.

Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты,
Блестящій нѣкогда, но нынѣ сномъ объятый

---

(1) *растеніе, извѣстное въ ботаникѣ подъ именемъ cuscuta.*

Пріютъ державныхъ думъ и царственныхъ забавъ.
Все пусто! Времени губительный уставъ
Во всемъ величіи здѣсь блещетъ, все мертвѣетъ!
Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье цѣпенѣетъ!
Вкругъ гордыхъ колоннадъ съ старинною рѣзьбой
Ель пышно разрослась, и въ зелени густой,
Подъ сѣнью древнихъ липъ и золотыхъ акацій,
Бѣлѣютъ кое-гдѣ статуи нимфъ и грацій.
Гремѣвшій водометъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ; широкій листъ виситъ съ нагихъ столбовъ,
Качаясь по-вѣтру..... О! гдѣ въ аллеяхъ спящихъ
Красавицъ легкій рой, звонъ колесницъ блестящихъ?
Не слышно ужъ литавръ бряцанья; пирный звукъ
Умолкъ, и стихъ давно оружья бранный стукъ;
Но миръ, волшебный сонъ въ забытые чертоги
Вселились ..... новые, невѣдомые боги!

А. Майковъ.

---

73. Зимнее утро.

Морозитъ. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями.
Изъ хижинъ ранній дымъ разносится клубами
Въ янтарномъ заревѣ пылающихъ небесъ.
Въ раздумьи глядитъ на обнаженный лѣсъ,
На домы, крытые ковромъ младаго снѣга,
На зеркало рѣки, застынувшей (1) у брега,
Свѣтила дневнаго кровавое ядро.
Отливомъ пурпурнымъ блеститъ снѣговъ сребро;
Иглистымъ инеемъ, какъ будто пухомъ бѣлымъ,
Унизана кора по вѣтвямъ помертвѣлымъ.
Люблю я сквозь стекла блистательный узоръ
Картиной новою увеселять свой взоръ;
Люблю въ тиши смотрѣть, какъ раннею порою
Деревня весело встрѣчается съ зимою.
Тамъ, по льду гладкому и скользкому рѣки,
Свиститъ и искрятся визгливые коньки;
На лыжахъ звѣроловъ спѣшитъ къ лѣсамъ дремучимъ;
Тамъ рыбарь въ хижинѣ предъ пламенемъ трескучимъ
Сухаго хвороста худую сѣть чинитъ,
И сладостно ему воспомнить прежній бытъ,
Взирая на стекло окованной пучины —
Про зори утренни и клики лебедины,
Про бури ярыя и волнъ мятежный взрывъ,
И свой хранительный подъ ивами заливъ,
Про ловы счастливы въ часы безмолвной ночи,
Когда лишь мѣсяца задумчивыя очи

(1) вмѣсто застывшей.

Проглянутъ, озлатятъ пучины спящей гладь,
И свѣтятъ рыбарю свой неводъ подымать.

Майковъ.

---

74. Насъ семеро.

Радушное дитя,
Легко привыкшее дышать,
Здоровьемъ, жизнію цвѣтя,
Какъ можетъ смерть понять?

На встрѣчу дѣвочка мнѣ шла:
Лѣтъ восемь было ей;
Ея головку облегла
Струя густыхъ кудрей.

И дикъ былъ видъ ея степной,
И дикъ простой нарядъ, —
И радовалъ меня красой
Малютки милой взглядъ.

Всѣхъ сколько васъ? ей молвилъ я.
»И братьевъ и сестеръ?«
Всего?—»Насъ семь«;—и на меня,
Дивясь, бросаетъ взоръ.

»А гдѣ жъ они?« — »Насъ семь всего,«
Въ отвѣтъ малютка мнѣ:
»Насъ двое жить пошли въ село
И два на кораблѣ,

»И на кладбищѣ братъ съ сестрой
Лежатъ изъ семерыхъ,
А за кладбищемъ я съ родной,
Живемъ мы подлѣ нихъ.«

— »Какъ? двое жить въ село пошли,
Пустились двое плыть,
А все васъ семь! Дружокъ, скажи,
Какъ это можетъ быть?«

— »Насъ семь, насъ семь,« она тотчасъ
Опять сказала мнѣ:
»Здѣсь на кладбищѣ двое насъ
Подъ ивою въ землѣ.«

— »Ты бѣгаешь вокругъ нея,
Ты, видно, что жива;
Но васъ лишь пять, дитя мое,
Когда подъ ивой два.«

»На ихъ гробахъ земля въ цвѣтахъ,
И десяти шаговъ
Нѣтъ отъ дверей родной моей
До милыхъ намъ гробовъ.

»Я часто здѣсь чулокъ вяжу,
Платокъ мой здѣсь рублю,
И подлѣ ихъ могилъ сижу, —
И пѣсни имъ пою.

»И если позднею порой
Свѣтло горитъ заря,
То взявъ мой сыръ и хлѣбъ съ собой,
Здѣсь ужинаю я.

»Малютка Дженни день и ночь
Томилася больна;
Но Богъ ей не забылъ помочь, —
И спряталась она.

»Когда жъ ее мы погребли,
И разцвѣла земля;
Къ ней на могилу мы пришли
Рѣзвиться, Джонъ и я.

»Но только дождалась зимой
Коньковъ я и саней, —
Ушелъ и Джонъ, братишка мой, —
И легъ онъ рядомъ съ ней.«

Такъ сколько жъ васъ? былъ мой отвѣтъ;

На небѣ двое, вѣрь! —
Васъ только пять.—»О, баринъ, нѣтъ?!
Сочти — насъ семь теперь.«

»Да нѣтъ ужъ двухъ, — они въ землѣ,
А души въ небесахъ!«
Но былъ ли прокъ въ моихъ словахъ?
Все дѣвочка твердила мнѣ:
»О нѣтъ, насъ семь, насъ семь!«
Козловъ.

75. Станція.

Что за грустная обитель,
И какой знакомый видъ? —
За стѣной храпитъ смотритель,
Сонно маятникъ стучитъ;

Стукнетъ вправо, стукнетъ влѣво,
Будитъ мыслей длинный рядъ,
Въ немъ разсказы и напѣвы
Затверженные звучатъ.....

А въ подсвѣчникѣ пылаетъ
Догорѣвшая свѣча,
Гдѣ-то песъ далеко лаетъ,
Ходитъ маятникъ, стуча.

Стукнетъ влѣво, стукнетъ вправо,
Все твердитъ о старинѣ.
Грустно такъ: не знаю право
На яву я, иль во снѣ?

Вотъ ужъ лошади готовы —
Сѣлъ въ кибитку и скачу;
Вотъ проснулся — вижу снова
Ту же сальную свѣчу,

Ту же грустную обитель,
И кругомъ знакомый видъ, —
За стѣной храпитъ смотритель,
Сонно маятникъ стучитъ.....
А. Толстой.

III. Пѣсня и романсъ.

76. Пловецъ.

Вихремъ бѣдствія гонимый,
Безъ кормила и весла,
Въ океанъ неисходимый
Буря челнъ мой занесла!
Въ тучахъ звѣздочка свѣтилась!
Не скрывайся! я взывалъ:
Непреклонная сокрылась,
Якорь былъ — и тотъ пропалъ!

Все одѣлось черной мглою;
Всколыхалися валы;
Бездны въ мракѣ предо мною;
Вкругъ ужасныя скалы!
»Нѣтъ надежды на спасенье!«
Я роптал, унывъ душой:
О безумецъ! Провидѣнье
Было *тайный кормщикъ твой!*

Невидимою рукою,
Сквозь ревущіе валы,
Сквозь одѣты бездны мглою
И грозящія скалы
Мощный велъ меня хранитель!
Вдругъ... все тихо! мракъ изчезъ!
Вижу райскую обитель —
Въ ней трехъ Ангеловъ небесъ.

О спаситель — Провидѣнье!
Скорбный ропотъ мой утихъ;
На колѣняхъ, въ восхищеньѣ,
Я смотрю на образъ ихъ.
О! кто прелесть ихъ опишетъ?
Кто ихъ силу надъ душой?
Все окрестъ ихъ небомъ дышитъ
И невинностью святой.

Неиспытанная радость —
Ими жить, для нихъ дышать;
Ихъ рѣчей, ихъ взоровъ сладость
Въ душу, въ сердце принимать!
О судьба! одно желанье:
Дай всѣ блага имъ вкусить!
Пусть имъ радость, мнѣ страданье!
Но... не дай ихъ пережить!

Жуковскій.

---

77. Пѣсня бѣдняка.

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ;
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ;
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.

Сады веселыхъ богачей
И нивы ихъ кругомъ....
Моя-жъ дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь;
Моя печаль въ тиши,
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать:
Богъ помочь! отъ души.

О щедрый Богъ, не вовсе жъ я
Тобою позабытъ;
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ.

Въ селеньи каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ алтаремъ.

Мнѣ свѣтитъ солнце и луна;
Любуюсь на зарю;
И, слыша благовѣстъ, съ Тобой,
Создатель, говорю.

И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ;
Тамъ буду праздновать и я;
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

Жуковскій.

---

78. Старый рыцарь.

Онъ былъ весной своей
Въ землѣ обѣтованной,
И много славныхъ дней
Провелъ въ тревогѣ бранной.

Тамъ вѣтку отъ святой
Оливы оторвалъ онъ;
На шлемъ желѣзный свой
Ту вѣтку навязалъ онъ.

Съ невѣрнымъ онъ врагомъ,
Нося ту вѣтку, бился,
И съ нею въ отчій (1) домъ
Прославленъ возвратился.

Ту вѣтку посадилъ
Самъ въ землю онъ родную,
И часто приносилъ
Ей воду ключевую.

Онъ сталъ старикъ сѣдой,
И сила мышцъ пропала;
Изъ вѣтки молодой
Олива древомъ стала.

Подъ нею часто онъ
Сидитъ уединенный,
Въ невыразимый сонъ
Душею погруженный.

---

(1) вмѣсто отцовскій, отеческій, црк.-слв. форма.

Надъ нимъ, какъ другъ, стоитъ,
Обнявъ его сѣдины,
И вѣтвями шумитъ
Олива Палестины;

И внемля ей во снѣ,
Вздыхаетъ онъ глубоко
О славной старинѣ
И о землѣ далекой.

Жуковскій.

---

79. Близость весны.

На небѣ тишина,
Таинственно луна
Сквозь тонкій паръ сіяетъ;
Звѣзда любви играетъ
Надъ темною горой;
И въ безднѣ голубой
Безплотные, летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину,
Привѣтствуютъ весну.

Жуковскій.

---

80. Пѣснь Русскому Царю.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю,
Все ниспошли!

Перводержавную
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное!
Все-жъ недостойное
Прочь отжени! (1)

(1) цркв. сл. вм. отгони.

Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ
Долгіе дни!

Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную
Ты помяни!

О Провидѣніе!
Благословеніе
Намъ ниспошли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастьи смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли! (2)

Будь намъ заступникомъ,
Вѣрнымъ сопутникомъ
Насъ провожай!
Свѣтлопрелестная
Жизнь поднебесная,
Сердцу извѣстная,
Сердцу сіяй!

Жуковскій.

(2) слав. предл. падежъ для именъ сущ. на *я*.

---

81. Многолѣтіе.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій Царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.

Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ;

Съ ней по цѣлому полсвѣту
Имя царское гремитъ.

Ей повсюду отвѣчая,
Мчится русское ура
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра.

Съ ней во дни Петровы Шведу
Русскій путь загородилъ,
И за Нарвскую побѣду
Днемъ Полтавы отплатилъ.

Съ ней во дни Екатерины
Славенъ сталъ нашъ русскій штыкъ,
И Кагульскія дружины,
И Суворовскій Рымникъ.

Съ нею грозно запылала
Вѣнценосная Москва,
И небесной карой пала
На враговъ ея глава.

Въ наши дни перешагнула
Съ нею рать Балкановъ грань,
Потрясла врата Стамбула,
Повалила Эривань ([1]).

Прогреми жъ до граней свѣта,
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: многи лѣта,
Православный Русскій Царь!

Жуковскій.

([1]) воспоминаніе о Турецкой и Персидской войнѣ 1828 и 1829 г.

82. Ахъ почто за мечъ....

(Изъ Орлеанской дѣвы.)

Ахъ, почто ([1]) за мечъ воинственный
Я мой посохъ отдала,
И тобою, дубъ таинственный,
Очарована была!
Мнѣ, Владычица, являла Ты
Свѣтъ небеснаго лица,
И вѣнецъ мнѣ обѣщала Ты!.....
Недостойна я вѣнца.

Зрѣла я небесъ сіяніе,
Зрѣла Ангеловъ въ лучахъ....
Но души моей желаніе
Не живетъ на небесахъ.
Грозной силы повелѣніе
Мнѣ-ль безсильной совершить?
Мнѣ-ли дать ожесточеніе
Сердцу, жадному любить?

Нѣтъ, изъ чистыхъ небожителей
Избирай Твоихъ свершителей;
Съ неприступныхъ облаковъ
Призови Твоихъ духовъ,
Безмятежныхъ, не желающихъ,
Не скорбящихъ, не теряющихъ....
Дѣву съ нѣжною душой
Да минуетъ выборъ твой.

Мнѣ-ль свирѣпствовать въ сраженіи?
Мнѣ-ль рѣшить судьбу, царей?...
Я пасла въ уединеніи
Стадо родины моей....
Въ бурну жизнь меня умчала Ты,
Въ домъ Владыки ([2]) привела;
Но ... лишь гибель указала Ты...
Я-ль сей жребій избрала?

Жуковскій.

([1]) зачѣмъ.

([2]) Карла VIII, короля Французскаго.

83. Минувшихъ дней очарованье.

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?

Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалый,
Душѣ блеснулъ знакомый свѣтъ, —
И зримо ей въ минуту стало
Незримое съ давнишнихъ лѣтъ.

О милый гость, святое прежде,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь!
Могу-ль сказать: живи! надеждѣ?
Скажу-ль тому, что было: будь?
Могу-ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту!
Могу-ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу!

Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ!
Пустынный край не населится,
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ!
Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены.

Жуковскій.

84. Листокъ.

Листокъ изсохшій, одинокій,
Пролетный гость степи широкой,
Куда твой путь, голубчикъ мой? —
»Какъ знать мнѣ? Налетѣли тучи —
И дубъ родимый, дубъ могучій
Сломило вихремъ и грозой.
Съ тѣхъ поръ, игралище борея,
Не сѣтуя и не робѣя,
Ношусь я, странникъ кочевой,
Изъ края въ край земли чужой;
Несусь, куда несетъ суровый,
Всему неизбѣжимый рокъ:
Куда летитъ и листъ лавровый(¹) —
И легкій розовый листокъ (²).«

Д. Давыдовъ.

(¹) слава. (²) юность.

85. Море.

Море воетъ, море стонетъ,
И во міракѣ, одинокъ,
Поглощенъ волною, тонетъ
Мой заносчивый челнокъ.

Но, счастливецъ, предъ собою
Вижу звѣздочку мою, —
И спокоенъ я душою,
И безпечно я пою.

Молодая, золотая
Предвѣщательница дня!
При тебѣ бѣда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сіяніе свое —
И сокроется съ тобою
Провидѣніе мое.

Д. Давыдовъ.

86. Донъ.

Блеща средь полей широкихъ,
Вонъ онъ льется! .... Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ....

Какъ прославленнаго брата
Рѣки знаютъ тихій Донъ:
Отъ Аракса и Евфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже Донскіе кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Донъ завѣтный,
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

А. Пушкинъ.

87. Обвалъ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга....
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ
И пылью водъ
И шумной пѣной орошалъ
Ледяной сводъ.

И путь по немъ широкій шелъ:
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ (¹),
Небесъ жилецъ.

А. Пушкинъ.

(¹) Эолъ, родоначальникъ эолійскаго племени, по сказаніямъ позднѣйшаго времени, у Виргилія, богъ вѣтровъ, которые онъ держалъ въ скалистой пещерѣ и по волѣ своей то выпускалъ, то опять заключалъ.

88. Узникъ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ,

Клюетъ, и бросаетъ, и смотритъ въ окно;
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ
И вымолвить хочетъ: »давай улетимъ!

»Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
»Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
»Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
»Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ да я!«

А. Пушкинъ.

89. Буря.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами,

Когда лучъ полный озарялъ
Ее всечасно (¹) блескомъ алымъ,
И вѣтеръ бился и леталъ
Съ ея летучимъ покрываломъ?

Прекрасно море въ бурной мглѣ
И небо въ блескахъ, безъ лазури,
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.

А. Пушкинъ.

(¹) вмѣсто ежечасно въ смыслѣ постоянно.

90. Зимній вечеръ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она зовоетъ;
То заплачетъ какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ-же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ, съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

А. Пушкинъ.

---

91. Стансы.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ;
Во всемъ будь Пращуру (1) подобенъ,
Какъ онъ неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, незлобенъ.

А. Пушкинъ.

(1) Императору Николаю I Петръ Великій приходился пращуромъ.

---

92. Эхо.

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ,
И шлешь отвѣтъ;

Тебѣ-жъ нѣтъ отзыва. — Таковъ
И ты, поэтъ!

А. Пушкинъ.

---

93. Война.

Война!.. Подъяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести!
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ.
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги стана, звукъ мечей,
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей!
Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній.
Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое взыванье,
Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть.
Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата и друзей,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?... Уже ль ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы,
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою овладѣла.
Что-жъ медлитъ ужасъ боевой?
Что-жъ битва первая еще не закипѣла?....

А. Пушкинъ.

---

94. Птичка.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны (1),
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

А. Пушкинъ.

(1) на праздникъ Благовѣщенія, 25го Марта, Русскіе покупаютъ птицъ и выпускаютъ ихъ на волю.

---

95. Мадона.

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,

Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель —

Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона (1).

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

А. Пушкинъ.

(1) одинъ изъ холмовъ Іерусалимскихъ, на которомъ расположенъ такъ называемый верхній городъ съ дворцами Давида и Ирода.

96. Въ дорогу жизни снаряжая.

Въ дорогу жизни снаряжая
Своихъ сыновъ, безумцевъ насъ,
Сновъ золотыхъ судьба благая
Даетъ извѣстный намъ запасъ:
Насъ быстро годы почтовые
Съ корчмы довозятъ до корчмы,
И снами тѣми путевые
Прогоны жизни платимъ мы.

Баратынскій.

97. Гроза.

Вотъ за делекими горами
Скрывается прекрасный день;
Отъ сѣней лѣса надъ водами
Волнообразными рядами
Длиннѣетъ трепетная тѣнь;
Въ рѣкѣ сверкаетъ блескъ зарницы,
Пустѣютъ холмы, долъ и брегъ;
Въ село въѣзжаютъ вѣреницы
Поля покинувшихъ телѣгъ;
Гдѣ-гдѣ залаетъ песъ домовый,
Иль вѣтерокъ зашелеститъ
Въ листахъ темнѣющей дубравы,
Иль птичка робко пролетитъ,
Иль возъ тяжелый и скрыпучій,
Усталымъ движимый конемъ,
Считая бревна колесомъ,
Переступаетъ мостъ пловучій;
И вдругъ отрывный и глухой
Промчится грохотъ надъ рѣкой
Уже спокойной и дремучей,
И вдругъ замолкнетъ. Но въ дали,
На краѣ неба, мѣсяцъ полный
Со всѣхъ сторонъ заволокли
Большія, облачныя волны;
Вонъ разступились — вонъ сошлись —
Вонъ грозно тихія слились
Въ одну громаду непогоды —
И на лазоревые своды,
Молніеносна и черна,
Съ востока крадется она.

Уже безмолвіе лѣсное
Налетомъ вѣтра смущено.
Уже немирно и темно
Рѣки теченіе ночное;
Широко зыблются на немъ
Тѣней раскидистыя чащи, —
Какъ парусъ въ воздухѣ дрожащій,
Почти упущенный пловцомъ,
Когда внезапно буря встанетъ,
Покатитъ шумныя струи,
Рванетъ крыло его ладьи
И надъ пучиною растянетъ.

Тьма потопила небеса;

Пустился (1) дождь; гроза волнуетъ,
Взрываетъ воды и лѣса,
Гремитъ, и блещетъ, и бушуетъ.
Мгновенья дивныя! Когда
Съ конца въ конецъ, по тучамъ бурнымъ
Зубчатой молніи бразда
Огнемъ разсыплется пурпурнымъ;
Все видно: цѣпь далекихъ горъ
И разноцвѣтныя картины
Извивовъ Сороти (2), озеръ,
Села, и брега, и долины.
Вдругъ тьма угрюмѣй и чернѣй.
Удары громче громовые,
Шумнѣе, гуще и быстрѣй
Дождя потоки проливные.
Но завтра въ пышной тишинѣ
На небо ярко-голубое
Свѣтило явится дневное,
Возставитъ утро золотое
Грозой омытой сторонѣ.

Н. Языковъ.

(1) вмѣсто пошелъ, полилъ. (2) рѣка, впадающая въ Великую; она течетъ въ Опочецкомъ уѣздѣ Псковской губерніи, и у береговъ ея находится родовое имѣніе Пушкина, сельцо Михайловское, а неподалеку оттуда Святогородскій монастырь, гдѣ покоится прахъ поэта.

98. Пловецъ.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно:
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

Смѣло, братья! Вѣтромъ полный
Парусъ мой направилъ я:
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй,
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ,
Глубже бездна упадетъ!

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна;
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.

Но туда выносятъ воды
Только сильнаго душой!..
Смѣло, братья, бурей полный,
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

Н. Языковъ.

99. Пѣснь Баяна.

О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Несносенъ отдыхъ Святославу:
Онъ жаждетъ битвы роковой.
О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Несносенъ отдыхъ Святославу!

Цимисхій! Крѣпокъ-ли твой щитъ?
Не тонки-ль кованыя латы?
Нашъ Князь убійственно разитъ.
Цимисхій? Крѣпокъ-ли твой щитъ?
Не тонки-ль кованыя латы?

Дружинѣ борзыхъ дай коней;
Не то... мечи ее нагонятъ,
И не ускачетъ отъ мечей.
Дружинѣ борзыхъ дай коней;
Не то — мечи ее нагонятъ.

Ты рать обширную привелъ;
Не много насъ, но мы Славяне:
Ударъ нашъ мѣтокъ и тяжёлъ.

Ты рать обширную привелъ;
Не много насъ, но мы Славяне.

О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Поля, откройтесь для побѣды!
Проснися ужасъ боевой!
О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Поля, откройтесь для побѣды!

Н. Языковъ.

---

100. Пѣла, пѣла пташечка.

Пѣла, пѣла пташечка —
И затихла;
Знало сердце радости —
И забыло.

Что, пѣвунья-пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ чернымъ горемъ?

Ахъ! убили пташечку
Злыя вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!

Полетѣть бы пташечкѣ
Къ синю морю;
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій!

На морѣ валы шумятъ,
А не вьюги —
Въ лѣсѣ звѣри лютые,
А не люди!

Дельвигъ.

---

101. Сегодня я съ вами пирую.

»Сегодня я съ вами пирую, друзья,
Веселье *намъ пѣсни* заводитъ;
А завтра, быть можетъ, тамъ буду и я,
Откуда никто не приходитъ!«

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
Давно — но отъ самаго дѣтства
Печаль въ безпокойномъ я сердцѣ таилъ
Предвѣстьемъ (¹) грядущаго бѣдства.

Друзья мнѣ смѣялись — и свѣжій вѣнецъ
На кудри мои надѣвая,
»Стыдись, восклицали, мечтатель — пѣвецъ
Измѣнитъ-ли жизнь молодая!«

Война запылала, всѣ други мои
Къ знаменамъ войны полетѣли:
Я съ ними — но узы сыновней любви
Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжко я думой слѣдилъ
Ихъ битвы, предтечи побѣды;
Ихъ славою часто я первый живилъ
Родителей грустныхъ бесѣды.

Года пролетали — я часто въ слезахъ
Былъ черной повязкой украшенъ (²) . . . .
Брань стихла — гдѣ-жъ други? лежатъ на поляхъ
Близъ ими разрушенныхъ башенъ.

Съ тѣхъ поръ я печально сижу на пирахъ,

(¹) какъ предвѣстницу; форма предвѣстье не совсѣмъ употребительна, въ ходу лишь сущ. извѣстье. (²) трауръ.

Гдѣ все мнѣ твердитъ про былое;
Дрожитъ моя чаша въ ослабшихъ рукахъ:
Мнѣ тяжко веселье чужое.

Дельвигъ.

---

102. Плѣнный рыцарь.

Молча сижу подъ окошкомъ темницы.
Синее небо отсюда мнѣ видно:
Въ небѣ играютъ всѣ вольныя птицы;
Глядя на нихъ, мнѣ и больно и стыдно.

Нѣтъ на устахъ моихъ грѣшной молитвы,
Нѣту ни пѣсни во славу любезной;
Помню я только старинныя битвы,
Мечъ мой тяжелый, да панцырь желѣзной.

Въ каменный панцырь я нынѣ закованъ,
Каменный шлемъ мою голову давитъ.
Щитъ мой отъ стрѣлъ и меча заколдованъ,
Конь мой бѣжитъ, и никто имъ не правитъ.

Быстрое время — мой конь неизмѣнный
Шлема забрало — рѣшетка бойницы,
Каменный панцырь — высокія стѣны,
Щитъ мой — чугунныя двери темницы.

Мчись же быстрѣе, летучее время!
Душно подъ новой бронею мнѣ *стало!*
Смерть, какъ пріѣдемъ, подержитъ мнѣ стремя;
Слѣзу и сдерну съ лица я забрало.

Лермонтовъ.

---

103. Когда волнуется желтѣющая нива.

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристой
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда отуденой ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу(1)
Про мирный край, откуда мчится онъ, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога....

Лермонтовъ.

---

(1) сказаніе, разсказъ.

104. На воздушномъ океанѣ.

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваетъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ, безъ слѣда,
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья —
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.
Въ день томительный несчастья
Ты объ нихъ лишь вспомяни;
Будь къ земному безъ участья
И безпечна, какъ они!
Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ;
Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
Завороженный (1), замолчитъ;
Лишь только вѣтеръ надъ скалою
Увядшей шевельнетъ травою,
И птичка, спрятанная въ ней,
Порхнетъ во мракѣ веселѣй,
И подъ лозою виноградной,
Росу небесъ, глотая жадно,
Цвѣтокъ распустится ночной;
Лишь только мѣсяцъ золотой
Изъ-за горы тихонько встанетъ
И на тебя украдкой взглянетъ, —
Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы,
И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать...

Лермонтовъ.

(1) вмѣсто обвороженный.

105. Когда весной разбитый ледъ...

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди полей, мѣстами,
Чернѣетъ голая земля,
И мгла ложится облаками
На полуюныя поля:
Мечтанье злое грусть лелѣетъ
Въ душѣ неопытной моей;
Гляжу — природа молодѣетъ,
Но молодость лишь только ей:
Ланитъ покойныхъ пламень алый
Съ годами время уведетъ,
И тотъ, кто такъ страдалъ, бывало,
Любви къ ней въ сердцѣ не найдетъ.

Лермонтовъ.

106. Желаніе.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Дайте разъ но синю полю
Проскакать на томъ конѣ;
Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ.
Дайте мнѣ челнокъ досчатый
Съ полугнившею скамьей,
Парусъ сѣрый и косматый,
Ознакомленный съ грозой:
Я тогда пущуся въ море
Беззаботенъ и одинъ,
Разгуляюсь на просторѣ
И потѣшусь въ буйномъ морѣ
Съ дикой прихотью пучинъ.

Дайте мнѣ дворецъ высокой
И кругомъ зеленый садъ,
Чтобъ въ тѣни его широкой

Зрѣлъ янтарный виноградъ,
Чтобъ фонтанъ, не умолкая,
Въ залѣ мраморномъ журчалъ,
И меня, въ мечтаньяхъ рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплялъ и пробуждалъ...

Лермонтовъ.

107. Что ты спишь, мужичокъ?

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ,
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ, и что сталъ,
И что есть у тебя?

На гумнѣ — ни снопа;
Въ закромахъ ([1]) — ни зерна;
На дворѣ — по травѣ
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтей — домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И, нагнувшись, изба
Какъ старушка стоитъ.

Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой.

([1]) отгородка или неподвижный ларь въ *хлѣбномъ анбарѣ* для ссыпанія зерноваго *хлѣба.*

Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ!
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему
Растворили вездѣ,
И въ почетномъ углу ([2])
Было мѣсто твое!

А теперь, подъ окномъ,
Ты съ бѣдою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.

А въ поляхъ сиротой
Хлѣбъ не кошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ;

Всѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну, —
Бражку ковшикомъ пьютъ.

А. Кольцовъ.

([2]) подъ образами.

108. Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большова лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ;
Ну! тащися сивка!
Я самъ-другъ съ тобою
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно на скирды,
Молочу и вѣю; —
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка —
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.

Ну! тащися, сивка!
Накормлю до-сыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

А. Кольцовъ.

---

109. По полю, полю чистому.

По полю, полю чистому,
По бархатнымъ лужкамъ
Течетъ, струится рѣченька
Къ безвѣстнымъ бережкамъ.
Взойдетъ гроза, пройдетъ гроза —
Всегда свѣтла она!
Отъ бури лишь поморщится,
Не зная, что волна....
Не рощи, не дубравушки
По бережку ростутъ:
Кусты цвѣтовъ лазоревыхъ,
Любуясь въ ней, цвѣтутъ!
А рѣчка извивается
По травушкѣ скользитъ....
То въ ямкѣ потеряется,
То снова заблеститъ!
Ей убыли невѣдомы,
Всегда въ одной красѣ!
За прибыль благодарствуетъ
Небесной лишь росѣ!
Но, долго-ль, долго-ль рѣченькѣ
Катиться по цвѣтамъ?
Ждутъ бездны моря, свѣтлую,
Въ дали туманной, тамъ!
О поле, поле чистое!
Осиротѣешь ты....
И вы, и вы посохнете,
Лазоревы цвѣты!
Ахъ, рѣчка, рѣчка свѣтлая,
Измѣнчивъ нашъ удѣлъ!...
На рѣзвый бѣгъ твой по полю
Сквозь слезы я глядѣлъ:
И я жилъ рѣзво, весело,
Пѣвалъ въ былые дни,
И радости сердечныя

Лишь чувствовалъ однѣ!
Но все перемѣняется,
Проходитъ все, какъ сонъ,
И я грустить, печалиться
До гроба осужденъ.

Цыгановъ.

---

110. Полетай соловеюшко.

Полетай, соловеюшко,
На родиму сторонушку,
На родимой сторонушкѣ
Тамъ живала сироточка —
Сироточка горемычная
Моя матушка родимая!

Подъ ея подъ окошечкомъ
Есть кудрявое деревцо;
Оно мною посажено;
Ею часто поливано (¹),
Не водицей ключевою,
А слезами, да горючими.

Сядь на немъ, соловеюшко!
Свей на немъ тепло гнѣздышко,
Заведи малыхъ дѣтушекъ,
Распѣвай съ утра до ночи:
Потѣшай сиротинушку,
Мою матушку родимую!

Пусть родная не плачется,
Подъ окошечкомъ сидючи (²),
На проѣзжаго глядючи,
Обо мнѣ вспоминаючи!...
Еще я на бѣломъ свѣту,
Пуще прежняго люблю ее.

(¹) въ обыкновенномъ литературномъ языкѣ вышли изъ употребленія прич. страд. прошед. вр. изъ вида длительнаго, а равно и глаголъ страдательный, отъ нихъ произведенный; но въ народномъ языкѣ и въ произведеніяхъ чисто народныхъ они встрѣчаются чаще, чѣмъ прич. страд. наст. времени съ окончаніемъ *мый*. (²) дѣепричастія *полнаго окончанія же въ большомъ употребленіи у народа.*

Есть вѣдь дни, въ кои солнышко
Съ яснымъ мѣсяцемъ видятся....
Такъ настанетъ и намъ денекъ —
И мы съ ней повидаемся:
Наглядимся, насмотримся,
Насмѣемся.... наплачемся....
Крѣпко, крѣпко обнимемся
И до-сыта нацѣлуемся!

Цыгановъ.

---

111. Сладко пѣлъ душа соловушко.

Сладко пѣлъ душа соловушко
Въ зеленомъ моемъ саду:
Много, много зналъ онъ пѣсенокъ,
Слаще не было одной.

Ахъ! та пѣснь была завѣтная,
Рвала бѣлу грудь тоской;
А все слушать-бы хотѣлося,
Не разсталась-бы ввѣкъ съ ней.

Вдругъ подула по полуночи,
Будто на сердце легла,
Снѣговая непогодушка,
И мой садикъ занесла.

Со того-ли со безвременья (¹)
Опустѣлъ зеленый садъ:
Много пташекъ, много пѣсенъ въ немъ,
Только милой не слыхать.

Слышите-ль, мои подруженьки!
Въ зеленомъ моемъ саду
Не поетъ-ли мой соловушко
Пѣснь завѣтную свою?

»Гдѣ ужъ помнить перелетному,«
Мнѣ подружки говорятъ,
»Пѣсню, можетъ быть, постылую
Для него въ чужомъ краю?»

(¹) ненастье, непогода.

Нѣтъ! запѣлъ душа соловушко:
Въ чужедальной сторонѣ
Онъ все горькій сиротинушка, —
Онъ все тотъ-же, что и былъ.

Не забылъ онъ пѣснь завѣтную;
Все про край родной поетъ,
Все поетъ въ тоскѣ про милую;
Съ этой пѣснью и умретъ.

Лажечниковъ.

IV. Посланія.

112. Къ Вяземскому и Пушкину.

Друзья! тотъ стихотворецъ — горе,
Въ комъ безъ похвалъ восторга нѣтъ!
Хотѣть, чтобъ насъ хвалилъ весь свѣтъ,
Не то-же-ли, что выпить море?
Презрѣнью бросимъ тотъ вѣнецъ,
Который всѣмъ дается свѣтомъ!
Иная слава намъ предметомъ,
Иной награды ждетъ пѣвецъ!
На что на Фебовъ даръ (1) священный
Такъ безразсудно клеветать?
Могу-ль повѣрить, чтобъ страдать
Пѣвецъ, отъ Музы вдохновенный,
Былъ долженъ болѣ, чѣмъ глупецъ,
Земли безчувственный жилецъ,
Съ глухой и вялою душою,
Чѣмъ добровольной слѣпотою
Убившій все, чѣмъ красенъ свѣтъ,
Завистникъ генія и славы?
Нѣтъ! жалобы твои неправы,
Другъ Пушкинъ! счастливъ, кто поэтъ!
Его блаженство прямо съ неба;
Онъ имъ не дѣлится съ толпой;
Его судьи лишь чада Феба!
Ему-ли съ пламенной душой
Плоды святаго вдохновенья
Къ ногамъ холоднымъ повергать,
И на колѣнахъ (2) ожидать
Отъ недостойныхъ одобренья?
Одинъ, среди песковъ, Мемнонъ,
Сѣдя (3) съ возвышенной главою,
Молчитъ! — Лишь гордою стопою
Касается ко праху онъ!
Но лишь денницы появленье
Вдали востокъ воспламенитъ —
Въ восторгѣ мраморъ пѣснь гласитъ,
Таковъ поэтъ, друзья! — Презрѣнье
Въ пыли таящимся душамъ!
Оставимъ ихъ попрать стопамъ,
А взоры устремимъ къ востоку!
Смотрите — неподвластный року,
И находя въ себѣ самомъ
Покой, и честь, и наслажденья,
Мужъ праведный прямымъ путемъ
Идетъ — и терпитъ-ли гоненья,
Избавленъ-ли отъ нихъ судьбой —
Онъ сходенъ тамъ и тутъ съ собой!
Онъ благъ безъ примѣси не проситъ —
Нѣтъ! въ лучшій міръ онъ переноситъ
Надежды лучшія свои!
Такъ и поэтъ, друзья мои!
Поэзія есть добродѣтель!
Нашъ геній лучшій намъ свидѣтель!
Здѣсь славы чистой не найдемъ —

(1) поэзія; Фебъ или Аполлонъ — богъ свѣта *и поэзіи.*

(2) правильнѣе было бы: *на колѣняхъ.*

(3) Мемнонъ, царь Эѳіопскій, помогалъ Троянцамъ. Въ Египтѣ сооружена его статуя, издававшая, по сказаніямъ баснословія, звукъ при восхожденіи солнца.

На чтожъ искать? Перенесемъ
Свои надежды въ міръ потомства!...
Увы! Димитрія творецъ (4)
Не отличилъ простыхъ сердецъ
Отъ хитрыхъ, полныхъ вѣроломства!
Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями?
Пусть дружба нѣжными перстами(5)
Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила —
Въ нихъ зависть тернія вплела,
И торжествуетъ! растерзали
Ихъ иглы славное чело. —
Простому сердцу страшно зло:
Пѣвецъ угаснулъ отъ печали!
Ахъ! если-бъ могъ достигнуть гласъ
Участія и удивленья
Къ душѣ, не снесшей оскорбленья,
И усладить ее на часъ!
Чувствительность его сразила!
Чувствительность, которой сила
Моины (6) душу создала —
Пѣвцу погибелью была....
Потомство грозное, отищенья (7)!
А намъ, друзья, изъ отдаленья
Разсудокъ опытный велитъ
Смотрѣть на сцену, гдѣ гремитъ
Хвала — гулъ шумный и невнятный!
Подалѣ отъ толпы судей!
Пока мы не смѣшались съ ней,
Свобода другъ намъ благодатный!
Мы независимо въ тиши
Уютнаго уединенья,
Богаты ясностью души,
Поемъ для Музъ, для наслажденья,
Для сердца вѣрнаго друзей!
Для насъ всѣ обольщенья славы!
Рука завистниковъ-судей
Душеубійственной отравы
Въ ея сосудъ не подольетъ,
И злобы крикъ къ намъ не дойдетъ!
Страшись къ той славѣ прикоснуться,
Которою прельщаетъ свѣтъ —
Обвитый розами скелетъ!
Любуйся издали, поэтъ,
Чтобы вблизи не ужаснуться!
Внимай избраннымъ судіямъ:
Ихъ приговоръ зерцало намъ;
Ихъ одобренье намъ награда;
А порицаніе — ограда
Отъ убивающія даръ
Надменной мысли совершенства.
Хвала воспламеняетъ жаръ:
Но намъ не въ ней искать блаженства —
Въ трудѣ!... О благотворный трудъ,
Души печальныя цѣлитель,
И счастія животворитель!
Что предъ тобой ничтожный судъ
Толпы, въ рѣшеніяхъ пристрастной,
И вѣтреной, и разногласной?
И тотъ-же Карамзинъ, друзья,
Разимый злобой, не сраженный,
И сладкимъ лишь трудомъ блаженный,
Для насъ примѣръ и судія!
Спросите: для одной-ли славы
Онъ вопрошаетъ у вѣковъ,
Какъ были, какъ прешли державы,
И чадамъ подвиги отцовъ
На прахѣ древности являетъ?
Нѣтъ! онъ о славѣ забываетъ
Въ минуту славнаго труда!
Онъ беззаботно ждетъ суда
Отъ современниковъ правдивыхъ,
Не замѣчая и лица
Хулителей несправедливыхъ!
Имъ и не разорвать вѣнца,
Который взяло дарованье!
Ихъ злоба — имъ однимъ страданье!
Но пусть и очаруютъ свѣтъ —
Собою счастливый поэтъ,

---

(4) Озеровъ скончался послѣ долговременной болѣзни, съ которою было сопряжено разстройство умственныхъ силъ; онъ былъ жертвою зависти и несправедливости. (5) црк.-слв. имя сущ.; отъ него происходитъ слово *перстень*. *(6) героиня въ трагедіи Озерова „Фингалъ“. (7) т. е. проситъ, требуетъ.*

Твори, будь твердъ! ихъ зданья ломки!
А за тебя дадутъ отвѣтъ
Необольстимые потомки.

Жуковскій.

»Онъ твой, сей Дерптъ германо-русскій.
»По стогнамъ, въ росказняхъ бесѣдъ,
»Еще грохочутъ отголоски
»Твоихъ студенческихъ побѣдъ.«

Вяземскій.

113. Языкову.

»Я у тебя въ гостяхъ, Языковъ!
»Я въ княжествѣ твоихъ стиховъ,
»Гдѣ эхо не забыло кликовъ
»Твоихъ восторговъ и пировъ.

»Я въ Дерптѣ, павшемъ предъ тобою!
»Его твой стихъ завоевалъ:
»Ты риѳмоносною рукою
»Дерптъ за собою записалъ.

»Ты Русскимъ духомъ, Русской рѣчью
»Въ немъ православья поднялъ тѣнь,
»И Русскихъ риѳмъ своихъ картечью
»Вновь Дерпту задалъ Юрьевъ день (1)!

»Хвала тебѣ! живое пламя
»Ты не вотще въ груди таилъ:
»Державина святое знамя
»Ты здѣсь съ побѣдой водрузилъ!

»Ты подъ его широкой славой
»Священный заключилъ союзъ
»Орла поэзіи двуглавой
»Съ орломъ германскихъ древнихъ музъ.

(1) Этотъ день имѣлъ важное значеніе въ старинномъ быту Русскихъ людей, и сложилась даже поговорка: вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день. Дерптъ же назывался въ *древности Юрьевымъ*.

114. Черепъ.

Прими сей черепъ, Д***, онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву,
Тебѣ повѣдаю, Баронъ,
Его готическую славу.

Почтенный черепъ сей неразъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Литовскій мечъ, въ недобрый часъ,
По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ животворный Аполлона;
Ну, словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ Барона,
Барона Д***. Баронъ
Конечно былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ женъ.
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый,
И предокъ твой крѣпкоголовый
Смутился-бъ рыцарской душой,
Когда-бъ тебя передъ собой
Увидѣлъ, безъ одежды бранной,
Съ главою, миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ и съ лирою златой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ, впрочемъ, былъ судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной

И эпитафіей плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покоя нѣтъ.
Косматый баловень природы,
И математикъ, и поэтъ,
Буянъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, физіологъ,
Идеологъ и филологъ,
Короче вамъ — студентъ присяжный,
Съ витою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить пиво
Въ дыму табачныхъ облаковъ,
Бродить надъ берегами моря,
Мечтать о Лотхенъ, или съ горя
Стихи писать, да бить жидовъ.
Студентъ подъ лѣстницей трактира
Въ каморкѣ темной жилъ одинъ:
Тамъ, въ видѣ зеркалъ и картинъ,
Короткій плащъ, картузъ, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полуизмаранный альбомъ,
Творенья Фихте и Платона,
Да два восточныхъ лексикона,
Подъ паутиною въ углу,
Лежали грудой на полу,
Предметъ занятій разнородныхъ
Ученаго, да крысъ голодныхъ.
Мы знаемъ: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищетъ;
Смѣясь надъ глупой суетой,
Въ чуланѣ онъ безпечно свищетъ.
Умѣренность, вѣщалъ мудрецъ,
Сердецъ высокихъ отпечатокъ.
Студентъ, однакожъ, наконецъ
Замѣтилъ важный недостатокъ
Въ своемъ быту: ему предметъ
Необходимый былъ... скелетъ,
Предметъ философамъ любезный,
Предметъ пріятный и полезный
Для глазъ и сердца, слова нѣтъ:
Но гдѣ достанетъ онъ скелетъ?
Вотъ онъ однажды въ воскресенье
Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
И тотчасъ, взявъ въ соображенье
Его характеръ и служенье,
Рѣшился подружиться съ нимъ.
За кружкой пива, мой герой
Открылся кистеру душой
И говоритъ: нельзя-ль, пріятель,
Тебѣ досужною порой
Свести меня въ подвалъ могильный,
Костями праздными обильный,
И между тѣмъ одинъ скелетъ
Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
Клянусь тебѣ Айдескимъ богомъ:
Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
И до моихъ послѣднихъ дней
Красой обители моей.
Смутился кистеръ изумленный.
»Что за желанье? что за страсть?
Идти въ подвалъ уединенный,
Встревожить мертвыхъ сонъ почтенный
И одного изъ нихъ украсть!
И кто-же?... Онъ, гробовъ хранитель!
Что скажутъ мертвые потомъ?«
Но пиво, страха усыпитель
И гнѣвной совѣсти смиритель,
Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.
Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,
Что къ ночи будетъ все готово
И другу назначаетъ часъ.
Они разстались.
День угасъ.
Настала ночь. Плащемъ покрытый,
Стоитъ герой нашъ знаменитый
У галлереи гробовой,
И съ нимъ преступный кистеръ мой,
Держа въ рукѣ фонарь разбитый,
Готовъ на подвигъ роковой.
И вотъ визжитъ замокъ заржавый,
Визжитъ предательская дверь —
И сходятъ витязи теперь
Во мракъ подвала величавый;
Сіяньемъ тощимъ фонаря

Глухіе своды озаря,
Идутъ — и эхо гробовое,
Смущенное въ своемъ покоѣ,
Протяжно вторитъ звукъ шаговъ.
Предъ ними длинный рядъ гробовъ;
Вездѣ щиты, гербы, короны;
Въ тщеславномъ тлѣніи кругомъ
Почіютъ непробуднымъ сномъ
Высокородные бароны....
. . . .
Прими-жъ сей черепъ, Д***: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.
Обдѣлай ты его, Баронъ,
Въ благопристойную оправу,
Издѣлье гроба преврати
Въ увеселительную чашу;
Виномъ кипящимъ освяти,
Да запивай уху да кашу.
Пѣвцу Корсара (¹) подражай,
И Скандинавовъ рай воинскій
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,
Или, какъ Гамлетъ-Баратынскій(²),
Надъ нимъ задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповѣдникъ,
Виномъ ли полный иль пустой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стоитъ головы живой.

А. Пушкинъ.

(¹) извѣстная поэма Байрона. (²) названъ Гамлетомъ по угрюмости и суровости своей музы.

115. Пушкину.

Кто, какъ лебедь цвѣтущей Авзоніи (¹),
Осѣненный и миртомъ и лаврами,
Майской ночью при хорѣ порхающихъ,
Въ сладкихъ грезахъ отвился отъ матери:

(¹) *Италія.*

Тотъ въ совѣтахъ не мудрствуетъ; на́ стѣны
Побѣжденныхъ знамена не вѣшаетъ;
Столбъ кормами судовъ непріятельскихъ
Онъ не краситъ предъ храмомъ Ареевымъ (²);

Флотъ, съ несчетнымъ богатствомъ Америки,
Съ тяжкимъ золотомъ, купленнымъ кровію,
Не взмущаетъ двукраты Экватора (³)
Для него кораблями бѣгущими.

Но съ младенчества онъ обучается
Воспѣвать красоты поднебесныя,
И ланиты его отъ привѣтствія
Удивленной толпы горятъ пламенемъ.

И Паллада (⁴) туманное облако
Разсѣваетъ отъ взоровъ — и въ юности
Онъ ужъ видитъ священную истину
И порокъ, изъ подлобья взирающій!

Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется;
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій.

А. Дельвигъ.

(²) намекъ на ростральныя колонны въ Римѣ предъ храмомъ Марса или Арея. (³) Колумбъ совершилъ два раза путешествіе въ Америку. (⁴) богиня войны.

116. Дельвигу.

Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой,
Путемъ однимъ пойдемъ до двери гроба
И тщетно намъ за грозною бѣдой
Бѣду грознѣй пошлетъ судьбины злоба.
Ты помнишь-ли, въ какой печальный срокъ
Впервые ты узналъ мой уголокъ?
Ты помнишь-ли, съ какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный силъ?
Я погибалъ: ты духъ мой оживилъ
Надеждою возвышенной и новой:
Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ Музъ;
Дѣля досугъ межъ ими и тобою,
Я-ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ
И передъ ней унизился душою?
Ты самъ порой глубокую печаль
Въ душѣ носилъ, но что? не мнѣ ли ввѣрить
Спѣшилъ ее? И дружба не всегда-ль
Хоть нѣсколько могла ее умѣрить?
Забытые фортуною слѣпой,
Мы ей на зло другъ въ другѣ все имѣли
И дружества твердя обѣтъ святой,
Безтрепетно въ глаза судьбѣ глядѣли.
О! вѣрь мнѣ въ томъ: чѣмъ жребій ни грозитъ,
Упорствуя въ старинной непріязни,
Душа моя не вѣдаетъ боязни,
Души моей ничто не измѣнитъ!
Такъ, милый другъ! позволятъ ли мнѣ боги
Ярмо заботъ сложить когда нибудь
И весело на свѣтлый міръ взглянуть,
По прежнему-ль ко мнѣ пребудутъ *строги*,
Всегда я твой. Судьей души моей
Ты долженъ быть и въ ведро и въ ненастье,
Удвоишь ты число счастливыхъ дней,
Не полное безъ раздѣленья счастье;
Въ дни бѣдствія я знаю, гдѣ найти
Участіе въ судьбѣ своей тяжелой:
Чего-жъ робѣть на жизненномъ пути?
Иду впередъ съ надеждою веселой.
Еще позволь желаніе одно
Мнѣ произнесть: молюся я судьбинѣ,
Чтобъ для тебя я сталъ хотя отнынѣ,
Чѣмъ для меня ты сталъ уже давно.

Баратынскій.

---

117. Любителю музыки.

Молю тебя, не мучь меня:
Твой шумъ, твои рукоплесканья,
Языкъ притворнаго огня,
Безсмысленныя восклицанья
Противны, ненавистны мнѣ.
Повѣрь, привычки рабъ холодный,
Не такъ, не такъ восторгъ свободный
Горитъ въ сердечной глубинѣ.
Когда-бъ ты зналъ, что́ эти звуки,
Когда-бы тайный ихъ языкъ
Ты чувствомъ пламеннымъ проникъ,
Повѣрь, уста твои и руки
Сковались-бы, какъ въ часъ святой,
Благоговѣйной тишиной.
Тогда-бъ ты не желалъ блеснуть
Личиной страсти принужденной,
Но ты-бъ въ углу, уединенной,
Таилъ вселюбящую грудь:
Тебѣ-бы люди были братья,

Ты-бъ втайнѣ слезы проливалъ
И къ нимъ горячія объятья,
Какъ другъ вселенной, простиралъ.

Веневитиновъ.

---

118. Поэту.

Не вѣрь, что хладными сердцами
Остались чужды мы тебѣ, —
Что ты забытъ, не понятъ нами, —
Что брошенъ въ жертву злой судьбѣ.

Твоей молитвы гимнъ прекрасный,
Твоихъ страданій тихій гласъ,
Все жизнью свѣжей, мыслью ясной,
Чаруя, оживило насъ.

Ты пѣлъ — и Обь, Иртышъ и Лена
Въ степяхъ вилися предо мной;
Бѣлѣла ихъ сѣдая пѣна,
Лѣса чернѣли надъ волной.

Ты пѣлъ — и подъ крыломъ бурана
Гудѣла степь и гнулся боръ,
И, прорѣзая зыбь тумана,
Росли вершины снѣжныхъ горъ;

Вставалъ Алтай, весь полонъ злата,
И тайны и видѣній полнъ;
А пѣснь твоя звучала свято,
Прекраснѣй горъ, степей и волнъ.

Ты нашъ! ты нашъ! родныя чувства
Сказались намъ, тебя мы ждемъ,
Мечты любимецъ, жрецъ искусства,
Святымъ проникнутый огнемъ!...

А. Хомяковъ.

---

119. Къ дѣтямъ.

Бывало, въ глубокій полуночный
часъ,
Малютки, приду любоваться на
васъ: —
Бывало, люблю васъ крестомъ зна-
менать,
Молиться, да будетъ на васъ бла-
годать,
Любовь Вседержителя Бога.

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій
покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты
душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ
дней
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ
дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота;
Нѣтъ въ комнатѣ жизни: кроватка
пуста,
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою
свѣтъ.
Мнѣ грустно, малютокъ моихъ уже
нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!

О дѣти, въ глубокій полуночный
часъ
Молитесь о томъ, кто молился о
васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ
знаменать;
Молитесь, да будетъ и съ нимъ
благодать,
Любовь Вседержителя Бога!

Хомяковъ.

V. Баллады.

120. Утопленникъ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Въ торопяхъ зовутъ отца:
»Тятя! тятя! Наши сѣти
Притащили мертвеца.«
— Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ;
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!

Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
Гдѣ-жъ мертвецъ? — »Вонъ, тятя, э-вотъ!«
Въ самомъ дѣлѣ при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый видѣнъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али (1) хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ:

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ,
И отъ берега крутаго
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ качаясь, какъ живой:
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
»Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите-жъ, не болтайте,
А не то, поколочу.«

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка,
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика,
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ,
Буря воетъ, вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

»Кто тамъ?« — Эй, впусти, хозяинъ! —
»Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чертъ занесъ тебя сюда;
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.«
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится —
Что-же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ:
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустилися руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ,
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ: чтобъ ты лопнулъ!
Прошепталъ онъ задрожавъ.

(1) *въ просторѣчіи вмѣсто или.*

Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролётъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждётъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаётъ
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

А. Пушкинъ.

---

121. Бѣсы.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

— Эй, пошелъ ямщикъ!.. —
»Нѣтъ мочи:
»Конямъ, баринъ, тяжело;
»Вьюга мнѣ слипаетъ очи:
»Всѣ дороги занесло;
»Хоть убей, слѣда не видно;
»Сбились мы. Что дѣлать намъ!
»Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
»Да кружитъ по сторонамъ.

»Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
»Дуетъ, плюетъ на меня;
»Вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ
»Одичалаго коня;
»Тамъ *верстою небывалой*
»Онъ торчалъ передо мной,
»Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
»И пропалъ во тмѣ пустой.«

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали... — Что тамъ въ полѣ? —
»Кто ихъ знаетъ: пень, иль волкъ?»

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во иглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна,
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ....

А. Пушкинъ.

---

122. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хазарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну (1) старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ:
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро-ль, на радость сосѣдей — враговъ,
Могильной засыплюсь (2) землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня.
Въ награду любаго возьмешь ты коня.

»Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ ненуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

»Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

»И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ (3), и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
Незримый хранитель могущему данъ.

»Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего.«

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой,
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.

---

(1) *богъ* грома и молніи въ славянской *миѳологіи.* (2) *вѣрнѣе было бы сказать: я буду засыпанъ.*

(3) пращъ, или праща, есть орудіе для киданія камней.

»Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

»Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ устцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите.«
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана.....
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

»А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все такъ-же легокъ его бѣгъ?
Все тотъ-же ль онъ бурный игривый?«
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: »Что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ,
Презрѣть-*бы* твое предсказанье:
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня!«
И хочетъ увидѣть онъ кости коня!

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ, на холмѣ, у брега Днѣпра
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: »спи, другъ одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь,
И жаркою кровью мой прахъ напоишь (4)!

»Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!«
Изъ мертвой главы гробовая змія,
Шипя, между-тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

---

(4) при погребеніи славянскаго витязя закалали на могилѣ его коня.

123. Мадона.

Близъ Пизы, въ Италіи, въ полѣ пустомъ,
(Не зрѣлось (¹) жилья на полмили кругомъ)

Межъ древнихъ развалинъ стояла лачужка;
Съ молоденькой дочкой жила въ ней старушка.

Съ разсвѣта до ночи за тяжкимъ трудомъ,
А все таки голодъ имъ часто знакомъ.

И дочка порою душой унывала;
Терпѣньемъ скудѣя, на Бога роптала.

Не плачь, не крушися ты, солнце мое!
Тогда утѣшала старушка ее.

Не плачь, перемѣнится доля крутая:
Придетъ къ намъ на помощь Мадона святая.

Да ликъ ея вѣру въ тебѣ укрѣпитъ:
Смотри, какъ привѣтно съ холста онъ глядитъ!

Старушка смиренная съ рѣчью такою,
Бывало, крестилась дрожащей рукою.

И съ теплою вѣрою въ сердцѣ простомъ,
Она съ умиленнымъ и кроткимъ лицомъ,

На живопись темную взоръ подымала,

(¹) *не было видно.*

Что уголъ въ лачужкѣ безъ рамъ занимала.

Но больше и больше нужда ихъ тѣснитъ,
Дочь плачетъ, старушка свое говоритъ.

Съ утра по руинамъ бродилъ любопытный:
Забылся, красѣ ихъ дивясь, ненасытный.

Кровъ нуженъ ему отъ полдневныхъ лучей:
Стучится къ старушкѣ и входитъ онъ къ ней.

На лавку садился пришлецъ утомленный;
Но вспрянулъ, картиною вдругъ пораженный.

»Божественный образъ! чья кисть это, чья?
О, какъ не узнать мнѣ! Корреджій (¹), твоя!

И въ хижинѣ этой творенье таится,
Которымъ и царскій дворецъ возгордится!

Старушка, продай мнѣ картину свою,
Тебѣ за нее сто піастровъ даю.«

— Синьоръ, я бѣдна, но душой не торгую;
Продать не могу я икону святую. —

»Я двѣсти даю, согласися продать.«
— Синьоръ, Синьоръ! бѣдность грѣшно искушать.

(¹) вѣрнѣе: Корреджіо.

Упрямства не могъ побѣдить онъ въ старушкѣ:
Осталась картина въ убогой лачужкѣ.

Но вскорѣ потомъ по Италіи всей
Летучая вѣсть разнеслася о ней.

Къ старушкѣ моей гость за гостемъ стучится,
И, дверь отворяя, старушка дивится.

За входъ она малую плату беретъ
И съ дочкой своею безбѣдно живетъ.

Прекрасно и чудно, о вѣра живая!
Тебя оправдала Мадона святая.

Баратынскій.

VI. Басни.

124. Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ.

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта.
Мышенокъ, не видавшій свѣта,
Попалъ было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей.
»Оставя нашу нору,
И перебравшися чрезъ гору,
Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
Какъ молодой мышенокъ,
Который хочетъ показать,
Что онъ ужъ не ребенокъ.
Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ:
Какіе звѣри, самъ не зналъ.
Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
Такъ миловиденъ былъ собою!
Другой — нахалъ, крикунъ; теперь лишь будто съ бою;
Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ
Какой-то огненнаго цвѣта,
И будто двѣ руки, служащи для полета;
Онъ ими такъ махалъ,
И такъ ужасно горло дралъ,
Что я таки не трусъ, а подавай Богъ ноги (1) —
Скорѣе отъ него съ дороги.
Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
Нашелъ наставника и друга!
Въ глазахъ его была написана услуга;
Какъ тихо шевелитъ пушистымъ онъ хвостомъ!
Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
Смиренны, кроткіе, но полные огня!
Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня,
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
Что у него должна быть симпатія съ нами,
Высокородными мышами.«
А я тебѣ на то скажу,
Мышенка мать остановила:
Что этотъ доброхотъ,
Котораго тебя наружность такъ прельстила,

(1) т. е. пустился бѣжать.

Смиренникъ этотъ ..... Котъ!
Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель;
Другой же былъ Пѣтухъ, миролюбивый житель.
Не только отъ него не видимъ мы вреда,
Иль огорченья,
Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья.

Дмитріевъ.

---

125. Пушки и Паруса.

На кораблѣ у Пушекъ съ Парусами
Возстала страшная вражда.
Вотъ, Пушки, выставясь изъ портовъ вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
»О, боги! видано-ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Что дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь?
Лишь только вѣтеръ станетъ дуть,
Они, надувъ спѣсиво грудь,
Какъ будто важнаго какого сану,
Несутся гоголемъ ([1]) по океану,
И только чванятся; а мы — громимъ въ бояхъ!
Не нами-ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?
Не мы-ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ Парусами;
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами;
Лети же, помоги, могущій намъ Борей,
И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!«
Борей послушался — летитъ, дохнулъ, и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья Паруса.
Не стало ихъ, утихла непогода;
Но что-жъ? корабль безъ Парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ, и валовъ,
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,
Корабль мой недвижимъ ([2]): сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ Пушками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ — врагамъ она грозна,
А паруса — гражданскія въ ней власти.

Крыловъ.

([1]) т. е. спѣсиво; гоголь есть названіе *особой породы утокъ, anas clangula.*

([2]) остановился.

126. Котъ, Ласточка и Кроликъ.

Случилось Кролику отъ дома отлучиться,
Иль лучше: онъ пошелъ Аврорѣ поклониться
На тьминѣ, вспрыснутомъ росой.
Здоровъ, спокоенъ и на волѣ,
Попрыгавъ, пощипавъ муравки свѣжей въ полѣ,
Приходитъ Кроличекъ домой,
И что же? — чуть его не подкосились ноги?
Онъ видитъ: Ласточка разставливаетъ тамъ
Своихъ пенатовъ по угламъ! —
Во снѣ ли я, иль нѣтъ? страннопріимны боги!
Изгнанникъ возопилъ
Изъ отческаго дома.
»Что надобно?« вопросъ хозяйки новой былъ. —
Чтобъ ты, сударыня, безъ грома
Скорѣй отсюда вонъ! ей Кроликъ отвѣчалъ:
Пока я всѣхъ мышей на помощь не призвалъ.
»Мнѣ выдти вонъ? она вскричала: вотъ прекрасно!
Да что за право самовластно?
Кто далъ тебѣ его? и стоитъ ли войны
Нора, въ которую и самъ ползкомъ ты входишь?
Но пусть и царство будь, не всѣль мы здѣсь равны?
И гдѣ, скажи мнѣ, ты находишь,
Что Богъ, создавши свѣтъ, его размежевалъ?
Богъ создалъ Ласточку, тебя, и дромадера,
А землемѣра
Отнюдь не создавалъ.
Ктожъ болѣ права далъ на эту десятину
Петрушкѣ Кролику, племяннику иль сыну
Филата, Фефела, чѣмъ Карпу, или мнѣ?
Пустое, братъ! земля всѣмъ служитъ на равнѣ;
Ты первый захватилъ: тебѣ принадлежала;
Ты вышелъ, я пришла: моею норка стала.«
Петръ Кроликъ приводилъ въ доводъ
Обычай, давность—ихъ законовъ,
Онъ утверждалъ: введенъ въ владѣніе нашъ родъ
Безспорно этимъ домомъ,
Который Кроликомъ Софрономъ
Отказанъ, справленъ былъ за сына своего,
Ивана Кролика; по смерти же его
Достался, въ силу права,
Тожъ (1) сыну, именно мнѣ Кролику Петру;
Но если думаешь, что вру,
Такъ отдадимъ себя на судъ мы Крысодава. —
А этотъ Крысодавъ, сказать безъ многихъ словъ,
Былъ постный, жирный Котъ, мужъ святъ изъ всѣхъ Котовъ,
Пустынникъ набожный средь свѣта,
И въ казусныхъ дѣлахъ оракулъ для совѣта.
»Съ охотой!« Ласточка сказала..... И потомъ
Пошли они къ Коту. Приходятъ, бьютъ челомъ,
И оба говорятъ: »Помилуй!« — Разсудите!..... —
Поближе, дѣтушки, ихъ перервалъ судья:
Не слышу я,
Отъ старости сталъ глухъ, поближе подойдите! —

(1) также.

Они подвинулись, и вновь ему поклонъ,
А онъ
Вдругъ обѣ лапы врознь, царапъ того, другова,
И въ мигъ ихъ примирилъ:
Не вымолвя ни слова,
Задавилъ. —

Дмитріевъ.

---

127. Рысь и Кротъ.

Когда-то Рысь, найдя лежащаго Крота,
Изъ жалости ему посвойски (1) говорила:
Увы! мой бѣдный Кротъ! несчастье слѣпота!
И рощица и лугъ съ цвѣтами — всѣ мѣста
Тебѣ какъ темная могила!
Какая жизнь твоя!
Съ утра до вечера ты спишь, или зѣваешь!
И ни о чомъ не разсуждаешь;
А я
Теперь же, будто на ладонѣ,
Всё вижу на́-версту вокругъ,
И всё пересказать готова — слушай, другъ:
Вотъ Ястребъ въ облакахъ за Коршуномъ въ погонѣ;
Здѣсь Ласточка своихъ птенцовъ
Питаетъ Мухами, — добычей паўковой;
Тамъ хитрая Лиса Цыпленку строитъ ковъ;
Тамъ Кролика постигъ ударъ ружья громовой;
Здѣсь Кошка давитъ Мышь, а тамъ Змѣя впилась въ Корову;

(1) *по своему.*

А далѣе Медвѣдь, разинувъ пасть багрову,
Реветъ и гонится за Серной по скаламъ;
А вотъ и лютый Волкъ Ягненочка терзаетъ....
»Ахъ, полно, полно! Кротъ болтунью прерываетъ:
Утѣшно-ль зрячимъ быть для ужасовъ такихъ?
Довольно и того, что слышалъ я объ нихъ.»

Дмитріевъ.

---

128. Муха.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ;
А Муха у него сидѣла на рогахъ,
И Муху же они дорогой повстрѣчали.
Откуда ты, сестра? отъ этой былъ вопросъ.
А та, поднявши носъ,
Въ отвѣтъ ей говоритъ: откуда?
Мы пахали!

Отъ басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось ли подчасъ вамъ слышать, господа:
»Мы сбили! мы рѣшили!«

Дмитріевъ.

---

129. Чижикъ и Зяблица.

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо и, сидя въ немъ, поетъ:
»Ахъ! скоро-ль солнышко взойдетъ,
И съ домикомъ меня застанетъ?
Ахъ! скоро-ли оно проглянетъ?
Но вотъ ужъ и взошло! Какъ тихо и красно!

Какая въ воздухѣ, въ дыханьи, въ жизни сладость!
Ахъ, я такого дня не видывалъ давно.«
Но безъ товарища и радость намъ не въ радость:
Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!
»Любезна Зяблица! кричитъ мой Чижъ сосѣдкѣ,
Смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ:
Что ты задумалась? давай-ка день хвалить!
Смотри, какъ солнышко......« Но солнце вдругъ сокрылось,
И небо тучами отвсюду обложилось;
Всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзда, кто въ рѣку,
Лишь галки стаями гуляютъ по песку,
И крикомъ бурю вызываютъ;
Да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ;
Быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ;
А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,
Ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву.
И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ восшумѣлъ,
Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ,
И пали пастухи со стадомъ.
Потомъ прошла гроза и солнце расцвѣло,
Все стало ярче и свѣтлѣе,
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе —
Лишь домикъ у Чижа куда-то занесло.
О бѣдненькій мой Чижъ! Онъ мокрыми крылами
Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ,
И ей со вздохомъ и слезами,
Носокъ повѣся, говоритъ:
»Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ;
Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ.

Дмитріевъ.

130. Метафизикъ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за́-море дѣтей учиться посылаютъ,
И что того, кто за́-моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за́-море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился;
Но сынъ глупѣе воротился.
Попался на́-руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ:
И малаго не научили,
А на́-вѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало съ глупости онъ попросту болталъ;
Теперь все свысока безъ толку толковалъ.
Бывало глупые его не понимали;
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ.
Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:
Сыскать начало всѣхъ началъ, —

Когда за облака онъ думой вознో-
сился,
Дорогой шедши — оступился
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился (1),
Скорѣе бросился веревку принести —
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А умный между тѣмъ дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
»Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье,
А въ яму скорое стремленье —
Центральное влеченье,
Воздушное давленье.....«
Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
»Вотъ, говоритъ, тебѣ веревка! ухватися!
Я потащу тебя, держися!«
— »Нѣтъ, погоди тащить; скажи мнѣ напередъ...«
Понесъ студентъ обычный бредъ:
»Верёвка вещь какая?«
Отецъ его былъ неученъ,
Но разсудителенъ, уменъ;
Вопросъ учоный оставляя,
— »Верёвка вещь,« ему отвѣтствовалъ, »такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ.«
»На это бъ выдумать орудіе другое!«
Учоный всё своё несетъ:
»А это что такое....
Верёвка! — вервіе простое!«
— »Да время надобно!« Отецъ ему на то:
»А это хоть не ново,
Да благо ужъ готово.«
»Да время что?« —
— »А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять.
Сиди,« сказалъ отецъ: »пока приду опять.«

Что еслибы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому въ товарищи послать?...
Да яма надобна большая!

Хемницеръ.

131. Волки и Овцы.

Овечкамъ отъ Волковъ совсѣмъ житья не стало,
И до того, что наконецъ
Правительство звѣрей благія мѣры взяло
Вступиться въ спасенье овецъ, —
И учрежденъ совѣтъ на сей конецъ.
Большая часть въ немъ, правда, были Волки;
Но не о всѣхъ Волкахъ вѣдь злые толки.
Видали и такихъ Волковъ, и многократъ,
Примѣры эти не забыты,
Которые ходили близко стадъ
Смирнёхонько, — когда бывали сыты.
Такъ почемужъ Волкамъ въ совѣтѣ и не быть?
Хоть надобно Овецъ оборонить,
Но и Волковъ не вовсежъ притѣснить.
Вотъ засѣданіе въ глухомъ лѣсу открыли;
Судили, думали, рядили
И, наконецъ, придумали законъ.
Вотъ вамъ отъ слова въ слово онъ:

(1) *случайно подошелъ къ нему.*

»Какъ скоро Волкъ у стада забуя-
нитъ,
И обижать онъ Овцу станетъ:
И Волка тутъ властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворотъ, и въ судъ
тотчасъ представить
Въ сосѣдній лѣсъ иль боръ.«
Въ законѣ нечего прибавить иль
убавить.
Да только я видалъ: до этихъ поръ —
Хоть говорятъ: Волкамъ и не спу-
скаютъ —
Что будь Овца отвѣтчикъ иль истецъ:
А только Волки всё таки Овецъ
Въ лѣса таскаютъ.

Крыловъ.

132. Лжецъ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть
и Князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гу-
ляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бы-
валъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счоту
прилыгалъ.
»Нѣтъ, говоритъ, что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ
слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить — такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо;
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная
тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь
майскій день.
Никто тамъ *ни садитъ*, ни сѣетъ:
А еслибъ посмотрѣлъ, что тамъ ра-
стётъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ
огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь-ли? Ну, право, былъ онъ
съ гору.«
— »Что за диковина! пріятель от-
вѣчалъ:
На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду:
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ
чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не
встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ видишь-ли черезъ рѣку тотъ
мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ
виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ
пройти не смѣетъ.
До половины не дойдётъ —
Провалится и въ воду упадётъ;
Но кто не лжётъ,
Ступай по нёмъ, пожалуй, хоть въ
каретѣ.«
»А какова у васъ рѣка?«
— »Да не мелка.
Такъ видишь-ли, мой другъ, чего-
то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть Римскій огурецъ великъ, нѣтъ
спору въ томъ,
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ
сказалъ о нёмъ?«
— »Гора хоть не, гора, но, право,
будетъ съ домъ.«
— »Повѣрить трудно!
Однакожъ какъ ни чудно,
А всё чудёнъ и мостъ, по коемъ мы
пойдёмъ,
Что онъ лжеца никакъ не подни-
маетъ;

И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ
это знаетъ)
Два журналиста да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо.«
— »Ну не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по нашему
хоромы;
Что тамъ за домы:
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать, ни сѣсть!«
— »Пусть такъ; но всё признаться
должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво
счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно,
Однако-жъ мостъ-атъ (1) нашъ
каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ
пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть Римскій твой и чуденъ огурецъ...«
— »Послушай-ка, тутъ перервалъ
мой Лжецъ:
Чѣмъ нá-мость намъ итти, поищемъ лучше броду.«

Крыловъ.

(1) определительная частица въ просторѣчіи вмѣсто *то*.

133. Котъ и Поваръ.

Какой-то Поваръ, грамотѣй,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ
правилъ
И въ этотъ день по кумѣ тризну (1)
правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что-же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Объѣдки пирога; а Васька-Котъ
въ углу,
Припавъ за уксуснымъ бочонкомъ,
Мурлыча и ворча трудится надъ
курчонкомъ.
»Ахъ, ты обжора! ахъ злодѣй!«
Тутъ Ваську Поваръ укоряетъ:
»Не стыдноль стѣнъ тебѣ, не только что людей?
(А Васька всё таки курчонка убираетъ.)
Какъ! бывъ честнымъ котомъ до
этихъ поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства (2) кажутъ;
А ты.... ахти, какой позоръ!
Теперя (3) всѣ сосѣди скажутъ:
Котъ-Васька плутъ, Котъ-Васька
воръ!
И Ваську-де (4) не только что въ
поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню;
Онъ порча, онъ чума, онъ язва
здѣшнихъ мѣстъ!«
(А Васька слушаетъ, да ѣстъ.)
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ
теченью,
Не находилъ конца нравоученью.
Но чтожъ? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ Васька всё жаркое съѣлъ.

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,

(1) совершалъ поминовеніе.

(2) правильная форма есть: смиреніе. (3) въ просторѣчіи значитъ *теперь*. (4) употребительная въ простонародномъ языкѣ частица, означающая чужую, вводную рѣчь.

Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

Крыловъ.

134. Гуси.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню.
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается.)
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе объ этомъ толковали,
И встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
»Гдѣ можно насъ Гусей несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ какъ будто бы простыхъ Гусей гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ Гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ([1]) Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники въ честь ихъ учреждены.«
— »А вы хотите быть за что отличены?«
Спросилъ прохожій ихъ. — »Да наши предки...« —»Знаю,
И всё читалъ, но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?«
— »Да наши предки Римъ спасли!« —
»Всё такъ, да вы что сдѣлали такое?«
— »Мы ничего!« — »Такъ что-жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ подѣломъ ([2]) была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое!«

Басню эту можно бы и болѣ пояснить;
Да чтобъ гусей не раздразнить.

Крыловъ.

135. Тришкинъ кафтанъ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался,
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ —
И локти заплаталъ. Кафтанъ опять готовъ:
Лишь на четверть голѣе руки стали,
Да что до этого печали?
Однако же смѣется Тришкѣ всякъ.
А Тришка говоритъ. »Такъ я же не дуракъ
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю.«
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

([1]) т. е. *одолженъ, обязанъ.*

([2]) црков.-слав. дательный падежъ множеств. числа.

Такимъ же образомъ видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

Крыловъ.

---

136. Ворона и Лисица.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не въ прокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ, — Лисицу сыръ плѣнилъ,
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ право сказки!
Какія перушки! какой носокъ!
И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! — Что, ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-птица!«
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло, —
И на привѣтливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло;
Сыръ выпалъ — съ нимъ была плутовка такова.

Крыловъ.

---

137. Дѣвушка и Чижъ.

»Что это за житьё? Терпѣнья, право, нѣтъ!«
(Такъ Лиза, дѣвушка четырнадцати лѣтъ,
Сама съ собою говорила.)
»Всё хочетъ маменька, чтобъ я училась, шила;
Не дастъ почти и погулять.
Едва три раза въ годъ бываю я на балѣ;
А то вертись себѣ безъ кавалера въ залѣ!
Куда какъ весело одной вальсировать!«
Тутъ Лиза тяжело вздохнула,
Отерла слёзку и взглянула
Нечаянно на верхъ окна;
И чтожъ увидѣла она?
Любимый Чижъ ея въ рѣшетчатой темницѣ,
Конечно, вспомнивъ про лѣсокъ,
Сидѣлъ на жордочкѣ, повѣсивши носокъ.
»Ахъ! вольность дорога и птицѣ!
Сказала Лизанька: я по себѣ сужу.
О бѣдный Пипинька! Ужъ болѣ

Тебя не удержу;
Ступай, лети, мой другъ, и веселись на волѣ!«
Съ симъ словомъ отперла она у клѣтки дверь,
Встряхнулся Пипинька, летитъ въ окно, кружится,
На крышку ближнюю садится,
Запѣлъ. »Какъ счастливъ онъ теперь!«
Мечтала Лизанька.... и видитъ изъ окошка,
Что къ Пипинькѣ подкралась кошка,
Прыгнула на него и при ея глазахъ
Бѣдняжку растерзала.
Въ раскаяньи, въ слезахъ
Вотъ Лиза что сказала:
»Какъ смѣла я на маменьку роптать?
Теперь я вижу очень ясно,
Что волю тѣмъ имѣть опасно,
Кто слабъ и самъ себя не можетъ охранять.«

Измайловъ.

---

138. Волкъ на псарнѣ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились (1) въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: »Ахти, ребята, воръ!«
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ-минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
— »Огня!« кричатъ: »огня!«—Пришли съ огнемъ:
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему разсчесться за овецъ, —
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ такъ: »Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я, не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...«—»Послушай-ка, сосѣдъ,«
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
»Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И Волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.« —
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

Крыловъ.

(1) пустились лаять, залаяли.

---

139. Щука и Котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ,
И дѣло не пойдетъ на ладъ.

Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить, иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошечье приняться ремесло.
Не знаю: завистью-ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ-быть, ей рыбный столъ наскучилъ?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ анбарѣ половить.
»Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?«
Сталъ Щукѣ Васька говорить:
»Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.«
— »И, полно, куманёкъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.«
—»Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!« Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ, —
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ зá-мертво стащилъ ее обратно *въ прудъ.*

И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука,
Впередъ умнѣе быть,
И за мышами не ходить.

Крыловъ.

---

140. Бритвы.

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды я въ дорогѣ,
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ ночевалъ.
Поутру, чуть лишь я глаза продралъ,
И что же узнаю? — Пріятель мой въ тревогѣ:
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ;
Теперь я слушаю — пріятель сталъ не тотъ.
То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнетъ.
»Что сдѣлалось съ тобой? мой милый!.... Я надѣюсь,
Не боленъ ты.« — »Охъ! ничего: я брѣюсь.«
— »Какъ! только.« Тутъ я всталъ— гляжу: проказникъ мой
У зеркала сквозь слезъ такъ кисло морщитъ рожу,
Какъ будто бы съ него содрать сбирались кожу.
Узнавши наконецъ вину бѣды такой,
»Чтó дива?« я сказалъ: »ты самъ себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Вѣдь у тебя не Бритвы—косари;
Не бриться—мучиться ты только съ ними станешь.«
— »Охъ, братецъ, признаюсь,
Что Бритвы очень тупы!
Какъ этого не знать? Вѣдь мы не такъ ужъ глупы;
Да острыми-то я порѣзаться боюсь.«

— »А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
Что бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею.«

Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:
Не такъ ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей — боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ!

Крыловъ.

141. Ручей.

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно, въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
Услыша пастуха, Ручей журчитъ сердито:
— »Рѣка несытая! что, если-бъ дно твое
Такъ было, какъ мое,
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякій видѣлъ-бы на тинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай, бы со стыда ты землю сквозь прорыла,
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда-бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла.
Какъ осторожно бы вода моя текла
И мимо хижины и каждаго кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжилъ долины и луга,
Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ, ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро.«
Такъ говорилъ Ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.
И чтожъ? Не минуло недѣли,
Какъ туча ливная (1) надъ ближнею горой
Разсѣлась:
Богатствомъ водъ Ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но, ахъ! куда въ Ручьѣ смиренность (2) дѣлась!
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валяетъ дубы,
Лишь трески слышны вдалекѣ;
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Пенялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
И такъ журчатъ для сердца сладко,
Лишь только отъ того, что мало въ нихъ воды.

Крыловъ.

(1) излившая съ обильнымъ дождемъ.
(2) вѣрнѣе: смиреніе.

142. Вельможа.

Какой-то, въ древности, вельможа
Съ богато-убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ.
Сказать простѣе, — умеръ онъ;
И такъ, какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.
Тотчасъ допросъ ему: — »Чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?«
»Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ;
Но такъ какъ, живучи, я былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ.«
— »Что жъ дѣлалъ ты?« — »Пилъ, ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ.«
— »Скорѣй же въ рай его!« — »Какъ! гдѣ же справедливость?«
Меркурій (1) тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.
— »Эхъ, братецъ!« отвѣчалъ Эакъ (2):
»Не знаешь дѣла ты никакъ.
Не видишь развѣ ты? Покойникъ — былъ дуракъ!
Чтó, если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!...
И ты-бъ тамъ слезъ не обобрался!
Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался.

Вчера я былъ въ судѣ, и видѣлъ тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю!

Крыловъ.

(1) Меркурій считался сыномъ Юпитера и Маи; его признавали богомъ всякаго промысла и добычи. (2) Эакъ былъ по баснословнымъ преданіямъ царь на островѣ Эгинѣ, близъ Аѳинъ; сыновья его были Пелей и Теламонъ, а внуки Ахиллъ и Аяксъ. По причинѣ своего *правосудія онъ былъ* признанъ судьею *въ преисподнемъ царствѣ.*

---

143. Оселъ и Соловей.

Оселъ увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: »Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико-ль подлинно твое умѣнье?«
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,

»Изрядно,« говоритъ: »сказать
неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще-бъ ты болѣ навострился,
Когда-бы у него немножко по-
учился.«
Услыша судъ такой, мой бѣдный
Соловей
Вспорхнулъ и — полетѣлъ за три-
девять полей.

Избави, Богъ, и насъ отъ этакихъ
судей.

Крыловъ.

---

144. Напраслина.

Какъ часто что-нибудь мы сдѣ-
лавши худаго, (1)
Кладемъ вину въ томъ на дру-
гаго,
И какъ нерѣдко говорятъ:
»Когда-бъ не онъ, и въ умъ бы
мнѣ не впало!«
А ежели людей не стало,
Такъ ужъ лукавый виноватъ,
Хоть тутъ его совсѣмъ и не бы-
вало.
Примѣровъ тьма тому. Вотъ вамъ
изъ нихъ одинъ.
Въ Восточной сторонѣ какой-то
былъ Браминъ,
Хоть на словахъ и теплой вѣры,
Но не таковъ своимъ житьемъ
(Есть и въ Браминахъ лице-
мѣры);
Да это въ сторону, а дѣло только
въ томъ,
Что въ братствѣ онъ своемъ
Одинъ былъ правила такого,
Другіе-жъ всѣ житья святаго,
И, что всего ему тошнѣй,
Начальникъ ихъ былъ нраву пре-
крутаго:
Такъ преступить никакъ устава ты
не смѣй.
Однако-жъ мой Браминъ не
унываетъ.
Вотъ постный день, а онъ смѣ-
каетъ,
Нельзя-ли разрѣшить на сырное
тайкомъ?
Досталъ яйцо, полуночи до-
ждался,
И, свѣчку вздувши съ огонькомъ,
На свѣчкѣ печь яйцо принялся;
Ворочаетъ его легонько у огня,
Не сводитъ глазъ долой, и мыс-
ленно глотаетъ,
А про начальника, смѣяся, разсу-
ждаетъ:
»Не уличишь же ты меня,
Длиннобородый мой пріятель!
Яичко съѣмъ-таки я въ сласть.«
Анъ тутъ тихонько шасть
Къ Брамину въ келію надзи-
ратель,
И, видя грѣхъ такой,
Отвѣту требуетъ онъ грозно.
Улика на лицо и запираться поздно!
»Прости, отецъ святой,
Прости мое ты прегрѣшенье!«
Такъ взмолится Браминъ сквозь
слезъ:
»И самъ не знаю я, какъ впалъ
во искушенье;
Ахъ, наустилъ (2) меня прокля-
тый бѣсъ!«
А тутъ бѣсёнокъ, изъ-за печки,
— »Не стыдно ли,« кричитъ:
»всегда клепать на насъ!

---

(1) вѣрнѣе: *что-нибудь худое.*

(2) наущать, наустить то же, что побу-
ждать, склонять.

Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить, иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошечье приняться ремесло.
Не знаю: завистью-ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ-быть, ей рыбный столъ наскучилъ?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ анбарѣ половить.
»Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?«
Сталъ Щукѣ Васька говорить:
»Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.«
— »И, полно, куманёкъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.«
—»Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!«
Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ, —
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ зá-мертво стащилъ ее обратно *въ прудъ.*
И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука,
Впередъ умнѣе быть,
И за мышами не ходить.

Крыловъ.

---

140. Бритвы.

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды я въ дорогѣ,
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ ночевалъ.
Поутру, чуть лишь я глаза продралъ,
И что же узнаю? — Пріятель мой въ тревогѣ:
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ;
Теперь я слушаю — пріятель сталъ не тотъ.
То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнетъ.
»Что сдѣлалось съ тобой? мой милый!.... Я надѣюсь,
Не боленъ ты.« — »Охъ! ничего: я брѣюсь.«
— »Какъ! только.« Тутъ я всталъ— гляжу: проказникъ мой
У зеркала сквозь слезъ такъ кисло морщитъ рожу,
Какъ будто бы съ него содрать сбирались кожу.
Узнавши наконецъ вину бѣды такой,
»Чтó дива?« я сказалъ: »ты самъ себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Вѣдь у тебя не Бритвы—косари;
Не бриться—мучиться ты только съ ними станешь.«
— »Охъ, братецъ, признаюсь,
Что Бритвы очень тупы!
Какъ этого не знать? Вѣдь мы не такъ ужъ глупы;
Да острыми-то я порѣзаться боюсь.«

— »А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
Что бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею.«

Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:
Не такъ ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей — боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ!

Крыловъ.

---

141. Ручей.

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно, въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
Услыша пастуха, Ручей журчитъ сердито:
— »Рѣка несытая! что, если-бъ дно твое
Такъ было, какъ мое,
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякій видѣлъ-бы на тинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай, бы со стыда ты землю сквозь прорыла,
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда-бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла.
Какъ осторожно бы вода моя текла
И мимо хижины и каждаго кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжилъ долины и луга,
Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ, ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро.«
Такъ говорилъ Ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.
И чтожъ? Не минуло недѣли,
Какъ туча ливная (1) надъ ближнею горой
Разсѣлась:
Богатствомъ водъ Ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но, ахъ! куда въ Ручьѣ смиренность (2) дѣлась!
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валяетъ дубы,
Лишь трески слышны вдалекѣ;
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Пенялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
И такъ журчатъ для сердца сладко,
Лишь только отъ того, что мало въ нихъ воды.

Крыловъ.

---

(1) излившая съ обильнымъ дождемъ.
(2) вѣрнѣе: смиреніе.

142. Вельможа.

Какой-то, въ древности, вельможа
Съ богато-убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ.
Сказать простѣе, — умеръ онъ;
И такъ, какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.
Тотчасъ допросъ ему: — »Чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?«
»Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ;
Но такъ какъ, живучи, я былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ.«
— »Что жъ дѣлалъ ты?« — »Пилъ, ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ.«
— »Скорѣй же въ рай его!« — »Какъ! гдѣ же справедливость?«
Меркурій (1) тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.
— »Эхъ, братецъ!« отвѣчалъ Эакъ (2):
»Не знаешь дѣла ты никакъ.
Не видишь развѣ ты? Покойникъ — былъ дуракъ!
Чтó, если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!...
И ты-бъ тамъ слезъ не обобрался!
Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался.

Вчера я былъ въ судѣ, и видѣлъ тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю!

Крыловъ.

(1) Меркурій считался сыномъ Юпитера и Маи; его признавали богомъ всякаго промысла и добычи. (2) Эакъ былъ по баснословнымъ преданіямъ царь на островѣ Эгинѣ, близъ Аѳинъ; сыновья его были Пелей и Теламонъ, а внуки Ахиллъ и Аяксъ. По причинѣ своего *правосудія онъ былъ* признанъ судьею *въ преисподнемъ царствѣ.*

---

143. Оселъ и Соловей.

Оселъ увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: »Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико-ль подлинно твое умѣнье?«
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,

»Изрядно,« говоритъ: »сказать
неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще-бъ ты болѣ навострился,
Когда-бы у него немножко по-
учился.«
Услыша судъ такой, мой бѣдный
Соловей
Вспорхнулъ и — полетѣлъ за три-
девять полей.

Избави, Богъ, и насъ отъ этакихъ
судей.

Крыловъ.

---

144. Напраслина.

Какъ часто что-нибудь мы сдѣ-
лавши худаго, (1)
Кладемъ вину въ томъ на дру-
гаго,
И какъ нерѣдко говорятъ:
»Когда-бъ не онъ, и въ умъ бы
мнѣ не впало!«
А ежели людей не стало,
Такъ ужъ лукавый виноватъ,
Хоть тутъ его совсѣмъ и не бы-
вало.
Примѣровъ тьма тому. Вотъ вамъ
изъ нихъ одинъ.
Въ Восточной сторонѣ какой-то
былъ Браминъ,
Хоть на словахъ и теплой вѣры,
Но не таковъ своимъ житьемъ
(Есть и въ Браминахъ лице-
мѣры);
Да это въ сторону, а дѣло только
въ томъ,
Что въ братствѣ онъ своемъ

(1) вѣрнѣе: что-нибудь *худое.*

Одинъ былъ правила такого,
Другіе-жъ всѣ житья святаго,
И, что всего ему тошнѣй,
Начальникъ ихъ былъ нраву пре-
крутаго:
Такъ преступить никакъ устава ты
не смѣй.
Однако-жъ мой Браминъ не
унываетъ.
Вотъ постный день, а онъ смѣ-
каетъ,
Нельзя-ли разрѣшить на сырное
тайкомъ?
Досталъ яйцо, полуночи до-
ждался,
И, свѣчку вздувши съ огонькомъ,
На свѣчкѣ печь яйцо принялся;
Ворочаетъ его легонько у огня,
Не сводитъ глазъ долой, и мыс-
ленно глотаетъ,
А про начальника, смѣяся, разсу-
ждаетъ:
»Не уличишь же ты меня,
Длиннобородый мой пріятель!
Яичко съѣмъ-таки я въ сласть.«
Анъ тутъ тихонько шасть
Къ Брамину въ келію надзи-
ратель,
И, видя грѣхъ такой,
Отвѣту требуетъ онъ грозно.
Улика на лицо и запираться поздно!
»Прости, отецъ святой,
Прости мое ты прегрѣшенье!«
Такъ взмолится Браминъ сквозь
слезъ:
»И самъ не знаю я, какъ впалъ
во искушенье;
Ахъ, наустилъ (2) меня прокля-
тый бѣсъ!«
А тутъ бѣсёнокъ, изъ-за печки,
— »Не стыдно ли,« кричитъ:
»всегда клепать на насъ!

(2) наущать, наустить то же, что побу-
ждать, склонять.

Я самъ лишь у тебя учился сей
же часъ,
И, право, вижу въ первый разъ,
Какъ яица пекутъ на свѣчкѣ.«
Крыловъ.

---

145. Подагра и Паукъ.

Подагру съ Паукомъ самъ адъ на
свѣтъ родилъ:
Слухъ этотъ Лафонтенъ по свѣту
распустилъ.
Не стану я за нимъ вывѣшивать и
мѣрить,
На сколько правды тутъ, и какъ,
и почему;
Притомъ же, кажется, ему,
Зажмурясь, въ басняхъ можно
вѣрить.
И, стало, нѣтъ сомнѣнья въ
томъ,
Что адомъ рождены Подагра съ Па-
укомъ.
Какъ выросли они, и подоспѣло
время
Пристроить дѣтокъ къ должно-
стямъ
(Для добраго отца большія дѣти—
бремя,
Пока они не по мѣстамъ!),
То, отпуская въ міръ ихъ къ
намъ,
Сказалъ родитель имъ: »Подите
Вы, дѣтушки, на свѣтъ, и землю
раздѣлите!
Надежда въ васъ большая есть,
Что оба вы мою поддержите тамъ
честь,
И оба людямъ вы равно надоѣдите.
Смотрите же: отселѣ напередъ,
Кто чтó изъ васъ въ удѣлъ себѣ
возьметъ —
Вонъ, видите-ль вы пышные чер-
тоги?
А тамъ, вонъ, хижины убоги?
Въ одномъ просторъ, довольство,
красота;
Въ другомъ и тѣснота,
И трудъ, и нищета.«
— »Мнѣ хижинъ ни за что не
надо,«
Сказалъ Паукъ. — »А мнѣ не
надобно палатъ,«
Подагра говоритъ: »пусть въ нихъ
живетъ мой братъ.
Въ деревнѣ, отъ аптекъ подалѣ
жить я рада;
А то меня тамъ станутъ док-
тора
Гонять изъ каждаго богатаго
двора.«
Такъ смолвясь братъ съ сестрой
пошли, явились въ мірѣ.
Въ великолѣпнѣйшей квартирѣ
Паукъ владѣніе себѣ отмеже-
валъ:
По шкафамъ пышнымъ расцвѣ-
ченнымъ
И по карнизамъ золоченымъ
Онъ паутину разостлалъ,
И мухъ бы вдоволь нахваталъ;
Но къ-разсвѣту едва съ работою
убрался,
Пришелъ и щеткою все смелъ слу-
га долой.
Паукъ мой терпѣливъ: онъ къ печ-
кѣ перебрался,
Оттолѣ Паука метлой.
Туда, сюда Паукъ, бѣдняжка мой!
Но гдѣ основу ни натянетъ,
Иль щетка иль крыло вездѣ его до-
станетъ,
И всю работу изорветъ,
А съ нею и его частехонько сме-
тетъ.
Паукъ въ отчаяньи, и зá-городъ идетъ
Увидѣться съ сестрицей.
»Чай, въ селахъ,« говоритъ, »жи-
ветъ она царицей.«

Пришелъ — а бѣдная сестра у мужика
Несчастнѣй всякаго на свѣтѣ Паука:
Хозяинъ съ ней и сѣно коситъ,
И рубитъ съ ней дрова, и воду съ нею носитъ:
Примѣта у простыхъ людей,
Что чѣмъ подагру мучишь болѣ,
Тѣмъ ты скорѣй
Избавишься отъ ней.
»Нѣтъ, братецъ,« говоритъ она: »не жизнь мнѣ въ полѣ!«
А братъ
Тому и радъ;
Онъ тутъ же съ ней удѣломъ обмѣнялся:
Вползъ въ избу къ мужику, съ товаромъ разобрался,
И, не боясь ни щетки, ни метлы,
Заткалъ и потолокъ, и стѣны, и углы.
Подагра же тотчасъ въ дорогу;
Простилася съ селомъ;
Въ столицу прибыла, и въ самый пышный домъ
Къ Превосходительству сѣдому сѣла въ ногу.
Подагрѣ рай! Пошло житье у старика:
Не сходитъ съ нимъ она долой съ пуховика.
Съ тѣхъ поръ съ сестрою братъ ужъ болѣ не видался;
Всякъ при своемъ у нихъ остался,
Доволенъ участью равно:
Паукъ по хижинамъ пустился неопрятнымъ,
Подагра же пошла по богачамъ и знатнымъ;
И оба дѣлаютъ умно.

Крыловъ.

146. Госпожа и двѣ Служанки.

У Барыни, старушки кропотливой,
Неугомонной и брюзгливой,
Двѣ были дѣвушки, Служанки, коихъ часть (1)
Была съ-утра и до глубокой ночи,
Рукъ непокладывая, прясть.
Не стало бѣднымъ дѣвкамъ мочи:
Имъ будни, праздникъ — все равно;
Нѣтъ угомона на старуху:
Днемъ перевесть она не дастъ за пряжей духу;
Зарей, гдѣ спятъ еще, а ужъ у нихъ давно
Пошло плясать верстено.
Быть-можетъ, иногда-бъ старуха опоздала:
Да въ домѣ томъ проклятый былъ пѣтухъ:
Лишь онъ поетъ — старуха встала,
Накинетъ на себя шубейку и треухъ,
У печки огонёкъ вздуваетъ,
Бредетъ, ворча, къ прядильницамъ въ покой,
Расталкиваетъ ихъ костлявою рукой,
А заупрямятся, — клюкой,
И сладкій на зарѣ ихъ сонъ перерываетъ.
Чтó будешь дѣлать съ ней?
Бѣдняжки морщатся, зѣваютъ, жмутся,
И съ теплою постелею своей,
Хотя не хочется, а разстаются;
На-завтрее (2) опять, лишь прокричитъ пѣтухъ,
У дѣвушекъ съ хозяйкой сказка та-же:

(1) обязанность. (2) въ просторѣчіи употребительны выраженія: на-завтрее, на-утрее.

Ихъ будятъ и морятъ на пряжѣ.
»Добро-же ты (3), нечистый духъ!«
Сквозь зубы пряхи тѣ на пѣтуха ворчали:
»Безъ пѣсенъ бы твоихъ мы вѣрно болѣ спали;
Ужъ надъ тобою быть грѣху!«
И, выбравши случай, безъ сожалѣнья,
Свернули дѣвушки головку пѣтуху.
Но что жъ? Онѣ себѣ тѣмъ ждали облегченья;
Анъ въ дѣлѣ вышелъ оборотъ
Совсѣмъ не тотъ:
То правда, что пѣтухъ ужъ болѣ не поётъ —
Злодѣя ихъ не стало:
Да Барыня, боясь, чтобъ время не пропало,
Чуть лягутъ, не даетъ почти свести имъ глазъ,
И рано такъ будить ихъ стала всякій разъ,
Какъ рано пѣтухи и съ роду не пѣвали.
Тутъ поздно дѣвушки узнали,
Что изъ огня онѣ, да въ полымя попали.

Такъ выбраться желая изъ хлопотъ,
Нерѣдко человѣкъ имѣетъ участь ту же:
Однѣ лишь только съ рукъ сживётъ,
Глядишь — другія нажилъ хуже!

Крыловъ.

(3) погоди же ты.

147. Апеллесъ и Осленокъ.

Кто самолюбіемъ чрезъ мѣру пораженъ,
Тотъ милъ себѣ и въ томъ, чѣмъ онъ другимъ смѣшенъ;
И часто тѣмъ ему случается хвалиться,
Чего бы долженъ онъ стыдиться.

Съ Осленкомъ встрѣтясь, Апеллесъ
Зоветъ къ себѣ Осленка въ гости;
Въ Осленкѣ заиграли кости!
Осленокъ хвастовствомъ весь душитъ лѣсъ,
И говоритъ звѣрямъ: »Какъ Апеллесъ мнѣ скученъ (1),
Я имъ размученъ:
Ну, все зоветъ къ себѣ, гдѣ съ нимъ ни встрѣчусь я.
Мнѣ кажется, мои друзья,
Намѣренъ онъ съ меня писать Пегаса.«
— »Нѣтъ,« Апеллесъ сказалъ, случася близко тутъ:
»Намѣряся писать Мидасовъ (2) судъ,
Хотѣлъ съ тебя списать я уши для Мидаса,
И коль пожалуешь ко мнѣ, я буду радъ.
Ослиныхъ мнѣ ушей и много хоть встрѣчалось,
Но этакихъ, какими ты богатъ,
Не только у ослятъ,
Ни даже у ословъ мнѣ видѣть не случалось.«

Крыловъ.

(1) вмѣсто: какъ Апеллесъ мнѣ наскучилъ. Апеллесъ былъ знаменитый живописецъ во время царствованія Александра Македонскаго. (2) Подъ именемъ Мидаса извѣстенъ царь Фригійскій. Ему было поручено разсудить, чья игра пріятнѣе, Аполлонова ли на гусляхъ, или Панова на свирѣли, и когда онъ отдалъ преимущество Пану, то Аполлонъ привѣсилъ ему за это ослиныя уши.

148. Пустынникъ и медвѣдь.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее пе всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокой,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой:
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: »А лужокъ, а темная дубрава,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?«
— »Прекрасны, что и говорить!
А всё прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.«
Такъ и Пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть [1],
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ,
Но дѣлать нечего: снимаетъ шапку,
И милому сосѣдушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что́ бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ не говорливъ;
Мишукъ [2] съ природы молчаливъ:
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, Пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ,
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по доламъ, и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и Пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный,
Мишка другу:
»Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу.«
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Мишка на часахъ — да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла:
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова

---

[1] вмѣсто *встрѣтить.*

[2] медвѣдей называютъ ихъ вожаки Мишка, Мишукъ, Мишенька, Михайло Иванычъ.

У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгрёбъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: »Молчи-жъ, ужъ я тебя, воструху!«
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хвать друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врознь раздался,
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался!

Крыловъ.

---

149. Дубъ и Трость.

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.
— »По истинѣ, роптать ты въ правѣ на природу,«
Сказалъ онъ: »воробей, и тотъ тебѣ тяжелъ.
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть,
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межъ-тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣваяся и вихрямъ, и грозамъ,
Стою и твердъ, и прямъ.
Какъ будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ:
Тебѣ все бурей — мнѣ все кажется *зефиромъ.*
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой,
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго Эолова владѣнья:
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья.»
— »Ты очень жалостливъ;« сказала Трость въ отвѣтъ:
»Однако не крушись; мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Такъ бури мало мнѣ вредятъ;
Едва-ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но — подождемъ конца!» -
Едва-лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ
И съ градомъ и съ дождемъ шумящій аквилонъ (1).
Дубъ держится, — къ землѣ Тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ, и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

Крыловъ.

---

(1) у Римлянъ аквилонъ то же, что у Грековъ борей, т. е. сѣверный вѣтеръ.

150. Два мальчика.

»Сенюша, знаешь ли, покамѣстъ, какъ барановъ
Опять насъ не погнали въ классъ,
Пойдемъ-ка, да нарвемъ въ саду себѣ каштановъ!«
— »Нѣтъ, Ѳедя, тѣ каштаны не про насъ!
Ты знаешь вѣдь, какъ дерево высоко:
Тебѣ, ни мнѣ, туда не взлѣзть (¹),
И намъ каштановъ тѣхъ не ѣсть!»
— «И, милой, да на что-жъ догадка?
Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка.
Я все придумалъ: погоди!
На ближній сукъ меня лишь подсади.
А тамъ мы сами умудримся,
И дó-сыта каштановъ наѣдимся.»
Вотъ къ дереву друзья со всѣхъ несутся ногъ.
Тутъ Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтѣлъ, весь потомъ обливался,
И Ѳедѣ, наконецъ, вскарабкаться помогъ.
Взобрался Ѳедя на приволье:
Какъ мышкѣ въ зáкромѣ, вверху ему раздолье!
Каштановъ тамъ не только всѣхъ не съѣсть, —
Не перечесть!
Найдется чѣмъ и поживиться
И съ другомъ подѣлиться.
Что-жъ? Сенѣ оттого прибытокъ вышелъ малъ:
Онъ, бѣдный, на низу облизывалъ лишь губки;
Ѳедюша самъ вверху каштаны убиралъ,
А другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки.

Видалъ Ѳедюшъ на свѣтѣ я, —
Которымъ ихъ друзья
Вскарабкаться наверхъ усердно помогали,
А послѣ ужъ отъ нихъ — скорлупки не видали!

Крыловъ.

151. Демьянова уха.

»Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуй-ста покушай.«
— »Сосѣдушка, я сытъ по горло.« — »Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!«
— »Я три тарелки съѣлъ.» — И, полно, что за счеты;
Лишь стало бы охоты, —
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да, какъ жирна:
Какъ-будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочикъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочикъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся жена!«
Такъ подчивалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда-Фоку,
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ:
Сбирается съ послѣдней силой,
И очищаетъ всю. »Вотъ друга я люблю!«

(¹) вмѣсто: ни тебѣ, ни мнѣ туда не взлѣзть.

Вскричалъ Демьянъ: »зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!«
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охабку
Кушакъ и шапку, —
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь,
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь:
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

Крыловъ.

---

152. Механикъ.

Какой-то молодецъ купилъ огромный домъ,
Домъ, правда, дѣдовскій, но строенный на-славу:
И прочность и уютъ, все было въ домѣ томъ,
И домъ бы всѣмъ пришелъ ему по нраву,
Да только то бѣды —
Немножко далеко стоялъ онъ отъ воды.
»Ну, что-жъ«, онъ думаетъ: »въ своемъ добрѣ я властенъ;
Такъ домъ мой, какъ онъ есть,
Велю машинами къ рѣкѣ я пере-*весть*
(Какъ видно, молодецъ механикой былъ страстенъ (1)!),
Лишь сани подъ него подвесть,
Подрывшись напередъ ему подъ основанье,
А тамъ уже, изладя на каткахъ,
Я воротомъ, куда хочу, все зданье
Поставлю будто на рукахъ.
И что еще, чего не видано на свѣтѣ:
Когда перевозить туда мой будутъ домъ,
Тогда подъ музыкой съ пріятелями въ немъ,
Пируя за большимъ столомъ,
На навоселье я поѣду какъ въ каретѣ.«
Плѣняся глупостью такой,
И къ дѣлу приступилъ тотчасъ Механикъ мой.
Рабочихъ подрядилъ, подъ домомъ рылся, рылся,
Ни денегъ, ни заботъ нимало не берёгъ;
Однакожъ дома онъ перетащить не могъ,
И только до того добился,
Что домъ его свалился.

Какъ много у людей
Затѣй,
Которыя еще опаснѣй и глупѣй!

Крыловъ.

(1) вмѣсто: былъ страстный охотникъ до механики, страстно любилъ механику.

---

153. Сочинитель и Разбойникъ.

Въ жилище мрачное тѣней
На судъ предстали предъ судей,
Въ одинъ и тотъ же часъ, Грабитель

(Онъ по большимъ дорогамъ разбивалъ,
И въ петлю наконецъ попалъ);
Другой былъ славою покрытый Сочинитель:
Онъ тонкій разливалъ въ своихъ твореньяхъ ядъ,
Вселялъ безвѣріе, укоренялъ развратъ,
Былъ, какъ Сирена (¹), сладкогласенъ,
И, какъ Сирена, былъ опасенъ.
Въ аду обрядъ судебный скоръ;
Нѣтъ проволочекъ безполезныхъ:
Въ-минуту сдѣланъ приговоръ.
На страшныхъ двухъ цѣпяхъ желѣзныхъ
Повѣшены большихъ чугунныхъ два котла:
Въ нихъ виноватыхъ разсадили.
Дровъ подъ Разбойника большой костеръ взвалили;
Сама Мегера (²) ихъ зажгла,
И развела такой ужасный пламень,
Что трескаться сталъ въ сводахъ адскихъ камень.
Судъ къ Сочинителю, казалось, былъ не строгъ:
Подъ нимъ сперва чуть тлѣлся огонёкъ;
Но тамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣ разгорался.
Вотъ вѣки протекли, огонь не унимался.
Ужъ подъ Разбойникомъ давно костеръ погасъ:
Подъ Сочинителемъ онъ злѣй съ часу на часъ.
Не видя облегченья,
Писатель наконецъ кричитъ среди мученья,
Что справедливости въ богахъ нимало нѣтъ;
Что славой онъ наполнилъ свѣтъ,
И ежели писалъ немножко вольно,
То слишкомъ ужъ за то наказанъ больно;
Что онъ не думалъ быть Разбойника грѣшнѣй.
Тутъ передъ нимъ, во всей красѣ своей,
Съ шипящими между волосъ змѣями,
Съ кровавыми въ рукахъ бичами,
Изъ адскихъ трехъ сестеръ явилася одна.
»Несчастный!« говоритъ она.
»Ты ль Провидѣнію пеняешь?
И ты ль съ Разбойникомъ себя равняешь?
Передъ твоей ничто его вина.
По лютости своей и злости,
Онъ вреденъ былъ,
Пока лишь жилъ;
А ты .... уже твои давно истлѣли кости,
А солнце разу не взойдетъ (³),
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но, разливаяся, вѣкъ-отъ-вѣку лютѣетъ.
Смотри (тутъ свѣтъ ему узрѣть она дала),
Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ ты виною!
Вотъ дѣти, стыдъ своихъ семей, —
Отчаянье отцевъ и матерей:
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены? тобою.

(¹) подъ именемъ Сиренъ представляются въ миѳологіи существа, полулюди и полуптицы, которыя своимъ пріятнымъ пѣніемъ задерживали пловцевъ во время плаванія. (²) одна изъ Фурій.

(³) вѣрнѣе: ни разу не взойдетъ.

Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
Супружество, начальство, власти,
Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти,
И связи общества рвался расторгнуть? ты.
Не ты ли величалъ безвѣрье просвѣщеньемъ?
Не ты ль въ приманчивый, въ прелестный видъ облекъ
И страсти и порокъ?
И вонъ опоена твоимъ ученьемъ,
Тамъ цѣлая страна
Полна
Убійствами и грабежами,
Раздорами и мятежами,
И до погибели доведена тобой!
Въ ней каждой капли слезъ и крови — ты виной.
И смѣлъ ты на боговъ хулой вооружиться?
А сколько впредь еще родится
Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золъ!
Терпи-жъ: здѣсь по дѣламъ тебѣ и казни мѣра!«
Сказала гнѣвная Мегера —
И крышкою захлопнула котелъ.

Крыловъ.

154. Круговая порука.

»Какая-жъ лошадь я!« свалившись съ мосту въ грязь,
Корова говоритъ. — »Какая-жъ я корова!«
Упавши лошадь въ ровъ, вскричала разсердясь. —
Такой примѣръ намъ не обнова:
Обычай этотъ мы найдемъ и у людей.
Какъ часто въ обществѣ друзей,
Когда о глупостяхъ людскихъ идетъ бесѣда,
Другъ на друга мигаютъ два сосѣда!

К. Вяземскій.

VII. Мелкія Стихотворенія.

155. Изреченіе Мельхиседека.

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ (¹)?
Рабомъ родится человѣкъ;
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
[illegible] онъ шелъ долиной скорбной слезъ,
[illegible], рыдалъ, терпѣлъ, изчезъ.

Батюшковъ.

[illegible] Трудъ.

[illegible] насталъ: окон[illegible] мой трудъ много[illegible]
Что-жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Иль жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга авроры златой, друга пенатовъ святыхъ?

А. Пушкинъ.

157. Искусство.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибрежья шумнаго моря.

Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье.

А. Майковъ.

158. Капризъ.

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый (¹),
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной Музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
Что-жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь (²) оставить
И пѣсенькою насъ веселой позабавить?
Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогой,
За ними черноземъ, равнины скатъ отлогой,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ-жъ нивы свѣтлыя? гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
И листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея (³).
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
Скорѣй, ждать некогда, давно бъ ужъ схоронилъ!

А. Пушкинъ.

(¹) вѣроятно Дельвигъ. (²) упрямство.

(³) сѣверный вѣтеръ.

159. Отрокъ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

А. Пушкинъ.

160. Мысль.

О мысль! тебѣ удѣлъ цвѣтка:
Онъ свѣжій манитъ мотылька,
Прельщаетъ пчелку золотую,
Къ нему съ любовью мошка льнетъ
И стрекоза его поетъ;

Утратилъ прелесть молодую
И чередой своей поблекъ —
Гдѣ пчелка, мошка, мотылекъ?
Забытъ онъ роемъ ихъ летучимъ,
И никому въ немъ нужды нѣтъ;
А тутъ, зерномъ своимъ падучимъ,
Онъ заранждаетъ новый цвѣтъ.

Баратынскій.

---

161. Возрожденіе.

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ,
И свой рисунокъ беззаконной
Надъ ней безсмысленно чертитъ.

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ изчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней.

А. Пушкинъ.

---

162. Розы.

Розы цвѣтущія, розы душистыя, какъ вы прекрасно
Въ пестрый вѣнокъ сплетены милой рукой для меня!
Свѣтлое, чистое дѣвственной кисти созданье, глубокій
Смыслъ заключается здѣсь въ легкихъ воздушныхъ чертахъ.
Розъ разновидныхъ семья на одномъ окруженномъ шипами
Стеблѣ — не вся ли тутъ жизнь? Корень же твердый цвѣтовъ —
Крестъ — претворяющій чудно своей жизнодательной силой
Стебля терновый вѣнецъ въ свѣжій вѣнокъ изъ цвѣтовъ?
Вѣры хранительный стебель, цвѣтущія почки надежды,
Цвѣтъ благовонный любви въ образъ одинъ здѣсь слились,
Образъ великій, для насъ бытія выражающій тайну;
Все, что плѣняетъ, какъ цвѣтъ, все, что пронзаетъ, какъ тернъ,
Радость и скорбь на землѣ знаменуютъ одно: ихъ въ единый
Свѣжій сплетаетъ вѣнокъ Промыслъ тайной рукой.
Розы прекрасныя! въ этомъ вѣнкѣ очарованномъ здѣсь вы
Будете свѣжи всегда; нѣтъ увяданья для васъ;
Будете вѣчно душисты; здѣсь памятью сердца о милой
Васъ здѣсь собравшей рукѣ будетъ вашъ житъ ароматъ.

Жуковскій.

---

163. Времена года.

Осень.

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора:
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной

Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ — и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней.
И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средь полей . . . .
(Читатель ждетъ ужъ риѳмы »розы«:
На, вотъ возьми её скорѣй!)
Опрятнѣй моднаго паркета
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта.
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

Весна.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года,
Синѣя, блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

Зима.

Но лѣто быстрое летитъ.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, *блѣдна*,
Какъ жертва пышно убрана . . .
Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ, и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.

Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки зимы.

А. Пушкинъ.

164. Геній.

Когда, гремя и пламенья,
Пророкъ (1) на небо улеталъ —
Огонь могучій проникалъ
Живую душу Елисея:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась,
И вдохновеньемъ озарялась,
И Бога слышала она! —

Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Инаго генія полетъ;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ . . .
И міру новыя свѣтила —
Дѣла избранника небесъ!

Н. Языковъ.

(1) Илія.

165. Широка, необозрима.

Широка, необозрима,
Чудной радости полна,
Изъ воротъ Ерусалима
Шла народная волна.

Галилейская дорога
Оглашалась торжествомъ:
»Ты идешь во имя Бога,
»Ты идешь въ свой Царскій домъ.
»Честь Тебѣ, нашъ Царь смиренный,
»Честь Тебѣ, Давыдовъ сынъ!«
Такъ внезапно вдохновенный
Пѣлъ народъ; но тамъ одинъ,
Недвижимъ въ толпѣ подвижной,
Школъ воспитанникъ сѣдой,
Гордый мудростію книжной,
Говорилъ съ насмѣшкой злой:
»Это ль Царь вашъ? слабый, блѣдный,
»Рыбаками окруженъ.
»Для чего онъ въ ризѣ бѣдной?
»И зачѣмъ не мчится онъ,
»Силу Божью обличая,
»Весь одѣянъ черной мглой,
»Пламенѣя и сверкая
»Надъ трепещущей землей?«
И вѣка пошли чредою,
И Давыдовъ сынъ съ тѣхъ поръ,
Тайно правя ихъ судьбою,
Усмиряя буйный споръ,
Налагая на волненье
Цѣпь любовной тишины,
Міръ живитъ, какъ дуновенье
Наступающей весны.
И въ трудахъ борьбы великой,
Имъ согрѣтыя сердца
Узнаютъ шаги владыки,
Слышатъ сладкій зовъ отца.
Но въ своемъ невѣрьи твердый,
Неисцѣльно (1) ослѣпленъ,
Все какъ прежде, книжникъ гордый
Говоритъ: »да гдѣ же онъ?
»И зачѣмъ въ борьбѣ смятенной
»Историческаго дня
»Онъ проходитъ такъ смиренно,
»Такъ незримо для меня;
»А нейдетъ, какъ буря злая,
»Весь одѣянъ черной мглой,
»Пламенѣя и сверкая
»Надъ трепещущей землей?«

А. Хомяковъ.

---

166. Тишина.

Все рожь кругомъ, какъ степь живая,
Ни за́мковъ, ни морей, ни горъ....
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
Подъ небомъ ярче твоего,
Искалъ я примиренья съ горемъ,
И не нашелъ я ничего.
Я тамъ не свой: хандрю, нѣмѣю;
Не одолѣвъ мою судьбу,
Я тамъ погнулся передъ нею,
Но ты дохнула — и съумѣю,
Быть можетъ, выдержать борьбу.
Ты не услышишь укоризны,
Родная.... Гдѣ я ни блуждалъ,
Не небесамъ чужой отчизны —
Я пѣсни родинѣ слагалъ!
И нынѣ жадно повѣряю
Мечту любимую мою,
И въ умиленьи посылаю
Всему привѣтъ... Я узнаю
Суровость рѣкъ, всегда готовыхъ
Съ грозою выдержать войну,
И ровный шумъ лѣсовъ сосновыхъ,
И деревенекъ тишину,
И нивъ широкіе размѣры....
Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ не земной:
Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головой!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль.

---

(1) неисцѣлимо.

Храмъ воздыханья, храмъ печали,
Убогій храмъ земли твоей:
Молитвы жарче не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ —
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной.....
Я внялъ.... я дѣтски умилился
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Н. Некрасова.

---

167. Картина вечера.

Люблю я берегъ сей пустынный,
Когда съ зарею лоно водъ
Его, ласкаясь, обойметъ
Дугой излучистой и длинной.
Тамъ въ мелководье, по песку,
Стада спустилися лѣниво;
Тамъ темные сады въ рѣку
Глядятся зеленью стыдливой;
Тамъ ива на воды легла,
На вервяхъ мачта тамъ уснула,
И въ глади воднаго стекла
Ихъ отраженье потонуло.

А. Майковъ.

---

168. Воробьевы горы.

Не горятъ златыми льдами,
Ни пурпурными снѣгами,
Средь небесной синевы
Ихъ вѣнчанныя главы;
Съ ребръ не хлещутъ водопады;
Бездны, воя и шумя,
Не страшатъ пришельца взгляды,
Ни пугливаго коня.
Но люблю я эти горы
Въ простотѣ веселой ихъ,
Ихъ обрывы, ихъ уборы
Перелѣсковъ молодыхъ.
Тамъ любилъ я, въ полдень жаркій,
Въ тишинѣ бродить. Вдали
Предо мною лентой яркой
Волны рѣзвыя текли;
Прилеталъ порой тяжелый,
Звучный гулъ колоколовъ,
И блисталъ, какъ бы съ престола,
Между доловъ и холмовъ,
Сердце Руси православной
Градъ святой, перводержавный,
Вѣковой, — Москва сама,
И сады ея густые,
И пруды заповѣдные,
Колокольни, терема,
Кровель море разливное,
И въ торжественномъ покоѣ,
Между ними, въ вышинѣ,
Кремль старинный, сановитый,
Нашъ алтарь въ крови омытый
И искупленный въ огнѣ.
Съ этихъ горъ святой вершины
Страшный міру исполинъ
Устремлялъ свой взоръ орлиный
На московскія равнины
И огни своихъ дружинъ.
«Вотъ, онъ мнилъ: вѣнецъ желанный,
Плодъ трофеевъ и утратъ!
Мы отсюда дланью бранной
Спеленаемъ сѣверъ льдяный,
Сдавимъ гордый Араратъ:
И пустынные народы
Предо мной копья склонятъ,
И до-полюсныя воды
У моихъ восплещутъ пятъ!....

Мнѣ ль ты царство устрояла,
Вѣнценосная Жена!
Для меня ль ты насажала
Здѣсь величья сѣмена?
Я пожалъ ихъ въ бранномъ дымѣ:
Царство Руссовъ — мнѣ дано!
И заблещетъ днесь оно
Въ европейской діадимѣ
Какъ азійское зерно.»
Такъ онъ мнилъ: вѣнецъ нетлѣнный,
Міра кровью окропленный,
Зрѣлъ надъ гордой головой,
И сжималъ весь кругъ вселенной
Скиптроносною рукой;
А межъ тѣмъ, угрюмъ и страшенъ,
Мракъ спускался на поля,
И вокругъ кремлевскихъ башенъ
Кралась пламени змѣя.

А. Майковъ.

---

169. Призывъ.

Ужъ утра свѣжее дыханье
Въ окно прохладой вѣетъ мнѣ.
На озаренное созданье
Смотрю въ безмолвной тишинѣ:
На главахъ смолянаго бора,
Вдали лежащаго вѣнцомъ,
Востокъ пурпуровымъ ковромъ
Зажгла стыдливая Аврора,
И, съ блескомъ алымъ на водахъ,
Между рядами черныхъ елей,
Почіетъ озеро въ брегахъ,
Какъ спитъ младенецъ въ колыбели.
А тамъ, вкругъ холма, гдѣ шумитъ
По вѣтру мельница крылами,
Ручей алмазными водами
Вкругъ яркой озими бѣжитъ......
Какъ теменъ сводъ деревъ вѣтвистыхъ!
Какъ зеленъ бархатъ луговой!
Какъ сладокъ духъ отъ соснъ смолистыхъ
И отъ черемухи младой!
О други! въ поле! силой дивной
Мнѣ утро грудь животворитъ....
Чу! въ рощѣ голосъ заунывный
Весенній иволги гремитъ!

А. Майковъ.

---

170. Лунная ночь.

Тихій вечеръ надъ полянами
Сумракъ синій въ небѣ разстилалъ,
Главы горъ одѣлися туманами,
Огонекъ въ прибрежьи засверкалъ,
И сошло молчанье благодатное,
Дремлетъ нѣжась зеркало зыбей:
Лишь въ поморьи эхо перекатное
Вторитъ глухо пѣснямъ рыбарей.

Чудный мигъ! вечернія моленія
Съ ѳиміамомъ скошенныхъ луговъ
День увлекъ къ Престолу Провидѣнія,
Будто дань земныхъ его сыновъ.
Ангелъ мира крыльями звѣздистыми
Навѣваетъ сонъ и тишину,
И зажегъ надъ долами росистыми
Стражу ночи — звѣзды и луну.

Вотъ пора святая, безмятежная!
Взоръ, блуждая, тонетъ въ небесахъ....
Эта глубь лазурная, безбрежная,
Говоритъ о лучшихъ берегахъ.
Что же тамъ, за гранію конечнаго?
Что вдали сіянье звѣздъ златыхъ?
То не окна ль храма вѣковѣчнаго?
То не очи ль ангеловъ святыхъ?

Не живая ль лѣтопись вселенныя,

Гдѣ начертанъ тайный смыслъ чудесъ?...
Кто постигнетъ руны довременныя
Этой звѣздной хартіи небесъ?
Слышу, грудь восторгъ колеблетъ сладостный,
Вѣетъ на душу безвѣстный страхъ,
Будто зовъ знакомый ей и радостный
Ей звучитъ въ таинственныхъ словахъ....

То не гласъ ли отъ глубокой вѣчности, —
Голосъ Божій? то не онъ ли насъ,
Предъ лицемъ туманной безконечности,
Поражаетъ въ полунощный часъ?
Духъ нашъ жаждетъ, въ этотъ мигъ молчанія,
Въ сонмъ святыхъ архангеловъ взлетѣть,
И въ вѣнцѣ изъ звѣздъ Отцу созданія
Съ ними пѣснь хвалебную воспѣть.

А. Майковъ.

---

171. Кто онъ?

На брегу Невы великой
По тропиночкѣ лѣсной
Ѣхалъ всадникъ. Вкругъ все дико:
Ель, сосна, да мохъ сѣдой.

Передъ нимъ рыбачья хата.
Подъ сосной, у синихъ волнъ,
Старый рыбарь бородатый
Колотилъ дырявый челнъ.

Всадникъ молвилъ: «Дѣдъ! здорово!
Богъ на помощь! Какъ живешь?
Много ль ловишь ты, и лова
Гдѣ добычу продаешь?»

Отвѣчалъ старикъ сердито:
«Рыбы мало ли въ рѣкѣ:
Только нѣтъ инаго сбыта,
Какъ въ сосѣднемъ городкѣ.

«Да теперь мнѣ что въ ловитвѣ!
Вишь какая здѣсь возня!
Вы дрались, а бомбой въ битвѣ
Челнъ прошибло у меня.»

Всадникъ прочь съ коня; безмолвно
Взялъ топоръ и млатъ съ пилой,
Мигомъ сбилъ борты у челна,
Руль привѣсилъ за кормой.

«Ну, старинушка, готово!
Смѣло въ воду челнъ содвинь,
И на счастіе Петрово
Сѣти на морѣ закинь.»

Онъ изчезъ. Старикъ строптивый
Думалъ, молча:» Что за диво?
Съ виду, смотритъ онъ царемъ,
А гораздъ такъ топоромъ.»

А. Майковъ.

---

172. Есть въ осени первоначальной.

Есть въ осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Прозрачный воздухъ, день хрустальный
И лучезарны вечера.

Гдѣ бодрый серпъ гулялъ и падалъ колосъ,
Теперь ужъ пусто все — просторъ вездѣ;
Лишь паутины тонкій волосъ
Блеститъ на праздной бороздѣ.

Пустѣетъ воздухъ, птицъ не слышно болѣ,

Но далеко еще до первыхъ зимнихъ
бурь,
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле.....

Ѳ. Тютчевъ.

---

173. Смотри, какъ роща зеленѣетъ.

Смотри, какъ роща зеленѣетъ,
Палящимъ солнцемъ облита;
А въ ней, какою нѣгой вѣетъ
Отъ каждой вѣтви и листа.

Войдемъ и сядемъ надъ корнями
Деревъ, поимыхъ родникомъ,
Тамъ, гдѣ, обвѣянный ихъ мглами,
Онъ шепчетъ въ сумракѣ нѣмомъ.

Надъ нами ходятъ ихъ вершины,
Въ полдневный зной погружены;
И лишь порою крикъ орлиный
Къ намъ долетаетъ съ вышины....

Ѳ. Тютчевъ.

II. Поэзія драматическая.

174. Изъ комедіи: Недоросль. Экзаменъ Митрофанушки.

Дѣйствіе IV. Явленіе 7-е.

Стародýмъ, Прáвдинъ, Милóнъ, Г-жа Простакóва, Простакóвъ, Митрофáнъ и Еремѣевна.

Г-жа Простакóва. (Стародýму) Позвóль же, мой бáтюшка, потрудить васъ тепéрь óбщею нáшею прóсьбою. (Мýжу и сы́ну) Клáняйтесь.

Стародýмъ. Какóю, судáрыня?

Г-жа Прост. Во пéрвыхъ прошý мúлости (¹) всѣхъ садиться. (Всѣ садя́тся, крóмѣ Митрофáна и Еремѣевны.) Вотъ въ чемъ дѣ́ло, бáтюшка: За молúтвы родителей нáшихъ (намъ грѣ́шнымъ гдѣ-бъ и умолúть!) даровáлъ намъ Госпóдь Митрофáнушку. Мы всё дѣ́лали, чтобъ онъ у насъ сталъ такóвъ, какъ извóлишь его вúдѣть. Не угóдно ль, мой бáтюшка, взять на себя́ трудъ и посмотрѣ́ть, какъ онъ у насъ вы́ученъ?

Старод. О, судáрыня! До моúхъ ушéй ужé дошлó, что онъ тепéрь только и отучúться извóлилъ. Я слы́шалъ объ егó учúтеляхъ, и вúжу напере́дъ, какóму грамотѣ́ю емý быть нáдобно, учáся у Кутéйкина, и какóму математúку, учáся у Цыфúркина. (Къ Прáвдину) Любопы́тенъ бы я былъ послýшать (²), чемý Нѣ́мецъ-то егó вы́училъ.

Г-жа Прост. Всѣмъ наýкамъ, бáтюшка!
Простакóвъ. Всемý, мой отéцъ!
Митрофáнъ. Всемý, чемý извóлишь.
(Вмѣстѣ.)

Прáвдинъ. (Митрофáну) Чемýжъ бы напримѣ́ръ?

Митрофáнъ (Подаётъ емý кнúгу). Вотъ, Граммáтика.

Прáвдинъ (взявъ кнúгу). Вúжу, э́то Граммáтика. Что-жъ вы въ ней знáете?

Митрофáнъ. Мнóго. Существúтельное да прилагáтельное.....

Прáвдинъ. Дверь, напримѣ́ръ, ка-

(¹) вмѣсто: покорно; старинное изрѣченіе.

(²) вмѣсто: любопытно было бы мнѣ послушать; я бы съ любопытствомъ послушалъ.

кое имя? существительное или прилагательное?

Митроф. Дверь? Котора ([3]) дверь?

Правдинъ. Котора дверь? Вотъ эта.

Митр. Эта? Прилагательная.

Правд. Почемужъ?

Митр. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шестá недѣля дверь стоитъ ещé не навѣшена: такъ та покамѣстъ существительна.

Правд. Такъ поэтому у тебя слово: дуракъ, прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку?

Митр. И вѣдомо.

Г-жа Прост. Что? Каково, мой батюшка?

Правд. Нельзя лучше. Въ Грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ. Я думаю, не меньше и въ Исторіи.

Г-жа Прост. То ([4]), мой батюшка, онъ ещó съизмала къ исторіямъ охотникъ ([5]).

Скотининъ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ тогó глазъ не сведу ([6]), чтобъ выборной не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! Откуда чтó берётся!

Г-жа Прост. Однако всё таки не придётъ ([7]) противъ Адама Адамыча.

Правд. (Митрофану). А далекó ли вы въ ([8]) Исторіи?

Митроф. Далекó-ль? Каковá исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

([3]) просторѣч. вм. которая. ([4]) въ смыслѣ слова да. ([5]) обыкновенно говорится: охотникъ до исторій, т. е. разсказовъ. ([6]) употребительнѣе: не сомкну. ([7]) то же, что: не сравнится съ Адамомъ Адамычемъ. ([8]) *т. е. дошли.*

Правд. А! Такъ этой-то Исторіи учитъ васъ Вральманъ?

Старод. Вральманъ! Имя чтó-то знакомое.

Митроф. Нѣтъ. Нашъ Адамъ Адамычъ исторій не разсказываетъ; онъ, что я-же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Прост. Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правд. Да не у ней ли оба вы учились и Географіи?

Г-жа Простакова (сыну). Слышишь, другъ мой сердечный? Это что за наука?

Митроф. (тихо матери). А я почомъ знаю?

Г-жа Простак. (тихо Митрофану.) Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

Митроф. (тихо матери). Да я не возьму въ толкъ, о чомъ спрашиваютъ.

Г-жа Простак. (Правдину). Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правд. Географія.

Г-жа Прост. (Митрофану). Слышишь, еорга́фія.

Митроф. Да что такое! Господи, Боже мой! Пристали съ ножомъ къ горлу.

Г-жа Прост. И вѣдомо ([9]), батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая эта наука-то: онъ её и разскажетъ.

Правд. Описаніе земли.

Г-жа Прост. А къ чему бы это служило на первый случай?

Стар. На первый случай годилось бы и къ тому, что ежели-бъ случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

([9]) въ значеніи словъ: и въ самомъ-то дѣлѣ.

Г-жа Прост. Ахъ, мой ба́тюшка! Да изво́щики-то на что́-жъ? Это ихъ дѣло. Это таки и нау́ка-то не дворя́нская. Дворяни́нъ только скажи́: повези́ меня́ туда́! свезу́тъ, куда́ изво́лишь. Мнѣ повѣрь, ба́тюшка, что коне́чно то вздоръ, чего́ не зна́етъ Митрофа́нушка.

Стар. О, коне́чно суда́рыня! Въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма́ утѣши́тельно счита́ть всё то за вздоръ, чего́ не зна́ешь.

Г-жа Прост. Безъ нау́къ лю́ди живу́тъ и жи́ли. Поко́йникъ ба́тюшка воево́дою былъ пятна́дцать лѣтъ, а съ тѣмъ и сконча́ться изво́лилъ, что не умѣлъ гра́мотѣ, а умѣлъ доста́точекъ нажи́ть и сохрани́ть. Челобитчиковъ принима́лъ всегда́, быва́ло, си́дя на желѣзномъ сундукѣ. По́слѣ вся́каго, сунду́къ отво́ритъ и что́-нибудь поло́житъ. То́-то эконо́мъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобы изъ сундука́ ничего́ не вы́нуть. Передъ други́мъ не похвалю́сь, отъ васъ не потаю́: поко́йникъ-свѣтъ, лёжа на сундукѣ съ де́ньгами, у́меръ, такъ сказа́ть, съ го́лоду. А! Каково́ э́то?

Стар. Препохва́льно. На́добно быть Скоти́нину, чтобы вкуси́ть таку́ю блаже́нную кончи́ну.

Скоти́нинъ. Да коль дока́зывать, что уче́нье вздоръ, то возьмёмъ дя́дю Вави́лу Фалеле́ича. О гра́мотѣ никто́ отъ него́ не слыха́лъ, ни онъ ни отъ кого́ слы́шать не хотѣлъ: а какова́ была́ голо́вушка!

Правд. Что-жъ тако́е?

Скотин. Да съ нимъ на роду́ вотъ что случи́лось. Верхо́мъ на бо́рзомъ инохо́дцѣ разбѣжа́лся онъ хмѣльно́й въ ка́менны воро́та. Мужи́къ былъ ро́слый, воро́та ни́зки, забы́лъ наклони́ться — какъ хва́титъ себя́ лбомъ о при́толку, и́нда ([10]) пригну́ло дя́дю къ по́хвямъ поты́лицею ([11]), и бо́дрый конь вы́несъ его́ изъ воро́тъ къ крыльцу́ на́взничь. Я хотѣлъ бы знать: е́сть ли на свѣтѣ учо́ный лобъ, кото́рый бы отъ тако́го тумака́ не развали́лся? А дя́дя, вѣчная ему́ па́мять, протрезвя́сь, спроси́лъ только: цѣлы ли воро́та?

Фонъ Ви́зинъ.

([10]) такъ что. ([11]) ударъ по затылку.

---

175. Изъ драмы: Двумужница.

Сутки 2-я. Явленіе 1-е.

Савва́тій (слѣпо́й ни́щій), Гаври́ла (богомо́лецъ).

Савватій (облокотя́сь на свой по́сохъ, поётъ).

«Адаме, Адаме! ([1])
Прогнѣвалъ ты Бога!
Упрочилъ ты дѣтямъ
Горькое наслѣдье!
Всякое дыханье
На землѣ богатой
Безъ труда — работы
Сыто и одѣто;
Намъ же человѣкамъ
Нагимъ и убогимъ
Безъ труда, работы
Нѣтъ насущна хлѣба!
Наша мать родная
Даромъ насъ не кормитъ:
Мы несемъ работу
За отца земнаго;
Да въ жилищѣ вѣчномъ
Намъ Отецъ небесный

([1]) цркв. слав. звательный падежъ въ словахъ муж. рода на ъ.

Непреслушнымъ ([2]) дѣтямъ
Уготовилъ радость!»

Гаврила (остановя́сь и вы́слушавъ послѣднее четверости́шіе).

Такъ, стари́къ, такъ; непреслу́шнымъ дѣ́тямъ и тамъ (пока́зывая на не́бо) ра́дость, и здѣсь благоде́нствіе; а преслу́шнымъ и тамъ (пока́зывая на зе́млю) плачъ и скре́жетъ зубо́въ, и здѣсь го́ре и прокля́тіе.

Савватій (вскочи́въ отъ у́жаса).

Прокля́тіе! что ты сказа́лъ?

Гаврила.

Ничего́, такъ съ языка́ сорвало́сь... Что, я чай, уже́ идётъ въ обители у́треня.

Савватій.

Давны́мъ давно́.

Гаврила.

Эхъ жаль, что опозда́лъ!

Савватій.

Издалека́ ли, корми́лецъ, путь де́ржишь?

Гаврила.

Изъ Кине́шмы, а наро́да у Мака́рія мно́го ны́нѣшній годъ?

Савватій.

Не могу́, ба́тюшка, на вѣ́рное сказа́ть; то́лько въ це́ркви така́я тѣснота́, что меня́ хи́лаго старика́ совсѣ́мъ было задави́ли, и наси́лу, наси́лу я кой-какъ вы́валился на пого́стъ, да и тутъ ни́щая братья затолка́ли; такъ я, да́льше отъ грѣха́, вы́плелся о́щупью за огра́ду на чи́стый во́здухъ. —

Гаврила.

Да не у́жто у тебя́ нѣтъ проводника́?

Савватій.

Былъ, ба́тюшка, проводни́къ, я его́ сиро́тку вскорми́лъ мірски́мъ подая́ніемъ; да на послѣ́днемъ ночле́гѣ до́брые лю́ди его́ подговори́ли, и онъ, серде́чный, дай Богъ ему́ вся́каго сча́стія, меня́ поки́нулъ.

Гаврила.

Да какъ же ты оди́нъ слѣпо́й могъ дойти́?

Савватій.

Хвала́ Царю́ Небе́сному! У насъ на свято́й Руси́ не перевели́сь ещё до́брыя ду́шеньки. Одна́ несча́стная, така́я же горемы́ка, какъ и я, сжа́лилась надъ мое́й слѣпото́й, награди́ её, Го́споди, свои́мъ милосе́рдіемъ, и довела́ меня́ сюда́.

Гаврила.

А здѣсь поки́нула?

Савватій.

Не грѣши́, ба́тюшка, противъ нея́: я её самъ оста́вилъ моли́ться Уго́днику, и она́ обѣща́лась по́слѣ у́трени прійти́ ко мнѣ, а по́слѣ обѣ́дни довести́ меня до приста́ни, гдѣ, я чай, найду́ това́рищей изъ на́шего кра́я.

Гаврила.

А гдѣ твой домъ?

Савватій.

Мой домъ мать сыра́ земля́. На ней я со́рокъ лѣтъ скита́юсь за тя́жкіе грѣхи́ свои́, да аво́сь Госпо́дь приведётъ въ ней же и отдохну́ть, а на́-зиму даю́тъ мнѣ прію́тъ ста́рцы за Во́лгою, въ Бала́хнинской Пу́стынѣ, гдѣ я былъ по́слушникомъ, доколѣ глаза́ позволя́ли чита́ть и рабо́тать. А тепе́рь, чтобы не ѣсть да́ромъ трудова́го хлѣ́ба честны́хъ отцо́въ, брожу́, пока́ но́ги ещё но́сятъ, мірски́мъ подая́ніемъ по богомо́льямъ.

([2]) послушнымъ.

Гаврила.
Горько тебѣ, бѣдному, на свѣтѣ; но есть ли у тебя дѣти?
Савватій.
Нѣтъ, Госпо́дь меня и́ми не пора́довалъ.
Гаврила.
Такъ благодари́ Его́, и вотъ тебѣ, моли́сь. (Подаётъ ему́ серебряную моне́ту). —
Савватій.
За кого́?
Гаврила.
За кого́? Ну за кого́ хо́чешь.
Савватій.
Ра́ди Бо́га, скажи́ свято́е и́мя, чтобы я могъ помина́ть его́.
Гаврила. Ну помина́й хоть Агрипи́ну.
Савватій. А за здра́віе, или за упоко́й.
Гаврила. За здра́віе.... Нѣтъ, нѣтъ! за упоко́й; пусть тоска́ ей напо́мнитъ (идётъ). —
Савватій. Посто́й, сдѣлай ми́лость, посто́й.
Гаврила. Что тако́е?
Савватій. Жива́ или умерла́ она́?
Гаврила. Ахъ! ка́жется живётъ ещо́ къ моему́ позо́ру! -
Савватій.
Такъ возьми́ наза́дъ своё подая́ніе; Богъ съ нимъ!
Гаврила.
Какъ наза́дъ?
Савватій.
Да, я не хочу́ отягча́ть души́ моей твои́мъ грѣхо́мъ, и с[illegible] круши́ть за твой де́н[illegible] ближняго, возьми́, [illegible]
(Кладётъ на с[illegible]
не гнѣви́ Го́спо[illegible]
за упоко́й, поко́[illegible]
свято́й во́ли! Не[illegible]

съ мёртвыми — это куда́ ([3]) тя́жко.
Гаврила.
Ахъ! лу́чше бы она́ меня зары́ла жива́го въ моги́лу, чѣмъ ки́нула въ до́мѣ моёмъ на позо́ръ и поноше́ніе. У тебя́ нѣтъ дѣте́й, стари́къ, такъ ты не зна́ешь, каково́ тя́жко, каково́ го́рько отцо́вскому се́рдцу, терпѣ́ть лю́тую я́зву отъ дѣ́тища.
Савватій.
У меня́ нѣтъ дѣте́й, но у меня́ былъ оте́цъ, и его́-то прокля́тіе, вотъ уже́ со́рокъ лѣтъ да́витъ меня́, да всё ещо́, Бо́жьимъ попуще́ніемъ, вдави́ть не мо́жетъ въ моги́лу. Я былъ оди́нъ сынъ у бога́таго купца́, да безу́мное весе́лье, шаль, гульба́, дьявольская зернь ([4]), опива́лы, объѣда́лы и картёжники загуби́ли мою́ мо́лодость. Я раззори́лъ отца́, мнѣ какъ моты́гѣ, забри́ли лобъ; басурма́ны подъ Дербе́нтомъ положи́ли меня́ за́мертво. Да оте́цъ не пусти́лъ въ зе́млю: онъ по мнѣ, живо́мъ твори́лъ поми́нки, какъ по поко́йникѣ, а самъ съ го́рести о́тдалъ ду́шу Го́споду; и я съ тѣхъ поръ волочу́ но́шу тя́жкую: отцо́вское прокля́тіе и моё по́зднее раска́яніе.

Князь *А. Шаховскій.*

([3]) *куда* то же, что *куда какъ* въ смыслѣ *чрезвычайно.* ([4]) игра въ кости.

176. Изъ трагедіи «Борисъ Годуновъ.»

Патріархъ, Игуменъ Чудова монастыря.

[illegible]

Патріархъ.

[illegible] отецъ Игуменъ?

[illegible]

[illegible] Владыка, вотъ

Патріархъ.

Пострѣлъ, окаянный! Да какого онъ роду?

Игуменъ

Изъ роду Отрепьевыхъ, Галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздалѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ, ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ, наконецъ пришелъ къ моей Чудовской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но знать грамота далася ему не отъ Господа Бога . . .

Патріархъ.

Ужъ эти мнѣ грамотѣи! что еще выдумалъ! буду царемъ на Москвѣ! Ахъ, онъ сосудъ дьявольскій! Однако нечего Царю и докладывать объ этомъ; что тревожить Отца-Государя! Довольно будетъ объявить о побѣгѣ дьяку Смирнову, или дьяку Ефимьеву. Этака ересь: *буду Царемъ на Москвѣ!* . . . Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это ересь, отецъ Игуменъ?

Игуменъ

Ересь, святый Владыка, сущая ересь.

Царскія палаты.

Два Стольника.

Первый.

[illegible] Государь?

Второй.

[illegible] своей опочивальнѣ.

[illegible]рой съ какимъ-то колдуномъ.

Первый.

[illegible] его любимая бесѣда:

Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожитъ, что (1) красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

Второй.

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

Первый.

Какъ онъ угрюмъ! (Уходятъ)

Царь, входитъ.

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся!...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной;
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи (2), во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать;
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;

---

(1) какъ будто. (2) обыкновенно говорится: въ довольствѣ.

Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая,
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ!
Какъ буря, смерть уноситъ жениха (3),
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня несчастнаго отца!...
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру Царицу,
Монахиню смиренную . . . все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто.... едина развѣ совѣсть.
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ (4) . . .
И радъ бѣжать, да некуда . . . ужасно!
Да жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста

Корчма на Литовской границѣ.

Мисаилъ и Варлаамъ, бродяги въ видѣ чернецовъ; Григорій Отрепьевъ міряниномъ; Хозяйка.

Хозяйка.

Чѣмъ-то мнѣ васъ подчивать, старцы честны́е (5)?

Варлаамъ.

Чѣмъ Богъ пошлетъ, хозяюшка Нѣтъ ли вина?

Хозяйка.

Какъ не быть, отцы мои! сей часъ вынесу. (Уходитъ.)

Мисаилъ.

Что-жъ ты закручинился, товарищъ? Вотъ и граница Литовская, до которой такъ хотѣлось тебѣ добраться.

Григорій.

Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не буду спокоенъ.

Варлаамъ.

Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаилъ да я грѣшный, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ ужъ и не думаемъ: Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было бы вино.... да вотъ и оно!...

Мисаилъ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

---

(3) дочь Годунова, Ксенія, была помолвлена за Датскаго принца Іоанна, но онъ умеръ до вступленія въ бракъ.

(4) намекъ на убіеніе царевича Димитрія.

(5) слѣдуетъ отличать значеніе именъ прилагательныхъ *че́стный* и *честны́й* или *честно́й*.

Хозяйка, входитъ.

Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаилъ.

Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. (Поетъ: Какъ во городѣ было во Казани...) Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

Григорій.

Не хочу.

Мисаилъ.

Вольному воля....

Варлаамъ.

А пьяному рай, отецъ Мисаилъ! Выпьемъ же чарочку за шинкарочку....

Однако, отецъ Мисаилъ, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю: ино дѣло пьянство, а иное чванство; хочешь жить какъ мы, милости просимъ — нѣтъ, такъ убирайся, проваливай: скоморохъ попу не товарищъ.

Григорій.

Пей, да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ!... Видишь, и я порой складно говорить умѣю.

Варлаамъ.

А что мнѣ про себя разумѣть?

Мисаилъ.

Оставь его, отецъ Варлаамъ.

Варлаамъ.

Да что онъ за постникъ? Самъ же къ намъ назвался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда — да еще и спѣсивится. (Пьетъ и поетъ: Молодой чернецъ постригся.)

Григорій, хозяйкѣ.

Куда ведетъ эта дорога?

Хозяйка.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

Григорій.

А далече ли до Луёвыхъ горъ?

Хозяйка.

Не далече, къ вечеру можно бы туда поспѣть, кабы не заставы царскія, да сторожевые приставы.

Григорій.

Какъ, заставы! что это значитъ?

Хозяйка.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, и велѣно всѣхъ задерживать, да осматривать.

Григорій, про себя.

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день. (Вслухъ.) Да кого-жъ имъ надобно? Кто бѣжалъ изъ Москвы?

Хозяйка.

А Господь его вѣдастъ, воръ ли, разбойникъ, только здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ того будетъ? ничего, ни лысаго бѣса не поймаютъ: будто въ Литву нѣтъ и другаго пути, какъ столбовая дорога! Вотъ хоть отсюда свороти влѣво, да боромъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ ужъ всякой мальчишка доведетъ до Луевыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что притѣсняютъ прохожихъ, да обираютъ насъ бѣдныхъ. (Слышенъ шумъ.) Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они проклятые! дозоромъ идутъ.

Григорій.

Хозяйка! нѣтъ ли въ избѣ другаго угла?

Хозяйка.

Нѣту, родимый, рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ и вина и хлѣба, и невѣдомо чего — чтобъ имъ издохнуть окаяннымъ! чтобъ имъ... (Входятъ приставы.)

Приставъ.

Здорово, хозяйка!

Хозяйка.

Добро пожаловать, гости дорогіе, милости просимъ.

Одинъ Приставъ, другому.

Ба! да здѣсь попойка идетъ; будетъ чѣмъ поживиться. (Монахамъ) Вы что за люди?

Варлаамъ

Мы Божіи старцы, иноки смиренные, ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милостыню христіанскую на монастырь.

Приставъ, Григорію.

А ты?

Мисаилъ.

Нашъ товарищъ...

Григорій.

Міряниннъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отселѣ иду восвояси.

Мисаилъ.

Такъ ты раздумалъ....

Григорій, тихо.

Молчи.

Приставъ.

Хозяйка, выставь-ко еще вина; а мы здѣсь со старцами попьемъ, да побесѣдуемъ.

Другой приставъ, тихо.

Парень-то, кажется, голъ, съ него взять нечего; за то старцы...

Первый.

Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся. — Что, отцы мои, каково промышляете?

Варлаамъ.

Плохо, сыне, плохо! Нынѣ Христіане стали скупы; деньгу любятъ, деньгу прячутъ. Мало Богу даютъ. Пріиде грѣхъ велій на языцы земніи (6). Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства; думаютъ о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь, иногда въ три дни трехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля — другая, заглянешь въ мошенку, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ горя и остальное пропьешь; бѣда да и только. — Охъ, плохо, знать пришли наши послѣднія времена....

Хозяйка, плачетъ.

Господь помилуй и спаси!

(Въ продолженіе Варлаамовой рѣчи, первый Приставъ значительно всматривается въ Мисаила.)

Первый приставъ.

Алёха! при тебѣ ли Царскій указъ?

Второй.

При мнѣ.

Первый.

Подай-ко сюда.

Мисаилъ.

Что ты на меня такъ пристально смотришь?

Первый приставъ.

А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ ли ты это?

Мисаилъ.

Не слыхалъ.

Приставъ.

Не слыхалъ? ладно. А того бѣглаго еретика Царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?

Мисаилъ.

Не знаю.

Приставъ, Варлааму.

Умѣешь ли ты читать?

Варлаамъ.

Смолоду зналъ, да разучился.

Приставъ, Мисаилу.

А ты?

Мисаилъ.

Не умудрилъ Господь.

(6) *это значитъ: пришелъ великій грѣхъ на народы земные.*

Приставъ.

Такъ вотъ тебѣ Царскій указъ.

Мисаилъ.

На что мнѣ его?

Приставъ.

Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ — ты.

Мисаилъ.

Я? помилуй! что ты!

Приставъ.

Постой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

Хозяйка.

Ахъ они, окаянные мучители! и старца-то въ покоѣ не оставятъ!

Приставъ.

Кто здѣсь грамотный?

Григорій, выступаетъ впередъ.

Я грамотный.

Приставъ.

Вотъ на... А у кого же ты научился?

Григорій.

У нашего пономаря.

Приставъ, даетъ ему указъ.

Читай же вслухъ.

Григорій, читаетъ.

«Чудова монастыря недостой-
«ный чернецъ Григорій, изъ роду
«Отрепьевыхъ, впалъ въ ересь и
«дерзнулъ, наученный діаволомъ,
«возмущать святую братію всякими
«соблазнами и беззаконіями. А по
«справкамъ оказалось, отбѣжалъ
«онъ, окаянный Гришка, къ гра-
«ницѣ Литовской...»

Приставъ, Мисаилу.

Какъ же не ты?

Григорій.

«И Царь повелѣлъ изловить его...»

Приставъ.

И повѣсить!

Григорій.

Тутъ не сказано повѣсить.

Приставъ.

Врешь! не всяко слово въ строку пишется. Читай: изловить и повѣсить.

Григорій.

«И повѣсить. А лѣтъ ему вору
«Гришкѣ отъ-роду.... (смотря на
«Варлаама) за 50, а росту онъ
«средняго, лобъ имѣетъ плѣшивый,
«бороду сѣдую, брюхо толстое.

(Всѣ глядятъ на Варлаама.)

Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ уже не думалъ, не гадалъ!

Варлаамъ, вырывая бумагу.

Отстаньте, пострѣлы! что я за Гришка? какъ! 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое! нѣтъ, братъ! молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывалъ и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, коль дѣло до петли доходитъ. (Читаетъ по складамъ.) «А лѣтъ ему отъ-роду... 20.» — Что братъ, гдѣ тутъ 50? видишь 20?

Второй приставъ.

Да, помнится, 20, такъ и намъ было сказано.

Первый приставъ, Григорію.

Да ты, братъ видно забавникъ.

(Во время чтенія, Григорій стоитъ потупя голову, съ рукою за пазухой.)

Варлаамъ, продолжаетъ.

«А ростомъ онъ малъ, грудь
«широкая, одна рука короче дру-
«гой, глаза голубые, волосы ры-
«жіе, на щекѣ бородавка, на лбу
«другая.» Да это другъ ужъ не ты ли?

(Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ передъ нимъ разступаются; онъ бросается въ окно.)

Приставы.

Держи! держи!

(Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ.)

Ночь. Садъ. Фонтанъ.

Самозванецъ, Марина.

Самозванецъ (входитъ).

Вотъ и фонтанъ; она сюда придетъ.
Я, кажется, рожденъ не боязливымъ;
Передъ собой вблизи видалъ я смерть;
Предъ смертію душа не содрогалась.
Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
За мной гнались — я духомъ не смутился
И дерзостью неволи избѣжалъ.
Но что-жъ теперь тѣснитъ мое дыханье?
Что значитъ сей неодолимый трепетъ?
Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
Нѣтъ, это страхъ. День цѣлый ожидалъ
Я тайнаго свиданія съ Мариной,
Обдумывалъ все то, что ей скажу,
Какъ обольщу ея надменный умъ,
Какъ назову Московскою Царицей;
Но часъ насталъ, и ничего не помню;
Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
Любовь мутитъ мое воображенье....
Но что-то вдругъ мелькнуло шорохъ.. тише..
Нѣтъ, это свѣтъ обманчивой луны,
И прошумѣлъ здѣсь вѣтерокъ.

Марина (входитъ.)

Царевичъ!

Самозванецъ.

Она!.. Вся кровь во мнѣ остановилась.

Марина.

Димитрій! Вы?

Самозванецъ.

Волшебный сладкій голосъ!
(Идетъ къ ней) Ты ль наконецъ?
Тебя ли вижу я,
Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
Какъ медленно катился скучный день!
Какъ медленно заря вечерня гасла!
Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ!

Марина.

Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время.
Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи
Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
Съ твоей судьбой, и бурной и невѣрной,
Соединить судьбу мою; то вправѣ
Я требовать, Димитрій, одного:
Я требую, чтобъ ты души своей
Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
Намѣренья и даже опасенья;
Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
Пуститься въ жизнь, не съ дѣтской слѣпотой,
Не какъ раба желаній легкихъ мужа;
Наложница безмолвная твоя;
Но какъ тебя достойная супруга,
Помощница Московскаго Царя.

Самозванецъ.

О, дай забыть хоть на единый часъ
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь предъ собой
Царевича. Марина! зри во мнѣ
Любовника, избраннаго тобою,
Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
О, выслушай моленія любви!
Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

Марина.

Не время, Князь: ты медлишь, и межъ тѣмъ
Приверженность твоихъ клевретовъ стынетъ;
Часъ отъ-часу опасность и труды
Становятся опаснѣй и труднѣй;
Ужъ носятся сомнительные слухи,
Ужъ новизна смѣняетъ новизну;
А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры....

Самозванецъ.

Что Годуновъ? во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
На тронъ его, на Царственную власть.
Твоя любовь.... что безъ нея мнѣ жизнь,
И славы блескъ, и Русская держава?
Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
Ты замѣнишь мнѣ Царскую корону;
Твоя любовь . . .

Марина.

Стыдись! не забывай
Высокаго, святаго назначенья:
Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
Не юношѣ кипящему, безумно
Плѣненному моею красотой,
Знай, отдаю торжественно я руку
Наслѣднику Московскаго престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

Самозванецъ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что санъ, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь.
Какъ! ежели .... о страшное сомнѣнье!
Скажи: когда бъ не Царское рожденье
Назначила слѣпая мнѣ судьба,
Когда бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ;
Тогда бъ . . . тогда бъ любила ль ты меня?

Марина

Димитрій, ты и быть инымъ не можешь;
Другаго мнѣ любить нельзя.

Самозванецъ.

Нѣтъ! полно:
Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ
Любовницей, ему принадлежащей:
Нѣтъ, полно мнѣ притворствовать! скажу,
Скажу всю истину; такъ знай же: твой Димитрій
Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснетъ:
А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?
Изволь, скажу: я бѣдный черноризецъ;
Монашеской неволею скучая,
Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
Обдумалъ я; готовилъ міру чудо —
И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
Къ Украинцамъ, въ ихъ буйные курени;
Владѣть конемъ и саблей научился;
Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался,
И Поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
Что-жъ ты молчишь?

Марина.

О стыдъ! о горе мнѣ!
(Молчаніе.)

Самозванецъ (тихо).
Куда завлекъ меня порывъ досады!
Съ такимъ трудомъ устроенное счастье
Я, можетъ быть, навѣки погубилъ.
Что сдѣлалъ я, безумецъ!
(Вслухъ.) Вижу, вижу:
Стыдишься ты не княжеской любви;
Такъ вымолви-жъ мнѣ роковое слово;
Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба,
Рѣши: я жду (бросается на колѣна).

Марина.
Встань, бѣдный самозванецъ.
Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ,
Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой
Тщеславное мнѣ сердце умилить?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
Я рыцарей и графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтобъ бѣглаго монаха....

Самозванецъ (встаетъ).
Не презирай младого самозванца,
Въ немъ доблести таятся, можетъ быть,
Достойныя Московскаго престола,
Достойныя руки твоей безцѣнной...

Марина.
Достойныя позорной петли, дерзкій!

Самозванецъ.
Виновенъ я, гордыней обуянный,
Обманывалъ я Бога и Царей —
Я міру лгалъ; но не тебѣ, Марина,
Меня казнить; я правъ передъ тобою.
Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
Ты мнѣ была единственно святыней,
Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ:
Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

Марина.
Чѣмъ хвалится, безумецъ!
Кто требовалъ признанья твоего?
Ужъ если ты, бродяга безъименный,
Могъ ослѣпить чудесно два народа;
Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты
Достоинъ быть успѣха своего
И свой обманъ отважный обезпечить
Упорною, глубокой, вѣчной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебѣ,
Могу ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,
Соединить судьбу мою съ твоею,
Когда ты самъ съ такою простотой,
Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?
Онъ изъ любви со мною проболтался!
Дивлюся: какъ передъ моимъ отцомъ
Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
Отъ радости предъ нашимъ Королемъ,
Или еще предъ Паномъ Вишневецкимъ
Изъ вѣрнаго усердія слуги.

Самозванецъ.
Клянусь тебѣ, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье.
Клянусь тебѣ, что никогда нигдѣ,
Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства.
Ни въ дружескомъ завѣтномъ разговорѣ,
Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ истязаній
Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой языкъ.

Марина.
Клянешься ты! и такъ должна я вѣрить.
О вѣрю я! Но чѣмъ, нельзя ль узнать,

Клянешься ты? Не именемъ ли
Бога,
Какъ набожный пріемышъ Іезуи-
товъ?
Иль честію, какъ витязь благород-
ный,
Иль, можетъ быть, единымъ Цар-
скимъ словомъ,
Какъ Царскій сынъ? не такъ ли?
говори.

Самозванецъ (гордо).

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно, стыдно мнѣ
Предъ гордою Полячкой унижаться.
Прощай навѣкъ: игра войны кро-
вавой,
Судьбы моей обширныя заботы
Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда пройдетъ постыдной страсти
жаръ.
Теперь иду — погибель иль вѣнецъ
Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
Найду ли смерть, какъ воинъ въ
битвѣ честной,
Иль какъ злодѣй на плахѣ площад-
ной,
Не будешь ты подругою моей,
Моей судьбы не раздѣлишь со
мною;
Но, можетъ быть, ты будешь со-
жалѣть
Объ участи, отвергнутой тобою.

Марина.

А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣе предъ всѣми обнаружу?

Самозванецъ.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что болѣе повѣрятъ Польской дѣвѣ,
Чѣмъ Русскому Царевичу? Но знай,
Что ни Король, ни Папа, ни вель-
можи
Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
Димитрій я, иль нѣтъ — что имъ за
дѣло?
Но я предлогъ раздоровъ и войны.
Имъ это лишь и нужно: и тебя,
Мятежница, повѣрь, молчать за-
ставятъ.
Прощай.

Марина.

Постой, Царевичъ. Наконецъ
Я слышу рѣчь не мальчика, но
мужа;
Съ тобою, Князь, она меня ми-
ритъ.
Безумный твой порывъ я забываю
И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
Пора, пора! проснись, не медли
болѣ,
Веди полки скорѣе на Москву;
Очисти Кремль, садись на тронъ
Московскій —
Тогда за мной шли брачнаго посла;
Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
Не оперлась на тронныя ступени,
Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слушать я.
(Уходитъ.)

Самозванецъ.

Нѣтъ — легче мнѣ сражаться съ
Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ Іезу-
итомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ни-
ми; мочи нѣтъ;
И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, гро-
зитъ и жалитъ.
Змѣя! змѣя!.... Недаромъ я дро-
жалъ.
Она меня чуть чуть не погубила.
Но рѣшено: заутра двину рать.

А. Пушкинъ.

---

177. Изъ комедіи: Горе отъ ума.

—

Явленіе IV.

Чацкій и Репетиловъ.

Репетиловъ, сбѣгаетъ съ крыльца, падаетъ и оправляется.

Тьфу! оплошалъ! Ахъ! мой Создатель!
Дай протереть глаза . . . Откудова (1), пріятель,
Сердечный другъ, любезный другъ, mon cher?
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты!
Сейчасъ . . . растолковать прошу —
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу...
Хвать объ порогъ, задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ...
Пожалуй смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть —
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго, ей, ей!...
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ
И разразитъ меня Господь...

Чацкій.

Да, полно вздоръ молоть!

Репетиловъ.

Не любишь ты меня! Естественное дѣло!

(1) *употребительная въ просторѣчіи форма вмѣсто: откуда.*

Съ другими — я и такъ и сякъ;
Съ тобою — говорю не смѣло,
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!...

Чацкій.

Вотъ странное уничиженье!

Репетиловъ.

Брани меня: я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ! . . .
Скажи, который часъ?

Чацкій.

Часъ ѣхать спать ложиться;
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

Репетиловъ.

Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!...
Читалъ ли ты, есть книга...

Чацкій.

А ты читалъ? задача для меня!
Ты Репетиловъ ли?

Репетиловъ.

Зови меня Вандаломъ,
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ;
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ;
Объ дѣтяхъ забывалъ, обманывалъ жену,
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ;
Танцовщицу держалъ — да не одну —
Трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! Не спалъ ночей по десяти,
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру . . . .

Чацкій.

Послушай: ври, да знай-же мѣру,
Есть отъ чего въ отчаянье прійти!

Репетиловъ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу на пролетъ.

Чацкій.

Вотъ ныньче, напримѣръ?

Репетиловъ.

Что ночь одна не въ счетъ!
За то спроси: гдѣ былъ?

Чацкій.

И самъ я догадаюсь:
Чай въ клубѣ?

Репетиловъ.

Въ Англійскомъ, чтобъ исповѣдь начать!
Изъ шумнаго я засѣданья.
У насъ всегда по четвергамъ собранья,
О томъ, о семъ потолковать.
Я самъ, какъ схватятся объ камерахъ, присяжныхъ,
Объ Байронѣ — ну, объ матерьяхъ важныхъ —
Частенько слушаю не разжимая губъ;
Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ!..
Ахъ! Александръ! — у насъ тебя не доставало!
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало (²),
Поѣдемъ-ка сейчасъ — мы благо на ходу —
Съ какими я тебя сведу
Людьми! — Ужъ на меня нисколько не похожи!
Что за люди, mon cher: сокъ умной молодежи!

Чацкій.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
За чѣмъ? Въ глухую ночь? — Домой! — Я спать хочу.

Репетиловъ.

Э! брось! Кто ныньче спитъ!
Ну, полно, безъ прелюдій,
Рѣшись, а мы... у насъ... рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ!
Кричимъ — подумаешь, что сотни голосовъ.

Чацкій.

Да, изъ чего, скажи, бѣснуетесь вы столько?

Репетиловъ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ...

Чацкій.

Шумите вы — и только?

Репетиловъ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ.
Литературное есть дѣло.
Оно, вотъ видишь, не созрѣло —
Нельзя же вдругъ! ....
Что за люди, mon cher! Безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во-первыхъ, Князь Григорій,
Чудакъ единственный! Насъ со смѣху моритъ.
Вѣкъ съ Англичанами, вся Англійская складка,
И также онъ сквозь зубы говоритъ,
И также коротко обстриженъ для порядка.
Ты не знакомъ? О! познакомься съ нимъ!
Другой, Воркуловъ Евдокимъ,
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О, диво!
Послушай, милый! Особливо
Есть у него любимое одно:
А нонъ ла-шьярь ми-но-но-но!
Еще у насъ два брата,
Леонъ и Боринька, чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь что сказать!
Но если генія прикажете назвать:
Удушьевъ Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его

(²) хоть *нѣсколько.*

Читалъ ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего —
Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывокъ: взглядъ и нѣчто.
Объ чемъ бишь нѣчто? — Обо всемъ,
Все знаетъ....
Но голова у насъ, какой нигдѣ ужъ нѣту,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся Алеутомъ
И крѣпко на руку нечистъ!
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ.
Когда-жъ объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ —
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ!
Вотъ люди! Есть ли имъ подобные? Наврядъ!
Ну, между ними я, конечно, зауряд —
Немножко поотсталъ, лѣнивъ — подумать ужасъ!
Однакожъ я, когда умишкомъ понатужась,
Засяду — часу не сижу,
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу:
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ,
И въ шестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ;
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ! смѣйся, а что любо, такъ ужъ любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ,
Далъ сердце доброе — вотъ чѣмъ я людямъ милъ!
Совру — простятъ....

Лакей, у подъѣзда.

Карета Скалозуба!

Репетиловъ.

Чья?

Явленіе V.

Тѣ же, **Скалозубъ** спускается съ крыльца.

Репетиловъ.

А! Скалозубъ! душа моя!
Постой, куда же? Сдѣлай дружбу!...
(Душитъ его въ объятіяхъ.)

Чацкій.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ?
(Входитъ въ швейцарскую).

Репетиловъ.

Слухъ объ тебѣ давно затихъ.
Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу.
Знакомы вы? (Ищетъ глазами Чацкаго) Упрямецъ ускакалъ —
Нѣтъ нужды. — Я тебя нечаянно сыскалъ,
И просимъ-ка со мной сейчасъ, безъ отговорокъ!
У Князь-Григорія теперь народу тьма;
Увидишь человѣкъ тамъ сорокъ.
Фу! сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ, не наскучатъ.
Во-первыхъ — напоятъ шампанскимъ на убой,
А во-вторыхъ — такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

Скалозубъ.

Избавь. Ученостью меня не обморочишь;
Скликай другихъ, а если хочешь,
Я Князь-Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ;
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикнете — такъ мигомъ успокоитъ.

Репетиловъ.

Все служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда:
И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ можетъ быть никто и никогда.
По статской я служилъ — тогда
Баронъ фонъ-Клокъ въ министры мѣтилъ,
А я
Къ нему въ зятья.
Шелъ напрямикъ, безъ дальней думы.
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси;
Ему и ей такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!
Онъ на Фонтанкѣ жилъ, я возлѣ домъ построилъ,
Съ колоннами, огромный сколько стоилъ!
Женился наконецъ на дочери его;
Приданаго взялъ — шишъ, по службѣ — ничего!
Тесть знатной, а что проку?
Боялся, видишь, онъ упреку
За слабость будто бы къ роднѣ —
Боялся, прахъ его возьми, да легче-ль мнѣ?

(Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покуда уѣхалъ.)

Явленіе VI.

Репетиловъ и Загорѣцкій.

Загорѣцкій.

Извольте продолжать. Вамъ искренно признаюсь,
Я неудачи самъ встрѣчалъ,
И отъ того, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ.

Репетиловъ, съ досадою.

Всѣ врозь не говоря ни слова!
Чуть изъ виду одинъ, гляди ужъ нѣтъ другова:
Былъ Чацкій, вдругъ исчезъ, потомъ и Скалозубъ...

Загорѣцкій.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

Репетиловъ.

Онъ не глупъ.
Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякія турусы, (3)
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль...
Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль! (4)
Мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣ же вкусы.

Загорѣцкій.

А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ серьёзно поврежденъ?

Репетиловъ.

Какая чепуха!

Загорѣцкій.

Объ немъ всѣ этой вѣры.

Репетиловъ.

Вранье!

Загорѣцкій.

Спросите всѣхъ!

Репетиловъ.

Химеры!

Загорѣцкій.

А, кстати, вотъ Князь Петръ Ильичъ,

---

(3) пустые разсказы. (4) вздоръ, пустяки.

Княгиня и съ Княжнами.

Репетиловъ.

Дичь!

Явленіе VII.

Репетиловъ, Загорѣцкій, Князь Тугоуховскій, съ шестью дочерьми; немного погодя, Хлестова спускается съ лѣстницы; Молчалинъ ведетъ ее подъ руку. Лакеи въ суетахъ.

Загорѣцкій.

Княжны! пожалуйте, скажите ваше мнѣнье:
Безумный Чацкій или нѣтъ?

1. Княжна.

Какое - жъ въ этомъ есть сомнѣнье?

2. Княжна.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ!

3. Княжна.

Дрянскіе, Хворовы, Ворленскіе, Скачковы!...

4. Княжна.

И! вѣсти старыя: кому онѣ ужъ новы?

5. Княжна.

Кто сомнѣвается?

Загорѣцкій.

Да, вотъ не вѣритъ!

6. Княжна.

Вы?

Всѣ вмѣстѣ.

Мсьё Репетиловъ! Вы? Мсьё Репетиловъ, что вы?
Да какъ вы? — Можно-ль противъ всѣхъ?
Да почему вы? — Стыдъ и смѣхъ!

Репетиловъ, затыкаетъ уши.

Простите, я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

Княгиня.

Еще не гласно бы Съ нимъ говорить опасно!
Давно бы запереть пора.
Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ, и даже Князь-Петра!
Я думаю, онъ просто якобинецъ —
Вашъ Чацкій! Ѣдемъ-те. Князь, ты везти бы могъ
Катишь или Зизи; мы ѣдемъ въ шестимѣстной.

Хлестова, съ лѣстницы.

Княгиня! карточный должокъ

Княгиня

За мною, матушка.

Всѣ другъ другу.

Прощайте!

(Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорѣцкій тоже.)

А. Грибоѣдовъ.

---

178. Изъ комедіи: Ревизоръ.

Дѣйствіе III. Явленіе 5.

Хлестаковъ.

Хорóшія заведéнія; мнѣ нрáвится, что у васъ покáзываютъ проѣзжáющимъ всё въ гóродѣ. Въ другихъ городáхъ мнѣ ничегó не покáзывали.

Городничій.

Въ другихъ городáхъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чинóвники бóльше забóтятся о своей пóльзѣ, а здѣсь, мóжно сказáть, нѣтъ другáго помышлéнія, крóмѣ тогó, чтобы благочи́ніемъ и бди́тельностію заслужи́ть внимáніе начáльства.

Хлестакóвъ.

Зáвтракъ былъ óчень хорóшъ; я совсѣ́мъ объѣлся. Что, у васъ кáждый день бывáетъ такóй?

Городничій.

Нарóчно для такóго пріятнаго гóстя.

Хлестакóвъ.

Я люблю поѣсть. Вѣдь на то

живёшь, чтобы срывать цвѣты удовольствія. Какъ называлась эта рыба?

Артемій Филиппович, подбѣгая.

Лабарданъ-съ.

Хлестаковъ.

Очень вкусная. Гдѣ это мы завтракали? въ больницѣ, что ли?

Артемій Филиппович.

Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

Хлестаковъ.

Помню, помню, тамъ стояли кровати. А больные выздоровѣли? тамъ ихъ, кажется, не много.

Артемій Филиппович.

Человѣкъ десять осталось, не больше; а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено, такой порядокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ начальство, можетъ быть, вамъ покажется даже невѣроятнымъ, всѣ, какъ мухи, выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ войти въ лазаретъ, какъ уже здоровъ; и не столько медикаментами, сколько честностію и порядкомъ.

Городничій.

Ужъ на что, осмѣлюсь доложить вамъ, головоломна обязанность здѣшняго градоначальника! Столько лежитъ всякихъ дѣлъ, относительно одной чистоты, починки, поправки... словомъ, наиумнѣйшій человѣкъ пришолъ бы въ затрудненіе, но благодареніе Богу, всё идётъ благополучно. Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но вѣрите ли, что даже когда ложишься спать, всё думаешь: Господи Боже ты мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно.... Наградитъ ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по крайней мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всёмъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало.... то чегожъ мнѣ больше? ей — ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью всё прахъ и суета.

Артемій Филиппович, въ сторону.

Эка, бездѣльникъ, какъ расписываетъ! далъ же Богъ такой даръ!

Хлестаковъ.

Это правда. Я, признаюсь, люблю иногда заумствоваться: иной разъ прозой, а въ другой и стишки выкинутся.

Бобчинскій, Добчинскому.

Справедливо, всё справедливо, Петръ Ивановичъ. Замѣчанія такія.... видно, что наукамъ учился.

Хлестаковъ.

Скажите пожалуйста, нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь развлеченій, обществъ, гдѣ бы можно было, напримѣръ, поиграть въ карты.

Городничій, въ сторону.

Эге, знаемъ, голубчикъ, въ чей огородъ камешки бросаютъ! (вслухъ) Боже сохрани! здѣсь и слуху нѣтъ о такихъ обществахъ. Я картъ и въ руки никогда не бралъ; даже не знаю, какъ играть въ карты. Смотрѣть не могъ на нихъ равнодушно: и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля, или что-нибудь другое, то такое омерзѣніе нападётъ, что, просто, плюнешь. Разъ какъ-то случилось, забавляя дѣтей, выстроилъ будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились проклятыя. Богъ съ ними, какъ можно, чтобы такое драгоцѣнное время убивать на нихъ.

Лука Лукичъ, въ сторону.

А у меня, подлецъ, выпонтировалъ вчера сто рублей.

Городничій.

Лучше жъ я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаковъ.

Ну, нѣтъ, вы напрасно однакоже.... всё зависитъ отъ той стороны, съ которой кто смотритъ на вещь. Если, напримѣръ, забастуешь тогда, какъ нужно гнуть отъ трёхъ угловъ.... ну, тогда конечно.... Нѣтъ, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

Явленіе 6.

Тѣже, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Хлестаковъ.

Да, деревня впрочемъ тоже имѣетъ свои пригорки, ручейки.... ну, конечно, кто же сравнитъ съ Петербургомъ. Эхъ, Петербургъ! что за жизнь, право! Вы, можетъ быть, думаете, что я только переписываю; нѣтъ, начальникъ отдѣленія со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударитъ по плечу: «приходи, братецъ, обѣдать!» Я только на двѣ минуты захожу въ департаментъ, съ тѣмъ только, чтобы сказать: это вотъ такъ, это вотъ такъ. А тамъ ужъ чиновникъ для письма, этакая крыса, перомъ только: тртр... пошолъ писать Хотѣли было даже меня коллежскимъ ассессоромъ сдѣлать, да, думаю, зачѣмъ. И сторожъ летитъ ещё на лѣстницѣ за мною со щоткою: позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ, говоритъ, сапоги почищу. (Городничему) Что вы, господа, *стоите? пожалуйста садитесь!*

Вмѣстѣ.

Городничій.

Чинъ такой, что ещё можно постоять.

Артемій Филиппович.

Мы постоимъ.

Лука Лукичъ.

Не извольте безпокоиться.

Хлестаковъ.

Безъ чиновъ, прошу садиться. (Городничій и всѣ садятся.) Напротивъ, я даже стараюсь, стараюсь проскользнуть незамѣтно. Но никакъ нельзя скрыться, никакъ нельзя! Только выйду куда-нибудь, ужъ и говорятъ: вонъ, говорятъ, Иванъ Александровичъ идётъ! А одинъ разъ меня приняли даже за главнокомандующаго, солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣлали ружьёмъ. Послѣ уже офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующаго.

Анна Андреевна.

Скажите какъ!

Хлестаковъ.

Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже разные водевильчики.... литераторовъ часто вижу. Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало, часто говорю ему: «ну что, братъ, Пушкинъ?» — «Да такъ, братъ» отвѣчаетъ бывало: «такъ какъ то всё....» Большой оригиналъ.

Анна Андреевна.

Такъ вы и пишете? какъ это должно быть пріятно сочинителю. Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ.

Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ впрочемъ много есть сочиненій: Женитьба Фигаро, Робертъ Дьяволъ, Норма. Ужъ и названій

даже не по́мню. И всё слу́чаемъ: я не хотѣ́лъ писа́ть, но театра́льная дире́кція говори́тъ: «пожа́луйста, бра́тецъ, напиши́ что-нибудь.» Ду́маю себѣ́: пожа́луй, изво́ль, бра́тецъ. И ту́тъ же въ оди́нъ ве́черъ, ка́жется, всё написа́лъ. У меня́ лёгкость необыкнове́нная въ мы́сляхъ. Всё э́то, что бы́ло подъ и́менемъ баро́на Брамбеуса, Фрега́тъ Наде́жда и Моско́вскій Телегра́фъ (1)... всё э́то я написа́лъ.

Анна Андре́евна.

Скажите, такъ это вы бы́ли Брамбеу́съ?

Хлестаковъ.

Какъ же, я имъ всѣмъ поправляю стихи́. Мнѣ Смирди́нъ(2) даётъ за э́то со́рокъ ты́сячъ.

Анна Андре́евна.

Такъ, вѣ́рно, и Юрій Милосла́вскій ва́ше сочине́ніе?

Хлестако́въ.

Да, э́то моё сочине́ніе.

Анна Андре́евна.

Я сей-часъ догада́лась.

Ма́рья Анто́новна.

Ахъ, ма́менька, тамъ написано, что э́то Заго́скина сочине́ніе.

Анна Андре́евна.

Ну вотъ: я и зна́ла, что даже и здѣсь бу́дешь спо́рить.

Хлестако́въ.

Ахъ, да, э́то пра́вда, э́то то́чно Заго́скина; а есть друго́й Юрій Милосла́вскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андре́евна.

Ну э́то, вѣ́рно, я вашъ чита́ла. Какъ хорошо́ написано!

Хлестако́въ.

Я, признаю́сь, литерату́рой существу́ю. У меня домъ пе́рвый въ Петербу́ргѣ. Такъ ужъ и извѣ́стенъ: домъ Ива́на Алекса́ндровича. (Обраща́ясь ко всѣмъ) Сдѣ́лайте ми́лость, господа, е́сли бу́дете въ Петербу́ргѣ, прошу́, прошу́ ко мнѣ. Я вѣдь то́же балы́ даю́.

Анна Андре́евна.

Я ду́маю, съ каки́мъ тамъ вку́сомъ и великолѣ́піемъ даю́тся балы́.

Хлестако́въ.

Про́сто, не говори́те. На столѣ́, наприме́ръ, арбу́зъ — въ семьсо́тъ рубле́й арбу́зъ. Супъ въ кострю́лькѣ пря́мо на парохо́дѣ пріѣ́халъ изъ Пари́жа; откро́ютъ кры́шку — па́ръ, кото́рому подо́бнаго нельзя́ отыска́ть въ приро́дѣ. Я вся́кій день на бала́хъ. Тамъ у насъ и вистъ свой соста́вился. Министръ иностра́нныхъ дѣлъ, Францу́зскій посла́нникъ, Нѣме́цкій посла́нникъ и я. И ужъ такъ умори́шься, игра́я, что, про́сто, ни на что не похо́же. Какъ взбѣжи́шь по лѣ́стницѣ къ себѣ́ на четвёртый эта́жъ, ска́жешь то́лько куха́ркѣ: «на Маврушка шине́ль...» что-жъ я вру — я и позабы́лъ, что живу́ въ бельэта́жѣ. У меня́ одна́ лѣ́стница стои́тъ... А любопы́тно взгляну́ть ко мнѣ въ пере́днюю, когда́ я ещо́ не просну́лся: гра́фы и князья́ толку́тся и жужжа́тъ, такъ какъ шмели́, только и слы́шно: ж... ж... ж... Ино́й разъ и мини́стръ... (городни́чій и про́чіе съ ро́бостію встаю́тъ съ своихъ сту́льевъ). Мнѣ да́же на паке́тахъ пи́шутъ: ва́ше превосходи́тельство. Оди́нъ разъ я да́же управля́лъ департа́ментомъ. И стра́нно: дире́кторъ уѣ́халъ, куда́ уѣ́халъ, неизвѣ́стно. Ну, натура́льно, пошли толки: какъ, что, кому заня́ть мѣ-

(1) Подъ вымышленнымъ именемъ барона Брамбеуса писалъ и славился въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія остроумный Сенковскій, умершій въ концѣ 1857 г. Фрегатъ Надежда есть повѣсть Марлинскаго. Телеграфъ былъ извѣстный журналъ, издававшійся до 1830 г Полевымъ. (2) извѣстный русскій книгопродавецъ и издатель.

сто? Мно́гіе изъ генера́ловъ находи́лись охо́тники и брали́сь, но подойду́тъ, быва́ло: нѣтъ, мудрено́. Ка́жется и легко́ на видъ, а разсмотрѣть — про́сто, чортъ возьми́, ви́дятъ, не́чего дѣлать — ко мнѣ. И въ ту же мину́ту по у́лицамъ курье́ры, курье́ры, курье́ры.... мо́жете предста́вить себѣ, три́дцать-пять ты́сячъ одни́хъ курье́ровъ! каково́ положе́ніе, я спра́шиваю? »Ива́нъ Алекса́ндровичъ, ступа́йте департа́ментомъ управля́ть!« Я, признаю́сь, немно́го смути́лся, вы́шелъ въ хала́тѣ; хотѣлъ отказа́ться, но ду́маю, дойдётъ до госуда́ря; ну, да и послужно́й спи́сокъ то́же... »Изво́льте, господа́, я принима́ю, говорю́, такъ и быть, говорю́, я принима́ю, только ужъ у меня́: ни, ни, ни! ужъ у меня́ у́хо востро́! ужъ я...« И то́чно быва́ло: прохожу́ черезъ департа́ментъ — про́сто землетрясе́нье — всё дрожи́тъ трясётся, какъ листъ. (Городни́чій и про́чіе трясу́тся отъ стра́ха; Хлестако́въ горячи́тся сильнѣе). О! я шути́ть не люблю́; я имъ всѣмъ зада́лъ острáстку. Меня́ самъ госуда́рственный совѣтъ бои́тся. Да что въ-са́момъ-дѣлѣ? я тако́й! Я не посмотрю́ ни на кого́.... я говорю́ всѣмъ: я самъ себя́ зна́ю, самъ. Я вездѣ, вездѣ. Во дворе́цъ вся́кій день ѣзжу. Меня́ за́втра же произведу́тъ сейча́съ въ фельдма́рш.... (поска́льзывается и чуть-чуть не шлёпается на́-полъ, но съ почте́ніемъ подде́рживается чино́вниками).

Н. Гоголь.

---

179. Изъ драмы: Князь Скопинъ Шуйскій.

Актъ IV. Явленіе 2.

Смерть Скопина. Пиръ въ домѣ Князя Дмитрія Шуйскаго. Князья Дмитрій Шуйскій, Князь Скопинъ Шуйскій, Делагарди. Многіе Русскіе Бояре, Иностранные генералы и Екатерина Шуйская входитъ (съ чашей; за ней слуга съ подносомъ).

Дмит. Вотъ и вино, Князь Михаилъ Васильичъ!

Князь (вставъ съ мѣста, всѣ немного приподнимаются).
Екатерина! Боже сколько лѣтъ
И сколько зимъ мы не видались съ нею!!...
Здорова-ли, Княгиня?

Екатер. Слава Богу!
Отвѣдай, Князь, во здравіе вина.

Князь. Благодарю за честь! Изъ полной чаши
Я выпью только радость и веселье!
Позволь, Княгиня! чаша тяжела!
(Взявъ отъ нея чашу ставитъ на столъ.)
Ты помнишь-ли меня,Екатерина,
Ребенкомъ у тебя въ свѣтлицѣ.

Екат. Помню.

Князь. Какъ отецъ мой кончилъ славный путь
И сиротой остался я на свѣтѣ,
Не ты-ли нѣжной материнской лаской
Искоренять мое старалась горе?
Благодарю, еще благодарю,
И за твое здоровье выпью чашу! —

Екат. (смущенная). Нѣтъ, Князь, не пей!... (про себя) Спасите, Силы Неба!

Князь. И почему-жъ мнѣ затебя не пить?

Екат. Ахъ, Господи! Нечистое вино;
Въ нёмъ что-то мутно...
Князь. Полно, Катерина!
Въ немъ такъ свѣтло, какъ у меня на сердцѣ.
Позволь же пить твое здоровье.
Екат. Нѣтъ!
Не за меня, не за меня!
Князь. Дмитрій Ивановичъ! Такъ за чьежъ здоровье?
Дмит. За здравіе Царя и Государя!
Русскіе бояре и воеводы.
А мы и за преемника прибавимъ.
Екат. Пей, Князь, во здравіе! (про себя) Пей чашу смерти!
Князь (поднявъ чашу вверхъ). За здравіе Царя и Государя!
Его супруги благовѣрной! Дяди Дмитрія Иваныча съ супругой!

Русскіе — **Иностранцы**
Ура! — Vivat!

Князь. Да здравствуетъ Святая наша Русь!
Миръ падшимъ на кровавомъ полѣ брани!
Забвеніе семейственнымъ раздорамъ!
Покой, богатство, милость Государству!
Удача на враговъ Святаго Царства!
А пиру нашему — разгулъ и радость!!...
(пьетъ немного и, поставивъ чашу на столъ, садится).

Русскіе — **Иностранцы**
Ура! — Vivat!

Делагарди. А я, отпивъ за здравіе Царя
И всѣхъ, кого Князь Михаилъ Васильичъ
Провозгласилъ, — берусь опять за чашу, —
И именемъ священнымъ Короля
И благородной Швеціи, — пью снова
За здравье побѣдителя Поляковъ—
Спасителя отчизны, Скопина!! (пьетъ).

Русскіе — **Иностранцы**
Ура! — Vivat!

Князь. (взявъ чашу и подымаясь)
Благодарю, друзья, благодарю! (пьетъ).
Ахъ, Боже мой! Въ глазахъ позеленѣло!
Какъ закружилась голова .....
Ададур. Всесильный!
Ты поблѣднѣлъ!
Князь. (поставивъ чашу и садясь)
Я не могу допить!
Нѣтъ, на вино плохой я воевода!—
Делаг. Князь! Что съ тобой?
Князь. Хотѣлъ я осушить
Всю чашу вдругъ, не допилъ половины;
Туманъ въ глазахъ и шумно въ головѣ.
Мнѣ дурно....
Дмит. Князь!....
Князь. (забываясь) Прости, Екатерина,
Простите, братья! (вскочивъ и выбѣгая на пред-сцену)
Гдѣ мой Царскій мечъ?
Гдѣ шапка Мономаха?.. Повинуйтесь!!...
(всѣ, оставивъ мѣста, бѣгутъ и окружаютъ его).
Екат. (схвативъ чашу и спрятавъ ее подъ фату (1).
Здѣсь Царскій мечъ, здѣсь Царская Порфира!
Дмит. Что это значитъ? Былъ здоровъ и веселъ
И вдругъ....

---

(1) большой шелковый платокъ, которымъ накрываютъ голову и станъ.

Князь. Молчи! Ты слышишь! Змѣй ползётъ!
Екатер. (приближаясь къ дверямъ)
Сбылись слова: Вѣнецъ на Михаилѣ....
Князь. (схвативъ себя за голову)
Да! Всё въ огнѣ! Горитъ земля и небо;
Ахъ голова! На этой головѣ
Побѣдъ, торжествъ несмѣтное число —
И всё — горитъ огнемъ неугасимымъ!! —
Дмитр. Жена, воды! Авось поможемъ Князю!
Екатер. Ахъ! Какъ сокрыть отравленную чашу!
Князь. (падая къ ногамъ ея)
Екатерина, сжалься надо мной!
Дай мнѣ воды, дай льду! У ногъ твоихъ,
Прошу, молю! Врачуй меня, врачуй!...
Екатер. (въ замѣшательствѣ отъ него отступая)
Князь, не могу! О дальше, дальше, дальше!...
Дмитр. Всё для меня темно, непостижимо!

Актъ V. Выходъ 8-й.

Екатерина и Ляпуновъ.

Ляпун. Екатерина,
Ты можешь ли молиться?
Екат. Не могу!
Ляпун. Я такъ и думалъ. — Бѣдная жена
Что совершила ты?
Екат. Убійство.
Ляпун. Да,
Убійство, но какое? — Ты не знаешь,
Не можешь знать, гдѣ Русь теперь стоитъ
Безъ ангела, и царство можетъ сгибнуть!
Ты отравила съ Княземъ Михаиломъ
Святую Русь; — и Богъ велѣлъ судить
Судомъ земнымъ преступницу... Молисъ! (вынувъ ножъ)
Послѣдній часъ на этомъ остріѣ!
Я отстоялъ тебя, не для тебя;
Я жертву сохранилъ великой тѣни —
И вотъ — пришолъ заклать ту жертву!...
Екат. Боже!
Ляпун. Я самъ дивлюсь, чего еще медлю!
Ты смерть несла спасителю отчизны,
Безъ трепета, ужасная жена; —
А я убить убійцу не рѣшаюсь...
Екатер. Не убивай меня, не убивай —
И я еще покаяться сумѣю! —
Ляпун. Сумѣешь-ли ты Князя воскресить?! —
О женщина безъ совѣсти и сердца,
Ты въ жизнь свою не плакала ни разу,
Не прижимала къ сердцу своему
Невиннаго ребенка или друга!
Ты та змѣя, что на родную матерь (²)
Бросается стрѣлою ядовитой!
Ты то жерло, изъ коего Господь
Проклятія глаголетъ (³) окаяннымъ!
О еслибъ ты могла любить отчизну
И за нее страдать душой могучей;

(²) цркв. слав. форма, вмѣсто мать.

(³) цркв. слав. глаголъ въ значеніи: говорить.

Зане (4) отчизна та въ кровавыхъ смутахъ,
Какъ въ бурномъ океанѣ утопаетъ; —
Ты-бъ поняла, кого ты отравила! ....
За что, за что, — ты жаломъ ядовитымъ
Спасителя отчизны уязвила?
О не за то-ль, что онъ тебя избавилъ
Отъ ложа срамнаго, отъ посмѣянья,
Отъ плахи, отъ работы, отъ темницы?
Что это Русь, родную нашу Русь
Онъ загадалъ (5) очистить отъ соблазна?
О грѣшница, бывали преступленья;
Но твоему — нѣтъ равнаго примѣра!

Екатер. О пощади, Прокопъ Петровичъ!

Ляпун. Что?
Тебя щадить? Не думаешь-ли ты
Что сострадaніе во мнѣ таится?
Что я способенъ пожалѣть того,
Кто всей Руси не пожалѣлъ? Увы!
Ты ошибаешься, Екатерина!
Я казнь тебѣ выдумываю . . . Страшно
Торжественно хочу казнить тебя
Во страхъ вѣкамъ, мучителямъ въ потѣху!

Екат. Безчеловѣчный!

Ляпун. Я безчеловѣченъ!
И это говоритъ его убійца! (увидавъ чашу)
Не это-ли сосудъ отравы тайной?
Не здѣсь-ли утонулъ Скопинъ несчастный?
(открывая чашу)
Недопита!! О строгій Судія!
Не для нея-ль ты сохранилъ отраву!?
(подаетъ чашу Екатеринѣ)

Екат. (отклоняя чашу) Спасите отъ разбойника!

Ляпун. (Громовымъ голосомъ) Молчать!
Благодарить! — Ты раздѣляешь чашу
Съ божественнымъ избранникомъ Руси!
Отвѣдай! Горька ли твоя отрава?
Не обманулъ ли Фидлеръ!.. На, отвѣдай!

Екатер. (на колѣняхъ) Дай часъ на покаяніе....

Ляпун. Откушай!

Екатер. Минуту....

Ляпун. Поздно! Время улетитъ
И ты найдешь другое волхвованье!
Пей, чашу, пей! (Екатерина пьетъ) О Боже Всемогущій!
Змѣя и ангелъ въ той-же гибнутъ чашѣ!
Какъ малъ и величайшій человѣкъ!... —
Отвѣдала? Нѣтъ мало, Катерина!
Покойный Князь до смерти пилъ отраву;
Пей до конца и ты!

Екатер. Я не могу!

Ляпун. (поднимая ножъ) Пей, аспидъ! Смерть на свѣтѣ не одна!
Благодари еще, что скоро кончилъ!
Не такъ хотѣлъ я истязать тебя!
Пей подъ ножемъ Прокопа Ляпунова!
Пей подъ анаѳемой святаго Царства!
(Екатерина допиваетъ)
Вотъ такъ!

(4) црков. слав. винословный союзъ. (5) въ смыслѣ: задумалъ.

Екатер. (упуставъ чашу) Прости меня, Прокопъ Петровичъ!
(Слышенъ прежній шумъ черни).
Всему конецъ! я каюсь предъ тобой!
Уже нельзя мнѣ къ жизни воротиться;
Не погуби души по крайней мѣрѣ!
Ты плачешь, Ляпуновъ?

Ляпун. (отирая слезу) О какъ не плакать!
Исполненъ долгъ, но этотъ долгъ ужасенъ!
И къ преступленью должно сострадать.
Оно болѣзнь, недугъ души нетвердой!
Господь тебя прости, Екатерина! —
(поднимаетъ её).
Ты такъ тверда, спокойна?!

Екатер. Совершилось!
Пока еще надежда въ жизни есть,
До той поры волнуютъ грудь желанья,
Но если жизнь разорвана, — тогда
Другія ощущенья слышитъ сердце....

Какъ я слаба! Въ глазахъ позеленѣло!
Простятъ ли мнѣ мой грѣхъ на небесахъ;
Простятъ ли люди памяти преступной?
(шумъ усиливается; Екатерина въ омраченіи разсудка.)
Ахъ, загорѣлся свѣтъ! Вотъ силы Неба
На черныхъ тучахъ въ воздухѣ плывутъ!
Ты видишь-ли: собрался страшный судъ!
Гдѣ царскій мечъ; гдѣ царская *порфира?* —
Вотъ молнія! — И загорѣлись души
Назначенныя аду; я одна . . .
Меня Господь и къ нимъ не причисляетъ;
Я ни небесъ, ни ада не достойна....
Ахъ голова! На этой головѣ
Лежитъ одно единое злодѣйство!
Какъ сердце съѣла смерть! Вся грудь пуста!
А голова раздавлена, разбита!...
Жизнь, жизнь! Плыветъ зеленый островъ въ морѣ!
Цвѣты на немъ, заморскія деревья,
Какъ воздухъ свѣжъ, какъ ароматенъ воздухъ!
То жизнь моя... Ловите, догоните!
Я утопаю... Тише! Вотъ онъ, вотъ онъ!
Ну, слава Богу! Снова жизнь моя!
Потухъ пожаръ! Весь міръ въ святыхъ лучахъ;
Есть милость на землѣ — и въ небесахъ!
(падаетъ и умираетъ).

Кукольникъ.

---

180. Изъ комедіи: Свои люди — сочтемся.

Дѣйствіе IV. Явленіе 4.

Подхалюзинъ купе́цъ, жена́ его́ Олимпіа́да Самсо́новна, тёща Аграфе́на Кондра́тьевна, тесть Большо́въ.

Олимпіа́да Самсо́новна (глядитъ въ окно́). Никáкъ тя́теньку изъ

ямы (¹) выпустили, — посмотрите Лазарь Елизарычъ!

Подхал. Ну, нѣтъ-съ: изъ ямы-то тятеньку не скоро выпустятъ; а надо полагать, его въ конкурсъ выписывали, такъ отпросился домой... Маменька-съ! Аграфена Кондратьевна! Тятенька идётъ-съ!

Аграф. Конд. Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Родные вы мои, голубчики мои! (цѣлуются.)

Подхал. Тятенька, здравствуйте, наше почтеніе!

Агр. Кондр. Голубчикъ ты мой, Самсонъ Силычъ, золотой ты мой! Оставилъ ты меня сиротой на старости лѣтъ!

Большовъ. Полно, жена, перестань!

Олим. Самсон. Что это вы, маменька, точно по покойникѣ плачете! Не Богъ знаетъ, что случилось.

Больш. Оно точно, дочка, не Богъ знаетъ что, а всё-таки отецъ твой въ ямѣ сидитъ.

Олимп. Самс. Что-жъ, тятенька, сидятъ и лучше насъ съ вами.

Больш. Сидятъ-то сидятъ, да каково сидѣть-то. Каково по улицѣ-то идти съ солдатомъ! Охъ дочка! Вѣдь меня сорокъ лѣтъ въ городѣ-то всѣ знаютъ, сорокъ лѣтъ всѣ въ поясъ кланялись, а теперь мальчишки пальцами показываютъ.

Аграф. Кондр. И лица-то нѣтъ на тебѣ, голубчикъ ты мой! Словно ты съ того свѣта выходецъ!

Подхал. Э, тятенька, Богъ милостивъ! Всё перемелется — мука будетъ. Что же, тятенька, кредиторы-то говорятъ?

Больш. Да что: на одѣлку согласны. Что, говорятъ, тянуть-то, — ещо возьмёшь ли, нѣтъ ли, а ты что-нибудь чистыми дай, да и Богъ съ тобой.

Подхал. Отъ чего же не дать-съ! Надать дать-съ! А много ли, тятенька, просятъ?

Больш. Просятъ-то двадцать пять копеекъ.

Подхал. Это, тятенька, много-съ!

Больш И самъ братъ, знаю, что много, да что жъ дѣлать-то? Меньше не берутъ.

Подхал. Какъ бы десять копѣекъ, такъ-бы ладно-съ. Семь съ половиною на удовлетвореніе, а двѣ съ половиною на конкурсные расходы.

Больш. Я такъ-то говорилъ, да и слышать не хотятъ.

Подхал. Зазнались больно! А не хотятъ они семь копеекъ въ пять лѣтъ?

Больш. Что жъ, Лазарь, придётся и двадцать пять дать, вѣдь мы сами прежде такъ предлагали.

Подкал. Да какъ же, тятенька-съ! Вы вѣдь тогда сами изволили говорить-съ, больше десяти копеекъ не давать-съ. Вы сами разсудите: по двадцати пяти копеекъ денегъ много. Вамъ, тятенька, закусить, чего не угодно-ли-съ? Маменька! прикажите водочки подать, да велите самоварчикъ поставить, ужъ и мы, для компаніи, выпьемъ-съ. — А двадцать пять копеекъ много-съ!

Аграф. Конд. Сейчасъ, батюшка, сейчасъ! (уходитъ).

Больш. Да что ты мнѣ толкуешь-то: я и самъ знаю, что много, да какъ же быть-то? Потомятъ

(¹) такъ называютъ Русскіе мѣсто, въ которое сажаютъ за неуплату долговъ.

года полтора въ ямѣ-то, да каждую недѣлю будутъ съ солдатомъ по улицамъ водить, а ещё, того гляди, въ острогъ перемѣстятъ: такъ радъ будешь и полтину дать. Отъ одного страмато не знаешь, куда спрятаться. (Аграфена Кондратьевна съ водкой; Тишка вноситъ закуску и уходитъ.)

Аграф. Кондр. Голубчикъ ты мой! Кушай, батюшка, кушай! Чай тебя тамъ голодомъ изморили!

Подхал. Кушайте, тятенька! Не взыщите, чѣмъ Богъ послалъ!

Больш. Спасибо, Лазарь! Спасибо! (Пьётъ.) Пей-ко самъ.

Подхал. За ваше здоровье! (пьётъ.) Маменька! не угодно-ли-съ! Сдѣлайте одолженіе!

Аграф. Кондр. Ахъ, батюшки, до того ли мнѣ теперь! Эдакое Божеское попущеніе! Ахъ ты, Господи Боже мой! Ахъ ты, голубчикъ ты мой!

Подхал. Э, маменька, Богъ милостивъ, какъ-нибудь отдѣлаемся! Не вдругъ-съ!

Аграф. Кондр. Дай-то Господи! А то ужъ и я-то, на него глядя, вся измаялась.

Больш. Ну, какъ же, Лазарь?

Подхал. Десять копеечекъ, извольте, дамъ-съ, какъ говорили.

Больш. А пятнадцать-то, гдѣ же я возьму? Не изъ рогожи жъ мнѣ ихъ шить.

Подхал. Я, тятенька, не могу-съ! Видитъ Богъ, не могу-съ!

Больш. Что ты, Лазарь, что ты! Да куда жъ ты деньги-то дѣлъ?

Подхал. Да вы извольте разсудить: я вотъ торговлей завожусь, домишко отдѣлалъ. Да выкушайте чего-нибудь, тятенька! Вотъ хоть мадерцы что ли-съ! Маменька! попотчуйте тятеньку.

Аграф. Кондр. Кушай, батюшка, Самсонъ Силычъ! кушай! Я тебѣ, батюшка, пуншикъ налью!

Больш. (Пьетъ.) Выручайте, дѣтушки, выручайте!

Подхал. Вотъ вы, тятенька, изволите говорить, куда я деньги дѣлъ? — Какъ же-съ? Разсудите сами: торговать начинаемъ, извѣстное дѣло, безъ капитала нельзя-съ, взяться нечѣмъ; вотъ домикъ купилъ, заведеньице всякое домашнее завели, лошадокъ, то, другое. Сами изволите разсудить! Объ дѣтяхъ подумать надо (²).

Олимп. Самс. Что жъ, тятенька, нельзя же намъ самимъ не при чомъ остаться. Вѣдь мы не мѣщане какіе-нибудь.

Подхал. Вы, тятенька, изволите разсудить: нынче безъ капитала нельзя-съ, безъ капиталу-то не много наторгуешь.

Олимп. Самс. Я у васъ, тятенька, до двадцати лѣтъ жила — свѣта не видала. Что жъ мнѣ прикажете отдать вамъ деньги, да самой опять въ ситцевыхъ платьяхъ ходить?

Больш. Что вы! Что вы! Опомнитесь! Вѣдь я у васъ не милостыню прошу, а своё же добро. Люди ли вы?

Олимп. Самс. Извѣстное дѣло, тятенька, а не звѣри же.

Больш. Лазарь! да ты вспомни-то; вѣдь я тебѣ всё отдалъ, всё до-чиста; вотъ что себѣ оставилъ, видишь! Вѣдь я тебя мальчишкой въ домъ взялъ, подлецъ ты безчувственный! Поилъ,

---

(²) вмѣсто: надо, надобно.

кормилъ вмѣсто отца́ родна́го, въ люди вы́велъ. А ви́дѣлъ-ли я отъ тебя́ благода́рность каку́ю? Ви́дѣлъ-ли? Вспо́мни то, Ла́зарь, ско́лько ра́зъ я замѣча́лъ, что ты на́-руку не чистъ! Чтожъ? я вѣдь не прогна́лъ тебя́, какъ скота́ како́го, не оста́вилъ на весь го́родъ. Я тебя́ сдѣлалъ гла́внымъ прика́щикомъ, тебѣ́ я всё своё состоя́ніе о́тдалъ, да тебѣ́ же, Ла́зарь, я о́тдалъ и до́чь-то своими рука́ми. А не случи́сь со мно́ю э́того попуще́нія, ты бы на неё и глядѣ́ть-то не смѣлъ.

Подхал. Поми́луйте, тя́тенька, я всё э́то о́чень хорошо́ чу́вствую.

Больш. Чу́вствуешь ты! Ты бы до́лженъ всё отда́ть, какъ я, въ одно́й руба́шкѣ оста́ться, то́лько бы своего́ благодѣ́теля вы́ручить. Да не прошу́ я э́того, не на́до мнѣ; ты заплати́ за меня́ то́лько, что тепе́рь слѣ́дуетъ.

Подхал. Отъ чего́ бы не запла-ти́ть-съ, да про́сятъ цѣ́ну, совсѣ́мъ несообра́зную.

Больш. Да ра́звѣ я прошу́! Я изъ-за ка́ждой ва́шей копе́йки проси́лъ, проси́лъ въ но́ги кла́нялся, да что же мнѣ дѣ́лать, когда́ не хотя́тъ уступи́ть ничего́?

Олимп. Самсон. Мы, тя́тенька, сказа́ли вамъ, что бо́льше десяти́ копе́екъ дать не мо́жемъ — и толкова́ть объ э́томъ не́чего.

Больш. Ужъ ты скажи́, до́чка: ступа́й, молъ, ты ста́рый чо́ртъ въ я́му! Да, въ я́му! Въ остро́гъ его́, ста́раго дурака́! И за дѣ́ло! Не гони́сь за больши́мъ, будь дово́ленъ тѣмъ, что есть. А за больши́мъ пого́нишься, послѣ́днее отни́мутъ, оберу́тъ тебя́ до́чиста. И придётся тебѣ́ бѣжа́ть на ка́менный мостъ, да броса́ться въ Москву́-рѣку́. Да и отту́дова ([3]) тебя́ за язы́къ вы́тянутъ, да въ остро́гъ поса́дятъ (всѣ молча́тъ; Больш҃ов҃ъ пьётъ). А вы поду́майте, каково́ мнѣ тепе́рь въ я́му-то идти́. Что жъ мнѣ зажму́риться, что ли? Мнѣ Ильи́нка-то ([4]) тепе́рь за́ сто вёрстъ пока́жется. Вы ду́майте то́лько, каково́ по Ильи́нкѣ-то идти́. Это всё равно́, что грѣ́шную ду́шу дья́волы, прости́ Го́споди, по мыта́рствамъ та́щатъ. И тамъ ми́мо Иверской([5]): какъ мнѣ взгляну́ть-то на неё, на ма́тушку?... Зна́ешь, Ла́зарь, Іу́да, вѣдь онъ то́же Христа́ за де́ньги про́далъ, какъ мы со́вѣсть за де́ньги продаёмъ.... А что ему́ за э́то бы́ло?... А тамъ прису́тственныя мѣста́, Уголо́вная пала́та.... Вѣдь я зло́стный — умы́шленный.... Вѣдь меня́ въ Сиби́рь сошлю́тъ, Го́споди!... Коли такъ не дади́те де́негъ, да́йте Христа́ ра́ди. (Пла́четъ.)

Подхал. Что вы, что вы, тя́тенька? По́лно-те! Богъ ми́лостивъ! Что это вы? Попра́вимъ какъ-нибудь. Всё въ на́шихъ рука́хъ!

Больш. Де́негъ на́до, Ла́зарь де́негъ. Бо́льше не́чѣмъ попра́вить. Ли́бо де́негъ, ли́бо въ Сиби́рь.

Подхал. И де́негъ дади́мъ-съ, то́лько бы отвяза́лись! Я, такъ и быть, ещо́ пять копе́ечекъ при-ба́влю.

Больш. Эки года́! Есть ли въ васъ Христіа́нство? Два́дцать пять копе́екъ на́до, Ла́зарь!

([3]) просторѣч. вмѣсто: оттуда. ([4]) одна изъ самыхъ людныхъ улицъ въ Москвѣ, въ Китай-городѣ. ([5]) т. е. мимо́ часовни, гдѣ стоитъ весьма чествуемая икона Иверской Божіей Матери.

Подхал. Нѣтъ, э́то, тя́тенька, мно́го-съ, ей Бо́гу мно́го!

Больш. Змѣи вы подколо́дныя! (Опуска́ется голово́й на столъ.)

Аграф. Кондр. Ва́рваръ ты, ва́рваръ! Разбо́йникъ ты э́дакой! Нѣтъ тебѣ моего́ благослове́нія! Изсо́хнешь вѣдь и съ де́ньгами-то, изсо́хнешь, не доживя́ вѣку. Разбо́йникъ ты, э́дакой разбо́йникъ!

Подхал. По́лноте, ма́менька, Бо́га-то гнѣви́ть! Что это вы кляне́те насъ, не разобра́вши дѣла-то! Ви́дите, тя́тенька захмѣлѣлъ мане́нько, а вы ужъ и на́-поди [6].

Олимп. Самс. Ужъ вы, ма́менька, молча́ли бы лу́чше. А то вы ра́ды проклясть въ преисподнюю. Зна́ю я: васъ на э́то ста́нетъ. За то вамъ должно́-быть и други́хъ дѣте́й-то Богъ не далъ.

Аграф. Кондр. Сама́ ты молчи́, безпу́тная! И одну́-то тебя́ Богъ въ наказа́ніе посла́лъ.

Олимп. Самс. У васъ всѣ безпу́тныя — вы однѣ́ хороши́. На себя́-то посмотрѣ́ли бы: то́лько что понедѣльничаете [7], а то дня не пройдётъ, чтобъ не обла́ять [8] кого́-нибудь.

Аграф. Кондр. Ишь ты! Ишь ты! Ахъ, ахъ, ахъ! .... Да я прокляну́ тебя́ на всѣхъ соборахъ!

Олимп. Самс. Проклина́йте, пожа́луй!

Аграф. Кондр. Да! Вотъ какъ! Умрёшь, не сгніёшь! Да!...

Олимп. Самс. Очень ну́жно!

Больш. (встаётъ). Ну, проща́йте, дѣти.

Подх. Что вы, тя́тенька, посиди́те! На́добно же какъ-нибудь дѣло-то ко́нчить!

[6] въ смыслѣ: пошли, начали. [7] т. е. *соблюдаетъ постъ по понедѣльникамъ, не ѣстъ въ этотъ день скоромнаго.* [8] *выбранить, выругать.*

Больш. Да что конча́ть-то! Ужъ я ви́жу, что дѣло-то ко́нчено. Сама́ себя́ раба́ бьётъ, коли не чи́сто жнётъ! Ты ужъ не плати́ за меня́ ничего́: пусть, что хотя́тъ, то и дѣлаютъ. Проща́йте, пора́ мнѣ!

Подхал. Проща́йте, тя́тенька! Богъ ми́лостивъ, какъ-нибудь обойдётся!

Больш. Проща́й, жена́!

Аграф. Кондр. Проща́й, ба́тюшка, Самсо́нъ Си́лычъ! Когда́ къ вамъ въ я́му-то пуща́ютъ?

Больш. Не зна́ю!

Аграф. Кондр. Ну, такъ я навѣдаюсь: а то умрёшь тутъ, не вида́вши-то тебя!

Больш. Проща́йте, Олимпіа́да Самсо́новна! Ну, вотъ вы тепе́ря бу́дете бога́ты, заживёте по ба́рски. По гуля́ньямъ это, по бала́мъ — дья́вола тѣ́шить! А не забу́дьте вы, Олимпіа́да Самсо́новна, что есть клѣтки съ желѣзными рѣшотками, сидя́тъ тамъ бѣдные-заключо́нные. Не забу́дьте насъ бѣдныхъ — заключо́нныхъ (ухо́дитъ съ Аграфе́ной Кондра́тьевной).

Подхал. Эхъ! Олимпіа́да Самсо́новна-съ! Не ло́вко-съ! Жаль тя́теньку, ей Бо́гу, жаль-съ! Не́што поѣхать самому́ поторгова́ться съ кредито́рами! Аль не надо-съ? Онъ-то самъ лу́чше ихъ разжа́лобитъ. Ахъ! Аль ѣхать? Поѣду-съ! Ти́шка!

Олитп. Самс. Какъ хоти́те, такъ и дѣлайте — ва́ше дѣло.

Подхал. Ти́шка! (вхо́дитъ) пода́й ста́рый серту́къ, кото́раго ху́же нѣтъ. (Ти́шка ухо́дитъ.) А то поду́маютъ: бога́тъ, должно́ быть, въ тѣ поры и не сговори́шь.

Островскій.

III. Эпическая поэзія.

181. Марія въ плѣну у Хана Крымскаго. Изъ поэмы: Бахчисарайскій фонтанъ.

Недавно юная Марія
Узрѣла небеса чужія;
Недавно милою красой
Она цвѣла въ странѣ родной;
Сѣдой отецъ гордился ею
И звалъ отрадою своею.
Для старика была законъ
Ея младенческая воля.
Одну заботу вѣдалъ онъ,
Чтобъ дочери любимой доля
Была, какъ вешній (¹) день, ясна,
Чтобъ и минутныя печали
Ея души не помрачали;
Чтобъ даже замужемъ она
Воспоминала съ умиленьемъ
Дѣвичье время, дни забавъ,
Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
Все въ ней плѣняло: тихій нравъ,
Движенья стройныя, живыя
И очи темно-голубыя.
Природы милые дары
Она искусствомъ украшала;
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла;
Толпы вельможъ и богачей
Руки Маріиной искали,
И много юношей по ней
Въ страданьѣ тайномъ изнывали;
Но въ тишинѣ души своей
Она любви еще не знала,
И независимый досугъ,
Въ отцовскомъ замкѣ межъ подругъ,
Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давно-ль? И что же! Тьмы Татаръ
На Польшу хлынули рѣкою:
Не столь ужасной быстротою
По жатвѣ стелется пожаръ.
Обезображенный войною,
Цвѣтущій край осиротѣлъ;
Исчезли мирныя забавы;
Уныли села и дубравы,
И пышный замокъ опустѣлъ.
Тиха Маріина свѣтлица....
Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
Почіютъ (²) мощи хладнымъ сномъ,
Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
Воздвиглась новая гробница....
Отецъ въ могилѣ, дочь въ плѣну.
Скупой наслѣдникъ въ замкѣ править
И тягостнымъ ярмомъ безславитъ
Опустошенную страну.

Увы! Дворецъ Бахчисарая
Скрываетъ юную княжну:
Въ неволѣ тихой увядая,
Марія плачетъ и грустить.
Гирей несчастную щадитъ;
Ея унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хана краткій сонъ,
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ;
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ;
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей.
Она въ купальнѣ потаенной
Одна съ невольницей своей;
Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальный возмущать покой;
Гарема въ дальномъ отдѣленьѣ
Позволено ей жить одной

(¹) весенній.

(²) почиваютъ.

И, мнится, въ томъ уединеньѣ
Сокрылся нѣкто неземной.
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ,
И сердцу все напоминаетъ
О близкой, лучшей сторонѣ....
Тамъ дѣва слезы проливаетъ
Вдали завистливыхъ подругъ;
И между тѣмъ, какъ всё вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ:
Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній
Хранитъ одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство....

А. Пушкинъ.

182. Бой Руслана съ Рогдаемъ. Изъ поэмы: Русланъ и Людмила.

Однажды, темною порой
По камнямъ берегомъ крутымъ
Нашъ витязь ѣхалъ надъ рѣкой.
Всё утихало. Вдругъ за нимъ
Стрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ, и крикъ, и ржанье,
И топотъ по полю глухой.
«Стой!» грянулъ голосъ громовой.
Онъ оглянулся; въ полѣ чистомъ,
Поднявъ копье, летитъ со свистомъ
Свирѣпый всадникъ, и грозой
Помчался князь ему навстрѣчу.
«Ага, догналъ тебя! постой!»
Кричитъ наѣздникъ удалой:
«Готовься, другъ на смертну сѣчу;
Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ;
А тамъ ищи своихъ невѣстъ.»
Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ отъ гнѣва...
Сразились витязи жестоко,
Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены;
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрыты;
Щиты трещатъ въ куски разбиты...
Они схватились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзы кони бьются;
Борцы недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются,
Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
Ихъ члены злобой сведены,
Переплелись и костенѣютъ;
По жиламъ быстрый огнь бѣжитъ;
На вражьей груди грудь дрожитъ —
И вотъ колеблются, слабѣютъ —
Кому-то пасть... вдругъ витязь мой,
Вскипѣвъ, желѣзною рукой
Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ надъ собой
И въ волны съ берега бросаетъ.
«Погибни! грозно восклицаетъ:
Умри завистникъ злобный мой!»

А. Пушкинъ.

183. Поле старой битвы. Изъ той же поэмы.

Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокій,
Проѣхалъ онъ (1) дремучій лѣсъ;
Предъ нимъ открылся долъ широкій
При блескѣ утреннихъ небесъ,
Трепещетъ витязь по неволѣ:
Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали всё пусто, здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости; по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы;
Гдѣ сбруя, гдѣ (2) заржавый щитъ;
Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
Травой обросъ тамъ шлемъ косматый (3)

(1) Русланъ. (2) здѣсь и тамъ. (3) отъ сущ. косма, т. е. клокъ сбившихся волосъ.

И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
Богатыря тамъ оставъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежитъ недвижный; копья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваетъ. . . .
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущаетъ,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ.
Со вздохомъ витязь вкругъ себя
Взираетъ грустными очами.
«О поле, поле! Кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставят ъ тихій гробъ Руслановъ,
И струны громкія бояновъ (4)
Не будутъ говорить о немъ.
А. Пушкинъ.

(4) то же у Славянъ, что скальдъ у Норманновъ.

184. Канунъ Полтавской битвы. Изъ поэмы Полтава.

....Время шло. Москва напрасно
Къ себѣ гостей звала всечасно,
Средь старыхъ вражескихъ могилъ
Готовя Шведамъ тризну тайну.
Незапно Карлъ поворотилъ
И перенесъ войну въ Украйну.
И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилый,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.
Теперь онъ мощный врагъ Петра.
Теперь онъ бодрый предъ полками
Сверкаетъ гордыми очами
И саблей машетъ — и къ Деснѣ
Проворно мчится на конѣ . . .
И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
Украйна смутно зашумѣла.
«Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный.» Пламя пышетъ,
Встаетъ кровавая заря
Войны народной.
Кто опишетъ
Негодованье, гнѣвъ царя? (1)
Гремитъ анаѳема (2) въ соборахъ,
Мазепы ликъ терзаетъ катъ (3);
На шумной радѣ (4), въ вольныхъ спорахъ
Другаго Гетмана творятъ (5).
Съ бреговъ пустынныхъ Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ;
Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
И новой честью и добромъ.
Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки
Въ Украйну ѣдетъ въ царскій станъ,
Трепещетъ бунтъ осиротѣлый (6).
На плахѣ гибнетъ Чечель смѣлый (7)
И Запорожскій Атаманъ.
И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,
Твой близокъ день, ты валъ Полтавы
Вдали завидѣлъ наконецъ.
И Царь туда жъ помчалъ дружины,
Онѣ какъ буря притекли —

(1) Сильныя мѣры, принятыя Петромъ, съ обыкновенной его быстротой и энергіей, удержали Украйну въ повиновеніи. (2) церковное проклятіе. (3) Палачъ. (4) совѣтъ, — Польское слово. (5) выбираютъ. (6) оставшійся безъ руководителя. (7) Онъ отчаянно защищалъ Батуринъ противъ войскъ Князя Меньшикова.

И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли.
Не разъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
Заранѣ кровью опьянѣлый,
Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
Такъ грозный сходится боецъ.
И, злобясь, видитъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.
Но онъ рѣшилъ: заутра бой.
Глубокій сонъ во станѣ Шведа,
Лишь подъ палаткою одной
Ведется шопотомъ бесѣда.
«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы не кстати;
Разсчетъ и дерзкій и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать? Далъ я промахъ важный:
Ошибся въ этомъ Карлѣ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважный;
Два, три сраженья разъиграть
Конечно можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать (8),
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ (9);
Не хуже Русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану (10);
Свалить, какъ нынче, Казака
И обмѣнять на рану рану.
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ.
Какъ полкъ вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ и кичливъ,
Богъ вѣсть (11), какому счастью вѣритъ;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ —
Сломить ему свои рога.
Стыжусь: воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ;
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая.»

Орликъ.

Сраженья.
Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войти въ сношенья:
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

Мазепа.

Нѣтъ, поздно. Русскому Царю
Со мной мириться не возможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовымъ
Однажды я съ Царемъ суровымъ
Во станѣ ночью пировалъ.
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши, —
Я слово смѣлое сказалъ;
Смутились гости молодые —
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ,
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,

---

(8) въ Дрезденъ къ королю Августу II-му. (9) „Ахъ, Ваше Величество! бомба!“ — Что общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ диктую? Пиши!“ Это случилось гораздо позже. (10) Ночью Карлъ самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на Казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ подскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и *жестоко ранили въ ногу.*

(11) вм. вѣдаетъ, старинная форма 3-го лица отъ вѣмъ — вѣдаю.

Отмстить — себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ.
Такъ обо мнѣ воспоминанье
Хранитъ онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье;
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды;
Кому бѣжать, рѣшитъ заря.»

Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ Русскаго Царя.

А. Пушкинъ.

---

185. Изъ поэмы: Измаилъ Бэй.

Не подъ Персидскимъ шолковымъ ковромъ
Родился Измаилъ; не пѣснью нѣжной
Онъ усыпленъ былъ въ сумракѣ ночномъ,
Его баюкалъ бури вой мятежный.
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза.
Въ пещерѣ темной, гдѣ, гонимый братомъ,
Убійцею коварнымъ, Бей-Булатомъ,
Его отецъ таился много лѣтъ,
Изгнанникъ новый, онъ увидѣлъ свѣтъ.

Какъ лишній межъ людьми, своимъ рожденьемъ
Онъ душу не обрадовалъ ничью,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ, — преступленьемъ:
Онъ материнской ласки не знавалъ,
Не у груди, подъ буркою согрѣтый, —
Одинъ провелъ младенческія лѣта;
И вѣтеръ колыбель его качалъ,
И мѣсяцъ полуночи съ нимъ игралъ.
Онъ выросъ межъ землей и небесами,
Не зная принужденья и заботъ;
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ лазурный сводъ;
И лишь орлы, да скалы величавы
Съ нимъ раздѣляли юныя забавы.
Онъ для великихъ созданъ бурныхъ страстей,
Онъ обладалъ пылающей душою,
И бури юга отразились въ ней
Со всей своей ужасной красотою....
Но къ Туркамъ посланъ онъ своимъ отцомъ,
И съ той поры извѣстья нѣтъ объ немъ...

Дни мчатся. Начался байранъ ([1]).
Вездѣ веселье, ликованья;
Мулла оставилъ алкоранъ,
И не слыхать его призванья;
Мечеть кругомъ освѣщена;
Всю ночь надъ хладными скалами
Огни краснѣютъ надъ огнями,
Какъ надъ земными облаками
Земныя звѣзды; — но луна,
Когда на землю взоръ наводитъ,
Себѣ соперницъ не находитъ
И, одинокая, она
По небесамъ въ сіяньи бродитъ.

Ужъ скачка кончена давно;
Стрѣльба затихнула; темно,
Вокругъ огня пѣвцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики сѣдые въ рядъ
Съ нѣмымъ вниманіемъ стоятъ.

([1]) Магометанскій постъ.

На сѣромъ камнѣ, безоруженъ,
Сидитъ невѣдомый пришлецъ.
Нарядъ войны ему не нуженъ, —
Онъ гордъ и бѣденъ: онъ пѣвецъ!
Дитя степей, любимецъ неба,
Безъ злата онъ, но не безъ хлѣба,
Вотъ начинаетъ: три струны
Ужъ забренчали подъ рукою,
И живо, съ дикой простотою
Запѣлъ онъ пѣсню старины:

«Много дѣвъ у насъ въ горахъ;
Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ;
Съ ними жить завидна доля, —
Но еще милѣе — воля!

Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

Кто жениться захотѣлъ,
Тотъ худой избралъ удѣлъ:
Въ шумный бой онъ не поскачетъ,
Отъ чего? — Жена заплачетъ!

Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

Не измѣнитъ добрый конь;
Съ нимъ — и въ воду и въ огонь;
Онъ, какъ вихрь въ степи широкой,
Съ нимъ — всё близко, что́ далеко!

Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.»

Откуда шумъ? Кто эти двое?
Толпа въ молчаньи раздалась.
Нахмуря бровь, подходитъ Князь,
И рядомъ съ нимъ лицо чужое.
Три узденя за ними въ слѣдъ.
«Великъ Алла и Мухаммедъ!»
Воскликнулъ Князь. «Сама могила
Покорна имъ! Въ странѣ чужой
Мой братъ хранимъ былъ ихъ рукой:
Вы узнаете ль Измаила? —»

Лермонтовъ.

---

186. Валерикъ.

Кругомъ бѣлѣются палатки:
Казачьи тощія лошадки
Стоятъ рядкомъ повѣся носъ;
У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга,
Едва дымятся фитили,
Попарно цѣпь стоитъ вдали,
Штыки горятъ подъ солнцемъ юга.
Вотъ — разговоръ о старинѣ
Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
Какъ при Ермоловѣ ходили
Въ Чечню, въ Аварію, къ горамъ,
И какъ дрались, и какъ ихъ били,
И вижу я, не подалёку,
У рѣчки, слѣдуя пророку,
Мирной Татаринъ свой намазъ (¹)
Творитъ, не подымая глазъ.
И вотъ кружкомъ сидятъ другіе;
Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ
Подобный цвѣту наговицъ (²),
Ихъ шапки, рукава худые.
Ихъ томный и лукавый взоръ
И ихъ гортанный разговоръ.
Чу! — дальній выстрѣлъ.... прожужжала
Шальная пуля.... славный звукъ!..
Вотъ крикъ.... и снова все вокругъ
Затихло. Но жара ужъ спала,
Ведутъ коней на водопой,
Зашевелилася пѣхота;
Вотъ проскакалъ одинъ, другой:
Шумъ, говоръ... «Гдѣ вторая рота?»
«Что, вьючить что ли, капитанъ?»
«Повозки!... выдвигайте живо!
«Савельичъ!.. ой - ли? — дай огниво!» —

(¹) молитва. (²) родъ обуви, шитой на подобіе голенищъ.

Подъемъ ударилъ барабанъ,
Гудитъ музыка полковая,
Между колоннами въѣзжая,
Звенятъ орудья; генералъ
Впередъ со свитой проскакалъ;
Разсыпались въ широкомъ полѣ,
Какъ пчелы, съ гикомъ казаки;
Ужъ показалися значки
Тамъ на опушкѣ — два и болѣ:
А вотъ въ чалмѣ одинъ мюридъ,
Въ черкескѣ красной ѣдетъ важно,
Конь свѣтло-сѣрый весь кипитъ;
Онъ машетъ, кличетъ.... Гдѣ отважный?
Кто выйдетъ съ нимъ на смертный бой?
Сейчасъ.... смотрите: въ шапкѣ черной
Казакъ пустился Гребенской,
Винтовку выхватилъ проворно,
Ужъ близко.... выстрѣлъ... легкій дымъ....
«Эй вы, станичники, за нимъ!...»
«Что раненъ? — Ничего, бездѣлка!...»
И завязалась перестрѣлка.
Но въ этихъ спибкахъ удалыхъ
Забавы много, толку мало;
Прохладнымъ вечеромъ, бывало,
Мы любовалися на нихъ
Безъ кровожаднаго волненья,
Какъ на трагическій балетъ;
За то видалъ я представленья,
Какихъ на сценѣ у васъ нѣтъ...
Разъ, — это было подъ горами, —
Мы проходили темный лѣсъ;
Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
Лазурно-яркій сводъ небесъ.
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокій,
Уже въ Чечню на страшный зовъ
Толпы стекались удальцовъ.
Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ —
И дымъ ихъ то вился кругомъ,
То разстилался облаками,
И оживлялися лѣса,
Скликались дико голоса
Подъ ихъ зелеными шатрами....
Едва-лишь выбрался обозъ
Въ полянку, — дѣло началось.
Чу! въ арьергардъ орудье просятъ,
Изъ-за кустовъ вотъ ружья носятъ,
За ними тащатъ и людей,
И кличутъ громко лѣкарей....
И вотъ изъ лѣса, изъ опушки
Вдругъ съ гикомъ бросились на пушки....
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ; — впереди же
Все тихо... Тамъ, между кустовъ
Бѣжалъ потокъ; подходимъ ближе,
Пустили нѣсколько гранатъ,
Еще подвинулись... молчатъ,
Но вотъ подъ бревнами завалы...
Какъ-будто ружья заблистали,
Потомъ мелькнули шапки двѣ —
И вновь все спряталось въ травѣ.
То было грозное молчанье:
Не долго длилося оно,
Но въ этомъ страшномъ ожиданьѣ
Забилось сердце не одно...
Вдругъ залпъ... глядимъ: лежатъ рядами;
Что нужды? здѣшніе полки
Народъ испытанный... Въ штыки!
«Дружнѣе!» — раздалось за нами:
Кровь загорѣлася въ груди!
Всѣ офицеры впереди;
Верхомъ помчался на завалы
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня...
Ура! — и шашки вонъ.... кинжалы!...
«Въ приклады!» и пошла рѣзня...
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, молча съ грудью грудь;
Ручей тѣлами запрудили:
Хотѣлъ воды я зачерпнуть,
Но мутная струясь волна
Была тепла, была красна....
На берегу, подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ длинный рядъ,

Стоялъ кружокъ; одинъ солдатъ
Былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,
Но слезы капали съ рѣсницъ,
Покрытыхъ пылью; на шинели,
Спиною къ дереву, лежалъ
Ихъ капитанъ .... онъ умиралъ:
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ раны; кровь изъ нихъ чуть-чуть
Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно; онъ шепталъ:
«Спасите, братцы! — Тащатъ въ горы!
Постойте! ... гдѣ же генералъ?
Не слышу ...» Долго онъ шепталъ,
Но все слабѣй, и понемногу
Затихъ и — душу отдалъ Богу.
На ружья опершись, кругомъ
Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали; потомъ
Его останки боевые
Покрыли бережно плащомъ
И понесли ....
Уже затихло все: тѣла
Изрубленныхъ стащили въ кучу;
.... Кровь потекла
Струей багряной по каменьямъ:
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ; генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ;
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ:
А тамъ вдали — грядой нестройной,
Но вѣчно-гордой и спокойной,
Тянулись горы ... и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной,
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ? Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ ... зачѣмъ?...
Галубъ прервалъ мое мечтанье,
Ударивъ по плечу; онъ былъ
Кунакъ мой, я его спросилъ,
Какъ мѣсту этому названье?
Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Валерикъ.
А перевесть на вашъ языкъ,
Такъ будетъ — рѣчка смерти; вѣрно
Дано старинными людьми!»
А сколько ихъ дралось, примѣрно,
Сегодня? — «Тысячъ до семи.»
А много горцы потеряли?
«Какъ знать! зачѣмъ вы не считали?»
— Да будетъ, кто-то тутъ сказалъ,
Имъ въ память этотъ день кровавый.
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ....

Лермонтовъ.

Приложенiе I-е.

Устная или народная Русская Словесность.

187. Общiя понятiя.

Пѣвучесть Рýсскаго народа. Время сложенiя, способъ происхожденiя народныхъ пѣсенъ и ихъ раздѣленiе.

Рýсскiе, наравнѣ со всѣми Славя́нскими племенами, имѣютъ отъ природы особенную охоту и способность къ пѣнiю и пѣснямъ, которыми они славились уже въ древнѣйшiя времена (*). Пѣсня есть такое сокровище для Рýсскаго человѣка, съ которымъ онъ не разстанется нигдѣ и никогда; пѣснiю облегчаетъ онъ свое горе; пѣсня просвѣтляетъ его радость, краситъ ему веселье; съ пѣснiю работа спорится и кипитъ въ его рукахъ, и празднованiе безъ пѣсенъ для него вещь невообразимая. Лѣтомъ напр. послѣ 17-ти-часовой тяжкой работы на солнечномъ зноѣ, возвращается народъ съ поля къ скудному ужину, послѣ такого-же обѣда; но громкiя пѣсни оглашаютъ окрестность и каждый разъ за пѣснiю грустною, которая, какъ змѣя, сосетъ сердце, загремитъ пѣсня разгульная, быстрая и буйная, какъ вихорь, и земля гудитъ кругомъ подъ тяжкими стопами плясуновъ. Въ праздникъ вся деревня какъ бы просвѣтляется. Старъ и малъ — всѣ на улицѣ, которая становится какъ бы общей залой. Тутъ кружится хороводъ и стариннымъ напѣвомъ своихъ пѣсенъ переноситъ ваше воображенiе въ улетѣвшiе вѣка патрiархальной древности; тамъ молодцы, сплетшись могучими руками, расхаживаютъ изъ конца въ конецъ по широкой улицѣ, и въ слѣдъ за удалымъ запѣвалой дружно подхватываютъ пѣсню заливную, безъ конца и краю; и вдругъ земля задрожитъ подъ топотомъ бѣшенаго трепака. А вотъ передъ шумною толпою плаваетъ, какъ бѣлая лебедь, красная дѣвица, а кругомъ ея ловкiй молодецъ яснымъ соколомъ увивается. Пляски въ народѣ безъ пѣсенъ вообще не употребительны.

Есть пѣсни древняго и новаго происхожденiя. Къ первымъ принадлежатъ немногiя историческiя, обрядныя, большая часть хороводныхъ и свадебныхъ; это можно утверждать, судя по ихъ содержанiю и потерявшимъ теперь смыслъ отрывкамъ языческихъ повѣрiй и именамъ боговъ, а также по размѣру и напѣвамъ, которые замѣтно отличаются отъ новыхъ своею степенностiю и торжественностiю. Времени сложенiя ихъ опредѣлить нельзя, какъ нельзя отъискать нача

(*) Въ 591-мъ году по Р. Х. Славяне, пришедшiе съ береговъ Западнаго Океана (Ostsee) въ Грéцiю, въ царствованiе Императора Маврúкiя, говорили: „гусли „замѣняютъ намъ оружiе, котораго мы „не носимъ, да и желѣза въ нашей „землѣ нѣтъ; живемъ въ тишинѣ и „мирѣ, играемъ на гусляхъ. Не вѣдая „войны, мы почитаемъ музыку лучшимъ „упражненiемъ.“ Въ послѣдствiи Славяне, служившiе тѣлохранителями при дворѣ Грéческихъ Императоровъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ и придворные музыканты. Штрúттера Извѣстiя о Славя́нахъ, стр. 120.

самыхъ повѣрій и обрядовъ, въ нихъ воспѣваемыхъ. Таковыя древнія пѣсни дожили до нашего времени, разумѣется, съ важными утратами по содержанію и со многими измѣненіями по формѣ, такъ что относительно языка онѣ иногда мало отличаются отъ новѣйшихъ пѣсенъ. Но источникъ пѣснословженія и доселѣ не изсякъ еще въ душѣ народа; пѣсни слагаются и въ наше время, — кѣмъ и гдѣ — опять вопросъ неразрѣшимый. Слѣдя за теперь еще какъ бы въ-очью ([1]) совершающимся развитіемъ какой-нибудь новой пѣсни, можно утверждать, что она складывается понемногу, сообща цѣлымъ поколѣніемъ, на пространствѣ нѣсколькихъ сотенъ, даже тысячъ верстъ, въ одно и то-же время, при одинакихъ данныхъ условіяхъ жизни. Но уловить моментъ зарожденія или закончанія этой пѣсни также невозможно, какъ и подглядѣть таинственный процессъ жизни и въ физическомъ, и въ духовномъ мірѣ.

Народныя пѣсни по содержанію можно раздѣлить на 1) такъ называемые *духовные стихи* или старческія пѣсни, 2) историческія и 3) лирическія. Послѣднія опять подраздѣляются на a) обрядныя, b) хороводныя, c) любовныя, d) свадебныя, e) семейныя, f) плясовыя, g) солдатскія и казацкія, h) разбойничьи, разгульныя или удалыя.

([1]) передъ глазами.

188. Духовные стихи.

Духовными стихами называются народныя пѣсни, которыя распѣваютъ нищіе слѣпцы или вообще старцы ([1]) предъ началомъ и послѣ обѣдни, сидя у воротъ монастырей и оградъ церковныхъ, или во время ярмарокъ. Содержаніе ихъ заимствуется иногда изъ житій святыхъ и изъ Св. Писанія, напр. объ Алексѣѣ, Божіемъ человѣкѣ, о бѣдномъ Лазарѣ и т. п., большую же часть ихъ можно назвать поэтическими думами народа о важнѣйшихъ вопросахъ жизни; таковы напр. Стихъ о разлукѣ души съ тѣломъ, такъ начинающійся:

«Со́лнышко на зака́тъ пошло, ([2])
Кра́сно закати́лося:
Душа́ съ тѣломъ разстава́лася,
Отошо́дши, она тѣлу поклони́лася.
— «Ты прости́, мое тѣло бѣ́лое!
Тебѣ́, тѣло бѣлое, лежать во сыро́й землѣ;
Станутъ точи́ть тебя, тѣло, черви сыпу́чіе,
Сыпу́чіе, неутоли́мые;
А мнѣ́, душѣ, идти къ самому́ Христу,
Къ самому Христу́ — судьѣ пра́ведному.»

(Шевырёва Исторія Рус. Словесности лекція V) или стихъ о страшномъ Судѣ, гдѣ между прочимъ говорится:

«Бы́ло добро, да минова́лося;
Бу́детъ добро, того долго жда́ть.
И рече́тъ Пресвятая Богоро́дица,
Свята́я Мать милосе́рдія:

([1]) *старцемъ* называется также нищій калѣка вообще, иногда же и каждый нищій пожилыхъ лѣтъ. ([2]) Стихосложеніе старинныхъ народныхъ пѣсенъ основывается на числѣ риторическихъ или синтаксическихъ (ставимыхъ надъ важнѣйшими словами въ предложеніи) ударенiй, которыя въ нижеслѣдующихъ примѣрахъ народныхъ пѣсенъ вездѣ и выставлены.

«Рабы де (3) вы мои христолюбивые!
Поимѣйте вѣру Христіанскую:
И вѣрою и любовію
Поимѣйте другъ друга и братъ брата
И сынъ отца и мать свою!
За вашу вѣру Христіанскую
Сошлётъ Господь пророчество:
Илью Пророка и Онофрія (!) (4)
И станутъ святые пророчити,
И сойдетъ на землю бездушный богъ,
Бездушный богъ, Антихристосъ;
Онъ исколетъ святое пророчество,
Отъ той-то отъ святой отъ крови
Загорится матушка сыра земля;
Съ Восхода загорится до Запада,
Съ Полудня загорится до-Ночи:
И выгорятъ горы со раздольями,
И выгорятъ лѣса тёмные.
И сошлётъ Господь потопія,
И на три дни на три мѣсяца,
И вымоютъ матушку сыру землю,
Аки (5) харатью бѣлую,
Аки скорлупу яичную,
Аки дѣвицу непорочную,
Аки вдовицу благочестивую.»

Другіе извѣстнѣйшіе стихи: о Голубиной книгѣ (библіи), Плачъ Адама и недавно напечатанная (Современникъ № 3, 1857) повѣсть о Горѣ-Злочастіи, какъ Горе-Злочастіе довело молодца въ иноческій чинъ.

(3) Частица *де* а также *сте* (послѣдняя обыкновенно при выраженіи недовѣрія къ приводимымъ словамъ) прибавляются въ простонародномъ языкѣ для означенія чужой рѣчи. (4) Кажется, здѣсь искажено имя *Энôха*. (5) какъ, словно.

189. Пѣсни историческаго содержанія.

Небольшое число *историческихъ пѣсенъ*, живущихъ до сихъ поръ въ устахъ народа, не восходитъ далѣе временъ Іоанна Грознаго. Въ пѣснѣ о взятіи Казани виденъ характеръ Іоанна. Въ подкопѣ подъ стѣною Казанской поставлены были бочки съ порохомъ и съ зажженною свѣчею, а въ государевой палаткѣ зажжена была другая свѣча одинаковой величины съ первою, и она ужъ догорѣла, а взрыва еще не было:

«Ахъ, какъ тутъ нашъ государь разгнѣвался,
Что подкопъ такъ долго медлится;
Приказалъ онъ за то пушкарей казнить,
Подкопщиковъ и зажигальщиковъ.»

Но одинъ изъ нихъ нашелся объяснить царю, что свѣча на вѣтрѣ скорѣе горитъ, чѣмъ въ подкопѣ, и не успѣлъ онъ кончить объясненія, какъ стѣна Казанская взлетѣла на воздухъ.

Въ другой пѣснѣ объ томъ же царѣ съ любовію воспоминается добрый бояринъ Никита Романовичъ и съ ненавистію злодѣй Малюта Скуратовъ, любимый опричникъ Грознаго:

...... Царь похвалятьса сталъ,
Что вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Новгорода!
Ахъ, какъ бы вывесть измѣну изъ каменной Москвы?
Что возговоритъ Малюта злодѣй Скурлатовичъ:
— «Ахъ ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!
Не вывесть измѣнушки до-вѣку,
Сидитъ супротивникъ супротивъ тебя,
Онъ пьётъ и ѣстъ съ одного блюда,

Цвѣтное платье носитъ съ одного плеча.» [1]
И тутъ Царь догадается,
На царевича злобно осержается;
Что возговоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ вы гой еси, Князья и бояре!
Вы берите царевича подъ бѣлы руки,
Поведите въ палату особую;
Вы снимайте съ него платье цвѣтное,
Надѣвайте на него платье чорное,
Поведите его на болото жидкое,
На ту ли лужу на поганую;
Вы предайте его скорой смерти.»

При такомъ страшномъ приказаніи «всѣ бояре изъ палатъ вонъ разбѣжалися и большой за меньшаго хоронится;» лишь одинъ злодѣй Малюта вызвался казнить царевича. Тутъ сказали боярину Никитѣ Романовичу, что

«Упадаетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску яраго;
Не становится у насъ царевича.»

Скачетъ бояринъ на мѣсто казни, силою вырываетъ царевича изъ рукъ палача Малюты, выбранивъ его:

«Не за свой ты кусъ, Малюта, принимаешься,
Ты этимъ кусомъ подавишься.»

Между тѣмъ царь опомнился и закручинился, повелѣлъ всѣмъ боярамъ надѣть платье чорное и идти въ церковь по царевичѣ панихиду служить, пригрозивши имъ посвоему:

«Я васъ, бояре, всѣхъ въ котлѣ сварю!»

Всѣ бояре въ церковь явились въ чорныхъ платьяхъ, лишь одинъ Никита Романовичъ въ цвѣтномъ.

Царь распалился на него лютымъ гнѣвомъ, но бояринъ вывелъ къ нему за бѣлы руки спасеннаго имъ царевича и въ награду за свое усердіе упросилъ царя казнить клеветника Малюту Скуратова.

Слѣдовательно народъ за-одно съ Іоанномъ видѣлъ измѣнниковъ въ его ближнихъ боярахъ, и лютость его въ Москвѣ и въ Новгородѣ считалъ правосудіемъ и даже безчеловѣчную его жестокость съ собственнымъ сыномъ извинялъ навѣтами злыхъ опричниковъ. Объ сыноубійствѣ добрый народъ забылъ или не слыхалъ, и къ трагическому событію придѣлалъ благополучную развязку.

Еще въ одной пѣснѣ прославляется «Скопинъ, князь Михайло Васильевичъ.»

«Онъ правитель царству Московскому,
Оберегатель міру крещёному
И всей нашей землй свято-Русскія.»

Выпросивъ у Свицкаго [2] короля, честнаго Карлуса, подъ закладъ трехъ Русскихъ городовъ, «силы на подмочь, того ратнаго люду, ученаго, а не много, ни мало 40 тысячей (!)» Скопинъ освободилъ съ ними Москву отъ осады, «вырубилъ Чудь бѣлоглазую и ту Сорочину [3] долгополую, перекрошилъ Черкесъ Пятигорскихъ, прирубилъ Калмыковъ со Башкирцами, Чушекъ всѣхъ со Алюторами (Чухонцевъ съ Лютеранами).» А потомъ на пиру у Князя Воротынскаго Князь Скопинъ крестилъ млада княжевича съ Екатериною,

---

(1) тоже самое платье. Въ старину платье *переходило* по наслѣдству чрезъ *нѣсколько поколѣній.*

(2) Шведскаго. (3) Сарациновъ.

дочерью Малюты Скуратова, и въ разговорахъ, въ попрекъ другимъ боярамъ, похвалился Князь своими подвигами:

«А и тутъ боярамъ за бѣду стало (4),
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали:
Поддёрнули зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе,
Подавали кумѣ его крестовой,
Малютиной дочери Скурлатовой,
Она-то, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкаго
Скопину Князю Михайлу Васильевичу.
Принимаетъ Скопинъ, не отпирается;
Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго
А самъ говорилъ таково слово:
— «Услышалъ я въ утробѣ неловко добрѣ!
«А и ты съѣла меня, кума крестовая,
«Малютина дочь Скурлатова,
«А зазнаючи (5) мнѣ съ зельемъ стаканъ подала!
«Съѣла ты меня, змѣя подколодная!»

Недавно найдена въ Англіи Русская пѣсня также о смерти Князя Скопина Шуйскаго, она вывезена была туда пріѣзжавшимъ въ Россію Англичаниномъ Ричардомъ Джемсомъ въ XVII вѣкѣ. Вмѣстѣ съ нею найдены также еще двѣ пѣсни, одна о заключеніи въ монастырь Ксеніи Борисовны, другая о въѣздѣ въ Москву Филарета Никитича.

Въ другихъ пѣсняхъ воспѣвается славная защита Пскова «Княземъ Шуйскимъ, Ивановъ Петровичемъ, противъ Короля Польскаго Стефана Баторія», или «нарожденіе царевича Петра Алексѣевича, перваго Императора по землѣ», когда

»Бояре тюрьмы съ покаянными всѣ распущали;
А погребы царскіе они всѣ растворяли.»

Смутно и сбивчиво припоминается также въ пѣсняхъ Князь Пожарскій, взятый будто бы въ плѣнъ Татарами, при осадѣ Конотопа (?) города и изрубленный ими за то, что не хотѣлъ измѣнить царю своему, а при погребеніи тѣло его вмѣстѣ срасталося; вспоминается также трехлѣтнее облежаніе Риги Русскими при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, которому осаждавшіе взмолились:

«А и ласковый Алексѣй Царь Михайловичъ...
Не оставь ты насъ бѣдныхъ подъ Ригою.
Ужъ и такъ намъ Рига наскучила...
Много голоду, холоду приняли,
Наготы, босоты вдвое того.»

---

190. Пѣсни обрядныя.

Къ обряднымъ пѣснямъ принадлежатъ тѣ, которыя поются только въ извѣстныя времена года, при совершеніи обычныхъ обрядовъ, уцѣлѣвшихъ, хотя въ едва понятныхъ отрывкахъ, еще отъ языческой древности; таковы: 1) Святочныя, воспѣваемыя при гаданіяхъ, а также въ честь Овсеня и Коляды, вѣроятно языческихъ боговъ, коихъ значеніе забыто, имена же употребляются вмѣсто припѣва, подобно тому, какъ «Дидъ и Ладо», или Дунай — мой, Дунай. 2) Веснянки. 3) Семичныя, которыя поются на Троицынъ день,

(4) т. е. бояре обидѣлись. (5) намѣренно, зная о томъ.

при завиванiи вѣнковъ. 4) Петрóвскiя, въ день Св. Апостоловъ Петрá и Пáвла. Мы ограничимся здѣсь изученiемъ святочныхъ и притомъ гадальныхъ пѣсень.

Время такъ называемыхъ Святокъ отъ 25 Декабря по 5 Января двухъ смежныхъ годовъ почитается въ особенности благопрiятнымъ для всякаго рода гаданiй о будущемъ; а какъ любопытство есть наслѣдственная немощь человѣческая, преимущественно въ женскомъ колѣнѣ, то и гадаютъ почти исключительно дѣвушки и, разумѣется, о замужествѣ. Существуютъ разные способы гаданiй (смотри Сахарова Сказанiя о ворожбѣ стр. 67), нѣкоторые изъ нихъ поэтически изображены въ балладѣ Жуковскаго «Свѣтлана». Здѣсь мы разсмотримъ гаданiе золотомъ, сопровождаемое пѣснями, извѣстными подъ именемъ подблюдныхъ; оно происходитъ такимъ образомъ: на столъ, покрытый бѣлою скатертью, ставятъ блюдо съ водою. Гадальщицы снимаютъ съ себя свои кольца, перстни, серьги, и загадавъ надъ ними судьбу свою, кладутъ ихъ на столъ; блюдо закрываютъ другою скатертью, сверху кладутъ нѣсколько кусочковъ хлѣба, соль и три уголька; за тѣмъ всѣ чинно усаживаются кругомъ и начинаютъ первую подблюдную пѣсню «хлѣбу соли», иначе называемую «Царь Слава»:

«Слава Бóгу на небѣ! — Слáва!
Государю на сей землѣ! — Слáва!
Чтобы нашему Государю не старѣться! — Слáва!
Его цвѣтному платью не изнáшиваться! — Слáва!
Его добрымъ конямъ не изъѣз*живаться!* — Слáва!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться! — Слáва!
Чтобы прáвда была на Руси — Слáва!
Краше сóлнца свѣтла! — Слáва!
Чтобы царева золотá казна — Слáва!
Была вѣкъ полнымъ полна! — Слáва!
Чтобъ большимъ-то рѣкамъ — Слáва!
Слава неслась дó моря, — Слáва!
Малымъ рѣчкамъ до мéльницы! Слáва!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ, — Слáва!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу чéсть воздаемъ! — Слáва!
(Старымъ людямъ на потѣшенiе! — Слáва!
Добрымъ людямъ на услышанiе! — Слáва!»)

По окончанiи пѣсни гадальщицы открываютъ блюдо, опускаютъ въ него хлѣбъ, соль и угольки, и каждая свою вещь; блюдо накрываютъ снова, и потомъ поютъ другiя подблюдныя пѣсни, изъ коихъ каждая по смыслу своему пророчитъ что-нибудь особенное, напр. скорое замужество — съ чиновнымъ, богатымъ, бѣднымъ, — милымъ человѣкомъ, и т. п., а также веселую долю, несчастiе, смерть и пр. Во время пѣнiя одна изъ присутствующихъ разводитъ рукою въ блюдѣ, а при концѣ пѣсни потрясаетъ блюдомъ и съ послѣдними словами припѣва:

«Кому мы спѣли, тому добрó! Слáва!
Кому вынется, тому сбýдется! Слáва!
Скоро сбýдется, не минýется! Слáва!»

вынимаетъ изъ него на-удачу какую-нибудь вещь, владѣтельница коей, по смыслу только что пропѣтой пѣсни, дѣлаетъ заключенія о будущей судьбѣ своей. Напр. слѣдующая пѣсня:

«Летитъ со́колъ изъ у́лицы,
Голу́бушка изъ друго́й;
Слета́лися, цѣлова́лися,
Сизыми кры́льями обнима́лися.
Ужъ и и́мъ добрые люди дивова́лися,
Какъ со́колъ съ голубушкой ужива́лися.»

пророчитъ замужество съ милымъ той дѣвицѣ, которой принадлежитъ вещь, вынутая изъ блюда, по окончаніи пѣсни. Кольцо, вынувшееся послѣ всѣхъ, обыкновенно дѣлается предметомъ новой весьма милой игры: «хоронить золото», сопровождаемой также особенными пѣснями.

Г. Сахаровъ (Русск. Сказ. стр. 9.) утверждаетъ, что подблюдныя пѣсни вмѣстѣ съ святочными гаданіями занесены къ намъ изъ Греціи, гдѣ также была извѣстна игра и пѣсня подъ именемъ *κλῃδον*. Но такія заимствованія если и можно предположить въ христіанскія времена, то развѣ на оборотъ, т. е. что Греки переняли эти обряды у Славянъ, переселившихся въ Пелопонезъ и Θракію. Въ до-христіанскія же времена происхожденіе таковыхъ обрядовъ легко объясняется самою языческою религіею. Языкъ подблюдныхъ пѣсенъ конечно безпрерывно подновляется, но напѣвъ ихъ весьма древній, и отзывается торжественностію гимна въ честь Перу́на или другаго языческаго бога.

---

191. Пѣсни хороводныя.

Хороводныя игры составляютъ одно изъ прелестнѣйшихъ увеселеній сельской молодежи, столь живописное для глазъ, и столь увлекательное по соединенію пѣнія и пляски, а иногда и пантомимнымъ дѣйствіямъ участвующихъ въ хороводѣ лицъ, что нельзя безъ сожалѣнія видѣть, какъ эта вполнѣ народная забава, наравнѣ съ многими старинными увеселеніями, почти совсѣмъ уже оставлена даже и среднимъ нашимъ сословіемъ.

Это прекрасное увеселеніе есть драгоцѣнное наслѣдіе, оставленное намъ тѣми отдаленными предками, которые нѣкогда жили въ сосѣдствѣ съ благородными Эллинами, у коихъ существовала подобная же игра по описанію Гоме́ра. (Иліад. II, XVIII. стр. 591—605).

«Юноши тутъ, и цвѣтущія дѣвы, желанныя многимъ,
«Пляшутъ, въ хоръ круговидный любезно сплетяся руками.
«(Дѣвы въ одежды льняныя и легкія, отроки въ ризы
«Свѣтло одѣты, и ихъ чистотою, какъ масломъ, блистаютъ,
»Тѣхъ вѣнки изъ цвѣтовъ, прелестные, всѣхъ украшаютъ;
«Сихъ золотые ножи, на ремняхъ чрезъ плечо серебристыхъ.)
«Пляшутъ они и ногами искусными то закружатся,
«Такъ же легко, какъ въ стану колесо подъ рукою испытной,
«Если скудельникъ его испытуетъ, легко ли кружится;
«То разовьются и пляшутъ рядами, одни за другими,

«Купа селянъ окружаетъ плѣнительный хоръ, и сердечно
«Имъ восхищается; два среди круга ихъ головоходы,
«Пѣніе въ ладъ начиная, чудесно вертятся въ срединѣ.»

И у насъ хороводъ составляется изъ лицъ обоего пола, и почти во всемъ соотвѣтствуетъ представленному описанію. Кромѣ того иногда раздѣляется на двѣ половины, которыя ближаясь ведутъ между собою пѣсенную бесѣду, и вообще допускаетъ большое разнообразіе фигуръ; хоръ то круговращается около молодца и дѣвицы, представляющихъ разныя сцены изъ семейной жизни, то развертывается длинною вереницею, потомъ завивается живымъ плетнемъ и снова расплетается.

Въ хороводныхъ играхъ иногда воспѣваются разныя сельскія занятія, напр. собираніе льну, и т. п. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ этого рода отзываются глубокою древностію, какъ по напѣву, такъ отчасти и по содержанію, напр. любимая: «А мы просо сѣяли.» Игроки раздѣляются на два хора, которые, сближаясь, поютъ одинъ въ отвѣтъ другому:

1-й хоръ. А мы просо сѣяли, сѣяли
Ой Дидъ, Ладо (*) сѣяли, сѣяли.

2-й хоръ. А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ.
Ой Дидъ.....

1-й. А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
Ой Дидъ...
2-й. А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой Дидъ.....
1-й. А мы коней переймемъ, переймемъ.
Ой Дидъ....
2-й. А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой Дидъ....
1-й. Да шелковымъ поводомъ, поводомъ.
Ой Дидъ...
2-й. А мы коней выкупимъ, выкупимъ.
Ой Дидъ....
1-й. А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой Дидъ...
2-й. А мы дадимъ сто рублей, сто рублей.
Ой Дидъ...
1-й. Не надо намъ тысячи, тысячи.
Ой Дидъ...
2-й. А что же вамъ надобно, надобно?
Ой Дидъ...
1-й Намъ надобно дѣвицу, дѣвицу.
Ой Дидъ...

Тутъ изъ перваго хора выскакиваетъ удалецъ и выхватываетъ изъ среды 2-го хора красавицу и съ нею перебѣгаетъ къ своимъ.

2-й. А и нашего полку убыло, убыло.
Ой Дидъ...
1-й. А и нашего полку прибыло, прибыло.
Ой Дидъ...

Послѣ того оба хора, перемѣнившись ролями, вновь начинаютъ игру въ томъ же порядкѣ.

(*) эти слова припѣва: Дидъ, Ладо, равно какъ Овсень, Коляда, употребляемыя также въ припѣвахъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, суть имена забытыхъ языческихъ боговъ. Это подтверждается употребленіемъ въ новѣйшихъ пѣсняхъ воззваній къ предметамъ, пользующимся *народнымъ благоговѣніемъ*, *каковы: Дунай, Донъ и проч.*

Эта старинная игра напоминаетъ сказаніе Нéстора объ Древля́нскихъ игрищахъ, на которыхъ юноши похищали себѣ дѣвушекъ въ жены. Самое слово жена (Слав. жену = гоню), происходящее какъ бы отъ глагола гнать, угонять, намекаетъ на этотъ древній обычай, въ которомъ впрочемъ мало насильственнаго. Замѣчательно, что въ Ру́сскихъ селеніяхъ южной Сиби́ри еще недавно былъ употребителенъ тайный увозъ дѣвицы подъ вѣнецъ, и вмѣнялся ей въ особенную честь.

Собираніе хмѣлю и рощеніе маку разыгрываются очень забавно; при чемъ роль игрока, представляющаго хмѣль или макъ, незавидна; подъ конецъ пѣсни играющіе бросаются на него, щиплютъ и отряхаютъ его, какъ хмѣль или макъ.

Иногда въ хороводѣ представляется, какъ молодецъ сполюбляется съ дѣвицею. Онъ поетъ, увиваясь за нею, посреди круга:

«Охъ ты дѣвица, душа,
Поди за́ мужъ за меня!
Не по́йдешь — вспокаешься,
Вспомя́нешь меня!»

Дѣвица обращается къ хору съ вопросомъ:

«Сосѣдушки, собранушки!
Скажите вы мнѣ:
Како́въ человѣкъ?»

Хоръ или одобряетъ молодца, или порицаетъ его. Напр.

«Онъ пьяница, пропоица —
Удала́я голова;
Пропьётъ и тебя!»

Въ другой разъ молодецъ повстрѣчаетъ, какъ бы на работѣ, красавицу и привѣтствуетъ ее: «Богъ на́-помочь, красна дѣвица, душа!» — «Она жъ ему не поклонится.» Парень грозитъ *заслать свата* и взять ее за себя и неволею: «Будетъ время — и поклонишься; будешь дѣвка у кроватушки стоять, — будешь бѣлы мои руки цаловать, — будешь держать шелковую плеть въ рукахъ.» Дѣвица извиняется: «Я думала, что не ты идешь, не мнѣ кланяешься.»

Или дѣвица утѣшаетъ парня, стосковавшагося по ней:

«Ужъ какъ мо́й милой идётъ,
Что ясёнъ соко́лъ летитъ.
Ша́почку охора́шиваетъ,
Чёрными кудрями потря́хиваетъ.»
«Ужъ ты, ми́лый другъ, пора́дуйся со мной,
Подивися ты моей русой косѣ!»
— «Ахъ ты ко́сынька, коса́,
Коса, дѣвичья краса́
Изсуши́ла меня молодца,
Потускнѣли черны о́чи,
Призавя́лъ румя́нецъ на лицѣ
Нѣту у́дали у до́браго —
Нѣту ра́дости у моло́дчика!»
— «Ты не плачь, не горю́й,
Милъ сердéчный мой!
Моя ру́сая коса́
Не на го́ре она рождена́, —
На роду́ тебѣ обречена́.
Что по ба́тюшкиному велѣнью,
И по ма́тушкиному согла́сью,
Расплетётъ мою ко́су (1)
Разла́дница (2) сваха!»

Или хоръ дѣвушекъ, подзываетъ къ себѣ застѣнчивыхъ, поо́даль стоящихъ парней:

«А и вы́, холостые, не глядите,

---

(1) Дѣвушки заплетаютъ себѣ волоса въ одну большую косу, которая, перевитая въ концѣ съ лентою, виситъ открыто вдоль спины. Но тотчасъ по совершеніи вѣнчанія молодой заплетаютъ волоса въ двѣ косы, и убираютъ ихъ обѣ подъ кокошникъ или подъ кичку, въ знакъ того, что отнынѣ красотою ея любуются уже не всѣ, а лишь одинъ

(2) то есть разлучица, потому что разлучаетъ дѣвицу съ ея родными.

Вамъ глядѣльщецемъ дѣвушекъ не
взяти,
Ужъ какъ взять ли, не взять ли
по любови.

Удалецъ подходитъ къ хороводу и высматриваетъ себѣ ладу; хоръ одобряетъ его искательство: «Царинъ сынъ, Королевъ, колъ ([3]) «городу ходитъ, въ городъ заглядываетъ. — Царинъ сынъ Королевъ, — взойди, сударь, въ городъ, выбирай себѣ невѣсту, что «которую любую ([4]). — Царинъ «сынъ Королевъ, — поклонись, сударь, пониже, утрись сударь, «почище ( ) обнимися покрѣпче, «ты цѣлуйся помилѣе » И молодецъ, разумѣется съ удовольствіемъ исполняетъ пріятныя требованія горожанокъ.

Кромѣ дѣвушекъ въ хороводахъ принимаютъ дѣятельное участіе и молодицы; ихъ тянетъ еще къ дѣвичьимъ забавамъ, хоть мужья и отзываютъ ихъ домой:

«Хохлатый селезень догоняетъ
утку.
Поди, утушка, домой, поди
сѣрая.
У те семеро дѣтей, осьмой селезень.»

Съ горестію вспоминаютъ онѣ объ утраченной волѣ, и протекшихъ дѣвичьихъ, беззаботныхъ радостяхъ:

«Кому воля, кому нѣтъ воли
гулять.
Краснымъ дѣвицамъ своя воля
гулять,
А молодушкамъ мужья не велять,
Запрещаетъ свекровь-матушка!»

Но юная кровь беретъ свое, и часто молодица бросаетъ всѣ домашнія хлопоты и бѣжитъ въ хороводъ.

«Свекровь меня не пускаетъ
На игрище идти.
Заставляетъ красёнца ткать,
Коноплю брать,
По-воду ходить,
Избу топить,
Ребятъ кормить.

Меня свёкоръ не пускаетъ
На игрище идти.
Заставляетъ гумно чистить,
Метлой мести,
Дѣтей качать.

Ужъ я въ сердце ли войду,
Красна изорву,
Берды изломлю,
Конопли изомну,
Кувшины перебью.
Дѣтей накормлю,
А метлу изломлю,
И гумно истопчу,
А дѣтей уложу.
А сама то, молодёшенька,
На игрище пойду.
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь, молода.»

Когда хороводъ играетъ семейную сцену, то обычною темою бываетъ «покореніе жены мужемъ». Напр. въ хорѣ одинъ парень представляетъ свекра, а сосѣдка его свекровь Среди круга домашнее сраженіе; — мужъ жгутомъ выколачиваетъ изъ жены «разныя непригожества подъ ладъ пѣсни:

«Подъ бѣлою подъ берёзою
Ой люли, люли, подъ берёзою.....
Учитъ мужъ жену угрюмую,
Угрюмую, непокорную,
Непокорную, непоклонную ([5]).

([3]) около. ([4]) ту, которая тебѣ люба.

([5]) которая не хочетъ поклониться.

Хоть (⁶) поклю́нится, да свёкру-
батюшкѣ:
«Свёкоръ-ба́тюшка, отнимі́ меня
Отъ лиха́ мужа отъ него́днаго!»
— «Не отня́ть хотятъ, больше бить
велятъ!»

Пѣсня начинается снова; недовольная рѣшеніемъ свекра, битая обращается съ тоюже просьбою къ свекрови; — отвѣтъ тотъ же. Мужъ одержалъ побѣду; жена бросается ему въ ноги, подъ пѣсню хора:

«Какъ жена́ мужу покорі́лася,
На колѣночки станові́лася.
Не дава́й ла́зу (пота́чки), учи
мужъ жену!»

Въ другой пѣснѣ упрямая жена пренебрегаетъ всѣми ухаживаніями мужа, на что онъ и жалуется хороводу:

«Посмотри́те-ка, добрые лю́ди!
Какъ жена́ то меня молодца не
лю́битъ,
Душа́, сердце, ненави́дитъ!

Я поѣду во Китай-городъ
гуля́ти,
Молодо́й женѣ покупку по-
купа́ти;
Дорогу́ю ли куплю я ей по-
ку́пку,
Что ни са́му предиковинную
шу́бку

Жена́ моя, жёнушка,
Серди́тое мое се́рдце!
Ты посто́йка, жена,
Я приме́рю на тебя́,
Я приме́рю приложу́,
На же́нушку погля́жу!»

Но строптивица не хочетъ и глядѣть на мужа и грубо отталкиваетъ отъ себя этотъ и другіе его гостинцы. Мужъ наконецъ спохватился и привёзъ женѣ въ подарокъ шелковую плетку. Это нѣсколько подѣйствовало; жена глядитъ на него ужъ поласковѣе, а какъ погрозилъ онъ ей примѣрить да приложить къ ней диковинный свой подарочекъ, то откуда взялись у ней ласки.

Есть прелестная игра, называемая «плетень», въ которой хороводный кругъ, развернувшись вереницею, живописно свивается цвѣтнымъ плетнемъ, и потомъ снова расплетается подъ пѣсню:

«Заплетися плетень, заплетися!
Ты заве́йся труба золота́я!
Завернися камка хрущата́я» . . . .

Не рѣдко хороводныя игры принимаютъ характеръ сатирическій; удалѣйшій изъ игроковъ, посреди движущагося круга, передразниваетъ походку, взгляды и всѣ пріемы дѣвушекъ, молодцевъ, добрыхъ и злыхъ людей и проч., хороводъ же ему припѣваетъ:

«Скажи́, скажи, воро́бушекъ,
Какъ дѣвицы хо́дятъ?»
— «Они э́такъ и вотъ э́такъ!
Туда́ глядь, сюда́ глядь —
Гдѣ мо́лодцы сидя́тъ» и пр.

Но самою веселою изъ всѣхъ хороводныхъ игръ кажется мнѣ «Заинька». Искуснѣйшій плясунъ отличается среди круга удальскою пляскою, а хоръ поощряетъ его:

За́инька попляши́,
Сѣренькой поскачи́,
Кружко́мъ, бочкомъ поверни́сь!
За́инька въ ладо́ши!» и пр.

---

192. Пѣсни любовныя.

Любовь существуетъ и въ деревнѣ, и, пожалуй, даже въ менѣе искаженномъ видѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь, какъ это ясно изъ многихъ сотенъ

(⁶) *если и.*

народныхъ пѣсенъ. Впрочемъ, какъ всякое истинное счастіе скупо на слова, такъ и счастіе въ любви, чѣмъ глубже чувствуется, тѣмъ труднѣе выражается. Между множествомъ эпитетовъ милой особы особенно выразительно слово: «*ненаглядный*», не переводимое, кажется, ни на одинъ языкъ, и такъ хорошо показывающее, что для любящаго одно созерцаніе милаго предмета есть уже безконечное и необходимое наслажденіе. — «Наглядитесь мои очи на милую про запасъ», говоритъ любовникъ, разставаясь съ своей милою; и потомъ та страна, гдѣ живетъ она, становится ему роднѣе своей родины: «съ родимой сторонушки», поетъ онъ въ разлукѣ, «пріятенъ воздухъ несетъ, тамъ моя любезная, душа дѣвушка живетъ.» И мѣсто, свидѣтель любовныхъ радостей, расцвѣтаетъ раемъ, а мѣсто горькой разлуки любовниковъ глохнетъ и запустѣваетъ;

«Какъ мы съ тобой, дѣвушка, сполюбля́лися,
Подъ бѣлой берёзою совыка́лися,
Подъ горькой оси́ною разстава́лися:
Подъ бѣлой берёзою цвѣтики цвѣтутъ,
Подъ горькой оси́ною трава вы́сохла.»

Но, если счастливая любовь не многословна, тѣмъ велерѣчивѣе несчастная любовь. У любящихся много горя да печалей: строгость отца и матери, завистливыя очи чужихъ людей ревниво сторожатъ каждый шагъ ихъ, а ядовитые языки сосѣдей отравляютъ лучшія ихъ радости. Сюда же принадлежатъ *размолвки*, хотябы и кратковременныя, *но печальнѣе всего* охлажденіе съ одной стороны, когда другая остается вѣрною обѣтамъ, и въ таковыхъ случаяхъ дѣвушки, кажется, всегда въ обидѣ. Изъ пѣсенъ нигдѣ не видно, чтобы молодецъ былъ добровольно покинутъ милою, и вообще Русская женщина въ любви искреннѣе, преданнѣе и вѣрнѣе мужчины; она оставитъ «господина души своей» только въ случаѣ его совершенной негодности.

Напротивъ того кажется, будто себялюбіе и хвастливость неразлучны съ любовію парня, и про малѣйшую свою жертву онъ прожужжитъ уши:

«Ты безъ вѣтру мнѣ сердце вы́сушила,
Безъ моро́зу сердце вы́знобила,
Присуши́ла черны ку́дри къ головѣ;
Пусти́ла сухоту́
По моему́ животу́;
Разсы́пала печа́ль
По моимъ яснымъ оча́мъ.
Ты, ты́ меня соста́рила —
Безъ ума́ поста́вила.
Принево́лила къ себѣ въ го́сти ходить,
Принево́лила пода́рочки носить,
Пода́рочки — сладки пря́нички,
Орѣшки — однѣ зёрнушки....
Не оди́нъ я голубо́й кафтанъ сносилъ,
Трое ко́тиковъ съ иго́лочки избилъ,
— Нову шля́пу подъ капе́лью изгноилъ,
Все тебя́, моя приго́жая, любилъ.

Какое сравненіе съ нѣжною привязанностью любящей дѣвицы?

«Тума́нно красно солнышко, тума́нно,
Что кра́снаго солнышка не ви́дно?

Кручи́нна красна дѣвица печа́льна.
Никто́ ея кручинушки не зна́етъ;
Ни ба́тюшка, ни матушка, ни родны́е,
Ни бѣлая голубушка — сестри́ца....
Въ тоскѣ своей возговоритъ дѣвица:
«Я въ тѣ поры мила друга забу́ду,
Ко́гда подло́мятся мои скорыя но́ги,
Когда опу́стятся мои бѣлыя ру́ки,
Засы́плются глаза мои песка́ми,
Закро́ются бѣлы груди доска́ми.»

Жалобы на измѣны милаго составляютъ чуть ли не половину любовныхъ пѣсенъ.

«Ужъ какъ по́лно, красна дѣвица, тужи́ти,
Не напо́лнишь ты синя моря слеза́ми,
Не воро́тишь ты мила друга словами!»
— «Говори́ла я милому, говори́ла,
Я въ упро́съ ли друга милаго проси́ла:
«Не жени́ся ты, мой милый, не жени́ся!»
(т. е. на другой.)
Не посл́ушался, душа моя, жени́лся!
Онъ присы́палъ къ сердцу бѣдному печа́ли,
И онъ за́лилъ очи ясныя слеза́ми,
Запеча́талъ уста алыя онъ кро́вью.»

И въ чёмъ же состоитъ мщеніе покинутой бѣдняжки:

«Хорошо́ тому на свѣтѣ жи́ть,
У кого нѣту забо́тушки,
Въ ретивомъ се́рдцѣ зазно́бушки.
По несча́стьицу случи́лося,
Я въ измѣнщика влюби́лася....
Изсуши́лъ злодѣй, повы́суши́лъ
Суше вѣтру, суше ве́шняго,
Суше тра́вушки подко́шеной.
Я сама́ на грѣхъ повы́ступлю,
Я сама́ дружка повы́сушу
Я ни зе́льями ни коре́ньями,
Вы́сушу его горю́чьми слезьми.»

Напротивъ того изъ пѣсенъ не видно, чтобы молодецъ способенъ былъ къ такому страдальческому терпѣнію или къ такому великодушному мщенію; даже и тогда, когда по собственной его оплошности милую его выдадутъ за другаго, любитъ вымещать свою неудачу на другихъ.

Бываютъ впрочемъ мученики истинной любви съ обѣихъ сторонъ, и въ такомъ случаѣ пѣсня дышитъ сильнымъ краснорѣчіемъ сердца:

«Печальное мое се́рдце
Во мнѣ всё изныло,
На что было того лу́чше,
Что милый мой ла́сковъ;
Соколикъ мой я́сный!
Высоко соко́лъ летаетъ,
Милой отъѣзжа́етъ.
Оставляетъ меня въ го́рѣ,
Какъ кора́бль на морѣ (т. е. далеко отъ береговъ);
Оставляетъ во кручи́нѣ,
Какъ кора́бль въ пучинѣ.
Милъ закроется гора́ми,
Зальюсь я слеза́ми.
При разлукѣ, мой любе́зный,
Пиши ко мнѣ письма.
Я сама писа́ть не умѣю,
Писарямъ не вѣрю.
Напишу письмо слеза́ми,
Пошлю́ со слугами,
Я сы тѣми ли слуга́ми,
Съ бу́йными вѣтра́ми.
Милъ по са́дику гуляетъ —

Вамъ глядѣньицемъ дѣвушекъ не
взяти,
Ужъ какъ взять ли, не взять ли
по любови.

Удалецъ подходитъ къ хороводу и высматриваетъ себѣ ладу; хоръ одобряетъ его искательство: «Царинъ сынъ, Королевъ, колъ (3) «городу ходитъ, въ городъ за«зираетъ. — Царинъ сынъ Коро«левъ, — взойди, сударь, въ го«родъ, выбирай себѣ невѣсту, что «которую любую (4). — Царинъ «сынъ Королевъ, — поклонись, су«дарь, пониже, — утрись, сударь, «почище (!), обнимися покрѣпче, «ты цѣлуйся помилѣе!» И молодецъ, разумѣется, съ удовольствіемъ исполняетъ пріятныя требованія горожанокъ.

Кромѣ дѣвушекъ въ хороводахъ принимаютъ дѣятельное участіе и молодицы; ихъ тянетъ еще къ дѣвичьимъ забавамъ, хоть мужья и отзываютъ ихъ домой:

«Хохлатый селезень догоняетъ
утку.
Поди, утушка, домой, поди
сѣрая.
У те семеро дѣтей, осьмой селезень.»

Съ горестію вспоминаютъ онѣ объ утраченной волѣ, и протекшихъ дѣвичьихъ, беззаботныхъ радостяхъ:

«Кому воля, кому нѣтъ воли
гулять.
Краснымъ дѣвицамъ своя воля
гулять,
А молодушкамъ мужья не велять,
Запрещаетъ свекровь-матушка!»

Но юная кровь беретъ свое, и часто молодица бросаетъ всѣ домашнія хлопоты и бѣжитъ въ хороводъ.

«Свекровь меня не пускаетъ
На игрище идти.
Заставляетъ красёнца ткать,
Коноплю брать,
По-воду ходить,
Избу топить,
Ребятъ кормить.

Меня свёкоръ не пускаетъ
На игрище идти.
Заставляетъ гумно чистить,
Метлой мести,
Дѣтей качать.

Ужъ я въ сердце ли войду,
Красна изорву,
Берды изломлю,
Конопли изомну,
Кувшины перебью.
Дѣтей накормлю,
А метлу изломлю,
И гумно истопчу,
А дѣтей уложу.
А сама то, молодёшенька,
На игрище пойду.
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь, молода.»

Когда хороводъ играетъ семейную сцену, то обычною темою бываетъ «покореніе жены мужемъ». Напр. въ хорѣ одинъ парень представляетъ свекра, а сосѣдка его — свекровь. Среди круга — домашнее сраженіе; — мужъ жгутомъ выколачиваетъ изъ жены «разныя непригожества» подъ ладъ пѣсни:

«Подъ бѣлою подъ берёзою
Ой люли, люли, подъ берёзою.....
Учитъ мужъ жену угрюмую,
Угрюмую, непокорную,
Непокорную, непоклонную (5).

(3) около. (4) ту, которая тебѣ люба.

(5) которая не хочетъ поклониться.

Хоть (⁶) поклонится, да свёкру-
батюшкѣ:
«Свёкоръ-батюшка, отнимй меня
Отъ лиха мужа отъ негоднаго!»
— «Не отнять хотятъ, больше бить
велятъ!»

Пѣсня начинается снова; недовольная рѣшеніемъ свекра, битая обращается съ тоюже просьбою къ свекрови; — отвѣтъ тотъ же. Мужъ одержалъ побѣду; жена бросается ему въ ноги, подъ пѣсню хора:

«Какъ жена мужу покорилася,
На колѣночки становилася.
Не давай лазу (потачки), учи
мужъ жену!»

Въ другой пѣснѣ упрямая жена пренебрегаетъ всѣми ухаживаніями мужа, на что онъ и жалуется хороводу:

«Посмотрите-ка, добрые люди!
Какъ жена то меня молодца не
любитъ,
Душа, сердце, ненавидитъ!

Я поѣду во Китай-городъ
гуляти,
Молодой женѣ покупку по-
купати;
Дорогую ли куплю я ей по-
купку,
Что ни саму предиковинную
шубку

Жена моя, жёнушка,
Сердитое мое сердце!
Ты постойка, жена,
Я примѣрю на тебя,
Я примѣрю приложу,
На жёнушку погляжу!»

Но строптивица не хочетъ и глядѣть на мужа и грубо отталкиваетъ отъ себя этотъ и другіе его гостинцы. Мужъ наконецъ спохватился и привёзъ женѣ въ подарокъ шелковую плетку. Это нѣсколько подѣйствовало; жена глядитъ на него ужъ поласковѣе, а какъ погрозилъ онъ ей примѣрить да приложить къ ней диковинный свой подарочекъ, то откуда взялись у ней ласки.

Есть прелестная игра, называемая «плетень», въ которой хороводный кругъ, развернувшись вереницею, живописно свивается цвѣтнымъ плетнемъ, и потомъ снова расплетается подъ пѣсню:

«Заплетися плетень, заплетися!
Ты завейся труба золотая!
Завернися камка хрущатая» . . . .

Не рѣдко хороводныя игры принимаютъ характеръ сатирическій; удалѣйшій изъ игроковъ, посреди движущагося круга, передразниваетъ походку, взгляды и всѣ пріемы дѣвушекъ, молодцевъ, добрыхъ и злыхъ людей и проч, хороводъ же ему припѣваетъ:

«Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ дѣвицы ходятъ?»
— «Они этакъ и вотъ этакъ!
Туда глядь, сюда глядь —
Гдѣ молодцы сидятъ» и пр.

Но самою веселою изъ всѣхъ хороводныхъ игръ кажется мнѣ «Заинька». Искуснѣйшій плясунъ отличается среди круга удальскою пляскою, а хоръ поощряетъ его:

Заинька попляши,
Сѣренькой поскачи,
Кружкомъ, бочкомъ повернись!
Заинька въ ладоши!» и пр.

---

192. Пѣсни любовныя.

Любовь существуетъ и въ деревнѣ, и, пожалуй, даже въ менѣе искаженномъ видѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь, какъ это ясно изъ многихъ сотенъ

(⁶) если и.

народныхъ пѣсенъ. Впрочемъ, какъ всякое истинное счастіе скупо на слова, такъ и счастіе въ любви, чѣмъ глубже чувствуется, тѣмъ труднѣе выражается. Между множествомъ эпитетовъ милой особы особенно выразительно слово: «*ненаглядный*», не переводимое, кажется, ни на одинъ языкъ, и такъ хорошо показывающее, что для любящаго одно созерцаніе милаго предмета есть уже безконечное и необходимое наслажденіе. — «Наглядитесь мои очи на милую про запасъ», говоритъ любовникъ, разставаясь съ своей милою; и потомъ та страна, гдѣ живетъ она, становится ему роднѣе своей родины: «съ родимой сторонушки», поетъ онъ въ разлукѣ, «пріятенъ воздухъ несетъ, тамъ моя любезная, душа дѣвушка живетъ.» И мѣсто, свидѣтель любовныхъ радостей, расцвѣтаетъ раемъ, а мѣсто горькой разлуки любовниковъ глохнетъ и запустѣваетъ:

«Какъ мы съ тобой, дѣвушка, сполюбля́лися,
Подъ бѣлой берёзою совыка́лися,
Подъ горькой оси́ною разстава́лися:
Подъ бѣлой берёзою цвѣтики цвѣтутъ,
Подъ горькой оси́ною трава вы́сохла.»

Но, если счастливая любовь не многословна, тѣмъ велерѣчивѣе несчастная любовь. У любящихся много горя да печалей: строгость отца и матери, завистливыя очи чужихъ людей ревниво сторожатъ каждый шагъ ихъ, а ядовитые языки сосѣдей отравляютъ лучшія ихъ радости. Сюда же принадлежатъ размолвки, хотябы и кратковременныя, но печальнѣе всего охлажденіе съ одной стороны, когда другая остается вѣрною обѣтамъ, и въ таковыхъ случаяхъ дѣвушки, кажется, всегда въ обидѣ. Изъ пѣсенъ нигдѣ не видно, чтобы молодецъ былъ добровольно покинутъ милою, и вообще Русская женщина въ любви искреннѣе, преданнѣе и вѣрнѣе мужчины; она оставитъ «господина души своей» только въ случаѣ его совершенной негодности.

Напротивъ того кажется, будто себялюбіе и хвастливость неразлучны съ любовію парня, и про малѣйшую свою жертву онъ прожужжитъ уши:

«Ты безъ вѣтру мнѣ сердце вы́сушила,
Безъ моро́зу сердце вы́знобила,
Присуши́ла черны ку́дри къ головѣ;
Пусти́ла сухоту́
По моему́ животу́;
Разсы́пала печа́ль
По моимъ яснымъ оча́мъ.
Ты, ты́ меня соста́рила —
Безъ ума́ поста́вила.
Принево́лила къ себѣ въ го́сти ходить,
Принево́лила пода́рочки носить,
Пода́рочки — сладки пря́нички,
Орѣшки — одни зёрнушки....
Не оди́нъ я голубо́й кафтанъ сносилъ,
Трое ко́тиковъ съ иго́лочки избилъ,
— Нову шля́пу подъ капе́лью изгноилъ,
Все тебя́, моя приго́жая, любилъ.

Какое сравненіе съ нѣжною привязанностью любящей дѣвицы?

«Тума́нно красно солнышко, тума́нно,
Что кра́снаго солнышка не ви́дно?

Кручи́нна красна дѣвица печа́льна.
Никто́ ея кручинушки не зна́етъ;
Ни ба́тюшка, ни матушка, ни родны́е,
Ни бѣлая голубушка — сестри́ца....
Въ тоскѣ́ своей возговоритъ дѣви́ца:
«Я въ тѣ́ поры мила друга забу́ду,
Ко́гда подло́мятся мои скорыя но́ги,
Когда опу́стятся мои бѣлыя ру́ки,
Засы́плются глаза мои песка́ми,
Закро́ются бѣлы груди доска́ми.»

Жалобы на измѣны милаго составляютъ чуть ли не половину любовныхъ пѣсенъ.

«Ужъ какъ по́лно, красна дѣвица, тужи́ти,
Не напо́лнишь ты синя моря слеза́ми,
Не воро́тишь ты мила друга словами!»
— «Говори́ла я милому, говори́ла,
Я въ упро́съ ли друга милаго проси́ла:
«Не жени́ся ты, мой милый, не жени́ся!»
(т. е. на другой.)
Не послу́шался, душа моя, жени́лся!
Онъ присы́палъ къ сердцу бѣдному печа́ли,
И онъ за́лилъ очи ясныя слеза́ми,
Запеча́талъ уста алыя онъ кро́вью.»

И въ чёмъ же состоитъ мщеніе покинутой бѣдняжки:

«Хорошо́ тому на свѣтѣ жи́ть,
У кого нѣ́ту забо́тушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки.
Зазнобушка по садику гуляетъ —

По несча́стьицу случи́лося,
Я въ измѣ́нщика влюби́лася....
Изсуши́лъ злодѣ́й, повы́сушилъ
Суше вѣ́тру, суше ве́шняго,
Суше тра́вушки подко́шеной.
Я сама́ на грѣхъ повы́ступлю,
Я сама́ дружка повы́сушу
Я ни зе́льями ни коре́ньями,
Вы́сушу его горю́чьми слезьми.»

Напротивъ того изъ пѣсенъ не видно, чтобы молодецъ способенъ былъ къ такому страдальческому терпѣнію или къ такому великодушному мщенію; даже и тогда, когда по собственной его оплошности милую его выдадутъ за другаго, любитъ вымещать свою неудачу на другихъ.

Бываютъ впрочемъ мученики истинной любви съ обѣихъ сторонъ, и въ такомъ случаѣ пѣсня дышитъ сильнымъ краснорѣчіемъ сердца:

«Печальное мое се́рдце
Во мнѣ всё изныло,
На что было того лу́чше,
Что милый мой ла́сковъ;
Соколикъ мой я́сный!
Высоко соко́лъ летаетъ,
Милой отъѣзжа́етъ.
Оставляетъ меня въ го́рѣ,
Какъ кора́бль на морѣ (т. е. далеко отъ береговъ);
Оставляетъ во кручи́нѣ,
Какъ кора́бль въ пучинѣ.
Милъ закроется гора́ми,
Зальюсь я слеза́ми.
При разлукѣ, мой любе́зный,
Пиши ко мнѣ письма.
Я сама писа́ть не умѣю,
Писарямъ не вѣрю.
Напишу письмо слеза́ми,
Пошлю́ со слугами,
Я сы тѣми ли слуга́ми,
Съ бу́йными вѣтра́ми.

Письма разбира́етъ:
Онъ и сталъ письмо чита́ти,
Не могъ на нога́хъ стояти.»

Или вотъ, напримѣръ, какъ молодецъ тоскуетъ надъ свѣжею могилою подруги своей, что не простившись съ нимъ, «свѣтъ оставила — скончалась.»

«Забушу́йте вы, вѣтры бу́йные,
И развѣ́йте здѣсь мать сыру́ землю,
Вы раскро́йте мнѣ гробову́ доску,
Ужъ и да́йте вы мнѣ въ послѣ́днїй разъ
Распроща́ться съ моей ми́лою!
Окропи́въ ее горючё́й слезой,
Я вздохну́, умру подлѣ не́й тогда!»

И такъ глубока бываетъ любовь этихъ истыхъ дѣтей природы, что разлученные насиліемъ своихъ родителей, любящіеся умираютъ отъ тоски другъ по другѣ:

«Не сиди́, мой другъ, поздо ве́черомъ:
Ты не жги свѣчи воску я́раго,
Ты не жди́ меня до полу́ночи.
Ахъ! прошли́, прошли наши кра́сны дни!
Наши ра́дости буйный вѣтръ разнесъ,
И развѣялъ ихъ по чисту́ полю!
Соизво́лилъ такъ родной ба́тюшка,
Приказа́ла мнѣ родна ма́тушка,
Чтобъ женился я на ино́й женѣ.
Не горѣть на небѣ по два со́лнышка!
Ужъ не свѣтить по два мѣсяца,
Не любить два раза добру мо́лодцу!
Ужъ я ба́тюшки не ослу́шаюсь,
Родной ма́тушки я послу́шаюсь,
Обвѣнча́юсь я со ино́й женой
Со ино́й женой — съ смертью *ра́ннею,*
Съ смертью ра́ннею — наси́льною.»
Залила́сь слезами красна дѣ́вица,
Во слеза́хъ она слово мо́лвила:
«Ахъ ты ми́лый мой, ненагля́дный мой!
Не жили́ца я на бѣло́мъ свѣтѣ
Безъ тебя́, моя надё́жинька!
Нѣтъ у го́рлицы двухъ голу́бчиковъ
У лебёдушки двухъ лебёдиковъ,
У меня́ не быть дву́мъ дружкамъ!»
Не сиди́тъ она поздно ве́черомъ,
А гори́тъ свѣча воску я́раго;
На столѣ́ стоитъ новъ тесо́вый гробъ,
Во гробу́ лежитъ красна дѣ́вица.»

---

193. Пѣсни свадебныя.

Въ жизни человѣка есть три равно великія и таинственныя поры: его рожденіе, бракъ и смерть. При совершеніи тайнъ первой и послѣдней нѣтъ мѣста поэзіи: ибо является человѣкъ на свѣтъ, какъ существо, по видимому, безсознательное и еще безсловесное; оставляетъ онъ свѣтъ — и смерть смыкаетъ уста его; а у любившихъ его нѣмѣетъ умъ и сердце. За то великое таинство брака, полное надеждъ и блаженствъ, для сочетавающихся во цвѣтѣ ихъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, геній народа щедро окружилъ очарованіями поэзіи, и многознаменательными обрядами. Это важное событіе въ жизни человѣческой торжествуется на Руси́ особыми праздничествами, каковы; сговоръ, дѣвичникъ и проч., которымъ главную прелесть придаютъ свадебныя пѣсни, превосходящія и числомъ своимъ пѣсни всѣхъ другихъ родовъ.

(Не совсѣмъ въ полномъ собраніи Г. Сахарова ихъ 240.)

Изложеніе содержанія. Наступаетъ пора въ юности каждаго, когда постылѣютъ холостыя забавы и веселья, и больно чувствуется пустота сердечная, особенно при видѣ любви и семейности, господствующихъ во всей живой природѣ:

«Прилетѣли вольны пта́шечки
Изъ за мо́ря, моря си́няго.
Перепа́рхиваютъ пта́шечки
По чисту́ полю, по ку́стикамъ;
Все любу́ются по па́рочкѣ
Только до́брый молодецъ N. N.
Въ свѣтѣ бѣломъ сироти́нушка;
Онъ тоску́етъ, какъ горька коку́-
шечка,
Горючьми́ слезьми залива́ется
Безпрію́тная голо́вушка.
Никто къ дѣти́нушкѣ бѣдному
Никто въ свѣтѣ не пришатнет-
ся,
Словомъ ла́сковымъ привѣтли-
вымъ
Сироти́нушки не ра́дуетъ,
Онъ пройдётъ ли въ поле чистое,
Чтобъ размыкать тамъ кручи́-
нушку,
Свое го́ре и тоску́-печаль, —
Тоску — го́ре безотвя́зныя.
Онъ пойдётъ ли во темны́ лѣса,
Не скрыва́етъ тамъ кручи́нушки.
Изныва́етъ все серде́чушко
Отъ печа́ли въ добромъ мо́лодцѣ;
Вянетъ, со́хнетъ въ одино́чествѣ,
Будто тра́вка среди поля ди́каго,
Не милъ мо́лодцу и Бо́жій свѣтъ.
Одна N. N сжа́лилась
Надъ бѣдня́жкой, сироти́нушкой;
Прилaска́ла, приголу́била
Безпрію́тную голо́вушку,
Пріодѣла фатой шо́лковой
Назвала́ его дружкомъ ми́лень-
кимъ.
Прошла́ печаль-кручи́нушка,
Ве́селъ сталъ дѣти́нушка!»

Но и э̀то веселье не прочное; тысячи непріятностей отравляютъ счастіе любовниковъ.

«Не свивайся, не свива́йся трава
со были́нкой,
Не лести́ся, не лестися голубь со
голу́бкой,
Не свыка́йся, не свыкайся, моло-
децъ съ дѣви́цей!
Хорошо́ было свыкаться, — тяж-
ко разстава́ться!»

Сватанье. Потому, испытавъ суетность холостаго счастія, молодецъ упрашиваетъ отца и мать засылать свахъ къ родителямъ своей милой. Въ свою очередь дѣвушка чувствуетъ потребность пріютиться подъ вѣрное крыло милаго друга; мысль объ немъ не разстается съ нею ни днемъ ни ночью; ей видится вѣщій сонъ — и въ руку; вотъ катятъ на дворъ гости незнаемые — сватать её. Не смотря на желанность этого событія, завидя сватовъ, дѣвушка трепещетъ, какъ беззащитная пташка, почуявшая надъ собой тенета птицелова. Бѣдняжка бросается на шею къ матери, проситъ не впускать гостей чужихъ на широкій дворъ, умоляетъ подружекъ запереть двери сѣнныя и теремныя — тщетно! Сваты-разлучники — вотъ уже въ свѣтлицѣ и вступили въ роковые переговоры съ ея отцемъ и матерью. Чѣмъ то дѣло порѣшилось? Гости со двора, а родители принялись хлопотать. Сердце у ней замираетъ при видѣ повсемѣстныхъ приготовленій къ чему-то важному:

«Разсы́пался крупенъ жемчугъ по
атла́су,
Залила́ся душа - дѣвушка сле-
зами.

— «Госуда́рь мой, родимый ба́тюшка!
Ты на что́ вино́ куришь?
Ты на что́ пиво варишь?
Ты на что́ меда́ ставишь?
Госуда́рыня моя, родимая ма́тушка!
Ты на что́ холсты́ носишь?
Ты на что́ дары (подарки жениховой роднѣ) кройшь!»

Родители въ отвѣтъ объявляютъ ей скорый сговоръ.

Сговоръ. Окончены нужныя приготовленія и наступаетъ страшный вечеръ сговора; со сватами является и женихъ. Завидя его, и не надѣясь больше на измѣнившихъ ей родителей, невѣста проситъ своихъ подружекъ, чтобы хоть онѣ защитили и отстояли ее:

«Сберегите, подру́жки, меня:
Вонъ идетъ разори́тель мой,
Вонъ идетъ погуби́тель мой,
Вонъ идетъ расплести́ косу, (1)
Вонъ идетъ увезти́ красу!»

Какъ дѣло порѣшено уже при сватаньѣ, то немедленно приступаютъ къ роковому обряду сговора, или заручёнья; между тѣмъ просватанная крѣпко отстаиваетъ свою дѣвичью волю, и пытается сперва разжалобить отца, открывая ему тоску своего сердца:

«Госуда́рь мой, родной ба́тюшка!
Ты возьми́ саблю о́струю,
Ты соими́ мою бѣлую грудь,
Смотри́ ретивое се́рдце.»
— «Свѣтъ, мое дитятко любе́зное,
Не́чего брать саблю о́струю.....
Зна́ть тебя, дитятко, по бѣлому лицу:
Бѣлое лице пріусмя́гнуло,
Алые румя́нцы прикры́лися,
Ясныя очи помути́лися,
Изъ оче́й слезы покати́лися.»

Но обрядъ тѣмъ не менѣе идетъ своимъ чередомъ: тутъ дѣвица еще умоляетъ родителей не прельщаться жениховыми подарками; завѣряетъ, что не хочетъ другаго счастія, какъ остаться съ родителями, и проситъ остановить обрядъ ради ея зловѣщихъ предчувствій:

«Свѣтёлъ мѣсяцъ, родимый ба́тюшка!
Красно со́лнышко, родима ма́тушка!
Не бе́йте вы полу-о́-полу,
Не хло́пайте вы пиро́гъ-о-пирогъ (2),
Не пробива́йте вы меня бѣдную,
Не дава́йте вы меня го́рькую,
На чужу́, дальню сторо́нушку,
Ко чужо́му отцу, къ чужой ма́тери.
Какъ чужі́е то отецъ съ ма́терью
Безжа́лостливы уроди́лися:
Безъ огня́-то у нихъ сердце разгора́ется,
Безъ смолы́-то у нихъ гнѣвъ раскипа́ется!
Насижу́сь-то я у нихъ бѣдная
По конѐцъ стола дубо́ваго,
Натерплю́сь-то я, напла́чуся!»

И когда не смотря на ея мольбы и слезы запорученье навѣки совершилося, въ отчаяніи дѣвушка укоряетъ родителей, что они сами не знаютъ своей выгоды, «избываютъ свою помощницу - перемѣнушку, посла вольнаго — безотвѣтнаго.» Родители весьма благоразумно утѣшаютъ её:

«Ты дитя́ ли мое ми́лое,
Не клади́ на меня жа́лобу.
Мнѣ не вѣкъ тебя поить, кормить,
Мнѣ не вѣкъ тебя лелѣяти,

(1) смотри § 191, примѣч. I.

(2) употребительные обряды при сговорѣ.

А пора́ ужъ за́-мужъ выдати.
Чужа да́льняя сторо́нушка
Досади́тъ тебѣ лишь въ пе́рвы дни,
Послѣ та́ сторонушка полю́бится,
Чужа, да́льняя понра́вится!
А ужъ въ то́й ли во сторо́нушкѣ
Позабу́дешь ты и ба́тюшку!»

Дѣвушка, видя наконецъ, что дѣло кончено, «ро́дители выбываютъ ее изъ гнѣзда своего», прощается съ ними и въ порывѣ необузданной горести о погибшей на вѣки своей вольности, она горько упрекаетъ ихъ и оплакиваетъ свою долю:

«Прости́, красное мое со́лнышко,
Жела́нный кормилецъ, ба́тюшка,
И роди́тельница ма́тушка!
(Охти́ мнѣ, да охти мнѣ́шинько!
До́чь, кручинную голо́вушка ([3]).
По послѣ́днему денёшку
Я сидѣ́ла молодёшенька
Во свѣ́тлой своей свѣтли́цѣ.
Ужъ я шила волю зо́лотомъ,
Обшива́ла чистымъ се́ребромъ...
Пропили́сь, да промота́лися
Жела́нные мои роди́тели;
Про́пили мою голо́вушку
Не за пи́вную за рю́мочку;
Вѣ́рно я, да молодёшенька,
Надоѣ́ла да наску́чила
Своимъ до́лгимъ дѣвичествомъ,
Глу́пымъ, малымъ ребя́чествомъ!
Я пріѣ́ла молодёшенька,
Всѣ-тѣ сто́ги пятиго́дные,
Да засѣ́ки неисхо́дныя!
Приноси́ла молодёшенька
Всѣ́ я цвѣтныя пла́тьица,
Придержа́ла молодёшенька
Всю безсмѣ́тную золоту́ казну!
Какъ при мнѣ́-то молодёшенькѣ
У мои́хъ — свѣтъ ([4]) — у роди́телей
Ужъ какъ въ по́лѣ не роди́лося,
На дворѣ́ — да не плоди́лося,
На столѣ́ — да не спори́лося!
Изжива́ютъ меня бѣ́дную,
Будто во́рога изъ го́рода,
Люта звѣ́ря изъ темна́ лѣса.
Погоди́ родима ма́тушка!
Хва́тишься, да догада́ешься,
Коль не бу́детъ меня бѣ́дной;
«И по бе́режку нахо́дишься,
Ка́мешковъ наприбира́ешься
И къ сердцу́ наприжима́ешься;
Ра́да будешь красно со́лнышко
Черезъ по́ле въ глаза ви́дѣти,
Черезъ лѣ́съ да голосъ слы́шати,
Черезъ рѣ́чку рѣ́чь говорити!
У меня́ у молодёшинькой,
Будетъ во́люшка спрошо́ная,
Красота́ да доложо́ная! ([5])
Мнѣ захо́чется тошнёшенько
На роди́мую сторо́нушку,
Да отхо́чется скорёшенько.
У меня де́нь пройдетъ спроша́ючись,
Друго́й день да вздоложа́ючись,
Да недѣ́лька снаряжа́ючись ([6])
На роди́мую сторо́нушку,
Осенью — да бездоро́жьице,
А весно́ю — да безпо́льице,
Лѣ́томъ — лѣтнія рабо́тушки,
Зимо́й, зи́мушка сту́деная!
И не пу́стятъ меня бѣ́дную
На роди́мую сторо́нушку!

([3]) весьма древній винительный падежъ, въ словахъ и женскаго рода сходный съ именительнымъ.

([4]) слово *свѣтъ* въ народной поэтической рѣчи часто прибавляется для означенія почтительной ласки, напр. Иванъ-свѣтъ-Петровичъ. ([6]) на исполненіе всякаго пожеланія нужно будетъ спроситься, равно какъ и объ томъ, какъ порядиться ([6]) цѣлый день я буду думать, чтобъ рѣшиться просить позволенія у мужа, нуженъ еще одинъ день, чтобъ объ этомъ доложить своимъ родителямъ; потомъ въ приготовленіяхъ къ отъѣзду протянутъ цѣлую недѣлю подъ разными предлогами.

«Ужъ мы свидимся — наплáчемся,
Разойдёмся — натоскýемся!..»
. . . .
Разлилáсь, разлелѣялась
По лугáмъ вода вéшняя,
Унеслó, улелѣяло
Чадо мѝлое, дочь отъ мáтери...
Позабы́ть мнѣ будетъ, дѣвушкѣ,
Вóлю бáтюшкину,
Нѣгу мáтушкину,
Пріятство сестрѝцыно!»

Дѣвичники. За сговоромъ слѣдуютъ такъ называемые дѣвичники, или вечеринки въ домѣ невѣсты, на которыхъ новые родные знакомятся между собою; женихъ съ невѣстой привыкаютъ другъ къ другу, а дѣвушки, подруги невѣсты, потѣшаютъ собраніе пѣснями, имѣющими отношеніе къ настоящему случаю. Такъ напр. какъ бы поощряя обрученныхъ любоваться другъ другомъ, дѣвушки въ пѣсняхъ то расхваливаютъ ненаглядную красоту невѣсты, то завидуютъ ей въ женихѣ пригожемъ и бѣлорумяномъ:

«Глазá у ней, какъ у яснаго сóкола,
Брóви у ней черна сóболя;
У ней рѣчь лебедѝная,
А похóдка павлѝная.
Она прóйдетъ — утѣшитъ меня
Слóво молвитъ — накóрмитъ меня.»

— «Какъ у мѣсяца золоты́е рога,
Какъ у сóлнышка лучи я́сные:
На N.N. кудри рýсые
Саморóдныя, ненаёмныя
По плечáмъ лежатъ,
Словно жáръ горятъ....
На конѝ онъ садится,
Подъ нимъ кóнь веселится;
Онъ пó-лугу ѣдетъ,
Лугъ зеленѣетъ,
Вода-то лелѣетъ.....
Бояре-то молвятъ: «чéй то такой?»
Боя́рыни молвятъ: «чéй то господинъ?»
А сýжена молвитъ: «мóй дорогой!»

Но въ невѣстѣ борется еще гордость и страсть къ независимости съ влеченіемъ къ молодцу; наконецъ любовь превозмогаетъ — и чудное дѣло! ей даже постылѣетъ родительскій домъ; для ней уже наслажденіе предупреждать малѣйшія желанія суженаго, тогда какъ въ отческомъ домѣ чувствовала она всю тяготу услугъ своимъ домашнимъ. На слѣдующихъ вечеринкахъ невѣста уже ждетъ не дождется своего суженаго:

«На рѣчкѣ лебедушка клѝкала,
На бы́строй бѣлая клѝкала:
— «Ты летѝ, лети лéбедь мой,
Ты летѝ, лети бѣлый мой;
Безъ тебя́ ли мнѣ лебёдушкѣ
Рѣчка не тáкъ течетъ,
Въ пóлѣ травá не зелена....
Ты взойдѝ свѣтёлъ мѣсяцъ....
Ты свѣтѝ во всю дорóженьку...
Моемý ли другу мѝлому N. N.
Чтобъ съ дорóженьки не сбился,
Чтобъ въ лѣсý не заблудѝлся,
Чтобъ въ рѣкѣ не измочѝлся,
Чтобъ назáдъ не воротѝлся.
Лихіе люди бъ не напáли,
Злы собáки бъ не отогнáли...
Безъ негó ли мнѣ дѣвицѣ
Тёмно красно сóлнышко,
Не ясёнъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
Тéремъ не тáкъ стоитъ,
Сáхарны яства на ýмъ нейдутъ.»

А пріѣхалъ суженый, и невѣста не можетъ намиловаться съ нимъ:

«Чёрны кудри за сто́лъ по-
шли,
Ру́су косу за собо́й повели.
Черны ку́дри у русой косы
спра́шивали:
— «Ру́сая коса! Не у́жъ ли
ты моя?
— «Я Бо́жья . . . да теперь
твоя́!»

Дѣвушки дивятся, что совсѣмъ чужіе другъ другу люди теперь неразлучны, и милѣе другъ другу, чѣмъ кровные родные:

«Виногра́дъ во саду́ растетъ,
А я́годы во сыро́мъ бору.
Виногра́дъ расцвѣта́етъ,
А я́года поспѣва́етъ.
Имъ лю́ди дивова́лися
Что хоро́шіе такіе уроди́лися...
А что́ же таково случи́лося..
А что́ же таково приключи́лося,
Какъ живу́тъ то ны́ньче
Ле́бедь съ лебедкою вмѣ́стѣ,
Какъ клюю́тъ то ны́ньче
Одну́ (и туже) зеленую тра́вку,
Какъ и пьютъ то ны́ньче
Одну́ чистую води́цу.»

Женихъ между тѣмъ условливается во взаимной вѣрности и отъ избытка любви уже заранѣе ревнуетъ:

«На хоро́шихъ, на пригожихъ не
загля́дывайся,
На весёлыхъ, на бесѣ́дахъ не
засиживайся;
И того́ будетъ съ тебя, что я́
у тебя;
И того бу́детъ съ меня, что ты́
у меня.»

Невѣста съ своей стороны предлагаетъ тѣже условія и первое, чтобъ онъ теперь пока разглядывалъ ее хорошенько, а послѣ не попрекалъ бы незамѣченными теперь недостатками:

«Ты гляди́ чужой чужби́нинъ,
Господинъ души, отецкой сынъ,
Мнѣ пря́мо въ бѣло лицо́,
Въ то́чь во ясны о́чи;
Я дѣвушка не коры́стная! (7)
Тебѣ бра́ть — чтобъ не ка́яться,
Мнѣ бы жи́ть — чтобъ не пла́-
каться
На чужо́й дальней сторо́нушкѣ.»

Женихъ, разумѣется, увѣряетъ ее, что она вся прелесть и само совершенство, и что жизнь съ нею для него будетъ непрерывное счастье: «на что же мнѣ раюшка, у меня есть ладушка!» Успокоенная съ этой стороны, невѣста открываетъ милому свои опасенія, что она не понравится новымъ роднымъ, которые вообще

«Всѣ примѣ́тливы, всѣ насмѣ́ш-
ливы.
Сту́пишь ли ного́й, —
Поглядя́тъ всѣ за тобо́й.
Мо́лвишь ли слове́чко, —
Передра́знивать начну́тъ.
Ся́дешь ли за сто́лъ, —
Всѣ куски́ во рту сочту́тъ.
Ста́нешь ли молча́ть, —
Ста́нутъ ду́рочкой велича́ть.»

Женихъ ободряетъ свою милую и даетъ ей наставленія, какъ вести себя въ новомъ семействѣ. Именно со старшими должна она держать «голову поклонную, ретиво сердце покорное», и ко всѣмъ прочимъ должна быть «сама добра, ласкова и привѣтлива, во всемъ догадлива и смѣтлива, въ чужихъ словахъ не замѣтлива, а въ своихъ проста да умѣтлива.» Въ такомъ случаѣ обѣщаетъ ей всеобщую любовь въ семьѣ своей; что она

.... «Въ те́ремъ ли войде́тъ,
Свекоръ ба́тюшка усмѣ́хнется;
Съ те́рема ль доло́й сойдетъ,

(7) не имѣю въ себѣ ничего особеннаго, чрезвычайнаго.

Свекровь ма́тушка возра́дуется.
По свѣтёлочкѣ ль пройде́тъ, —
Деверья́ братья не насмо́трятся;
Въ зелёнъ ли садъ пойде́тъ,
Сестры золо́вки про́чь нейдутъ.
А и са́мъ я молоде́цъ
Не налюбу́юсь тобой, не накрасу́юся,
Ужъ какъ мнѣ́ тебя милѣ́е нѣтъ.»

Между тѣмъ воспѣваютъ будущія семейныя радости молодыхъ супруговъ, особенно при рожденіи дѣтей, которыя всѣ будутъ умомъ-разумомъ въ хозяина, красотой въ молодую хозяйку:

«Бѣла-ка́менна палата грановита!
Не дубо́вые столы застуча́ли,
Бѣлы ска́терти камчатны зашумѣ́ли,
Что сере́бряны приборы загремѣ́ли.
Идутъ ма́мки, идутъ няньки со свѣча́ми,
А ба́бушка идетъ со здоро́вьемъ,
Поздравля́ютъ Василья съ дитя́темъ:
«Какъ жена́ тебѣ сына спороди́ла,
Госуда́рю Царю служи́ваго,
А тебѣ́, сударь, перемѣ́на (8).»

или

«Какъ жена́ тебѣ дочку спороди́ла,
Госуда́рынѣ царицѣ златошве́йку,
А тебѣ́, сударь, перепу́тье (9).»

Даже и предстоящія заботы и труды молодой матери услаждаются этими прекрасными надеждами.

«Ужъ я сына то качаю,
Перемѣну себѣ чаю
Перемѣну дорогую —
Я невѣстку молодую.
Ужъ я дочку то качаю,
Перепутья себѣ чаю,
Перепутья дорогаго —
Зятя молодаго.»

Дѣвушки не забываютъ пѣть и въ свою пользу, именно шуточныя пѣсни, въ коихъ они выпрашиваютъ себѣ денегъ отъ гостей; величаютъ щедрыхъ и безпощадно осмѣиваютъ скупыхъ.

Кромѣ того въ самый день вѣнчанія, предъ поѣздомъ въ церковь, почти каждый шагъ жениха и невѣсты сопряженъ съ особеннымъ обрядомъ, сопровождаемымъ приличною тому пѣснію; напр. при расплетаніи дѣвичьей косы:

«Не тру́бушка трубила рано по зарѣ́,
То Ма́рьюшка плакала по русой косѣ́;
Свѣтъ моя ко́сынька, русая коса́!
Разовьютъ тебя, косыньку, на́шесть доль,
Заплету́тъ тебя косыньку на́-двѣ косы,
Укру́тятъ тя косыньку вокру́гъ-головы,
Повя́жутъ по косынькѣ ба́бью красоту,
Ба́бья красота на печи́ въ углу,
Дѣви́чья красота во по́лѣ, на лугу!»

194. Пѣсни семейныя.

Эти пѣсни носятъ на себѣ почти всѣ безъ исключенія печать глубокаго унынія, и неизбѣжно приводятъ къ тому печальному убѣжденію, что Русскій человѣкъ въ семейномъ быту не наслаждается тѣмъ домашнимъ счастіемъ, къ которому онъ способенъ по богатымъ дарамъ своего духа, столь ярко высказавшимся въ разсмотрѣнныхъ

(8) который смѣнитъ тебя въ работахъ. (9) въ поѣздкахъ будетъ къ кому *(къ зятю)* завернуть погостить и отдохнуть.

выше пѣсняхъ. Здѣсь же не встрѣтите ни одной радости, ни одного утѣшительнаго явленія, но всюду картины безотрадной жизни, полной огорченій, угнетеній и безвыходнаго страданія. Источникъ этого семейнаго несчастія, судя по пѣснямъ, есть огрубѣніе мужчины отъ какихъ бы то ни было обстоятельствъ. Собственнымъ униженіемъ потерявъ право на любовь и уваженіе окружающихъ его, старается онъ поддержать свое первенство надъ бѣдною супругою, поселяя въ ней страхъ къ себѣ своею жестокостію, уже ничѣмъ не извинительною; ибо жестокость есть признакъ духовнаго безсилія.

Послушаемъ его печальной исповѣди:

«А и го́ре, горе, горева́ньице!
А и въ го́рѣ жить — не кручи́нну быть,
Наго́му ходить — не стыди́тися!
А и де́негъ нѣтъ — передъ де́ньгами;
Появи́лась гривна — передъ злы́ми дни!
Не быва́ть плѣшатому — кудря́вому,
Не быва́ть гулящему — бога́тому,
Не отрости́ть дерева сухове́рхаго, . . .
«А и лы́комъ Горе подпоясалось,
Моча́лами ноги изопу́таны.
А я отъ Го́ря во темны́ лѣса,
А Го́ре прежде вѣкъ зашолъ (¹);
А я отъ Го́ря въ поче́стный пиръ,
А Го́ре зашолъ, впереди́ сидитъ;
А я отъ Го́ря на Царе́въ кабакъ,
А Го́ре встрѣчаетъ, ужъ пи́во тащитъ......
Какъ я на́гъ-то сталъ — насмѣялся онъ.»

«Да спаси́бо же тебѣ, синему кувши́ну,
Что размыкалъ, разогна́лъ злу-тоску кручи́ну!
Посѣдала-то моя буйная голо́вушка
Ни отъ время ни отъ лѣтъ — всё отъ безвреме́нья.
Я роди́лся во слезахъ, въ слезахъ крести́лся,
Плакалъ до́лго сиротой отъ людскихъ навѣтовъ.
Красна дѣвица душа не для утѣше́нья,
Все для слёзъ же меня молодца полюби́ла.
Потуха́ютъ во слезахъ мои ясны о́чи,
Изсыха́етъ бѣла грудь съ тяжкихъ воздыха́ній.
Да спаси́бо же тебѣ, синему кувши́ну,
Ты размыкалъ, разогна́лъ злу-тоску кручи́ну!»

Такого плаксу, воздыхальщика, не обрѣтающаго въ мужеской груди своей никакой нравственной опоры, а вливающаго въ себя смерть изъ синяго кувшина — не хочется назвать мужчиной — нѣтъ, Русская женщина соблюла въ себѣ больше нравственной доблести. Не въ ея власти средства перемѣнить жалкую судьбу свою; за то она не бѣжитъ ея малодушно, а бодро принимаетъ удары ея на непокорную грудь свою, и какъ бы увѣренная въ неистощимыхъ, безсмертныхъ силахъ души человѣческой, отважно пьетъ она горькую чашу бѣдствій, и въ ней будто обрѣтаетъ новыя силы для перенесенія новаго ряда скорбей, которымъ и конца не видно. Кто не знаетъ по себѣ, тотъ чувствуетъ изъ нижеслѣдующихъ пѣсенъ, что высочайшее несчастіе

(¹) здѣсь *Горе* олицетворяется, а потому муж. рода *зашелъ* и т. д.

заключаетъ въ себѣ уже своего рода наслажденіе и нѣкую высокую гордость:

«....Калину съ малѝнушкой вода поняла́,
На ту пору ма́тушка меня родила́. (*)
Не собравшись съ ра́зумомъ, за мужъ отдала́ —
На чужу́ дальнюю сторо́нушку.
Чужая сторо́нушка безъ вѣтра сушѝтъ,
Чужой отецъ съ ма́терью безвѝнно крушитъ.
Не буду я къ ма́тушкѣ ровно трѝ годка,
На четвёртой къ матушкѣ пта́шкой полечу,
Горемышной пта́шечкой, коку́шечкою.
Сяду я у ма́тушки въ зелено́мъ саду,
Своимъ кукова́ньемъ весь са́дъ изсушу,
Слезами горю́чими весь са́дъ потоплю,
Родимую ма́тушку се́рдцемъ надорву.
Матушка по се́ничкамъ поха́живаетъ,
Невѣстушекъ, ластушекъ побу́живаетъ.
— «Вы вста́ньте, невѣстки, голу́бки мои;
Что́ у насъ за пташка въ зелено́мъ саду?
Больша́я невѣстушка велитъ застрѣлѝть,
Меньша́я невѣстушка проситъ погодѝть.
Родная сестрѝца, заливши слеза́ми,
Мо́лвила: «не на́ша ль горюша сюда
Прилетѣла пта́шкой съ чужой стороны́?»

Но эти обиды отъ жестокихъ родныхъ мужа еще цвѣтки въ сравненіи съ его собственнымъ звѣрствомъ:

«Вы́дала меня матушка далече за́-мужъ,
Хотѣла матушка часто ѣзжа́ти,
Часто ѣзжа́ти, по-долгу гостѝти.
Лѣто прохо́дитъ — матушки нѣту,
Друго́е проходитъ — сыдарыни нѣту,
Третье въ дохо́дѣ — матушка ѣдетъ,
Ужъ меня ма́тушка не узнава́етъ:
— «Что́ это за баба, что за стару́ха?»
— «Я вѣдь не ба́ба, я не стару́ха,
Я твоё, матушка, милое ча́до?»
— «Гдѣ твое дѣвалося бѣлое тѣло,
Гдѣ твой дѣвался алый румя́нецъ?»
— «Бѣлое тѣло на шелковой плёткѣ.
Алый румя́нецъ на правой на ру́чкѣ.
Плёткой ударитъ — тѣла убавитъ,
Въ ще́ку ударитъ, — румя́нца не станетъ.»

Чтоже? вмѣсто проклятій и мщенія съ изумленіемъ встрѣчаемъ опять любовь и желаніе взаимства:

...«Промежду́-то насъ змѣя лю́тая,
Въ голова́хъ у насъ что сугро́бъ снѣгу.
Ты взойдѝ, взойди туча гро́зная,
Ты убе́й, расшиби змѣю лютую!
Возсіяй, просвѣти солнце кра́сное —

(*) Кажется здѣсь намёкъ на предразсудокъ, что вступающіе въ бракъ въ началѣ весны, особенно въ Маѣ мѣсяцѣ, будутъ всю жизнь свою *маяться* т. е. страдать.

Разогрѣй, растопи тотъ сугробъ
снѣгу!»

Кромѣ супружескихъ, воспѣваются и другія явленія семейной жизни, столь же безотрадныя, напр.: «На Моздокской степи, что протянулася до самаго Царицына и изукрашена большими дорогами, внезапная смерть настигла молодаго извощика; онъ прощается съ своими товарищами; проситъ ихъ «отвести на Святую Русь челобитье отцу, матери, по поклону всему роду, племени; молодой женѣ сказать волюшку на всѣ четыре сторонушки, малымъ дѣтушкамъ благословеніе».

«Ахъ не жаль-то мнѣ рода и племени,
И не жаль-то мнѣ молодой жены,
А мнѣ жаль-то малыхъ дѣтушекъ.
Остались дѣтушки малёшеньки,
Малёшеньки дѣтушки глупёшеньки,
Натерпятся холода и голода.»

— «Далече, во чистомъ полѣ, словно звѣздочка, горитъ огонекъ; на шелковомъ коврѣ лежитъ раненый молодецъ; прижимаетъ платкомъ рану смертную; добрый конь, его ратный товарищъ и пайщикъ во службѣ царской, бьетъ копытомъ о сыру землю и зоветъ его на родину; но онъ отсылаетъ его одного домой съ извѣстіемъ къ молодой женѣ:

«Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за нею я взялъ поле чистое;
Насъ сосватала сабля острая,
Уложила спать калена стрѣла.»

---

195. Пѣсни плясовыя.

Характеръ Русской пляски. Главную прелесть деревенской пляски составляетъ то обстоятельство, что она есть выраженіе дѣйствительнаго веселья; не увидишь, чтобы пляшущій на лицѣ своемъ носилъ какую-нибудь буднишнюю мысль; но онъ предается порыву веселья всѣмъ существомъ своимъ; а потому для хорошей пляски потребна сильная степень восторженности и какъ бы вдохновенія, къ которымъ не всякій и не всегда способенъ; откуда и произошла пословица, что «пляска на роду приходитъ.» И такъ это первое отличительное свойство народной пляски, что въ ней принимаютъ участіе не для моціона, развлеченія, или разговоровъ, или какихъ-нибудь вообще постороннихъ цѣлей, а предпринимается она безъ всякихъ заднихъ мыслей; она сама себѣ цѣль, какъ внезапная и вольная пѣснь поэта. И тогда какъ при самомъ изобрѣтеніи модныхъ, искуственныхъ танцевъ имѣлось въ виду лишь произвесть иллюзію, какъ толкуютъ всѣ танцмейстеры, т. е. чтобы сдѣлать что-нибудь похожее на веселье, народная пляска есть искреннее выраженіе разгула. Отсюда объясняется вторая характеристическая черта народной Русской пляски, что въ ней участвуютъ не однѣ ноги, хотя за ними всё таки главная роль, но все тѣло плясуна предается разгулу, такъ что у него «всѣ кости пляшутъ и суставы говорятъ.» — Русская пляска имѣетъ большое сходство съ древними классическими, отрывочными изображеніями которыхъ мы такъ восхищаемся на геммахъ, античныхъ вазахъ, древнихъ фрескахъ, мозаичныхъ картинахъ и барельефахъ. И у насъ характеръ мужской пляски — похвальба силою въ этомъ могучемъ и учащенномъ топотѣ и

привскачкахъ, и при томъ гибкостію всѣхъ членовъ въ этихъ трудныхъ позахъ и присядкахъ. Женская пляска, въ прекрасный контрастъ къ мужской, состоитъ изъ движеній нѣжныхъ, плавныхъ. Въ пляскѣ мужчины съ женщиной каждая фигура имѣетъ смыслъ и значеніе, а цѣлое есть чудное пантомимное представленіе исторіи любви; при чемъ движенія головы, плечъ, рукъ и всего стана получаютъ высокую красоту по выражаемымъ ими чувствамъ.

Прекрасное изображеніе Русской пляски находимъ у Державина:

«Какъ, склонясь главами, ходятъ
(Русскія дѣвушки),
Башмачками въ ладъ стучатъ;
Тихо руки, взоръ поводятъ,
И плечами говорятъ.»

Или еще лучше у Г. Вельтмана:

«Трынъ, трынъ, трынъ,
Что это за пѣсня!
Такъ и подмываетъ,
Такъ и поджигаетъ:
Всё бы скокъ, да скокъ,
Всё бы чокъ, да чокъ,
Каблучёкъ въ каблучёкъ,
Кулачёкъ подъ бочёкъ!
Трынъ, трынъ, трынъ!
Что это за пѣсня!
Струнка грянетъ, загудётъ;
Милка встанетъ, ручкой манетъ,
Очи сладко заведётъ.
Ходи разъ, ходи два!
Выбирай переборы,
Выводи ногой узоры,
Выплетай кружева.»

Кромѣ хороводныхъ плясокъ, и плясокъ вдвоемъ и втроемъ, есть и одиночныя; онѣ самыя быстрыя и летучія; фигуры большею частію импровизаруются подъ звонъ тазовъ, серповъ и косъ, подъ ладъ воемъ, хоромъ припѣваемыхъ, или хоть подъ удары въ ладоши, безъ чего, т. е. «подъ сухую», никто плясать не станетъ. Въ этихъ пѣсняхъ, съ перваго взгляда, поражаетъ почти всегдашнее ихъ сатирическое направленіе, которое развѣ тѣмъ только объяснить можно, что душа, истомленная подъ гнетомъ ежедневныхъ, житейскихъ непріятностей, порываясь къ разгульному веселью, съ презрительнымъ смѣхомъ сбрасываетъ съ себя всѣ тяготившія ее цѣпи.

Такъ напр. молодецъ, взявшись за гусли, осмѣиваетъ бракъ съ старою бабою:

«Стáру бабу за себя бы ему взять,
Стару бáбу на печи бы держать,
Стару бáбу киселёмъ бы кормить,
Сытóй бабу припáивати.»...

Молодица отводитъ себѣ душу, потѣшаясь надъ старымъ мужемъ:

«Вы гудки не гудите,
Стáраго мужа не будите!
Стáрый мужъ спитъ съ похмѣлья —
Съ велúкаго перепóя.
Встáнь, старый хрѣнъ, проснúся,
Ой, сѣдáя борода, пробудúся!
Вотъ тебѣ помóйцы — умóйся,
Вотъ тебѣ рогóжка — утрúся;
Вотъ те боронá — расчешúся,
Вотъ те заслóнъ — помолúся,
Вотъ тебѣ кáмень — подавúся!

А потому дѣвушка проситъ выдать ее за-мужъ за молодаго:

«Ахъ, ты бáтюшка родúмый мой,
Ты прими слово лáсковое,
Полюби слово привѣтливое:
Не отдáй меня за стáраго за-мужъ,
И я стáраго на-смéрть не люблю,
И я съ стáрымъ гулять не иду....
Ты отдáй меня за рóвнюшку за-мужъ,

Ужъ я ро́внюшку душо́й люблю,
«И я съ ро́вней гуля́ть пойду
и проч.»

Достается также и милымъ, и мужьямъ, особенно за пьянство:

»У меня́ ли мужъ
Горькій пья́ница.
Онъ вина́ не пьётъ,
Съ воды пья́нъ живётъ.»
или
«Что́ то мой за ми́лый
Что́ то за прекра́сный!
Никуда́ не хо́дитъ —
До́ма не быва́етъ!
Не пьётъ онъ хмѣльна́го
Окромѣ́ проста́го
Вина́ зелена́го.»

Воспѣваются также смѣшныя сцены непріязни тещи къ зятю и на оборотъ.

Но иногда, забывая всѣ домашнія дрязги, молодица передается безотчетному веселью, разгулу молодыхъ силъ:

«Вѣдь я не умѣ́ю
Горе горева́ти;
«Только я умѣ́ю
Скакати, пляса́ти.»
«Скачи́, пляши ди́тятко,
Пока ста́рость не пришла́;
Коли ста́рость къ намъ придётъ,
Такъ мы́ ее пришибёмъ
Софья́нниинькимъ башмачко́мъ.»

Къ такому невинному самозабвенію, судя по пѣснямъ, способна еще только женщина; мужчина не умѣетъ расплясать свое горе на трезвую ногу.

«Мнѣ томне́нько молоде́денькѣ
Нигдѣ мѣста не найду́.......
Сяду пря́сть — пряжа рвётся,
Донце ѣздитъ подо мно́й;
Пряжа рвётся, не спори́тся,
Вертено́ изъ рукъ вали́тся,
Мочка кло́чется:
Гулять хо́чется.

———

196. Пѣсни солдатскія и казацкія.

Эти оба рода пѣсенъ могутъ быть подведены подъ одинъ разрядъ по той причинѣ, что подъ послѣдними здѣсь разумѣются не тѣ истыя казацкія пѣсни или думы, которыми такъ богата Малоро́ссія, и которыя въ Великоро́ссіи совсѣмъ не употребительны, но перенятыя вѣроятно отъ казаковъ солдатами и передѣланныя ими по своему, такъ что и по языку онѣ ровно ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ Ру́сскихъ. Изъ числа же солдатскихъ въ народѣ употребительнѣе тѣ, въ коихъ изображается не какое-нибудь славное военное событіе, но жизнь солдатъ вообще. Напр:

«По́лно вамъ, снѣжо́чки,
На тало́й землѣ лежа́ть!
По́лно вамъ, солдатушки, го́ре горевать!
Оставля́й тоску — печаль въ те́мныихъ лѣсахъ
Станемъ привыка́ть мы къ Туре́цкіимъ степя́мъ,
Къ Туре́цкимъ степямъ, къ Францу́зскимъ городамъ!
Забыва́й, солдатушки, отца́, матерь, жену!
По́мните, служивые, теса́къ, ружье, суму!
Съ дѣвками, съ молодками по́лно намъ гулять!
Перя́ны подушечки пора́ намъ забывать, —
Стоять въ карау́лѣ — намъ не на́добно дремать.
Хо́дя наѣдимся, стоя вы́спимся,
На зарѣ́ мы встанемъ, слезьми умо́емся;

Кручи́ной утремся; Богу мо́-
лимся:
«Дай, Боже, солдатушкамъ по-
жи́ть, послужить,
«За свою сторо́нушку голо́вку
положить!»
Есть ли у васъ, солдатушки, кру-
па́ и мука?
Хлѣ́бовъ напечемъ, густой ка́ши
наваримъ.
Сло́жимся по денежкѣ, мы ку́-
пимъ винца;
Вы́пьемъ мы по рюмочкѣ, вы́-
пьемъ винца,
Выпьемъ по друго́й — разгу-
ля́емся;
По тре́тьей мы выпьемъ, сами
пѣсни запоемъ;
Пѣсни запоёмъ, въ похо́дъ ско-
ро пойдемъ.»

Или въ нихъ описывается наборъ рекрутъ и ихъ слезное разставаніе съ родными:

«Набирали молодцевъ
Отъ матерей, отъ отцовъ,
Отъ женушекъ молодыхъ,
Отъ дѣвушекъ малыихъ.
Какъ женатаго везутъ,
Въ три ручья слезы текутъ;
Холостаго какъ везутъ,
Весело пѣсни поютъ.
— «Ужъ вы стары міроѣды,
Отойдите прочь отъ насъ,
Намъ теперя не до васъ;
Разставаться намъ сейчасъ.
Разставались, распрощались,
Заплакали, залились.»

Иногда воспѣваются сцены свиданія выходящихъ въ побывку солдатъ съ ихъ женами:

«Вы солдатушки, уланы,
Гдѣ жъ вы были, побывали?
— «Подъ Парижемъ мы стояли,
Подъ Можаемъ воевали;
Назадъ въ Москву приходили,
Ко вдовушкѣ заходили.....
Какъ большой гость впереди сѣлъ,
Подъ красное подъ окошко;
А вдовушка стала къ печкѣ,
Прижавъ ручки ко сердечку.
— «Ужъ ты вдовушка, вдовица,
Ты давно ли овдовѣла?»
— «И я въ горѣ позабыла!»
— «Подойди вдова поближе,
Поклонися мнѣ пониже;
Ты сними съ меня фуражку,
Во фуражкѣ полотенце:
Не твово ли рукодѣльца?
Въ полотенцѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстенечекъ,
Не наше ли обрученье?»

А вотъ одна изъ старинныхъ трагическаго содержанія:

«Какъ братъ съ бра́томъ по-
встрѣча́лися,
Повстрѣча́лись они — поздоро́-
валися:
— «Ты здоро́въ ли, братецъ,
во слу́жбѣ былъ?»
— «Ты здоро́во ли, братецъ,
своимъ до́момъ жилъ?
Здоро́ва ль моя молода́ жена?»
— «Какъ, твоя́, братъ, жена,
пропила́сь она вся!
Босико́мъ ходитъ она распоя́с-
кою,
Какъ въ одно́мъ-то шлычку, безъ
коко́шничку!»
Подъѣзжа́етъ молодецъ къ ши-
ро́ку ко двору,
Тесо́выя ворота растворёны сто-
ятъ,
Молода́я жена у воро́тъ стоитъ.
— «Ты здоро́во же мужъ, мой
серде́чный другъ!»
Какъ и му́жъ то женѣ ничего не
мо́лвилъ,
Вынима́етъ молодецъ саблю
о́струю,
Ужъ и ссѣкъ женѣ буйну го́лову,
Покати́лась голова къ коню по́дъ
ноги.

Какъ пошёлъ-то молодецъ во конюшенку,
Во конюшенкѣ стоятъ кони пѣгіе;
Какъ пошёлъ молодецъ во темный во погребъ,
А тамъ сороковыя кухвы заплеснѣли, —
Какъ сладкіе-то меда позакиснули;
Какъ пошёлъ-то молодецъ въ нову горенку,
Въ новой горенкѣ сундуки стоятъ;
Въ сундукахъ лежитъ цвѣтное платьице.
Какъ пошёлъ-то молодецъ въ высокой теремъ,
Какъ въ высокомъ-то теремѣ колыбель виситъ,
Въ колыбели-то лежитъ малое дѣтище.
Какъ ударился молодецъ объ дубовый столъ:
«Ужъ почто я слушался брата моего,
И ссѣкъ, сгубилъ женѣ буйную голову.»

Нѣкоторыя солдатскія пѣсни сложены повидимому еще во времена Петра Великаго, гдѣ воспоминается о войнѣ съ Шведами въ Лифляндіи подъ начальствомъ любимаго «большаго царскаго боярина, Графа Бориса Петровича Шереметева», о битвѣ подъ Полтавой, о смерти 1-го Императора.

Другія относятся къ Прусскимъ походамъ въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, при чемъ много толкуется о какомъ то Генералѣ Краснощёковѣ, который взялъ будто бы «укрѣпушку» Берлинъ городъ; и еще большее число ко временамъ Екатерины II-й; въ этихъ восхваляются Румянцевъ и Лопухинъ; Потёмкинъ же крѣпко охуждается:

«Какъ Потемкинъ Генералъ
Всіе силу растерялъ.»

Вообще же сужденія солдатъ о политическихъ причинахъ войнъ весьма забавны. Вотъ какъ напр. объяснили они себѣ поводъ къ войнѣ съ Шведами при Екатеринѣ II-й:

«Пишетъ, пишетъ Король Свейскій
Къ Государынѣ письмо:
— «Чтобъ Росейская Царица
Замирилась бы со мной!
А не хочетъ-де мириться,
Отдай мои города:
Отдай Рыгу, отдай Ливиръ (Ревель),
Отдай славный Краиштанъ (Кронштадтъ);
Моимъ милымъ барабанщикамъ
Квартиры роспиши!
Рядовымъ моимъ солдатамъ
По купеческимъ домамъ;
Моимъ штаберъ-офицерамъ
Въ каменной Москвѣ;
А мнѣ королю Свейскому
Въ Кремлѣ городѣ стоять!»

Изъ новѣйшихъ солдатскихъ пѣсенъ можно слышать объ Аракчеевѣ весьма съ невыгодной стороны, объ «красномъ солнцѣ» Кутузовѣ и наконецъ о Турецкомъ походѣ 1829 года:

«Какъ нашъ батюшка Царь Николай то Государь
По своей славной армеюшкѣ похаживаетъ:
Онъ солдатушекъ, ребятушекъ выспрашиваетъ:
— «Хорошо ли вамъ, ребятушки, на приступѣ стоять?»
Мы на приступѣ стояли, на правомъ на крылѣ,
На правомъ на крылѣ, на камышевой травѣ.

Охъ! Камышева трава много слёзъ приняла,
Много слёзъ приняла, много гóря видѣла.
Какъ нашъ бáтюшка Царь, Николáй то, Государь
По своей славной армеюшкѣ похáживаетъ,
Онъ солдáтушекъ, ребятушекъ уговáриваетъ:
«— Вы не плáчьте, ребята, не горюйте молодцы!
«Славной óсени дождемся, мы въ Росéюшку взойдемъ!»....

. . . .

Въ такъ называемыхъ казáцкихъ пѣсняхъ рѣчь идетъ больше все о томъ, какъ «возмутился славный синій Донъ до самаго до устыща», а возмущается онъ напр. отъ того, что казаки бранятъ воеводу съ Москвы́:

«Они вéсело гребутъ, сами пѣсенки поютъ,
Они хвáлятъ, величаютъ правослáвнаго Царя,
А бранятъ они, клянутъ воевóду,
Что съ женóю и съ дѣтьми и со внучáтами.
«— Заѣдáетъ онъ, собака, наше жáлованье,
Кормовóе, годовое наше дéнежное.»

Съ другимъ же подобнымъ воеводой они будто бы и хуже того поступили:

«Подымáлся сы Москвы большой боя́ринъ,
Похваля́лся всѣхъ казаковъ перевѣшать.
Казакѝ, братцы, тотчасъ догадáлись,
Во едѝный кругъ они собирáлись.
Среди крýга сталъ царевъ боя́ринъ.
Онъ стáлъ читать государевы укáзы:
Дочитáлся онъ до царскаго титýла,
Казакѝ всѣ шапки поснимáли;
А большóй царевъ бояринъ шляпы нé-снялъ.
Отъ тогó Казаки взволновáлись,
На боя́рина они брóсились,
Буйну гóлову его срубѝли,
А бѣло тѣло въ тихій Донъ брóсили,
И убѝвши, тѣлу говорѝли:
«Почитáй ты, бояринъ, Государя,
Не гордѝсь ты передъ нимъ, и не слáвься.»
Ко Царю они съ повинной приходѝли:
«Ты гóй еси батюшка, правослáвный Царь!
Ты судѝ насъ праведной распрáвой!
Повелѝ надъ нами дѣлать, что изволишь;
Ты волёнъ надъ нашими буйными головáми!»

Или вотъ напр. «славный тихій «Донъ возмутился, сверху до низу, до самаго до устыща до города Черкáсска, отъ того что «распустилъ своихъ ясныхъ соколовъ, что Казакъ Игнáтьюшка Ивáновъ, по фамильицѣ Некрáсовъ, ушелъ, увелъ силы, рати 40 тысячъ, окромѣ стариковъ старо«женныхъ, опричь малолѣтковъ и «малолѣтнихъ. Онъ

«....пишетъ нá скоро грáмотку,
Ни перóмъ пишетъ, ни чернѝлами,
Пѝшетъ своими горючьмѝ слезьми
Ко Грáфу Долгорýкому:
«Ты спасѝбо, нашъ бáтюшка!
Поилъ, кормилъ, берегъ, жáловалъ,
Ты въ однóмъ же на насъ батюшка прогнѣвался,
Захотѣлъ старикамъ усы, бóроды брить,
И молоды́хъ дѣтей въ солдáты брать.»

---

197. Разбойничьи, разгульныя или удалыя пѣсни.

Какъ разгульныя, такъ и удалыя пѣсни можно причислить къ одному роду съ разбойничьими. Тѣ и другія, судя по ихъ названію, кажется, не заслуживали бы изученія; но, проникнувъ въ основную ихъ мысль, мы найдёмъ, что и онѣ не приносятъ безчестія народной поэзіи; потому что въ нихъ не прославляется отчужденіе отъ всѣхъ гражданскихъ и нравственныхъ законовъ. Напротивъ, въ разбойническихъ, напримѣръ, пѣсняхъ основою содержанія служитъ чувство неизбѣжности законнаго воздаянія за преступленія; и это-то сознаніе потребности правосудія, выраженное самими преступниками (большая часть разбойническихъ пѣсенъ, по преданію, сочинена извѣстными разбойниками: Стенькой Разинымъ, Ванькой Каиномъ и др.), придаетъ имъ нравственное и вмѣстѣ поэтическое достоинство и объясняетъ народное къ нимъ пристрастіе.

Подобно тому разгульныя и удалыя пѣсни, при безотчетномъ, по видимому, весельѣ, большею частію содержатъ въ себѣ тайную насмѣшку, прикрытую именно этою самою веселостію:

«Ахъ Пашенька, Просковьюшка талантливая!
Растворитъ она квашонку на донышкѣ,
По уторамъ-то мука, середи квашни вода.
Три недѣли хлѣбы кисли, не выкисли,
На четвертую недѣлю замолаживались.
Какъ на пятую недѣлю стали хлѣбушки валять;
Она по полу валяла, по подлавичью катала,
На печи пекла, кочергой сгребла.
Она склала въ коробокъ, поѣхала въ городокъ,
Ахъ, никто хлѣбы не купитъ, никто даромъ не беретъ;
Лишь пришла свинья - аксинья, стала хлѣбы торговать,
Торговать н'(е) наторговала, только рыло измарала,
Только рыло измарала, три недѣли прохворала,
На четвертую недѣлю свою душу отдала.»

«Не шумй, мати - зелёная дубро́вушка!
Не мѣша́й мнѣ, добру молодцу, думу ду́мати!
Какъ за-у́тра мнѣ, добру молодцу, на допро́съ ити
Передъ гро́знаго предъ судью — самого́ царя.
Ужъ какъ ста́нетъ царь, Государь меня спра́шивати:
«Ты скажй, скажи, дѣтинушка, крестья́нскій сынъ!
Ужъ и съ кѣмъ ты, воръ, воровалъ, съ кѣмъ разбо́й держалъ?
Еще, мно́го ли у тебя было това́рищей?»
— «Я скажу́ тебѣ, надёжа, Православный Царь!
«Всіё пра́вду скажу тебѣ, всю йстину:
Что това́рищей у меня было че́тверо.
Ужъ какъ пе́рвый мой товарищъ — темна но́ченька,
А второ́й-то мой товарищъ — то тёмный лѣсъ,
А какъ тре́тій мой товарищъ — мой вѣ́рный конь,
А четвёртой мой товарищъ — була́тный ножъ,
А разсы́льщика мои — то калены стрѣлы!»

Какъ взговоритъ, надежа, православный царь:
«Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, и отвѣтъ держать.
Я за тó тебя, дѣтинушка, пожáлую
Средѝ поля палатами высóкими —
Что двумя ли то столбами съ перекладиною!»

«Во градѣ было во Кіевѣ
Жилá, была вдова богáтая;
У ней было дéвять сыновей,
Десятая — дочь любимая;
Ее брáтья возлелѣяли,
Возлелѣявъ за-мужъ вы́дали
За младáго за морянина,
За хорóшаго боярина.
Поѣхалъ онъ съ нею зá-море;
Тамъ гóдъ живутъ, и другóй живутъ,
На трéтій годъ встосковáлися,
Поѣхали къ своей мáтушкѣ;
Они дéнь ѣдутъ и другóй ѣдутъ,
На трéтій день становѝлися
Кáшу варить и конéй кормить.
Не злы вóроны налетáли,
Наѣхали злы разбóйники,
Морянина смерти прéдали,
Моряченка въ море брóсили,
Морянушку въ полóнъ взяли.
Разбóйники послѣ спáть легли.
Одѝнъ изъ нихъ не спитъ, не лежитъ,
Не лежи́тъ онъ, Богу мóлится:
Самъ морянку выспрáшиваетъ:
— «Морянка, морянка, морянушка,
Изъ котóраго ты гóрода?
Ты какóго отца-мáтери?»
«— Я гóрода, сударь, Кіева.
Жилá, была вдова богáтая,
У ней было дéвять сыновей,
Десятая я нéсчáстная.
Меня братья возлелѣяли,
Возлелѣявъ за-мужъ вы́дали
За младáго за морянина,
За хорóшаго боярина»
Взвóпилъ онъ тутъ громкимъ гóлосомъ:
«Вы брáтья, вы братья родимые!
Не морянина мы зарѣзали,
Не моряченка въ море брóсили!
Мы зарѣзали зятя мѝлаго,
Въ море брóсили племянника,
Полонѝли сестру рóдную!
Сестрица, сестрица родимая!
Не скáзывай нашей мáтушкѣ;
Опять тебя отдадимъ за-мужъ,
Надѣлимъ тебя больше прéжняго.»
Чтó возговоритъ во слезáхъ сестра:
«Вы чѣмъ меня ни надѣлите,
Милá друга не воскрéсите.»

---

198. Общіе выводы объ народной Словесности.

а) Черты народнаго юмора въ Русскихъ пѣсняхъ.

Склонность поострить, или по народному выраженію «поскалить, поточить зубы», явственно отразилась лишь въ пѣсняхъ плясовыхъ, шуточныхъ, удалыхъ и вообще въ пѣсняхъ веселаго содержанія. Во всѣхъ же прочихъ родахъ пѣсенъ преобладающій въ нихъ трагическій элементъ скорби, въ слѣдствіе истинныхъ и дѣйствительныхъ житейскихъ страданій, дѣлаетъ всякія шутки неумѣстными. Вообще же шутка въ пѣсняхъ отличается нѣкотораго рода добродушіемъ, но это добродушіе только наружное, и острота язвитъ тѣмъ злѣе, что неожиданно выскакиваетъ изъ-подъ притворнаго комплимента, какъ змѣя изъ — подъ цвѣтка:

«Тёща, ты тёща моя,
Богодáнная мáтушка,

Ты поди́-ка, живи́ у меня:
А рабо́ты не ро́бь на меня:
То́лько ты ба́ню топи,
То́лько ты во́ду носи,
Ещё мнѣ ребёнка качай.»

— «Дру́женька хоро́шенькій!
Дру́женька приго́женькій!
(на немъ).... Башмачки́ хороши́,
Лишь подо́швы изошли́ ([1]),
Чулки но́вые — пятки го́лыя.
Дружко воро́та рублёмъ отпи-
раетъ,
Коло́мъ запираетъ: ([2])
Его по де́нежкамъ встрѣча́ютъ,
А дуби́ной провожа́ютъ.
Поѣ́халъ дружко воева́ти
Вокругъ пе́чи да на пала́ти,
Со лю́тыми со звѣря́ми,
Съ тарака́нами, со сверчка́ми.»

«Сваха на свадьбу спѣши́ла,
На муто́вкѣ рубашку суши́ла,
Стучи́тъ, гремитъ на у́лицѣ,
Ѣдетъ сваха на курицѣ.
Ужъ какъ дру́жка то Заха́ръ
Го́нитъ ее сзади на база́ръ
Прода́ть хотя не изъ ро́жи,
А пу́сть хоть бы изъ ко́жи.
Да не оди́нъ мясникъ божи́тся,
Что и шку́ра не годи́тся;
Оди́нъ только Марты́нъ
Давалъ съ ку́рицей алты́нъ.»

«Называ́ютъ насъ ворогами-раз-
бо́йниками.
И мы, бра́тцы, вѣдь не воры ни
разбо́йники;
Мы люди до́брые, ребята все
пово́лжскіе,
Еще хо́димъ мы по Волгѣ не
пе́рвый годъ,
Воровства-гра́бительства дово́ль-
но есть.»

([1]) износились. ([2]) объясненіе въ слѣдующихъ двухъ стихахъ.

«Хороша́ наша дере́вня, —
Только у́лица грязна́;
Хороши́ наши ребя́та, —
Про нихъ сла́вушка худа́:
По ноча́мъ рыбу лови́ли
По анба́рамъ, по клѣтя́мъ,
По чужи́мъ сундука́мъ.
Какъ у дя́ди у Петра́
Мы пойма́ли осетра́,
Какъ хоро́шъ, хорошъ осётръ,
Онъ боро́дкою трясётъ.»

«Какъ мужъ жену люби́лъ,
Щепетнёхонько ([3]) води́лъ:
По морозу босико́мъ,
По кра́пивѣ нагишо́мъ.
Какъ жена́ мужа люби́ла,
Щепетнѣ́й того води́ла:
Въ тюрьмѣ́ мѣсто откупи́ла....»

«Бу́дешь ли, него́дный мужъ,
Пуска́ть меня въ го́сти?»
— «Госуда́рыня жена́,
Ступа́й во́все!»

«А слове́чушко промо́лвитъ,
За други́мъ въ карма́нъ пойдетъ.»

«У боя́рскаго сы́на
Око́шки косы́я,
Лаке́и босы́е,
Соба́ки борзы́я.»

— «Давно́ мы съ тобой не ви-
да́лися!»
Говори́тъ дѣвка, улыба́ючись:
— «Что съ то́й поры, какъ раз-
ста́лися!»

«У меня́ ли у младой въ домѣ
у́брано:
Ложки вы́мыла — во щи вы́-
лила.»

«Какъ бурла́цкіе пожитки

([3]) щеголевато.

Ужъ добры́, да не вели́ки;
Одна ло́жка, да кото́мка,
Еще тре́тья-то обёртка.» (4)

«Подари́лъ меня государь батюшка жено́ю,
Глу́пою женою, неразу́мной:
Я за гудо́къ, а она за пляску;
Я въ гудо́къ играти, а она мота́ти! (5)
Не́-за-чѣмъ въ люди по кручи́ну; —
До́ма кручинушки дово́льно!
Подари́лъ меня государь батюшка жено́ю,
Умною женою и разу́мной:
Я за гудо́къ, а она за пѣсни;
Я въ гудо́къ игра́ти,
А она́ пляса́ти;
Не́-за-чѣмъ въ люди по-весе́лье; —
До́ма весельица дово́льно.»

«Сова́ у насъ на морѣ воево́дила:
То́-то высокія бро́ви!
То́-то веселые взгляды!
То́-то хорошая похо́дка!
Съ но́жки на ножку ступа́етъ,
Высо́кія брови поднима́етъ.»

«Разсыпался крупенъ жемчугъ по атла́су:
Залила́ся душа-дѣвушка слеза́ми.»

«Чужа́я сторонушка го́ремъ вся изнасѣяна,
Слеза́ми поливана, печалью огоро́жена,
Печалью огоро́жена, а скорбью подвя́зана.»

«Отлелѣяла, отлелѣяла Во́лга
Бы́стра рѣченька съ круты́хъ береговъ:
Отжи́лася, отнѣжилась
Свѣтъ Праско́вья душа у ба́тюшки.»

«Вокру́гъ мо́ря синяго Хвалы́нскаго
Облегли́ туманы со моря́нами:
У души́ красной дѣвицы
Вокру́гъ ея ретива́ сердца
Облегла́ тоска со кручи́ной.»

«Не горѣть тебѣ, свѣча,
Противъ со́лнечна луча́,
Ужъ не бы́ть тебѣ, свёкру,
Противъ ба́тюшки родна́го.»

«Чужи́ люди — словно тёмный лѣсъ.»

«Прилега́йте, кудри чёрныя,
Къ моему́ лицу бѣлому,
Къ лицу бѣлому, румя́ному:
Привыка́й, душа-дѣвушка,
Къ моему́ уму-ра́зуму,
Ко нра́ву молоде́цкому.»

«Бѣлъ за́юшка, горноста́юшка!
Куда́ бѣжишь, не огля́нешься?
Или у тебя прилу́ка есть гдѣ?
Прима́на есть гдѣ?
Прилу́ка моя — зелёные луга
Прима́на моя — ключева́я вода.
Ты Хри́синька Миха́йловна!
Куда́ идешь — не огля́нешься?
Или у тебя прилу́ка есть гдѣ?
Прима́на есть гдѣ?
Прилу́ка моя ты, Ива́нъ-сударь!
Прима́на моя — ты Ива́новичъ!»

«Во́тъ она идетъ, будто па́ва плыветъ.»

«Какъ у мѣсяца золоты́е рога,

---

(4) Вѣроятно *ля́мка*, т. е. веревочная тесьма черезъ плечо, которую пристегиваютъ къ бичевѣ и тянутъ барки.
(5) *нитки въ клубокъ.*

Какь у со́лнышка лучи я́сные:
На N.N. кудри ру́сыя,
Саморо́дныя, ненаёмныя
По плеча́мъ лежа́тъ,
Словно жа́ръ горя́тъ.»

«Не до́лго цвѣтику во са́дикѣ цвѣсти,
Не до́лго вѣночку на сто́почкѣ висѣть:
Не долго Ма́рьюшкѣ во дѣвушкахъ сидѣть;
Горди́сь, гордись, батюшка, не отдава́й!»

«Ле́бедь моя бѣлая,
Бои́шься ли моро́за?»
— «Я моро́за боюся,
За бѣлый снѣгъ схоронюся!»
«Ты Ма́шенька, ду́шенька,
Бои́шься ли свёкора?»
— «Я свёкора боюся,
За ба́тюшку схороню́ся!»
«Бои́шься ли Петра господина Петро́вича (молодаго мужа)?»
— «Я его не бо́юся,
Я съ нимъ обойму́ся.»

«Ви́лся, вился я́рый хмѣль
Около тычи́нки сере́бряныя;
Та́къ бы вились князья и бо́яре
Около Царя́ правосла́внаго!»

«Ты (конь умирающаго отъ ранъ воина) скажи́ моей молодо́й женѣ,
Что женился я на друго́й женѣ,
Что за не́й я взялъ поле чи́стое;
Насъ сосва́тала сабля о́страя,
Положи́ла спать калена́ стрѣла.»

«Ахъ, какъ бы на цвѣты́, да не моро́зы,
И зимо́ю бы цвѣты разцвѣта́ли!
Ахъ, какъ бы на меня́, да не кручи́на,
Ни о чёмъ бы я не тужи́ла.»

«У залётнаго ясна со́кола
Подопрѣло его правое кры́лышко;
Правое кры́лышко, правильное пёрышко:
У заѣзжаго добра мо́лодца
Что боли́тъ его буйная голо́вушка,
Что щеми́тъ его ре́тиво́ сердце
По ду́шечкѣ, красной дѣвицѣ.»

«Какъ не гро́мъ передъ тучею гря́нулъ,
Трои́лъ, пушка разроди́лась.»

«Не правди́ва малина! ска́зывала,
Бу́дто цвѣсти не бу́дешь,
Зелёнаго листика не пу́стишь,
Алаго цвѣтика не *вы́цвѣтишь*.
Какъ пришла́ та пора́,
Мали́нушка разцвѣла́,
Зелены ли́стики пусти́ла,
Алы цвѣтики расцвѣти́ла.
Не правди́ва Машенька Ива́новна
Ска́зывала: за-мужъ не пойду́, не подумаю,
Какъ пришла́ та пора́,
Маша за́-мужъ пошла́......»

«Черна я́года сморо́дина
Прилега́ла къ круту бе́режку:
Прилега́ли кудри ру́сыя
Ко лицу бѣлому, румя́ному.»

«Какъ не я́хонтъ по горницѣ кати́лся,
Не жемчу́жина за яхонтомъ увива́лась,
Ива́нъ-сударь на сговоръ снаряжа́лся,
Его ма́тушка родная убира́ла.»

«Ѣдетъ Петръ на вороно́мъ конѣ:
Ко́нь подъ нимъ, словно лю́тый звѣрь,
Грива у коня златомъ перевита
Са́мъ на конѣ, какъ соко́лъ на ру

б) Поэтическія описанія.

Рѣка ведётъ за собою круты́ берега.

Бѣлое лице потусми́лося,
Алые румянцы призакры́лися,
Брови чёрныя пріусмя́гнули,
Очи я́сныя помути́лися
Изъ оче́й слезы покати́лися.

Чёрны очи съ *поволо́кою.*

Какъ идётъ ея ди́тятко,
Скоры но́ги подгиба́ются,
Бѣлы ру́ки опуска́ются.

.... Со́лнышко восхо́жее
Высоко́ восходи́ло,
Далеко́ освѣти́ло
Черезъ лѣсъ, черезъ по́ле,
Черезъ си́нее мо́ре.

Кони, ко́ни вороны́е,
Изво́щики молоды́е,
Са́ни пи́саныя,
Узды ни́заныя,
Шлей стро́ченыя
Позоло́ченыя;
Возжи ле́нтовыя,
Позуме́нтовыя;
На изво́щикахъ перча́точки
Алы сере́бряны.

На коня́ онъ садится,
Подъ нимъ ко́нь весели́тся;
Онъ по́ лугу ѣ́детъ,
Лу́гъ зеленѣ́етъ,
Онъ бе́регомъ ѣ́детъ —
Вода́–то лелѣ́етъ.

Кати́лося солнце кра́сное
По синю́ своду небе́сному,
Броса́ло лучи я́ркіе
На лѣса́ густые и поля широ́кія.

Не зелёная тра́вушка
Не мя́гкая мура́вушка,
Въ чисто́мъ полѣ подъ ду́бикомъ,
Отъ до́ждика отъ кру́пнаго
Отъ ви́хора отъ бу́рнаго
Ко сыро́й землѣ прилега́етъ,
Бу́рюшки пройти не ча́етъ:
Приходи́ла Аннушка
Ко роди́мому ба́тюшкѣ,
Помути́лись очи я́сныя....

У доро́днаго добра мо́лодца
Въ три ряда́ кудри завива́лися,
Во четвёртый рядъ по плеча́мъ лежатъ.
Не са́ми кудри завива́лися;
Завива́ла красна дѣ́вица
По еди́ному русому во́лосу.

На у́лицѣ то до́ждь, то снѣгъ,
То вья́лица, то мяте́лица,
Кути́тъ, мутитъ, въ глаза́ несетъ.

Ахъ ты по́ле мое, поле чистое,
Ты раздо́лье мое широ́кое!
Ахъ! ты всѣ́мъ поле изукра́шено,
Ты тра́вушкой и мура́вушкой
Всё цвѣто́чками, василёчками...
Ты одни́мъ поле *обезче́щено*:
Посреди́ тебя поля чи́стаго
Выроста́лъ частъ раки́товъ кустъ.
Какъ подъ ку́стикомъ, подъ раки́товымъ,
Лежи́тъ убитъ до́брый мо́лодецъ,
Размета́въ свои руки бѣ́лыя,
Растрепа́въ свои кудри чёрныя,
Изъ ребёръ его поросла́ трава,
Ясны о́чи его пескомъ засы́пались...
Что не ла́сточки, не каса́точки
Вкругъ тепла́ гнѣзда увива́лися:
Увива́ются тутъ родна ма́тушка.
Она пла́четъ, какъ рѣка́ льется;
А родна́ сестра плачетъ, какъ ручей течетъ,
Молода́ жена плачетъ — какъ роса́ падётъ —

Красно со́лнышко взойдетъ, — росу вы́сушитъ.

...Сама протека́ла матка бы́страя рѣка,
Урыва́ючи круты кра́сны бережки,
Осыпа́ючи желты́ пески-сыпучи.

У меня́ ли молодца змѣя́ жена....
Змѣя изъ норы́ ползетъ — озира́ется,
По песку́ ползетъ извива́ется,
По травѣ ли ползётъ — всю траву́ сушитъ.

---

199. Народныя сказки.

Народныя сказки заслуживаютъ изученія по языку, иногда по многозначительности основной своей мысли и вообще по содержанію: нерѣдко въ нихъ можно найти любопытныя миѳологическія и космогоническія преданія. Онѣ раздѣляются на 1) богатырскія, 2) юмористическія, 3) сказки о животныхъ и 4) назидательныя.

1) *Богатырскія сказки* составились по видимому изъ остатковъ древнихъ историческихъ пѣсенъ объ временахъ дотатарскихъ, вполнѣ забытыхъ народомъ, и сложены, вѣроятно, не ранѣе 16-го столѣтія; потому что Тата́ры въ нихъ представлены побѣжденными отъ Русскихъ и встрѣчаются нѣкоторыя историческія имена изъ эпохи Самозванцевъ. Двухъ-сотъ-пятидесятилѣтнія страданія подъ игомъ Та́тарскимъ изгладили изъ памяти униженнаго народа славныя дѣла временъ давно минувшихъ, такъ что онъ забылъ самыя даже имена героевъ, бывшихъ украшеніемъ Россіи: Яросла́ва Му́драго, Влади́міра Монома́ха и др., и позднѣйшія преданія объ временахъ Тата́рскихъ и временахъ Самозванцевъ прилѣпилъ къ имени Влади́міра Св., увѣковѣченному Ру́сскою Церковію, и къ именамъ нѣкоторыхъ богатырей, вышедшихъ изъ среды народа, перемѣшавъ всё это съ темными воспоминаніями объ исконной борьбѣ своей съ дикими, нашельными Азія́тскими племенами, коихъ самыя названія впрочемъ позабыты. Стихія чудеснаго въ богатырскихъ сказкахъ свидѣтельствуетъ объ доисторическомъ общеніи народа съ Индіею, которая вспоминается въ сказкахъ какъ страна сверхъестественныхъ силъ природы и столь отдаленная, что лишь птицы, по заклинанію волхвовъ, могутъ достигать ея и приносить оттуда *живую и мертвую воду*. На части изрубленное тѣло срастается вмѣстѣ, если вспрыснуть его мертвою водою, а потомъ, когда уже цѣльный трупъ вспрыснешь живою водою, то покойникъ воспрянетъ молодцемъ и скажетъ лишь: «Ахъ, какъ долго я спалъ!» Въ этомъ миѳѣ скрывается, можетъ быть, воспоминаніе объ цѣлебныхъ источникахъ Индійскихъ или Кавка́зскихъ, и сюда же относятся тѣ *сильныя воды*, которыя сказочные богатыри пьютъ въ промежуткахъ единоборства. *Оборотничество*, играющее такую важную роль въ сказкахъ, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ вѣрованію Индійцевъ въ переселеніе душъ. Герои сказокъ чарами злыхъ людей, иногда же и собственнымъ знахарствомъ превращаются въ гнѣдыхъ туровъ (это почетная метаморфоза, какъ и у Индійцевъ въ корову) и во всякое другое животное и даже въ вещественный предметъ. Уродливый

образъ *Бáбы-Ягй*, *Костяной Ноги*, которая

«На ступѣ ѣдетъ,
Толкачемъ погоняетъ,
Помеломъ слѣдъ заметаетъ»,

кажется, также занесенъ древле изъ глубины Азіи, потому что Бáба-Ягá живетъ гдѣ-то далеко «за горами и долами, за тридевять земель» и всякій разъ изумляется, почуявъ Рýсскій духъ, и увидѣвъ Рýсскаго человѣка:

«Доселѣва Рýсскаго духу слыхомъ не слыхать было,
А вотъ Рýсскій духъ въ-очью проявляется.»

Многоглавые *змѣи*, съ которыми бьются Рýсскіе богатыри, у которыхъ вмѣсто каждой отрубленной головы выростаетъ по 10 новыхъ, олицетворяютъ несмѣтныя Азіятскія орды, еще въ первые вѣка Рýсскаго государства напиравшія на него съ востока, однѣ за другими, каковы были Хазáры, за ними Печенѣги, потомъ Пóловцы и наконецъ Монгóлы.

Сюда же можно отнести сказанія объ темномъ царствѣ, находящемся будто бы во внутренней пустотѣ земнаго шара, куда однако Рýсскіе богатыри тоже проникали, и о подземномъ царѣ *Кощéѣ-Ядунѣ-Безсмéртномъ* и о похожденіяхъ нашихъ витязей съ его прекрасными дочерями.

Богатырь означаетъ чрезвычайно сильнаго и ловкаго человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ удалаго, которому то есть всѣ предпріятія необходимо удаются. Нарожденіе богатырей происходитъ по особому назначенію Неба (Шевырева Исторія Рус. Лит. ч. I. стр. 98), и какъ необыкновенный феноменъ, нарушающій законы естества, сопровождается испугомъ и сотрясеніемъ всей природы:

«Нá небѣ просвѣтилъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
Въ Кіевѣ родился могýчъ богатырь....
Подрожáла мать сырá земля..
А и сйнее море всколебáлося
Для рáди рожденья богатырскаго....
Рыба пошла въ морскýю глубину,
Птйца полетѣла высокó въ небеса,
Тýры да олени за гóры пошли,
Зáйцы, лисицы по чáщицамъ,
А вóлки, медвѣди по éльникамъ,
Сóболи, куницы по островáмъ.»

Ильѣ Мýромцу, сидѣвшему сиднемъ 30 лѣтъ, то есть не владѣвшему ногами, сила послана была Провидѣніемъ черезъ двухъ прохожихъ нищихъ, которымъ онъ утолилъ жажду пивомъ. «Выпей-ка самъ,» сказали ему калѣки-перехожіе. Когда Илья́ выпилъ, они спросили его: — «Слышишь ли, Илья́, силу свою?», — «Слышу.» — «Какъ велика твоя сила?» — «Какъ бы былъ столбъ отъ земли до неба, и я перевернулъ бы всю землю.» — «Много дано силы Ильѣ́; земля не снесётъ. Поубавимъ силы,» говорятъ калѣки промежъ себя. «Сходи-ка опять за пивомъ, да напои насъ.» Илья́ принёсъ пива крѣпче прежняго; калѣки его попотчивали еще и силы въ немъ поубавилось какъ бы на седьмую часть. «Будетъ съ него», сказали калѣки и простились съ нимъ.

Кромѣ сверхъестественной своей силы богатыри ничѣмъ не отличаются отъ другихъ людей, такъ что неправославные богатыри, напр. Тугáринъ Змѣ́евичъ, ростомъ въ 3 сажени, у котораго промежъ плечъ косая сажень, промежъ глазъ ка-

лена стрѣла, а головушка съ пивной котелъ, считаются ужъ уродами. То правда, что богатыри ѣдятъ и особенно пьютъ не всегда въ мѣру обыкновеннымъ людямъ, напр. $1\frac{1}{2}$ ведра зелена вина за одинъ разъ; но это бываетъ лишь въ особенныхъ случаяхъ, на дальнюю дорогу, или чтобъ безвредно для другихъ показать свою силу. Вообще же сила богатырей изумительна. Напр. въ острастку разбойникамъ Илья́ Му́ромецъ стрѣляетъ по сыру дубу и

«Угоди́ла стрѣла въ сыръ кракови́стый дубъ,
Излома́ла дубъ въ черенья ножёвые . . .
Стани́шники (разбойники) съ коней попа́дали,
А и пя́ть часовъ безъ ума́ лежатъ.»

Взбросить человѣка выше древа стоячаго богатырю шутка. И конь богатырскій чуденъ, не менѣе своего хозяина. Какъ конь разсержается, то первый скокъ ступитъ за пять верстъ, а другаго ускока не можно найти:

«Богаты́рскій конь осержа́ется,
Отъ сыро́й земли отдѣля́ется,
Ма́лыя рѣки сквозь ло́гъ пропускаетъ,
А большія то рѣки хвосто́мъ застилаетъ,
Го́ры крутыя соколо́мъ перелетаетъ.»

или:

«Конь бѣжи́тъ, земля дрожи́тъ,
Изъ ноздрей пла́мя, изъ ушей ды́мъ столбомъ.»

Впрочемъ какъ витязи ни сильны, но гдѣ встрѣтятся съ сильнѣйшими себя, тамъ они не прочь подняться и на хитрость. Напр. *Добры́ня*, купаясь въ рѣкѣ, попался въ лапы къ *Змѣю Горы́нчищу*, изъ которыхъ ему не вырваться бы живому; но онъ взмолился къ врагу своему:

«А и го́й еси, Змѣище-Горы́нчище!
Не че́сть, не хвала молоде́цкая
На наго́е тѣло напуща́тися.»

Змѣй усовѣстился и пролетѣлъ мимо, а Добры́ня сталъ на рѣзвы ноги, дограбился до берега, да нагребъ шляпу песку желтаго, и какъ скоро змѣй снова налетѣлъ на него, бросилъ ему въ глаза шляпу съ пескомъ, и пока змѣй исправляется, Добры́ня схватилъ дубину и убилъ его до смерти. Особенно гораздъ былъ на хитрости *Алёша Попо́вичъ*. Предвидя встрѣчу съ *Туга́риномъ Змѣевичемъ*, Алёша снялъ съ себя богатырскую броню, на которую, вѣрно, плоха была надежда, да переодѣлся въ платье нищенское, и когда Туга́ринъ, завидѣвъ его и не узнавъ, спросилъ про Алёшу, то этотъ, прикинувшись глухимъ калѣкою, отвѣчаетъ:

«А и ты го́й еси, Тугаринъ Змѣёвичъ младъ!
Подъѣзжа́й побли́же ко мнѣ,
Не слы́шу я, что ты говоришь.»

И какъ тотъ, ничего не подозрѣвая, подъѣхалъ къ нему, Алёша хлеснулъ его шелепугою по буйной головѣ и расшибъ ему буйную голову. Богатыри отличаются всѣ набожностію:

«Встаётъ богатырь ранымъ-ранёшенько,
Утренней росою умыва́ется,
Бѣлой ширинкою утира́ется,
На восто́къ богатырь Богу мо́лится.»

Богатырь не начнетъ ни одно вѣрнаго дѣла, не благословивш напередъ крестнымъ знаменіе Войдя въ домъ, прежде всего с Спасову образу молится, и пото

уже привѣтствуетъ хозяина или ругнетъ его добрымъ порядкомъ, коли онъ иновѣрецъ и образовъ въ домъ не держитъ.

Можно еще похвалить богатырей за безпрекословное послушаніе волѣ родительской. Богатырь не пускается въ путь и не предпринимаетъ ничего важнаго, не испросивъ напередъ родительскаго великаго благословенія, напр.:

«Прихо́дитъ Василій Бусла́евичъ
Ко своей сударынѣ ма́тушкѣ . . .
Какъ вьюнъ около ея увива́ется,
Про́ситъ благословеніе вели́кое...
Что возговори́тъ матера́ вдова,
Матера́ Амельфа Тимоѳеевна:
— «Го́й еси ты мое, чадо ми́лое,
Молодо́й Василій Бусла́евичъ!
Коли ты пойде́шь на до́брыя дѣла,
Тебѣ да́мъ благословеніе вели́кое;
Коли ты, дитя́, на разбо́й пойдешь, —
И не да́мъ благословенія великаго,
А и не носи́ Василья сыра́ земля!»
Ка́мень отъ огня разгара́ется,
А була́тъ отъ жару растопля́ется,
Матери́нско сердце распуща́ется:
— «Побереги́ ты, Василій, буйну го́лову свою!»

Есть многознаменательное преданіе объ томъ, какъ витязи перевелись на Руси́ (Шевыр. Истр. Л. ч. I. стр. 201). «Семь уда́лыхъ Ру́сскихъ ви́тязей, семь могу́чихъ бра́тьевъ назва́ныхъ и въ ихъ числѣ: Алёша Попо́вичъ-младъ, Добры́ня мо́лодецъ матеро́й и каза́къ Илья́ Му́ромецъ выѣзжа́ли на Сажа́тъ (?) рѣку́. А черезъ Сажа́тъ рѣку́ переправля́ется си́ла Бусурма́нская, несмѣ́тная: и той си́лы до́брому мо́лодцу не объѣхать, сѣ́рому во́лку не обрыскать, чёрному во́рону не облетѣ́ть. Илья́ сзыва́етъ ви́тязей. Сбѣга́лись на зовъ его́ ви́тязи, сади́лись на до́брыхъ коне́й, броса́лись на си́лу Бусурма́нскую. Не сто́лько ви́тязи ру́бятъ, ско́лько до́брые ко́ни ихъ то́пчутъ. Би́лись три часа́ и три мину́точки, изрубили си́лу пога́ную. Побѣди́въ её, *загорды́нились* ви́тязи и ста́ли похваля́ться такъ: «не намаха́лись на́ши могу́тныя плѐчи, не уходи́лись на́ши добрые ко́ни, не иступи́лись на́ши була́тные мечи́!».

И вотъ пе́рвый Алёша Попо́вичъ младъ обезу́мѣлъ отъ го́рдости и говори́тъ: «подава́й намъ Си́лу небе́сную; мы и съ то́ю Си́лою, ви́тязи, спра́вимся.» Чуть промо́лвилъ онъ сло́во неразу́мное — слетѣ́ли дво́е небе́сныхъ во́ителей, и вѣща́ли они́ гро́мкимъ го́лосомъ: «а дава́йте съ на́ми, ви́тязи, бой держа́ть, хоть насъ дво́е, а васъ се́меро!» Разгорѣлся Алёша Попо́вичъ на тѣ слова́, по́днялъ онъ коня́ бо́рзаго, налетѣлъ онъ на небе́сныхъ во́ителей и разруби́лъ ихъ попола́мъ со всего́ плеча́, ста́ло че́тверо и живы всѣ! Налетѣлъ на нихъ Добры́ня мо́лодецъ, — разруби́лъ ихъ попола́мъ со всего́ плеча́ — ста́ло вдво́е бо́лѣе и живы всѣ! Бро́сились на Си́лу всѣ ви́тязи, ста́ли они́ Си́лу коло́ть — руби́ть; а Си́ла всё растётъ, да ростётъ, всё на ви́тязей съ боемъ идётъ. Би́лись ви́тязи три дня, три часа́, три мину́точки; намаха́лися ихъ плечи могу́тныя, уходи́лись ко́ни ихъ до́брые, иступи́лись мечи́ ихъ була́тные: а Си́ла всё растётъ, да растётъ, всё на ви́тязей съ боемъ идётъ. Испуга́лись могу́чіе витязи, побѣжа́ли они́ въ ка́менныя го́ры, въ те́мныя пеще́ры. Побѣжи́тъ витязь къ горѣ и окаменѣетъ, подбѣжи́тъ друго́й и окаменѣетъ. Съ тѣхъ-то поръ и перевели́сь ви́тязи на свято́й Руси́.»

2) Юмористическія сказки.

а) Пародіи богатырскихъ. Разувѣрившись въ томъ, что считалъ нѣкогда великимъ, народъ начинаетъ надъ нимъ смѣяться. Такъ по минованіи вѣка богатырства и самыя сказанія объ немъ мало по малу стали утрачивать свою прелесть въ глазахъ народа, который свое недовѣріе къ нимъ высказалъ вставкою умышленныхъ преувеличеній. Такъ напр. въ одной богатырской сказкѣ недоношенный младенецъ пускается въ перебранку съ своимъ батюшкой; въ другой разсказывается о шелепугѣ подорожной вѣсомъ въ 30 пудъ, хотя въ ней налито 50 пудъ свинца. Очевидно, что здѣсь сказка намѣренно завирается, можетъ быть, чтобы подурачить легковѣрнаго слушателя. И какъ безсмертный Сервáнтесъ своей пародіей рыцарства въ лицѣ Донъ Кихóта выразилъ всеобщее въ его время убѣжденіе въ несовременности этого учрежденія, такъ и нашъ народъ издѣвается въ нѣкоторыхъ сказкахъ надъ сказочнымъ богатырствомъ, нѣкогда приводившимъ его въ восторгъ, напр.

Сказка о богатырѣ Голѣ Воянскомъ.

„Мужичóкъ простачóкъ пахáлъ пашню; лошадёнка его́ былá хýденькая, хромонóгая, и ту облѣпи́ли слѣпни́ съ комарáми. Вотъ простачóкъ взялъ свой кнутъ, да взмахнýлъ такъ счастли́во, нади́во, что рáзомъ уби́лъ три́дцать трéхъ слѣппéй, а комарóвъ безъ счёта. Простачóкъ мужичóкъ дýмать сталъ: малъ да удáлъ, въ богатыри́ я попáлъ, три́дцать трёхъ молодцóвъ съ рáзу положи́лъ, а мéлкой си́лы и смѣ́ты нѣтъ. Гóлемъ мужичóкъ называ́лся. Смóтришь, и Голь взвеличáлся; вы́прягъ свою́ лошадёнку, взобрáлся на неё полегóньку, сѣлъ верхóмъ, вы́ѣхалъ на большýю дорóгу, сруби́лъ дéрево стоярóстовое и постáвилъ столбъ съ нáдписью: «здѣсь проѣхалъ богаты́рь Голь Воя́нскій, встрѣ́тился съ си́лой Бусурмáнской, три́дцать трехъ богатырéй съ рáзу положи́лъ, а мéлкой си́лы и смѣ́ты нѣтъ. Если какóй богаты́рь навстрѣ́чу ѣ́детъ, у столбá поджидáй, а позади́, такъ меня́ догоня́й.» Голь взобрáлся на кля́чу и въ путь пусти́лся на удáчу. Немнóго спустя́ ѣ́детъ мимо столбá Чури́ло Пленкóвичъ, нáдпись прочитáлъ — подиви́лся, Гóля нагнáть торопи́лся; такóго и́мени и не слы́хивалъ, а ви́дно могýчъ богаты́рь, такъ нáдобно съ ни́мъ подружи́ться. Чури́ло скáчетъ во вéсь опóръ, нагоня́етъ Гóля и спрáшиваетъ: „не проѣзжáлъ ли богаты́рь Голь Воя́нскій?» — «Я», сказáлъ Голь; «а ты кто?» «Чури́ло Пленкóвичъ», отвѣчáлъ молодóй богаты́рь, поклоня́сь, а самъ дýмаетъ: что за чудесá? Мужичóнка неви́дной, и ѣ́хать съ нимъ сты́дно; самъ онъ шарáшится, а кля́ча чуть тáщится. — «Ступáй въ наýку, поѣзжáй по лѣ́вую рýку!» сказáлъ Голь, и Чури́ло въ раздýмьѣ поѣхалъ вóзлѣ негó, на Воя́нскаго богатыря́ посмáтривая и на кля́чу поглядывая. Между тѣмъ ѣ́детъ Еруслáнъ Лáзаревичъ ми́мо столбá съ нáдписью, прочитáлъ и ну — коня́ гнать за Гóлемъ Воя́нскимъ. Догнáлъ, и увидя знакóмаго Чури́ла, спроси́лъ, не видáлъ ли онъ Гóля? Чури́ло указáлъ на товáрища. Еруслáнъ Лáзаревичъ поклони́лся, а самъ подиви́лся. «Погоня́й въ ряду́ по прáвую рýку» сказáлъ емý Голь. На ту по

нагоня́етъ ихъ ещё богаты́рь, Бова́ Короле́винъ сынъ; на́дпись на столбѣ́ прочита́лъ и коня́ погоня́лъ отъи́скивать Го́ля Воя́нскаго, побѣди́теля Бусурма́нскаго; ви́дитъ мужичка́ на крячо́нкѣ, та́щится потихо́ньку, а по сторона́мъ его́ ѣ́дутъ два сла́вные богатыря́, Еруслáнъ Ла́заревичъ и Чури́ло Пленко́вичъ, говоря́тъ съ нимъ почти́тельно, а тотъ отвѣча́етъ: «радъ вамъ това́рищамъ!» Поклони́лся Бова́, Короле́винъ сынъ, Го́лю, да объ и́мени спра́шивалъ. «Голь Воя́нской, самъ себѣ́ бо́льшой», отвѣча́лъ простачо́къ, «а ты кто?» — «Я Бова́, Короле́винъ сынъ», отвѣча́лъ богаты́рь. «Ми́лости про́симъ на по́двиги», сказа́лъ Голь, «ни по́здно, ни ра́но; поѣзжа́й возлѣ Еруслáна!» Ѣ́дутъ богатыри́, куда́ Голь ѣдетъ, и подъѣхали къ запове́днымъ луга́мъ Царь-дѣви́цы, богаты́рки. «Тутъ зака́занъ путь», сказа́лъ Еруслáнъ. — «Не бѣда́!» мо́лвилъ Голь, «мно́го Русь обижа́ла, путь не намъ заказа́ла. Пуска́йте ко́ней на луга́!» — «Голь Воя́нскій!» сказа́лъ Еруслáнъ, «у Короле́вы си́ла вели́кая: два́дцать два богатыря́, да Зила́нтъ Змѣула́новичъ, Туга́риновъ братъ.» — «Съ меня́ ма́ло», сказа́лъ Голь, «бу́детъ ли на до́лю твою́? я всѣхъ какъ мухъ перебью́.» — «Ну, инъ (1) быть такъ! сказа́лъ Еруслáнъ, поѣдемъ въ запове́дные луга́ тѣ́шиться, съ си́лами богаты́рскими перевѣ́даться.» Въѣзжа́ютъ богатыри́, то́пчутъ цвѣтны́е луга́, ви́дятъ бѣ́лый пустой шатёръ, пусти́ли ко́ней на траву́, а са́ми вошли́ въ шатёръ, сѣли да погля́дываютъ; оди́нъ Голь лёгъ отдыха́ть, и чтобъ не́-было жа́рко, снялъ съ себя́ кафта́нъ, занавѣ́силъ шатёръ отъ со́лнышка, а самъ захрапѣ́лъ. «Голь надѣется на себя!» сказа́лъ Бова́, Короле́винъ сынъ. Между тѣмъ во дворцѣ́ Короле́вны подняла́сь трево́га; въ колокола́ звоня́тъ, въ тру́бы трубя́тъ, и вы́ѣхала изъ го́рода дружи́на во́иновъ, да три богатыря́ въ ла́тахъ. Чури́ло бу́дитъ Го́ля: «встава́й! Си́лы мно́го на насъ.» Голь всталъ, и съ просо́нья зѣва́я, сказа́лъ: «что э́то? Три богатыря́ — три слѣпня́, а си́ла вся — комары́; не даду́тъ усну́ть до поры́. Ступа́й, Чури́ло, перевѣ́дайся съ ни́ми, оста́вь одного́ и пошли́ къ богаты́ркѣ, да вели́ ей сказа́ть: за меня́ шла бы за́-мужъ!» Чури́ло поѣхалъ, до́лго би́лся, руби́лся и перерубилъ всѣхъ; одного́ посла́лъ къ Короле́внѣ. Но вмѣ́сто отвѣ́та вы́слали шесть богатыре́й съ тремя́ дружи́нами. Опя́ть разбуди́ли засну́вшаго Го́ля. — «Эге́», сказа́лъ Голь, «что за си́ла! одно́й руко́й махну́ть, пришибу́. Короле́винъ сынъ, поди́, спра́вься оди́нъ! да оста́вь одного́ посла́ть къ Короле́внѣ.» Сказа́въ, пошо́лъ спать. Посчастли́вилось Короле́вину сы́ну вы́сланныхъ богатыре́й побѣди́ть, одного́ за други́мъ перебить, а дружи́ны ихъ разбѣжа́лись. Но Короле́вна высыла́етъ еще бо́лѣе си́лы: 12 богатыре́й, съ ни́ми шесть дружи́нъ. Ска́чутъ, тру́бятъ и мечáми ма́шутъ. «Ого́, ско́лько вы́сыпало!» сказа́лъ Голь, встава́я. «Ту́ча лиха́я! 12 слѣпней, а комаро́въ безъ счёта. Еруслáнъ! бу́детъ съ тебя́; а не то мы посо́бимъ.» Еруслáнъ сѣлъ на коня́, пусти́лся соколо́мъ, мечёмъ-кладенцо́мъ на́отмашъ ру́битъ, впра́во и влѣ́во, богатыре́й разметáлъ, дружи́ны погна́лъ. Короле́вна ви́дитъ бѣду́ немину́чую, высыла́етъ Зила́нта Змѣула́новича. Загремѣ́лъ Зила́нтъ, вы-

---

(1) *по мнѣ, пусть.*

ходя́ изъ желѣзнаго гнѣзда́, а висѣло оно́ на 12 дуба́хъ, на 12 цѣпя́хъ. Несётся Зила́нтъ, какъ стрѣла́ на орла́, зовётъ какъ трубо́й перевѣдаться въ бой. «Ви́дно мнѣ о́чередь!» сказа́лъ Голь. Не́чего дѣлать, поду́малъ онъ, ѣхать на смерть. Тутъ мнѣ и коне́цъ; за то богаты́рская честь, а дѣлу вѣне́цъ! Перекрести́лся Голь, сѣлъ на кляче́нку, ѣдетъ потихо́ньку, зажму́ривъ глаза́, а самъ топоро́мъ, что есть си́лы, ма́шетъ. Зила́нтъ заревѣлъ, увидя издалека́ Го́ля, и ду́маетъ не на́смѣхъ ли посла́ли; а Голь ше́пчетъ про себя́: «Отцы́ и бра́тія, помина́й, какъ зва́ли!» (²) и ожида́я сме́рти, опусти́лъ го́лову на ше́ю свое́й лошадёнки, кото́рая бѣжа́ла на трёхъ нога́хъ, а четвёртой прихра́мывала. У Зила́нта запры́гали глаза́ во лбу. „Нѣтъ ли тутъ у́мысла? ду́малъ онъ: мужичо́нка прилёгъ къ лошадёнкѣ, что за богаты́рь? Па́льцемъ щелкну́ть, на са́жень отлети́тъ.“ Зила́нтъ огля́дывается, нѣтъ ли тутъ хи́трости, и къ сѣдлу́ наклони́лся, а Голь приподня́лъ го́лову, и вдру́гъ прибодри́лся, съ топоро́мъ, наскочи́лъ, да такъ оглуши́лъ, что Зила́нтъ на песо́къ повали́лся. Тутъ Голь, не давъ Зила́нту опо́мниться, сталъ рубить его́, какъ со́сну въ ще́пы, ма́шетъ, да ру́битъ топоро́мъ сдёрнулъ шело́мъ, и поѣхалъ къ това́рищамъ. Тогда́ Короле́внѣ забо́та, принуждена́ приказа́ть отпере́ть городскія воро́та, проси́ть богатыре́й на пиръ, заключи́ть съ ни́ми миръ. Увидѣла Го́ля, диви́тся, въ комъ богаты́рская си́ла, и сама́ подошла́ къ нему́, ру́ку на плечо́ наложи́ла и такъ придави́ла, что Голь едва́ поверну́лся, вы́бился изъ подъ руки́, отшатну́лся, а Короле́вна ему́ говори́тъ: „ра́да я ви́тязю сла́вному, хра́брость всегда́ почита́ла.“ Тутъ она́ Го́лю ру́ку пожа́ла; Голь вспры́гнулъ и зу́бы онъ сти́снулъ, боя́сь ихъ разжа́ть, закрича́ть. „Защища́й моё ца́рство!“ Короле́вна сказа́ла, „тебѣ́ насъ стере́чь.“ А Голь поклони́лся и ду́малъ: какъ бы го́лову свою́ убере́чь! Короле́вна велѣ́ла въ бесѣ́ду прине́сть крѣ́пкаго мёду, ду́мала госте́й испыта́ть, но Голь не хотѣ́лъ пирова́ть, за ку́бокъ не бра́лся, а мо́лвилъ: „ко́нчилъ труды́, ничего́ я не пью, кро́мѣ богаты́рской воды́!“ — „У насъ есть въ запа́сѣ вода́ богаты́рская“, сказа́ла Короле́вна. „А мно́го-ль ея?“ спроси́лъ Голь. — „Буты́ль полна́“, отвѣча́ла Короле́вна. „Да така́я ль она́, какъ у насъ?“ спроси́лъ Голь. „Ина́я буты́ль скля́нки не сто́итъ.“ — „Отвѣ́дай“, сказа́ла Короле́вна и велѣ́ла принести́ буты́ль съ богаты́рской водо́й и ковшъ золото́й. Голь на́лилъ ковшъ, вы́пилъ; си́ла въ нёмъ прибыва́ла, а Короле́вна знать жела́ла, какова́ вода́? — „Ещё вку́са не доберу́сь“, сказа́лъ Голь; на́лилъ друго́й ковшъ, и ра́зомъ онъ вы́пилъ ещё три ковша́. „По́лно, по́лно!“ закрича́ла Короле́вна, „ты и мнѣ воды́ не оста́вишь.“ — „Сла́вная води́ца!“ мо́лвилъ Голь, расходя́сь, рука́ми разма́хивая; „какова́-то тепе́рь си́ла моя́?“ Тутъ велѣ́лъ онъ прине́сть большо́й корабе́льный кана́тъ, завяза́ть крѣпко-на́-крѣпко пе́тлею, изъ коню́шни Короле́виной вы́весть коня́ богаты́рскаго; сѣлъ на него́, разъѣ́хался, вскочи́лъ въ петлю головою и порва́лъ кана́тъ. Съ той поры́ Голь богаты́рствовалъ. Пріоса́нился, на Короле́внѣ жени́лся; отъ ней у него́ бы́ли двѣ до́чери Смѣ́та да Уда́ча. Голь, на ...

(²) гибель моя не избѣжна! Поминайте, какъ меня звали! Не забывайте моего имени.

уже привѣтствуетъ хозяина или ругнетъ его добрымъ порядкомъ, коли онъ иновѣрецъ и образовъ въ домѣ не держитъ.

Можно еще похвалить богатырей за безпрекословное послушаніе волѣ родительской. Богатырь не пускается въ путь и не предпринимаетъ ничего важнаго, не испросивъ напередъ родительскаго великаго благословенія, напр.:

«Прихо́дитъ Василій Буслáевичъ
Ко своéй сударынѣ мáтушкѣ . . .
Какъ вью́нъ около ея увивáется,
Прóситъ благословеніе вели́кое...
Что возговори́тъ матерá вдова,
Матерá Амельфа Тимоѳеевна:
— «Гóй еси ты мое, чадо ми́лое,
Молодóй Василій Буслаéвичъ!
Коли ты пойдéшь на дóбрыя дѣла,
Тебѣ дáмъ благословеніе вели́кое;
Коли ты, дитя́, на разбóй пойдешь, —
И не дáмъ благословенія вели́каго,
А и не носи́ Василья сырá земля!»
Кáмень отъ огня разгарáется,
А булáтъ отъ жару растопля́ется,
Матери́нско сердце распущáется:
— «Побереги́ ты, Василій, бу́йну гóлову свою!»

Есть многознаменательное преданіе объ томъ, какъ витязи перевелись на Руси́ (Шевыр. Истр. Л. ч. I. стр. 201). «Семь удáлыхъ Рýсскихъ ви́тязей, семь могýчихъ брáтьевъ назвáныхъ и въ ихъ числѣ: Алёша Попóвичъ-младъ, Добры́ня мóлодецъ матерóй и казáкъ Илья́ Мýромецъ выѣзжáли на Сажáтъ(?) рѣку́. А черезъ Сажáтъ рѣку́ переправля́ется си́ла Бусурмáнская, несмѣтная: и той си́лы дóброму мóлодцу не объѣхать, сѣрому вóлку не обрыскать, чёрному вóрону не облетѣть. Илья́ *сзывáетъ ви́тязей. Сбѣгáлись* на зовъ его́ ви́тязи, сади́лись на дóбрыхъ конéй, бросáлись на си́лу Бусурмáнскую. Не стóлько ви́тязи ру́бятъ, скóлько дóбрые кóни ихъ тóпчутъ. Би́лись три часá и три минýточки, изрубили си́лу погáную. Побѣди́въ её, *загордыни́лись* ви́тязи и стáли похваля́ться такъ: «не намахáлись нáши могýтныя плéчи, не уходи́лись нáши добрые кóни, не иступи́лись нáши булáтные мечи́!».

И вотъ пéрвый Алёша Попóвичъ младъ обезýмѣлъ отъ гóрдости и говори́тъ: «подавáй намъ Си́лу небéсную; мы и съ тóю Си́лою, ви́тязи, спрáвимся.» Чуть промóлвилъ онъ слóво неразýмное — слетѣ́ли двóе небéсныхъ вои́телей, и вѣщáли они́ грóмкимъ гóлосомъ: «а давáйте съ нáми, ви́тязи, бой держáть, хоть насъ двое, а васъ сéмеро!» Разгорѣ́лся Алёша Попóвичъ на тѣ словá, пóднялъ онъ коня́ бóрзаго, налетѣ́лъ онъ на небéсныхъ вои́телей и разруби́лъ ихъ пополáмъ со всегó плечá, стáло чéтверо и жи́вы всѣ! Налетѣ́лъ на нихъ Добры́ня мóлодецъ, — разруби́лъ ихъ пополáмъ со всегó плечá — стáло вдвóе бóлѣе и жи́вы всѣ! Брóсились на Си́лу всѣ ви́тязи, стáли они́ Си́лу колóть — руби́ть; а Си́ла всё растётъ, да ростётъ, всё на ви́тязей съ бóемъ идётъ. Би́лись ви́тязи три дня, три часá, три минýточки; намахáлися ихъ плéчи могýтныя, уходи́лись кóни ихъ дóбрые, иступи́лись мечи́ ихъ булáтные: а Си́ла всё растётъ, да растётъ, всё на ви́тязей съ бóемъ идётъ. Испугáлись могýчіе ви́тязи, побѣжáли они́ въ кáменныя гóры, въ тéмныя пещéры. Побѣжи́тъ ви́тязь къ горѣ́ и окаменѣ́етъ, подбѣжи́тъ другóй и окаменѣ́етъ. Съ тѣхъ-то поръ и перевели́сь ви́тязи на святóй Руси́.»

2) Юмористическія сказки.

а) Пародіи богатырскихъ. Разувѣрившись въ томъ, что считалъ нѣкогда великимъ, народъ начинаетъ надъ нимъ смѣяться. Такъ по минованіи вѣка богатырства и самыя сказанія объ немъ мало по малу стали утрачивать свою прелесть въ глазахъ народа, который свое недовѣріе къ нимъ высказалъ вставкою умышленныхъ преувеличеній. Такъ напр. въ одной богатырской сказкѣ недоношенный младенецъ пускается въ перебранку съ своимъ батюшкой; въ другой разсказывается о шелепугѣ подорожной вѣсомъ въ 30 пудъ, хотя въ ней налито 50 пудъ свинца. Очевидно, что здѣсь сказка намѣренно завирается, можетъ быть, чтобы подурачить легковѣрнаго слушателя. И какъ безсмертный Серва́нтесъ своей пародіей рыцарства въ лицѣ Донъ Кихо́та выразилъ всеобщее въ его время убѣжденіе въ несовременности этого учрежденія, такъ и нашъ народъ издѣвается въ нѣкоторыхъ сказкахъ надъ сказочнымъ богатырствомъ, нѣкогда приводившимъ его въ восторгъ, напр.

Сказка о богатырѣ Голѣ Воянскомъ.

„Мужичо́къ простачо́къ паха́лъ па́шню; лошадёнка его́ была́ ху́денькая, хромоно́гая, и ту облѣпи́ли слѣпни́ съ комара́ми. Вотъ простачо́къ взялъ свой кнутъ, да взмахну́лъ такъ счастли́во, нади́во, что ра́зомъ убилъ тридцать тре́хъ слѣппе́й, а комаро́въ безъ счёта. Простачо́къ мужичо́къ ду́мать сталъ: малъ да уда́лъ, въ богатыри́ я попа́лъ, три́дцать трёхъ молодцо́въ съ ра́зу положи́лъ, а ме́лкой си́лы и смѣ́ты нѣтъ. Го́лемъ мужичо́къ *называ́лся*. Смо́тришь, и Голь взвелича́лся; вы́прягъ свою́ лошадёнку, взобра́лся на неё полего́ньку, сѣлъ верхо́мъ, вы́ѣхалъ на большу́ю доро́гу, сруби́лъ де́рево стояро́стовое и поста́вилъ столбъ съ на́дписью: «здѣсь проѣ́халъ богаты́рь Голь Воя́нскій, встрѣ́тился съ си́лой Бусурма́нской, три́дцать трехъ богатыре́й съ ра́зу положи́лъ, а ме́лкой си́лы и смѣ́ты нѣтъ. Если како́й богаты́рь навстрѣ́чу ѣ́детъ, у столба́ поджида́й, а поза́ди, такъ меня́ догоня́й.» Голь взобра́лся на кля́чу и въ путь пусти́лся на уда́чу. Немно́го спустя́ ѣ́детъ мимо столба́ Чури́ло Пленко́вичъ, на́дпись прочита́лъ — подиви́лся, Го́ля нагна́ть торопи́лся; тако́го и́мени и не слы́хивалъ, а ви́дно могу́чъ богаты́рь, такъ на́добно съ нимъ подружи́ться. Чури́ло ска́четъ во ве́сь опо́ръ, нагоня́етъ Го́ля и спра́шиваетъ: „не проѣзжа́лъ ли богаты́рь Голь Воя́нскій?» — «Я», сказа́лъ Голь; «а ты кто?» «Чури́ло Пленко́вичъ», отвѣча́лъ молодо́й богаты́рь, поклоня́сь, а самъ ду́маетъ: что за чудеса́? Мужичо́нка неви́дной, и ѣ́хать съ нимъ сты́дно; самъ онъ шара́шится, а кля́ча чуть та́щится. — «Ступа́й въ нау́ку, поѣзжа́й по лѣ́вую ру́ку!» сказа́лъ Голь, и Чури́ло въ раздумьѣ поѣ́халъ во́злѣ него́, на Воя́нскаго богатыря́ посма́тривая и на кля́чу погля́дывая. Между тѣмъ ѣ́детъ Еруcла́нъ Ла́заревичъ ми́мо столба́ съ на́дписью, прочита́лъ и ну — коня́ гнать за Го́лемъ Воя́нскимъ. Догна́лъ, и увидя знако́маго Чури́ла, спроси́лъ, не вида́лъ ли онъ Го́ля? Чури́ло указа́лъ на това́рища. Еруcла́нъ Ла́заревичъ поклони́лся, а самъ подиви́лся. «Погоня́й въ ряду́ по пра́вую ру́ку», сказа́лъ ему́ Голь. На ту по́ру

нагоняетъ ихъ ещё богатырь, Бова́ Королевинъ сынъ; на́дпись на столбѣ прочита́лъ и коня́ погоня́лъ отъискивать Го́ля Воя́нскаго, побѣдителя Бусурма́нскаго; видитъ мужичка́ на кляче́нкѣ, та́щится потихо́ньку, а по сторона́мъ его́ ѣдутъ два сла́вные богатыря́, Еруслáнъ Ла́заревичъ и Чури́ло Пленко́вичъ, говоря́тъ съ нимъ почти́тельно, а тотъ отвѣча́етъ: «радъ вамъ това́рищамъ!» Поклони́лся Бова́, Короле́винъ сынъ, Го́лю, да объ и́мени спра́шивалъ. «Голь Воя́нской, самъ себѣ бо́льшой», отвѣча́лъ простачо́къ, «а ты кто?» — «Я Бова́, Короле́винъ сынъ», отвѣча́лъ богаты́рь. «Ми́лости про́симъ на по́двиги», сказа́лъ Голь, «ни по́здно, ни ра́но; поѣзжа́й возлѣ Еруслáна!» Ѣдутъ богатыри́, куда́ Голь ѣдетъ, и подъѣхали къ запо вѣ́днымъ луга́мъ Царьдѣви́цы, богаты́рки. «Тутъ зака́занъ путь», сказа́лъ Еруслáнъ. — «Не бѣда́!» мо́лвилъ Голь, «мно́го Русь обижа́ла, путь не намъ заказа́ла. Пуска́йте ко́ней на луга́!» — «Голь Воя́нскій!» сказа́лъ Еруслáнъ, «у Короле́вы си́ла вели́кая: два́дцать два богатыря́, да Зила́нтъ Змѣула́новичъ, Туга́риновъ братъ.» — «Съ меня́ ма́ло», сказа́лъ Голь, «бу́детъ ли на до́лю твою́? я всѣхъ какъ мухъ перебью́.» — «Ну, инъ (¹) быть такъ! сказа́лъ Еруслáнъ, поѣдемъ въ запо вѣ́дные луга́ тѣ́шиться, съ си́лами богаты́рскими перевѣ́даться.» Въѣзжа́ютъ богатыри́, то́пчутъ цвѣтны́е луга́, ви́дятъ бѣ́лый пустой шатёръ, пусти́ли ко́ней на траву́, а са́ми вошли́ въ шатёръ, сѣ́ли да погля́дываютъ; оди́нъ Голь лёгъ отдыха́ть, и чтобъ не́-было жа́рко, снялъ съ себя́ кафта́нъ, занавѣ́силъ шатёръ отъ со́лнышка, а самъ захрапѣ́лъ. «Голь надѣ́ется на себя!» сказа́лъ Бова́, Короле́винъ сынъ. Между тѣмъ во дворцѣ́ Короле́вны подняла́сь трево́га; въ колокола́ звоня́тъ, въ тру́бы трубя́тъ, и вы́ѣхала изъ го́рода дружи́на во́иновъ, да три богатыря́ въ ла́тахъ. Чури́ло бу́дитъ Го́ля: «встава́й! Си́лы мно́го на насъ.» Голь всталъ, и съ просо́нья зѣва́я, сказа́лъ: «что э́то? Три богатыря́ — три слѣпня́, а си́ла вся — комары́; не даду́тъ усну́ть до поры́. Ступа́й, Чури́ло, перевѣ́дайся съ ни́ми, оста́вь одного́ и пошли́ къ богаты́ркѣ, да вели́ ей сказа́ть: за меня́ шла бы за́-мужъ!» Чури́ло поѣхалъ, до́лго би́лся, руби́лся и перерубилъ всѣхъ; одного́ посла́лъ къ Короле́вне. Но вмѣ́сто отвѣ́та вы́слали шесть богатыре́й съ тремя́ дружи́нами. Опя́ть разбуди́ли засну́вшаго Го́ля. — «Эге́», сказа́лъ Голь, «что за си́ла! одно́й руко́й махну́ть, пришибу́. Короле́винъ сынъ, поди́, спра́вься оди́нъ! да оста́вь одного́ посла́ть къ Короле́внѣ.» Сказа́въ, пошо́лъ спать. Посчастли́вилось Короле́вину сы́ну вы́сланныхъ богатыре́й побѣди́ть, одного́ за други́мъ перебить, а дружи́ны ихъ разбѣжа́лись. Но Короле́вна высыла́етъ еще бо́лѣе си́лы: 12 богатыре́й, съ ни́ми шесть дружи́нъ. Ска́чутъ, тру́бятъ и меча́ми ма́шутъ. «Ого́, ско́лько вы́сыпало!» сказа́лъ Голь, встава́я. «Ту́ча лиха́я! 12 слѣпней, а комаро́въ безъ счёта. Еруслáнъ! бу́детъ съ тебя́; а не то мы посо́бимъ.» Еруслáнъ сѣлъ на коня́, пусти́лся соколо́мъ, мечёмъ-кладенцо́мъ на́отмашъ ру́битъ, впра́во и влѣ́во, богатыре́й размета́лъ, дружи́ны погна́лъ. Короле́вна ви́дитъ бѣду́ немину́чую, высыла́етъ Зила́нта Змѣула́новича. Загремѣ́лъ Зила́нтъ, вы-

(¹) *по мнѣ, пусть.*

ходя́ изъ желѣ́знаго гнѣзда́, а висѣ́ло оно́ на 12 дуба́хъ, на 12 цѣпя́хъ. Несётся Зила́нтъ, какъ стрѣла́ на орла́, зовётъ какъ трубо́й перевѣ́даться въ бой. «Ви́дно мнѣ о́чередь!» сказа́лъ Голь. Не́чего дѣ́лать, поду́малъ онъ, ѣ́хать на смерть. Тутъ мнѣ и коне́цъ; за то богаты́рская честь, а дѣ́лу вѣне́цъ! Перекрести́лся Голь, сѣлъ на кляче́нку, ѣ́детъ потихо́ньку, зажму́ривъ глаза́, а самъ топоро́мъ, что есть си́лы, ма́шетъ. Зила́нтъ заревѣ́лъ, уви́дя издалека́ Го́ля, и ду́маетъ не на́смѣхъ ли посла́ли; а Голь ше́пчетъ про себя́: «Отцы́ и бра́тія, помина́й, какъ зва́ли!» (2) и ожида́я сме́рти, опусти́лъ го́лову на ше́ю свое́й лошадёнки, кото́рая бѣжа́ла на трёхъ нога́хъ, а четвёртой прихра́мывала. У Зила́нта запры́гали глаза́ во лбу. „Нѣтъ ли тутъ у́мысла? ду́малъ онъ: мужичо́нка прилёгъ къ лошадёнкѣ, что за богаты́рь? Па́льцемъ щелкну́ть, на са́жень отлети́тъ.“ Зила́нтъ огля́дывается, нѣтъ ли тутъ хи́трости, и къ сѣдлу́ наклони́лся, а Голь приподня́лъ го́лову, и вдру́гъ прибодри́лся, съ топоро́мъ, наскочи́лъ, да такъ оглуши́лъ, что Зила́нтъ на песо́къ повали́лся. Тутъ Голь, не давъ Зила́нту опо́мниться, сталъ руби́ть его́, какъ со́сну въ щє́пы, ма́шетъ, да ру́битъ топоро́мъ сдёрнулъ шело́мъ, и поѣ́халъ къ това́рищамъ. Тогда́ Короле́внѣ забо́та, принуждена́ приказа́ть отпере́ть городскія воро́та, проси́ть богатыре́й на пиръ, заключи́ть съ ни́ми миръ. Уви́дѣла Го́ля, диви́тся, въ комъ богаты́рская [illegible] и сама́ подошла́ къ нему́, ру́ку [illegible] [illegible]ожи́ла и такъ придави́[illegible] повернýлся, вы́бился изъ подъ руки́, отшатну́лся, а Короле́вна ему́ говори́тъ: „ра́да я ви́тязю сла́вному, хра́брость всегда́ почита́ла.“ Тутъ она́ Го́лю ру́ку пожа́ла; Голь вспры́гнулъ и зу́бы онъ сти́снулъ, боя́сь ихъ разжа́ть, закрича́ть. „Защища́й моё ца́рство!“ Короле́вна сказа́ла, „тебѣ́ насъ стере́чь.“ А Голь поклони́лся и ду́малъ: какъ бы го́лову свою́ убере́чь! Короле́вна велѣ́ла въ бесѣ́ду принести́ крѣ́пкаго мёду, ду́мала госте́й испыта́ть, но Голь не хотѣ́лъ пирова́ть, за ку́бокъ не бра́лся, а мо́лвилъ: „ко́нчилъ труды́, ничего́ я не пью, кро́мѣ богаты́рской воды́!“—„У насъ есть въ запа́сѣ вода́ богаты́рская“, сказа́ла Короле́вна. „А мно́го-ль ея?“ спроси́лъ Голь.—„Буты́ль полна́“, отвѣча́ла Короле́вна. „Да така́я ль она́, какъ у насъ?“ спроси́лъ Голь. „Ина́я буты́ль скля́нки не сто́итъ.“ — „Отвѣ́дай“, сказа́ла Короле́вна и велѣ́ла принести́ буты́ль съ богаты́рской водо́й и ковшъ золото́й. Голь на́лилъ ковшъ, вы́пилъ; си́ла въ нёмъ прибыва́ла, а Короле́вна знать жела́ла, какова́ вода́? — „Ещё вку́са не доберу́сь“, сказа́лъ Голь; на́лилъ друго́й ковшъ, и ра́зомъ онъ вы́пилъ ещё три ковша́. „По́лно, по́лно!“ закрича́ла Короле́вна, „ты и мнѣ воды́ не оста́вишь.“—„Сла́вная води́ца!“ мо́лвилъ Голь, расходя́сь, рука́ми разма́хивая; „какова́-то тепе́рь си́ла моя́?“ Тутъ велѣ́лъ онъ принести́ большо́й корабе́льный кана́тъ, завяза́ть крѣпко-на́-крѣпко пе́тлею, изъ коню́шни Короле́виной вы́вести коня́ богаты́рскаго; сѣлъ на него́, разъѣ́хался, вскочи́лъ въ петлю головою и порва́лъ кана́тъ. Съ той поры́ Голь богаты́рствовалъ, пріоса́нился, на Короле́внѣ жени́лся: отъ ней у него́ бы́ли двѣ до́чери: *Смѣта да Уда́ча.* Голь, на нихъ

[illegible] Поминайте, [illegible]вайте моего [illegible]

глядя, величался и никто не сомнѣвался, чтобы онъ не одолѣлъ тридцать трехъ богатырей однимъ разомъ.»

б) Къ юмористическимъ же сказкамъ относятся многочисленныя варіяціи на одну и туже тему объ ***Ивáнушкѣ*** (или Емелѣ) - ***дурачкѣ***, у котораго два старшіе брата непремѣнно умные. Иванъ Дуракъ, — любимое дитя народной фантазіи, совсѣмъ не такъ глупъ, какъ его считаютъ умные; это есть сынъ природы, человѣкъ, правда, неотесанный и въ грубой корѣ, но за то и не испорченный ухищреніями общежитія. Дурачкомъ прослылъ онъ за то, что ничего не смыслитъ въ той ходячей, многоличной, хамелеоновской логикѣ, которой держатся его старшіе, умные братья. Иванушка — человѣкъ цѣлостный, чистый, золотой самородокъ, весьма счастливо сохранившійся въ своей грубой, накипной оболочкѣ. Потому - то мать–природа ни въ чемъ не можетъ отказать истому чаду своему и не имѣетъ для него ничего завѣтнаго и недоступнаго; но онъ, по дурости своей, довольствуется только желаніемъ луку, квасу, да толокна. Крикнетъ ли онъ по коня своего: «Сивко, бурка, вѣщая каурка, стань предо мной, какъ листъ передъ травой!» взлѣзетъ въ одно ухо Сивки дуракомъ, вылѣзетъ въ другое свѣтлымъ молодцемъ, женится на прекрасной царевнѣ, что «во лбу мѣсяцъ, на затылкѣ звѣзды, на темени красное солнышко», и будетъ владычествовать надъ многими землями и умными народами.

3) Другаго рода суть юмористическія *сказки, гдѣ дѣйствующими лицами являются животныя, и дѣйствія ихъ насмѣшливо примѣняются къ ненормальнымъ явленіямъ общественной жизни; таковы напр.: Птичье Царство, Свадьба Совы съ Лунемъ, Ершъ Ершовичъ сынъ Щетинниковъ; или это суть обыкновенныя басни, только сложенныя самимъ народомъ, напр.

а) Лиса и Волкъ. (*)

Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой. Наловилъ рыбы и везётъ домой цѣлый возъ. Вотъ видитъ онъ: лежитъ на дорогѣ Лисичка, свернулась калачикомъ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошёлъ къ Лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ себѣ какъ мёртвая. Вотъ будетъ подарокъ женѣ, сказалъ дѣдъ; взялъ Лисичку и положилъ на-возъ, а самъ пошёлъ впереди. А Лисичка улучила время и стала выбрасывать изъ воза всё по рыбкѣ — да по рыбкѣ, всё по рыбкѣ—да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбу и сама ушла. «Ну, старуха», говоритъ дѣдъ, «какой воротникъ привёзъ я тебѣ на шубу!» — «Гдѣ?» — «Тамъ на возу — и рыба и воротникъ.» Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы; и начала ругать мужа: «Ахъ ты, старый хрѣнъ! такой-сякой! Ты ещё вздумалъ обманывать!» Тутъ дѣдъ смекнулъ, что Лисичка-то была не мёртвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать-то нечего. А Лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, сѣла и ѣстъ себѣ. На встрѣчу ей идётъ Волкъ: «здравствуй, кумушка!» — «Здравствуй, кума-

---

(*) Афанасьева: Народныя Русскія сказки.

нёкъ! — «Дай мнѣ ры́бки!» — «Налови́ самъ, да и ѣшь.» — «Я не умѣ́ю.» — «Эка! Вѣдь я же налови́ла; ты, куманёкъ, ступа́й на́-рѣку, опусти́ хвостъ въ про́рубь, — ры́ба сама́ на хвостъ нацѣпляется; да смотри́, сиди́ подо́лже, а то не нало́вишь.» Волкъ пошёлъ на́-рѣку, опусти́лъ хвостъ въ про́рубь, дѣло-то бы́ло зимо́ю. Ужъ онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ, хвостъ его́ и приморо́зило; попро́бовалъ бы́ло приподня́ться: не ту́тъ то бы́ло! «Эка! ско́лько ры́бы привали́ло, и не вы́тащишь!» ду́маетъ онъ. Смо́тритъ, а ба́бы иду́тъ за водо́й и крича́тъ, зави́дя сѣраго: Волкъ! Волкъ! бе́йте его́, бе́йте его́! Прибѣжа́ли и на́чали колоти́ть Во́лка, кто коромы́сломъ, кто ведро́мъ, чѣмъ кто попа́ло. Волкъ пры́галъ, пры́галъ, оторва́лъ себѣ́ хвостъ и пусти́лся безъ огля́дки бѣжа́ть. «Хорошо́ же», ду́маетъ, «ужъ я тебѣ́ отплачу́, ку́мушка!»

А Лиси́чка-сестри́чка, поку́шавши ры́бки, захотѣ́ла попро́бовать, не уда́стся ли ещё что-нибу́дь стяну́ть; забрала́сь въ одну́ и́збу, гдѣ ба́бы пекли́ блины́, да попа́ла голово́й въ ка́дку съ тѣстомъ, вы́мазалась и бѣжи́тъ. А Волкъ ей на встрѣ́чу: «такъ-то у́чишь ты? меня́ всего́ исколоти́ли!» — «Эхъ, куманёкъ», говори́тъ Лиси́чка-сестри́чка, «у тебя́ хоть кровь вы́ступила, а у меня́ мозгъ; меня́ больнѣ́й твоего́ приби́ли: я наси́лу плету́сь.» — «И то пра́вда», говори́тъ Волкъ, «гдѣ тебѣ́, ку́мушка, ужъ идти́; сади́сь на меня́, я тебя́ довезу́.» Лиси́чка сѣ́ла ему́ на́-спину, онъ её и повёзъ. Лиси́чка-сестри́чка сиди́тъ, да потихо́ньку и говори́тъ: «би́тый неби́таго везётъ, би́тый неби́таго везётъ!» — «Что ты, ку́мушка, говори́шь?» — «Я, куманёкъ, говорю́: би́тый би́таго везётъ.» — «Такъ, ку́мушка, такъ!» (*)

б) Мужикъ, Медвѣдь и Лиса.

У Мужика́ съ Медвѣ́демъ была́ больша́я дру́жба. Вотъ и взду́мали они́ рѣпу сѣ́ять; посѣ́явъ и на́чали угова́риваться, кому́ что брать. Мужи́къ сказа́лъ: «мнѣ корешо́къ, тебѣ́, Ми́ша, вершо́къ.» Вы́росла у нихъ рѣпа; Мужи́къ взялъ себѣ́ корешки́, а Ми́ша вершки́. Ви́дитъ Ми́ша, что оши́бся, и говори́тъ Мужику́: „о ты, братъ, меня́ наду́лъ! Когда́ бу́демъ ещё что́-нибудь сѣ́ять, ужъ меня́ такъ не проведёшь.» Прошёлъ годъ. Мужи́къ и говори́тъ Медвѣ́дю: «дава́й, Ми́ша, сѣ́ять пшени́цу.» «Дава́й,» говори́тъ Ми́ша. Вотъ и посѣ́яли они́ пшени́цу. Созрѣ́ла пшени́ца; Мужи́къ и говори́тъ: «тепе́рь ты что возьмёшь, Ми́ша, корешо́къ и́ли вершо́къ?» — «Нѣтъ, братъ, тепе́рь меня́ не наду́ешь! Подава́й мнѣ корешо́къ, а себѣ́ бери́ вершо́къ!» Вотъ собра́ли они́ пшени́цу и раздѣли́ли. Мужи́къ намолоти́лъ пшени́цы, напёкъ себѣ́ си́тниковъ, пришёлъ къ Ми́шѣ и говори́тъ ему́: «вотъ, Ми́ша, верху́шка-то!» — «Ну, Мужи́къ! говори́тъ Медвѣ́дь, я тепе́рь на тебя́ серди́тъ; съѣмъ тебя́!» Мужи́къ отошёлъ и запла́-

(*) Въ э́той, какъ и во мно́гихъ други́хъ ска́зкахъ рази́тельное схо́дство съ наро́дными Нѣме́цкими. Тру́дно здѣсь предположи́ть заи́мствованіе съ чьей нибудь стороны́; скорѣе объясня́ется дѣло одина́ковостію первонача́льныхъ впечатлѣ́ній ви́димой приро́ды и доистори́ческой бли́зостію и родство́мъ обо́ихъ наро́довъ. Эта ска́зка подо́бна Нѣме́цкой: Der Fuchs und die Frau Gevatterin. Grimm I. Nr. 74.

калъ. Вотъ идётъ Лиса́ и говори́тъ Мужику́: «Что ты пла́чешь?» «Какъ мнѣ не пла́кать, какъ не тужи́ть? Меня́ Медвѣ́дь хо́четъ съѣсть.» — «Не бо́йся, дя́дя, не съѣстъ!» и пошла́ сама́ въ ку́стья, а мужику́ велѣ́ла стоя́ть на то́мъ же мѣ́стѣ; вы́шла отту́да и спра́шиваетъ: «Мужи́къ, нѣтъ ли здѣсь волко́въ, медвѣде́й?» А Медвѣ́дь подошёлъ къ Мужику́ и говори́тъ: «Ой, Мужи́къ, не ска́зывай, не бу́ду тебя́ ѣсть.» Мужи́къ говори́тъ Лисѣ: «нѣтъ!» Лиса́ засмѣя́лась и сказа́ла: «а у теле́ги-то что лежи́тъ?» Медвѣ́дь потихо́ньку говори́тъ Мужику́: «скажи́, что коло́да.» — «Какъ бы была́ коло́да, отвѣча́етъ Лиса́, она́ бы на телѣ́гѣ была́ увя́зана,» а сама́ убѣжа́ла опя́ть въ ку́стья. Медвѣ́дь сказа́лъ Мужику́: «свяжи́ меня́ и положи́ въ теле́гу.» Мужи́къ такъ и сдѣлалъ. Вотъ Лиса́ опя́ть вороти́лась и спра́шиваетъ Мужика́: «Мужи́къ, нѣтъ ли у тебя́ тутъ волко́въ, медвѣде́й?» — «Нѣтъ!» сказа́лъ Мужи́къ. «А на телѣ́гѣ-то что лежи́тъ?» — «Коло́да.» — «Какъ бы была́ коло́да, въ неё бы топо́ръ былъ воткну́тъ» Медвѣ́дь и говори́тъ Мужику́ потихо́ньку: «воткни́ въ меня́ топо́ръ.» Мужи́къ воткну́лъ ему́ топо́ръ въ спи́ну и Медвѣ́дь издо́хъ. Вотъ Лиса́ и говори́тъ Мужику́: «что тепе́рь, Мужи́къ, ты мнѣ за рабо́ту дашь?» — «Дамъ тебѣ па́ру бѣ́лыхъ куръ, а ты неси́, не гляди́.» Она́ взя́ла у Мужика́ мѣшо́къ и пошла́; несла́, несла́ и ду́маетъ: дай погляжу́! Гляну́ла, а тамъ двѣ бѣ́лыя соба́ки. Соба́ки какъ вы́скочатъ изъ мѣшка́-то, да за не́ю. Лиса́ отъ нихъ бѣжа́ла, бѣжа́ла, да подъ пенёкъ въ *но́ру* и ушла́, и си́дя тамъ, говори́тъ *съ собо́ю: „Что вы*, у́шки, дѣлали? — Мы всё слу́шали. — А вы, но́жки, что дѣлали? — Мы всё бѣжа́ли. — А вы, гла́зки? — Мы всё глядѣ́ли. — А ты, хвостъ? — Я всё мѣша́лъ тебѣ бѣжа́ть. — А! ты всё мѣша́лъ! Посто́й же, я тебѣ дамъ! и вы́сунула хвостъ соба́камъ. Соба́ки за него́ ухвати́лись, вы́тащили лису́ и разорва́ли.

4) *При́тчею* мо́жно назва́ть тако́й наро́дный разска́зъ, гдѣ въ осно́вѣ вы́мышленнаго собы́тія поло́жена назида́тельная мысль. Здѣсь приво́дятся два такі́е разска́за:

Сказка о правдѣ и кривдѣ. (*)

Жи́ли-бы́ли два мужичка́, сосѣ́да, бѣ́дные, пребѣ́дные. Оди́нъ-то жилъ коё-какъ, колоти́лся всѣ́ми непра́вдами, гора́здъ былъ на обма́ны и приворну́ть его́ бы́ло дѣ́ло; а друго́й шёлъ по пра́вдѣ, какъ бы труда́ми вѣкъ прожи́ть. Разъ они́ заспо́рили; оди́нъ говори́тъ, лу́чше жить кри́вдой, а друго́й говори́тъ: кри́вдой вѣкъ прожи́ть не смо́жешь, лу́чше жить, какъ ни есть, да пра́вдой. Спо́рили они́, спо́рили, никто́ не переспо́рилъ. И пошли́ они́ на доро́гу, да рѣши́ли спроси́ть до трёхъ разъ, кто имъ навстрѣ́чу попадётъ и что на э́то ска́жетъ Шли они́, шли и увида́ли: ба́рской мужи́къ па́шетъ; подошли́ къ нему́ и говоря́тъ: „Богъ на́-помочь тебѣ́, знако́мый! Разрѣши́ ты нашъ споръ: какъ лу́чше жить на бѣ́ломъ свѣ́тѣ — пра́вдой али кри́вдой?“ — „Нѣтъ, бра́тцы! Пра́вдой вѣкъ прожи́ть не смо́жешь; кри́вдой жить ле́гче. Вотъ и на́ше дѣ́ло, изъ занево́ли прики́нешься, бу́дто что попри́тчилось — хворь нашла́; — а самъ межъ э́тимъ вре́менемъ въ лѣси́шко

(*) Сравни Грим. ч. II. Nr. 107.

съѣздишь по дровицы, не днёмъ, такъ ночью, коли есть запретъ. „Ну, слышишь, моя правда,“ говоритъ криводушный правдивому.

Пошли они опять по дорогѣ; что скажетъ имъ другой. Видятъ они: ѣдетъ на парѣ въ повозкѣ съ кибиткой купецъ. Подошли къ нему и спрашиваютъ: „Остановись-ка на часикъ, не во гнѣвъ твоей милости; о чёмъ мы тебя спросимъ, рѣши нашъ споръ: какъ лучше жить на свѣтѣ, — правдой, али кривдой?“ — „Нѣтъ, ребята! Правдой мудрено жить, лучше кривдой. Насъ обманываютъ и мы обманываемъ.“ — „Ну, слышишь, моя правда!“ говоритъ опять криводушный правдивому.

Пошли они опять по дорогѣ: что скажетъ третій. Шли, шли и видятъ: ѣдетъ прикащикъ на встрѣчу. Подошли къ нему и спрашиваютъ: „остановись-ка на часочекъ; рѣши ты нашъ споръ: какъ лучше жить на свѣтѣ, правдой, али кривдой?“ — „Вотъ нашли, о чёмъ спрашивать! Знаемо дѣло, что кривдой. Какая ныньче правда? За правду въ Сибирь угодишь; скажутъ, кляузникъ...“ — „Ну,“ говоритъ криводушный правдивому: „вотъ слышишь, всѣ говорятъ, что кривдой лучше жить.“ — „Нѣтъ! Надо жить по Божью, какъ Богъ велитъ: что будетъ, то и будетъ, а кривдой жить не хочу!“ говоритъ правдивый криводушному. Пошли опять дорогой вмѣстѣ. Шли, шли, криводушный-то умѣетъ ко всѣмъ прилаживаться; вездѣ его кормятъ и калачи у него есть: а правдивый-то гдѣ водицы изопьётъ; гдѣ поработаетъ, его за это накормятъ. А тотъ, криводушный, всё смѣётся надъ нимъ. Разъ правдивый попросилъ кусочекъ хлѣбца у криводушнаго: „дай мнѣ кусочекъ хлѣбца.“ — „А что за него мнѣ дашь?“ говоритъ криводушный. „Что хочешь, возьми, что у меня есть,“ говоритъ правдивый. „Дай, глазъ я тебѣ выколю!“ — „Ну, выколи,“ онъ ему говоритъ. Криводушный и выкололъ правдивому глазъ и далъ ему маленько хлѣбца. Тотъ стерпѣлъ, взялъ кусочекъ хлѣбца, съѣлъ и пошли опять по дорогѣ. Шли, шли; опять правдивый сталъ просить у криводушнаго хлѣбца кусочекъ. Тотъ опять сталъ надъ нимъ насмѣхаться: „дай,“ говоритъ, „другой глазъ я тебѣ выколю, ну тогда дамъ кусочекъ.“ — „Ахъ, братецъ, пожалѣй, я слѣпой буду!“ такъ правдивый его упрашивалъ. „Нѣтъ, за то ты правдивый, а я живу кривдой.“ Что дѣлать? Ну такъ тому дѣлу и быть! „На, выколи и другой, коли грѣха не боишься!“ говоритъ правдивый криводушному. Вотъ онъ выкололъ ему и другой глазъ и далъ ему маленько хлѣбца, а самъ оставилъ его одного на дорогѣ: „вотъ стану я тебя ещё водить!“

Ну, что дѣлать! Слѣпой съѣлъ кусочекъ хлѣбца и пошёлъ потихоньку, ощупью съ палочкой, и сбился онъ съ дороги и не знаетъ, куда ему идти. И началъ онъ просить Бога: „Господи! не оставь меня, грѣшнаго раба Твоего!“ Молился, молился и услыхалъ онъ голосъ; кто-то ему говоритъ: „иди ты направо, — придёшь къ лѣсу, найди ощупью тропинку и пойди по той тропинкѣ. Придёшь къ гремучему ключу, умойся изъ него водою, испей той воды и намочи ею глаза: ты прозришь. Какъ прозришь, пойди ты вверхъ по ключу тому и увидишь

большо́й ду́бъ, подойди́ къ нему́ и взлѣзь на него́. Дожди́сь тамъ но́чи и слу́шай, что́ бу́дутъ говори́ть подъ тѣмъ ду́бомъ нечи́стые ду́хи; оні́ туда́ слета́ются на та́ковище.“ (³) Вотъ онъ кое́-какъ добрёлъ до лѣса, по́лзалъ-по́лзалъ по нёмъ и напа́лъ кое́-какъ на тропи́нку; пошёлъ по той тропи́нкѣ и дошёлъ до грему́чаго ключа́; умы́лся водо́ю, испи́лъ и примочи́лъ глаза́ и вдругъ уви́дѣлъ опя́ть свѣтъ Бо́жій — прозрѣлъ. Пошёлъ онъ вверхъ по тому́ ключу́; шёлъ-шёлъ по нёмъ и ви́дитъ большо́й дубъ. Подъ нимъ всё уто́птано. Онъ взлѣзъ на дубъ и дожда́лся но́чи. На́чали подъ тотъ дубъ слета́ться со всѣхъ сторо́нъ бѣ́сы и на́чали разска́зывать, гдѣ кто былъ. Оди́нъ бѣсъ и говори́тъ: „я былъ у тако́й-то царе́вны, вотъ де́сять годо́въ её му́чу и вся́чески меня́ выгоня́ютъ изъ нея́, да никто́ меня́ не смо́жетъ вы́гнать, а вы́гонитъ тотъ, кто у тако́го-то бога́таго купца́ доста́нетъ о́бразъ Смоле́нской Бо́жіей Ма́тери, что́ у него́ на воро́тахъ въ кіо́тѣ вдѣ́ланъ.“

На у́тро, какъ всѣ бѣ́сы разлетѣ́лись, правди́вый слѣзъ съ ду́ба, пошёлъ иска́ть того́ купца́ и кое́-какъ нашёлъ его́. Про́сится рабо́тать на него́: «хоть годъ прорабо́таю, ничего мнѣ не на́до, то́лько дай мнѣ о́бразъ Бо́жіей Ма́тери съ воро́тъ.» Купе́цъ согласи́лся, приня́лъ его́ къ себѣ́ въ рабо́тники. Вотъ рабо́талъ онъ у него́, что ни есть мо́чи, кру́глый годъ, и прорабо́тавши годъ, про́ситъ тотъ о́бразъ. А купе́цъ ему́: «ну, бра́тецъ, дово́ленъ я твое́й рабо́той; то́лько жаль мнѣ о́браза, возьми́ лу́чше де́ньги.» — «Нѣтъ, не на́до де́негъ, а дай его́ мнѣ по угово́ру.» — «Нѣтъ, не дамъ о́бразъ; прорабо́тай ещё годъ, ну, такъ и быть, тогда́ отда́мъ его́ тебѣ́.»

Правди́вый мужичо́къ рабо́талъ ещё годъ, ни дня ни но́чи не зналъ, всё рабо́талъ; тако́й стара́тельный былъ. Прорабо́талъ онъ годъ, и опя́ть сталъ проси́ть о́бразъ Бо́жіей Ма́тери съ воро́тъ. Купцу́ опя́ть жаль и его́ отпусти́ть, и о́бразъ-то отда́ть: «Нѣтъ, лу́чше я тебя́ казно́ю награжу́, а коли хо́чешь, то порабо́тай ещё годъ, ну, такъ отда́мъ тебѣ́ о́бразъ.» Такъ тому́ дѣ́лу и быть: опя́ть сталъ рабо́тать годъ, рабо́талъ ещё пу́ще того́; всѣмъ нади́во, како́й былъ рабо́тящій. Прорабо́талъ онъ и трётій годъ и опя́ть про́ситъ о́бразъ. Купе́цъ — дѣ́лать нечего — снялъ о́бразъ съ воро́тъ и отда́лъ ему́: »на, возьми́ о́бразъ и ступа́й съ Бо́гомъ!» напои́лъ, накорми́лъ его́ и де́ньгами награди́лъ ма́лую толи́ку. Взялъ онъ о́бразъ Смоле́нской Бо́жіей Ма́тери, повѣ́силъ на себя́ и пошёлъ къ то́му царю́ царе́вну лѣчи́ть, у кото́рой бѣсъ-то мучи́тель сиди́тъ. Пришо́лъ онъ къ царю́ и говори́тъ: «я де ва́шу царе́вну излѣчи́ть смогу́.» Впусти́ли его́ въ хоро́мы ца́рскія и показа́ли ему́ ту скорбя́щую царе́вну. Онъ спроси́лъ воды́, — по́дали воды́; перекрести́лся и три зе́мныхъ покло́на положи́лъ, помоли́лъ-ля Бо́гу, снялъ съ себя́ о́бразъ Бо́жіей Ма́тери и съ моли́твою три ра́за въ во́ду опусти́лъ; надѣ́лъ его́ на царе́вну и велѣ́лъ ей то́ю водо́ю умыва́ться. Какъ она́, ма́тушка, надѣ́ла на себя́ тотъ о́бразъ и умы́лась то́ю водо́ю, вдругъ изъ нея́ неду́гъ-то — вра́жья та нечи́стая си́ла — клу́бомъ вы́летѣлъ

(³) *собраніе, сходка, совѣщаніе.*

вонъ, и стáла онá здорóва по прéжнему. Этому дѣлу всѣ, не вѣсть, какъ обрáдовались и не знáли, чѣмъ наградѝть э́того мужикá: и зéмлю давáли и вóтчину сулѝли и жáлованье большóе клáли. «Нѣтъ, ничегó не нáдо!» Вотъ царéвна и говорѝтъ царю́: «Я зá-мужъ за негó иду́!» — «Лáдно», царь сказáлъ. И повѣнчáлись и сталъ нашъ мужичóкъ ходѝть въ одéждѣ цáрской, жить въ цáрскихъ хорóмахъ, пить — ѣсть всё-на-всё за однó съ нѝми; жилъ, жилъ и принаторѣ́лъ къ нимъ (4).

Какъ принаторѣ́лъ онъ къ нимъ, и говорѝтъ: „пустѝте меня́ на рóдину; у меня́ есть мать стару́шка бѣ́дная.“ — „Лáдно!“ царéвна, женá-то егó, сказáла, „поѣ́демъ вмѣ́стѣ.“ Вотъ и поѣ́хали онѝ вмѣ́стѣ, вдвоёмъ съ царéвной, и подъѣзжáютъ онѝ къ егó рóдинѣ; попадáется на встрѣ́чу имъ тотъ криводу́шный, что спóрилъ-то съ нимъ, что лу́чше жить крѝвдой, чѣмъ прáвдой А правдѝвый-то, цáрскій-то сынъ, и говорѝтъ: «здрáвствуй, брáтецъ мой!» называ́етъ егó по ѝмени. Тóму въ дикóвину, что въ коля́скѣ — такóй знáтный бáринъ егó знáетъ, а самъ не узнáлъ его. «Пóмнишь, ты спóрилъ со мнóю, что лу́чше жить крѝвдой, чѣмъ прáвдой, и вы́кололъ мнѣ глазá? Это я сáмый!» Тотъ оробѣ́лъ и не знáлъ, что дѣ́лать. «Нѣтъ, не бойся; я на тебя́ не сержу́сь, а желáю тебѣ́ такóго же счáстья. Вотъ пойдѝ ты въ такóй-то лѣсъ«, научáетъ егó, какъ егó Богъ научѝлъ, «въ томъ лѣсу́ увѝдишь ты тропѝнку; пойдѝ по той тропѝнкѣ и придёшь къ грему́чему ключу́; напéйся изъ тогó ключá воды́ и умóйся. Какъ умóешься, пойдѝ ты вверхъ по ключу́, увѝдишь ты тамъ большóй дубъ, взлѣзь на негó и просидѝ всю ночь на нёмъ. Подъ нимъ тáковище нечѝстыхъ ду́ховъ, и ты слу́шай и услы́шишь своё счáстье.»

Криводу́шный по егó слóву, какъ по пѝсанному, всё э́то сдѣ́лалъ: нашёлъ лѣсъ и ту тропѝнку; пошёлъ по тропѝнкѣ и пришёлъ къ грему́чему ключу́; напѝлся и умы́лся, и пошёлъ вверхъ по нему́; увѝдѣлъ большóй дубъ, а подъ ду́бомъ всё утóптано; взлѣзъ онъ на дубъ и дождáлся нóчи, слы́шитъ, какъ со всѣхъ сторóнъ слетáлись нечѝстые ду́хи. Какъ слетѣ́лись онѝ и услыхáли по ду́ху егó на дубу́, и растерзáли егó на мéлкія чáсти. Такъ тѣмъ э́то дѣ́ло и покóнчилось, что правдѝвый-то сталъ цáрскимъ сы́номъ, а криводу́шнаго-то загры́зли чéрти.

2. Марко Богатый и Василій Безсчастный. (*)

Гдѣ-то и когдá-то жилъ купéцъ; звáли егó Мáрко, — по прозвáнію Богáтый. Госпóдь не даровáлъ ему сыновéй, а былá лишь однá дóчь — Анастáсія. Вѝдишь, Богъ-то не равня́етъ насъ, комý даéтъ, а комý нѣтъ. Мáрко терпѣ́ть не могъ нѝщихъ: когдá подойду́тъ къ окóшку, то велѝтъ онъ слугáмъ своѝмъ гнать ихъ и травѝть собáками.

Въ однó врéмя подхóдятъ къ окóшку два сѣ́денькіе старичкá. Мáрко увѝдѣлъ и велѣ́лъ ихъ травѝть собáками. Тутъ случѝлась и дочь — дóбрая Анастáсія, и стáла

(4) привыкъ къ ихъ *образу жизни.*

(*) Сравнѝ Гримма Ч. I. № 29. Der Teufel mit den drei goldenen Haaren.

просить отца своего: «родимый мой батюшка! Не для этихъ нищихъ, а для меня пусти ихъ хоть въ скотную избу; я хочу знать, что это такіе за нищіе.» Отецъ на просьбу дочери согласился, велѣлъ ихъ пустить въ скотную избу. Какъ въ домѣ всѣ успокоились, Анастасія встала и пошла въ скотную, залѣзла на полати и глядѣла на нищихъ. Одинъ изъ старичковъ говоритъ: „въ такомъ-то селѣ у такого-то крестьянина родился сынъ, какъ ему велимъ нарещи (5) имя и какимъ надѣлимъ счастіемъ?“ А другой сказалъ: „Имя нарещи ему Василій, прозваніе Безсчастный, а богатствомъ наградимъ его всѣмъ Марка богатаго, у котораго ночуемъ.“ Анастасія всё это слышала. Старички одѣлись и вышли изъ избы. Какъ уже былъ свѣтъ, Анастасія приходитъ къ своему отцу и всё сказываетъ, что въ скотной видѣла и слышала. Марко захотѣлъ провѣдать, подлинно ли народился сынъ у бѣдняка, и поѣхалъ къ нему. „Добрый человѣкъ!“ сказалъ онъ, „что вамъ дѣлать съ этимъ мальчишкой, коли и самимъ вамъ нечего ѣсть! Отдай его мнѣ.“ — „Что ты, Марко Богатый!“ сказала мать, — „даётъ Богъ дѣтушекъ, даётъ и на дѣтушекъ!“ Марко далъ 500 рублей и бѣдняки согласились. Онъ взялъ къ себѣ мальчика и на-полѣ бросилъ его въ сугробъ снѣга и сказалъ: „вотъ онъ тамъ и владѣй моимъ имѣніемъ!“

На третій день по тойже дорогѣ, гдѣ ѣхалъ Марко, случилось ѣхать купцамъ, для уплаты долга Марку Богатому 12 тысячъ рублей; поровнялись купцы противъ того мѣста, гдѣ брошенъ младенецъ, и видятъ, что изъ сугроба валитъ паръ. Подошли, а въ сугробѣ проталинка, на проталинкѣ зеленѣетъ трава и цвѣтутъ цвѣты, а въ цвѣтахъ лежитъ мальчишечка, забавляется и улыбается. „Это Богъ даётъ намъ благодать, сказали купцы и взяли мальчика съ собою. Пріѣзжаютъ благополучно къ Марку Богатому, и не разсудили показывать ему младенца; но одинъ купецъ очень часто выходилъ къ повозкѣ покормить и пріодѣть ребёнка, чтобы онъ не плакалъ. Дочь Марка Богатаго, Анастасія, захотѣла знать: зачѣмъ часто выходитъ купецъ? Подходитъ она къ повозкѣ; въ повозкѣ заплакалъ младенецъ. Настя взяла его и принесла въ горницу, подходитъ къ отцу и сказываетъ, гдѣ она взяла младенца. Марко гостямъ попенялъ, что они ему не сказали о ребёнкѣ, и сталъ ихъ спрашивать, гдѣ они его взяли; тѣ сказали, что взяли въ оврагѣ и Марко взялъ его на-руки и будто его полюбилъ, понянчилъ, отдалъ дочери и сказалъ: „вотъ тебѣ, дочка, нянчай!“ а самъ сталъ угощать купцовъ и просилъ ихъ, чтобы они этого младенца ему уступили. Купцы не соглашались; наконецъ Марко сказалъ: «я вамъ прощаю весь долгъ!“ За такую сумму купцы согласились и уѣхали. Анастасія такъ была этому рада, что тотчасъ нашла люльку, повѣсила занавѣсы, ухаживала за ребёнкомъ и не разставалась ни день ни ночь. Такъ прошёлъ день, другой и третій. Въ послѣдній день Марко пришёлъ домой попозже, когда

(5) *наречь, назвать.*

Настáсья съ младéнцемъ спалá, взялъ младéнца, посадúлъ его́ въ бочóнокъ, засмолúлъ и брóсилъ его́ съ пристани въ вóду, и тѣмъ успокóился. Настáсья же, проснýвшись и нашéдши младéнца, неутѣшно плáкала; отъ сей печáли мать насúлу моглá её остановúть. Волнóй прибúло бочóнокъ къ бéрегу, на котóромъ стоя́лъ убóгій монасты́рь. Монáхи взя́ли мáльчика, назвáли его Васильемъ, прóзвали Безсчáстнымъ, и онъ сталъ у нихъ рости́ такъ скóро, какъ пшенúчное тѣсто на жáрѣ поднимáется. Прошлó 16 лѣтъ. Васúлій хорошó обучúлся грáмотѣ; Игýменъ óчень его́ любúлъ и опредѣлúлъ его́ ключарёмъ. Мáрку Богáтому случúлось проѣзжáть мúмо и онъ заѣхалъ отслужúть молéбенъ. Его́ встрѣтили, какъ богáтаго человѣка. Игýменъ велѣлъ ключарю́ идтú въ цéрковь; ключáрь идётъ, поётъ и читáетъ, зажигáетъ свѣчи и исправля́етъ свою́ дóлжность отлúчно. Мáрко Богáтый удивляется его́ расторóпности, спрáшиваетъ у Игýмена: „дáвно ли онъ поступúлъ къ вамъ въ монасты́рь?“ Игýменъ разсказáлъ подрóбно, какъ его́ вы́нули изъ бочóнка и скóлько томý лѣтъ назáдъ. Мáрко счёлъ врéмя и узнáлъ, что э́то Васúлій. Онъ сказáлъ Игýмену: „какъ бы у меня́ былъ такóй расторóпный человѣкъ, какъ вашъ ключáрь, я бы сдѣлалъ его́ глáвнымъ прикáщикомъ и всю казнý мою́ и имѣніе моё поручúлъ бы емý подъ смотрѣніе. Нельзя́ ли вамъ уступúть его́ мнѣ?“ Игýменъ дóлго отговáривался и Мáрко предложúлъ за негó монастырю́ 25 ты́сячъ рублéй. Васúлью Безсчáстному э́то бы́ло не протúвно; онъ сказáлъ: „на получённыя за меня́ дéньги отстрóйте начáтую цéрковь, а мнѣ жить, какъ Госпóдь велúтъ!“ Такъ удýмали и согласúлись отпустúть Безсчáстнаго.

Мáрко посылáетъ Васúлія къ себѣ домóй и посылáетъ съ нимъ письмó къ женѣ: „женá моя́, какъ полýчишь э́то письмó, тотъ же часъ отпрáвься съ симъ óтрокомъ погуля́ть на мы́льный завóдъ, и какъ пойдёшь возлѣ большáго кипя́чаго котлá, толкнú его́ въ котёлъ; непремѣнно испóлни! А не испóлнишь, я на тебѣ взыщý стрóго; этотъ ю́ноша мнѣ злодѣй!“ Васúлій съ э́тимъ письмóмъ отпрáвился; попадáется емý навстрѣчу старичёкъ и сказáлъ: „кудá ты, Васúлій Безсчáстный, идёшь?“ Васúлій сказáлъ: „въ домъ Мáрка Богáтаго, къ женѣ его́ съ письмóмъ.“ — „Покажú письмó.“ Васúлій вы́нулъ письмó и далъ старичкý; старичёкъ сломúвъ печáть, далъ Васúлью прочитáть; Васúлій прочитáлъ и прослезúлся: „что́ я э́тому человѣку сдѣлалъ, что онъ послáлъ меня́ на погублéніе!“ Старичёкъ емý сказáлъ: „не печáлься, мой другъ; Богъ тебя́ не остáвитъ“, дýнулъ на письмó, печáть и письмó сдѣлались тáкія же, какъ и бы́ли. „Ступáй тепéрь и отдáй письмó женѣ Мáрка Богáтаго.“

Пришёлъ Васúлій въ домъ Мáрка Богáтаго, óтдалъ письмó его́ женѣ. Женá прочитáла и задýмалась, позвалá свою́ дочь Анастáсію, прочитáла ей отцóво письмó, и въ нёмъ бы́ло написано: «женá моя́! какъ полýчишь письмó отъ сегó ю́ноши, на другóй же день обвѣнчáй дочь мою́ Анастáсію съ нимъ, ибо я не нашёлъ лýчше жениха́ нáшей дóчери; непремѣнно испóлни; а не испóлнишь,

будешь мнѣ отвѣчать." У богатыхъ людей не пиво варить, не вино курить — всё готово, весёлымъ пиркомъ, да и за свадебку. Василья одѣла въ хорошее платье, показала Анастасіи; Василій ей полюбился и Василью понравилась Анастасія, и ихъ обвѣнчали, и черезъ годъ родился у нихъ сынокъ.

Въ одинъ день женѣ Марка Богатаго повѣстили, что прибылъ къ пристани ея мужъ, и она съ зятемъ, дочерью и внукомъ отправилась встрѣчать его. Марко увидѣлъ зятя, разсердился и говоритъ своей женѣ: „какъ ты осмѣлилась обвѣнчать съ нимъ дочь нашу?" — „По твоему приказанію", отвѣчала жена. По прибытіи въ домъ Марко спросилъ письмо, посланное съ Васильемъ, прочиталъ и увѣрился, что точно онъ самъ-то написалъ и поуспокоился, а всё таки не хотѣлъ, чтобъ Василій завладѣлъ его имѣніемъ.

Марко пожилъ съ зятемъ мѣсяцъ, другой и третій; однажды позвалъ онъ къ себѣ зятя и говоритъ ему: „вотъ тебѣ письмо, иди съ нимъ за тридевять земель, въ тридесятое государство къ другу моему царю Змѣю, получи отъ него дань за 12 лѣтъ за то, что онъ построилъ дворецъ на моей землѣ, и узнай тамъ о 12 моихъ корабляхъ, которые пропадаютъ уже три года. Чтобы завтра же поутру ты отправился!" Василій, взявъ письмо, пошёлъ къ женѣ своей и разсказалъ ей, что ему Марко приказывалъ. Анастасія, услыхавши то, горько заплакала, а упрашивать отца не посмѣла. Василій поутру рано, помолясь Богу, взялъ съ собою въ котомочку сухариновъ и пошёлъ. Случилось ему идти мимо монастыря, гдѣ онъ былъ воспитанъ, и зашёлъ онъ въ монастырь; — братія ему были очень рады. Поутру, отслуживъ молебенъ, отправился онъ въ путь. Шёлъ онъ путёмъ-дорогою долго-ли коротко-ли, близко-ли далеко-ли, только слышитъ въ сторонѣ голосъ: „Василій Безсчастный, куда ты идёшь?" Онъ оглядывается на всѣ стороны и говоритъ: „кто меня кличетъ?" — «Я, дубъ, тебя спрашиваю, куда ты идёшь?» — «Я иду къ царю Змѣю за 12 лѣтъ взять съ него дань." Дубъ сказалъ: „какъ будешь во времени (⁶),— обо мнѣ вспомяни, что стоитъ дубъ триста лѣтъ; долго ли ещё ему стоять?" Василій выслушалъ и отправился. Пришёлъ онъ къ рѣкѣ, на которой перевозитъ перевощикъ. Василій сѣлъ на паромъ; перевощикъ его спрашиваетъ: „куда ты, мой другъ, идёшь?" Василій ему сказалъ тоже, что и дубу; перевощикъ его проситъ также напомянуть царю, что перевозитъ перевощикъ тридцать лѣтъ, долго ли ему ещё перевозить? „Хорошо", сказалъ Василій, „скажу", и пошёлъ. Приходитъ онъ къ морю, черезъ море лежитъ Китъ-рыба, по ней идутъ и ѣдутъ. Какъ Василій по ней пошёлъ, Китъ-рыба заговорила: „Василій Безсчастный! куда ты идёшь?" Василій сказалъ ей тоже, что и перевощику, и Китъ его проситъ: „когда будешь во времени, обо мнѣ вспомяни: что лежитъ Китъ-рыба черезъ море, конные и пѣшіе пробили у ней тѣло до рёберъ; долго-ли ей ещё лежать?" Василій обѣщался и пошёлъ. Приходитъ онъ на прекрасный лугъ; на лугу стоитъ удивительный дворецъ; Василій входитъ во дворецъ и пошёлъ по комнатамъ: комната комнаты убрана лучше. Приходитъ онъ въ послѣднюю и видитъ: сидитъ

(⁶) если попадешь въ милость къ царю Змѣю.

дѣвица красавица и горько плачетъ. Какъ увидала она Василья, встала, подошла къ нему и спросила: „что ты за человѣкъ и какъ ты пришёлъ въ такое проклятое мѣсто?“ Василій показалъ ей письмо и сказалъ, что Марко Богатый велѣлъ взять съ Змѣя дань за 12 лѣтъ. Дѣвица бросила письмо въ печь, а Василью сказала: „ты не за данью сюда присланъ, а Змѣю на съѣденье. Какими путями ты шёлъ? Не случилось ли тебѣ дорогою что либо видѣть или слышать?“ Василій сказалъ ей про дубъ, перевощика и Кита-рыбу. Только они успѣли переговорить, затряслась земля и всё зданіе; дѣвица тотчасъ заперла Василья въ сундукъ, что стоялъ подъ кроватью, и сказала ему: „слушай же, что мы съ Змѣемъ будемъ говорить.“ Сама стала встрѣчать Змѣя. Какъ взошёлъ онъ въ комнату, сказалъ: „что здѣсь пахнетъ Русскимъ духомъ?“ Дѣвица отвѣчала: „какъ сюда можетъ зайти Русскій духъ? ты во Руси леталъ, Русскаго духу набрался.“ Змѣй сказалъ: „я сильно усталъ, поищи-ка у меня въ головѣ“; самъ лёгъ на постелю. Дѣвица сказала ему: „царь! какой я безъ тебя сонъ видѣла: будто иду я по дорогѣ, кричитъ мнѣ дубъ — скажи царю-то, долго ли мнѣ ещё стоять?“ — „Ему стоять до тѣхъ поръ“, сказалъ царь, „какъ подойдётъ къ нему кто, да толкнётъ его ногою, и онъ выворотится съ корнемъ и упадётъ; а подъ нимъ злата и серебра многое множество, — столько нѣтъ у Марка Богатаго.“ — „А ещё, пришла я къ рѣкѣ, на которой перевозитъ перевощикъ; онъ также говорилъ, долго-ли ему перевозить.» — «А ему перевозить до тѣхъ поръ, пока онъ кого на паромъ посадитъ, да толкнётъ паромъ отъ берега; тотъ и будетъ вѣчно перевозить, а онъ пойдётъ домой.» — „Ещё, будто шла я по-морю, черезъ Китъ-рыбу, и она мнѣ говорила, долго-ли ей лежать.“ Ей лежать до тѣхъ поръ, покуда вырыгнетъ 12 кораблей Марка Богатаго; тогда пойдётъ въ воду и тѣло у ней наростётъ“, сказалъ царь Змѣй и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Дѣвица выпустила изъ сундука Василія Безсчастнаго и дала ему наставленіе: „по эту сторону Киту-рыбѣ не сказывай, чтобы она вырыгнула 12 кораблей Марка Богатаго, а перейди на ту сторону и скажи. И къ перевощику какъ придёшь, на этой сторонѣ не говори, чтобы онъ кого-нибудь посадилъ на паромъ, да толкнулъ съ паромомъ; а къ дубу придёшь — толкни его ногою на восходѣ, и тутъ увидишь несчётное богатство.“ Василій Безсчастный поблагодарилъ дѣвицу и пошёлъ.

Приходитъ онъ къ Киту-рыбѣ; она его и спрашиваетъ: „говорилъ-ли обо мнѣ?“ — „Говорилъ, вотъ перейду и скажу.“ Какъ перешёлъ и сказалъ: „вырыгни 12 кораблей Марка Богатаго.“ Китъ-рыба вырыгнула корабли, которые пошли на парусахъ, ни въ чёмъ не вредимы; а Василій Безсчастный отъ движенья Кита очутился въ водѣ по колѣна. Пришёлъ Василій къ перевощику; перевощикъ спрашиваетъ: „говорилъ-ли царю Змѣю обо мнѣ?“ — „Говорилъ“, сказалъ ему Василій; „напередъ перевези меня.“ Какъ переѣхалъ на другой берегъ, сказалъ перевощику: „кто къ тебѣ придётъ первый, посади его на паромъ и толкни паромъ отъ берега; тотъ

вѣчно бу́детъ перевози́ть, а ты отправля́йся къ себѣ́ домо́й." Безсча́стный пришёлъ къ ду́бу, толкну́лъ его́ ного́ю; дубъ свали́лся; подъ нимъ зла́та и серебра́, и каме́нья драгоцѣ́ннаго что ни есть числа́! Огляну́лся Васи́лій наза́дъ: ви́дитъ 12 кораблей, что вы́рыгнула Китъ-ры́ба, корабли́ плы́ли пря́мо къ бе́регу. Корабля́ми управля́лъ тотъ са́мый старичёкъ, что попа́лся Васи́лію на встрѣ́чу, когда́ онъ шёлъ къ женѣ́ Ма́рка Бога́таго съ письмо́мъ. Старичёкъ сказа́лъ Васи́лью: „вотъ тебѣ́, Васи́лій, чѣмъ тебя́ Госпо́дь благослови́лъ!" а самъ сошёлъ съ корабля́ и пошёлъ своей доро́гою

Матро́сы, по во́лѣ Васи́лья Безсча́стнаго, зла́то и серебро́ переноси́ли на корабли́. Какъ совсѣ́мъ испра́вились, — пусти́лись въ путь; съ ни́ми и Васи́лій. При́были они́ въ монасты́рь, гдѣ онъ воспита́лся и удѣли́лъ Васи́лій на монасты́рь треть имѣ́нія, что́ взялъ изъ-подъ ду́ба, и монасты́рь изъ бѣ́дныхъ сдѣ́лался бога́тымъ.

Изъ монастыря́ да́ли знать Ма́рку Бога́тому, что плывётъ его́ зять съ 12 корабля́ми и что награди́лъ его́ царь Змѣй несчётнымъ бога́тствомъ. Ма́рко былъ о́чень недово́ленъ, что не сбыло́сь его́ жела́ніе. Велѣ́лъ онъ запря́чь пово́зку, поѣ́халъ самъ къ царю́ Змѣ́ю, попеня́ть ему́ и получи́ть себѣ́ ещё бо́лѣе имѣ́нія. Пріѣ́халъ къ перево́щику, сѣлъ на паро́мъ, перево́щикъ отпихну́лъ паро́мъ — и Ма́рко оста́лся вѣ́чно перевози́ть. А Васи́лій Безсча́стный при́былъ къ женѣ́, тёщѣ и сы́ну своему́, сталъ жить да пожива́ть, да добра́ нажива́ть, бѣ́днымъ помога́ть, ни́щихъ награжда́ть, пои́ть и корми́ть, — и завладѣ́лъ всѣмъ имѣ́ніемъ Ма́рка Бога́таго.

---

200. Народныя пословицы.

Онѣ знакомятъ съ внутреннимъ бытомъ народа: съ его домашнею жизнію, характеромъ, образомъ мыслей и нравами, ибо онѣ суть плоды мыслительности народа и его наблюденій надъ собственною жизнію и природою, выражаемыхъ кратко, но рѣдко, иногда живописно и остроумно. Съ другой стороны знако́мство съ пословицами важно и для языкознанія, ибо онѣ суть удачнѣйшія произведенія самороднаго языка, не испытавшаго чужеплеменныхъ вліяній.

1. Въ Русскихъ пословицахъ можно найти понятіе народа о *а)* климатѣ Россіи, *б)* занятіяхъ народа, *в)* пищѣ и т. п.

а) Народъ выразилъ невыгодныя свойства отечественнаго климата или суроваго или непостояннаго въ слѣдующей пословицѣ: *До Свята́го Ду́ха* (50-й день послѣ дня Свѣтлаго Христова Воскресенія) *не снима́й кожу́ха, а какъ пройдётъ Св. Духъ, надѣва́й опять кожу́хъ.*

б) Изъ занятій рѣшительно предпочитается другимъ земледѣліе, лежащее въ основѣ государственнаго благосостоянія: *не бу́детъ па́хотника, не бу́детъ и ба́рхотника*; или: *Звалъ ячме́нь пшени́чку: пойдёмъ туда́, гдѣ зо́лото роди́тся; мы тамъ бу́демъ съ тобо́ю води́ться. Пшени́чка сказала: у тебя́, ячме́нь, дли́ненъ усъ, да умъ коро́токъ; зачѣмъ намъ съ зо́лотомъ води́ться? оно́ къ намъ и са́мо привали́тся.*

в) Хотя умѣренный и воздержный въ пищѣ, и, по обстоятельствамъ, совсѣмъ не прихотливый, по пословицѣ: *Не до жи́ру, быть бы живу́*, народъ нашъ по справедливости порицаетъ себя за склонность къ пьянству и особенно къ запою, — обыкновенной болѣзни у народовъ, употребляющихъ хлѣбное вино: *мужи́къ годъ не пьётъ, два не пьётъ; а какъ бѣсъ прорвётъ, такъ и всё пропьётъ.*

2. Еще важнѣе замѣтить въ пословицахъ нѣкоторыя отличительныя черты характера народа, который самъ себя безпристрастно описываетъ. Здѣсь отрадно встрѣтить глубоко утвержденныя въ народѣ

а) царелюбіе, уваженіе къ старшимъ, набожность; — *За́-Богомъ моли́тва, и за царёмъ слу́жба не пропада́етъ.*

Ста́ршихъ и въ Ордѣ (даже у необразованныхъ народовъ) *почита́ютъ. — Гдѣ старья́, тамъ и статья́* (порядокъ). *На́-Бога поло́жишься, не обло́жишься. Ни оте́цъ до дѣте́й, какъ Богъ до люде́й.*

б) Хозяйственную старательность, при чемъ мужъ пріобрѣтаетъ, а жена хранитъ и въ пользу употребляетъ: *Отъ хозя́ина па́хнетъ вѣтромъ, а отъ хозя́йки ды́момъ.*

в) Впрочемъ въ характерѣ народа странно соединяются два противоположныя свойства, скопидомство и тороватость или даже мотовство. Неиспорченный причудами цивилизаціи, народъ довольствуется очень малымъ: *Было бы хлѣ́ба съ ду́шу, пла́тья съ но́шу де́негъ съ ну́жу.* [illegible] и роскошь въ ѣдѣ [illegible] ми, но весьма

чинъ, что: *Брю́хо добра́ не по́мнитъ.* Извѣдавъ по́томъ и кровью цѣну хлѣба, Ру́сскій дорожитъ каждой его крошкой, и принимается за него не иначе, какъ за святыню и даръ Божій, напередъ умывши руки и помолившись. Платье любитъ народъ покойное и прочное, носитъ его до износу и въ починенномъ ходить не стыдится, оправдываясь тѣмъ, что: *Царь и города́ чи́нитъ.* Вообще бережливость считается важною хозяйственною добродѣтелью: *Бе́режно такъ не́-должно. — Берегі́ де́нежку про чёрный день,* — ибо по старинному разсчету: *Де́нежка рубля́ бережётъ, а ру́бль го́лову стережётъ.*

При всемъ томъ нельзя́ не замѣтить сильной наклонности къ хвастовству своимъ имуществомъ, и Ру́сскій человѣкъ, долго копивши, любитъ: *Хоть на часъ да вскачь!* — Это называется у насъ: *Себя́ показа́ть,* такъ *чтобы зна́ли на́шихъ,* и тутъ: *Послѣдняя копе́йка и та ребро́мъ!*

г) Терпѣливость есть отличительная черта Русскаго народа, которую онъ доказалъ въ цѣлой своей Исторіи. Роковая ея необходимость выражается такъ: *Терпі́ голова́, въ ко́сти ско́вина!* При этомъ одно утѣшеніе: *Оттѐрпимся — и мы лю́ди бу́демъ,* или: *Стѐрпится — слю́бится.* Но какъ: *Терпя́ и ка́мень трѐснетъ,* то Фридрихъ II-й не даромъ сказалъ: Русскій терпѣливъ только до зачина.»

д) Непамятозлобіе. Иностранцы, удивляясь легкости, съ какою Ру́сскіе забываютъ нанесенныя имъ обиды, приписываютъ оную легкомыслію и вѣтрености характера,

но нельзя забывать обидъ безъ мягкости сердца и великодушія; Рускій считаетъ злопамятство бременемъ для души: *Тому тяжело, кто помнитъ зло*. Самое прощальное привѣтствіе: «прости!» указываетъ на рѣдкое миролюбіе народнаго характера.

е) Вообще радушіе и справедливость къ ближнимъ дѣлаютъ честь народному характеру. Всякій конечно долженъ заботиться о своемъ благоденствіи и о благомъ пріобрѣтеніи: *Отрубй себѣ ту рўку по́-локоть, котóрая себѣ добрá не желáетъ;* при всемъ томъ не должно наживаться на счетъ ближняго: *Чужими рукáми жаръ загребáть*, ибо *Богъ вúдитъ, кто когó обúдитъ*, а потому *Не бóйся богáтыхъ грозъ, а бóйся убóгихъ слёзъ*. Должно жить такъ, чтобы всѣ заботились *Другъ о другѣ, а Богъ обо всѣхъ*. Для этой цѣли нужно избѣгать самолюбія злобы и зависти: *Самолюбъ никомў не любъ; Въ лúхости да въ зáвисти нѣтъ ни прóку ни рáдости*. Средство для избѣжанія этихъ пороковъ есть обузданіе страстей и покореніе воли разуму, ибо *Кто вóли своéй не перемóжетъ, тотъ счáстливъ быть не мóжетъ*, и *Дай лишь сéрдцу вóлю, заведётъ тебя въ невóлю*.

Здѣсь приводится нѣсколько извѣстнѣйшихъ пословицъ въ азбучномъ порядкѣ:

1. Авóсь небóсю роднóй братъ.
2. Берегись козлá спéреди, лóшади сзáди, а лихáго человѣка со всѣхъ сторóнъ.
3. Берёза не угрóза: гдѣ онá стоúтъ, тамъ и шумúтъ.
4. *Бить дуракá, — жаль кулакá.*
5. Богáтый не зóлото глотáетъ а бѣдный не кáмень глóжетъ.
6. Бóгу молúсь, а къ бéрегу гребúсь.
7. Богъ стáрый Чудотвóрецъ.
8. Бодлúвой корóвѣ Богъ рогъ не даётъ.
9. Бóчка мёду, да лóжка дёгтю.
10. Боярину шутў радъ, да съ нимъ не хóдитъ въ рядъ.
11. Бранися, а на миръ слóво оставляй.
12. Брань на воротў не вúснетъ.
13. Брюхо, что неправéдный судія, и мóлча прóситъ.
14. Быть было ненáстью, да дождь помѣшáлъ.
15. Бѣлыя рўки чужíе трудú любятъ.
16. Велúкъ тѣломъ, да малъ дѣломъ.
17. Винó съ водóй хўже водý съ винóмъ.
18. Вóлкъ-то на вóлѣ, да и вóстъ довóлѣ.
19. Всё минётся, однá прáвда остаётся.
20. Всегдá себя покóишь, такъ дóма не устрóишь.
21. Всегдáшни скалозўбы бывáютъ всѣмъ не любы.
22. Всѣмъ равнó, да не однó: кóшка въ избѣ, а собáка на дворѣ.
23. Вся́кій смѣхъ о себя ударúтъ.
24. Въ дўшу вьётся, а въ кармáнъ лѣзетъ.
25. Въ мúломъ нѣтъ постылаго, а въ постылóмъ нѣтъ мúлаго.
26. Въ сéмеры гóсти зовўтъ, а всё на правёжъ.
27. Въ сéрдце окнá нѣтъ.
28. Въ тѣ порý бўдетъ досўгъ, какъ вонъ понесўтъ.
29. Въ чёмъ мóлодъ похвáлится, въ томъ старъ покáется.

30. Гдѣ былъ? у дру́га. Что́ пилъ? во́ду, а лу́чше не́другова мёду.
31. Гдѣ во́лчій ротъ, а гдѣ и ли́сій хвостъ.
32. Гдѣ ни жить, а одному́ Царю́ служи́ть.
33. Гдѣ пожа́ръ, тутъ бѣгу́тъ туши́ть, а кого́ оби́дятъ, не хотя́тъ потужи́ть.
34. Гдѣ си́ла, тамъ уму́ моги́ла.
35. Гдѣ хвостъ нача́ло, тамъ голова́ моча́ло.
36. Говори́тъ бѣда́, а молча́тъ друга́я.
37. Громъ не гря́нетъ, мужи́къ не перекре́стится.
38. Дай Богъ вамъ ко́гти о́стрые, то́лько бы насъ не драть.
39. Два бра́та на медвѣ́дя, а два своя́ка на кисель.
40. Двухъ смерте́й не бу́детъ, а одно́й не минова́ть.
41. Дёшево да гни́ло; до́рого да ми́ло.
42. До́брая сла́ва лежи́тъ, а худа́я далёко бѣжи́тъ.
43. Добро́ на дру́га кала́чъ купи́ть, а не пока́жется, мо́жно и самому́ съѣ́сть.
44. До́браго не на́-долго, сла́дкаго не до́-сыта.
45. До́брое молча́ніе чѣмъ не отвѣ́тъ.
46. До́брому во́ру всё въ-по́ру.
47. Ду́ма за гора́ми, а смерть за плеча́ми.
48. Ду́шенька, жёнушка, уста́ла молотя́; отдохни́ потолки́.
49. Дѣ́ломъ поспѣши́шь, такъ люде́й насмѣши́шь.
50. Жива́я кость мя́сомъ обростётъ.
51. Живо́й живо́е и ду́маетъ.
52. За голо́днаго Богъ запла́титъ.
53. За му́хой съ обу́хомъ не наго́ня́ешься.
54. Заря́ деньгу́ даётъ.
55. Змѣя́ куса́етъ не для сы́тости, а для ли́хости.
56. Зо́лото не въ зо́лото, но побыва́въ подъ мо́лотомъ.
57. И дворъ и воръ; а въ рѣ́дкомъ два.
58. Изъ одного́ де́рева ико́на и лопа́та.
59. Какъ во́лка ни корми́, а онъ всё къ лѣ́су гляди́тъ.
60. Коли самъ плохъ, такъ не дастъ Богъ.
61. Коли у му́жа съ жено́ю совѣ́тъ, такъ и въ постъ мясоѣ́дъ.
62. Коль мо́жешь, весели́сь, а всё на бѣ́дныхъ огляни́сь.
63. Кому́ до чего́, а кумѣ́ до всего́.
64. Кому́ на комъ жени́ться, тотъ въ того́ и роди́тся.
65. Красна́ рѣчь слу́шаньемъ.
66. Красно́ по́ле ро́жью, а рѣчь ло́жью.
67. Кри́вы дрова́, да пря́мо горя́тъ.
68. Крута́ гора́, да забы́вчива.
69. Крѣпка́ тюрьма́, да кто ей радъ!
70. Кто Бо́гу не грѣ́шенъ, царю́ не винова́тъ!
71. Кто гдѣ роди́лся, тотъ тамъ и пригоди́лся.
72. Кто говори́тъ, что́ хо́четъ, услы́шитъ, чего́ и не хо́четъ.
73. Кто на́-морѣ не быва́лъ, тотъ до́-сыта Бо́гу не ма́ливался.
74. Кто себя ху́литъ, тотъ жела́етъ похвалы́.
75. Кто торгу́етъ, тотъ всегда́ горю́етъ.
76. Кто ча́рки допива́етъ, тотъ вѣ́ку не дожива́етъ.

77. Куда́ иго́лка, туда́ и нитка.
78. Куда́ конь съ копы́томъ, туда́ и ракъ съ клешнёй.
79. Ку́рица по зёрнышку клюётъ, да сыта́ живётъ.
80. Легко́ мнится бре́мя на чужо́мъ ра́мѣ.
81. Лу́чше у́мная хула́, чѣмъ дура́цкая хвала́.
82. Лѣстницу на́до мести́ све́рху, а не сни́зу.
83. Матери́нская моли́тва со дна мо́ря вынимаетъ.
84. Матери́нскія сердца́ въ дѣткахъ, а дѣтскія въ ка́мешкахъ.
85. Мірска́я молва́ что морска́я волна́.
86. Мно́го бу́дешь знать, такъ ско́ро соста́ришься.
87. Мно́го знать — ма́ло спать.
88. Мно́го хоро́шихъ, да ми́лаго нѣтъ.
89. Мно́го хорошо́, а бо́льше — лу́чше.
90. Мо́крый дождя́ не бои́тся.
91. Молоде́цъ на ове́цъ, а на молодца́ — самъ овца́.
92. Молодо́му жени́ться ра́но, а ста́рому по́здно.
93. Мужика́ не бей дубьёмъ, а бей рублёмъ.
94. Мужъ (лю́битъ) жену́ здоро́вую, братъ сестру́ бога́тую.
95. Мука́ не му́ка, а безъ муки́ му́ка.
96. На гру́бое сло́во не серди́сь, а на ла́сковое сло́во не сдава́йся.
97. На́добно уговори́ться на берегу́ плыть за рѣку́.
98. Назва́вшись груздёмъ, полѣза́й въ ку́зовъ.
99. На зло моля́щимъ нѣтъ событья.
100. Назови́ мужика́ бре́томъ, — *онъ ска́жетъ: а я большо́й.*
101. На людя́хъ и сме́рть красна́.
102. На ми́лость образца́ нѣтъ.
103. Написано перо́мъ, не вы́рубишь и топоро́мъ.
104. На пра́вду ма́ло словъ.
105. На смерть, что на со́лнце, во всѣ глаза́ не взгля́нешь.
106. На тебѣ небо́же, что мнѣ него́же.
107. На то ры́ба щу́ка, чтобы кара́сь не дрема́лъ.
108. На хотѣнье есть терпѣнье.
108. Не бей дуби́ною, ссуди́ полти́ною; — двора́ не бу́детъ знать.
109. Не всё то твори́тся, что говори́тся.
110. Не всегда́ воръ прихо́дитъ, но всегда́ его́ ждутъ.
111. Не всему́ вѣрь, что слы́шишь; не всего́ жела́й, что ви́дишь; не всё говори́, что зна́ешь; не всё дѣлай, что мо́жешь.
112. На слу́жбу не навя́зывайся; а отъ слу́жбы не отка́зывайся.
113. Не выбира́й глаза́ми (невѣсты), а выбира́й уша́ми.
114. Невѣста роди́тся, а жени́хъ на́-конь сади́тся.
115. Не дать взаймы́ — осту́да на вре́мя; а дать — ссо́ра на вѣки.
116. Недосо́лъ на столѣ, а пересо́лъ на спинѣ.
117. Не жени́сь для тёщи, не выдава́й для свёкра.
118. Не извѣдавши бро́ду, не су́йся въ во́ду.
119. Не клади́ во́лку па́льца въ ротъ.
120. Пло́хо не клади́, во́ра въ грѣхъ не вводи́.
121. Не красна́ изба́ угла́ми, красна́ пирога́ми.
122. Не ло́жкою а ѣдако́мъ.

123. Не любй дру́га потако́вщика, а любй встрѣ́чника.
124. Не мно́гаго нѣтъ, — ума́ недостаётъ.
125. Не на́добна соловью золота́я клѣ́тка, лу́чше ему́ зелёная вѣтка.
126. Не накла́дно сы́таго по́дчивать.
127. Не носи́ть плачёнаго — не вида́ть злачёнаго.
128. Не пей за столбо́мъ, а пей за столо́мъ.
129. Не плюй въ чужо́й коло́децъ, — случи́тся въ нёмъ воды́ испи́ть.
130. Не пога́но мо́ре, что пёсъ нала́калъ.
131. Не поклоня́сь грибу́ до земли́, не подня́ть его́ въ ку́зовъ.
132. Не помутя́сь, мо́ре не уста́вится.
133. Не посѣ́явъ ни го́рсти, — да пошли́ Богъ приго́ршни.
134. Не по́-хорошу милъ, а по́-милу хоро́шъ.
135. Не правъ медвѣ́дь, что коро́ву съѣлъ; не права́ и коро́ва, что въ лѣсъ взошла́.
136. Непра́вое собра́ніе — прахъ!
137. Не пропа́ло, коль на люде́й попа́ло.
138. Не про то говоря́тъ, что мно́го ѣдя́тъ; а про то говоря́тъ, что ѣли, да куда́ краюшку дѣли?
139. Не рабо́та су́шитъ, а забо́та.
140. Не свой глазъ — не любо́й кусъ.
141. Не смѣ́йся, бра́тецъ, чужо́й сестри́цѣ; своя́ въ дѣви́цахъ!
142. Не со́лоно хлеба́ть, что не ми́лаго цѣлова́ть.
143. Не спра́шивай у ста́раго, спрашивай у быва́лаго.
144. Не сты́дно хлѣбъ доста́ть трудо́мъ, сты́дно хлѣбъ доста́ть стыдо́мъ.
145. Не тамъ воръ кра́детъ, гдѣ мно́го; а тамъ, гдѣ пло́хо.
146. Не то́лько свѣ́ту, что́ въ окнѣ́.
147. Не тотъ ми́лостивъ, кто мно́го ми́лостыни даётъ, а тотъ ми́лостивъ, кто никого́ не оби́дитъ.
148. Не тронь дерма́ — не воня́етъ.
149. Не учи́ бѣ́лаго ле́бедя пла́вать, а боя́рскаго сы́на съ Тата́рами би́ться.
150. Не учи́ться хрома́ть, когда но́ги боля́тъ.
151. Не хвали́ въ о́чи, не брани́ за глаза́.
152. Не хуля́, — не ку́пишь; не хваля́, не прода́шь.
153. Не ѣвши ле́гче, а поѣвши лу́чше.
154. Не оте́цъ до дѣте́й, какъ Бо́гъ до люде́й.
155. Ни пья́наго моли́тва, ни хво́раго постъ.
156. Нужда́ нау́читъ калачи́ ѣсть.
157. Нужда́ сча́стье наси́луетъ.
158. Обу́ха плётью не перебьёшь.
159. Обы́чай бы́чій, а умъ теля́чій.
160. Овца́ не по́мнитъ отца́, а сѣ́но ей съ ума́ нейдётъ.
161. Оди́нъ у Миро́на сынъ да и то́тъ Миро́новичъ.
162. Одна́ голова́ не бѣдна́.
163. Одна́ копе́йка и та ребро́мъ.
164. Окіа́нъ-мо́ре — Бо́жія доро́га (mare librum est).
165. Опасе́нье полови́на спасе́нья.
166. Осень говори́тъ: я поля́ хлѣбомъ уряжу́, а весна́ говори́тъ: ещё я погляжу́.
167. Осень говори́тъ: гни́ло; а весна́: ми́ло, лишь бы то́лько бы́ло!
168. Осе́рдясь на блохъ, да и шу́бу въ печь.

но нельзя забывать обидъ безъ мягкости сердца и великодушія; Рýсскій считаетъ злопамятство бременемъ для души: *Томý тяжелó, кто пóмнитъ зло.* Самое прощальное привѣтствіе: «прости!» указываетъ на рѣдкое миролюбіе народнаго характера.

е) Вообще радушіе и справедливость къ ближнимъ дѣлаютъ честь народному характеру. Всякій конечно долженъ заботиться о своемъ благоденствіи и о благомъ пріобрѣтеніи: *Отрубú себѣ ту рýку пó-локоть, котóрая себѣ добрá не желáетъ;* при всемъ томъ не должно наживаться на счетъ ближняго: *Чужúми рукáми жаръ загребáть*, ибо *Богъ вúдитъ, кто когó обúдитъ*, а потому *Не бóйся богáтыхъ грозъ, а бóйся убóгихъ слёзъ.* Должно жить такъ, чтобы всѣ заботились *Другъ о другѣ, а Богъ обо всѣхъ.* Для этой цѣли нужно избѣгать самолюбія злобы и зависти: *Самолюбъ никомý не любъ; Въ лúхости да въ зáвисти нѣтъ ни прóку ни рáдости.* Средство для избѣжанія этихъ пороковъ есть обузданіе страстей и покореніе воли разуму, ибо *Кто вóли своéй не перемóжетъ, тотъ счáстливъ быть не мóжетъ*, и *Дай лишь сéрдцу вóлю, заведётъ тебя въ невóлю.*

Здѣсь приводится нѣсколько известнѣйшихъ пословицъ въ азбучномъ порядкѣ:

1. Авóсь небóсю роднóй братъ.
2. Берегúсь козлá спéреди, лóшади сзáди, а лихáго человѣка со всѣхъ сторóнъ.
3. Берёза не угрóза: гдѣ онá стоúтъ, тамъ и шумúтъ.
4. *Бить дуракá, — жаль кулакá.*
5. Богáтый не зóлото глотáетъ а бѣдный не кáмень глóжетъ.
6. Бóгу молúсь, а къ бéрегу гребúсь.
7. Богъ стáрый Чудотвóрецъ.
8. Бодлúвой корóвѣ Богъ рогъ не даётъ.
9. Бóчка мёду, да лóжка дёгтю.
10. Боя́ринъ шутý радъ, да съ нимъ не хóдитъ въ рядъ.
11. Бранúся, а на миръ слóво оставля́й.
12. Бравь на воротý не вúснетъ.
13. Брю́хо, что непрáведный судія́, и мóлча прóситъ.
14. Быть было ненáстью, да дождь помѣшáлъ.
15. Бѣлыя рýки чужіе труды́ лю́бятъ.
16. Велúкъ тѣломъ, да малъ дѣломъ.
17. Винó съ водóй хýже воды́ съ винóмъ.
18. Вóлкъ-то на вóлѣ, да и вóетъ довóлѣ.
19. Всё минётся, однá прáвда остаётся.
20. Всегдá себя́ покóишь, такъ дóма не устрóишь.
21. Всегдáшни скалозýбы бывáютъ всѣмъ не лю́бы.
22. Всѣмъ равнó, да не однó: кóшка въ избѣ, а собáка на дворѣ.
23. Вся́кій смѣхъ о себя́ удáритъ.
24. Въ дýшу вьётся, а въ кармáнъ лѣзетъ.
25. Въ мúломъ нѣтъ посты́лаго, а въ посты́ломъ нѣтъ мúлаго.
26. Въ сéмеры гóсти зовýтъ, а всё на правёжъ.
27. Въ сéрдце окнá нѣтъ.
28. Въ тѣ поры́ бýдетъ досýгъ, какъ вонъ понесýтъ.
29. Въ чёмъ мóлодъ похвáлится, въ томъ старъ покáется.

30. Гдѣ былъ? у дру́га. Что́ пилъ? во́ду, а лу́чше не́дру́гова мё́ду.
31. Гдѣ во́лчій ротъ, а гдѣ и ли́сій хвостъ.
32. Гдѣ ни жить, а одному́ Царю́ служи́ть.
33. Гдѣ пожа́ръ, тутъ бѣгу́тъ туши́ть, а кого́ оби́дятъ, не хотя́тъ потужи́ть.
34. Гдѣ си́ла, тамъ уму́ моги́ла.
35. Гдѣ хвостъ нача́ло, тамъ голова́ моча́ло.
36. Говори́ть бѣда́, а молча́ть другая́.
37. Громъ не гря́нетъ, мужи́къ не перекре́стится.
38. Дай Богъ вамъ ко́гти о́стрые, то́лько бы насъ не драть.
39. Два бра́та на медвѣ́дя, а два свояка на кисель.
40. Двухъ смерте́й не бу́детъ, а одно́й не минова́ть.
41. Дёшево да гни́ло; до́рого да ми́ло.
42. До́брая сла́ва лежи́тъ, а худа́я далёко бѣжи́тъ.
43. Добро́ на дру́га кала́чъ купи́ть, а не пока́жется, мо́жно и самому́ съѣ́сть.
44. До́браго не на́-долго, сла́дкаго не до́-сыта.
45. До́брое молча́ніе чѣмъ не отвѣ́тъ.
46. До́брому во́ру всё въ-по́ру.
47. Ду́ма за гора́ми, а смерть за плеча́ми.
48. Ду́шенька, жёнушка, уста́ла молотя́; отдохни́ потолки́.
49. Дѣ́ломъ поспѣши́шь, такъ люде́й насмѣши́шь.
50. Жива́я кость мя́сомъ обростётъ.
51. Живо́й живо́е и ду́маетъ.
52. За голо́днаго Богъ запла́титъ.
53. За му́хой съ обу́хомъ не наго́нишься.
54. Заря́ деньгу́ даётъ.
55. Змѣя́ куса́етъ не для сы́тости, а для ли́хости.
56. Зо́лото не въ зо́лото, не побыва́въ подъ мо́лотомъ.
57. И дворъ и воръ; а въ рѣдкомъ два.
58. Изъ одного́ де́рева ико́на и лопа́та.
59. Какъ во́лка ни корми́, а онъ всё къ лѣ́су гляди́тъ.
60. Коли самъ плохъ, такъ не дастъ Богъ.
61. Коли у му́жа съ жено́ю совѣ́тъ, такъ и въ постъ мясоѣ́дъ.
62. Коль мо́жешь, весели́сь, а всё на бѣ́дныхъ огляни́сь.
63. Кому́ до чего́, а кумѣ́ до всего́.
64. Кому́ на комъ жени́ться, тотъ въ того́ и роди́тся.
65. Красна́ рѣчь слу́шаньемъ.
66. Красно́ по́ле ро́жью, а рѣчь ло́жью.
67. Кри́вы дрова́, да пря́мо горя́тъ.
68. Крута́ гора́, да забы́вчива.
69. Крѣпка́ тюрьма́, да кто ей радъ!
70. Кто Бо́гу не грѣ́шенъ, царю́ не винова́тъ!
71. Кто гдѣ роди́лся, тотъ тамъ и пригоди́лся.
72. Кто говори́тъ, что́ хо́четъ, услы́шитъ, чего́ и не хо́четъ.
73. Кто на́-морѣ не быва́лъ, тотъ до́-сыта Бо́гу не ма́ливался.
74. Кто себя ху́литъ, тотъ жела́етъ похвалы́.
75. Кто торгу́етъ, тотъ всегда́ горю́етъ.
76. Кто ча́рки допива́етъ, тотъ вѣ́ку не дожива́етъ.

77. Куда́ иго́лка, туда́ и нитка.
78. Куда́ конь съ копы́томъ, туда́ и ракъ съ клешнёй.
79. Ку́рица по зёрнышку клюётъ, да сыта́ живётъ.
80. Легко́ мнится бре́мя на чужо́мъ ра́мѣ.
81. Лу́чше у́мная хула́, чѣмъ дура́цкая хвала́.
82. Лѣ́стницу на́до мести́ све́рху, а не сни́зу.
83. Матери́нская моли́тва со дна мо́ря выннма́етъ.
84. Матери́нскія сердца́ въ дѣткахъ, а дѣтскія въ ка́мешкахъ.
85. Мірска́я молва́ что морска́я волна́.
86. Мно́го бу́дешь знать, такъ ско́ро соста́ришься.
87. Мно́го знать — ма́ло спать.
88. Мно́го хоро́шихъ, да ми́лаго нѣтъ.
89. Мно́го хорошо́, а бо́льше — лу́чше.
90. Мо́крый дождя́ не бои́тся.
91. Молоде́цъ на ове́цъ, а на молодца́ — самъ овца́.
92. Молодо́му жени́ться ра́но, а ста́рому по́здно.
93. Мужика́ не бей дубьёмъ, а бей рублёмъ.
94. Мужъ (лю́битъ) жену́ здоро́вую, бра́ть сестру́ бога́тую.
95. Мука́ не му́ка, а безъ муки́ му́ка.
96. На гру́бое сло́во не серди́сь, а на ла́сковое сло́во не сдава́йся.
97. На́добно уговори́ться на берегу́ плыть за рѣку́.
98. Назва́вшись груздёмъ, полѣза́й въ ку́зовъ.
99. На зло моля́щимъ нѣтъ сбы́тья.
100. Назови́ мужика́ бре́томъ, — *онъ ска́жетъ: а я большо́й.*
101. На людя́хъ и сме́рть красна́.
102. На ми́лость образца́ нѣтъ.
103. Написано перо́мъ, не вы́рубишь и топоро́мъ.
104. На пра́вду ма́ло словъ.
105. На смерть, что на со́лнце, во всѣ глаза́ не взгля́нешь.
106. На тебѣ небо́же, что мнѣ него́же.
107. На то ры́ба щу́ка, чтобы кара́сь не дрема́лъ.
108. На хотѣнье есть терпѣнье.
108. Не бей дуби́ною, ссуди́ полти́ною; — двора́ не бу́детъ знать.
109. Не всё то твори́тся, что гово́рится.
110. Не всегда́ воръ прихо́дитъ, но всегда́ его́ ждутъ.
111. Не всему́ вѣрь, что слы́шишь; не всего́ жела́й, что ви́дишь; не всё говори́, что зна́ешь; не всё дѣла́й, что мо́жешь.
112. На слу́жбу не навя́зывайся; а отъ слу́жбы не отка́зывайся.
113. Не выбира́й глаза́ми (невѣсты), а выбира́й уша́ми.
114. Невѣ́ста роди́тся, а жени́хъ на́-конь сади́тся.
115. Не дать взаймы́ — осту́да на вре́мя; а дать — ссо́ра на вѣ́ки.
116. Недосо́лъ на столѣ́, а пересо́лъ на спинѣ́.
117. Не жени́сь для тёщи, не выдава́й для свёкра.
118. Не извѣ́давши бро́ду, не су́йся въ во́ду.
119. Не клади́ во́лку па́льца въ ротъ.
120. Пло́хо не клади́, во́ра въ грѣхъ не вводи́.
121. Не красна́ изба́ угла́ми, красна́ пирога́ми.
122. Не ло́жкою а ѣдако́мъ.

123. Не люби друга потаковщика, а люби встрѣчника.
124. Не многаго нѣтъ, — ума недостаётъ.
125. Не надобна соловью золотая клѣтка, лучше ему зелёная вѣтка.
126. Не накладно сытаго подчивать.
127. Не носить плачёнаго — не видать злачёнаго.
128. Не пей за столбомъ, а пей за столомъ.
129. Не плюй въ чужой колодецъ, — случится въ нёмъ воды испить.
130. Не погано море, что пёсъ налакалъ.
131. Не поклонясь грибу до земли, не поднять его въ кузовъ.
132. Не помутясь, море не уставится.
133. Не посѣявъ ни горсти, — да пошли Богъ пригоршни.
134. Не по-хорошу милъ, а по-милу хорошъ.
135. Не правъ медвѣдь, что корову съѣлъ; не права и корова, что въ лѣсъ взошла.
136. Неправое собраніе — прахъ!
137. Не пропало, коль на людей попало.
138. Не про то говорятъ, что много ѣдятъ; а про то говорятъ, что ѣли, да куда краюшку дѣли?
139. Не работа сушитъ, а забота.
140. Не свой глазъ — не любой кусъ.
141. Не смѣйся, братецъ, чужой сестрицѣ; своя въ дѣвицахъ!
142. Не солоно хлебать, что не милаго цѣловать.
143. Не спрашивай у стараго, спрашивай у бывалаго.
144. Не стыдно хлѣбъ достать трудомъ, стыдно хлѣбъ достать стыдомъ.
145. Не тамъ воръ крадетъ, гдѣ много; а тамъ, гдѣ плохо.
146. Не только свѣту, что въ окнѣ.
147. Не тотъ милостивъ, кто много милостыни даётъ, а тотъ милостивъ, кто никого не обидитъ.
148. Не тронь дерма — не воняетъ.
149. Не учи бѣлаго лебедя плавать, а боярскаго сына съ Татарами биться.
150. Не учиться хромать, когда ноги болятъ.
151. Не хвали въ очи, не брани за глаза.
152. Не хуля, — не купишь; не хваля, не продашь.
153. Не ѣвши легче, а поѣвши лучше.
154. Не отецъ до дѣтей, какъ Богъ до людей.
155. Ни пьянаго молитва, ни хвораго постъ.
156. Нужда научитъ калачи ѣсть.
157. Нужда счастье насилуетъ.
158. Обуха плетью не перебьёшь.
159. Обычай бычій, а умъ телячій.
160. Овца не помнитъ отца, а сѣно ей съ ума нейдётъ.
161. Одинъ у Мирона сынъ да и тотъ Мироновичъ.
162. Одна голова не бѣдна.
163. Одна копейка и та ребромъ.
164. Океанъ-море — Божія дорога (mare librum est).
165. Опасенье половина спасенья.
166. Осень говоритъ: я поля хлѣбомъ уряжу, а весна говоритъ: ещё я погляжу.
167. Осень говоритъ: гнило; а весна: мило, лишь бы только было!
168. Осердясь на блохъ, да и шубу въ печь.

169. Отольются во́лку ове́чьи слёзы.
170. Отъ добра́ добра́ не и́щутъ.
171. Пе́рвое сча́стье — съ ма́лаго кусо́чка сы́ту быть.
172. Пере́днія колёса ло́шадь везётъ, а за́днія са́ми ка́тятся.
173. Пови́нную го́лову и мечъ не сѣчётъ.
174. Погоди́, Тата́ринъ, дай са́блю вы́нуть!
175. Пода́льше поло́жишь, побли́же возьмёшь.
176. Пожалѣлъ волкъ жеребёнка, оста́вилъ хво́стъ да гри́вку.
177. Позави́довалъ плѣши́вый лы́сому.
178. Получи́лъ доброво́льно, наступя́ на го́рло.
179. По нево́лѣ во́лосы вя́нутъ, какъ за нихъ тя́нутъ.
180. По пла́тью встрѣча́ютъ, по уму́ провожа́ютъ.
181. Попы́тка не шу́тка, а спро́съ не бѣда́.
182. Посули́лъ Панъ шу́бу, такъ и сло́во его́ грѣетъ.
183. Поѣзжа́й на́-день, а бери́ хлѣба на недѣлю.
184. Пра́вда глаза́ ко́летъ.
185. Пусти́ свои́ у́ши въ лю́ди, такъ всего́ услы́шишь.
186. Пья́ному и мо́ре по колѣно.
187. Пьянъ да умёнъ, два уго́дья въ нёмъ.
188. Пѣшій ко́нному не това́рищъ.
189. Радъ бы куръ на сва́дьбу не шёлъ, да за крыло́ волоку́тъ.
190. Ра́зумъ не вели́тъ, — ума́ не спра́шивайся.
191. Ро́домъ не Нѣмчи́нъ, а ука́зывать гора́здъ.
192. Руса́къ за́днимъ умо́мъ живётъ.
193. Ры́ба начина́етъ по́ртиться съ *головы́*.
194. Сади́тъ въ печь пирожки́, а вынима́етъ покры́шки на горшки́.
195. Свой своему́ по нево́лѣ другъ.
196. Свой умъ — царь въ головѣ.
197. Свои́хъ друзе́й нажива́й, а отцо́выхъ не теря́й.
198. Семь бѣдъ — оди́нъ отвѣтъ.
199. Семь разъ отмѣря́й, одна́жды отрѣжь.
200. Серди́лась ба́ба на торгъ, а торгъ про то не вѣдаетъ.
201. Серди́тъ, да не си́ленъ — козлу́ братъ.
202. Серди́тъ съ горшки́ не ѣзди́тъ.
203. Се́рдце се́рдцу вѣсть подаётъ.
204. Си́ла соло́му ло́митъ.
205. Ско́ро ска́зка ска́зывается, да не ско́ро дѣло дѣлается.
206. Слѣпо́й ку́рицѣ всё пшени́ца.
207. Сня́вши го́лову по волоса́мъ не пла́чутъ.
208. Солда́тъ, что баго́ръ; что зацѣпи́лъ, то и потащи́лъ.
209. Спѣши́ть хорошо́ — лишь блохъ лови́ть.
210. Ста́рица Со́фья обо всёмъ мірѣ со́хнетъ.
211. Ста́рую соба́ку не ба́тькой звать.
212. Су́женаго на конѣ не объѣдешь.
213. Съ мі́ру по ни́ткѣ, го́лому руба́ха.
214. Съ покло́на голова́ не боли́тъ.
215. Съ сумо́й, да съ тюрьмо́й никогда́ не брани́сь.
216. Съ чужа́го коня́ среди гря́зи доло́й.
217. Тамъ хорошо́, гдѣ насъ нѣтъ.
218. Ти́ше ѣдешь, да́льше бу́дешь.
219. То́лько у молодца́ и золотца́, что пу́говка оловца́.
220. То не спасе́нье, что пьянъ въ Воскресе́нье.

221. Торгъ любитъ во́лю, а умъ просто́ръ.
222. Туда́ — сюда́ рубль, туда́ — сюда́ два, коро́ву торгова́ла — семь рублей дава́ла; вотъ те (тебѣ) и всѣ де́сять рублей.
223. У Бо́га вся́кій день пра́здникъ.
224. Убо́гъ каме́ньевъ не гло́жетъ, а бога́тъ зо́лота не глота́етъ.
225. У бѣ́днаго шу́ба ове́чья, а душа́ человѣ́чья.
226. У зимы́ съ лѣ́томъ ла́ду нѣ́ту.
227. Умный това́рищъ — полови́на доро́ги.
228. Умъ пришёлъ, да пора́ прошла́.
229. У семи́ ня́некъ дитя́ безъ гла́за.
230. Учи́ дитя́ пока́ поперёкъ ла́вочки лежи́тъ.
231. Учи́ жену́ безъ дѣтей, дѣте́й безъ людей.
232. Хвастли́ваго съ бога́тымъ не распозна́ешь.
234. Хлѣбъ въ пути́ не тя́гость.
235. Хоть бы пёсъ, да яица бы нёсъ.
236. Хоть щей горшо́къ, — да самъ большо́й.
237. Хотѣ́нье найдётъ причи́ну.
238. Цѣ́лы-ль са́ни, а ло́шади пропа́ли.
239. Цѣлова́лъ вранъ ку́рочку до послѣ́дняго пёрушка.
240. Что́ гла́зомъ не-досмо́тришь, то мошно́ю допла́тишь.
241. Что сово́ю о печь, что пе́чью о сову́ — всё не бо́льно.
242. Чужа́я душа́ темна́ (потёмки).
243 Ши́ре грязь! — Наво́зъ ѣдетъ!
244. Ѣзда́ безпу́тная: сане́й нѣтъ, впрячь не́чего, да и ѣхать не́куда.
245. Яшное пивцо́, да оржано́е бы винцо́, а пиро́гъ хоть бы и пшени́чный.

Приложеніе II-е.

Образцы произведеній стихотворцевъ прошедшаго столѣтія.

201. Ода, выбранная изъ Іова, главы 38, 39, 40 и 41.

О ты, что (¹) въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль (²) въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ.
И такъ его на распрю звалъ.

Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ:
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
Мое величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи?
Когда взошла луна въ ночи?

Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далъ (³) не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвигнулъ океанъ?

Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе (⁴) утру быть,
И нивы, въ день томящей (⁵) жажды,
Дождемъ прохладнымъ напоить,—
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?

Стремнинами путей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину,
И счелъ ли чудъ многообразныхъ
Стада, ходящія по дну?
Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тьмою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты сперъ (⁶) ли адовы уста?

Стѣсняя вихремъ облакъ мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца трясущимъ трескомъ
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

Твоей ли хитростью взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крила (⁷) простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?

(¹) *просторѣч.* вмѣсто: который. (²) вм. *какъ*. (³) *вм. далѣе.*

(⁴) ранѣе вм. ра́ньше или ра́нѣе. (⁵) вм. томительной. (⁶) вм. заперъ, чтобъ онѣ уже никого болѣе не поглощали. (⁷) вм. крылья.

От облакъ видитъ онъ высокихъ
Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ,
Что я ему на пищу далъ.
Толь быстро око ты ль создалъ?

Воззри въ лѣса на бегемота,
Что мною сотворенъ съ тобой (8);
Колючій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой.
Какъ верьви сплетены въ немъ жилы.
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ литая мѣдь;
Кто можетъ рогъ его сотреть (9)?

Ты можешь ли левіаѳана
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ океана
Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ какъ мѣдными щитами,
Копье и мечъ и молотъ твой
Считаетъ за тростникъ гнилой.

Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ
И зубы — страшный рядъ серповъ;
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаетъ,
И твёрдость оныхъ презираетъ.
Для (10) крѣпости великихъ силъ,
Считаетъ ихъ за мягкой илъ.

Когда ко брани устремится,
То море какъ котелъ кипитъ,
Какъ печь гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздражонны,
Какъ угль въ горнилѣ раскалённый.

(8) котораго я сотворилъ точно также какъ и тебя. (9) вм. стереть, сбить; значитъ тоже, что одолѣть. (10) вм. по причинѣ.

Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня.
Кто можетъ стать противъ меня?

Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить я хотѣлъ,
Просилъ ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?
Какъ перстъ (11) я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка,
Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ я далъ?

Сіе, о смертный, разсуждая,
Представь Зиждителеву власть,
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть (12).
Онъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого, или покоитъ.
Въ надеждѣ тяготу сноси,
И безъ роптанія проси.

Ломоносовъ.

(11) цркв. слав. прахъ, землія. (12) поставь себѣ въ обязанность — терпѣть.

202. Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.

Уже прекрасное свѣтило
Простёрло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззрѣть;
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,

Тамъ вихри пламенны крутятся
Борющись ([1]) множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада,
Тобою, Боже, возжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ([2]) Ты творить намъ повелѣлъ!

Отъ мрачной нощи ([3]) свободились ([4])
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись,
Исполненны Твоихъ чудесъ,
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель, нашъ Господь!

Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ ([5]).
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Ліётся ([6]) радость твари всей.

Творецъ! покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,
И, что угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи, —
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь!

Ломоносовъ.

([1]) вм. борясь. ([2]) вм. которыя. ([3]) цркв. слав. вм. ночи. ([4]) стар. вм. освободились. ([5]) вм. предѣловъ. ([6]) цркв. слав. вм. льется.

---

203. Премудрость. Притчей глава 8. Изъ оды на новый 1764 годъ.

Цвѣтутъ во славѣ мною царства,
И пишутъ правой судъ цари;
Гнушаясь мерзостью коварства,
Рѣшу нелицемѣрно при.
Могу дѣла изчислить задни ([1]),
И что раждается по вся ([2]) дни;
О будущемъ предвозвѣщу;
Мои полезны всѣмъ совѣты;
Отъ чтителей моихъ навѣты
Предупреждая отвращу.

Господь творенія начало
Премудростію положилъ;
При мнѣ впервые возсіяло
На тверди множество свѣтилъ;
И въ нѣдрахъ неизмѣрной бездны
Назначилъ словомъ бѣги звѣздны.
Со мною солнце Онъ возжегъ.
Въ стихіяхъ прекратилъ раздоры,
Унизилъ долъ, возвысилъ горы,
И предписалъ пучинѣ брегъ.

Ломоносовъ.

([1]) совершенныя въ прежнія времена. ([2]) вм. во всѣ дни, всякій день.

---

204. Кузнечикъ.

Кузнечикъ дорогой, коль ([1]) много ты блаженъ,
Коль больше предъ людьми ты счастьемъ одаренъ!
Препровождаешь жизнь межъ мягкою травою,
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многихъ ты презрѣнна тварь;
Но въ самой истинѣ ты передъ нами царь;
Ты ангелъ во плоти; иль лучше, ты безплотенъ!
Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ,
Что видишь, всё твоё; вездѣ въ своёмъ дому,
Не просишь ни о чомъ, не долженъ никому.

Ломоносовъ.

([1]) вм. какъ.

---

205. Взятіе Нотебурга (Шлиссельбурга). Изъ поэмы: Петръ Великій.

Какъ туча грозная вися надъ головой,
Надута пламенемъ сокрывшимся (1) водой,
Напрягшуюся внутрь едва содержитъ силу,
Отъемлетъ (2), почернѣвъ, путь дневному свѣтилу,
Внезапно разродясь, стисняетъ (3) громомъ слухъ,
И воздухъ двигаясь въ груди стѣсняетъ духъ;
Сугубятъ долы звукъ и пропасти глубоки,
И дождь и градъ шумитъ, и съ горъ ревутъ потоки;
Земля, вода, лѣса поколебались такъ,
Когда изъ многихъ вдругъ жерлъ людныхъ поданъ знакъ,
И Ладога на днѣ, во глубинахъ завыла.
Стоящая на ней самоизвольно сила
Удара и часа урочнаго дождавъ (4),
Спѣшитъ на подвигъ свой, на положенье главъ;
Имъ къ разнымъ путь смертямъ теченіе прекрасно.
Представь себѣ, мой духъ, позорище ужасно!
Отъ веселъ шумъ и скрыпъ, свистъ ядръ, и махинъ ревъ
Гласятъ противникамъ Петровъ и Божій гнѣвъ.
Они упрямствомъ злымъ еще ожесточенны,
Покрывъ смертельными орудіями стѣны,
Судьбину силятся на время отвратить
И смертью Росскою свою смерть облегчить,
Какъ вихри сильные, стѣсненные грозою.
Къ приступу Карповъ, вождь Преображенскихъ силъ,
Всѣхъ прежде началъ бой, всѣхъ прежде смерть вкусилъ.
Свинцомъ лежитъ пронзенъ сквозь чрево и сквозь руку,
Вьючись, далъ знать съ душой и съ храбростью разлуку.

Сквозь дымъ, сквозь кровавыхъ сверканіе мечей
Вперяетъ бодрыхъ Петръ вниманіе очей,
И лѣствицъ краткость зритъ, поставленныхъ къ восходу,
Въ приступѣ своему губительну (5) народу:
Не могутъ храбрые стѣнъ верху досягнуть,
И тщетно вѣрную противнымъ ставятъ грудь,
Стремяся отвратить раженіе ихъ встрѣчно.
О коль велико въ нёмъ движеніе сердечно!
Геройско рвеніе, досада, гнѣвъ и жаль (6),
И для (7) погибели удалыхъ главъ печаль!
Смотря на воинства упадокъ безполезный,
Къ стоящимъ близъ себя возвелъ зеницы слезны:
«Что всуе (8) добрыхъ мнѣ, сказалъ, сыновъ губить?
Голицыну, спѣша, велите отступить.»
Примѣромъ показалъ монархъ нашъ, что герои

---

(1) сокрытымъ. (2) црков. слав. вм. отнимаетъ, преграждаетъ. (3) вм. оглушаетъ. (4) вм. *дождавшись*.

(5) вм. погибельную — короткость лѣстницъ. (6) вм. жалость. (7) вм. о погибели. (8) црков. слав. напрасно.

Не радостію чтутъ кровопролитны
бои;
И славныхъ надъ врагомъ прибыточныхъ побѣдъ
Покрытый трупами всегда прискорбенъ слѣдъ.
Межъ тѣмъ подвижники другъ друга поощряютъ,
И лѣствицъ мужествомъ короткость дополняютъ.
Голицынъ пламенемъ отвсюду окруженъ,
Сказалъ: «мы скоро трудъ увидимъ совершонъ;
«Чрезъ отступленіе отъ крѣпости обратно
«Въ другой еще приступъ погибнетъ войскъ двукратно.
«И если государь желаетъ городъ взять,
«Позволилъ бы намъ бой начатый окончать.»
Съ отвѣтомъ на стѣну предъ всѣми поспѣшаетъ,
Солдатамъ слѣдовать себѣ (9) повелѣваетъ:
«Безчестенъ въ свѣтѣ вамъ и смертенъ здѣсь возвратъ;
«Преславно торжество, конецъ вашъ будетъ святъ:
«Дерзайте мужествомъ отечество прославить,
«Монарха своего побѣдою поздравить.»
На копья, на мечи, на ярость сопостатъ,
На очевидну смерть Россіяне летятъ.
Противники огнёмъ разятъ и влажнымъ варомъ,
Желѣзомъ, камнями, всѣхъ тягостей ударомъ.
На предводителя поверженно бревно
Свирѣпымъ зеліемъ упало разжено.

(9) *вм. за собой.*

Онъ сринутъ поблѣднѣлъ межъ трупами бездушныхъ,
И томнымъ окомъ зритъ окружниковъ послушныхъ;
Еще старается дать къ твердости приказъ,
Еще пресѣченный болѣзнью нудитъ гласъ.
Ревнители его и слову и примѣру,
Держа въ умѣ царя, отечество и вѣру,
Какъ волны на крутой тѣснятся дружно брегъ,
Вспященны (10) крутизной, возобновляютъ бѣгъ....
... — Уже не Нарвская, о Готы, вамъ удача:
Не мѣстничество здѣсь и не оплошной Крой,
Не старой брани видъ, не безъ порядка строй;
Великій правитъ Петръ рождённое (11) имъ войско,
И Шереметева раченіе геройско
Отмщеньемъ дышущихъ бодритъ напоръ сердецъ.
Увидѣвъ крѣпости въ сраженіи конецъ,
Вы неизбѣжну смерть покорствомъ предварили,
И бѣлой къ сдачѣ знакъ по вѣтру распустили.

Ломоносовъ.

(10) црков. слав. остановленный. (11) вм. рожденнымъ.

206. Богъ. Ода.

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый (1) въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,

(1) црков. слав. вм. живущій.

Безъ лицъ въ трёхъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою исполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ: — Богъ!

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій, —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Хаоса бытность (2) довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде всѣхъ рожденну,
Въ Себѣ Самомъ Ты основалъ.
Себя Собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда (3) свѣтъ истекъ;
Создавый (4) все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ!

Ты цѣпь существъ въ Себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь,
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный (6), ясный день, зимой,
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся (7), зыблются, сіяютъ:
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Свѣтилъ возжонныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей (8) громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры —
Передъ Тобой, какъ нощь (9) предъ днёмъ.

Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія.
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣономъ,
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною:
А я передъ Тобой — ничто.

Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ (10) летаю
Всегда пареньемъ въ высоты:
Тебя душа моя быть (11) чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ;
Я есмь — конечно есь и Ты!

---

(2) вм. бытіе, существованіе. (3) изъ котораго. (4) цркв. слав. вм. создавшій. (5) вм. *еси*. (6) морозный.

(7) вм. вращаются, кружатся. (8) вм. хрусталей или кристалловъ. (9) цркв. слав. вм ночь. (10) вм. какимъ-то. (11) Этотъ оборотъ (accusativus cum infinitivo) есть одинъ изъ встрѣчающихся въ Церковно-славянской письменности эллинизмовъ.

Ты есь — природы чинъ ([12]) вѣщаетъ;
Гласитъ мое мнѣ сердце то;
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь! — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Рединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ, повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества;
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь, — я рабъ; — я червь, — я богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ? — безвѣстенъ ([13]);
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей-то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія ([14]) безсильны
И тѣни начертать Твоей!
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ не возможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И — благодарны слезы лить.

Державинъ.

---

207. Изъ оды: Цѣленіе Саула.

Саулъ, Сіона Царь, сынъ Кисовъ, волю Бога,
Взгордясь, презрѣлъ: тѣмъ власть Его уничижилъ;
Господь, средь гнѣва яра, строга,
Блестящее лицо съ ([1]) Саула отвратилъ,
И рекъ: «Поди, злой духъ, круши его!»
Глаголомъ симъ ([2]) вострепетали бездны;
Сквозь пропасти подземны,
Со огненна одра, покоя своего,
Возстала злая месть, и идетъ на Саула....
Уныньe дикое, безмолвно, тяжело,
Густой подобно мглѣ — на грудь, на очи, на чело,
На духъ преступника, на сердце налегло,
Огнемъ всю внутренность, тоской смертельно жгло,
И ночь и день его, терзая угнетало,
Мечтами ужасало.
Почувствовалъ, почулъ ([3])
Еговы гнѣвъ Саулъ.

Веселья отъ него повсюду удалились,

([12]) т. е. порядокъ, благоустройство. ([13]) просторѣч. вм. мнѣ неизвѣстно. *([14]) вм. воображенія;* это слово во *множ. числѣ не употребляется.*

([1]) вм. отъ. ([2]) вм. отъ сего глагола, т. е. слова. ([3]) вм. почуялъ.

И утучняющій спорхнулъ отъ вѣждей сонъ;
По ссохшимся щекамъ потоки слезъ катились, —
И былъ какъ тѣнь, какъ остовъ онъ.
Въ размученномъ (4) такомъ тревожномъ состояньи
Друзья вокругъ его во плачѣ, во стенаньи
Вѣщаютъ, что пастухъ, по имени Давидъ,
Болѣзни тяжкія бряцаньемъ струнъ цѣлитъ;
Что арфы громкіе и тихозвучны тоны
Волшебствомъ нѣкакимъ (5) обворожаютъ слухъ,
Покоятъ, веселятъ, лелѣютъ, нѣжатъ духъ
И прогоняютъ грусть, задумчивость и стоны,
И, словомъ, мочной (6) что гармоньи сладка власть
Удобна (7) исцѣлять болѣзнь и всяку страсть.
Поспѣшно повелѣлъ звать сына Іессея.

Пѣвецъ пришолъ и хоръ съ нимъ предъ него (8),
И — зря (9), что на одрѣ Царь, взоромъ пламенѣя,
Лежитъ и день клянетъ рожденья своего, —
Созвучностію струнъ, касаясь чуть ушесъ (10),
Двугласно тихо пѣснь вознёсъ:

«О Боже! поспѣши
Сердечный внять мой гласъ:
Скорбь царску утиши,
Отри потоки съ глазъ
И просвѣти Твое лице
На блещущемъ его вѣнцѣ.»
«Виждь, стрѣлы, Судія,
Твои его разятъ;
Какъ лютая змія,
Ліютъ во сердце ядъ.
О Боже! поспѣши,
Скорбь царску утиши.» —
Внимаетъ пѣснь (11) монархъ; но сила звуковъ, словъ
Такъ отъ него скользитъ, какъ лучъ отъ холма льдяна;
Снѣдаетъ грусть его, мысль чорная печальна.
Пѣвецъ то зритъ — и, взявъ другихъ строй голосовъ,
Поетъ ужъ хоромъ всѣмъ, но сонно, полутонно,
Смятенью тартара, душѣ смятенной сходно:
«На пустыхъ высотахъ, на зыбяхъ Божій Духъ
Искони до вѣковъ въ тихой тьмѣ возносился,
Какъ орёлъ надъ яйцомъ, надъ зародышемъ вкругъ (12)
Тварей всѣхъ теплотой, такъ крылами гнѣздился.
Огнь, земля и вода, и весь воздухъ въ борьбѣ
Межъ собой, внутрь и внѣ безпрестанно сражались,
И лишь жизнь тѣмъ они всѣмъ являли въ себѣ,
Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ прорывались;
Громъ на громъ въ вышинѣ, гулъ на гулъ въ глубинѣ,
Какъ катясь, какъ вратясь, даль и близь оглушали;

(4) вм. мучительномъ. (5) Смотр. 206. 10. (6) вм. мощной, могущественной. (7) вм. способна. Надлежащій порядокъ словъ долженъ быть таковъ: что сладкая власть мощной гармоніи въ состояніи исцѣлять и пр. (8) вм. къ нему. (9) црков. слав. вм. видя. (10) црков. слав. вм. *ушей*.

(11) вм. пѣсни (дат. падежъ). (12) вкругъ относится къ глаголу гнѣздился.

Бездны безднъ, хляби хлябъ, колебавъ въ тишинѣ
Безъ устройствъ естество, ужасъ, мракъ представляли.»

Подъ томной пѣснью сей царя тягчайшій сонъ
Давилъ, что больше мёртвъ, чѣмъ живъ казался онъ.
Былъ сходенъ хаосу, въ сонъ вѣчный погруженну,
Въ себѣ самомъ смятенну.
Но гласъ взгремѣлъ:
Стихіевъ ([13]) бездны раздѣлились;
Огнь съ воздухомъ на высоту взлетѣлъ,
Земля съ водою внизъ спустились:
Бысть ([14]) свѣтъ!
Чертежъ, въ умѣ Творца предвѣчно изложенный,
Напечатлѣлся всей природы на росткахъ,
На скрытыхъ сѣменахъ.
Всѣхъ думъ Его отсвѣтъ,
Отъ слова образъ взявъ, сталъ видъ одушевленный,
И въ родѣ всяка тварь своемъ,
Къ чему назначена, явилась точно тѣмъ.
Какъ искра, отъ кремня и стали воспрянувъ,
Такъ солнце излилось изъ мрака возблеснувъ.

Прекрасное свѣтило
Грядетъ среди небесъ!
Величіе открыло
Тмы Божескихъ чудесъ.
Въ слѣды его смотря,
Румянилась заря;
Въ безмолвномъ утра мракѣ
Сіяетъ Оріонъ,

([13]) *вм. стихій.* ([14]) *цркв. слав. вм. былъ, сталъ, сдѣлался.*

Но звѣздъ царя при зракѣ ([15])
Блѣднѣетъ, меркнетъ онъ.
На сѣверѣ въ полнощи ([16]) льетъ
Свой ([17]) Арктусъ яркій свѣтъ.

«И ты, о милая лампада,
Луна!» такъ воспѣвалъ пастухъ:
«Средь звѣздъ вдали блестяща стада
Свой тихо совершаешь кругъ.
Сумрачны тучи удивились
Задумчивой красѣ твоей,
Когда края ихъ посребрились
Отъ свѣтлости твоихъ лучей,
И ты царицей нощи стала. —

Такъ тмы планетъ, въ молчаньи, путь
Проходятъ свой благоговѣйно,
Стремяще ([18]) не отложный трудъ
Къ мѣтѣ всеобщей, стройно, вѣрно.
О коль сей дивснъ тихогромъ ([19]),
И льетъ гармонію какую!
Какъ свѣтлыхъ серафимовъ сонмъ
Крылами пѣснь на нёмъ святую,
Порхавъ, по сферамъ издаютъ;
Созвучно всѣ Творца поютъ.
Воскликни хоръ, воскликни вдругъ,
И Ты Творца, съ тмой звѣздъ согласно,
Пой съ серафимы ([20]) велегласно;
И ты, Его творенье рукъ,
Веселой, трепетной душой
Хвалу Его любовью пой!» —

Въ безчувствіи глухомъ лежащаго владыку
Проникнулъ сладкій шумъ сего священна лику ([21]).

([15]) цркв. слав. вм. при видѣ царя звѣздъ. ([16]) вм. въ полуночи, тоже что на сѣверѣ. ([17]) *Свой* винит. падежъ, относится къ слову *свѣтъ*. ([18]) цркв. слав. вм. стремя, устремляя. ([19]) вм. фортепьяно. ([20]) цркв. слав. творит. падежъ вм. серафимами. ([21]) вм. священнаго лика.

Оцѣпенѣлый взоръ вкругъ дико
водитъ онъ,
И чудесамъ небесъ дивится, мыслей
полнъ.
Но ново пѣніе возстало ([22]),
И вновь царя слухъ обуяло ([23]):
Онъ слышитъ, океанъ, возставъ,
съ челъ звѣздъ потекъ,
Шумяще, въ свой предѣлъ, во глу-
бины безмѣрны;
Возникли горъ хребты мгновенно
изъ средь бездны,
И межъ себя пути отверзли бѣгу
рѣкъ;
А тамъ, нагнувшися, скалы кру-
ты, кремнисты
Низвергнули съ себя журчащій,
чистый ключъ,
Который, какъ жемчугъ пересы-
паясь чистый,
Катитъ по муравѣ потокъ свой въ
понтъ зыбучъ.

«Вижд, пестрѣетъ стадомъ холмъ:
Агнцы по лугамъ рѣзвятся;
Тонкимъ скрыты облачкомъ,
Пѣсни жавронковъ гласятся ([25]);
А какъ солнца лучъ багряный
Загорится средь ручья,
Отдаются ([26]) рощи дальны
Свистомъ громкимъ соловья.
Съ неба ангелы нисходятъ,
Пѣсни ангельски поя,
И блаженство ихъ низводятъ
Въ тѣни злачныя рая.....» ([28])

Державинъ.

([22]) вм. началось, поднялось. ([23]) вм. наполнило. ([24]) цркв. слав. форма повелит. наклоненія отъ глагола *видѣть*, который на Русскомъ языкѣ вовсе не имѣетъ повелит. наклоненія, по самому своему значенію, наравнѣ съ глаголами: слышать, хотѣть, мочь. ([25]) вм. слышатся, раздаются. ([26]) вм. оглашаются. ([27]) вм. свое. ([28]) раѧ́ вм. ра́я.

---

208. Изъ оды: На взятіе Измаила.

Везувій пламя изрыгаетъ,
Столпъ огненный во тмѣ стоитъ;
Багрово зарево сіяетъ;
Дымъ чорный клубомъ вверхъ ле-
титъ;
Краснѣетъ понтъ, ревѣтъ громъ
ярый,
Ударамъ въ слѣдъ звучатъ удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ те-
четъ;
Клокочутъ рѣки рдяной лавы:
О Россъ! таковъ твой ([1]) образъ
славы,
Что ([2]) зрѣлъ подъ Измаиломъ
свѣтъ!.....

Какъ воды съ горъ весной въ до-
лину
Низвержась ([3]), пѣнятся, ревутъ;
Волнами, льдомъ трясутъ плотину:
Къ твердынямъ Россы такъ текутъ.
Ничто имъ путь не воспящаетъ ([4]);
Смертей ли блѣдныхъ полкъ встрѣ-
чаетъ,
Иль адъ скрежещетъ зѣвомъ къ
нимъ:
Идутъ — какъ въ тучахъ скрыты
громы,
Какъ двигнуты безмолвны холмы;
Подъ ними стонъ, — за ними
дымъ.....

Не бардъ ([5]) ли древній, изступлен-
ный,
Волшебнымъ ихъ ведётъ жезломъ?
Нѣтъ! свыше пастырь вдохновен-
ный
Предъ ними идетъ со крестомъ;
Вѣнцы нетлѣнны обѣщаетъ,

([1]) вм. образъ твоей славы. ([2]) просторѣч. вм. которую. ([3]) вм. низвергаясь. ([4]) цркв. слав. вм. преграждаетъ. ([5]) пѣвецъ.

И кровь пролить благословляетъ
За честь, за вѣру, за царя;
За нимъ вождей рядъ предъ полками,
Какъ бурныхъ дней предъ облаками
Идётъ огнистая заря....

О! что за зрѣлище предстало?
О пагубный, о страшный часъ!
Злодѣйство что ни вымышляло,
Поверглось, Россы, все на васъ!
Зрю камни, адра, варъ и бревны.
Но чѣмъ герои устрашены?
Чѣмъ можетъ отраженъ быть Россъ?
Тотъ лѣзетъ по бревну на стѣну;
А тотъ летитъ съ стѣны въ геенну;
Всякъ Курцій, Децій, Буарозъ!....

Представь: по свѣтлости лазуря,
По наклоненію небесъ,
Взошла чернобагрова буря
И грозно возлегла на лѣсъ;
Какъ страшна нощь, надулась чревомъ,
Дохнула съ свистомъ, воемъ, ревомъ,
Помчала воздухъ, прахъ и листъ;
Подъ тяжкими ея крылами
Упали кедры вверхъ корнями,
И затрещалъ Ливанъ кремнистъ.

Представь послѣдній день природы,
Что пролилася звѣздъ рѣка;
На огнь пошли стѣною воды;
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи къ тучамъ гнали,
Что мракъ лишь молньи освѣщали,
Что громъ потрясъ всемірну ось,
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро (6) казалось раскаленно:
Се (7) видъ, какъ вшелъ въ Измаилъ Россъ!

Вошелъ! — не бойся, рекъ, — и всюды (8)
Простеръ свой троегранный штыкъ:
Поверглись тѣлъ кровавы груды:
Напрасно слышанъ жалобъ крикъ.
Напрасно, бранны человѣки,
Вы льете крови вашей рѣки,
Котору (9) должно бы беречь.
Но съ самаго вѣковъ начала
Война народы пожирала;
Священъ сталъ долгъ: рубить и жечь!

Тотъ мыслитъ овладѣть всѣмъ міромъ;
Тотъ не принять его оковъ:
Вселенной царь сталъ врану пиромъ,
Герои — снѣдію волковъ.
Увы! палъ кринъ, и пали терны.
Почто жъ? — Судьбы Небесны темны. —
Я здѣсь пою лишь браней честь.
Насъ горсть — но полкъ лежитъ предъ нами;
Насъ полкъ, — но съ тысячьми (10) и тмами
Мы низложили городъ въ персть. (11)

Языки (12), знайте, вразумляйтесь,
Въ надменныхъ мысляхъ содрогайтесь;
Увѣрьтесь симъ, что съ нами Богъ!
Увѣрьтесь, что Его рукою
Одинъ попретъ васъ Россъ войною,
Коль встать изъ бездны золъ возмогъ.

Я вижу страшную годину:
Его три вѣка держитъ сонъ;
Простертую подъ нимъ долину
Покрылъ вездѣ колючій тёрнъ;
Лицо туманъ подёрнулъ блѣдный;

---

(6) *вм. ядромъ раскаленнымъ.* (7) цркв. *слав. вм. вотъ, таковъ видъ.*

(8) вм. всюду. (9) вм. которую. (10) вм. тысячами. (11) црки. слав. вм. прахъ. (12) црки. слав. вм. народы.

Ослабли мышцы удрученны;
Скатилась въ мракъ глава его;
Разбойники вокругъ суровы
Взложили тяжкія оковы;
Змѣя на сердцѣ у него.

Онъ спитъ! — и насѣкомы, гады
Румяный потемняютъ зракъ ([13]);
Войны опустошаютъ грады,
Раздоры пожираютъ злакъ ([14]);
Чуть зрится блескъ его короны;
Страдаетъ вѣра и законы,
И ты къ отечеству любовь!
Какъ звѣрь, его Батый рветъ гладный;
Какъ змѣй сосетъ, лжецарь коварный:
Повсюду пролилася кровь!

Лежалъ онъ во своей печали,
Какъ тёмная въ пустынѣ ночь;
Враги его рукоплескали,
Друзья не мыслили помочь,
Сосѣди грабежомъ алкали;
Князья, бояре въ нѣгѣ спали
И ползали въ пыли, какъ червь:
Но Богъ, но Духъ его великій
Сотрясъ съ него бѣды толики:
Расторгнулъ левъ желѣзну вервь([15])!

Возсталъ! — какъ утромъ холмъ высокой
Встаетъ, подъемляся челомъ ([16])
Изъ мглы широкой и глубокой,
Разлитой вкругъ его, — и громъ
Поверхъ главы въ ничто вмѣняя,
Ногами волны попирая,
Пошолъ: — и кто возмогъ противъ? —
Отъ шлема молніи скользили,
И океаны уступили,
Стопамъ его пути открывъ.

([13]) цркв. слав. вм. лицо. ([14]) цркв. слав. вм. трава. ([15]) цркв. слав. вм. веревка. ([16]) вм. подъемлясь, т. е. подымая голову.

Онъ сильны орды пхнулъ ногою:
Края Азійски потряслись;
Упали царства подъ рукою,
Цари, царицы въ плѣнъ влеклись;
И побѣдителей разитель
Монархій свѣта разрушитель
Простерся подъ его пятой:
Въ Европѣ грады бралъ, трясъ троны,
Свергалъ царей, давалъ короны
Могущею ([17]) своей душой.....»

Державинъ.

([17]) вм. могучею.

---

209. Изъ оды: Въ честь Князя Пожарскаго.

.... Мы зримъ полки у насъ героевъ;
Но чтитъ ли ихъ взоръ мудреца?
Онъ ищетъ Росса справедлива,
Благочестива, терпѣлива,
Мужей великихъ образца,

Который бы въ бояхъ сражался,
Лишь спасть народъ, царя отъ бѣдъ;
Перунами не возвышался,
Отнесъ къ другимъ весь звукъ побѣдъ;
Красой и златомъ не былъ плѣнънымъ ([1]),
Простилъ убійцамъ обличеннымъ;
Сокрыту зависть наградилъ;
Не внявъ къ себѣ ([2]) народа клику,
Избралъ достойнаго владыку
И надъ собою воцарилъ;

Который, бывъ покоренъ волѣ
Избраннаго собой ([3]) царя,

([1]) вм. плѣненъ, не плѣнялся. ([2]) вм. къ нему, т. е. будто народъ звалъ его самого на царство. ([3]) вм. имъ самимъ.

Не возроптал и въ низкой (4) долѣ,
Его велѣнія творя,
Стократъ излилъ своей токъ крови,
Изсякъ (5) къ отечеству въ любови,
Доволенъ, безъ наградъ, собой;
Царя творецъ и рабъ послушный,
Не ты-ль, герой великодушный,
Пожарскій, мужъ великій мой?

Ты спасъ отъ расхищенья царство,
Ты власть Манаршу утвердилъ,
Ты свергъ любоначальствъ коварство,
Ты честь свою къ себѣ сокрылъ;
Ни колесницъ ты, ни трофеевъ,
Ни громкихъ хвалъ, ни мавзолеевъ
Во мзду не получилъ заслугъ (6);
Одна лишь персть твоя осталась,
Въ ней искра славы сохранялась,
Которая возжгла мой духъ.

Возстань, возстань на голосъ лиры,
Великая изъ мрака тѣнь!
И ночь когда (7) скрываетъ міры,
Или когда сіяетъ день,
Носись надъ нашими главами,
Умъ гордый поражай громами,
Учи къ царямъ благоговѣть,
Подпорой будь въ Европѣ тронамъ:
Твой сильный гласъ, какъ Цицероновъ,
Заставитъ злобу оробѣть.

Возстань! мечтайся въ воображеньи,
Живи въ умѣ, теки въ крови,
Живи и дѣлай наставленьи (8)

(4) намёкъ на предпочтеніе Салтыкова Пожарскому въ ихъ мѣстническомъ спорѣ. (5) т. е. пролилъ всю свою кровь изъ любви къ отечеству. (6) надлежащій порядокъ словъ: во мзду (т. е. въ награду) заслугъ. (7) надлежащій порядокъ словъ: *и когда ночь...* (8) вм. *наставленья.*

Въ прямой къ отечеству любви;
Въ любви, — что сваръ нейдетъ въ дорогу (9),
Вѣрна царю, народу, Богу,
Готова все сама терпѣть,
Готова въ бѣдствіяхъ мужаться,
Нарсесовъ славѣ удивляться,
О Велизаріяхъ жалѣть.

Державинъ.

(9) въ любви, которая не идетъ путемъ сваръ, т. е. раздоровъ, избѣгаетъ раздоровъ.

210. Изъ оды: Водопадъ или на смерть Потемкина.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Шумитъ, — и средь густаго бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты волны, тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся (1).

Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ тёмныхъ;
Стукъ слышанъ млатовъ по вѣтрамъ (2);
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъёмныхъ:
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ.

(1) медленно текутъ бѣлыя, какъ молоко. (2) когда вѣтеръ дуетъ съ той стороны.

Вѣтрами-ль сосны поражонны? —
Ломаются въ тебѣ въ куски;
Громами-ль камни отторжонны? —
Стираются тобой въ пески;
Сковать-ли воду льды дерзаютъ? —
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ.

Волкъ рыщетъ вкругъ тебя, и страхъ
Въ ничто (3) вмѣняя, становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ.
И шерсть на немъ щетиной зрится (4);
Рожденный на кравовый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.

Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ (5);
Рога на спину приклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Её страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идётъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми (6) прядётъ (7);
И подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится.....

....Какой чудесный духъ крылами
Отъ сѣвера паритъ на югъ?
Вѣтръ медленъ (8) течь его стезями:
Обозрѣваетъ царство вдругъ;
Шумитъ, и какъ звѣзда блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на тёмномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла (9),
Двѣ лепты (10) покрываютъ очи,
Прижаты къ хладной груди персты (11),
Уста безмолвствуютъ отверсты!

Чей одръ — земля; кровъ — воздухъ синь;
Чертоги вкругъ пустынны виды?
Не ты-ли, счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты-ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?....(12)

Не ты-ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины (13),
На коихъ древній Римъ стоялъ,
И всей вселенной колебалъ?

Не ты-ль, который орды сильны
Сосѣдей хищныхъ (14) истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ (15),
Покрылъ Понтъ Чорный кораблями (16),
Потрясъ среду земли громами?....

---

(3) вм. ни во что. (4) вм. имѣетъ видъ щетины. (5) вм. реву падающихъ или заслышавъ ревъ... (6) вм. ушами. (7) вм. настораживаетъ, подымаетъ вверхъ уши. (8) вм. *не успѣваетъ*.

(9) чреслá вм. чрéсла, здѣсь означаетъ все тѣло. (10) чтобы у мертваго глаза не остались открытыми, кладутъ ему на каждое вѣко по какой-нибудь монетѣ, обыкновенно по копейкѣ. (11) пéрсты вм. персты́, црк. слав. значитъ пáльцы. (12) Потемкинъ умеръ скоропостижно на дорогѣ изъ Яссъ въ Николаевъ. (13) берега Босфора. Намёкъ на Греческій проэктъ, т. е. изгнаніе Турокъ изъ Европы и возстановленіе Греческой Имперіи. (14) Крымскихъ Буджакскихъ Татаръ. (15) населеніе Новороссійскаго края. (16) Черноморскій флотъ и Севастополь основаны имъ.

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!
Парящій замыслами умъ!
Не шолъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ, — и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки (17);
Се ты, о чудный вождь Потемкинъ!

Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны войти чуть могъ (18), —
Екатерина возрыдала!
Полсвѣта потряслось за ней,
Незапной смертію твоей!.....

Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь было бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ;
Вся наша жизнь ничто иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое.

Иль, нѣтъ! — тяжелый нѣкій шаръ
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ,
И ахъ зефиры лёгки рвутъ.

Единый часъ, одно мгновенье
Удобны (19) царства поразить,
Одно стихіевъ (20) дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста — и не знаютъ:
Въ пыли героевъ попираютъ!

Героевъ? — Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ;

---

(17) вм. въ потомствѣ; шумъ т. е. славу, молву. (18) миръ не былъ еще окончательно заключенъ. (19) т. е. въ состояніи. (20) вм. стихій; дуновенье, т. е. движенье.

Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ:
Напишется Потемкинъ трудъ.....

По утру солнечнымъ лучомъ
Какъ монументъ златый зажжотся,
Лежатъ объяты серны сномъ,
И паръ вокругъ холмовъ віётся (21),
Пришедши старецъ надпись зритъ:
«Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ!»

Алцибіадовъ прахъ! — И смѣетъ
Червь ползать вкругъ его главы?
Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ,
Нашедши въ полѣ, Ѳирсъ? Увы!
И плоть и трудъ коль и стлѣваетъ:
Что жъ нашу славу составляетъ?

Лишь истина даетъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ?
Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не престанутъ
Гремѣть перуну сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумиръ.

Услышьте жъ, водопады міра!
О славой шумныя главы!
Вашъ свѣтелъ мечъ, цвѣтна порфира,
Коль правду возлюбили вы;
Когда имѣли только мѣту,
Чтобъ счастіе доставить свѣту.

Шуми, шуми, о водопадъ!
Касаяся странамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ и взглядъ
Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи! и тучи пробѣгали
Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ,
Въ умахъ тебя не затмѣвали
Разжонный громъ и чорный дымъ;

---

(21) цркв. слав. вм. вьется.

Чтобъ былъ вблизи, вдали любезенъ
Ты всѣмъ; сколь дивенъ, столь полезенъ.

Державинъ.

---

211. Памятникъ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный!
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный
И времени полётъ его не сокрушитъ.

Такъ! Весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возростетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ ([1]) родъ вселенна будетъ чтить.

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ ([2]),
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ ([3]) Уралъ,
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчотныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы ([4]) возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ ([5]),
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, не торопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

Державинъ.

---

212. Павлинъ.

Какое гордое творенье,
Хвостъ пышно расширяя свой,
Чернозелены въ искрахъ перья
Со разсыпною бахрамой
Позадь чешуйной груди кажетъ ([1]),
Какъ нѣкій круглый, дивный щитъ?

Лазурно-сизо-бирюзовы
На каждаго концѣ пера ([2])
Тѣнисты круги, волны новы
Струиста ([3]) злата и серебра:
Наклонитъ — изумруды блещутъ!
Повернетъ — яхонты горятъ!

Не то ([4]) ли славный царь пернатый?
Не то ли райска птица — Жаръ ([5]),
Которой столь уборъ богатый
Приводитъ въ удивленье тварь?
Гдѣ ступитъ, — радуги играютъ!
Гдѣ станетъ, — тамъ лучи вокругъ!

Конечно, сила и паренье
Орлиныя въ ея крылахъ;
Гласъ трубный — лебедино пѣнье
Въ ея пресладостныхъ устахъ,

([1]) вм. Славянъ. ([2]) отъ Бѣлаго до Чернаго моря. ([3]) вм. льется. ([4]) подъ именемъ Фелицы Державинъ воспѣвалъ Екатерину II. ([5]) въ извѣстной одѣ: Богъ.

([1]) поддаживаетъ, представляетъ. ([2]) на концѣ каждаго пера. ([3]) струистаго, т. е. [illegible]) ([4]) не это ли [illegible] Жаръ-птица, въ [illegible] что-то не [illegible]

А пеликана добродѣтель
Въ ея и сердцѣ и душѣ!

Но что за чудное явленье?
Я слышу нѣкій странный визгъ!
Сей Финиксъ опустилъ вдругъ перья,
Увидя гнусность ногъ своихъ. —
О пышность! какъ ты ослѣпляешь!
И баринъ безъ ума — павлинъ.

Державинъ.

---

213. Ласточка.

О домовитая Ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь,
Надъ гнѣздышкомъ, сидя, поешь;
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь;
Иль стелешься долу, несёшься,
Иль въ небѣ, простряся, плывёшь.
Ты часто во зеркалѣ водномъ
Подъ рдяной играешь зарёй,
На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
Тѣнью мелькаешь твоей.
Ты часто, какъ молнія, рѣешь
Мгновенно туды и сюды (1);
Сама за собой не успѣешь
Невидимы видѣть слѣды;
Но видишь тамъ всю ты вселенну,
Какъ будто съ высотъ на коврѣ;
Тамъ башню, какъ жаръ позлащенну,
Въ чешуйчатомъ флотѣ тамъ сребрѣ;
Тамъ рощи въ одеждѣ зелёной,
Тамъ нивы въ вѣнцѣ золотомъ,
Тамъ холмъ, синій лѣсъ отдалённый,
Тамъ мошки толкутся столпомъ;

(1) вм. туда и сюда.

Тамъ гнутся съ утеса въ понтъ воды,
Тамъ ластятся струи къ брегамъ,—
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лѣта роскошнаго храмъ;
Но видишь и бури ты черны
И осени скучный приходъ,
И прячешься въ бездны подземны (2),
Хладѣя зимою, какъ лёдъ.
Во мракѣ лежишь бездыханна; —
Но только лишь придетъ весна,
И роза вздохнетъ лишь румяна,
Встаёшь ты отъ мёртваго сна;
Возстанешь, откроешь зѣницу —
И новый лучъ жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Новое солнце поешь.

Душа моя! гостья ты міра:
Не ты-ли перната сія?
Воспой же безсмертіе, лира!
Возстану, возстану и я;
Возстану — и въ безднѣ эфира
Увижу-ль тебя я, Плѣнира?

Державинъ.

(2) есть повѣрье, будто ласточки на-зиму опускаются въ воду и спятъ до весны на днѣ рѣкъ, озеръ и т. п.

---

214. Изъ оды: Нарожденіе Царицы Гремиславы (1). Нарышкину.

Живи, и жить давай другимъ,
Но только не на счотъ другаго;
Всегда доволенъ будь своимъ,
Не трогай ничего чужаго:
Вотъ правило, стезя прямая
Для счастья каждаго и всѣхъ.

Нарышкинъ! Коль и ты привѣтствомъ

(1) Екатерины II.

Къ веселью всѣмъ твой домъ открылъ,
Такимъ любезнымъ, скромнымъ средствомъ
Богатыхъ съ бѣдными сравнилъ;
Похвальна жизнь твоя такая.
Блаженъ творецъ людскихъ утѣхъ.

Пускай богачъ тамъ, по расчету
Назнача день, зовётъ гостей;
Златой родни, кліентовъ роту
Прибавить къ пышности своей;
Пускай они предъ нимъ ставъ строемъ,
Кадятъ, вздыхаютъ — и молчатъ;

Но мнѣ пріятно тамъ откушать,
Гдѣ дружескій, не званый столъ;
Гдѣ можно говорить и слушать
Тара — бара (2), про хлѣбъ и соль;
Гдѣ гость хозяина покоемъ,
Хозяинъ гостемъ дорожатъ;

Гдѣ скука и тоска забыта,
Семья учтива, не шумна;
Важна хозяйка, домовита,
Досужа, ласкова, умна;
Гдѣ лишь пріязнью, хлѣбосольствомъ
И взоромъ ищутъ угощать....

Какой театръ, какъ всю вселенну
Ядущихъ и ядому тварь
За твой я вижу столъ вмѣщенну!
И ты сидишь, какъ Сирскій царь,
Въ соборѣ цѣлыя природы,
Въ семьѣ твоей — какъ Авраамъ.

Оставя короли престолы
И ханы — у тебя гостятъ:
Киргизцы, Нѣмчики, Моголы
Салму (3) и соусы ѣдятъ:

Какіе разные народы,
Языкъ, одежда, лица, станъ!

Какой предметъ, какъ на качеляхъ
Предъ домъ твой соберётся чернь,
На свѣтлыхъ праздничныхъ недѣляхъ (4)
Вертится въ воздухѣ весь день,
Покрыта площадь пестротою!
Чепцовъ и шапокъ милліонъ!

Какой восторгъ! — Какъ всё играетъ,
Всё скачетъ, пляшетъ и поётъ;
Всё въ улицѣ твоей гуляетъ,
Кричитъ, смѣётся, ѣстъ и пьётъ!
И ты народной сей толпою
Такъ веселъ, гордъ, какъ Соломонъ!

Блаженъ и мудръ, кто въ ближнихъ ставитъ
Блаженство купно и своё,
Свою по вѣтру лодку правитъ,
И непорочно житіё
О камень золъ не разбиваетъ,
И къ пристани безъ бурь плывётъ!

Левъ именемъ (5) — звѣриный царь,
Ты родомъ — богатырь, сынъ барской;
Ты сердцемъ — стольникъ, хлѣбодаръ;
Ты должностью — конюшій Царской;
Твой домъ утѣхой расцвѣтаетъ,
И всякъ подъ тѣнь его идётъ.

Идутъ прохладой насладиться,
Музыкой душу напитать;
То тѣмъ, то симъ повеселиться;
Въ бостонъ и въ шашки поиграть,

---

(2) незначительный разговоръ. (3) киргизское кушанье, кажется, пшено, сварёное въ молокѣ.

(4) т. е. ежегодно на свѣтлой недѣлѣ, на святой. (5) Нарышкина звали Львомъ.

И словомъ: радость всю, забаву
Столицы ты къ себѣ вмѣстилъ.

Бывало, даже сами боги (⁶),
Наскуча жить въ своемъ раю,
Оставя радужны чертоги,
Заходятъ въ храмину твою:
О! если бъ ты и Гремиславу
Къ себѣ Царицу заманилъ,

И Ей въ забаву хоть тихонько,
Осмѣлился въ ушко сказать:
«Кто вѣкъ провелъ столь славно, громко,
Тотъ можетъ въ праздникъ погулять,
И зрѣть людей блаженныхъ чувство
Въ ея пресвѣтло рождество!»

Въ цвѣтахъ другой нѣтъ розы въ мірѣ:
Такой царицы міръ не зритъ!
Любовь и власть въ ея порфирѣ
Благоухаетъ и страшитъ.
Такъ знаетъ царствовать искусство
Лишь въ Гремиславѣ — Божество.

Державинъ.

(⁶) внучата Екатерины II, дѣти Павла I-го.

---

215. Изъ поэмы: Душенька.

...Въ старинной Греціи въ Юпитерово время,
Когда размножилось властительное племя,
Какъ въ каждомъ городкѣ бывалъ особый царь,
И если пожелалъ, былъ богъ, имѣлъ алтарь.

Межъ многими царями
Одинъ отличенъ былъ
Числомъ военныхъ силъ,
Умомъ, лицомъ, кудрями,
Избыткомъ животовъ,
И хлѣба и скотовъ.
Бывали тамъ сосѣди,
И злы и алчны такъ, какъ волки иль медвѣди:

Извѣстенъ Ликаонъ,
Котораго писалъ исторію Назонъ.
Извѣстно, гдѣ и какъ на самомъ дѣлѣ онъ,
За хищныя дѣла и за кривые толки,
Изъ Греческихъ царей, разжалованъ былъ въ волки.
Но тотъ, о комъ хочу разсказывать теперь,
Ни образомъ своимъ, ни нравомъ не былъ звѣрь:
Онъ свѣту былъ полезенъ,
И былъ богамъ любезенъ;
Достойно награждалъ,
Достойно осуждалъ;
Особо же онъ былъ отличенъ изъ царей
За то, что трехъ имѣлъ прекрасныхъ дочерей.
Но солнце въ красотѣ своей,
Когда вселенну освѣщаетъ,
Луну и звѣзды помрачаетъ:
Подобно такъ была меньшая всѣхъ видпѣй,
И старшихъ сестръ своихъ достоинства мрачила,
И розы красоту, и бѣлизну лилей,
И словомъ, ничего въ подобномъ видѣ ей
Природа не явила.

Искать приличныхъ словъ
Къ тому, что въ множествѣ вѣковъ
Блистало толь отмѣнно,
Напрасно было бы, и было бъ дерзновенно;
Короче я скажу: меньшая царска дочь,

От коей многіе вздыхали день и ночь,
У Греков потому Псхея называлась.
Въ языкахъ же другихъ, при переводѣ словъ,
Звалась она Душа, по толку мудрецовъ;
А послѣ, въ повѣстяхъ старинныхъ знатоковъ,
У Русскихъ Душенька она именовалась.

Богдановичъ.

---

216. Изъ комедіи: Хвастунъ.

Верхолетъ входитъ, окруженный скороходами, лакеями и проч. Честонъ, Чванкина, Полистъ.

Верх. Со мною встрѣтиться и шляпы не подвинуть!
За это должно бы его съ крыльца мнѣ скинуть.
Чван. А кто осмѣлился, сіятельнѣйшій зять,
Такіе грубости предъ вами показать?
Какой-нибудь дуракъ, невѣжа и скотина!
Верх. Замиръ, сударыня.
Чван. (испугавшися) Я, право, не причина. (1)
Чест. Что будетъ далѣе! но только этотъ Графъ,
Какъ кажется, однимъ своимъ нахальствомъ правъ.
Верх. (Честону) Подумайте, сударь... извѣстно вамъ то буди,
И Графы и Князья всѣ, словомъ, знатны люди,
То вѣдая, кто я, почтенье кажутъ (2) мнѣ,
Всей здѣшней, думаю, извѣстно сторонѣ....
Да что? извѣстно то въ мѣстахъ и дальныхъ свѣта,
Какъ должно почитать всѣмъ Графа Верхолета:
А мальчикъ.. .
Чест. Можетъ быть, онъ васъ и не узналъ.
Верх. (хохочетъ) Вотъ что смѣшно! не знать меня?
Чван. Нѣтъ онъ нахалъ.
(На ухо Честону)
Мальчишка!.... не сердись; ужъ должно тутъ браниться,
Какъ знатной Господинъ изволитъ разсердиться.
Честонъ (на ухо Чванкиной)
Я знатности слуга, и знатнымъ я не чту,
Кто....
Чван. Развѣ виснетъ брань кому на вороту?
Иль сына твоего онъ этимъ поубавитъ?
Изволилъ побранить, а послѣ не оставитъ.
Верх. Не знаю, отъ чего такой молокососъ
Возмогъ осмѣлиться предъ Графомъ вздернуть носъ!
Иль бывъ соперникъ мой, онъ равенъ мнѣ быть мыслитъ (3)?
Чест. Онъ васъ достойнѣе себя Милены числитъ.
Верх. Я это думаю.
Чван. Милена и сама
И спитъ и видитъ, чтобъ.....
Верх. Она не безъ ума,
Чван. И все ужъ свѣдаютъ, когда ей растолкуютъ.
Она вѣдь знаетъ то, гдѣ раки-то зимуютъ (4).

(1) я не виновата въ томъ. (2) оказываютъ.

(4) считаетъ себя [illegible]
гов. [illegible]

А пеликана добродѣтель
Въ ея и сердцѣ и душѣ!

Но что за чудное явленье?
Я слышу нѣкій странный визгъ!
Сей Финиксъ опустилъ вдругъ перья,
Увидя гнусность ногъ своихъ. —
О пышность! какъ ты ослѣпляешь!
И баринъ безъ ума — павлинъ.

Державинъ.

---

213. Ласточка.

О домовитая Ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь,
Надъ гнѣздышкомъ, сидя, поешь;
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь;
Иль стелешься долу, несёшься,
Иль въ небѣ, простряся, плывёшь.
Ты часто во зеркалѣ водномъ
Подъ рдяной играешь зарёй,
На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
Тѣнью мелькаешь твоей.
Ты часто, какъ молнія, рѣешь
Мгновенно туды и сюды (¹);
Сама за собой не успѣешь
Невидимы видѣть слѣды;
Но видишь тамъ всю ты вселенну,
Какъ будто съ высотъ на коврѣ;
Тамъ башню, какъ жаръ позлащенну,
Въ чешуйчатомъ флотѣ тамъ сребрѣ;
Тамъ рощи въ одеждѣ зелёной,
Тамъ нивы въ вѣнцѣ золотомъ,
Тамъ холмъ, синій лѣсъ отдалённый,
Тамъ мошки толкутся столпомъ;
Тамъ гнутся съ утеса въ понтъ воды,
Тамъ ластятся струи къ брегамъ,—
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лѣта роскошнаго храмъ;
Но видишь и бури ты черны
И осени скучный приходъ,
И прячешься въ бездны подземны (²),
Хладѣя зимою, какъ лёдъ.
Во мракѣ лежишь бездыханна; —
Но только лишь придетъ весна,
И роза вздохнетъ лишь румяна,
Встаёшь ты отъ мёртваго сна;
Возстанешь, откроешь зѣницу —
И новый лучъ жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Новое солнце поешь.

Душа моя! гостья ты міра:
Не ты-ли перната сія?
Воспой же безсмертіе, лира!
Возстану, возстану и я;
Возстану — и въ безднѣ эфира
Увижу-ль тебя я, Плѣнира?

Державинъ.

(¹) *вм. туда и сюда.*

(²) есть повѣрье, будто ласточки на-зиму опускаются въ воду и спятъ до весны на днѣ рѣкъ, озеръ и т. п.

---

214. Изъ оды: Нарожденіе Царицы Гремиславы (¹). Нарышкину.

Живи, и жить давай другимъ,
Но только не на счотъ другаго;
Всегда доволенъ будь своимъ,
Не трогай ничего чужаго:
Вотъ правило, стезя прямая
Для счастья каждаго и всѣхъ.

Нарышкинъ! Коль и ты привѣтствомъ

(¹) Екатерины II.

Къ веселью всѣмъ твой домъ от-
крылъ,
Такимъ любезнымъ, скромнымъ
средствомъ
Богатыхъ съ бѣдными сравнилъ;
Похвальна жизнь твоя такая.
Блаженъ творецъ людскихъ утѣхъ.

Пускай богачъ тамъ, по расчету
Назнача день, зовётъ гостей;
Златой родни, кліентовъ роту
Прибавить къ пышности своей;
Пускай они предъ нимъ ставъ
строемъ,
Кадятъ, вздыхаютъ — и молчатъ;

Но мнѣ пріятно тамъ откушать,
Гдѣ дружескій, не званый столъ;
Гдѣ можно говорить и слушать
Тара — бара ([2]), про хлѣбъ и соль;
Гдѣ гость хозяина покоемъ,
Хозяинъ гостемъ дорожатъ;

Гдѣ скука и тоска забыта,
Семья учтива, не шумна;
Важна хозяйка, домовита,
Досужа, ласкова, умна;
Гдѣ лишь пріязнью, хлѣбосоль-
ствомъ
И взоромъ ищутъ угощать....

Какой театръ, какъ всю вселенну
Ядущихъ и ядому тварь
За твой я вижу столъ вмѣщенну!
И ты сидишь, какъ Сирскій царь,
Въ соборѣ цѣлыя природы,
Въ семьѣ твоей — какъ Авраамъ.

Оставя короли престолы
И ханы — у тебя гостятъ:
Киргизцы, Нѣмчики, Моголы
Салму ([3]) и соусы ѣдятъ:

Какіе разные народы,
Языкъ, одежда, лица, станъ!

Какой предметъ, какъ на каче-
ляхъ
Предъ домъ твой соберётся чернь,
На свѣтлыхъ праздничныхъ недѣ-
ляхъ ([4])
Вертится въ воздухѣ весь день,
Покрыта площадь пестротою!
Чепцовъ и шапокъ милліонъ!

Какой восторгъ! — Какъ всё
играетъ,
Всё скачетъ, пляшетъ и поётъ;
Всё въ улицѣ твоей гуляетъ,
Кричитъ, смѣётся, ѣстъ и пьётъ!
И ты народной сей толпою
Такъ веселъ, гордъ, какъ Соломонъ!

Блаженъ и мудръ, кто въ ближ-
нихъ ставитъ
Блаженство купно и своё,
Свою по вѣтру лодку правитъ,
И непорочно житіё
О камень золъ не разбиваетъ,
И къ пристани безъ бурь плывётъ!

Левъ именемъ ([5]) — звѣриный
царь,
Ты родомъ — богатырь, сынъ бар-
ской;
Ты сердцемъ — стольникъ, хлѣбо-
даръ;
Ты должностью — конюшій Цар-
ской;
Твой домъ утѣхой расцвѣтаетъ,
И всякъ подъ тѣнь его идётъ.

Идутъ прохладой насладиться,
Музыкой душу напитать;
То тѣмъ, то симъ повеселиться;
Въ бостонѣ и въ шашки поиграть,

([2]) незначительный разговоръ. ([3]) киргизское кушанье, кажется, пшено, сварёное въ молокѣ.

([4]) т. е. ежегодно на свѣтлой недѣлѣ, на святой. ([5]) Нарышкина звали Львомъ.

И словомъ: радость всю, забаву
Столицы ты къ себѣ вмѣстилъ.

Бывало, даже сами боги (6),
Наскуча жить въ своемъ раю,
Оставя радужны чертоги,
Заходятъ въ храмину твою:
О! если бъ ты и Гремиславу
Къ себѣ Царицу заманилъ,

И Ей въ забаву хоть тихонько,
Осмѣлился въ ушко сказать:
«Кто вѣкъ провелъ столь славно, громко,
Тотъ можетъ въ праздникъ погулять,
И зрѣть людей блаженныхъ чувство
Въ ея пресвѣтло рождество!»

Въ цвѣтахъ другой нѣтъ розы въ мірѣ:
Такой царицы міръ не зритъ!
Любовь и власть въ ея порфирѣ
Благоухаетъ и страшитъ.
Такъ знаетъ царствовать искусство
Лишь въ Гремиславѣ — Божество.

Державинъ.

---

(6) внучата Екатерины II, дѣти Павла I-го.

---

215. Изъ поэмы: Душенька.

...Въ старинной Греціи въ Юпитерово время,
Когда размножилось властительное племя,
Какъ въ каждомъ городкѣ бывалъ особый царь,
И если пожелалъ, былъ богъ, имѣлъ алтарь.

Межъ многими царями
Одинъ отличенъ былъ
Числомъ военныхъ силъ,
Умомъ, лицомъ, кудрями,
Избыткомъ животовъ,
И хлѣба и скотовъ.
Бывали тамъ сосѣди,
И злы и алчны такъ, какъ волки иль медвѣди:

Извѣстенъ Ликаонъ,
Котораго писалъ исторію Назонъ.
Извѣстно, гдѣ и какъ на самомъ дѣлѣ онъ,
За хищныя дѣла и за кривые толки,
Изъ Греческихъ царей, разжалованъ былъ въ волки.
Но тотъ, о комъ хочу разсказывать теперь,
Ни образомъ своимъ, ни нравомъ не былъ звѣрь:
Онъ свѣту былъ полезенъ,
И былъ богамъ любезенъ;
Достойно награждалъ,
Достойно осуждалъ;
Особо же онъ былъ отличенъ изъ царей
За то, что трехъ имѣлъ прекрасныхъ дочерей.
Но солнце въ красотѣ своей,
Когда вселенну освѣщаетъ,
Луну и звѣзды помрачаетъ:
Подобно такъ была меньшая всѣхъ виднѣй,
И старшихъ сестръ своихъ достоинства мрачила,
И розы красоту, и бѣлизну лилей,
И словомъ, ничего въ подобномъ видѣ ей
Природа не явила.

Искать приличныхъ словъ
Къ тому, что въ множествѣ вѣковъ
Блистало толь отмѣнно,
Напрасно было бы, и было бъ дерзновенно;
Короче я скажу: меньшая царска дочь,

От коей многіе вздыхали день и ночь,
У Грековъ потому Психея называлась.
Въ языкахъ же другихъ, при переводѣ словъ,
Звалась она Душа, по толку мудрецовъ;
А послѣ, въ повѣстяхъ старинныхъ знатоковъ,
У Русскихъ Душенька она именовалась.

Богдановичъ.

---

216. Изъ комедіи: Хвастунъ.

Верхолетъ входитъ, окруженный скороходами, лакеями и проч. Честонъ, Чванкина, Полистъ.

Верх. Со мною встрѣтиться и шляпы не подвинуть!
За это должно бы его съ крыльца мнѣ скинуть.
Чван. А кто осмѣлился, сіятельнѣйшій зять,
Такіе грубости предъ вами показать?
Какой-нибудь дуракъ, невѣжа и скотина!
Верх. Замиръ, сударыня.
Чван. (испугавшися) Я, право, не причина. (1)
Чест. Что будетъ далѣе! но только этотъ Графъ,
Какъ, кажется, однимъ своимъ нахальствомъ правъ.
Верх. (Честону) Подумайте, сударь... извѣстно вамъ то буди,
И Графы и Князья всѣ, словомъ, знатны люди,
То вѣдая, кто я, почтенье кажутъ (2) мнѣ,
Всей здѣшней, думаю, извѣстно сторонѣ...
Да что? извѣстно то въ мѣстахъ и дальныхъ свѣта,
Какъ должно почитать всѣмъ Графа Верхолета:..
А мальчикъ...
Чест. Можетъ быть, онъ васъ и не узналъ.
Верх. (хохочетъ) Вотъ что смѣшно! не знать меня?
Чван. Нѣтъ онъ нахалъ...
(На ухо Честону)
Мальчишка!.... не сердись; ужъ должно тутъ браниться,
Какъ знатной Господинъ изволитъ разсердиться.
Честонъ (на ухо Чванкиной)
Я знатности слуга, и знатнымъ я не чту,
Кто....
Чван. Развѣ виснетъ брань кому на вороту?
Иль сына твоего онъ этимъ поубавитъ?
Изволилъ побранить, а послѣ не оставитъ.
Верх. Не знаю, отъ чего такой молокососъ
Возмогъ осмѣлиться предъ Графомъ вздернуть носъ!
Иль бывъ соперникъ мой, онъ равенъ мнѣ быть мыслитъ (3)?
Чест. Онъ васъ достойнѣе себя Милены числитъ.
Верх. Я это думаю.
Чван. Милена и сама
И спитъ и видитъ, чтобъ....
Верх. Она не безъ ума.
Чван. И все ужъ сдѣлаетъ, когда ей растолкуютъ.
Она вѣдь знаетъ-то, гдѣ раки-то зимуютъ (4),

---

(1) я не виновата въ томъ. (2) оказываютъ.

(3) считаетъ себя мнѣ равнымъ. (4) погов.; знач.: въ чемъ состоитъ ея выгода.

Верх. И Графа, думаю, мальчишкѣ предпочтётъ....
(къ Честону) Но дерзость мнѣ, сударь, его съ ума нейдётъ.
Вотъ такъ-то молодость и счастіе теряетъ.
Когда такихъ уже, какъ я, не почитаетъ.
Я, можетъ, тѣмъ его немного огорчилъ,
Что сердце отъ него Милены отлучилъ;
Но было у меня ему во утѣшенье
За то уже совсѣмъ готово награжденье.
Когда бы не таковъ онъ былъ и грубъ и рьянъ,
То былъ бы Гвардіи онъ завтра Капитанъ
Чест. Того не надобно, пусть въ арміи послужитъ.
Верх. Изрядно сказано; пускай его потужитъ,
Пускай научится, какъ Графовъ почитать;
И лучше бы отецъ его не могъ сказать....
Но кто его отецъ?
Чван. Его онъ ожидаетъ.
Верх. Для свадьбы слышалъ я.... Напрасно прогуляетъ
Путь дальный старичокъ; его мнѣ очень жаль.
Чест. Отцу увидѣться со сыномъ не печаль;
И вѣрьте, что ему не будетъ то досадно....
Верх. Что у меня со всѣхъ сторонъ съ Миленой ладно,
Не правда-ли? И такъ умнѣе сына онъ?
А какъ его зовутъ?
Чест. Зовутъ его Честонъ!
Чван. *Пречестный старичокъ! и онъ сюда не будетъ....*
(на ухо Честону)
Прошенья моего Честонъ не позабудетъ!
(Честонъ на ухо Чванкиной)
Докуда можно мнѣ.
Верх. Гдѣ служитъ онъ? и чѣмъ?
Чван. Дѣлами такъ вертитъ, какъ будто бы мячемъ;
Такой учтивецъ онъ! такой ко всѣмъ привѣтникъ!
И въ городѣ у насъ Коллежской онъ Совѣтникъ.
За то отъ всѣхъ почтенъ онъ въ нашей сторонѣ.
Верх. Честонъ?.. Совѣтникъ?... Ба! да онъ извѣстенъ мнѣ.
За чиномъ долго здѣсь у знатныхъ волочился,
Ничто не помогло; но я уже вступился.
Чест. Такъ долженъ васъ Честонъ за чинъ благодарить?
Верх. Кого жъ? неужто васъ? коль смѣю я спросить.
Чест. (въ сторону) Безстыднѣйшій хвастунъ!
Верх. Когда неймете вѣры,
Откройте только мнѣ желаній вашихъ мѣры.
Въ минуту сдѣлано! и я служить вамъ радъ.
Чест. На просьбы я, сударь, немного туговатъ (5).
Верх. Да безъ меня нельзя жъ вамъ будетъ обойтиться!
Пришлось бы вѣдь ни съ чѣмъ Честону возвратиться,
Напрасно время здѣсь и трудъ свой погубя....
Чест. Да знаете ли вы его?
Верх. Какъ самъ себя.
И этотъ батюшка любовника Милены

(5) т. е. скупъ; дѣлаю это не охотно.

Въ передней у меня потеръ спиною стѣны.
Не правда ли, Полистъ? Вамъ скажетъ секретарь.

Полистъ. Безплодно потопталъ онъ крыльца здѣшнихъ баръ,
Которые ему совсѣмъ ужъ отказали....
Знать не возможностью дать чинъ ему считали....
Не помню, у меня какъ случай онъ нашолъ,
И я его тотчасъ чрезъ Графа произвёлъ

Чест. Божуся вамъ, что вы не знаете Чсстона.

Верх. Не знать его, сударь, мнѣ не былобъ урона!
Но если я его вамъ живо опишу,
Со мной объ этомъ споръ вашъ тотчасъ утишу.

Чван. (Честону на ухо) Не спорь, отецъ мой, съ нимъ; онъ, знаешь, баринъ знатной.

Чест. (на ухо Чванкиной) Онъ дерзкой человѣкъ, хвастунъ, шалунъ развратной!

Чван. (заткнувъ уши.) Не слышу я.

Верх. Что тамъ вамъ смѣютъ говорить?

Чван. (съ трусостью) Нѣтъ... право ничего... изволитъ васъ хвалить.

Верх. Да почему же то быть можетъ не понятно,
Что мнѣ Честонъ знакомъ?

Чест. Мнѣ то невѣроятно.
По слуху одному, который говоритъ,
Что честно онъ служа въ передннихъ не стоитъ;
Что онъ чрезъ подлости достоинствъ не ловитель;
Что баринъ честь его; а служба покровитель;
Что молвить за себя не проситъ онъ словца;
А впрочемъ я его не знаю и лица.

Верх. Такъ я жъ вамъ сдѣлаю его изображенье....
Лицо широкое его какъ Уложенье (6),
Одѣто въ красненькой сафьянной переплетъ;
Не вѣрю я тому, но кажется, онъ пьётъ;
Хоть сѣдъ отъ старости, но бодръ еще довольно.

Чест. А я вотъ слышалъ такъ, что говоритъ онъ вольно (7);
И если бы когда и Графъ какой сталъ лгать,
Въ глаза бы онъ сказалъ, что Графъ изволитъ врать...
Онъ сухъ, лице его ни мало не широко,
И хвастуновъ его далеко видитъ око;
А впрочемъ онъ во всемъ походитъ на меня;
Но чтобы всё сказать, Честонъ, сударь, самъ я.

Верх. Какое же вранье, какая дерзость эта!...
Ну къ стати-ль, старичокъ, въ твои почтенны лѣта
Лгать нагло....

Чван. Подлинно!

Чест. Нѣть, вамъ, когда (8) вы Графъ,
Не стыдно-ль честности, сударь, презрѣвъ уставъ,
Который вамъ хранить....

Верх. Я васъ не разумѣю.

Чест. Поди, сударь, поди, я вмѣсто васъ краснѣю.

---

(6) книга „Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича“ въ большомъ форматѣ.
(7) смѣло. (8) если.

Верх. Полисть! уже-ль всѣ письма къ королямъ?....
Полисто. Готовы всѣ, сударь.
Чест. (къ Чванкиной) А вы, не стыдно-ль вамъ,
Когда при васъ меня увѣрить въ томъ дерзаютъ,
Что я не я; когда при томъ меня ругаютъ;
А вы, сударыня, молчаніе храня...
Чван. Охъ, Боже мой! на что ссылаться на меня....
Честонъ ли ты, иль нѣтъ, я этого не знаю;
Угодно Графу какъ, я такъ и почитаю.
Чест. Какъ! столько подлости вы можете имѣть,
Чтобъ уличить его въ толь видной лжи не смѣть,
И, бывъ знакомы мнѣ, сударыня, такъ близко,
Хотите потакать и потакать такъ низко?...
Не Графъ, повѣрьте мнѣ, хвастунъ прекрасный онъ;
И это правда такъ, какъ то, что я Честонъ.
Чван. Такъ чтожъ, что ты Честонъ, хоть знаю, да не вѣрю.

Княжнинъ.

---

217. Изъ трагедіи: Димитрій Донской.

Дѣйствіе V. Явленіе II.

Ксенія, Бояринъ Московской съ нѣсколькими воинами.

Ксенія. Бояринъ доблестный, скажи, ужель приходитъ
Конечна гибель намъ? неистовый Мамай
Порабощаетъ-ли несчастный Русской край?
Бояринъ. Спокойся ([1]), о Княжна! побѣда совершенна:
Разбитый ханъ бѣжитъ; Россія свобожденна ([2]).
Ксен. О милосердый Богъ! Ты нашъ услышалъ гласъ,
Не до конца еще прогнѣвался на насъ,
И Русскихъ осѣнилъ Ты силою своею!
Ахъ! въ полной радости надѣяться я смѣю,
Что Ты Димитрія въ бою спасти возмогъ;
Чтобъ видѣлъ взоръ его Ордынцовъ стертый рогъ,
И восходящее отечество изъ плѣна.
(къ боярину)
Но разскажи ты мнѣ, какая перемѣна
Къ спасенью Россіянъ послѣдовать могла?
Бояр. Рука Всевышняго отечество спасла.
Кто сильный устоитъ противу сей десницы?
Она съ торжественной срываетъ колесницы
Кичливаго душой, среди самихъ побѣдъ;
И гордый, какъ скала кремнистая, падетъ.
Подобно замыслы обрушились Мамая.
Полки Россійскіе, отмщеніемъ сгарая,
Спѣшили къ тѣмъ мѣстамъ, стояли гдѣ враги.
Едва завидя ихъ, удвоили шаги:
Но вскорѣ туча стрѣлъ, какъ градъ средь лѣтня зноя,

([1]) успокойся. ([2]) освобождена.

Спустилась съ свистомъ къ намъ
предшественницей боя.
Безмолвно воины межъ тѣмъ
идутъ впередъ:
Шаговъ лишь только шумъ
гулъ(3) въ полѣ отдаётъ.
Ряды сомкнувъ, и щитъ о щитъ
сомкнувши ближной (4),
Являли ратники видъ крѣпости
подвижной.
Идёмъ, и съ нами вдругъ Ордын-
цовъ рать сошлась,
Раздался воевъ крикъ, и сѣча на-
чалась.
Незапно сонмъ бойцовъ Татар-
скихъ показался.
Предъ исполинами войскъ нашихъ
духъ смѣшался.
Какъ вихри бурные, рожденны
среди горъ,
Чрезъ степь пространную летятъ
въ дремучій боръ,
И слабыя древа порывами ло-
маютъ,
И сосны твердыя вверхъ корнемъ
исторгаютъ,
Такъ два богатыря: Темиръ и
Челубей,
Стремятся къ намъ, въ полки
чрезъ тысячи мечей.
Предъ ними страхъ бѣжитъ, и съ
нами смерть летаетъ,
И мертвая гряда ихъ бѣга слѣдъ
являетъ.
Ужъ множество бояръ и силь-
ныхъ воеводъ,
И доблестныхъ Князей, какъ ру-
шенный оплотъ,
Въ крови, на грудахъ тѣлъ раз-
сѣянныхъ лежало.
Отъ сихъ богатырей всё съ тре-
петомъ бѣжало.
И Бѣлозерскій Князь, чтобъ вой-
ско удержать,

(3) эхо повторяетъ шумъ. (4) примкнувъ свой щитъ къ щиту сосѣдей.

Вотще отважности примѣръ хо-
тѣлъ подать —
Всѣ шесть его сыновъ въ глазахъ
его сраженны:
Всѣ шесть смертей душѣ отцов-
ской нанесенны.
Но твердъ, изъ глазъ нѣтъ слезъ,
изъ устъ не слышанъ стонъ,
Онъ хочетъ вмѣстѣ пасть и палъ
на вѣрно бъ онъ,
Коль не явились бы два воина
Россійскихъ,
Чтобъ грозну смерть изъ рукъ
исхитить богатырскихъ.
Одинъ изъ нихъ чернецъ, извѣст-
ный Пересвѣтъ (5),
Который въ мирны дни, оставивъ
шумный свѣтъ,
Въ обители скрывалъ боярства
санъ высокой;
Но гласъ отечества изъ тишины
глубокой
Его призвалъ на брань со славой
прежнихъ дѣлъ.
Широкъ, могущъ плечьми, ду-
шею бодръ и смѣлъ,
Темира вызвалъ онъ, съ Теми-
ромъ онъ сразился,
И такъ какъ глыба съ горъ съ
нимъ вмѣстѣ мертвъ сва-
лился.
Но между тѣмъ вблизи идетъ
ужасный бой:
Огромный Челубей, и воинъ тотъ
другой,
Который прибылъ къ намъ, какъ
помощью небесной,
Влекутъ вниманье всѣхъ ихъ (6)
битвою чудесной.
Ксен. Но кто сей воинъ былъ? и
какъ до дня сего
Молчалъ народный гласъ о до-
блести его?

(5) Пересвѣтъ и Ослябя — два монаха, посланные чудотворцемъ Сергіемъ на битву противъ Татаръ. (6) своею.

Бояр. Незнаемъ онъ никѣмъ. Опущенно забрало
Черты его лица отъ взоровъ сокрывало.
Безъ украшеній шлемъ, обыкновенный щитъ
Простаго воина на немъ являли видъ;
Повязка на рукѣ лишь только отличала;
Но поступь родъ его высокій обличала;
Искусству воина дивится Челубей,
И въ первый разъ призналъ онъ страхъ въ душѣ своей.
Россійскаго меча удары сильны, быстры,
Гдѣ язвы не несутъ, тамъ сыплютъ съ брони искры.
Ордынца же рука, поднявшись шлемъ разсѣчь,
Встрѣчаетъ твердый щитъ или проворный мечъ.
Въ безмѣрной ярости, какъ звѣрь остервенѣлый,
Татаринъ наконецъ бросаетъ щитъ тяжелый;
И отступивъ назадъ и въ двѣ руки принявъ
Булатный длинный мечъ, мечтаетъ, что напавъ
Съ разбѣга скораго, безъ хитрости воинской,
Онъ раздвоитъ врага подъ силой исполинской.
Стремится къ воину; сей зритъ грозу и ждётъ;
Ударъ уже надъ нимъ, ужъ на главу падетъ, —
Но воинъ отступилъ, мечъ въ воздухъ ударяетъ
И тягостью своей Ордынецъ упадаетъ:
Тутъ смертію къ землѣ на вѣки онъ приникъ.
Съ его паденіемъ поднялся въ полѣ крикъ.
Мамай издалека смерть видѣлъ Челубея;
И изумившись ей и страхомъ цѣпенѣя,
Не вѣдалъ, что начать; въ боязни умъ исчезъ.
Тѣмъ временемъ съ полкомъ покинувъ ближній лѣсъ,
Вдругъ братъ Димитрія въ Татаръ ударилъ съ тыла;
Тогда Ордынцовъ рать побѣгомъ степь покрыла.
Мамай и витязи оружье побросавъ,
Отъ нашея руки бѣгутъ, спѣшатъ стремглавъ;
Имъ степь широкая какъ тѣсная дорога;
И Русскій въ полѣ сталъ (7), хваля и славя Бога.

Озеровъ.

---

(7) удержалъ за собою поле битвы; по старинному выраженію: сталъ на костяхъ.

Приложеніе III-е.

Образцы стихотворныхъ переводовъ.

218. Изъ Иліады: Бой Ахиллеса съ Гекторомъ. Пѣснь XXII, стихи 248—375.

Такъ вѣщая, коварно впередъ выступала Паллада.
Оба героя сошлись, устремленные другъ противъ друга.
Первый къ Пелиду воскликнулъ шеломомъ сверкающій Гекторъ:
«Сынъ Пелеевъ, тебя убѣгать не намѣренъ я болѣ (¹)!
Трижды предъ градомъ Пріамовымъ я пробѣжалъ, не дерзая
Встрѣтить тебя нападавшаго; нынѣ же сердце велитъ мнѣ
Стать и сразиться съ тобой; убью или буду убитъ я!
Прежде жъ боговъ мы возьмемъ во свидѣтельство; лучшіе будутъ
Боги свидѣтели клятвъ и хранители нашихъ условій:
Тѣла тебѣ я не буду безчестить, когда Громовержецъ
Даруетъ (²) мнѣ устоять, и оружіемъ духъ твой исторгнуть,
Славные только доспѣхи съ тебя, Ахиллесъ, совлеку я;
Тѣло жъ отдамъ Мирмидонцамъ, и ты договоръ сей исполни.»
Грозно взглянулъ на него и вскричалъ Ахиллесъ быстроногій:
«Гекторъ, врагъ ненавистный, не мнѣ предлагай договоры!
Нѣтъ и не будетъ межъ львовъ и людей никакого союза;
Волки и агнцы не могутъ дружиться согласіемъ сердца;
Вѣчно враждебны они, зломышленны другъ противъ друга:
Такъ и межъ насъ не возможна любовь; никакихъ договоровъ
Быть между нами не можетъ, поколѣ одинъ распростертый
Кровью своей не насытитъ свирѣпаго бога Арея!
Все ты искусство ратное вспомни! Сего дня ты долженъ
Быть копьеборцемъ отличнымъ, и воиномъ неустрашимымъ!
Бѣгства тебѣ уже нѣтъ: подъ моимъ копьемъ Тритогена
Скоро тебя укротитъ, и заплатишь ты разомъ за горе
Друговъ (³) моихъ, которыхъ избилъ ты, свирѣпствуя мѣдью!»
Рекъ онъ, и мощно сотрясши послалъ длиннотѣнную пику.
Въ пору завидѣвъ ее, избѣжалъ шломоблещущій Гекторъ:
Быстро приникъ онъ къ землѣ, и надъ нимъ пролетѣвшая пика
Въ землю вонзилась; но вырвавъ ее, Ахиллесу Паллада
Вновь подала, невидима Гектору, коннику Трои.

(¹) вм. болѣе. (²) настоящее время вм. будущаго.

(³) вм. друзей.

Въ правой рукѣ потрясалъ онъ, на Гектора жизнь умышляя,
Мѣста на тѣлѣ прекрасномъ ища для вѣрныхъ ударовъ.
Но у героя все тѣло доспѣхъ покрывалъ мѣдноковный
Пышный, который похитилъ онъ, мощь одолѣвши Патрокла,
Тамъ лишь, гдѣ выю ключи съ раменами связуютъ (5), гортани
Часть обнажалася, мѣсто, гдѣ гибель душѣ неизбѣжна.
Тамъ налетѣвши, копьемъ Ахиллесъ поразилъ Пріамида;
Прямо сквозь бѣлую выю прошло смертоносное жало;
Только гортани ему не разсѣкъ сокрушительный ясень
Вовсе, чтобъ могъ умирающій нѣсколько словъ онъ промолвить.
Грянулся въ прахъ онъ, и громко вскричалъ Ахиллесъ, торжествуя:
«Гекторъ, Патрокла убилъ ты, и думалъ живымъ оставаться;
Ты и меня не страшился, когда я отъ битвъ удалялся,
Врагъ безразсудный! но мститель его несравненно сильнѣйшій,
Нежели ты, за судами Ахейскими я оставался,
Я и колѣна тебѣ сокрушившій! Тебя для позора
Птицы и псы разорвутъ, а его погребутъ Аргивяне.»
Дышущій томно, ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ:
«Жизнью тебя и твоими родными у ногъ заклинаю:
О! не давай ты меня на терзаніе псамъ Мирмидонскимъ:
Мѣди и цѣннаго злата, сколько желаешь ты, требуй:
Вышлютъ тебѣ искупленье отецъ и почтенная матерь:
Тѣло лишь въ домъ возврати, чтобъ Трояне меня и Троянки,
Честь воздавая послѣднюю, въ домѣ огню пріобщили.»
Мрачно смотря на него, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
«Тщетно ты, пёсъ, обнимаешь мнѣ ноги и молишь родными.
Самъ я, коль слушалъ бы гнѣва, тебя растерзалъ бы на части.
Тѣло сырое твое пожиралъ бы я, то ты мнѣ сдѣлалъ!
Нѣтъ, человѣческій сынъ отъ твоей головы не отгонитъ
Псовъ пожирающихъ! Если и въ десять и въ двадцать кратъ
Пышныхъ даровъ привезутъ и столько жъ еще обѣщаютъ,
Если тебя самого прикажетъ на золото взвѣсить
Царь Иліона Пріамъ; и тогда — на одрѣ погребальномъ
Матерь Гекуба тебя, своего не оплачетъ рожденья (6),
Птицы твой трупъ, и псы Мирмидонскіе весь растерзаютъ!»
Духъ испуская, къ нему провѣщалъ шлемоблещущій Гекторъ:
«Зналъ я тебя: предчувствовалъ я, что моимъ ты моленьемъ
Тронутъ не будешь: въ груди у тебя желѣзное сердце.
Но трепещи, да не буду тебѣ я божіимъ гнѣвомъ
Въ оный день, когда Александръ и Фебъ стрѣловержецъ
Какъ ни могучаго, въ Скейскихъ

---

(5) ...рков. слав. вм. связываютъ.

(6) вм. свое дитя.

Верх. И Графа, думаю, мальчишкѣ предпочтётъ....
(къ Честону) Но дерзость мнѣ, сударь, его съ ума нейдётъ.
Вотъ такъ-то молодость и счастіе теряетъ.
Когда такихъ уже, какъ я, не почитаетъ.
Я, можетъ, тѣмъ его немного огорчилъ,
Что сердце отъ него Милены отлучилъ;
Но было у меня ему во утѣшенье
За то уже совсѣмъ готово награжденье.
Когда бы не таковъ онъ былъ и грубъ и рьянъ,
То былъ бы Гвардіи онъ завтра Капитанъ
Чест. Того не надобно, пусть въ арміи послужитъ.
Верх. Изрядно сказано; пускай его потужитъ,
Пускай научится, какъ Графовъ почитать;
И лучше бы отецъ его не могъ сказать....
Но кто его отецъ?
Чван. Его онъ ожидаетъ.
Верх. Для свадьбы слышалъ я.... Напрасно прогуляетъ
Путь дальный старичокъ; его мнѣ очень жаль.
Чест. Отцу увидѣться со сыномъ не печаль;
И вѣрьте, что ему не будетъ то досадно....
Верх. Что у меня со всѣхъ сторонъ съ Миленой ладно,
Не правда-ли? И такъ умнѣе сына онъ?
А какъ его зовутъ?
Чест. Зовутъ его Честонъ!
Чван. *Пречестный старичокъ! и онъ сюда не будетъ....*

(на ухо Честону)
Прошенья моего Честонъ не позабудетъ!
(Честонъ на ухо Чванкиной)
Докуда можно мнѣ.
Верх. Гдѣ служитъ онъ? и чѣмъ?
Чван. Дѣлами такъ вертитъ, какъ будто бы мячемъ;
Такой учтивецъ онъ! такой ко всѣмъ привѣтникъ!
И въ городѣ у насъ Коллежской онъ Совѣтникъ.
За то отъ всѣхъ почтенъ онъ въ нашей сторонѣ.
Верх. Честонъ?.. Совѣтникъ?... Ба! да онъ извѣстенъ мнѣ.
За чиномъ долго здѣсь у знатныхъ волочился,
Ничто не помогло; но я уже вступился.
Чест. Такъ долженъ васъ Честонъ за чинъ благодарить?
Верх. Кого жъ? неужто васъ? коль смѣю я спросить.
Чест. (въ сторону) Безстыднѣйшій хвастунъ!
Верх. Когда неймете вѣры,
Откройте только мнѣ желаній вашихъ мѣры.
Въ минуту сдѣлано! и я служить вамъ радъ.
Чест. На просьбы я, сударь, немного туговатъ (5).
Верх. Да безъ меня нельзя жъ вамъ будетъ обойтиться!
Пришлось бы вѣдь ни съ чѣмъ Честону возвратиться,
Напрасно время здѣсь и трудъ свой погубя....
Чест. Да знаете ли вы его?
Верх. Какъ самъ себя.
И этотъ батюшка любовника Милены

---
(5) т. е. скупъ; дѣлаю это не охотно.

Въ передней у меня потеръ спи-
ною стѣны.
Не правда ли, Полистъ? Вамъ
скажетъ секретарь.
Полистъ. Безплодно потопталъ онъ
крыльца здѣшнихъ баръ,
Которые ему совсѣмъ ужъ отка-
зали....
Знать не возможностью дать
чинъ ему считали....
Не помню, у меня какъ случай
онъ нашолъ,
И я его тотчасъ чрезъ Графа
произвёлъ.
Чест. Божуся вамъ, что вы не
знаете Честона.
Верх. Не знать его, сударь, мнѣ не
былобъ урона!
Но если я его вамъ живо опишу,
Со мной объ этомъ споръ вашъ
тотчасъ утишу.
Чван. (Честону на ухо) Не спорь,
отецъ мой, съ нимъ; онъ,
знаешь, бáринъ знатной.
Чест. (на ухо Чванкиной) Онъ дерзкой
человѣкъ, хвастунъ, ша-
лунъ развратной!
Чван. (заткнýвъ уши.) Не слышу я.
Верх. Что тамъ вамъ смѣютъ го-
ворить?
Чван. (съ трусостью) Нѣтъ... право
ничего... изволитъ васъ
хвалить.
Верх. Да почему же то быть мо-
жетъ не понятно,
Что мнѣ Честонъ знакомъ?
Чест. Мнѣ то невѣроятно.
По слуху одному, который го-
воритъ,
Что честно онъ служа въ перед-
нихъ не стоитъ;
Что онъ чрезъ подлости до-
стоинствъ не ловитель;
Что бáринъ честь его; а служба
покровитель;
Что молвить за себя не проситъ
онъ словца;
А впрочемъ я его не знаю и лица.
Верх. Такъ я жъ вамъ сдѣлаю
его изображенье....
Лицо широкое его какъ Уло-
женье (6),
Одѣто въ красненькой сафьянной
переплетъ;
Не вѣрю я тому, но кажется,
онъ пьётъ;
Хоть сѣдъ отъ старости, но
бодръ еще довольно.
Чест. А я вотъ слышалъ такъ,
что говоритъ онъ воль-
но (7);
И если бы когда и Графъ какой
сталъ лгать,
Въ глаза бы онъ сказалъ, что
Графъ изволитъ врать...
Онъ сухъ, лице его ни мало не
широко,
И хвастуновъ его далеко видитъ
око;
А впрочемъ онъ во всемъ похо-
дитъ на меня;
Но чтобы всё сказать, Честонъ,
сударь, самъ я.
Верх. Какое же вранье, какая
дерзость эта!...
Ну къ стати-ль, старичокъ, въ
твои почтенны лѣта
Лгать нагло....
Чван. Подлинно!
Чест. Нѣтъ, вамъ, когда (8) вы
Графъ,
Не стыдно-ль честности, сударь,
презрѣвъ уставъ,
Который вамъ хранить ..
Верх. Я васъ не разумѣю.
Чест. Поди, сударь, поди, я вмѣ-
сто васъ краснѣю.

---

(6) книга „Уложеніе Царя Алексѣя Ми-
хайловича“ въ большомъ форматѣ.
(7) смѣло. (8) если.

Бояр. Незнаемъ онъ никѣмъ. Опущенно забрало
Черты его лица отъ взоровъ сокрывало.
Безъ украшеній шлемъ, обыкновенный щитъ
Простаго воина на немъ являли видъ;
Повязка на рукѣ лишь только отличала;
Но поступь родъ его высокій обличала;
Искусству воина дивится Челубей,
И въ первый разъ призналъ онъ страхъ въ душѣ своей.
Россійскаго меча удары сильны, быстры,
Гдѣ язвы не несутъ, тамъ сыплютъ съ брони искры.
Ордынца же рука, поднявшись шлемъ разсѣчь,
Встрѣчаетъ твердый щитъ или проворный мечъ.
Въ безмѣрной ярости, какъ звѣрь остервенѣлый,
Татаринъ наконецъ бросаетъ щитъ тяжелый;
И отступивъ назадъ и въ двѣ руки приявъ
Булатный длинный мечъ, мечтаетъ, что напавъ
Съ разбѣга скораго, безъ хитрости воинской,
Онъ раздвоитъ врага подъ силой исполинской.
Стремится къ воину; сей зритъ грозу и ждётъ;
Ударъ уже надъ нимъ, ужъ на главу падетъ, —
Но воинъ отступилъ, мечъ въ воздухъ ударяетъ
И тягостью своей Ордынецъ упадаетъ:
Тутъ смертію къ землѣ на вѣки онъ приникъ.
Съ его паденіемъ поднялся въ полѣ крикъ.
Мамай издалека смерть видѣлъ Челубея;
И изумившись ей и страхомъ цѣпенѣя,
Не вѣдалъ, что начать; въ боязни умъ исчезъ.
Тѣмъ временемъ съ полкомъ покинувъ ближній лѣсъ,
Вдругъ братъ Димитрія въ Татаръ ударилъ съ тыла;
Тогда Ордынцовъ рать побѣгомъ степь покрыла.
Мамай и витязи оружье побросавъ,
Отъ нашея руки бѣгутъ, спѣшатъ стремглавъ;
Имъ степь широкая какъ тѣсная дорога;
И Русскій въ полѣ сталъ (7), хваля и славя Бога.

Озеровъ.

(7) удержалъ за собою поле битвы; по старинному выраженію: сталъ на костяхъ.

Приложеніе III-е.

Образцы стихотворныхъ переводовъ.

218. Изъ Иліады: Бой Ахиллеса съ Гекторомъ. Пѣснь XXII, стихи 248—375.

Такъ вѣщая, коварно впередъ выступала Паллада.
Оба героя сошлись, устремленные другъ противъ друга.
Первый къ Пелиду воскликнулъ шеломомъ сверкающій Гекторъ:
«Сынъ Пелеевъ, тебя убѣгать не намѣренъ я болѣ (¹)!
Трижды предъ градомъ Пріамовымъ я пробѣжалъ, не дерзая
Встрѣтить тебя нападавшаго; нынѣ же сердце велитъ мнѣ
Стать и сразиться съ тобой; убью или буду убитъ я!
Прежде жъ боговъ мы возьмемъ во свидѣтельство; лучшіе будутъ
Боги свидѣтели клятвъ и хранители нашихъ условій:
Тѣла тебѣ я не буду безчестить, когда Громовержецъ
Даруетъ (²) мнѣ устоять, и оружіемъ духъ твой исторгнуть,
Славные только доспѣхи съ тебя, Ахиллесъ, совлеку я;
Тѣло жъ отдамъ Мирмидонцамъ, и ты договоръ сей исполни.»
Грозно взглянулъ на него и вскричалъ Ахиллесъ быстроногій:
«Гекторъ, врагъ ненавистный, не мнѣ предлагай договоры!
Нѣтъ и не будетъ межъ львовъ и людей никакого союза;
Волки и агнцы не могутъ дружиться согласіемъ сердца;
Вѣчно враждебны они, зломышленны другъ противъ друга:
Такъ и межъ насъ не возможна любовь; никакихъ договоровъ
Быть между нами не можетъ, поколѣ одинъ распростертый
Кровью своей не насытитъ свирѣпаго бога Арея!
Все ты искусство ратное вспомни! Сего дня ты долженъ
Быть копьеборцемъ отличнымъ, и воиномъ неустрашимымъ!
Бѣгства тебѣ уже нѣтъ: подъ моимъ копьемъ Тритогена
Скоро тебя укротитъ, и заплатишь ты разомъ за горе
Друговъ (³) моихъ, которыхъ избилъ ты, свирѣпствуя мѣдью!»
Рекъ онъ, и мощно сотрясши послалъ длиннотѣнную пику.
Въ пору завидѣвъ ее, избѣжалъ шломоблещущій Гекторъ:
Быстро приникъ онъ къ землѣ, и надъ нимъ пролетѣвшая пика
Въ землю вонзилась; но вырвавъ ее, Ахиллесу Паллада
Вновь подала, невидима Гектору, коннику Трои.

(¹) вм. болѣе. (²) настоящее время вм. будущаго.

(³) вм. друзей.

Гекторъ же громко воскликнулъ къ Пелееву славному сыну:
«Празденъ ударъ! и ни мало, Пелидъ, безсмертнымъ подобный,
Доли моей не узналъ ты отъ Зевса, хотя возвѣщалъ мнѣ,
Но говорливъ и коваренъ рѣчами ты былъ предо мною
Съ цѣлью, чтобъ я, оробѣвъ, потерялъ и отважность и силу.
Нѣтъ, не бѣжать я намѣренъ: копье не въ хребетъ мнѣ вонзишь ты.
Прямо лицемъ на тебя устремленному, грудь прободи мнѣ,
Ежели Богъ то судилъ! Но копья и сего берегися
Мѣднаго! Если бы острое въ тѣло ты все его принялъ!
Легче была бы кровавая брань для сыновъ Иліона,
Еслибъ тебя сокрушилъ я, тебя, ихъ лютѣйшую гибель!»
Рекъ онъ и мощно сотрясши копье длиннотѣнное ринулъ
И не прокинулъ: въ средину щита поразилъ Ахиллеса.
Но далеко оружіе щитъ отразилъ. Огорчился
Гекторъ, узрѣвъ, что копье безполезно изъ рукъ излетѣло,
Сталъ, и очи потупилъ: копья не имѣлъ онъ другаго.
Голосомъ звучнымъ на помощь онъ брата зоветъ Деифоба,
Требуетъ новаго дротика остраго: нѣтъ Деифоба.
Гекторъ постигъ то своею душою, и такъ говорилъ онъ:
«Горе! къ смерти меня всемогущіе боги призвали!
Я помышлялъ, что со мною мой братъ Деифобъ нестрашимый;
Онъ же въ стѣнахъ Иліонскихъ: меня обольстила Паллада.
Возлѣ меня — лишь смерть! и уже не избыть мнѣ ужасной.
Нѣтъ избавленія! Такъ безъ сомнѣнія боги судили,
Зевсъ и отъ Зевса родившійся Фебъ; милосердые прежде
Часто меня избавляли: судьба наконецъ постигаетъ;
Но не безъ дѣла погибну, во прахъ я паду не безъ славы:
Нѣчто великое сдѣлаю, что и потомки услышатъ!»
Такъ произнесъ и исторгъ изъ влагалища ножъ изощренный
Съ лѣваго боку висящій, ножъ и огромный и тяжкій:
Съ мѣста, напрягшися (4), бросился, словно орелъ небопарный,
Если онъ вдругъ изъ-за облаковъ сизыхъ на степь упадаетъ
Нѣжнаго агнца, или зайца пугливаго жадный похитить:
Гекторъ таковъ устремился, махая ножемъ смертоноснымъ.
Прянулъ и быстрый Пелидъ, и наполнился духъ его гнѣва
Бурнаго; онъ предъ грудью уставилъ свой щитъ велелѣпный —
Дивно украшенный, шлемъ на главѣ его четверобляшный
Зыблется свѣтлый, волнуется пышная грива златая,
Густо Гефестомъ разлитая окрестъ высокаго гребня.
Но какъ звѣзда межъ звѣздами въ сумракъ ночи сіяетъ
Гесперъ, который на небѣ прекраснѣе всѣхъ и свѣтлѣе,
Такъ у Пелида сверкало копье изощренное, коимъ

(4) вм. напрягшись.

Въ правой рукѣ потрясалъ онъ, да Гектора жизнь умышляя,
Мѣста на тѣлѣ прекрасномъ ища для вѣрныхъ ударовъ.
Но у героя все тѣло доспѣхъ покрывалъ мѣднოковный
Пышный, который похитилъ онъ, мощь одолѣвши Патрокла,
Тамъ лишь, гдѣ выю ключи съ раменами связуютъ (5), гортани
Часть обнажалася, мѣсто, гдѣ гибель душѣ неизбѣжна.
Тамъ налетѣвши, копьемъ Ахиллесъ поразилъ Пріамида;
Прямо сквозь бѣлую выю прошло смертоносное жало;
Только гортани ему не разсѣкъ сокрушительный ясень
Вовсе, чтобъ могъ умирающій нѣсколько словъ онъ промолвить.
Грянулся въ прахъ онъ, и громко вскричалъ Ахиллесъ, торжествуя:
«Гекторъ, Патрокла убилъ ты, и думалъ живымъ оставаться;
Ты и меня не страшился, когда я отъ битвъ удалялся,
Врагъ безразсудный! но мститель его несравненно сильнѣйшій
Нежели ты, за судами Ахейскими я оставался,
Я и колѣна тебѣ сокрушившій! Тебя для позора
Птицы и псы разорвутъ, а его погребутъ Аргивяне.»
Дышущій томно, ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ:
«Жизнью тебя и твоими родными у ногъ заклинаю:
О! не давай ты меня на терзаніе псамъ Мирмидонскимъ:
Мѣди и цѣннаго злата, сколько желаешь ты, требуй:
Вышлютъ тебѣ искупленье отецъ и почтенная матерь:
Тѣло лишь въ домъ возврати, чтобъ Трояне меня и Троянки,
Честь воздавая послѣднюю, въ домѣ огню пріобщили.»
Мрачно смотря на него, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
«Тщетно ты, пёсъ, обнимаешь мнѣ ноги и молишь родными.
Самъ я, коль слушалъ бы гнѣва, тебя растерзалъ бы на части.
Тѣло сырое твое пожиралъ бы я, то ты мнѣ сдѣлалъ!
Нѣтъ, человѣческій сынъ отъ твоей головы не отгонитъ
Псовъ пожирающихъ! Если и въ десять и въ двадцать кратъ
Пышныхъ даровъ привезутъ и столько жъ еще обѣщаютъ,
Если тебя самого прикажетъ на золото взвѣсить
Царь Иліона Пріамъ; и тогда — на одрѣ погребальномъ
Матерь Гекуба тебя, своего не оплачетъ рожденья (6),
Птицы твой трупъ, и псы Мирмидонскіе весь растерзаютъ!»
Духъ испуская, къ нему провѣщалъ шлемоблещущій Гекторъ:
«Зналъ я тебя; предчувствовалъ я, что моимъ ты моленьемъ
Тронутъ не будешь: въ груди у тебя желѣзное сердце.
Но трепещи, да не буду тебѣ я божіимъ гнѣвомъ
Въ оный день, когда Александръ и Фебъ стрѣловержецъ
Какъ ни могучаго, въ Скейскихъ

(5) црка. слав. вм. связываютъ.

(6) вм. свое дитя.

воротахъ тебя низпровергнуть!»
Такъ говорящаго Гектора мрачная смерть осѣняетъ,
Тихо душа, изъ устъ излетѣвши, нисходитъ къ Аиду,
Плачась на долю свою, оставляя и младость и крѣпость.
Но къ нему и къ умершему сынъ быстроногій Пелеевъ
Крикнулъ еще: «Умирай! а мою неизбѣжную смерть я
Встрѣчу, когда ни пошлетъ Громовержецъ и вѣчные боги!»
Такъ произнёсъ, и изъ мертваго вырвалъ убійственный ясень,
Въ сторону бросилъ его, и доспѣхъ совлекалъ съ Дарданида
Кровью облитый. Сбѣжались другіе Ахейскіе мужи;
Всѣ изумляясь смотрѣли на ростъ и на образъ чудесный
Гектора, и приближаяся, каждый пронзалъ его пикой.
Такъ говорили иные, одинъ на другаго взлянувши:
«О! несравненно теперь къ осязанію мягче сей Гекторъ,
Нежели былъ, какъ бросалъ на суда пожирающій пламень!»

Гнѣдичъ.

---

219. На погребеніе Англійскаго Генерала Сира Джона Мура.

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили;
И трупъ не съ ружейнымъ прощальнымъ огнемъ
Мы въ нѣдра земли опустили.
И бѣдная почесть въ ночи отдана,
Штыками могилу копали,
Намъ тускло свѣтила въ туманѣ луна
И факелы дымно сверкали.
На немъ не усопшихъ покровъ гробовой,
Лежитъ не въ досчатой неволѣ (¹);
Обернутъ въ широкій свой плащъ боевой
Уснулъ онъ, какъ ратники въ полѣ.
Не долго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая,
И, молча, смотрѣла въ лицо мертвецу,
О завтрашнемъ днѣ помышляя.
Быть можетъ, на утро внезапно явясь,
Врагъ дерзкій, надменности полный,
Тебя не уважитъ, товарищъ, а насъ
Умчатъ невозвратныя волны.
О нѣтъ, не коснется въ таинственномъ снѣ
До храбраго дума печали!
Твой одръ одинокій въ чужой сторонѣ
Родимыя руки постлали.
Еще не свершенъ былъ обрядъ роковой,
И часъ наступилъ разлученья,
И съ валу ударилъ перунъ (²) вѣстовой,
И намъ онъ не вѣстникъ сраженья.
Прости же товарищъ! Здѣсь нѣтъ ничего
На память могилы кровавой,
И мы оставляемъ тебя одного
Съ твоею безсмертною славой.

И. Козловъ.

(¹) въ досчатомъ гробу. (²) т. е. выстрѣлъ; собственно богъ молніи и грома.

220. Изъ Одиссеи. Стрѣльба изъ лука. (Пѣснь XXI, стихи 393—427).

... Одиссей въ рукахъ обращая
Лукъ свой туда и сюда, осторожно разсматривалъ, цѣлы-ль
Роги и не было-ль что безъ него въ нихъ попорчено червемъ.
Глядя (1) другъ на друга, такъ женихи межъ собой разсуждали:
«Видно знатокъ онъ, и съ лукомъ привыкъ обходиться; быть можетъ,
Луки работаетъ самъ, и имѣя ужъ лукъ начатой имъ
Дома, намѣренъ его по образчику этого сладить.
Видите-ль, какъ онъ, бродяга негодный, его разбираетъ?
Но — отвѣчали другіе насмѣшливо первымъ — удастся
Опытъ ужъ вѣрно ему! и всегда пусть такую жъ удачу
Встрѣтитъ во всёмъ онъ, какъ здѣсь съ Одиссеевымъ сладивши лукомъ.»
Такъ женихи говорили, а онъ, преисполненный страшныхъ
Мыслей, великій осматривалъ лукъ. Какъ пѣвецъ, пріобыкшій
Цитрою звонкой владѣть, начинать пѣснопѣнье готовясь,
Строитъ ее, и упругія струны на ней изъ овечьихъ
Свитыя тонкотягучихъ (2) кишекъ, безъ труда напрягаетъ:
Такъ безъ труда во мгновеніе лукъ непокорный напрягъ онъ.
Крѣпкую правой рукой тетиву потянувши, онъ ею
Щелкнулъ: она провизжала, какъ ласточка звонкая въ небѣ.
Дрогнуло сердце въ груди жениховъ, и въ лицѣ измѣнились
Всѣ тутъ ужасно. Зевесъ загремѣлъ съ вышины, подавая
Знакъ; и живое веселіе въ грудь Одиссея проникло:
Въ громѣ Зевесовомъ онъ предвѣщанье благое услышалъ.
Быструю взявъ онъ стрѣлу, на столѣ отъ него недалеко
Вольно лежавшую; прочія жъ заперты въ тѣсномъ колчанѣ
Были — но скоро ихъ шумъ женихамъ надлежало услышать.
Къ луку притиснувъ стрѣлу, тетиву онъ концемъ опереннымъ,
Сидя на мѣстѣ своемъ, натянулъ и, прицѣляся въ кольца,
Выстрѣлилъ — быстро отъ перваго до послѣдняго кольца
Ихъ не задѣвъ, пронизала стрѣла, заощренная мѣдью.
Тутъ обратясь къ Телемаку, воскликнулъ стрѣлецъ богоравный:
«Видишь, что гость твой тебѣ, Телемакъ, не нанёсъ посрамленья:
Въ цѣль я попалъ; да и лукъ натянуть Одиссеевъ не много
Было труда мнѣ. Еще не совсѣмъ я, скитаясь, утратилъ
Силы, хотя женихи и ругаются мной (3) безпощадно.»

Жуковскій.

---

(1) глядя вм. глядй. (2) въ подражаніе греческому искуственно составленное слово, каковыхъ весьма много у Гнѣдича и у Жуковскаго.

(3) вм. надо мной.

221. Кубокъ. (Изъ Шиллера.)

«Кто рыцарь-ли знатный иль латникъ простой
«Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
«Бросаю мой кубокъ туда золотой.
«Кто сыщетъ во тмѣ глубины
«Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
«Тому онъ да будетъ наградой побѣдной.»

Такъ Царь возгласилъ и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
«Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?»

Но рыцарь и латникъ недвижны стоятъ;
Молчанье — на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ Царь возгласилъ громогласно:
«Отъищется-ль смѣлый на подвигъ опасной?»

И всѣ безотвѣтны... вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ.
Онъ снялъ епанчу, снялъ поясъ онъ свой.
Ихъ молча на землю кладётъ.
И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
«Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И онъ подступаетъ къ наклону скалы
И взоръ устремилъ въ глубину...
Текли изъ жерла поглощенны валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались и пѣна кипѣла,
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ.
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ,
Не море-ль изъ моря извергнуться хочетъ?

И вдругъ, успокоясь, волненье легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось чорною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева;
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ —
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ,
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла;
Его не спасётъ никакая ужъ сила.

Надъ бездной утихло.... въ ней глухо шумитъ,
И каждый очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
«Красавецъ отважной, прости!...»
Все тише и тише на днѣ ея воетъ,
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ (1) ноетъ..

(1) отъ ожиданія.

И если ты бросишь вѣнецъ свой златой,
Сказавъ: «кто вѣнецъ возвратитъ,
Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной,»
Меня твой престолъ не прельститъ.
Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
Ничья здѣсь душа не разскажетъ живая.

Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
Глотала ея глубина;
Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
Съ ея неприступнаго дна.
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалёкой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ . . . . . что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной . . . .
Мелькнула рука и плечо изъ волны...
И борется, споритъ съ волной —
И видятъ — весь берегъ потрясся отъ клича —
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ.
И каждый съ весельемъ; «онъ живъ!» повторялъ:
«Чудеснѣе подвига нѣтъ!
Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной
Спасъ душу живую красавецъ отважной.»

Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпэй.
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ,
И кубокъ у ногъ положилъ золотой,
И дочь свою царь подозвалъ:
«Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда!»
И въ сладость была для него та награда.

«Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ!
И смертный предъ Богомъ смирись:
Узнать никогда не желай дерзновенно
Того, что отъ насъ Имъ во тмѣ сокровенно.

Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда . . . .
И вдругъ мнѣ на встрѣчу потокъ;
Изъ трещины камня лилася вода
И вихорь ужасный повлёкъ
Меня въ глубину съ непонятною силой . . .
И страшно меня тамъ кружило и било.

Но Богу молитву тогда я принёсъ
И Онъ мнѣ Спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;

Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала.

И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ,
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой,
Но видѣлось страшно очамъ ([2]),
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины неописанны чуды.

И зрѣлъ я, какъ въ черной пучинѣ кипятъ
Въ громадный свиваяся([3]) клубъ:
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей однозубъ.
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіена морская.

И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой
Отъ взора людей далеко,
Одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой,
Во чревѣ земли глубоко.
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго ([4]) слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмова ([5]).

И я содрогался... вдругъ слышу, ползётъ
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ . . .

Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!...
То было спасеньемъ: обхваченъ приливомъ
Я выброшенъ вверхъ водомета порывомъ.»

Чудесенъ разсказъ показался царю:
«Возьми же мой кубокъ златой!
Съ нимъ вмѣстѣ мой перстень тебѣ подарю,
На коемъ алмазъ дорогой,
Когда ты на подвигъ отважишься снова
И тайны всѣ дна перескажешь морскова.»

То слыша царевна съ волненьемъ въ груди
Краснѣя царю говоритъ:
«Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова.»

Но царь не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину пустилъ съ высоты:
«И будешь ты рыцарь любимѣйшій мой,
Когда съ нимъ воротишься ты,
И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
Заступница, будетъ твоею женою.»

Въ нёмъ жизнью небесной душа зажжена:
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны.

([2]) вм. очи видѣли страшное. ([3]) вм. свиваясь. ([4]) *человѣчій* говорится только про тѣло человѣка, а про его душу — человѣческій; по крайней мѣрѣ такъ до сихъ поръ употреблялось въ письменности. ([5]) Здѣсь правописаніе сдѣлало уступку произношенію, впрочемъ по требованію риѳмы.

Утихнула бездна . . . и снова шумитъ . . . .
И пѣною снова полна . . .
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ . . .
И бьетъ за волною волна . . .
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно, ...
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

Жуковскій.

---

222. Лѣсной царь. (Изъ Гете).

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

«Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?»
— Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ;
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой. —
«О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой»·

— «Дитя, оглянися! младенецъ, ко мнѣ!
«Веселаго много въ моей сторонѣ:
«Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
«Изъ золота слиты чертоги мои.»

— Родимый, лѣсной Царь со мной говоритъ:
Онъ золото перлы и радость сулитъ. —
«О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты;
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.»

— «Ко мнѣ, мой младенецъ, въ дубравѣ моей
«Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
«При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
«Играя, летая тебя усыплять.»

— Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей. —
«О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ;
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.»

— «Дитя, я плѣнился твоей красотой;
«Неволей иль волей, а будешь ты мой.»
— Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать.» —

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ . . . .
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Жуковскій.

---

223. Ленора. (Изъ Биргера).

Ленорѣ снился страшный сонъ,
Проснулася въ испугѣ.
«Гдѣ милый? Что съ нимъ? Живъ ли онъ?
«И вѣренъ ли подругѣ?»

Пошелъ въ далекую страну
Онъ съ Фридерикомъ на войну.
Никто объ немъ не слышитъ,
А самъ онъ къ ней не пишетъ.

Съ императрицею король
За что-то раздружились,
И кровь лилась, лилась.... доколь
Они не помирились.
И оба войска, кончивъ бой,
Съ музыкой ([1]), пѣснями, пальбой,
Съ торжественностью ратной
Пустились въ путь обратной.

Идутъ! идутъ! за строемъ строй
Пылятъ, гремятъ, сверкаютъ;
Родные, ближніе толпой
Встрѣчать ихъ выбѣгаютъ;
Тамъ обнялъ друга нѣжный другъ,
Тамъ сынъ отца, жену супругъ;
Всѣмъ радость.... а Ленорѣ
Отчаянное горе.

Она обходитъ ратный строй
И друга вызываетъ;
Но вѣсти нѣтъ ей никакой:
Никто объ немъ не знаетъ;
Когда же мимо рать прошла —
Она свѣтъ Божій прокляла,
И громко зарыдала,
И на землю упала.

Къ Ленорѣ мать бѣжитъ съ тоской:
«Что такъ тебя волнуетъ?
«Что сдѣлалось, дитя, съ тобой?»
И дочь свою цѣлуетъ.
— «О другъ мой, другъ мой, все прошло!
Мнѣ жизнь не жизнь, а скорбь и зло;
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ...
О горе мнѣ! о горе!» —

Прости ее, небесный царь!
«Родная, помолися!
Онъ благъ, Его руки мы тварь:
Предъ Нимъ душой смирися.»
— «О другъ мой, другъ мой, все какъ сонъ!
Немилостивъ со мною Онъ;
Предъ Нимъ мой крикъ былъ тщетенъ, . . .
Онъ глухъ и безотвѣтенъ.»

«Дитя, отъ жалобъ удержись,
Пожертвуй сердцемъ Богу;
Пречистыхъ Таинъ причастись,
Чтобъ снять съ души тревогу.»
— «О другъ мой, что во мнѣ кипитъ,
Того и Богъ не усмиритъ:
Ни Тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвой.» —

«Но что, когда онъ самъ забылъ
«Любви святое слово,
«И прежней клятвѣ измѣнилъ,
«И связанъ клятвой новой?
«И ты, и ты объ немъ забудь,
«Не рви тоской напрасной грудь;
«Не стоитъ слезъ предатель;
«Ему судья Создатель.»

— «О другъ мой, другъ мой, все прошло!
Пропавшее пропало!
Жизнь безотрадную на зло
Мнѣ Провидѣнье дало...
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ. —
О горе мнѣ! о горе!» —

«Небесный Царь! да ей проститъ
«Твое долготерпѣнье!
«Она не знаетъ, что творитъ,
«Ея душа въ забвеньѣ.
«Дитя, земную скорбь забудь!
«Ведетъ ко благу Божій путь.
«Смиреннымъ рай награда...
«Страшись мученій ада!»

([1]) *съ музыкой вм. съ мýзыкой.*

— «О другъ мой, что небесный рай?
Что адское мученье?
Съ нимъ вмѣстѣ, всё небесный рай!
Съ нимъ розно, всё мученье!
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Съ нимъ розно, умерла я
И здѣсь и тамъ для рая!» —

Такъ дерзко, полная тоской,
Душа въ ней бунтовала....
Творца на судъ она съ собой
Безумно вызывала.
Терзала грудь, власы рвала
До той поры, какъ ночь пришла,
И темный сводъ надъ нами
Усыпался звѣздами.

И вотъ... какъ будто легкій скокъ
Коня въ тиши раздался,
Несётся по полю ѣздокъ;
Гремя, къ крыльцу примчался;
Гремя, взбѣжалъ онъ на крыльцо.
У двери брякнуло кольцо,
Въ ней жилки задрожали . . .
Сквозь дверь ей прошептали:

«Скорѣй! сойди ко мнѣ, мой свѣтъ!
Ты ждёшь ли друга, спишь ли?
Меня забыла ты, иль нѣтъ?
Смѣешься ли, грустишь ли?»
— Ахъ милый... Богъ тебя принёсъ!
А я... отъ горькихъ горькихъ слёзъ
И свѣтъ въ очахъ затмился...
Ты какъ здѣсь очутился? —

«Сѣдлаемъ въ полночь мы коней.
Я ѣду издалёка...
Не медли, другъ, сойди скорѣй!
Путь долгъ, мало срока.»
— На что спѣшить, мой милый, намъ?
И вѣтеръ воетъ по кустамъ,
И тма ночная въ полѣ;
Побудь со мной на волѣ! —

«Что нужды намъ до тмы ночной!
Въ кустахъ пусть вѣтеръ воетъ.
Часы бѣгутъ; конь борзый мой
Копытомъ землю роетъ;
Нельзя намъ ждать; сойди, дружокъ!
Намъ долгій путь, намъ малый срокъ;
Не въ пору сонъ и нѣга,
Сто миль намъ до ночлега.»

— Но какъ же конь твой пролетитъ
Сто миль до утра, милой?
Ты слышишь, колоколъ гудитъ:
Одиннадцать пробило. —
«Но мѣсяцъ всталъ, онъ свѣтитъ намъ . . .
Гладка дорога мертвецамъ;
Мы скачемъ, не боимся,
До свѣта мы домчимся.»

— Но гдѣ же, гдѣ твой уголокъ?
Гдѣ нашъ пріютъ укромный? —
«Далеко онъ... пять шесть досокъ....
Прохладный, тихій, темный.»
— Есть мѣсто мнѣ? — «Обоимъ намъ.
Поѣдемъ; все готово тамъ;
Ждутъ гости въ нашей кельѣ;
Пора на новоселье!»

Она подумала, сошла,
И на коня вспрыгнула,
И друга нѣжно обняла,
И вся къ нему прильнула.
Помчались... конь бѣжитъ, летитъ,
Земля трясется отъ копытъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И мимо ихъ древа, кусты,
Поля, холмы летѣли,
Подъ конскимъ топотомъ мосты
Дрожали и гремѣли.
«Не страшно-ль? Мѣсяцъ свѣтитъ намъ —
Гладка дорога мертвецамъ!

Пошелъ въ далекую страну
Онъ съ Фридерикомъ на войну.
Никто объ немъ не слышитъ,
А самъ онъ къ ней не пишетъ.

Съ императрицею король
За что-то раздружились,
И кровь лилась, лилась.... доколь
Они не помирились.
И оба войска, кончивъ бой,
Съ музыкой (1), пѣснями, пальбой,
Съ торжественностью ратной
Пустились въ путь обратной.

Идутъ! идутъ! за строемъ строй
Пылятъ, гремятъ, сверкаютъ;
Родные, ближніе толпой
Встрѣчать ихъ выбѣгаютъ;
Тамъ обнялъ друга нѣжный другъ,
Тамъ сынъ отца, жену супругъ;
Всѣмъ радость.... а Ленорѣ
Отчаянное горе.

Она обходитъ ратный строй
И друга вызываетъ;
Но вѣсти нѣтъ ей никакой:
Никто объ немъ не знаетъ;
Когда же мимо рать прошла —
Она свѣтъ Божій проклялa,
И громко зарыдала,
И на землю упала.

Къ Ленорѣ мать бѣжитъ съ тоской:
«Что такъ тебя волнуетъ?
«Что сдѣлалось, дитя, съ тобой?»
И дочь свою цѣлуетъ.
— «О другъ мой, другъ мой, все прошло!
Мнѣ жизнь не жизнь, а скорбь и зло;
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ...
О горе мнѣ! о горе!» —

Прости ее, небесный царь!
«Родная, помолися!

(1) съ музы́кой вм. съ му́зыкой.

Онъ благъ, Его руки мы тварь:
Предъ Нимъ душой смирися.»
— «О другъ мой, другъ мой, все какъ сонъ!
Немилостивъ со мною Онъ;
Предъ Нимъ мой крикъ былъ тщетенъ, . . .
Онъ глухъ и безотвѣтенъ.»

«Дитя, отъ жалобъ удержись,
Пожертвуй сердцемъ Богу;
Пречистыхъ Таинъ причастись,
Чтобъ снять съ души тревогу.»
— «О другъ мой, что во мнѣ кипитъ,
Того и Богъ не усмиритъ:
Ни Тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвой.» —

«Но что, когда онъ самъ забылъ
«Любви святое слово,
«И прежней клятвѣ измѣнилъ,
«И связанъ клятвой новой?
«И ты, и ты объ немъ забудь,
«Не рви тоской напрасной грудь;
«Не стоитъ слезъ предатель;
«Ему судья Создатель.»

— «О другъ мой, другъ мой, все прошло!
Пропавшее пропало!
Жизнь безотрадную на зло
Мнѣ Провидѣнье дало...
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ. —
О горе мнѣ! о горе!» —

«Небесный Царь! да ей проститъ
«Твое долготерпѣнье!
«Она не знаетъ, что творитъ,
«Ея душа въ забвеньѣ.
«Дитя, земную скорбь забудь!
«Ведетъ ко благу Божій путь.
«Смиреннымъ рай награда...
«Страшись мученій ада!»

— «О другъ мой, что небесный рай?
Что адское мученье?
Съ нимъ вмѣстѣ, всё небесный рай!
Съ нимъ розно, всё мученье!
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Съ нимъ розно, умерла я
И здѣсь и тамъ для рая!» —

Такъ дерзко, полная тоской,
Душа въ ней бунтовала....
Творца на судъ она съ собой
Безумно вызывала.
Терзала грудь, власы рвала
До той поры, какъ ночь пришла,
И темный сводъ надъ нами
Усыпался звѣздами.

И вотъ... какъ будто легкій скокъ
Коня въ тиши раздался,
Несётся по полю ѣздокъ;
Гремя, къ крыльцу примчался;
Гремя, взбѣжалъ онъ на крыльцо.
У двери брякнуло кольцо,
Въ ней жилки задрожали . . .
Сквозь дверь ей прошептали:

«Скорѣй! сойди ко мнѣ, мой свѣтъ!
Ты ждёшь ли друга, спишь ли?
Меня забыла ты, иль нѣтъ?
Смѣешься ли, грустишь ли?»
— Ахъ милый... Богъ тебя принёсъ!
А я... отъ горькихъ горькихъ слёзъ
И-свѣтъ въ очахъ затмился...
Ты какъ здѣсь очутился? —

«Сѣдлаемъ въ полночь мы коней.
Я ѣду издалёка...
Не медли, другъ, сойди скорѣй!
Путь дологъ, мало срока.»
— На что спѣшить, мой милый, намъ?
И вѣтеръ воетъ по кустамъ,
И тма ночная въ полѣ;
Побудь со мной на волѣ! —

«Что нужды намъ до тмы ночной!
Въ кустахъ пусть вѣтеръ воетъ.
Часы бѣгутъ; конь борзый мой
Копытомъ землю роетъ;
Нельзя намъ ждать; сойди, дружокъ!
Намъ долгій путь, намъ малый срокъ;
Не въ пору сонъ и нѣга,
Сто миль намъ до ночлега.»

— Но какъ же конь твой пролетитъ
Сто миль до утра, милой?
Ты слышишь, колоколъ гудитъ:
Одиннадцать пробило. —
«Но мѣсяцъ всталъ, онъ свѣтитъ намъ . . .
Гладка дорога мертвецамъ;
Мы скачемъ, не боимся,
До свѣта мы домчимся.»

— Но гдѣ же, гдѣ твой уголокъ?
Гдѣ нашъ пріютъ укромный? —
«Далеко онъ... пять шесть досокъ....
Прохладный, тихій, темный.»
— Есть мѣсто мнѣ? — «Обоимъ намъ.
Поѣдемъ; все готово тамъ;
Ждутъ гости въ нашей кельѣ;
Пора на новоселье!»

Она подумала, сошла,
И на коня вспрыгнула,
И друга нѣжно обняла,
И вся къ нему прильнула.
Помчались... конь бѣжитъ, летитъ,
Земля трясется отъ копытъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И мимо ихъ древа, кусты,
Поля, холмы летѣли,
Подъ конскимъ топотомъ мосты
Дрожали и гремѣли.
«Не страшно-ль? Мѣсяцъ свѣтитъ намъ —
Гладка дорога мертвецамъ!

Да что же такъ дрожишь ты?»
— Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?

Но кто тамъ стонетъ? Что за звонъ?
Что ворона взбудило?
По мертвомъ звонъ, надгробный стонъ:
Да будетъ взятъ могилой!
И видятъ ходъ: идутъ, поютъ,
На дрогахъ тяжкій гробъ везутъ,
Былъ голосъ погребальной
Какъ вой совы печальной. —

«Заройте гробъ въ полночный часъ:
Слезамъ теперь не мѣсто;
За мной! къ себѣ на свадьбу васъ
Зову съ моей невѣстой.
За мной, пѣвцы! за мной пасторъ!
Пропой намъ многолѣтье, хоръ;
Намъ дай на обрученье,
Пасторъ, благословенье!

И звонъ утихъ и гробъ пропалъ....
И вызову покорной
Весь хоръ столпяся, побѣжалъ
За ними тѣнью черной...
И далъ, далъ конь летитъ,
Земля трясется отъ копытъ;
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И сзади, спереди, съ боковъ
Окрестность вся летѣла:
Поля, холмы, ряды кустовъ,
Заборы, домы, села.
«Не страшно-ль? Мѣсяцъ свѣтитъ намъ —
Гладка дорога мертвецамъ!
Да что же такъ дрожишь ты?»
— О мертвыхъ всё твердишь ты!

Вотъ у дороги, надъ столбомъ,
Гдѣ висѣльникъ чернѣетъ,
Воздушныхъ рой, свіясь кольцомъ,
Кружится, пляшетъ, вѣетъ.

«Ко мнѣ! за мной, вы плясуны!
Вы всѣ на пиръ приглашены!
Скачу, лечу жениться.....
Ко мнѣ повеселиться!»

И лётомъ, лётомъ легкій рой
Пустился въ слѣдъ за ними;
Шумя, какъ вѣтеръ полевой
Межъ листьями сухими.
И далъ, далъ (2)! конь летитъ,
Земля трясется отъ копытъ.
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

Вдали, вблизи, со всѣхъ сторонъ
Всё мимо ихъ бѣжало;
И всё какъ тѣнь, и всё какъ сонъ
Мгновенно пропадало.
Не страшно-ль? Мѣсяцъ свѣтитъ намъ —
Гладка дорога мертвецамъ!
Да что же такъ дрожишь ты?»
— Зачѣмъ одно твердишь ты? —

«Мой конь, мой конь! песокъ бѣжитъ (3)!
Я чую, ночь свѣжѣе;
Мой конь, мой конь! пѣтухъ кричитъ,
Мой конь, несись быстрѣе!...
Оконченъ путь; исполненъ срокъ;
Нашъ близко, близко уголокъ.
Въ минуту мы у мѣста...
Пріѣхали, невѣста!»

Къ воротамъ конь во весь опоръ
Примчавшись, сталъ и топнулъ.
Ѣздокъ бичомъ стегнулъ запоръ,
Запоръ со стукомъ лопнулъ; —
Растворы врозь... кладбище тамъ..
Конь быстро мчится по гробамъ,
Лучи луны сіяютъ..
Кругомъ кресты мелькаютъ.

---

(2) вм. далѣе. (3) песокъ въ песочныхъ часахъ; т. е. время бѣжитъ.

И чтожъ, Ленора, что потомъ?
О страхъ!... въ одно мгновенье
Кусокъ одежды за кускомъ
Слетѣлъ съ него, какъ тлѣнье;
И нѣтъ ужъ кожи на костяхъ;
Безглазый черепъ на плечахъ;
И сталъ красавецъ, словомъ,
Ободраннымъ остовомъ (4).

Конь прянулъ... пламя изъ ноздрей
Волною побѣжало;
И вдругъ... все пылью передъ ней
Расшиблось и пропало.
И вой и стонъ на вышинѣ;
И крикъ въ подземной глубинѣ. .
Лежитъ Ленора, въ страхѣ,
Полмертвая на прахѣ.

И въ блескѣ мѣсячныхъ лучей
Рука съ рукой летаетъ,
Віясь надъ ней, толпа тѣней
И такъ ей припѣваетъ:
«Терпи терпи, хоть ноетъ грудь,
Творцу въ бѣдахъ покорна будь;
Твой прахъ сойди въ могилу!
А душу Богъ помилуй!»

Жуковскій.

---

(4) остóвомъ вм. óстовомъ.

224. Эдемская кость. (Изъ Шамиссо).

Черезъ песчаную пустыню шолъ
Съ своею ратью Александръ, въ страну,
Лежавшую за рубежемъ пустыни,
Онъ нёсъ войну. И вдругъ пришолъ въ рѣкѣ
Широкой онъ. — Измученный путемъ
По знойному песку, на тучномъ брегѣ
Рѣки онъ рать остановилъ, и скоро вся
Она заснула въ глубинѣ долины,
Прохладою потока освѣженной.
Но Александръ заснуть не могъ; и въ зной,
И посреди спокойствія долины,
Гдѣ не было слѣда тревогъ житейскихъ,
Нетерпѣливой онъ кипѣлъ душою,
Ее и мигъ покоя раздражалъ;
Погибель войскъ, разрушенные троны,
Побѣда, власть, вселенной рабство, слава
Носилися предъ ней, какъ привидѣнья.
Онъ подошелъ къ потоку, наклонился,
Рукою зачерпнулъ воды студеной
И напился: и чудно освѣжила
Божественно-цѣлительная влага
Его всѣ члены; въ грудь его проникла
Удвоенная жизнь. И понялъ онъ,
Что изъ страны, благословенной небомъ,
Такой потокъ былъ долженъ вытекать,
Что близъ его истоковъ надлежало
Цвѣсти земному счастію; что вѣрно
Тамъ въ благоденствіи, въ богатствѣ, въ мирѣ
Свободные народы ликовали.
«Туда! туда! съ мечомъ, съ огнёмъ войны!
Моей они должны поддаться власти,
И отъ меня удѣлъ счастливый свой
Принять, какъ даръ моей щедроты царской.»
И онъ велѣлъ гремѣть трубѣ военной;
И раздалась труба и побудилась,
Минутный сонъ вкусивши, рать, и быстро
Ея потокъ, кипящій истребленьемъ,

Вдоль мирныхъ береговъ рѣки прекрасной
Къ ея истокамъ свѣтлымъ побѣжалъ.
И много дней, не достигая цѣли,
Велъ Александръ свои полки. Куда же
Онъ наконецъ привелъ ихъ? Ко вратамъ
Эдема. Но предъ нимъ не отворился
Эдемъ; былъ стражъ у вратъ съ такимъ ужасно
Пылающимъ мечемъ, что задрожала
И Александрова душа, его
Увидя. «Стой, сказалъ привратникъ чудный,
Кто бъ ни былъ ты, сюда дороги нѣтъ!»
«Я царь земли!» воскликнулъ Александръ,
Погнѣванный нежданнымъ запрещеньемъ.
— Царемъ земныхъ царей я здѣсь поставленъ. —
«Я Александръ!» — Ты самъ свой приговоръ,
Назвавшись, произнесъ; одни страстей
Мятежныхъ обуздатели, одни
Душой смиренные вратами жизни
Вступаютъ въ рай; тебѣ жъ подобнымъ, міра
Грабителямъ, ненасытимо жаднымъ,
Рай затворенъ. — На это Александръ:
«И такъ назадъ мнѣ должно обратиться
Тогда, какъ я уже стоялъ ногой
На этихъ ступеняхъ, туда проникнувъ,
Гдѣ отъ созданья міра ни одинъ
Изъ смертныхъ не бывалъ. По крайней мѣрѣ
Дай знаменіе мнѣ, чтобы могла
Провѣдать вся земля, что Александръ
У вратъ Эдема былъ.» На это стражъ:
Вотъ знаменье; да просвѣтитъ оно
Твой тёмный умъ высокимъ разумѣньемъ;
Возьми! — Онъ взялъ; и въ путь пошелъ обратный.
А на пути, созвавши мудрецовъ,
Передъ собою знаменье велѣлъ
Имъ изъяснить. «Мнѣ!» повторялъ онъ въ гнѣвѣ:
«Мнѣ! Александру! даръ такой презрѣнный!
Кусокъ истлѣвшей кости!» — Сынъ Филипповъ!
На то сказалъ одинъ изъ мудрецовъ:
«Не презирай истлѣвшей этой кости;
Умѣй спросить, и дастъ тебѣ отвѣтъ.»
Тутъ принести велѣлъ мудрецъ вѣсы;
Одну изъ чашъ онъ золотомъ наполнилъ,
Въ другую чашу кость онъ положилъ,
И..... чудо! золото перетянула
Кость. Изумился Александръ; онъ вдвое
Велѣлъ насыпать золота; онъ самъ
Свой скипетръ золотой, свою корону,
И съ ними тяжкій мечъ свой бросилъ въ чашу,
Ни на волосъ она не опустилась.
Затрепеталъ на тронѣ царь могучій;
И онъ спросилъ: какою тайной силой
Нарушенъ здѣсь законъ природы? Чѣмъ
Ей власть ея возможно возвратить?
Щепоткою земли, сказалъ мудрецъ.
И бросилъ онъ на кость земли щепотку:
И чаша съ костью быстро поднялась,

И быстро чаша съ золотомъ упала.
Мудрецъ сказалъ: великій государь,
Былъ нѣкогда подобный твоему
Разрушенъ черепъ; въ немъ же эта кость
Была частицей впадины, въ которой
Глазъ, твоему подобный, заключался.
Глазъ человѣческій въ объемъ малъ,
Но съ ненасытной жадностью объемлетъ
Онъ все, что насъ здѣсь въ области видѣній
Такъ увлекательно плѣняетъ; цѣлый
Онъ міръ готовъ сожрать голоднымъ взоромъ.
Всё золото земное всыпьте въ чашу,
Всѣ скипетры и всѣ короны бросьте
На золото.... все будетъ мало; но
Покрой его щепоткою земли —
И пропадетъ ненасытимость;
Сквозь легкій праха грузъ ужъ не пробьется
Онъ жаднымъ взоромъ. Ты жъ, великій царь,
Въ семъ знаменьи уразумѣй прямое
Значеніе и времени и жизни.
Ненасытимости передъ тобою
Лежитъ символъ въ истлѣвшей этой кости.»
Но царь внималъ съ поникшей головой
Съ челомъ нахмуреннымъ. Вдругъ онъ вскочилъ,
Сверкнулъ на всѣхъ могучимъ окомъ льва,
И возгласилъ такъ громко, что скалы
Окрестныя ужасный дали голосъ:
Греми труба! впередъ, мои дружины!
Жизнь коротка; уходитъ время; стыдъ
Тому, кто жизнь и время праздно тратитъ.
И вихрями взвился песокъ пустыни;
И рать великая, какъ змѣй съ отверзтымъ
Голоднымъ зѣвомъ, шумно побѣжала
Къ предѣламъ Индіи. Завоеватель
Потоками лилъ кровь, и побѣждалъ,
И съ каждою побѣдой разгорался
Сильнѣйшей жаждою побѣды новой;
И наконецъ они ему щепоткой
Земли глаза покрыли — онъ утихъ. —

Жуковскій.

---

225. Капитанъ Боппъ.

На кораблѣ купческомъ Медузѣ,
Который плылъ изъ Лондона въ Бостонъ,
Былъ капитаномъ Боппъ, морякъ искусный,
Но человѣкъ недобрый; онъ своихъ
Людей такъ притѣснялъ, былъ такъ безстыдно
Развратенъ, такъ ругался дерзско всякой
Святыней, что его весь экипажъ
Смертельно ненавидѣлъ; наконецъ
Готовъ былъ вспыхнуть бунтъ и капитану-бъ
Не одобровать... но Богъ рѣшилъ иначе.
Вдругъ занемогъ опасно капитанъ,
Надъ кораблемъ команду принялъ штурманъ;
Больной же, всѣми брошенный, лежалъ
Въ каютѣ; экипажъ рѣшилъ, чтобъ онъ
Безъ помощи издохъ, какъ зараженный
Чумой, и это съ злобнымъ смѣхомъ было
Ему объявлено. Ужъ дни (1) четыре,
Снѣдаемый болѣзнію, лежалъ
Одинъ онъ, и никто не смѣлъ къ нему
Войти, чтобы хоть каплею воды

---

(1) простонародная форма, которая собственно правильнѣе принятой въ письменности: дня

Его языкъ изсохшій освѣжить,
Иль голову повисшую его
Подушкой подпереть, иль добрымъ словомъ
Его больную душу ободрить;
Онъ былъ одинъ, и страшно смерть глядѣла
Ему въ глаза. Вдругъ слышитъ онъ однажды,
Что въ дверь его вошли, и что ему
Сказалъ умильный голосъ: «Каковы
Вы, капитанъ?» То мальчикъ Робертъ былъ,
Ребенокъ лѣтъ двѣнадцати; ему
Сталъ жалокъ капитанъ; но на вопросъ
Больной сурово отвѣчалъ: тебѣ
Какое дѣло! Убирайся прочь!
Однако на другой день мальчикъ снова
Вошелъ въ каюту и спросилъ: „Не нужно-ль
Чего вамъ, капитанъ?» — Ты это, Робертъ?
Чуть слышнымъ голосомъ спросилъ больной. —
«Я, капитанъ!» — Ахъ Робертъ, я страдалъ
Всю ночь. — «Позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ
Вамъ руки и лицо; васъ это можетъ
Немного освѣжить.»Больной кивнулъ
Въ знакъ своего согласья головою.
А Робертъ, оказавъ ему услугу
Любви, спросилъ: могу-ли, капитанъ,
Теперь обрить васъ? — Это также было
Ему позволено. Потомъ больнаго Робертъ
Тихонько приподнялъ, его подушки
Поправилъ; наконецъ смѣлѣе ставши,
Сказалъ: теперь я напою васъ чаемъ.
И капитанъ спокойно соглашался
На всё; онъ глубоко вздыхалъ и съ *грустной*
Улыбкою на мальчика смотрѣлъ.
Увѣренъ будучи, что отъ своихъ
Людей онъ никакого милосердья
Надѣяться не долженъ, въ злобѣ сердца
Рѣшился онъ ни съ кѣмъ не говорить
Ни слова. Лучше умереть сто разъ,
Онъ думалъ, чѣмъ отъ нихъ принять услугу.
Но милая заботливость ребенка
Всю внутренность его поколебала;
Непримиримая его душа
Смягчилась и въ глазахъ его, дотолѣ
Свирѣпо мрачныхъ,выступили слёзы.
Но дни его ужъ были сочтены;
Онъ видимо слабѣлъ и наконецъ
Увѣрился, что жизнь его была
На тонкомъ волоскѣ; и ужасъ душу
Его схватилъ, когда предстали разомъ
Ей смерть и вѣчность; страшнымъ крикомъ совѣсть
Проснулась въ нёмъ, но ей не поддалась бы
Его желѣзная душа; онъ молча бы
Покинулъ свѣтъ, озлобленный, ни съ кѣмъ
Не примирённый, еслибъ милый голосъ
Ребенка, посланнаго Богомъ, вдругъ
Его не пробудилъ. И вотъ однажды,
Когда, опять къ нему вошедши, Робертъ
Спросилъ: «не лучше-ли вамъ, капитанъ?»
Онъ простоналъ отчаянно: «ахъ! Робертъ,
Мнѣ тяжело, съ моимъ погибшимъ тѣломъ
Становится ежеминутно хуже.
А съ бѣдною моей душою!... Что
Мнѣ дѣлать? Я великій нечестивецъ!
Меня ждетъ адъ; я ничего инаго
Не заслужилъ; я грѣшникъ, я навѣки
Погибшій человѣкъ!» — „Нѣтъ, капитанъ,

Васъ Богъ помилуетъ, молитесь.« — «Поздно
Молиться; для меня ужъ болѣ нѣтъ
Надежды на спасенье. Что мнѣ дѣлать?
Ахъ Робертъ, что со мною будетъ?« — Такъ
Свое дотолѣ безчувственное сердце
Онъ исповѣдывалъ передъ ребенкомъ,
И Робертъ дѣлалъ всё, чтобъ возбудить
Въ немъ бодрость — но напрасно. Разъ, когда
По-прежнему вошелъ въ каюту мальчикъ,
Больной, едва дыша, ему сказалъ:
»Послушай, Робертъ, мнѣ пришло на умъ,
Что, можетъ быть, на кораблѣ найдётся
Евангеліе; попробуй, поищи!«
И подлинно Евангелье нашлось.
Когда его больному подалъ Робертъ,
Въ его глазахъ сверкнула радость. «Робертъ!
Сказалъ онъ, это мнѣ поможетъ, вѣрно
Поможетъ. Другъ, читай, теперь узнаю,
Чего мнѣ ждать и въ чомъ мое спасенье;
Сядь, Робертъ, здѣсь; читай, я буду слушать.“
— Да что же мнѣ читать вамъ, капитанъ? — «
„Не знаю, Робертъ, я ни разу въ руки
Не бралъ Евангелья; читай, что хочешь,
Безъ выбора, какъ попадётся.« — Робертъ
Раскрылъ Еангелье и сталъ читать,
И два часа читалъ онъ. Капитанъ,
Къ нему съ постели голову склонивъ,
Его съ великой жадностію слушалъ.
Какъ утопающій за доску, онъ
За каждое хватался слово; но
При каждомъ словѣ молніею страшной
Душа въ немъ озарялась; онъ вполнѣ
Все недостоинство свое постигнулъ, (2).
И правосудіе Творца предстало
Ему съ погибелью неизбѣжимой;
Хотя и слышалъ онъ святое имя
Спасителя, но вѣрить онъ не смѣлъ
Спасенію. Оставшися (3) одинъ,
Во всю ту ночь онъ размышлялъ о томъ,
Что было читано; но въ этихъ мысляхъ
Его душа отрады не нашла.
На слѣдующій день, когда опять
Вошелъ въ каюту Робертъ, онъ ему
Сказалъ: „мой другъ, я чувствую, что мнѣ
Земли ужъ не видать, со мною дѣло
Идетъ къ концу поспѣшно (4); скоро буду
Я брошенъ черезъ бортъ; но не того
Теперь боюсь я.... что съ моей душою,
Съ моею бѣдною душою будетъ?
Ахъ Робертъ, я погибъ, погибъ навѣки!
Не можешь-ль помочь мнѣ? Помолися,
Другъ, за меня. Вѣдь ты молитвы знаешь?»
— «Нѣтъ, капитанъ, я никакой другой
Молитвы, кромѣ Отче нашъ не знаю;
Я съ матерью вседневно поутру
И ввечеру ее читалъ.“ — Ахъ, Робертъ,
Молися за меня; стань на колѣна,

(2) вм. постигъ. (3) вм. оставшись. (4) это дейтшизмъ: es geht rasch mit mir zu Ende.

Проси, чтобъ Богъ явилъ мнѣ милосердье!
За это онъ тебя благословитъ.
Молися, другъ, молися о твоемъ
Отверженномъ, безбожномъ капитанѣ.«
Но Робертъ медлилъ; а больной его
Просилъ и убѣждалъ ежеминутно
Со стономъ, восклицая: «Царь небесный!
Помилуй грѣшника меня!» И оба
Рыдали. — «Ради Бога, на колѣна
Стань Робертъ, и молися за меня!»
И увлеченный жалостію, мальчикъ
Сталъ на колѣна и, сложивши руки,
Въ слезахъ воскликнулъ: «Господи, помилуй
Ты моего больнаго капитана!
Онъ хочетъ, чтобъ Тебѣ я за него
Молился, — я молиться не умѣю;
Умилосердись Ты надъ нимъ; онъ бѣдный
Боится, что ему погибнуть должно—
Ты, Господи, не дай ему погибнуть.
Онъ говоритъ, что быть ему въ аду,—
Ты Господи, возьми его на небо;
Онъ думаетъ, что дьяволъ овладѣетъ
Его душой, — Ты, Господи, вели,
Чтобъ Ангелъ Твой вступился за него.
Мнѣ жалокъ онъ; его больнаго всѣ
Покинули; но я, пока онъ живъ,
Ему служить не перестану; только
Спасти его, я не умѣю; сжалься
Надъ нимъ Ты, Господи, и научи
Меня молиться за него!“ — Больной
Молчалъ; невинность чистая, съ какою
Ребёнокъ за него молился, всю
Его проникла душу; онъ лежалъ
Недвижимъ, стиснувъ руки, погрузивъ
Въ подушки голову и слезъ потоки
Изъ глазъ его бѣжали. Робертъ, кончивъ
Свою молитву, вышелъ; онъ былъ также
Встревоженъ; долго онъ, едва дыханье
Переводя, на палубѣ стоялъ,
И перегнувшись черезъ бортъ, смотрѣлъ
На волны. Ввечеру онъ, возвратившись
Къ больному, до ночи ему читалъ
Евангелье, и капитанъ его
Съ невыразимымъ слушалъ умиленьемъ.
Когда же Робертъ на другое утро
Опять явился, онъ былъ пораженъ,
Взглянувъ на капитана, перемѣной,
Въ немъ происшедшей: страхъ, который такъ
Усиливалъ естественную дикость
Его лица, носившаго глубокой
Страстей и бурь душевныхъ отпечатокъ,
Исчезъ; на немъ сквозь покрывало скорби,
Сквозь блѣдность смертную сіяло что-то
Смиренное, веселое, святое,
Какъ будто лучъ той свѣтлой благодати,
Которая отъ Бога къ намъ на вопль
Молящаго раскаянья нисходитъ.
«Ахъ! Робертъ,» тихимъ голосомъ больной
Сказалъ: «какую ночь провелъ я! Что
Со мною было! Я того, мой другъ,
Словами выразить не въ силахъ. Слушай:
Когда вчера меня оставилъ ты,
Я впалъ въ какой-то полусонъ; душа
Была полна евангельской святыней,
Которая проникнула въ неё,
Когда твое я слушалъ чтенье; вдругъ
Передъ собою, здѣсь въ ногахъ постели,
Увидѣлъ я — кого же? Самого

Спасителя Христа; онъ пригвожденъ
Былъ ко кресту; и показалось мнѣ,
Что будто всталъ я и приползъ къ его
Ногамъ и закричалъ, какъ тотъ слѣпой,
О коемъ ты читалъ мнѣ: сынъ Давидовъ,
Іисусъ Христосъ, помилуй! И тогда
Мнѣ показалось, будто на меня —
Да, на меня, мой другъ, на твоего
Злодѣя-капитана Онъ взглянулъ....
О, какъ взглянулъ! какими описать
Словами этотъ взглядъ! Я задрожалъ;
Вся къ сердцу кровь прихлынула; душа
Наполнилась тоскою смерти; въ страхѣ,
Но и съ надеждой, я къ нему поднять
Осмѣлился глаза .... и что жъ? Онъ ....
Да, Робертъ .... Онъ отверженному мнѣ
Съ небесной милостію улыбнулся!
О! что со мною сдѣлалось тогда!
На это словъ языкъ мой не имѣетъ.
Я на него глядѣлъ... глядѣлъ.... и ждалъ....
Чего я ждалъ? Не знаю; но о томъ
Мое трепещущее сердце знало.
А онъ съ креста, который весь былъ кровью,
Бѣжавшею изъ ранъ его, облитъ,
Смотрѣлъ такъ благостно, съ такой прискорбной
И нѣжной жалостію на меня ....
И вдругъ его уста пошевелились,
И я его услышалъ голосъ ... чистый,
Пронзающій всю душу, сладкій голосъ;
И онъ сказалъ мнѣ: ободрись и вѣруй!
Отъ радости разорвалося сердце
Въ моей груди, и я передъ крестомъ
Упалъ съ рыданіемъ и крикомъ.... но
Видѣніе исчезло; и тогда
Очнулся я; мои глаза открылись....
Не сонъ ли это было? Нѣтъ, не сонъ.
Теперь я знаю: *Тотъ* меня спасётъ,
Кто ко кресту за всѣхъ и за меня
Былъ пригвождёнъ; я вѣрую тому,
Что Онъ сказалъ на Вечери Святой,
Переломивши хлѣбъ и вливши въ чашу
Вино для оставленія грѣховъ.
Теперь ужъ мнѣ не страшно умереть;
Мой искупитель живъ; мои грѣхи
Мнѣ будутъ прощены. Выздоровленья
Не жду я болѣе и не желаю;
Я чувствую, что съ жизнію разстаться
Мнѣ должно скоро; и ее покинуть
Теперь я радъ....» — При этомъ словѣ Робертъ,
Дотолѣ плакавшій въ молчаньи, вдругъ
Съ рыданіемъ воскликнулъ: «капитанъ,
«Не умирайте; нѣтъ, вы не умрёте.» —
На то больной съ усмѣшкой отвѣчалъ:
Не плачь, мой добрый Робертъ; Богъ явилъ
Свое мнѣ милосердье; и теперь
Я счастливъ; но тебя мнѣ жаль, какъ сына
Роднаго жаль; ты долженъ здѣсь остаться
На кораблѣ межъ этихъ нечестивыхъ
Людей, одинъ, неопытный ребёнокъ....

Съ тобою будетъ то же, что со мною!
Ахъ! Робертъ, берегись, не попади
На страшную мою дорогу; видишь,
Куда ведетъ она. Твоя любовь
Ко мнѣ была, другъ милый, велика;
Тебѣ я всѣмъ обязанъ; ты мнѣ Богомъ
Былъ посланъ въ страшный часъ... ты указалъ мнѣ,
И самъ того не знаю, путь спасенья;
Благослови тебя за то Всевышній!
Другимъ же всѣмъ на кораблѣ скажи
Ты отъ меня, что я прошу у нихъ
Прощенья, что я самъ ихъ всѣхъ прощаю,
Что я за нихъ молюсь. — Весь этотъ день
Больной провёлъ спокойно; онъ съ глубокимъ
Вниманіемъ Евангеліе слушалъ.
Когда жъ настала ночь, и Робертъ съ нимъ
Простился, онъ его съ благословеньемъ,
Любовію и грустью проводилъ
Глазами до дверей каюты. Рано
На слѣдующій день приходитъ Робертъ
Въ каюту; двери отворивъ, онъ видитъ,
Что капитана нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ:
Поднявшися съ подушки, онъ приползъ
Къ тому углу, гдѣ крестъ ему во снѣ
Явился; тамъ, къ стѣнѣ оборотясь
Лицомъ, въ дугу согнувшись, головой
Припавъ къ постелѣ, крѣпко стиснувъ руки,
Лежалъ онъ на колѣняхъ. То увидя,
Встревоженный, въ дверяхъ каюты Робертъ
Остановился. Онъ глядитъ и ждётъ,
Не смѣя тронуться, минуты двѣ
Прошло... и вотъ онъ наконецъ шепнулъ
Тихонько: капитанъ! — отвѣта нѣтъ
Онъ, два шага ступивъ, шепнулъ опять
Погромче: капитанъ! но тихо всё;
И всё отвѣта нѣтъ. Онъ подошелъ
Къ постелѣ. Капитанъ! сказалъ онъ вслухъ.
По прежнему всё тихо. Онъ рукой
Его ноги коснулся: холодна
Нога, какъ ледъ. Въ испугѣ закричалъ
Онъ громко: капитанъ! и за плечо
Его схватилъ. Тутъ положенье тѣла
Перемѣнилось; медленно онъ навзничъ
Упалъ; и тихо голова легла
Сама собою на подушку; были
Глаза закрыты, щеки блѣдныя, видъ
Спокоенъ, руки сжаты на молитву.

Жуковскій.

---

226. Второй бой Рустема и Зораба. (Изъ Рюккерта).

Они плотнѣй стянули кушаки,
И рукава до самыхъ плечъ
Могучихъ засучили;
Ужасно ихъ наморщилися лица,
И загорѣлися глаза,
И, разомъ бросясь другъ на друга,
Какъ разозлившіеся тигры,
Они руками обхватились:
Два тѣла вдругъ слились въ одно,
Вокругъ котораго четыре
Желѣзныя руки, какъ змѣи,
Въ него вдавясь, переплетались.
Какъ будто сплавленные крѣпко
Они другъ друга, грудь на грудь,

Тѣснили, перли, гнули, жали —
Напрасно; камень и желѣзо
Могли бы руки ихъ расплюснуть,
Но пошатнуть не могъ ни сына
Отецъ, ни сынъ отца; дыханье
Спиралось въ ихъ груди; глаза ихъ, кровью
Налитые, какъ уголья горѣли;
Ихъ ноги были врыты въ землю, —
Но ни одинъ не могъ другаго
Ни потрясти, ни наклонить,
Ни приподнять, ни сдвинуть съ мѣста;
Напрасны были ихъ порывы,
Напрасны были ихъ напоры,
Напрасно было ихъ боренье,
Ихъ трепетанье, ихъ кипѣнье —
Неодолимъ, неколебимъ
Остался каждый. Наконецъ
Отбросивъ тщетную борьбу,
Они рѣшились испытать,
Кому кого удастся
Поднять съ земли и опрокинуть.
И, разорвавшись, разомъ отскочили
Отецъ и сынъ, и, разомъ снова
Сбѣжавшися, какъ крючья, руки
За кушаки засунули другъ другу.
И вдругъ Рустемъ тряхнулъ Зораба
Такъ сильно, что съ земли
Взорвалъ его на воздухъ; какъ свинецъ,
Всей тяжестью Зорабъ на грудь отца
Обрушился и повалилъ
Его на землю подъ себя.
Не зная самъ, какъ могъ онъ очутиться
На нёмъ, его къ землѣ онъ придавилъ
Колѣномъ, выхватилъ кинжалъ,
И былъ готовъ пронзить имъ грудь
Подъ нимъ лежавшаго Рустема.
Рустемъ, увидя надъ собою
Желѣзо, возопилъ: остановись,
Что хочешь дѣлать? Если ты
Породой знаменитъ, не осрамляй
Ни самого себя, ни предковъ
Постыднымъ дѣломъ: межъ суровыхъ
Родяся Турковъ, ты не знаешь
Обычаевъ Ирана — знай же,
Что здѣсь никто, кому въ борьбѣ
Соперника удастся одолѣть,
Его не умерщвляетъ, но ему
Даетъ съ собою испытать
Въ другой разъ силу; если жъ и тогда
Онъ побѣдитъ, то властенъ онъ
И умертвить врага и дать ему пощаду.
Таковъ святой Иранскій нашъ обычай;
И стыдъ тому, кѣмъ будетъ онъ нарушенъ!
Такъ говорилъ Рустемъ, прибѣгнувъ
(Чтобъ отъ себя погибель отвратить)
Къ обману. — Я, отвѣтствовалъ Зорабъ,
Не слыхивалъ, чтобъ гдѣ такой обычай
Водился; но, скажи мнѣ, соблюдалъ ли
Его Рустемъ? — На это возразилъ
Рустемъ: какое дѣло намъ
До твоего Рустема? Если жъ
Ты хочешь знать, то и Рустемъ
Обычаю Ирана былъ покоренъ.
При этомъ словѣ опустилъ
Зорабъ кинжалъ, и руку подалъ
Лежачему, чтобъ онъ съ земли поднялся.
Легко повѣрилъ онъ: простому сердцу
Коварство было незнакомо;
Незлобный, какъ младенецъ, былъ онъ
Великодушенъ какъ герой;
А темная рука судьбы
Его къ погибели стремила неизбѣжно.
Обманомъ спасшійся Рустемъ

Негодовалъ, что для спасенья
Былъ принужденъ обманъ употре-
бить;
Поднявшися съ земли, онъ отрях-
нулся,
И противъ воли покраснѣлъ,
Взглянувъ на сына, а Зорабъ
Ему сказалъ съ усмѣшкой: «от-
дохни,
Мой старый богатырь; я скоро
Опять здѣсь буду, и тогда,
Какъ слѣдуетъ, начатое мы кон-
чимъ»
Сѣвъ на коня, онъ поскакалъ
Въ ту сторону, гдѣ по горѣ
Туранское стояло строемъ войско;
Вдругъ передъ нимъ вскочила ан-
тилопа, —
И весело за нею онъ погнался,
Забывъ о часѣ роковомъ.

Жуковскій.

Для сравненія съ древне-Греческимъ приложенъ здѣсь ново-Греческій подлинникъ.

227. *ΤΟΥ ΣΚΥΛΛΟΔΗΜΟΥ.*

'Ο Σκυλλοδῆμος ἔτρωγε 'σ τὰ ἔλατ' ἀποκάτω,
Καὶ τὴν Εἰρήνην 'σ τὸ πλευρὸν εἶχε νὰ τὸν κεράσῃ·
„Κέρνα μ', Εἰρήνη μ' εὐμόρφη, κέρνα μ', ὅσον νὰ φέξῃ,
„Ὅσον νὰ ἔβγ' αὐγερινὸς, νὰ παγ' ἡ πούλια γεῦμα·
„Κ'ἀπαὶ σὲ στέλνω σπῆτί σου μὲ δέκα παλληκάρια.“ —
„Δῆμο, δὲν εἶμαι δούλά σου, κρασὶ νὰ σὲ κεράσω·
„'Εγὼ εἶμαι νύμφη προεστῶν, κ' ἀρχόντων θυγατέρα.“
Κ'αὐτοῦ πρὸς τὰ χαράγματα, περνοῦσαν δυὸ διαβάτες.
Εἶχαν τὰ γένεια μακρυὰ, τὸ πρόσωπόν τους μαῦρον.
Κ'οἱ δυὸ κοντά του στάθηκαν, καὶ τὸν ἐχαιρετοῦσαν·
„Καλὴ ἡμέρα, Δῦμό μου.“ — „Καλῶς τοὺς διαβάταις.“

„Διαβάτες, ποῦ ἠξεύρετε, πῶς εἶμ' ὁ Σκυλλοδῆμος;“
„Φέρομεν χαιρετήματα, ἀπὸ τὸν ἀδερφόν σου.“
„Διαβάτες, ποῦ τὸν εἴδεταν ἐσεῖς τὸν ἀδερφόν μου;“

227. Скиллодимъ. (Новогреческая народная пѣсня).

Подъ зелеными елями ужинать сѣлъ Скиллодимъ,
И вино наливать посадилъ при себѣ онъ Ирену.
«Наливай мнѣ, красавица, пить наливай до утра,
До восхода денницы, какъ ты полонянка, румяной.
По утру я тебя отпущу съ Паликарами въ домъ.»
«Не рабыня я, Димъ, чтобъ вино для тебя наливать:
«Я невѣстка Проеста, я дочь городскаго Архонта!»
На зарѣ, на разсвѣтѣ, два лѣсомъ прохожихъ идутъ,
Съ бородами заросшими, съ чорными лицами оба;
Къ Скиллодиму подходятъ, привѣтствуютъ оба его:
«Скиллодиму день добрый!» — «Добро вамъ пожаловать! Кто вы?
Да и какъ вамъ, прохожимъ, извѣстно, что я Скиллодимъ?»
«Принесли мы поклонъ Скиллодиму отъ Спироса брата.»
«Отъ любезнаго брата? Но гдѣ вы видали его?»

„’Σ τὰ ’Ιάννινα ’σ τὴν φυλακὴν τὸν εἴδαμαν κλεισμένον.“
„Εἶχε ’σ τὰ χέρια σίδερα, καὶ κλάπαις ’σ τὰ ποδάρια.“
Κ’ ὁ Σκυλλοδῆμος δάκρυσε, κ’ ἐκίνησε νὰ φύγῃ.
„Ποῦ πάγεις, Δῆμο μ’ ἀδερφὲ; ποῦ πάγεις, καπετάνε;
„Ὁ ἀδερφός σου εἶν ἐδῶ· ἔλα νὰ σὲ φιλήσῃ.“
Κ’ ἐκεῖνος τὸν ἐγνώρισε· ’σ τὰ χέρια του τὸν πῆρε.
Γλυκὰ κ’ οἱ δυὸ φιλήθηκαν ’σ τὰ μάτια καὶ ’σ τὰ χείλη.
Καὶ τότε τὸν ἐρώτησεν ὁ Δῦμος καὶ τὸν λέγει.
„Κάθου, γλυκέ μου ἀδερφὲ, κ’ ἔλα, μολόγησέμας,
„Πῶς ἀπὸ τῶν ’Αρβανιτῶν ἐγλύτωσες τὰ χέρια.“
„Νύχτα τὰ χέρια μ’ ἔλυσα, καὶ ἔσπασα ταῖς κλάπαις
„Κ’ ἐσύντριψα τὰ σίδερα, κ’ ἐπήδησα ’σ τὸν βάλτον
„Κ’ ηὗρα ἕνα μονόξυλον, κ’ ἐπέρασα τὴν λίμνην.
„Προψὲς τὰ ’Ιάννιν ἄφησα, καὶ τὰ βουνὰ ἐπῆρα.“

Мы видали его въ Янинѣ въ глубокой темницѣ;
По рукамъ и ногамъ онъ заклепанъ желѣзомъ сидѣлъ.»
Зарыдалъ Скиллодимъ, и съ тоски побѣжалъ отъ прохожихъ.
«Воротись, Скиллодимъ! ты отъ брата бѣжишь, Капитанъ!
Не узналъ ли ты брата? Скорѣе обнять себя дай мнѣ!»
И узналися братья и крѣпко они обнялись,
Цѣловалися сладко, въ уста цѣловались и въ очи.
Взговорилъ Скиллодимъ и любезному брату сказалъ:
Но садися, братъ милый, садись и скорѣе повѣдай:
И когда ты и какъ отъ Албанскихъ избавился рукъ?
«Въ одну ночь, отъ цѣпей свободивши руки и ноги,
Я рѣшетку сломалъ, я скакнулъ изъ окошка на топь,
Я сыскалъ тамъ челнокъ, черезъ озеро птицей проплылъ,
И вотъ третія ночь, какъ взошелъ я на вольныя горы.»

Гнѣдичъ.

---

228. Изъ 1-й сцены драмы: Фаустъ. (Гете).

Фаустъ.

. . . Ко мнѣ, ко мнѣ, ты мой сосудъ кристальный!
Ко мнѣ, къ устамъ моимъ! отбрось футляръ печальный!
Сосудъ таинственный, давно забытый мной,
Какъ въ годы прежніе явись передо мной.
Ты, чаша милая, смягчала наши муки,
Ты на пирахъ отца, въ бесѣдѣ стариковъ
Въ полночный часъ, подъ шумный говоръ словъ
Изъ рукъ переходила въ руки!
Рѣзьба искусная, обычай толковать
Значеніе ея кудрявыми стихами,
А послѣ приложась къ ней жадными устами,
Всю чашу разомъ осушать,
Напоминаютъ мнѣ забавы молодыя
И юность шумную и праздники ночные.
Но влагу [illegible]

Рукою твердою вливая,
Теперь не передамъ тебя сосѣду я,
Къ напитку смерти приглашая!
Хмѣлёнъ тлетворный сокъ! преградъ для воли нѣтъ!
Я подношу къ устамъ рукою дерзновенной
Напитокъ избранный, напитокъ драгоцѣнный!
Я пью въ послѣднiй разъ, — и утру мой привѣтъ!

Фаустъ подноситъ къ устамъ чашу съ ядомъ.

Звонъ колоколовъ и пѣнiе хоровъ.

Хоръ ангеловъ.

Христосъ воскресъ!
Силой побѣдною
Узы наслѣдныя
Смертнаго бѣднаго
Рушились днесь!
Христосъ воскресъ!

Фаустъ.

Какой знакомый звонъ раздался надо мной?
Отъ устъ моихъ онъ отторгаетъ чашу!
Гудятъ колокола и въ тишинѣ ночной
Они святую вѣсть гремятъ во славу нашу.
Такъ! это часъ, когда Господь воскресъ!
Сей звонъ торжественный былъ вѣстникъ воскресенья!
Такъ пѣли нѣкогда и ангелы небесъ
У гроба Божiя залогомъ примиренья. —

Хоръ женщинъ.

Мы гробъ убирали
Цвѣтами душистыми;
Въ слезахъ облекали
Полотнами чистыми;
Съ безмолвной тоскою
Его стерегли сны здѣсь;
Но ахъ, предъ собою
Христа не находимъ здѣсь!

Хоръ ангеловъ.

Христосъ воскресъ!
Тому, кто въ страданiяхъ,
Въ земныхъ испытанiяхъ,
Ждалъ Избавителя
Бога-Спасителя,
Спаситель воскресъ!

Фаустъ.

Зачѣмъ во прахѣ вы, такъ пламенно и нѣжно,
О звуки дивные, раздались надо мной!
О дайте умереть! я отжилъ безнадежно!
Мнѣ негдѣ отдохнуть отъ горести земной!
Звучите тамъ, гдѣ въ чистотѣ смиренной
Вамъ внемлетъ человѣкъ и тихiй дастъ отвѣтъ!
Не для меня залогъ любви священной!
Я слышу вѣсть, но въ сердцѣ вѣры нѣтъ!
Кто чуда не призналъ, тотъ не имѣетъ вѣры,
Оно ея любимое дитя!
Но мнѣ не воспарить въ таинственныя сферы,
Молитвой теплою отъ праха возлетя!
Я слышалъ этотъ звонъ на утрѣ жизни милой,
Онъ оторвалъ меня отъ двери гробовой!
Бывало, въ тихiй часъ цѣлительною силой
Небесный поцѣлуй опускался надо мной.
И гулъ колоколовъ надъ юношей носился

И вѣрой теплою душа его жила.
Я тихо трепеталъ, я плакалъ и молился,
И мнѣ молитва та отрадою была.
Влекомый дивными мечтами,
Я въ лѣсъ и горы убѣгалъ,
Я плакалъ жгучими слезами
И въ пламенной груди вселенную вмѣщалъ!
О звонъ торжественный, раздайся надо мною,
Утѣшь больную грудь отрадною мечтою!
Ты снова возвѣстилъ на лонѣ тишины
Мнѣ игры дѣтскія и праздники весны.
Я слышу въ часъ послѣдней муки
Съ благоговѣніемъ нежданный голосъ твой!
Раздайтесь же,божественные звуки,
Въ сей смертный часъ надъ грѣшной головой!
Я слышу васъ, я съ трепетомъ внимаю.....
Слеза дрожитъ..... я снова оживаю!

Хоръ учениковъ.

Изъ праха могильнаго
Къ престолу Всесильнаго
Восходитъ Спаситель.
Скорби не вѣдая,
Небо наслѣдуя,
Онъ не оставитъ насъ
Въ печальной юдоли сей,
Онъ вѣрой прославитъ насъ
На благо грядущихъ дней. —

Хоръ ангеловъ.

Христосъ воскресъ!
Въ области тлѣнія
Миръ возвѣстите!
Слово спасенія
Людямъ несите!
Для васъ прославляющихъ,
Въ скорбяхъ утѣшающихъ,
Миръ возвѣщающихъ,
Вѣрой питающихъ,
Господь воскресъ!....

Губеръ.

---

229. Городская ограда. (Изъ той же драмы).

(Въ углубленіи стѣны образъ Всескорбящей Божіей Матери. Передъ образомъ цвѣты въ сосудахъ).

Маргарита (ставя свѣжіе цвѣты).
О всескорбящая! склони
Божественный взоръ свой на скорби мои!
Ты въ сердцѣ, пронзенномъ мечомъ, всѣ страданья носящая —
Ты, зрящая
Смерть Сына твоего!
Къ Отцу ты взоры устремляешь
Къ Нему ты вздохи возсылаешь
О всѣхъ страданіяхъ Его,
О скорби сердца твоего.
Никто не пойметъ здѣсь, какою
Все тѣло мое изнываетъ тоскою,
Какою печалью душа вся полна,
Какое въ груди замиранье,
Какое волнуетъ желанье —
Ты только знаешь одна.

Куда бъ ни пошла я —
Тоска все, тоска гробовая —
Вездѣ я встрѣчаю ее.

Одна ль остаюсь я порою:
Такъ слезы и льются рѣкою,
Такъ сердце и рвётся мое.

Вотъ съ этими цвѣтами,
Поутру, когда для тебя ихъ рвала,
Всѣ стекла окна я слезами
Въ тоскѣ облила.

И первый лучъ солнца меня
Засталъ ужъ неспящей —
Засталъ на постелѣ сидящей:
Душа тосковала моя.

Спаси же! мнѣ страшенъ позоръ!
Ужасна мнѣ смерть предстоящая

О Всескорбящая!
Ко мнѣ обрати свой божественный
взоръ!

Н. Грековъ.

---

230. Къ республикѣ ([1]). Ода XIV. Книга I.

Корабль, морской волной влечетъ
тебя опять!
О, что же медлишь ты? Старайся
портъ занять.
Ужель не видишь ты, что силою не-
настій
Бока обнажены и перебиты снасти,
Что южный вѣтеръ бьетъ, и отъ него
давно
На мачтѣ свищетъ все и все сокру-
шено?
Канаты лопнули и остовъ килемъ
старымъ
Не въ силахъ болѣе бороться съ
моремъ ярымъ!
Ни славнымъ именемъ, ни родомъ
издавна,
Дочь гордая лѣсовъ, понтійская
сосна ([2]),
Боговъ защитниковъ въ бѣдахъ не
умолима:
Въ богахъ защиты нѣтъ и лопнули
вѣтрила.
Пловецъ, испуганный кипящею вол-
ной,
Не вѣритъ кораблю съ расписанной
кормой ([3]).
Ты жъ берегися бурь сѣдаго океана,
Коль не желаешь быть игралищемъ
оркана.
Недавно по тебѣ проникнутъ горемъ
весь,
И сердцемъ преданный судьбѣ твоей
поднесь,
Я говорю: бѣги, страшись морскаго
тока,
У мраморныхъ цикладъ кипящаго
глубоко ([4]).

Фетъ.

([1]) Кирхнеръ относитъ эту оду ко времени смутъ 722 года, предшествовавшихъ Акціумской битвѣ. Уже Алкей сравниваетъ государство съ кораблемъ. ([2]) Берега Чернаго Моря славились превосходнымъ корабельнымъ лѣсомъ. ([3]) Древніе расписывали корму кораблей, и Горацій намекаетъ на внѣшній блескъ Рима, на который въ опасности такъ же мало надежды, какъ на расписанную корму корабля.

([4]) Циклады — группа острововъ близъ Делоса; по причинѣ бурныхъ прибоевъ у береговъ ихъ, они выставлены Гораціемъ въ примѣръ опасности. —

---

231. Къ Виргилію. Книга I. Ода XXIV.

Гдѣ стыдъ, и мѣра гдѣ печали не-
сравненной
По милой головѣ! О въ этотъ
скорбный часъ
Пой Мельпомена грусть; тебѣ отецъ
вселенной
Далъ съ цитрой сладкій гласъ.
Такъ надъ Квинтиліемъ сонъ вѣч-
ный тяготѣетъ?
Теперь ни нравственность, ни пра-
восудья мать,
Честь неподкупная, ни правда не
сумѣетъ
Другаго отыскать.
Онъ пылъ, оплаканный вездѣ еди-
ногласно.
Виргилій! но тебѣ больнѣй онъ
много кратъ:
Ты довѣрялъ богамъ не съ тѣмъ,
чтобъ звать напрасно
Квинтилія назадъ.
Хотя бъ искуснѣе ѳракійскаго
Орфея
Ты внятной деревамъ повелѣвалъ
струной,
Но въ призрачную тѣнь кровь не
проникнетъ грѣя,
Коль страшною лозой,
Ничьимъ не внемлющій мольбамъ о
возвращеньи,

Ужъ въ темную ее прогналъ Меркурій ночь ([1]).
Судьба жестокая! Но лучше снесть въ терпѣньи,
Чему нельзя помочь.

Фетъ.

([1]) Меркурій сопровождалъ, или, лучше сказать, гналъ души усопшихъ въ царство тѣней.

---

232. Къ Постумію ([1]). Книга II. Ода XIV.

Увы мимолѣтно, Постумій, Постумій,
Проносятся годы, моленья напрасны:
Не сходятъ морщины — наслѣдье раздумій,
А старость и смерть — неизбѣжно ужасны.
Въ день триста быковъ закалая, Плутона,
О другъ, ты не тронешь напрасной мольбою.
Безслезный трехтѣльнаго онъ Геріона ([2])
И Титія заперъ печальной волною ([3]).
По ней же нельзя, чтобъ и мы не поплыли,
Всѣ, сколько насъ кормятъ земные предѣлы
Плодами своими, хотя бы мы были
Цари или скудные лишь земледѣлы.
Напрасно насъ Марсъ кровожадный минуетъ
И Адрій, ревущій разбитой волной;
Напрасно страшимся, коль Австеръ ([4]) подуетъ,
Тѣламъ вредоносной, осенней порой.
Придется увидѣть во мракѣ Аида
Лѣнивый Коцитъ ([5]), и проклятое племя
Даная увидѣть въ рукахъ Эолида,
Сизифа несносное, вѣчное бремя;
Оставишь и землю и домъ и супругу...
Изъ древъ, насажденныхъ твоею рукою,
Одинъ кипарисъ ненавистный, въ услугу,
Владѣлецъ минутный! пойдетъ за тобою.
Смышленный наслѣдникъ отыщетъ въ подвалѣ,
Гдѣ Цекубъ за стами замками хранится;
Виномъ же, какого жрецы ([6]) не пивали,
Увлажить помоста не будетъ стыдиться.

Фетъ.

([1]) Кто этотъ Постумій — неизвѣстно. Хотя это имя и встрѣчается у Проперція, но трудно доказать, чтобъ это было то же лицо. Постумій, какъ видно, былъ скупъ и Горацій старается обратить его къ наслажденіямъ жизни, поставляя ему на видъ, какъ она коротка. Тринадцатый стихъ намекаетъ на мирное время; почему сочиненіе этой оды и относятъ къ 730 году. ([2]) Трехтѣльный, — имѣющій три тѣла. Геріонъ, царь испанскій, у котораго Геркулесъ увелъ быковъ. ([3]) Титій, см. „Одиссею" Жук. XI. 576: „Титія также увидѣлъ я, сына прославленной Геи:
Девять занявъ десятинъ подъ огромное тѣло, недвижимъ
Тамъ онъ лежалъ, по бокамъ же сидѣли два коршуна, рвали
Печень его и терзали когтями утробу. И руки
Тщетно на нихъ поднималъ онъ. Латону, супругу Зевеса,
Шедшую въ Пизію, онъ осрамилъ на углу Панопейскомъ."
Горацій хотѣлъ сказать, что если Плутонъ съ состоянія удержать такихъ гигантовъ и силачей, какъ Геріонъ и Титій, то обыкновеннымъ смертнымъ нечего и думать высвободиться изъ Аида.
([4]) Южный вѣтеръ, приводящій въ разслабленіе. ([5]) Адская рѣка. ([6]) роскошныя пиршества жрецовъ вошли въ пословицу.

---

233. Къ роскоши своего вѣка. Книга II. Ода XV.

За десятиной десятину
Дворцамъ всё уступаетъ плугъ;
Подобно озеру Лукрину
Пруды раскинулись вокругъ;
Всё кленъ безбрачный, ильмовъ мало (1),
Средь миртъ фіалка расцвѣла,
Гдѣ у хозяина, бывало,
Съ плодами маслина росла.
Хотятъ, чтобъ лавръ, листвой укрытый,
Лучи полудня укрощалъ....
Не такъ судилъ Катонъ небритый (2),
Не то намъ Ромулъ завѣщалъ.
Свои у нихъ скудѣли клады —
Но общій былъ обогащонъ,
И портикъ длинный для прохлады
На сѣверъ не былъ обращонъ.
Гражданамъ кирпичомъ дерновымъ
Претилъ законъ пренебрегать,
Казнѣ внушая камнемъ новымъ
Градскіе храмы украшать.

Фетъ.

---

(1) Вокругъ прямыхъ ильмовъ вились виноградныя лозы, а раскидистый кленъ для этого неудобенъ: посему и названъ здѣсь безбрачнымъ. (2) Катонъ древній, не Утическій, извѣстенъ суровою жизнію.

---

234. Къ Меценату. Книга II. Ода XX.

Необычайными и мощными крылами,
Ширяясь въ воздухѣ, помчуся я, пѣвецъ,
Измѣнится мой ликъ, разстанусь съ городами
И зависти земной избѣгну наконецъ.
Что бѣдны у меня родители — ты знаешь,
Но разрушенія ихъ чадо избѣжитъ.
Меня, о Меценатъ, ты другомъ называешь. —
И Стиксъ своей волной меня не окружитъ
Рубчатой кожей, ужъ чувствую теперь я,
Покрылись голени, а по поясъ я самъ
Сталъ бѣлой птицей, и молодыя перья
По пальцамъ у меня ростутъ и по плечамъ. —
Уже несясь быстрѣе Дедалова Икара,
Босфоръ клокочущій я подъ собой узрѣлъ.
Гетульскіе сирты и край земнаго шара
Я пѣвчей птицею на крыльяхъ облетѣлъ.
Колхіецъ и Гелонъ мнѣ внемлетъ отдаленный
И Дакъ, скрывающій предъ строемъ Мавровъ страхъ;
И пѣснь мою почтитъ Иберецъ просвѣщонный
И тотъ, кто пьетъ Роданъ въ широкихъ берегахъ.
Я не велю мой гробъ рыданьями безславить, —
Къ чему нестройный плачъ и неприличный стонъ?
Уйми надгробный вой и прикажи оставить
Пустыя почести роскошныхъ похоронъ.

Фетъ

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (*).

§ 1. Раздѣленіе Исторіи Русской Словесности на древнюю и новую и раздѣленіе новой на періоды.

Собственно Русская Литература есть самая младшая изъ всѣхъ Европéйскихъ, потому что ведетъ начало свое съ половины 18-го столѣтія, съ того времени какъ Пётръ Великій, введши Россію въ кругъ Европéйскихъ державъ, положилъ начало ея всестороннему развитію. До Петрá Великаго Россія, отдѣленная отъ Еврóпы враждебными племенами, запутанная въ вѣковыя брани съ варварскими племенами Азіи (Турéцкими (1) и Татáрскими), истощала всѣ свои силы или въ борьбѣ съ внѣшними врагами, или во внутреннемъ бореніи элементовъ, составившихъ теперь óдно цѣлое — Рýсскій народъ. Заключенная сама въ себѣ, безъ всякаго столкновенія съ развивавшимися на Западѣ гражданственностію и просвѣщеніемъ, Россія не имѣла возможности преуспѣть во всѣхъ родахъ духовной дѣятельности. Впрочемъ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, кои утверждаютъ, будто жизнь Россіи до Петрá Великаго была безсвязнымъ и безплоднымъ прозябаніемъ, чуждымъ всякой мысли и значенія. Напротивъ, въ то именно время образовались и выработались главнѣйшія стихіи, изъ коихъ потомъ сложилась Русская жизнь въ нынѣшнемъ ея видѣ, т. е. стихіи народная, религіозная и государственная. Отсюда вытекаетъ необходимость изученія памятниковъ внутренней жизни Россіи до Петрá Великаго. По языку можно раздѣлить сіи памятники на три отдѣла: *1) Славя́нскіе, 2) Славяно-Рýсскіе* и *3) Рýсскіе.* На Славя́нскомъ или (какъ принято его называть) Церковно-Славя́нскомъ языкѣ дошли до насъ памятники религіознаго и отчасти историческаго содержанія. Славя́но-Рýсскими можно назвать нѣкоторыя произведенія свѣтской Словесности и всѣ юридическіе акты, по причинѣ смѣшенія въ нихъ языка Славя́нскаго съ Рýсскимъ. Къ послѣднимъ относятся произведенія народной или устной Словéсности, какъ то: пѣсни историческаго и лирическаго содержанія, сказки, пословицы и пр.

Обзоръ произведеній, составляющихъ собственно *древнюю Рýсскую Словесность,* будетъ здѣсь предпосланъ очерку *Исторіи*

(*) Въ Очеркѣ Исторіи Рýсской Словесности ударенія выставлены только на именахъ собственныхъ, на заглавіяхъ нѣкоторыхъ сочиненій и на отрывкахъ изъ нихъ и изъ произведеній народной Словесности.

(1) Хазáры, Болгáры, Печенѣ́ги, Пóловцы и пр.

новой Русской Словесности, которая удобно раздѣляется на два періода; изъ нихъ *первый* обнимаетъ всё прошедшее столѣтіе, *второй* истекшую половину нынѣшняго. Первый періодъ распадается на 3 отдѣла: 1-й отъ преобразованія государства Петромъ Великимъ до начала литературной дѣятельности Ломоносова; ко 2-му относятся Ломоносовъ и Сумароковъ съ своими послѣдователями, или писатели такъ называемой *классической школы;* въ 3-мъ отдѣлѣ разсмотрѣны будутъ творенія Державина, Фонъ-Визина и нѣкоторыхъ другихъ писателей, составляющихъ исключеніе изъ упомянутой школы. Второй періодъ Исторіи новой Русской Словесности состоитъ также изъ 3 отдѣловъ: въ 1-мъ излагаются заслуги ей Карамзина и труды его послѣдователей; ко 2-му отдѣлу относятся Жуковскій, какъ представитель у насъ романтизма, и современные ему писатели отчасти другихъ направленій. Наконецъ въ 3-мъ отдѣлѣ представленъ будетъ обзоръ писателей школы Художественно-народной, начиная отъ Пушкина до нашего времени. Кромѣ того, въ своемъ мѣстѣ будетъ упомянуто объ главнѣйшихъ представителяхъ духовнаго краснорѣчія въ Россіи.

Хотя нѣкоторыя изъ произведеній устной народной Словесности, по содержанію своему, напоминаютъ отдаленную старину, но всѣ они вообще доселѣ живутъ въ устахъ народа и могутъ, съ одинаковымъ правомъ, быть отнесены къ древней, какъ и къ новой Словесности. По этому и по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ, обзоръ устной народной Словесности помѣщенъ въ концѣ Хрестоматіи, въ видѣ особаго приложенія.

A. Древняя Русская Словесность.

Отдѣлъ I.

§ 2. Происхожденіе Церковно-Славянскаго языка

Еще прежде отдѣленія Римской церкви отъ церкви вселенской, Славянскія племена въ западной Европѣ приняли святое крещеніе, — одни отъ Греческихъ проповѣдниковъ, другіе отъ Римскихъ; въ числѣ послѣднихъ были Чехи и Моравы. Какъ послѣдніе не разумѣли ни богослуженія, ни священнаго писанія на Латинскомъ языкѣ, то Моравскіе князья Святополкъ, Ростиславъ и Коцелъ просили Греческаго Императора Михаила прислать къ нимъ ученыхъ богослововъ, для переложенія Свящ. писанія и церковныхъ т. е. богослужебныхъ книгъ на родной Славянскій языкъ. Съ этою цѣлію въ 863 году прибыли въ Моравію два брата, уроженцы города Ѳессалоникъ, Меѳодій, бывшій прежде воеводою на Славянскихъ границахъ и потомъ вступившій въ монашество, и Константинъ (въ схимѣ Кириллъ), воспитывавшійся вмѣстѣ съ Императоромъ и послѣ проповѣдовавшій христіанство Сарацинамъ, на рѣкѣ Евфратѣ, и Хазарамъ въ Крыму. Въ

4½ года братья распространили въ Мора́віи и Панно́ніи Славя́нское богослуженіе и перевели на Славя́нскій языкъ нужнѣйшія книги Свящ. писанія, для чего (уже въ 855 году) Кири́лломъ составлена была Славя́нская азбука частію изъ буквъ Гре́ческаго и Лати́нскаго алфавитовъ, частію изъ новоизобрѣтенныхъ. Въ вознагражденіе трудовъ ихъ Папа Адріа́нъ II. посвятилъ Меѳо́дія въ санъ Епископа, Константи́на въ архіепископы. Послѣдній умеръ въ 868 году; первый же распространилъ Славя́нское богослуженіе еще въ Боге́міи, Далма́ціи и Кроа́ціи, хотя терпѣлъ много отъ навѣтовъ завидовавшихъ ему За́льцбургскихъ Лати́нскихъ Епископовъ, и неоднократно долженъ былъ являться для отвѣта въ Римъ, гдѣ впрочемъ всякій разъ былъ оправданъ. По смерти его, стараніями Лати́нскаго духовенства, Славя́нское богослуженіе было у всѣхъ западныхъ Славя́нъ воспрещено папами, какъ еретическое, и лишь Далма́ты умѣли удержать его, измѣнивши нѣсколько начертаніе буквъ Кири́лловской азбуки и приписавъ изобрѣтеніе ея Св. Іерони́му, жившему въ 4-мъ вѣкѣ по Р. Х. (¹). У Славя́нъ же, оставшихся по раздѣленіи церквей на сторонѣ Гре́ческой, у Болга́ръ, Се́рбовъ и Ру́сскихъ богослуженіе и Св. писаніе на Церковно-Славя́нскомъ языкѣ удержалось и донынѣ. Въ Болга́ріи и Се́рбіи этотъ языкъ былъ исключительно письменнымъ до конца 14го вѣка, т. е. до покоренія ихъ Ту́рками, а въ Россі́и до Петра́ Великаго.

§ 3. Взаимное воздѣйствіе языковъ письменнаго, Церковно-Славя́нскаго и общежитейскаго Ру́сскаго.

Немедленно послѣ крещенія Россі́и, приняты были въ ней Св. писаніе и богослужебныя книги на языкѣ Мора́вскихъ, или, какъ нѣкоторые думаютъ, Македо́нскихъ Славя́нъ, и съ того времени языкъ сей сдѣлался у насъ исключительно письменнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергся вліянію народнаго Ру́сскаго какъ въ этимологическомъ, такъ и въ синтаксическомъ отношеніи. Съ большею чистотою сохранился онъ конечно въ церковныхъ книгахъ и въ произведеніяхъ лицъ духовныхъ; однакоже и здѣсь измѣнился настолько, что теперь Ру́сскіе понимаютъ его лучше, нежели тѣ Славя́не, которымъ онъ нѣкогда былъ родной; впрочемъ и у нихъ послѣ того онъ потерпѣлъ много отъ разныхъ чужеязычныхъ вліяній. Въ произведеніяхъ же лицъ свѣтскихъ и, въ особенности, въ памятникахъ юридическихъ Ру́сскій языкъ въ разныхъ своихъ нарѣчіяхъ, смотря по мѣстожительству писателя, до того преобладаетъ надъ Церковно-Славя́нскимъ, что искуственный языкъ этихъ памятниковъ нужно назвать Славяно-Ру́сскимъ.

Въ свою очередь, и народный языкъ Ру́сскій испыталъ вліяніе Церковно-Славянскаго языка, но чрезъ это сближеніе онъ только обогатился, онъ не утратилъ ни одной изъ этимологическихъ формъ,

(¹) Азбука эта, въ отличіе отъ Кири́лловской или Кири́ллицы, называется Глаго́литскою или Глаго́лицей.

издревле ему свойственныхъ, и не принялъ въ себя ни одной, исключительно Церковно-Славя́нской, а также не подчинился Церковно-Славя́нскому словосочиненію, въ которое переводчики книгъ не рѣдко вносили особенности Гре́ческаго: но онъ усвоилъ себѣ его лексикологическое (¹) сокровище. Именно изъ Церковно-Славя́нскаго языка вошло въ Ру́сскій народный большое количество словъ, которыя не вытѣснили однако Ру́сскихъ имъ соотвѣтственныхъ, но произведенныхъ отъ другихъ корней, напр. Церковно-Славя́нскія слова: чело, перстъ, око, рамо употребительны наравнѣ съ однозначащими Ру́сскими: лобъ, палецъ, глазъ, плечо. Иныя Церковно-Славя́нскія слова живутъ въ языкѣ рядомъ съ Ру́сскими, произведенными отъ одного съ ними корня и отличающимися отъ нихъ свойственнымъ нашему языку полногласіемъ, напр. Церковно-Славя́нскія слова: глава́, врата́, драго́й и Ру́сскія: голова, ворота, дорогой. Такія Церковно-Славя́нскія слова не праздно занимаютъ мѣсто въ языкѣ, но употребляются при перенесеніи понятія изъ міра чувственнаго въ область отвлеченнаго и вообще при возвышенномъ настроеніи мыслей; между тѣмъ какъ Ру́сскія слова удержали первообразное и обиходное значеніе, напр. перстъ Божій, указательный палецъ; Христо́съ есть глава Церкви, у меня болитъ голова и т. п. — Такое распредѣленіе собственнаго и переноснаго значенія словъ произошло отъ того, что Церковно-Славя́нскій языкъ мы слышимъ въ богослуженіи, творимъ на немъ молитвы, и звуки его возбуждаютъ въ нашей душѣ благоговѣйное и торжественное настроеніе. Въ этомъ состоитъ важное преимущество Ру́сскаго языка передъ другими, не исключая даже и родственныхъ ему Славя́нскихъ, потому что здѣсь причина необыкновенной точности и твердости значенія словъ въ языкѣ и непостижимаго для инородцевъ сочетанія ясной наглядности выраженія съ выспреннимъ отвлеченіемъ.

(¹) то́-есть матеріалъ языка, запасъ словъ

§ 4. Перечень замѣчательнѣйшихъ памятниковъ на Церковно-Славя́нскомъ языкѣ, а) духовнаго содержанія.

1) XI вѣка. *Остромі́рово ева́нгеліе*, т. е. списанное въ Но́вгородѣ для посадника Остроміра въ 1057-мъ году; издано Восто́ковымъ въ 1843-мъ году, съ приложеніемъ Гре́ческаго текста Грамматики Ц-Славя́нскаго языка, извлеченной изъ сего древнѣйшаго изъ дошедшихъ до насъ памятника Ц-Славя́нской письменности.

2) *Два Избо́рника* (¹) Святосла́ва Яросла́вича 1073 — 1076, собраніе отрывковъ богословскаго, философскаго и риторическаго содержанія, составлены, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, въ Болга́ріи.

(¹) Избо́рникъ есть книга, въ которой помѣщаются избранныя мѣста изъ прочтённыхъ книгъ.

XII вѣка. 3) Два посланія Кіевскаго Митрополита *Никифора* къ Мономáху а) «О Латинѣхъ, како отвержены быша отъ Восточныя Церкви.“ ([2]) б) „О постѣ и воздержаніи чувствъ.“

4) *Св. Кирилла*, Епископа Тýровскаго ([3]) 12 поучительныхъ словъ (+ 1120);

5) *Патерикъ* или Отéчникъ, собраніе житій Русскихъ Святыхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ написаны лѣтописцемъ Нéсторомъ, напр. Житіе Св. Ѳеодóсія, который вмѣстѣ съ Антóніемъ основали первый въ Россіи Кіевопечéрскій ([4]) Монастырь (во 2й половинѣ XI вѣка), бывшій разсадникомъ просвѣщенія для всей древней Руси.

XIV вѣка. 6) Творенія *Кипріяна* (+ 1406), Кіевкаго Митрополита, переводы церковныхъ книгъ съ Грéческаго и особенно „прощальпая грамота,“ читанная при его погребеніи.

XV вѣка. 7) *Вассіáна Рыло*, Епископа Ростóвскаго (+ 1481): «Посланіе о мужественномъ стояніи противу врага,» къ Іоанну III-му въ ободреніе его къ рѣшительной битвѣ съ Ахмáтомъ въ 1480 году.

XVI вѣка. 8) *Св. Іóсифа Сáнина:* „Просвѣтитель,“ противъ Схáріевой, Жидóвской ереси, и „Исторія Жидóвской ереси.“

9) *Максима Грéка:* „Слова и Главизны“ состоятъ изъ полемическихъ, учительныхъ, филологическихъ статей, и еще „Разсужденіе о пользѣ Грамматики, Риторики и Философіи.“

10) *Макáрія*, Митрополита Москóвскаго: „*Четьи Минéи* ([5]) (великія), сборъ всѣхъ книгъ чтомыхъ, которыя въ землѣ обрѣтаются,“ „Степенныя книги царскаго родословія,“ — сводъ лѣтописей.

XVII. вѣка. 11) *Гермогéна*, Патріарха Всероссійскаго «Увѣщательныя Граматы о спасеніи Руси» и нѣкоторыя житія святыхъ.

12) *Нúкона*, Патріарха: «Скрижáль,» — собраніе догматическихъ сочиненій; «Рай мысленный,» объ разныхъ монастыряхъ, посланія, поученія и пр.

б) Историческаго содержанія:

1) *Лѣтопись Нéстора* подъ заглавіемъ: «Се повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Рýсская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Рýсская земля стала есть ([6]).» Нéсторъ былъ инокъ Кіевопечéрскаго монастыря, гдѣ умеръ въ 1110 или въ 1111-мъ году. Лѣтопись не дошла до насъ въ подлинникѣ; древнѣйшій списокъ Лаврéнтьевскій 14 вѣка; названъ по имени писца. Лучшее критическое объ ней сочиненіе есть: «Нéсторъ» Шлёцера, на Нѣмéцкомъ языкѣ, переведено на Русскій Язы́ковымъ въ 1816-мъ году.

([2]) Объ Латинахъ (т. е. Западныхъ Европéйцахъ Латинской вѣры), какъ они были отвержены отъ Востóчной церкви.

([3]) Городъ Тýровъ въ бывшемъ Княжествѣ Волынскомъ.

([4]) Названіе отъ пещеръ въ гористомъ берегу Днѣпрá подъ Кіевомъ.

([5]) Помѣсячное чтеніе. Отъ стариннаго слова *четій*, служащій для чтенія и Грéческаго слова μήν мѣсяцъ.

([6]) Это повѣсть о былыхъ годахъ, когда произошелъ Русскій народъ, кто въ Кіевѣ началъ первый княжить, и когда основалось Рýсское государство.

Изъ продолжателей Нéсторовой лѣтописи извѣстны только Игуменъ *Сильвéстръ* († 1124) и инокъ *Васи́лій*.

По распаденіи Рýси на удѣлы, лѣтописи составляемы были въ различныхъ княжествахъ; главнѣйшія: a) сѣверныя т. е. Новогорóдскія и Псковскія; b) восточныя т. е. Сýздальскія и послѣ Москóвскія, c) западныя, содержащія исторію Литóвской и Пóльской Рýси, и d) Сибирскія. Почти уже всѣ онѣ изданы теперь Археографическою Коммиссіею.

2) *Хронóграфы*, — Всеобщая Исторія, по Грéческимъ источникамъ, со включеніемъ и Рýсскихъ лѣтописей.

3) *Князя Кýрбскаго* († 1587) «Исторія Князя Великаго Москóвскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима (7).»

4) *Егожe* «Краткая повѣсть и Флорентійскомъ соборѣ.»

5) *Умильныя повѣсти* XIV—XVI вѣка, напр. «О нашествіи злочестиваго Царя Батыя на Рýсскую землю и т. п.» Особенно замѣчательно «Сказаніе о побоищѣ В. К. Димитрія Ивáновича Донскáго.»

6) Авраáмія Пáлицына, Келаря (8) Сéргіевской Лáвры (9): «Сказаніе объ осадѣ Трóицкаго Сéргіева Монастыря отъ Полякóвъ и Литвы́ и о бывшихъ потомъ въ Россíи мятежахъ.»

7) *Дьяка Котошихина* «О Россíи въ царствованіе Алексѣя Михáйловича.» Авторъ бѣжалъ изъ Москвы́ въ Швéцію и составилъ тамъ это сочиненіе.

---

(7) О дѣлахъ, объ которыхъ мы слышали отъ достовѣрныхъ людей и которыя видѣли мы собственными глазами.

(8) Инокъ, завѣдывающій монастырскими припасами, а также вообще недуховными дѣлами монастыря.

(9) Многолюдный монастырь, извѣстный своею святынею, каковы въ Россíи: Кіевопечéрская, Александро-Нéвская (въ С. Петербургѣ), Трóицкая Сéргіева Лавра (60 верстъ отъ Москвы) и Почаевская (въ Волынской губерніи).

Отдѣлъ 2-й.

§ 5. Перечень произведеній на Славяно-Рýсскомъ языкѣ a) юридическаго содержанія.

1. 2) *Договоры Князей Олéга* (911) и *Игоря* (944) съ Грéками; сохранены въ Нéсторовой лѣтописи и составляютъ едва ли не самый древнѣйшій дипломатическій памятникъ новыхъ Европéйскихъ государствъ.

3) *Кóрмчая книга* или Номоканонъ, — собраніе правилъ церковнаго законодательства; переведена съ Грéческаго.

4) *Русская Правда*, — собраніе законовъ, преимущественно уголовныхъ, составленное Ярослáвомъ Мýдрымъ, дополненное тремя старшими его сыновьями и послѣ Владиміромъ Мономáхомъ.

5) *Договорная Грамота* Мстислáва Давидовича, Князя Смолéнскаго съ Ригою, Готлáндскимъ берегомъ и торговыми Нѣмéцкими городами 1228.

6) *Судѣбникъ В. Князя Іоанна III-го*, составленный Дьякомъ Гусевымъ 1497 года.

7) *Судѣбникъ Іоанна Грознаго* 1550 г. есть не что иное, какъ прежній съ перемѣнами и дополненіями.

8) *Стоглавъ* 1551 г., отвѣты на 100 вопросовъ Іоанна Грознаго, предложенныхъ церковному собору въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ Митрополита Макарія. Эта книга никогда не имѣла силы закона.

9) *Соборное уложеніе*, составленное при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ 1649 г.

b) Памятники свѣтской литературы на Славяно-Русскомъ языкѣ.

1) «*Паломникъ* (1), или хожденіе Данiила Русскія земли Игумена.» Описаніе путешествія въ Палестину въ началѣ XII. вѣка.

2) *Поученіе Владиміра Мономаха* своимъ дѣтямъ.

3) *Слово о Даніилѣ заточникѣ* (2). Это есть посланіе нѣкоего Игумена Даніила къ Юрію Долгорукому съ озера Лаче; написано весьма остроумно и шутливо.

4) *Слово о полку Игоровѣ*; составлено неизвѣстнымъ въ концѣ XII. вѣка и содержитъ поэтическое описаніе похода Сѣверскихъ князей Игоря и Всеволода Святославичей противъ Половцевъ въ 1185 году, несчастной битвы при р. Каялѣ (нынѣ Кагальникъ), плѣненія князей и возвращенія Игоря. Разсказъ очень часто прерывается весьма краснорѣчивыми отступленіями, гдѣ авторъ, изображая современныя ему бѣдствія земли Русской отъ междоусобій удѣльныхъ и отъ набѣговъ Литовскихъ и Половецкихъ, съ горестію воспоминаетъ о славныхъ временахъ Владиміра Святаго и Ярослава Мудраго и говоритъ: «О стонать (*) тебѣ, Русская земля, помянувши древнія «времена и старыхъ князей! Того стараго Владиміра не льзя было «пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ!» Съ любовію воспоминается также доблестный Всеславъ Полоцкій, правнукъ Рогнѣды: «Князь «Всеславъ людямъ судилъ, князьямъ города раздавалъ, и самъ въ «ночь рыскалъ волкомъ, изъ Кіева дорыскалъ до Куръ-Тьмутаракани, «великому Хорсу (солнцу) волкомъ путь перескакивалъ. Ему въ Полоцкѣ позвонили рано къ заутренѣ, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. «Но хоть и вѣщая душа была въ крѣпкомъ тѣлѣ его, но часто и онъ «терпѣлъ напасти» А нынѣ: — «уже, братіе, невеселые годы на«ступили. Опустошена кругомъ земля сильныхъ. Обида (междоусобіе) «возстала въ силахъ Дажь-божьяго внука; дѣвой вступила на землю «Троянову, всплескала лебедиными крыльями на синемъ морѣ, у «Дона плещучи. Проснулся духъ разоренія. Престали войны князей «на поганыхъ; ибо сказалъ братъ брату: «вотъ это мое, но и то

(1) Отъ слова *пальма*, такъ какъ съ вѣтками этого дерева возвращались богомольцы изъ Святой Земли.

(2) т. е. заточенномъ, сосланномъ.

(*) Извлеченія изъ Слова переложены на нынѣшній языкъ.

«моеже!» и начали князья говорить про всякую малость: — «Это «вещь важная!» и сами на себя крамолу ковали, а поганые приходили со всѣхъ сторонъ на землю Русскую.»

И первыхъ черныхъ вороновъ, поганыхъ Половчанъ, навелъ на родную Русь ненавистный Олегъ Святославичъ, бывшій сперва княземъ Тьмутараканскимъ (1115), котораго поэтъ въ насмѣшку величаетъ Гориславичемъ, по жалкой славѣ перваго крамольника, нмъ заслуженной: «тотъ Олегъ мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по землѣ «сѣялъ . . . и восходили онѣ междоусобіями; погибало потомство «Дажь-божьяго внука. Въ княжьихъ крамолахъ жизнь человѣческая «сократилась. Тогда по Русской землѣ рѣдко пахари перекликались, «но часто вороны каркали, дѣля межь собою трупы, и галки свою «рѣчь говорили, сбираясь летѣть на объѣдки.»

Съ другой стороны дикіе Литовцы жгутъ и грабятъ западную Россію, которую не могутъ защитить выродившіеся потомки доблестнаго Всеслава. «Лишь одинъ Изяславъ позвенѣлъ своими «острыми мечами объ шеломы Литовскіе, возвеселилъ славою дѣда «своего Всеслава, а самъ подъ червлеными щитами, на кровавой «травѣ, убаюканъ Литовскими мечами . . . . и говорилъ: — «дру«жину твою, Князь, птицы крыльями пріодѣли, а звѣри кровь по«лизали! Не было съ нимъ брата его Брячеслава, ни другаго Все«волода, и одинъ онъ изронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла, «чрезъ златое ожерелье. Уныли пѣсни, поникло веселіе. Ярославъ «и всѣ внуки Всеславовы! Уже понизить вамъ знамена свои и опу«стить мечи обезславленные! Унизили вы славу дѣдовъ своихъ! . . . «На Нѣмизѣ (Нѣманѣ?) снопы стелятъ головами, молотятъ цѣпами «булатными, на току жизнь кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Кро«вавые берега Нѣмизы не бологомъ (ячменемъ?) посѣяны, — ко«стями Русскихъ сыновъ.» Не таковы были прежніе защитники Руси, изъ числа коихъ пѣвецъ съ воодушевленіемъ воспоминаетъ Святослава, грозу неспокойныхъ удѣльныхъ Князей и ужасъ Половцевъ: «приводя всё въ трепетъ своими сильными полками и булатными ме«чами, наступилъ онъ на землю Половецкую, притопталъ холмы и «овраги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота, а по«ганаго Кобяка (Половецкаго хана) изъ Лукоморья исторгъ какъ ви«хорь изъ среды желѣзныхъ, великихъ полковъ Половецкихъ; и палъ «Кобякъ во градѣ Кіевѣ, въ горницѣ Святославовой.»

Тѣмъ въ печальнѣйшемъ свѣтѣ снова представляется поэту бѣдная отчизна теперь, послѣ гибели храбрыхъ Святославичей, когда ободренные Половцы съ лютостію нагрянули на Русь: «Черная зем«ля подъ копытами костьми была посѣяна, а кровію полита, горемъ «поросла Русская земля . . . . На берегу быстрой Каялы — тамъ «кроваваго вина не достало; тамъ покончили пиръ храбрые Русичи «(Игорево войско), сватьевъ попоили и сами легли за землю Русскую. «*Никнетъ* трава отъ жалости и древо въ кручинѣ къ землѣ прикло-

«нилося... Кликнули ([3]) Ка́рна и Жля (Половецкіе вожди) и по-«скакали по Ру́сской землѣ, мыкая повсюду пламя въ огненномъ рогѣ. «Восплакали Ру́сскія жены и говорили: — «уже намъ милыхъ ладъ «своихъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очами сгляда-«ти, а злата и серебра и меньше того потрепати ([4]).» Ахъ, братцы! «Возстонали Кіевъ въ кручинѣ, Черни́говъ въ напастяхъ; тоска раз-«лилась... печаль жирная течетъ по Ру́сской землѣ. А Князья сами «на себя крамолу ковали... По Ру́сской землѣ разсыпались По́-«ловцы, какъ барсово гнѣздо (стадо тигровъ)... стыдъ превознесся «надъ славою... ибо вотъ Го́тскія (въ Крыму) красныя дѣвы вос-«пѣли на берегу синяго моря и звеня Ру́скимъ золотомъ, воспѣва-«ютъ время Бу́сово, лелѣютъ месть Шарока́нову (Бусъ и Шарока́нъ «Полове́цкіе ханы). А намъ ужъ, друзья, не видать веселья.»

Пѣвецъ зоветъ на защиту угнетенной Ру́си тогдашнихъ силь-ныхъ Князей: Все́волода (III-го), В. Князя Су́здальскаго, что можетъ «веслами раскропить ([5]) Во́лгу и Донъ шеломами вылить»; зоветъ Га-лицкаго Осмомы́сла (Яросла́ва), что «высоко сидитъ на своемъ зла-токованномъ престолѣ; подперъ Венге́рскія горы своими желѣзными полками, заступилъ путь Королю (т. е. Венге́рскому), затворилъ во-рота Дуна́я, мечетъ бремена чрезъ облака, суды рядитъ до Дуна́я, чьи грозы по землямъ текутъ»: зоветъ и другихъ сильныхъ князей Ру́сской земли на выручку плѣннаго Игоря, — напрасно! Никто изъ нихъ «не вступилъ въ златое стремя за обиду Ру́сской земли и за раны Игоревы — буяго ([6]) Святосла́вича!

Вдругъ слышится голосъ Яросла́вны, плачущей о погибели своего милаго лады:

«Яросла́внинъ гласъ слышится; кукушкою осиротѣлою рано «утромъ кричитъ она: «Кукушкою полечу по Дуна́ю, омочу́ бобро-«вый рукавъ во Кая́лѣ въ рѣкѣ, оботру Князю кровавыя раны на «истерзанномъ тѣлѣ его.»

«Яросла́вна рано плачетъ въ Пути́влѣ на стѣнѣ, приговари-«вая: «О вѣтеръ, вѣтеръ! Зачѣмъ ты, могучій, такъ порывисто вѣ-«ешь? Зачѣмъ же ты мчишь ханскія стрѣлы на своихъ легкихъ «крыльяхъ на воиновъ лады моего? Или мало тебѣ высоко по под-«небесью вѣяти, лелѣючи корабли на синемъ морѣ! Почто жъ ты, «могучій, по ковылу развѣялъ веселье мое!»

«Яросла́вна рано плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, приговари-«вая: «О Днѣпръ звонкотечный! Ты пробился сквозь каменныя горы «земли Половецкой; ты лелѣялъ корабли Святосла́ва до полку Ко-«бякова: взлелѣй, о могучій, ко мнѣ моего ладу, да не шлю я слезъ «къ нему по утрамъ рано на море.»

---

(3) издали военный крикъ.
(4) полюбоваться, взявши въ руки; поласкать руками.
(5) разбрызгать, взмахами веселъ.
(6) храбраго, неудержимаго,

«— Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, пригова-«ривая: «Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! Для всѣхъ ты тепло и «красно! Зачѣмъ же, могучее, простерло ты палящіе лучи свои на «воиновъ лады моего! На полѣ безводномъ отъ жажды ихъ луки «спряглись, тулы ихъ тоской заперлись!»

Жалобная пѣснь осиротѣлой, нѣжной супруги есть чудный вѣнецъ поэтическаго «Слова.» Какъ бы тронутая горестными воплями любящей супруги, вся природа содѣйствуетъ избавленію мужа Ярославны. Море высылаетъ туманы, которые устилаютъ землю, для прикрытія его бѣгства; Донецъ тихими струями ласково привѣтствуетъ его, лелѣетъ его на волнахъ, стелетъ ему ложе изъ зеленой травы на серебряныхъ (бѣлопесчаныхъ) берегахъ своихъ; одѣваетъ его теплыми туманами подъ сѣнью зеленаго дерева, стережетъ его гоголями (утка) на водѣ, чайками на струяхъ. Это сочувствіе поэта къ природѣ придаетъ пѣсни дивную красоту первобытной поэзіи. Природа, какъ нѣжно любящая мать, не спускаетъ своихъ заботливыхъ глазъ съ своего дитяти — человѣка, веселится съ нимъ, страдаетъ, и предостерегаетъ его отъ угрожающихъ бѣдъ. Въ отвращеніе Игоря отъ пагубнаго предпріятія солнце тьмою одѣвается, стонутъ зловѣщія птицы и воютъ степные звѣри по ночамъ, — бѣду прорекаютъ; предъ роковою битвою небо кровавыми зарями покрывается: а какъ храбрые полегли костьми за Рýсскую землю — тутъ поникла трава отъ жалости и древо въ кручинѣ къ землѣ приклонилось.

5) *Стрáнникъ — Стефáна Новогорóдца,* — описаніе путешествія въ Іерусалимъ 1349.

6) *Сказаніе купца Аѳанáсія Никúтина* о путешествіи его въ Восточную Индію и Голкóнду 1468.

7) *Статейные списки* посольствъ, которые составлялись Рýсскими послами за границею.

8) *Похвальныя слова и плáчеве;* напр. похвала Великому Князю Владúміру Святóму, святой Ольгѣ и проч.; помѣщены въ Макáріевыхъ великихъ Чéтіяхъ Минéяхъ.

9) *Князя Кýрбскаго* переписка съ Царемъ Іоáнномъ Васúльевичемъ IV.

10) *Домострой* (7) *Благовѣщенскаго попа Сильвéстра*; Энциклопедія семейной жизни и домашняго хозяйства Рýсскихъ XVI вѣка.

§ 6. Общій взглядъ на образованность до Петрá Великаго.

Хотя съ самагó введенія Христіанской вѣры многіе Рýсскіе Государи заботились объ распространеніи грамотности и просвѣщенія въ Россіи, но эти попытки были разрозненныя, часто неудавались, по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и большею частію клонились къ образованію лицъ только одного народнаго сословія —

(7) Книга о домашнемъ устройствѣ

духовенства. Еще Владиміръ Св. завелъ въ 5-ти учрежденныхъ имъ епархіяхъ (въ епископскихъ городахъ: Новгородѣ, Черниговѣ, Владиміръ Волынскомъ, Бѣлогородѣ и Ростовѣ) училища, о поддержаніи и умноженіи которыхъ заботился и сынъ его Ярославъ Мудрый, основавшій при церкви Св. Софіи книгохранилище. Въ послѣдствіи Кіевопечерскій монастырь, а за нимъ и всѣ прочіе были распространителями просвѣщенія, принесеннаго къ намъ изъ Византіи, и единственными хранителями грамотности въ печальную эпоху Татарскаго ига. Къ Іоанну III-му переселилось много ученыхъ Грековъ и Итальянскихъ художниковъ. Іоаннъ Грозный учредилъ въ Москвѣ (1552) типографію, гдѣ впрочемъ до Петра Великаго печатались лишь церковныя книги. Борисъ Годуновъ, замышлявшій даже основать Университетъ въ Москвѣ, посылалъ 18 юношей за границу изучать науки и языки. Вскорѣ послѣ учрежденія въ Москвѣ типографіи, учреждены таковыя же въ Острогѣ (1580), въ Кіевѣ, Могилёвѣ, Черниговѣ и пр. Въ XVI-мъ столѣтіи въ Югозападной или Польской Руси открыто было много духовныхъ школъ, для противоборства Уніи и Іезуитамъ. Славнѣйшая изъ нихъ была Кіевская, преобразованная Митрополитомъ Кіевскомъ Петромъ Могилою въ Коллегію, а Петромъ Великимъ въ 1701 г. въ Академію. Устройство и преподаваніе въ ней были схоластическія, въ подражаніе Польскимъ Іезуитскимъ коллегіямъ. По образцу ея учреждена была и въ Москвѣ Заиконоспасская школа (названіе по монастырю) при Θеодорѣ Алексѣевичѣ и названа въ 1685 г. Славяно-Греко-Латинскою Академіею.

Изъ писателей, оставившихъ по себѣ ученыя сочиненія, особенно извѣстны:

1) *Митрополитъ Пётръ Могила* († 1646) своимъ: «Православное исповѣданіе вѣры» и духовными драмами въ силлабическихъ (¹) стихахъ;

2) *Докторъ Медицины Францискъ Скорина* изъ Полоцка переводомъ Библіи съ Латинскаго на Бѣлорусскій;

3) *Іеромонахъ Епифаній Славинецкій* († 1676) своимъ лексикономъ Греко-Славяно-Латинскимъ.

4) *Симеонъ Полоцкій* составилъ: «Жезлъ правленія противъ раскольниковъ», — перевелъ *Псалтирь* въ стихахъ и написалъ Риθмологіонъ или стихословъ, собраніе стиховъ на разные случаи.

Другіе замѣчательные труды суть:

5) *Грамматика* на Греческомъ и Славянскомъ языкахъ, составленная студентами Львовской школы, въ концѣ XVI. вѣка.

6) «Грамматика Словенска совершеннаго искусства» *Протоіерея Зизанія;*

7) Грамматики Славенскія правильное Синтагма, 1619. Полоцкаго монаха *Смотрицкаго*; употреблялась въ школахъ до самаго Ломоносова;

(¹) стихосложеніе, основанное на числѣ слоговъ въ стихѣ.

8) *Лексиконъ* Славяно-Россійскій — именъ толкованіе Іеромонаха *Берынды*, родомъ изъ Молдавіи, въ началѣ XVII. вѣка;

9) Славяно-Греко-Латинскій словарь 1704 г. составленный Θеодоромъ *Поликарповымъ*.

Б. Новая Русская Словесность.

ПЕРІОДЪ I.

Отдѣлъ 1.

Отъ преобразованія государства Петромъ Великимъ до начала литературной дѣятельности Ломоносова.

§ 7. Въ древней Русской Словесности раскрывались стихіи: религіозная, государственная и исключительно народная, такъ какъ и главною мыслію всей нашей древней Исторіи было: опредѣленіемъ единства отношенія народа къ Богу, воспитаніемъ живаго чувства вѣры утвердить единство народа и государства. Петръ Великій не разрывалъ древней Руси съ новою, но, сохранивъ живое чувство вѣры, отрѣшился отъ исключительной народности и внесъ въ кругъ государственной дѣятельности сочувствіе ко всему общечеловѣческому (см. Хрест. ч. I стр. 37 и слѣд.).

Въ слѣдствіе того, что Петръ Великій двинулъ на поприще міровой дѣятельности всѣ силы своего государства и положилъ прочное начало водворенію въ немъ наукъ и искуствъ, и новая Русская Словесность, въ соотвѣтствіе успѣхамъ образованія, получила многостороннее направленіе. Теперь только возникла собственно *свѣтская* Словесность, проявлявшаяся прежде изрѣдка и какъ бы случайно. Этому содѣйствовало отчасти и введеніе Петромъ Великимъ новой *гражданской азбуки* (*).

Съ цѣлію распространенія образованія, преимущественно же спеціяльнаго, открыто было Петромъ Великимъ свѣтскихъ школъ 139; но важнѣйшимъ его учрежденіемъ, по части просвѣщенія была *Академія Наукъ*, въ которой скоро потомъ отличились *Байеръ* и *Миллеръ* по части Русской Исторіи, *Эйлеръ* по Математикѣ. Съ 1703 года начались печататься въ Москвѣ первыя Русскія вѣдомости, а съ 1711 года и въ Петербургѣ.

Для увеличенія числа свѣдущихъ въ наукахъ лицъ, Государь ввелъ обыкновеніе посылать за границу молодыхъ людей съ цѣлію теоретическаго и практическаго изученія какихъ либо спеціяльныхъ предметовъ (**), и неутомимо заботился о распространеніи разнаго рода

(*) Новая гражданская азбука отличается отъ церковной очертаніемъ буквъ, подходящимъ близко къ Латинскому шрифту, и меньшимъ количествомъ звуковыхъ изображеній. Исключены были нѣкоторыя буквы (ѕ, ѹ, ѫ [юсъ], ѯ, ѱ, ѡ) Кирилловской азбуки, оказавшіяся излишними. — Гражданская печать была употреблена впервые при изданіи въ 1704 году Вѣдомостей, такъ называемыхъ *Курантовъ*.

(**) *По* окончаніи курса, студенты Славяно-Греко-Латинской Академіи въ Москвѣ *получали абшитъ* со свидѣтельствомъ ихъ *искуства*; тогда можно было *презентовать* ихъ Царскому Величеству и, по Его указу, опредѣлять на разныя дѣла,

полезныхъ книгъ и учебныхъ руководствъ, посредствомъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ.

При поспѣшномъ стремленіи Государя, — ознакомить своихъ подданныхъ съ различными знаніями, въ переводныхъ сочиненіяхъ и въ письменности вообще, наша рѣчь испещрялась словами и оборотами, взятыми изъ разныхъ иностранныхъ языковъ, что и продолжалось въ Литературѣ до Ломоносова, а въ нѣкоторыхъ техническихъ производствахъ не прекратилось и по сю пору, какъ на примѣръ въ Горномъ дѣлѣ, во Флотѣ и т. п.

Литературную дѣятельность, въ продолженіе XVIII. столѣтія, можно обозрѣть въ трехъ отдѣлахъ, представляющихъ:

1) время преобладанія схоластическаго направленія отъ Петра Великаго до Ломоносова.

2) вѣкъ Елисаветы Петровны, или время направленія реторическаго.

3) царствованіе Екатерины II., или время вліянія классицизма, по образцамъ Французскихъ дѣятелей.

Общій же характеръ всего періода былъ подражательный и выражался въ заимствованіяхъ и слѣдованіяхъ чужимъ образцамъ, какъ въ способѣ изложенія, такъ и въ формѣ. Это подчиненіе вліянію иноземному отразилось въ языкѣ, въ словорасположеніи и оборотахъ, духу Русскаго языка вовсе несвойственныхъ; подражательность въ формѣ наполнила Литературу многими произведеніями, которыя нисколько не вытекали изъ потребности народной и не служили отраженіемъ состоянія просвѣщенія вообще, но являлись лишь въ слѣдствіе благороднаго стремленія многихъ просвѣщенныхъ дѣятелей на литературномъ поприщѣ, — представить и на Русскомъ языкѣ сочиненія, соотвѣтственныя тѣмъ, какими славились иностранныя литературы и какія пользовались даже всемірною извѣстностію.

§ 8. Плодъ трудовъ Петра Великаго по части народнаго просвѣщенія начали показываться лишь при его преемникахъ, въ его же царствованіе преобладало, по прежнему, религіозное направленіе, и знаменитѣйшими витіями того времени были:

1) Св. *Димитрій*, Митрополитъ Ростовскій († 1709), составившій *Четій Минеи* (*Малыя*, въ отличіе отъ *Великихъ* Митрополита Макарія см. § 4 прим. 5), т. е. житія святыхъ. Онъ писалъ силлабическимъ размѣромъ (виршами) духовныя драмы, или мистеріи, изъ которыхъ самою замѣчательною считалась «*Кающійся грѣшникъ*» (*), и сочинилъ извѣстную полемическую книгу: *Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ, о ученіи и дѣлахъ ея.*

2) *Стефанъ Яворскій*, Митрополитъ Рязанскій († 1722), строгій представитель древней Руси, дѣйствовалъ умѣрительно и остере-

(*) Драма эта была однажды представлена на придворномъ театрѣ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Вся библіотека Св. Димитрія перешла въ Московскую Патріаршую, но собственныя его черновыя рукописи, по его завѣщанію, положены подъ мощи его, въ гробъ, вмѣсто возглавія и подстилки.

гательно на Петра Великаго и народъ. Въ проповѣдяхъ своихъ онъ не чуждъ схоластическихъ пріемовъ. Извѣстнѣйшія его сочиненія, въ которыхъ онъ является отличнымъ діалектикомъ, суть: *Знаменія пришествія антíхриста,* написанное противъ раскольниковъ, и *Камень Вѣры* (*).

3) *Гаврíилъ Бужинскій*, Архіепископъ, прославился своими проповѣдями и переводомъ сочиненій Пуффендорфа: *Введеніе въ Исторію Европейскихъ государствъ и О должностяхъ человѣка и гражданина.*

4) *Ѳеофáнъ Прокопóвичъ*, Архіепископъ Новгородскій († 1736) былъ даровитѣйшій ораторъ своего времени, толкователь и глашатай дѣлъ Петровыхъ. Онъ сочинилъ между прочимъ *Духовный Реглáментъ*, имѣвшій цѣлію опредѣлить управленіе Русской Церкви Синодомъ.

§ 9. Изъ свѣтскихъ писателей перваго отдѣла XVIII столѣтія большая часть трудилась преимущественно надъ составленіемъ Исторіи и Географіи Россіи, или собирала матеріалы для Исторіи Петра Великаго (**). По части же собственно изящной Словесности заслуживаетъ упоминанія только одинъ писатель:

(*) Сочиненіе это, по причинѣ нѣкоторыхъ опроверженій ученія реформатовъ, было запрещено Бирономъ, и ко второму его изданію приступили лишь въ царствованіе Императора Николая I, въ 1844 году.

(**) Къ таковымъ относятся:

1) Кн. *Хилковъ,* резидентъ при Шведскомъ дворѣ, былъ, во время открытія войны съ Карломъ XII, заключенъ въ темницу, гдѣ и умеръ въ 1718 г. Въ заточеніи онъ написалъ *«Ядро Россійской Имперіи отъ древнѣйшихъ временъ до Петра Великаго»,* сочиненіе, изложенное систематически, но языкомъ, полнымъ архаизмовъ;

2) *Крашенúнниковъ,* участвовавшій въ качествѣ профессора ботаники при С.-Петербургской Академіи Наукъ, во второй Камчатской экспедиціи и, по возвращеніи, составившій *«Описаніе земли Камчатки»;*

3) *Татúщевъ,* извѣстный сочиненіями: *«Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ чрезъ 30 лѣтъ собранная и описанния»,* которая представляетъ собою сводъ лѣтописей на Славянскомъ же языкѣ, и *«Лексиконъ Россійской Исторіи гражданской и политической»,* первымъ самостоятельнымъ въ Россіи трудомъ по части энциклопедіи; доведенный до буквѣ Л;

4) *Желябýжскій,* окольничій и воевода въ Черниговѣ, оставившій по себѣ записки о событіяхъ отъ времени правленія Царевны Софіи Алексѣевны до 1709 года;

5) Графъ *Матвѣевъ,* сынъ знаменитаго ближняго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, въ домѣ котораго воспитывалась Царица Наталья Кириловна, извѣстный записками *«О смутномъ времени, приключившемся отъ возмущенія бывшихъ Московскихъ стрѣльцевъ»;*

6) *Крекшúнъ,* Новгородскій дворянинъ, собиравшій съ необыкновеннымъ усердіемъ извѣстія и свѣдѣнія, касавшіяся до дѣяній Петра Великаго;

7) *Посошковъ,* крестьянинъ, политико-экономическій писатель самоучка, обнаружившій въ сочиненіяхъ глубокій, свѣтлый умъ и всестороннее знаніе своего отечества. Къ трудамъ его принадлежатъ: *О скудости и богатствѣ,* сочиненіе, содержащее много истинъ, гораздо позже признанныхъ Европейскою наукою; *О ратномъ поведеніи* и *Отеческое завѣщательное поученіе сыну, отправленному для обученія въ дальнія страны;*

8) *Бáрскій,* являющійся у насъ какъ бы послѣднимъ паломникомъ. По благочестію и усердію онъ исходилъ пѣшкомъ всю среднюю и южную Европу, Азію и Африку, посѣщая святыя мѣста, и, по возвращеніи въ отечество, составилъ описаніе своего путешествія, изданное послѣ смерти его, по порученію Князя Потемкина, подъ заглавіемъ: *Пѣшеходца Вас. Григ. Барскаго путешествія ко святымъ мѣстамъ Европы, Азіи и Африки;*

9) *Семенъ Климовскій,* Малороссійскій казакъ, жившій около двадцатыхъ годовъ XVIII стол. Онъ былъ въ стихотворствѣ ученикъ природы, сочинилъ нѣсколько

Князь *Антіохъ Кантемиръ*, сынъ Молдавскаго Господаря, присягнувшаго на вѣрность Петру Великому со всѣмъ своимъ семействомъ. Онъ родился въ Константинополѣ въ 1709 г. и умеръ въ Парижѣ, въ званіи посланника, въ 1744 г. Европейское образованіе, знаніе весьма многихъ языковъ и истинно классическая ученость, пріобрѣтенная имъ во время слушанія лекцій въ Академіи Наукъ, возвышали этого просвѣщеннаго мужа надъ многими его современниками.

Важнѣйшее его сочиненіе составляютъ восемь сатиръ въ силлабическихъ стихахъ. Этотъ родъ поэзіи былъ предпочтенъ имъ всѣмъ прочимъ, какъ кажется, по двумъ причинамъ: во первыхъ господствовавшее направленіе поэзіи въ его время было сатирическое; основатель его, Буало, былъ тогда еще живъ и считался первымъ авторитетомъ вообще въ области поэзіи; во вторыхъ, самое состояніе обновленнаго Русскаго общества, преобразованнаго Петромъ Великимъ во всѣхъ частяхъ, представляло много такого, что могло быть осмѣяно, что, какъ недозрѣлое и превратное, такъ сказать, само просилось въ сатиру.

Предметомъ нападеній и порицаній въ сатирахъ Кантемира были невѣжество, отсталость и противодѣйствіе новому движенію и порядку дѣлъ (*). Складъ стиховъ, образъ разсужденій почти во всякой сатирѣ напоминаютъ начитанность и вліяніе иноземныхъ образцовыхъ писателей въ этомъ родѣ, Горація, Ювенала и Буало; но Кантемиръ заимствуетъ у нихъ не столько содержаніе, сколько планъ и поэтическіе пріемы. Это какъ бы чужая канва, по которой онъ выводилъ свои узоры и въ готовыя формы вставлялъ изображенія со-

---

пѣсенъ и написалъ даже поэму силлабическими стихами подъ заглавіемъ: *О правдѣ и великодушіи благодѣтелей*;

10) *Кирша Даниловъ*, родомъ изъ Кіева, служившій при Петрѣ Великомъ въ Сибири. Онъ можетъ быть скорѣе названъ собирателемъ, нежели сочинителемъ, потому что въ его сборникѣ находятся пѣсни и сказки различнаго характера, принадлежащія разнымъ вѣкамъ.

(*) Такъ, на примѣръ, въ сатирѣ „*На хулящихъ ученіе*“ скупецъ Сильванъ изображенъ слѣдующимъ образомъ:

Сильванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего не зная Латынѣ
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.

Въ другой сатирѣ пьяница Лука разсуждаетъ:

Какъ скоро по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ;
Когда будутъ течь ко ключамъ своимъ быстры рѣки
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки,
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.

или: Щеголь Медоръ тужитъ, что чрезъ чуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не во что завертѣть завитыя кудри,
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ,
Рексу, не Цицерону, похвала достоитъ.

временной жизни. Характеръ Русскихъ впрочемъ не вездѣ выдержанъ, и они нерѣдко представляютъ собою снимки съ Римлянъ временъ Горація.

Отдѣлъ 2.

Литература при Императрицѣ Елисаветѣ.

§ 10. Въ царствованіе Елисаветы прежнія Нѣмецко-Голландскія формы общежитія смѣнены Французскими, но престолъ Императрицы окружили вельможи Русскіе. Это возрожденіе народной стихіи отразилось и въ Словесности отличительною ея чертою, восторженностію религіозною и патріотическою (см. Хрест. Ч. I стр. 50 и слѣд.). Впрочемъ, какъ главное направленіе въ предъидущемъ отдѣлѣ разсматриваемаго періода можно назвать схоластическимъ, такъ въ этомъ отдѣлѣ оно сказалось реторическимъ: пристрастіе къ украшеніямъ рѣчи, къ громкимъ фразамъ, общимъ мѣстамъ и одинаковымъ пріемамъ было всеобщее.

Къ самымъ важнымъ дѣйствіямъ на пользу народнаго просвѣщенія принадлежитъ открытіе Московскаго Университета въ 1755 году и первыхъ двухъ Гимназій въ Москвѣ и Казани, учрежденіе Русскаго театра, устройство Морскаго Кадетскаго Корпуса и Академіи Художествъ. Всѣ эти воспитательныя и образовательныя заведенія были основаны стараніями знаменитаго въ то время ревнителя просвѣщенія и покровителя ученыхъ, Графа Ивана Ивановича Шувалова *).

§ 11. Главными представителями на поприщѣ литературной дѣятельности при Елисаветѣ являются *Ломоносовъ* и *Сумароковъ* **). Хотя, по господствовавшему въ тогдашнее время взгляду на призваніе писателя и занятія литературою, каждый изъ нихъ старался пред-

---

(*) До времени учрежденія Московскаго Университета, по плану Ломоносова, высшимъ и лучшимъ учебнымъ заведеніемъ послѣ Гимназіи, находившейся при Академіи Наукъ, слылъ Сухопутный Кадетскій Корпусъ, основанный въ царствованіе Анны, подъ руководствомъ Миниха.

(**) Раньше своихъ сверстниковъ-литераторовъ сталъ писать *Тредьяковскій*. Онъ былъ сынъ приходскаго священника, родился въ Астрахани въ 1703 г. и умеръ въ С. Петербургѣ въ 1769г. въ званіи Профессора Краснорѣчія при Академіи Наукъ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ семинаріи, оттуда поступилъ въ Заиконоспасское училище въ Москвѣ, былъ переведенъ въ Гимназію при Академіи Наукъ и наконецъ посланъ въ Парижъ, для усовершенствованія.

По многостороннимъ, обширнымъ свѣдѣніямъ и основательнымъ познаніямъ, въ языкахъ и наукахъ, онъ занималъ почетное мѣсто, какъ ученый и академикъ, но, какъ писатель, снискалъ себѣ уваженіе лишь своимъ до невѣроятности неутомимымъ трудолюбіемъ и любовью къ литературѣ. Сочиненія же его не произвели впечатлѣнія на послѣдующее поколѣніе и остались памятниками задушевныхъ убѣжденій автора въ понятіяхъ о Словесности и языкѣ, которыя онъ горячо отстаивалъ, не смотря на успѣхи, оказанные въ его время Ломоносовымъ, при противоположныхъ взглядахъ на тотъ же предметъ.

Важнѣйшимъ трудомъ его почитается *Тилемахида*, переводъ Фенелонова Телемака, написанная весьма тяжелыми и неуклюжими гекзаметрами съ обширнымъ предисловіемъ объ ироической поэмѣ. Кромѣ того, еще замѣчателенъ его переводъ Ролленевой и Кревіеровой *Древней Исторіи*, *Исторіи Римской Республики и Римскихъ Императоровъ*.

ставить образцы во всѣхъ родахъ поэзіи и прозы, а не посвящал своихъ дарованій одному какому либо отдѣлу изящной Словесности исключительно, однако Ломоносовъ является преимущественно лирикомъ, а Сумароковъ драматургомъ.

Ломоносовъ (1711-1765), сынъ рыбака Архангельской губерніи, изъ деревни Денисовской, близъ Холмогоръ, учился грамотѣ у приходскаго церковника и, для изученія наукъ, тайно бѣжалъ изъ дома родительскаго въ Москву, гдѣ принятъ былъ въ Заиконоспасское училище. Отсюда, за свои способности и успѣхи въ наукахъ, отправленъ, для изученія естественныхъ наукъ, въ Петербургскую Академію Наукъ, а по окончаніи тамъ курса, былъ посланъ въ Марбургъ, для усовершенствованія Тамъ онъ прожилъ четыре года, тайно женился и бѣжалъ отъ долговъ; дорогою завербованъ былъ въ Прусскую службу, но успѣлъ убѣжать изъ крѣпости Весселя и, чрезъ Голландію, возвратился въ Петербургъ, гдѣ занялъ въ Академіи мѣсто Профессора физическихъ наукъ.

Сочиненія его въ стихахъ суть: 1) двѣ пѣсни поэмы *Петріада*; 2) посланіе къ Шувалову *о пользѣ стекла*; 3) 11 одъ духовныхъ; 4) 19 одъ торжественныхъ и 5) двѣ очень слабыя трагедіи и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Въ прозѣ написаны имъ: два похвальныя слова Петру Великому и Елисаветѣ, Краткій Россійскій Лѣтописецъ, до смерти Петра Великаго, Древняя Россійская Исторія до удѣловъ, Россійская грамматика, Краткое руководство къ Краснорѣчію, два письма о правилахъ Россійскаго стихотворства и пользѣ чтенія церковныхъ книгъ, и, наконецъ, разныя сочиненія касательно Физики, Химіи, Металлургіи, Астрономіи и пр.

Пушкинъ называетъ Ломоносова первымъ Русскимъ университетомъ, потому что онъ соединялъ въ себѣ знанія самыя разнообразныя и былъ единственный подвижникъ просвѣщенія въ Россіи въ промежутокъ времени между Петромъ Великимъ и Екатериною II. Онъ какъ бы олицетворялъ собою науку, ища ея въ жизни, въ Петрѣ, Елисаветѣ, въ Университетѣ, въ Академіи, наука была для него поэзіею; онъ первый писалъ о многихъ наукахъ и преподавалъ ихъ на Русскомъ языкѣ. Посему, онъ справедливо почитается отцемъ Русской Словесности (см. Хрест. ч. I стр. 41—44), хотя раздѣлялъ общее его современникамъ и ложное убѣжденіе, будто народный языкъ, „къ выраженію мыслей высокихъ неспособный“, требуетъ облагороженія посредствомъ подчиненія его языку Латинскому въ синтаксическомъ отношеніи и Церковно-Славянскому въ лексикологическомъ.

Въ Грамматикѣ своей Ломоносовъ облекъ Русскій языкъ въ свойственныя ему этимологическія формы, строго отличивъ ихъ отъ Славянскихъ, и хотя данное имъ направленіе письменному языку осталось не безъ пользы, однако подражателями Ломоносова: Петровымъ въ его тріумфальныхъ одахъ и Херасковымъ въ патріотическихъ поэмахъ *Россіяда* и *Владиміръ* доведено до крайности, такъ что надолго былъ закрытъ для нашей Словесности живой источникъ народнаго языка

и ввелась въ нашъ книжный какая-то напыщенная для Русскаго уха дикая и съ трудомъ понятная рѣчь.

Въ стихотвореніяхъ своихъ Ломоносовъ былъ хотя менѣе поэтъ (см. Хр. ч. I стр. 56—57), чѣмъ въ своей многотрудной жизни, но онъ водворилъ у насъ приличный нашему языку основанный на удареніяхъ — тоническій размѣръ стиховъ, и въ своихъ, особенно духовныхъ одахъ, писалъ возвышенно, сильно; впрочемъ, онъ мало заботился о своей поэтической славѣ и презиралъ Сумарокова, который, по его словамъ, ни о чемъ кромѣ бѣднаго риѳмотворства своего не думаетъ.

Исторія театра въ Россіи. Сумароковъ.

§ 12. Для первыхъ сценическихъ представленій служили у насъ, какъ и въ западной Европѣ, духовныя драмы или, лучше сказать, ораторскіе разговоры, которыя стали прежде всего разъигрывать въ Кіевѣ, куда проникло Польское образованіе въ началѣ XVII столѣтія, а оттуда онѣ перешли въ Москву, вмѣстѣ съ переселеніемъ многихъ ученыхъ изъ Кіевской Духовной Академіи въ Московскую (*).

Такія священныя драмы представлялись студентами Кіевской Академіи въ коридорахъ Братскаго монастыря, въ бурсѣ и въ частныхъ домахъ, а во время вакацій по Украинскимъ и ближайшимъ Русскимъ городамъ, сначала на Польскомъ, а потомъ на Церковно-Славянскомъ языкѣ. Лучшими писателями духовныхъ драмъ были Св. Димитрій, Симеонъ Полоцкій, Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Со временъ Царя Алексѣя Михайловича, при Дворѣ постоянно находился театръ. Въ селѣ Преображенскомъ нѣмецкіе актеры играли пьесы съ музыкою и танцами, и въ играхъ ихъ участвовали дворовые люди боярина Матвѣева, которые успѣли перенять, какъ сказано, нѣмецкія хитрости. Первая свѣтская драма, комедія Мольера *Врачъ противъ воли* (Le medecin malgré lui) была переведена Царевной Софіей Алексѣевной.

При Петрѣ Великомъ придворнаго театра не было. Драматическія представленія замѣнились въ его время маскерадами. До Императрицы Елисаветы всѣ сценическія учрежденія, равно какъ и драматическія произведенія, были чисто иностранныя, и театръ составлялъ удовольствіе, доступное лишь тѣмъ, кто имѣлъ входъ ко Двору. Пріѣзжали нѣмецкіе актеры, иногда отдавали болѣе опытному изъ нихъ, какъ мастеру, въ ученье мальчиковъ, которые потомъ играли въ балаганахъ, во время народныхъ увеселеній на Святой недѣлѣ и на Масляной.

Но отцемъ Русскаго театра почитается *Сумароковъ*. Воспитываясь въ Кадетскомъ корпусѣ, начитавшись Корнеля и Расина, онъ началъ самъ писать трагедіи, и тутъ-же, съ товарищами, представлять ихъ. Когда объ этомъ узнала Императрица Елисавета, то

(*) Введенію первыхъ театральныхъ зрѣлищъ при дворѣ Царя Алексѣя Михайловича много содѣйствовали, какъ полагаютъ, разсказы дворянина Вас. Лихачева, который былъ посланникомъ во Флоренціи и, между прочими диковинками, видѣлъ тамъ комедію.

она заставляла ихъ играть иногда при Дворѣ. Скоро, однакожъ, отъискали настоящихъ актеровъ въ Ярославлѣ. Тамъ купеческій сынъ *Өедоръ Волковъ* устроилъ въ своемъ домѣ сцену, на которой разъигрывалъ съ своими пріятелями священныя драмы. Ихъ вызвали въ Петербургъ, отдали въ школу, посылали учиться за границу, и въ 1756 году открытъ былъ въ Петербургѣ первый Русскій театръ, коего первымъ директоромъ сдѣлался Сумароковъ, а первыми замѣчательными актерами Волковъ и Дмитревскій.

Сумароковъ, ошибочно принимавшій свою великую охоту къ поэзіи за дарованіе, съ необыкновеннымъ прилежаніемъ обогащалъ репертуаръ Русскаго театра. Онъ написалъ множество трагедій и комедій, заимствуя для нихъ содержаніе, расположеніе, мысли и чувства изъ Французскихъ классиковъ; онъ ввелъ въ обычай слѣпое имъ подражаніе и вообще пристрастіе къ передѣлкамъ съ Французскаго, что у насъ осталось въ употребленіи до новѣйшаго времени. Извѣстнѣйшія его комедіи суть: *Опекунъ* и *Лихоимецъ*, а трагедіи: *Гамлетъ* и *Хоревъ*. Лучшую сторону ихъ составляютъ лирическое патріотическое чувство и благородство личныхъ мыслей.

Отдѣлъ 3.

Литература въ царствованіе Екатерины II.

§ 13. Въ царствованіе Екатерины II. движеніе народнаго образованія хотя не уклонялось вообще съ пути подражанія, указаннаго Петромъ Великимъ, но, по собственному примѣру Государыни (*), лучшіе умы вѣка стали обращать вниманіе на изученіе народа въ его языкѣ и исторіи, а равно и географіи Россіи (**). Соотвѣтственно тому, и въ области изящной Словесности изъ господствовавшей тогда подражательной классической школы являются блестящими исключеніями: Державинъ по могучимъ порывамъ неподдѣльнаго ли-

(*) Императрица усердно и съ любовію занималась Русскимъ языкомъ, много на немъ писала, между прочимъ сочиняла драмы для Эрмитажнаго театра, участвовала въ періодическихъ изданіяхъ и учредила Россійскую Академію съ цѣлію разработки и очищенія Русскаго языка.

(**) Изслѣдованіями по части отечественной Исторіи занимались тогда Кн. Щербатовъ, Болтинъ, Голиковъ, Миллеръ, Шлецеръ и Стриттеръ. *Щербатовъ* написалъ Русскую Исторію до дома Романовыхъ въ 15 томахъ, но сочиненіе это по устарѣлому слогу и по несоблюденію условій науки не пользуется извѣстностію. *Болтинъ* началъ свои критико-историческіе труды съ разбора ошибокъ и невѣрностей, какія сдѣланы были Французомъ Леклеркомъ въ его Исторіи Россіи. При этомъ онъ коснулся также промаховъ въ Исторіи Щербатова, и между ними открылась историческая полемика. *Голиковъ* съ малолѣтства пристрастился къ чтенію описаній дѣяній Петра Великаго и собралъ въ послѣдствіи обильные матеріялы для его Исторіи.

Миллеръ сочинилъ первый *Сибирскую Исторію*, *Шлецеръ* прославился критическимъ изданіемъ лѣтописи Нестора, а *Стриттеръ* собиралъ *Извѣстія Византійскихъ историковъ*, объясняющія Россійскую Исторію древнихъ временъ и переселенія народовъ.

Учрежденная въ 1783 году Россійская Академія трудилась надъ составленіемъ Русскаго Словаря и Русской Грамматики.

ризма и своенародною сатирою, Фонъ-Визинъ оригинальною комедіею, почерпнутою изъ современнаго ему общества.

Въ числѣ новыхъ учрежденій для распространенія просвѣщенія, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, особенно замѣчательны два Воспитательные дома, въ Петербургѣ и Москвѣ, устроенные по плану и представленію И. И. Бецкаго, Институтъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, при Смольномъ монастырѣ, Артиллерійскій и Инженерный корпусы, Вольное Экономическое Общество и открытіе народныхъ училищъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ.

Распространенію любви къ чтенію и значительной литературной дѣятельности много содѣйствовали разныя повременныя изданія (*), выходившія при Екатеринѣ II. въ большомъ количествѣ, съ весьма разнообразнымъ направленіемъ. Изъ журналистовъ-издателей преимущественно замѣчателенъ *Новиковъ* († 1818), неутомимый ревнитель просвѣщенія и грамотности. Онъ первый открылъ частныя типографіи, межъ тѣмъ какъ до него существовали лишь однѣ казенныя, устроивалъ въ разныхъ городахъ книжныя лавки, библіотеки для чтенія, издавалъ много книгъ и журналовъ. Наибольшею извѣстностію пользуется его *Древняя Россійская Вивліоѳика*, — сборникъ свѣдѣній объ отечественной Исторіи.

§ 14. Изъ писателей въ духовно-поучительномъ родѣ прославились въ вѣкъ Екатерины II. *Платонъ*, Митрополитъ Московскій, и *Георгій Конисскій*, Могилевскій Архіепископъ.

Платонъ Левшинъ (1737—1812) былъ законо-учителемъ при Наслѣдникѣ Престола, потомъ Императорѣ Павлѣ I., и придворнымъ проповѣдникомъ. Изъ привѣтственныхъ его рѣчей лучшею почитается произнесенная имъ при коронованіи Императора Александра I.

§ 15. *Державинъ* (1743—1816) былъ изъ дворянъ Казанской губерніи, по преданіямъ Татарскаго происхожденія. Образованіе свое онъ получилъ въ Казанской гимназіи, началъ сочинять стихи еще ученикомъ и поступилъ, по примѣру всѣхъ дворянъ тогдашняго времени, въ военную службу. Въ послѣдствіи времени онъ служилъ въ Сенатѣ, былъ Губернаторомъ въ Тамбовѣ, Статсъ-Секретаремъ при Екатеринѣ II. и Министромъ юстиціи при Александрѣ I., въ первые два года по открытіи Министерствъ.

Какъ писатель онъ является исключительно лирикомъ съ наклонностью къ сатирѣ и дидактикѣ въ тогдашнемъ вкусѣ, а избранный имъ родъ лирической поэзіи была ода.

Всѣ его оды могутъ быть, по содержанію, раздѣлены на: 1) духовныя или религіозныя; 2) патріотическія, въ которыхъ поэтъ воодушевляется славными современными отечественными событіями и

(*) Первый любопытный и занимательный по цѣли своей журналъ въ Россіи явился подъ заглавіемъ *Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія.* *Онъ издавался* съ 1755 г. Академикомъ Миллеромъ.

прославляетъ виновницу ихъ, Императрицу Екатерину II., и 3) анакреонтическія, гдѣ стихотворецъ является человѣкомъ своего времени, подчиняется господствующему духу, развившемуся тогда въ слѣдствіе чувственной философіи XVIII. вѣка, и воспѣваетъ наслажденія земной жизни.

Къ лучшимъ произведеніямъ, въ первомъ родѣ, относятся духовныя оды: «Богъ», идея которой возникла у поэта во время заутрени въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ дворцовой церкви, «Властителямъ и Судіямъ», «На безбожниковъ» — «Безсмертіе души» — «Цѣленіе Саула» и переложенія нѣкоторыхъ псалмовъ.

Изъ одъ патріотическихъ наиболѣе извѣстны: «Фелица» — «Изображеніе Фелицы» — «Видѣніе Мурзы» — «Водопадъ» — «На взятіе Измаила» — «Переходъ черезъ Альпы»: — изъ нравственныхъ, — «На кончину благотворителя» (Бецкаго) — «На смерть Князя Мещерскаго» и др.

Въ числѣ антологическихъ и анакреонтическихъ одъ замѣчательны: «Приглашеніе къ обѣду» — «Къ первому сосѣду» — «Гостю» — «На счастіе» и другія.

Какъ Ломоносова по глубоко вѣрному замѣчанію Профессора Шевырева можно назвать поэтомъ мысли, потому что наука была предметомъ его поэтическихъ восторговъ и въ духовныхъ своихъ одахъ онъ преимущественно сочувствовалъ псалмамъ о премудрости Божіей; такъ Державинъ является поэтомъ правды. Лишившись отца еще въ дѣтствѣ, онъ былъ свидѣтелемъ терзаній и слезъ своей матери, которая, опасаясь въ запутанномъ процессѣ потерять скудное имѣніе, брала съ собою ребенка — сына, чтобы разжалобить судей. Тогда уже заронилось въ его сердце чувство правды, воспитанное въ немъ послѣдующею его жизнію. Оно легло въ основу его поэзіи и сообщило ей высокій нравственный характеръ. Сюда относятся его оды: «Властителямъ и Судіямъ» — «Праведный Судія» — «Вельможа» — «Введеніе Соломона въ судилище» — «Посланіе къ Храповицкому» и переложенные псалмы преимущественно правдѣ. Даже въ его холодныхъ, дидактическихъ стихотвореніяхъ отдѣльныя мѣста о правдѣ отличаются необыкновенною яркостью.

Чуждый сильныхъ чувствъ и увлеченія мыслей, Державинъ обладалъ сильнымъ, громаднымъ воображеніемъ, и потому творенія его отличаются обиліемъ прелестныхъ картинъ и величавыхъ образовъ. Но красотѣ его произведеній много вредятъ частыя, холодныя разсужденія, реторическія прикрасы, склонность къ длиннотѣ. Отъ того въ его стихотвореніяхъ поражаетъ насъ частая смѣна мѣстъ сильныхъ съ слабыми, невыдержанность или совершенное отсутствіе плана и связи. Самый языкъ его, при вдохновеніи благозвучный и блистательный, въ другихъ случаяхъ теменъ, запутанъ и нерѣдко крайне неправиленъ.

§ 16. Современные Державину лирическіе поэты были: *Капнистъ* *), отличавшійся элегическимъ направленіемъ; *Каменевъ*, первый сочинитель на Русскомъ языкѣ баллады (*Громвалъ*); *Нелединскій-Мелецкій*, отличающійся въ своихъ, народнымъ духомъ проникнутыхъ пѣсняхъ, грустію и шутливостію; *Князь Долгорукій*, писавшій философскія оды (Завѣщаніе — Каминъ въ Москвѣ) и посланія; *Петровъ*, поэтъ многомыслящій, но рѣдко выражавшійся въ образахъ, замѣняя ихъ громогласностію и наборомъ фразъ.

Эпическіе стихотворцы, современные Державину были: *Богдановичь*, *Херасковъ* и *Костровъ*.

Богдановичь (1743—1803) составилъ себѣ имя въ Литературѣ своею романтическою поэмою *Душенька*. Содержаніе ся онъ заимствовалъ изъ Лафонтенова сочиненія Les amours de Psyché et de Cupidon; *Лафонтенъ* же почерпнулъ свой разсказъ изъ сказки Греческаго писателя Апулея *Золотой оселъ*. *Богдановичь* выказалъ въ этой поэмѣ неподдѣльное вдохновеніе и очаровалъ своихъ современниковъ необыкновеннымъ, по тому времени, легкимъ, изящнымъ стихомъ и игривымъ разсказомъ.

Костровъ переложилъ съ подлинниковъ часть *Гомеровой* Иліады, *Апулеева* Золотаго осла и Оссіяна съ Французскаго текста. Иліаду переводилъ онъ не гекзаметрами, а александрійскими стихами и выказалъ въ замѣчательной степени силу творчества относительно языка.

Херасковъ былъ Кураторомъ Московскаго Университета и, въ этомъ званіи, отличался не только усердіемъ къ распространенію просвѣщенія, но старался, гдѣ могъ, покровительствовать молодымъ ученымъ и писателямъ. Какъ литераторъ, онъ принадлежитъ къ числу строгихъ послѣдователей Ломоносовской школы и пользовался извѣстностію по своимъ двумъ поэмамъ *Россіяда* и *Владиміръ* и романамъ, первымъ произведеніямъ, въ этомъ родѣ, на Русскомъ языкѣ (*Нума Помпилій*, *Полидоръ и Гармонія*, *Пилигримы, или искатели счастія)*. Планъ и мысли послѣднихъ заимствованы изъ Фенелонова Телемака, только съ перемѣною дѣйствующихъ лицъ и мѣстности.

§ 17. *Хемницеръ* (1744—1784) былъ лучшимъ изъ нашихъ баснописцевъ въ прошедшемъ столѣтіи. Не смотря на иноплеменное происхожденіе, онъ отличается въ басняхъ Русскимъ складомъ ума и довольно легкимъ, свободнымъ, по тому времени, языкомъ; но онъ несравненно ниже слѣдовавшихъ за нимъ баснописцевъ, Дмитріева и и Крылова. Самостоятельныхъ басенъ у него мало, бо́льшая часть переведены изъ Геллерта и Лафонтена, а къ лучшимъ должны быть отнесены: Метафизикъ, Орлы, Привязанная собака, Левъ, учредившій совѣтъ.

Фонъ-Визинъ (1745-1792) происходилъ отъ древняго дворян-

(*) Капнистъ извѣстенъ, кромѣ своихъ элегій, еще переводами нѣсколькихъ одъ Горація, въ особенности комедіею *Ябеда*, которая имѣла большой успѣхъ на сценѣ и, какъ вѣрное, мѣткое изображеніе канцелярскихъ продѣлокъ и лихоимства, долго *на ней держалась*.

скаго рода, переселившагося изъ Остзейскаго края въ Россію при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Онъ родился въ Москвѣ, воспитывался въ тамошнемъ университетѣ въ одно время съ Потемкинымъ, и служилъ въ Иностранной Коллегіи.

Между тѣмъ какъ Державинъ выражалъ въ своихъ произведеніяхъ преимущественно патріотическое сочувствіе къ величію отечества и свѣтлой сторонѣ современнаго ему быта, хотя мѣстами вооружался также сильною сатирою противъ суетной роскоши, блеска и пресыщанія, — главныхъ пороковъ времени Екатерины, Фонъ-Визинъ, какъ комикъ, останавливался по внушенію такого же патріотическаго воодушевленія, такъ сказать, на изнанкѣ вѣка, противодѣйствовалъ неразумной сторонѣ эпохи.

Въ первой своей комедіи *Бригадиръ*, написанной имъ еще до двадцатилѣтняго возраста, поэтъ возстаетъ противъ ложныхъ началъ воспитанія, которое многіе ограничивали тогда только знаніемъ Французскаго языка, и вообще противъ предпочтенія всего иноземнаго Русскому. На этомъ произведеніи еще замѣтно вліяніе Французскихъ классиковъ относительно завязки, но лице Бригадира есть превосходный, художественный типъ.

Другая его знаменитая комедія *Недоросль* явилась черезъ двадцать лѣтъ послѣ первой, въ 1782 г., и отличается отъ нея художественнымъ достоинствомъ и глубиною мысли. Въ ней язвительно осмѣяны невѣжество и грубость нравовъ нѣкоторыхъ сельскихъ дворянъ, какъ слѣдствія невоспитанности.

Въ числѣ прочихъ его произведеній замѣчательны: комедія *Выборъ гувернера*, *Письма изъ Франціи*, *Опытъ придворной грамматики*, *Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ* и, наконецъ, его два единственныя произведенія, написанныя стихами: *Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову*, *Ванькѣ и Петрушкѣ* и *Къ уму моему*.

Главная прелесть произведеній Фонъ-Визина состоитъ въ естественности и живости дѣйствія, въ колкой шутливости, въ веселомъ, неистощимомъ остроуміи. Но слабая, можно даже сказать, скучная сторона въ нихъ есть страсть къ нравоученіямъ и длиннымъ разсужденіямъ, бывшая въ духѣ тогдашняго времени. Комедіи его написаны языкомъ разговорнымъ, а потому и донынѣ мало устарѣвшимъ.

На драматическомъ поприщѣ подвизались съ успѣхомъ, кромѣ Фонъ-Визина, еще *Княжнинъ* и *Аблесимовъ*.

Княжнинъ (1742—1791) былъ другъ и родственникъ Сумарокова, хотя дарованіемъ, правильностію языка въ своихъ произведеніяхъ онъ и превосходилъ Сумарокова, однако, подобно ему, позволялъ себѣ неумѣренныя заимствованія изъ Французскихъ классиковъ, въ трагедіяхъ-же отличался высокопарностію. Впрочемъ, публика любила произведенія его и Сумарокова за патріотическія чувства, нерѣдко въ нихъ встрѣчающіяся.

Къ лучшимъ произведеніямъ Княжнина принадлежатъ его двѣ

комедіи: *Хвастунъ* и *Чудаки* (подражаніе комедіи Детуша L'homme singulier) и комическая опера *Сбитенщикъ*.

Аблесимовъ († 1784) былъ переписчикомъ у Сумарокова; прославился весьма удачною комическою оперою *Мельникъ*. Это первое произведеніе, содержаніе котораго взято изъ Русскаго крестьянскаго быта, чего вообще такъ чуждались писатели реторическаго направленія.

II. ПЕРІОДЪ.

§ 18. Второй періодъ новѣйшей Исторіи Русской Словесности заключаетъ въ себѣ первую половину XIX. вѣка. Господствовавшею мыслію предшествовавшей эпохи, отразившеюся въ дѣятельности главныхъ лицъ на поприщѣ, какъ политическомъ, такъ и словесномъ, было исканіе славы, во славу отечества: съ воцареніемъ Александра I. выразилось полное сочувствіе къ Западу и въ представителяхъ нашей Словесности. Карамзинъ стремился усвоить ей все лучшее, общечеловѣческое, безъ всякой пристрастной исключительности, Жуковскій вносилъ въ нее стихіи Германскаго и Англійскаго романтизма, Батюшковъ красоты поэзіи Италіянской. По послѣ всемірной политической катастрофы 1812 года, когда отечество наше славно отразило совокупныя силы враждебнаго Запада, шедшія на его погибель, начинается у насъ возвращеніе къ своему народному: Крыловъ и Карамзинъ въ послѣдніе годы своей жизни были представителями этого новаго направленія. Въ послѣдовавшее за тѣмъ царствованіе блаженной памяти Императора Николая I. произошло у насъ еще тѣснѣйшее прилѣпленіе къ изученію самихъ себя; съ необыкновеннымъ рвеніемъ стали собирать памятники нашей древней государственной и народной жизни, издавать лѣтописи, юридическіе акты, законы, пѣсни и т. п. Въ словесности нѣкоторое время продолжалось еще господство Французской классической школы, теоретикомъ которой является у насъ Мерзляковъ, а послѣдними и лучшими ея представителями были Дмитріевъ и Карамзинъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ. Они довершили главную заслугу этой школы — обработку языка и слога. Впрочемъ, Карамзинъ сочувствіемъ своимъ начинаетъ романтизмъ, а послѣдними томами Исторіи Государства Россійскаго полагаетъ зародышъ художественно-народному направленію Словесности.

Въ правленіе Императоровъ Александра I и Николая I открыто было учрежденій въ пользу наукъ и образованія болѣе, нежели въ какое-либо изъ предъидущихъ царствованій. Въ 1802 году учреждено Министерство Народнаго Просвѣщенія, и вся Россія раздѣлена на шесть учебныхъ округовъ: Московскій, Дерптскій, С. Петербургскій, Харьковскій, Казанскій, Виленскій. При Императорѣ Николаѣ I Виленскій округъ переименованъ Бѣлорусскимъ и открыто вновь четыре округа: Варшавскій, Кіевскій, Одесскій, Кавказскій. Вслѣдъ за тѣмъ *основаны* высшія учебныя заведенія: въ 1803 г. Главный Педагогическій

Институтъ въ С. Петербургѣ; въ 1805 г. Харьковскій Университетъ; Нѣжинскій Лицей, на иждивеніи Князя Безбородко; Ярославскій Лицей, на иждивеніи Демидова; Казанскій Университетъ; въ 1809 г. преобразованъ Абовскій, нынѣ Гельзингфорскій; Лицей въ Царскомъ Селѣ и Ришельевскій въ Одессѣ; въ 1819 С. Петербургскій Университетъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ постепенно открывались гимназіи, въ уѣздныхъ городахъ уѣздныя и приходскія училища, въ послѣдствіи, во многихъ селахъ — сельскія.

Наравнѣ съ тѣмъ, и по духовному вѣдомству открыты четыре Духовныхъ Академіи, въ С. Петербургѣ, Москвѣ (при Сергіевской Троицкой Лаврѣ), Кіевѣ и Казани; въ губернскихъ городахъ учреждены семинаріи, а въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ уѣздныя и приходскія училища.

Успѣхамъ Словесности содѣйствовали общества, въ особенности Общество Любителей Русской Словесности въ Москвѣ и Петербургѣ.

Литературная дѣятельность втораго періода представляетъ три отдѣла, изъ которыхъ первый можно назвать Карамзинскою эпохою, второй эпохою Жуковскаго. Пушкинъ открываетъ собою третій, послѣдній отдѣлъ.

Карамзинская эпоха отличается образованіемъ изящной Русской прозы и преобладаніемъ сентиментальности, занесенной къ намъ съ Запада, гдѣ предъ тѣмъ распространилось ученіе о чувствѣ Жанъ Жака Руссо, который въ чувствѣ искалъ разумнаго оправданія страстей и полноты бытія, нарушенной скептицизмомъ Французскихъ энциклопедистовъ,

Жуковскій утвердилъ въ Словесности направленіе романтическое и тѣмъ самымъ положилъ конецъ вліянію на нее Французской классической школы.

Наконецъ, съ Пушкинымъ открывается въ нашей Словесности эпоха народно-Европейская, отличающаяся стремленіемъ къ самостоятельности, полной художественности, и притомъ въ народномъ духѣ.

Отдѣлъ 1.

§ 19. Духовное слово, начавшееся у насъ вскорѣ по водвореніи Христіанства, не прерывалось до второй половины XVI вѣка, когда въ церквахъ нашихъ стали говорить не собственныя проповѣди, но поученія вселенскихъ Отцевъ Церкви: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Ефрема Сирина и др., а также и прежнихъ Русскихъ проповѣдниковъ. Въ XVII вѣкѣ Симеонъ Полоцкій своимъ примѣромъ возобновилъ обычай сочинять и произносить проповѣди; съ того времени, въ церковномъ словѣ, неизмѣнномъ по основному содержанію, повторились, что касается внѣшнихъ формъ изложенія и языка, явленія, сопровождавшія развитіе нашей свѣтской Словесности: такъ въ немъ отозвались и схоластическое, и реторическое направленія, безъ ихъ крайностей. Духовные наши витіи не только воспользовались плодами преобразованій Ломоносовскаго и Карамзин-

скаго періода, но сами значительно подвигали совершенствованіе языка и слога, внося въ свои творенія не ветшающія сокровища древней нашей письменности, охраняя чистоту своенародной рѣчи и тѣмъ, до самаго новѣйшаго времени, противодѣйствуя излишнимъ вліяніямъ новыхъ языковъ на нашъ, въ слѣдствіе ближайшаго ознакомленія съ новыми Литературами, особенно съ Германскою.

Представителями церковнаго витійства въ этомъ періодѣ должно назвать знаменитыхъ, современныхъ намъ учителей вѣры *Филарета* и *Иннокентія* (*).

Филаретъ, Митрополитъ Московскій (род. въ 1782), оказалъ важныя услуги Церкви своими духовно-учебными трудами: *Начертаніе Церковно-библейской исторіи*, *Пространный Катихизисъ* и др. Въ проповѣдяхъ своихъ, раскрываетъ ли онъ высочайшія истины вѣры, или преслѣдуетъ порокъ, дѣйствуя на разумъ слушателей, вездѣ изумляетъ онъ обширностію и глубиною мыслей, изложенныхъ съ необыкновенною ясностію и неотразимою убѣдительностію.

Иннокентій, Архіепископъ Херсонскій, (1800-1857) въ поученіяхъ своихъ, изданныхъ подъ названіемъ: *Свѣтлая*, *Страстная седмица* и др., дѣйствуетъ преимущественно на чувство, покоряя сердце слушателей умилительнымъ изображеніемъ любви Бога къ человѣчеству и поселяя въ немъ спасительное болѣзнованіе о своемъ недостоинствѣ.

§ 20. *Карамзинъ* (1765-1826) родился въ Симбирской губерніи, получилъ образованіе въ пансіонѣ Шадена при Московскомъ университетѣ, служилъ по окончаніи курса ученія три года въ Гвардіи, потомъ посвятилъ себя совершенно литературнымъ занятіямъ и съ 1803 года носилъ званіе Императорскаго исторіографа.

Онъ выступилъ на литературное поприще сперва беллетристомъ и издавалъ журналы *Московскій*, *Вѣстникъ Европы* и нѣсколько альманаховъ, въ которыхъ помѣщалъ, на ряду съ произведеніями другихъ сочинителей, свои стихотворенія, повѣсти и *Письма Русскаго путешественника*, описаніе своего двухлѣтняго путешествія по Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи. Съ 1803 года онъ посвятилъ себя исключительно сочиненію Исторіи Государства Россійскаго, которой первые 8 томовъ появились въ 1818 году, а послѣдній 12-ый, доведенный до временъ междуцарствія, изданъ уже по его смерти.

Стихотворенія Карамзина не имѣютъ высокаго поэтическаго достоинства и суть ничто иное, какъ выраженныя въ стихотворной формѣ мысли и чувства умнаго и просвѣщеннаго человѣка.

Повѣсти Карамзина: *Бѣдная Лиза*, изъ жизни современной, *Наталья, боярская дочь*, *Марѳа Посадница*, изъ міра историческаго, *Прекрасная царевна и счастливый Карло*, изъ народныхъ преданій, и другія отличаются чувствительностію, которая инымъ кажется даже

(*) Другіе извѣстнѣйшіе проповѣдники были Архіепископы *Августинъ* Московскій (р. 1766) и *Амвросій* Казанскій (р. 1769), а изъ современныхъ намъ духовныхъ писателей замѣчательны: Епископы *Евсевій* и *Макарій* (послѣдній особенно своими *богословскими* трудами) и Протоіереи: *Маловъ*, *Кочетовъ*, *Бажановъ* и *Путятинъ*.

приторною, но источникомъ ея было не искуственное напряженіе, а природное свойство, отличающее его произведенія вообще. Тогдашняя публика восхищалась неестественною идилліею, которая, въ свое время, была даже полезнымъ противодѣйствіемъ нравамъ, разслабленнымъ господствовавшею предъ тѣмъ роскошью.

Въ *Письмахъ Русскаго путешественника* Карамзинъ знакомитъ читателей не только съ природою видѣнныхъ имъ странъ, но съ состояніемъ наукъ, искуствъ, художествъ, и представителями ихъ въ Европѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія.

Своимъ журналамъ онъ умѣлъ придать такую занимательность, что, можно сказать, создалъ публику журнальныхъ читателей, ибо прежніе журналы, изъ коихъ первый, *Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія*, былъ издаваемъ Академикомъ Миллеромъ съ 1755 года, кромѣ того Сумарокова *Трудолюбивая пчела* и Богдановича *Невинное увеселеніе* не могли пріохотить къ себѣ публики, по односторонности и, отчасти, сухости своего содержанія.

Главный трудъ всей жизни Карамзина *Исторія Государства Россійскаго*, есть, по умному выраженію Пушкина, не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка. Карамзинъ долженъ былъ самъ собирать матеріялы, разбирать ихъ, сравнивать, повѣрять, короче, положить начало Русской Палеографіи, Исторической Географіи, Нумизматикѣ и пр. Преодолѣвъ всѣ эти трудности, онъ вполнѣ достигъ своей цѣли — возбудилъ въ своихъ соотечественникахъ охоту къ Исторіи предковъ, и вотъ основались историческія общества, явились вельможи-собиратели (*) Русскихъ древностей, страстные любители Русской Исторіи. Карамзинъ не имѣетъ себѣ равнаго между Русскими писателями въ красотахъ историческаго изложенія, картинныхъ описаніяхъ, одушевленномъ повѣствованіи, простотѣ разсказа и благородствѣ образа мыслей.

Величайшая заслуга Исторіографа, относительно языка, заключается въ образованіи изящной и правильной прозы, согласной съ духомъ и свойствами Русскаго языка. Онъ освободилъ письменную рѣчь отъ искуственныхъ оковъ Нѣмецко-Латинскаго синтаксиса, наложенныхъ на нее школою Ломоносова, положилъ начало сближенію рѣчи письменной съ разговорною и обогатилъ ее множествомъ словъ, которыя сперва онъ составлялъ по образцу словъ Нѣмецкихъ, Французскихъ и Англійскихъ, а потомъ сталъ заимствовать изъ древнихъ памятниковъ нашей Словесности. Противъ перваго способа обогащенія Русскаго языка, употребленнаго во зло подражателями Карамзина, сильно возставалъ въ свое время умный писатель Адмиралъ *Шишковъ*, издавшій по сему случаю весьма замѣчательное разсужденіе *О древнемъ и новомъ Русскомъ слогѣ*, которое остановило навод-

*) Извѣстнѣйшій изъ таковыхъ былъ Графъ Румянцевъ, сынъ героя Задунайскаго. Онъ печаталъ на свой счетъ историческіе труды ученыхъ: Калайдовича, Строева, Митрополита Евгенія, издалъ множество историческихъ памятниковъ, наконецъ, собравъ обширную библіотеку и Музей рѣдкостей, подарилъ ихъ Государству.

неніе Русской письменности галлицизмами. Слогъ Карамзина, совершенствовавшійся съ каждымъ новымъ томомъ его Исторіи, до сихъ поръ остался образцовымъ.

§ 21. Изъ числа поэтовъ, содѣйствовавшихъ столько же усовершенствованію Русскаго стихотворнаго языка, сколько Карамзинъ сдѣлалъ для языка прозаическаго, замѣчательнѣйшіе, въ этомъ отдѣлѣ, суть: *Дмитріевъ*, *Батюшковъ*, *Крыловъ*, *Мерзляковъ* и *Гнѣдичъ*.

Дмитріевъ (1760—1837) родился въ Симбирской губерніи, служилъ въ Гвардіи до чина Полковника, потомъ перешелъ въ гражданскую службу и былъ, при Императорѣ Александрѣ I, послѣ Державина, Министромъ Юстиціи.

Лучшія его сочиненія: оды *Ермакъ*, *Освобожденіе Москвы отъ Поляковъ въ 1612 г.*; сатира *Чужой толкъ*, направленная на высокопарныхъ слагателей одъ; сказки: Причудница, Воздушные замки, Модная жена; четыре книги басенъ; нѣсколько мелкихъ стихотвореній и пѣсенъ.

Оды его, писанныя на старинный ладъ, не чужды напыщенности и изъисканности. Ода *Размышленіе по случаю грома* есть переводъ изъ стихотворенія Гете *Границы человѣчества*, другая — *Къ Волгѣ* замѣчательна по соединенію историческихъ красокъ съ лиризмомъ, а *Ермакъ* изображаетъ завоеваніе Сибири въ видѣ разговора двухъ шамановъ о гибели Ермака при шумѣ волнъ Иртыша.

Пѣсни: *Стонетъ нѣжный голубочикъ* и др. нѣжны, и вполнѣ соотвѣтствуютъ господствовавшему тогда сентиментальному направленію.

Бо́льшая часть басенъ Дмитріева представляетъ прекрасные переводы изъ Лафонтена, Флоріана, Арно, и, хотя недостаетъ въ нихъ художественной простоты разсказа и народнаго взгляда на жизнь, что такъ плѣняетъ насъ въ Крыловѣ, за то живописностію изображеній онъ едва ли уступаетъ послѣднему.

Сказки его отличаются естественностію, простодушіемъ, милою шутливостію, и, притомъ, очень остроумны.

Батюшковъ (1787-1855) родился въ Вологдѣ, участвовалъ въ походахъ, съ 1806 по 1812 годъ, потомъ служилъ при посольствѣ въ Неаполѣ. Онъ не долго подвизался на литературномъ поприщѣ и пересталъ писать уже въ 1820 году, въ слѣдствіе душевной болѣзни, не прекращавшейся до самой смерти. Но его кратковременная дѣятельность не осталась безъ вліянія на развитіе Словесности и образованіе писателей послѣдующихъ.

Въ прозаическихъ своихъ сочиненіяхъ, которыя состоятъ изъ философскихъ и критическихъ статей (*Вечеръ у Кантемира*, *О характерѣ Ломоносова; Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи*), изъ описаній (*Отрывокъ изъ писемъ Русскаго офицера о Финляндіи*) и повѣстей изъ стараго Русскаго міра (*Предслава и Добрыня*) онъ былъ послѣдователемъ Карамзина, относительно слога и теоретическихъ понятій о Словесности.

Къ замѣчательнѣйшимъ его стихотвореніямъ принадлежатъ: *Умирающій Тассъ*, *На развалинахъ замка въ Швеціи*, *Гомеръ и Гезіодъ соперники*, сказка *Странствователь и домосѣдъ*, *На переходѣ черезъ Рейнъ*, *Плѣнникъ* и разныя мелкія лирическія стихотворенія

Батюшковъ владѣлъ истиннымъ поэтическимъ даромъ и развилъ его основательнымъ воспитаніемъ, подъ руководствомъ дяди своего М. Н. Муравьева(*), бывшаго тогда Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа, а также изученіемъ Италіянскихъ поэтовъ, коимъ онъ преимущественно сочувствовалъ. Отличительная черта его поэзіи состоитъ въ стройномъ равновѣсіи воображенія и чувства, но особенно въ художественной обработкѣ стиха. Трудами его и слѣдующихъ за нимъ поэтовъ Русскій стихотворный языкъ освобожденъ отъ тѣхъ недостатковъ, которыми онъ страдалъ у поэтовъ прошлаго столѣтія, именно отъ устарѣлыхъ формъ, напримѣръ, неумѣстнаго усѣченнаго окончанія прилагательныхъ и причастій страдательныхъ, отъ запутанной разстановки словъ и неестественныхъ удареній. Произведенія Батюшкова изобилуютъ мелодическими, гармоническими стихами, которые прежде изрѣдка только встрѣчались у Ломоносова и Державина.

Характеръ его поэзіи, выразившейся преимущественно въ формѣ элегіи, составляетъ изящное наслажденіе жизнію и дѣйствительностію.

§ 22. *Крыловъ* (1768—1844) родился въ Москвѣ, былъ сынъ бѣднаго армейскаго офицера и въ дѣтствѣ еще лишившись отца, воспитанъ матерью въ Твери, служилъ по гражданской части, послѣдніе 32 года своей жизни при Императорской Публичной Библіотекѣ. Онъ писалъ сперва комедіи, изъ которыхъ лучшими считаются: *Модная лавка*, гдѣ преслѣдовалъ развратительныя интриги Французскихъ торговокъ модными нарядами, и *Урокъ дочкамъ*, насмѣшка надъ пристрастіемъ къ Французскому языку. Въ концѣ прошлаго столѣтія онъ издавалъ журналы: *Почта духовъ*, *Зритель*, *С.-Петербургскій Меркурій*. Въ нихъ онъ безпощадно осмѣивалъ неразумныя стороны особенно высшаго тогдашняго общества.

Съ 1806-го года Крыловъ посвятилъ себя исключительно сочиненію басенъ, которыхъ написалъ 197, въ томъ числѣ 30 переводныхъ и подражательныхъ. Чаще другихъ заучиваются наизусть его: *Гуси*, *Обозъ*, *Слонъ и Моська*, *Оселъ и Соловей*, *Котъ и Поваръ*, *Тришкинъ кафтанъ*, *Демьянова уха*, *Квартетъ*, *Крестьянинъ и Работникъ* и др. Многія басни созданы имъ въ отвѣтъ на важнѣйшіе вопросы новаго времени; въ нѣкоторыхъ высказано глубоко-вѣрное мнѣніе объ извѣстнѣйшихъ современныхъ ему историческихъ лицахъ.

Вообще же въ басняхъ его нравится не одна живость и простодушіе разсказа, забавность дѣйствія, мѣткость сатиры или нази-

---

(*) Извѣстенъ также какъ писатель и сочинитель статей преимущественно въ дидактическомъ родѣ: *Эмиліевы письма*, *Обитатель предмѣстья*, *Опыты Исторіи* и др. Онъ писалъ бóльшею частію для своихъ питомцевъ, Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей, при которыхъ находился въ званіи Наставника Русской Словесности и Исторіи.

дательность нравоученія, которое онъ чаще всего предоставляетъ выводить самому читателю; но онѣ прельщаютъ всѣмъ своимъ составомъ какъ истыя народныя произведенія. Самъ Крыловъ, по нраву и привычкамъ, былъ типомъ многихъ духовныхъ сторонъ Русскаго человѣка, и въ басняхъ его выразился совершенно Русскій взглядъ на жизнь, въ картинахъ и образахъ, которые весьма близки Русскому уму и воображенію. Сверхъ того, въ басняхъ его плѣняетъ неистощимая шутливость, умѣнье ввернуть красное словцо, умѣнье краснорѣчиво молчать, и, наконецъ, чистый народный языкъ, соединенный съ художественною отдѣлкою и оконченностію выраженія (*).

§ 23. *Мерзляковъ* (1778—1830) родился въ Перми, и былъ сынъ монастырскаго служки. Стихотвореніе, написанное имъ на 14 году по случаю заключенія мира съ Швеціею, было представлено на воззрѣніе Императрицы Екатерины II, и Государыня велѣла воспитывать его въ Московскомъ Университетѣ и сообщать ей каждые полгода объ его успѣхахъ. По окончаніи курса въ Университетѣ, Мерзляковъ занялъ въ немъ мѣсто Профессора, славился необыкновеннымъ даромъ слова и основательными критиками, а также своими университетскими и публичными чтеніями о Словесности, на развитіе которой имѣлъ, въ свое время, замѣтное вліяніе. Къ сожалѣнію, онъ распространялъ или начала Французской классической школы, или шаткія эклектическія воззрѣнія, которыя, впрочемъ, нерѣдко уступали его тонкому природному вкусу и истинно поэтическому дарованію. Онъ перевелъ, между прочимъ, *Освобожденный Іерусалимъ* Тассо, *Эклоги* Виргилія, нѣсколько отрывковъ изъ Гомера и Греческихъ трагиковъ, преимущественно Эврипида. Но замѣчательнѣе его романсы и переложенія Русскихъ народныхъ пѣсенъ или подражанія имъ, въ

(*) Князь Вяземскій воспѣлъ Крылова на юбилеѣ слѣдующими стихами:

Мудрецъ игривый и глубокій,
Простосердечное дитя,
И дочкамъ онъ давалъ уроки,
И батюшекъ училъ шутя.
Искуствомъ ловкаго обмана
Гдѣ и кольнетъ изъ-подъ пера:
Тамъ *Петръ киваетъ на Ивана,*
Иванъ киваетъ на Петра.
Гдѣ нужно, онъ навесть умѣетъ
Свое волшебное стекло,
И въ зеркалѣ его яснѣетъ
Суровой истины чело.
Весь міръ въ рукахъ у чародѣя,
Всѣ твари дань ему несутъ:
По дудкѣ нашего Орфея
Всѣ звѣри пляшутъ и поютъ.
Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ,
И слава эта — наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ и т. д.

которыхъ онъ умѣлъ удержать, отчасти, первобытную простоту и глубину чувства, какъ, на примѣръ, въ пѣсняхъ: *Ахти горе великое*, *Среди долины ровныя* и др.

Гнѣдичъ (1784—1833) былъ родомъ изъ Малороссіи, воспитывался въ Московскомъ Университетѣ, служилъ при Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. Главный подвигъ его жизни и плодъ двадцатилѣтняго труда составляетъ переводъ Гомеровой Иліады*) гекзаметрами. Переводъ этотъ очень близокъ къ подлиннику, и знающему Греческій языкъ живо напоминаетъ, хотя и не замѣняетъ его. Пушкинъ отозвался о немъ превосходнымъ двустишіемъ:

Слышу божественный гласъ умолкнувшей эллинской рѣчи
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Обильнымъ употребленіемъ Славянскихъ словъ Гнѣдичу удается иногда воспроизвесть величавые образы Гомеровскихъ боговъ и героевъ, но неподражаемой простоты, слитой съ торжественною важностію и сановитостію патріархальнаго быта нѣтъ и слѣдовъ въ искуственномъ языкѣ Гнѣдича. Самые гекзаметры его нерѣдко тяжелы и принуждены.

Къ другимъ замѣчательнымъ его стихотвореніямъ принадлежатъ: *Рожденіе Гомера*, поэма въ двухъ пѣсняхъ, идиллія *Рыбаки*, и, особенно удаченъ, переводъ ново-Греческихъ народныхъ пѣсенъ.

§ 24. Изъ драматическихъ писателей въ первомъ отдѣлѣ этого періода наиболѣе извѣстны: Озеровъ, Князь Шаховской и Хмѣльницкій.

Озеровъ (1770—1816) воспитывался въ Кадетскомъ корпусѣ, служилъ до чина Генералъ-Маіора въ военной службѣ и потомъ перешелъ въ гражданскую. Онъ написалъ пять трагедій въ стихахъ, и всѣ онѣ принадлежатъ, по характеру сочиненія, къ разряду тѣхъ произведеній, въ которыхъ Литература наша является подражательною Французской ложной классической школѣ.

(*) Греческихъ классиковъ переводилъ у насъ прозой около того времени *Мартыновъ*, издавшій, съ объясненіями, переводы: Гомера, Геродота, Эзопа, Анакреона, Пиндара, Софокла, Каллимаха и Лонгина.

Въ это же время извѣстны были еще лирическіе писатели: *В. Пушкинъ*, дядя знаменитаго А. С. Пушкина, писавшій мелкія лирическія и дидактическія стихотворенія, для тогдашняго времени весьма легкія и пріятныя. *Воейковъ* замѣчателенъ какъ переводчикъ Делилевой дидактической поэмы *Сады*, Виргилія *Георгикъ* и *Эклогъ;* кромѣ того, очень забавною сатирою на современныхъ писателей *Домъ сумасшедшихъ*. *Давыдовъ* прославился своими воинскими пѣснями и посланіями, въ которыхъ воспѣваются удальство и пиры военной молодежи. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ его стихотвореній есть *Современная пѣсня*, сатира на приверженцевъ Западнаго либерализма. Значеніе его поэзіи весьма удачно очертилъ Языковъ стихами:

Не умретъ твой стихъ могучій,
Достопамятно живой,
Упоительный, кипучій,
И воинственно летучій,
И разгульно удалой.

Милоновъ былъ сочинитель элегій и сатиръ, *Александръ Измайловъ* пользовался извѣстностію преимущественно какъ баснописецъ, а *Нахимовъ*, заклятой врагъ Французскаго воспитанія и взяточничества, сильно преслѣдовалъ ихъ своими сатирами и эпиграммами.

Къ лучшимъ его трагедіямъ принадлежатъ: *Эдипъ въ Аѳинахъ*, подражаніе Французскому трагику Дюсису, который передѣлывалъ свои трагедіи изъ Софокловыхъ и Шекспировыхъ; *Фингалъ*, заимствованная изъ одной пѣсни Оссіана, и *Дмитрій Донской*, имѣвшая большой успѣхъ въ эпоху отечественной войны. Слабѣе другихъ *Ярополкъ и Олегъ*, также *Поликсена*.

Въ ряду драматурговъ, Озеровъ стоитъ выше всѣхъ своихъ предшественниковъ не только по плану трагедій, но по языку и совершенству стиха.

Преобладающій характеръ его произведеній составляетъ чувствительность, которою онъ нерѣдко исторгалъ невольныя слезы изъ глазъ зрителей. Хотя большинству Русской театральной публики были чужды многознаменательныя преданія древней Греціи, ея бытъ и вѣрованія, но поэтъ умѣлъ увлекать вниманіе зрителей и трогать сердца ихъ сильнымъ изображеніемъ (*) дѣтской и родительской любви и другихъ общечеловѣческихъ чувствъ.

Кн. Шаховской (1777—1846) былъ драматическій писатель, извѣстный не столько великимъ дорованіемъ, сколько страстною любовью къ сценическому искусству, образованіемъ отличныхъ актеровъ и необыкновенною плодовитостію своего пера. Онъ написалъ всего около 80 піесъ. Лучшими считаются его легкія комедіи и водевили: *Липецкія воды*, *Своя семья*, *Аристофанъ*, *Пустодомы* и др. Кромѣ того онъ написалъ еще комическую поэму *Расхищенныя шубы*, въ которой, не смотря на тяжеловатый слогъ, довольно много истиннаго юмора. Произведенія его имѣли бы болѣе прочнаго художественнаго достоинства, еслибы составлялись не такъ поспѣшно и не были приноравливаемы къ способностямъ современныхъ сочинителю актеровъ.

Хмѣльницкій (1789—1846) извѣстенъ переводами комедій (*Школа женщинъ*, *Тартюфъ*), передѣлками (*Говорунъ*, *Воздушные замки*) и сочиненіемъ общежитейскихъ, высокосвѣтскихъ комедій (*Нерѣшительный*, *свѣтскій случай*), писанныхъ языкомъ легкимъ, правильнымъ и обработаннымъ, что и составляетъ главное ихъ достоинство, потому что въ нихъ нѣтъ ни творчества, ни народности.

(*) Объ Озеровѣ выразился Державинъ:

О ты, что собою представилъ
Софокла съ Оссіаномъ вдругъ,
Въ Эдипѣ намъ, въ бардахъ прославилъ
Расиновъ, Кребильоновъ духъ,
Дѣвъ слезъ ремесло.
Коль жалость и ужасъ вдыхаешь
И жжешь ты хладныя сердца,
Съ глазъ токи, съ душъ вздохи сзываешь.

а Капнистъ сказалъ:

Ты далъ почувствовать отраднымъ слезъ потокомъ,
Который изъ очей всѣхъ зрителей извлекъ,
Что къ сердцу близокъ намъ несчастный человѣкъ.

Ефимьевъ написалъ драму *Преступникъ отъ игры или братомъ проданная сестра*; *Ильинъ* извѣстенъ драмою *Великодушіе или рекрутскій наборъ*, а *Крюковскій* трагедіею *Пожарскій*.

Въ романѣ и повѣсти обнаруживалось въ времена Карамзина, съ одной стороны, вліяніе сообщеннаго имъ направленія, замѣтна была сентиментальность, а съ другой проявлялась наклонность къ сатирѣ. Основателемъ повѣсти былъ у насъ Карамзинъ, первымъ-же сочинителемъ романовъ является Херасковъ, но вообще сочиненія въ повѣствовательномъ родѣ стали у насъ распространяться и развиваться только въ эпоху Карамзина. *Бенитцкій* славился своими оригинальными разсказами, *Подшиваловъ* считался лучшимъ въ свое время переводчикомъ и былъ извѣстенъ своею автобіографіею *Къ дѣтямъ моимъ*, а *Нарѣжный* пользовался славою лучшаго романиста. По манерѣ его разсказа (*Бурсакъ*, *Два Ивана или страсть къ тяжбамъ*), которая въ послѣдствіи нѣсколько отразилась въ произведеніяхъ Гоголя, его можно назвать у насъ Несторомъ реальнаго направленія, составляющаго характеръ нашей новѣйшей Литературы.

Отдѣлъ 2.

§ 25. Важнѣйшія измѣненія въ направленіи Словесности на Западѣ, совершавшіяся тамъ въ слѣдствіе внутреннихъ условій развитія общественной жизни, повторились въ нашей въ слѣдствіе подражанія и пристрастія того или другаго двигателя нашей Словесности къ тому или другому западному образцу. Такъ Ломоносовъ и Сумароковъ, по случайнымъ условіямъ своего воспитанія, дали нашей Литературѣ направленіе, первый — Латино-нѣмецкое, второй — Французско-классическое; Карамзинъ, по избытку своей природной чувствительности, избралъ и ввелъ у насъ направленіе сентиментальное. Такъ и романтическая школа, возникшая въ западной Европѣ въ слѣдствіе ближайшаго ознакомленія съ народною средневѣковою поэзіею и съ истинно классическою поэзіею древнихъ, въ противодѣйствіе ложному классицизму Французовъ, открыта у насъ Жуковскимъ по сочувствію его къ поэзіи грустной, мечтательной и, преимущественно, къ Шиллеру. Отъ того у насъ романтизмъ, какъ явленіе случайное, не истекшее изъ жизни народа и потому временное, преходящее, хотя безспорно произвелъ благодѣтельное вліяніе на образованіе вкуса публики, на многостороннее развитіе Словесности и языка, но полнымъ представителемъ своимъ имѣлъ единственно Жуковскаго. Князь Вяземскій является критикомъ и историкомъ романтизма; въ другихъ же писателяхъ этой эпохи мы видимъ переходъ къ направленію народному, какъ то въ драматическомъ писателѣ Грибоѣдовѣ и писателяхъ романовъ Загоскинѣ, Лажечниковѣ, Полевомъ и проч.

§ 26. *Жуковскій* (1783 - 1852) получилъ образованіе въ Университетскомъ Благородномъ Пенсіонѣ въ Москвѣ, служилъ короткое время въ Московскомъ ополченіи 1812 года, а въ 1817 году поступилъ ко Двору, сперва преподавателемъ Русской Словесности при Великой Княгинѣ, нынѣ вдовствующей Императрицѣ Александрѣ Ѳеодо-

ровнѣ, потомъ занималъ должность Наставника при Наслѣдникѣ Престола нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ.

Литературное свое поприще началъ Жуковскій съ 1801 года въ тогдашнихъ журналахъ и, нѣкоторое время, самъ издавалъ *Вѣстникъ Европы.* Сперва писалъ онъ стихотворенія въ торжественномъ тонѣ, хотя умѣлъ бо́льшею частію избѣгнуть господствовавшей тогда напыщенности. Сюда относятся: Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ побѣдителей, На смерть Графа Каменскаго, Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ, Пѣвецъ въ Кремлѣ и др. Въ прозаическихъ повѣстяхъ и мелкихъ его стихотвореніяхъ того времени, романсахъ, пѣсняхъ, посланіяхъ замѣтно большое вліяніе введенной Карамзинымъ насильной чувствительности или сентиментальности. Въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ, именно въ балладахъ: *Свѣтлана*, *Людмила*, *Громобой*, *Вадимъ* Жуковскій стремился къ народности, хотя уже и въ нихъ начиналъ преобладать духъ Германской романтической поэзіи, которою онъ наконецъ совершенно увлекся и своими прекрасными переводами познакомилъ съ нею Русскую публику.

Къ переводамъ его принадлежатъ: изъ *Шиллера* баллады: Перчатка, Кубокъ, Рыцарь Тогенбургъ, Жалоба Цереры, Элевзинскій праздникъ, Счастіе, Торжество побѣдителя, Поликратовъ перстень, Ивиковы журавли и др.; пѣсни: Тоска по миломъ, Жалоба, Голосъ съ того свѣта, Желаніе, Мечты и пр. драма: Орлеанская дѣва; изъ *Гете:* Путешественникъ и поселянка, Орелъ и голубка, Лѣсной царь, Моя богиня; изъ *Уланда:* Побѣдитель, Три путника, Мщеніе, Плаваніе Карла Великаго, Три пѣсни, Роландъ оруженосецъ и. т. д.; изъ *Бюргера:* Людмила, передѣланная изъ «Леноры» и въ послѣдствіи вновь переведенная уже подъ этимъ послѣднимъ названіемъ; изъ *Байрона*: Шильонскій узникъ; изъ *Вальтеръ Скотта:* Замокъ Смальгольмъ; изъ *Гебеля:* Овсяный кисель, Красный карбункулъ, Воскресное утро въ деревнѣ и пр.; изъ *Грея:* элегія Сельское кладбище, переведенная два раза, въ 1802 году александрійскими стихами, а въ 1839 гекзаметромъ; изъ *Рюкерта:* Наль и Дамаянти, Рустемъ и Зорабъ,; изъ *Ламотъ Фуке:* Ундина.

Оригинальныя произведенія его составляютъ *баллады:* Людмила, Свѣтлана, Эолова арфа, Ахиллъ, Узникъ, Двѣнадцать спящихъ дѣвъ (изъ романа Шписа), Вадимъ, написанныя въ подражаніе Нѣмецкимъ; *элегіи:* Теонъ и Эсхинъ, Славянка, Вечеръ, Привидѣніе и пр. *романсы и пѣсни:* Пловецъ, Мотылекъ и цвѣты, Пѣвецъ, Народный гимнъ, Бородинская годовщина; *посланія:* Тургеневу, Батюшкову, Нинѣ, Филалету и др.

Вообще Жуковскій переводилъ только тѣхъ поэтовъ и преимущественно тѣ произведенія ихъ, которыя соотвѣтствовали его собственному меланхолическому и мечтательному настроенію души, отвлекавшейся отъ всего видимаго, плотскаго и любившей уноситься въ таинственный, загадочный міръ безплотныхъ духовъ и видѣній. Отсюда объясняется то рѣдкое въ литературномъ мірѣ явленіе, что Жу-

ковскій, какъ бы отказываясь отъ своей личности, вполнѣ сливался духомъ съ переводимымъ авторомъ, и переводъ его въ такомъ случаѣ производитъ въ насъ именно то-же ощущеніе, какое оригиналъ въ туземцахъ. Жуковскому удалось то, что едва ли кому другому удавалось, то есть, оставаясь почти слово въ слово вѣрнымъ подлиннику, сохранить чистоту переводнаго языка, и въ этомъ отношеніи онъ выше всякаго сравненія съ другими переводчиками.

Опыты Жуковскаго въ передачѣ стихами народныхъ Русскихъ сказокъ, на примѣръ: О царѣ Берендеѣ, О спящей царевнѣ, Объ Иванѣ царевичѣ и пр. не льзя назвать удачными, потому что промелькивающая въ нихъ романтическая мечтательность и Нѣмецкая отвлеченность совершенно чужды духу Русскихъ народныхъ сказокъ.

Послѣдній важный трудъ Жуковскаго представляетъ переводъ Одиссеи съ подстрочнаго Нѣмецкаго перевода. Жуковскій, безъ сомнѣнія, далеко превзошелъ своихъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ; тонкимъ поэтическимъ чутьемъ онъ угадалъ многія отличительныя красоты Гомерова эпоса и передалъ ихъ гекзаметромъ вполнѣ изящнымъ. Но и Жуковскій отчасти не избѣгъ недостатка перевода Гнѣдича, именно искуственности выраженій, даже иногда отступалъ намѣренно отъ подлинника, внося въ переводъ красоты новѣйшей поэзіи, столь несвойственныя духу древности. Въ этомъ отношеніи и переводъ Гнѣдича гораздо ближе къ подлиннику. Эпитеты Гомеровскіе переданы хотя удачнѣе, нежели у Гнѣдича, но все же не вполнѣ удовлетворительны, потому что или неясны, или слишкомъ изъисканны. Обиліе частицъ, отличительное свойство народной поэзіи, придающее языку что-то дѣтски-простодушное, а вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенную ясность и точность, въ переводѣ оставлено безъ вниманія.

Языкъ всѣхъ вообще стихотвореній Жуковскаго изобилуетъ образцами высшаго благозвучія; онъ ввелъ въ употребленіе множество новыхъ размѣровъ и воскресилъ убитый Тредьяковскимъ гекзаметръ. Пушкинъ, ученикъ Жуковскаго въ наукѣ стихотворства, всего лучше изобразилъ достоинство и духъ его произведеній слѣдующимъ пятистишіемъ:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И внемля имъ вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

§ 27. *Грибоѣдовъ* (1795—1829) воспитывался въ Московскомъ Университетѣ, былъ Полномочнымъ Министромъ при Дворѣ Персидскомъ и погибъ въ Тегеранѣ во время бунта тамошней черни, въ 1829 году.

Литературная извѣстность его главнымъ образомъ основана на его произведеніи *Горе отъ ума*, которая служитъ образцемъ чистой Русской комедіи. Писатель съ благороднымъ негодованіемъ нападаетъ въ ней на ложное, исключительно внѣшнее образованіе и про-

вратные взгляды нѣкоторыхъ круговъ современнаго ему высшаго общества. Не представляя собою художественнаго цѣлаго, эта образцовая комедія отличается художественнымъ изображеніемъ отдѣльныхъ характеровъ, представляетъ рядъ превосходныхъ сатиръ, изложенныхъ то въ формѣ монологовъ, то въ видѣ разговоровъ. Ею восхищались въ Россіи всѣ, прежде нежели она была еще напечатана и поставлена на сцену; многіе стихи изъ ней, по мѣткости выраженія и вѣрности мысли, обратились въ пословицы. Характеръ главнаго лица — Чацкаго, отчасти безличенъ, потому что онъ служитъ какъ бы сосудомъ, изъ котораго авторъ изливаетъ на общество свое негодованіе; но всѣ прочіе типы взяты прямо изъ дѣйствительности, полны жизни и правды. Вся комедія дышитъ возвышеннымъ патріотизмомъ и написана столь легкими и прекрасными стихами, вмѣстѣ столь свободнымъ и развязнымъ языкомъ, что досель приводитъ въ отчаяніе всѣхъ подражателей.

Князь Вяземскій старѣйшій изъ живущихъ нынѣ поэтовъ, въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, по большей части сатирическаго направленія, отличается благороднымъ остроуміемъ, своеобразною игривостію мысли, нерѣдко горячимъ чувствомъ и весьма удачнымъ выраженіемъ отличительной черты Русскаго характера — удальства. Имъ написано также много стихотвореній въ элегическомъ родѣ, между прочими: Плачъ и утѣшеніе (см. Хрест. ч. II. стр. 12), На церковное строеніе (см. Хрест. ч. II. стр. 11). Главнѣйшую же заслугу Словесности оказалъ онъ своими критическими трудами. Онъ былъ долгое время неутомимымъ сотрудникомъ многихъ журналовъ, словомъ и дѣломъ внушалъ обществу истинное понятіе о важности литературы, какъ представительницы успѣховъ общежитія, о высокомъ званіи писателя. Онъ написалъ единственныя въ своемъ родѣ біографіи знаменитѣйшихъ Русскихъ писателей, составилъ вѣрную оцѣнку ихъ твореній и тѣмъ много содѣйствовалъ къ установленію у насъ литературнаго мнѣнія и распространенія просвѣщеннаго вкуса.

§ 28. *Писатели романовъ и повѣстей.* Романъ и повѣсть, въ предшествовавшемъ отдѣлѣ едва начинавшіе входить въ употребленіе (см. § 24), сдѣлались въ настоящемъ отдѣлѣ любимымъ родомъ Словесности. Въ западной Европѣ уже задолго предъ тѣмъ славились романы знаменитыхъ писателей: Сервантеса (въ Испаніи), Ричардсона, Фильдинга и Валтеръ Скотта (въ Англіи), Руссó (во Франціи), Гете и др. Въ нихъ отражается государственный и семейный бытъ тѣхъ народовъ, въ разныя эпохи исторической ихъ жизни. Опираясь на всестороннее изученіе частнаго быта, романистъ угадываетъ и обнажаетъ предъ читателями внутреннюю сторону тѣхъ событій, которыя въ Исторіи представляются лишь своею блестящею, лицевою стороною, и такимъ образомъ пополняетъ историка. У насъ образцы такихъ художественныхъ романовъ въ бóльшемъ количествѣ являются уже въ послѣднемъ отдѣлѣ этого періода,

это Пушкина: «Капитанская дочка,» «Дубровскій,» Гоголя: «Тарасъ Бульба» и нѣкоторыя повѣсти Павлова, Даля, Вельтмана и другихъ новѣйшихъ писателей съ талантами второстепенными, которые, добросовѣстно изучивши созданія первыхъ, изображаютъ по слѣдамъ ихъ разныя сословія и разныя эпохи народной жизни, которая конечно не всегда бываетъ ими истинно понимаема, ни художественно воспроизводима.

Послѣ Нарѣжнаго (см. § 24.) бо́льшею извѣстностію пользовались у насъ въ свое время повѣсти и романы *Ѳ. В. Булгарина*, который издавна дѣйствовалъ также на журнальномъ поприщѣ; издавалъ прежде «Сѣверный Архивъ,» потомъ, вмѣстѣ съ Г. *Гречемъ*, «Сѣверную Пчелу». *Марлинскій* въ критическихъ статьяхъ своихъ, въ концѣ первой четверти нынѣшняго столѣтія, дѣйствовалъ съ немалымъ успѣхомъ противъ псевдоклассическаго Французскаго направленія. Его повѣсти историческія («Романъ и Ольга», «Наѣзды» и др.) слабѣе прочихъ, такъ какъ въ нихъ не угаданъ духъ изображаемой эпохи; выше цѣнятся его повѣсти, заимствованныя изъ высокосвѣтской жизни («Фрегатъ Надежда,» «Испытаніе,» «Лейтенантъ Бѣлозоръ») и изъ Кавказскаго быта («Мулла Нуръ», «Аммалатъ Бекъ»). По блестящему изложенію, занимательному ходу дѣйствія и обильному остроумію онѣ отчасти и донынѣ составляютъ любимое чтеніе многихъ. Справедливо, однако, упрекаютъ этого писателя въ страсти къ насильственнымъ эффектамъ, въ неумѣренномъ украшеніи природы, излишнемъ преувеличеніи страстей и внутреннемъ однообразіи представляемыхъ характеровъ. Языкъ его сочиненій цвѣтистый и нерѣдко изъисканный.

Загоскинъ, писавшій прежде въ драматическомъ родѣ (комедіи: Недовольные, Добрый малый и проч.), болѣе извѣстенъ своими романами и особенно прославился первымъ изъ нихъ: «*Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 году*. Ни одного романа, ни прежде ни послѣ того, не читали и не читаютъ у насъ такъ много, какъ этотъ, имѣвшій уже болѣе семи изданій. Въ немъ вполнѣ высказалось дарованіе автора съ его прекрасными личными качествами: веселостію, добродушіемъ и горячею любовію къ отечеству. Неотъемлемый даръ автора: искусство разсказа, особенное умѣнье кстати вводить въ дѣйствіе разговоръ и занимательно вести его, наконецъ, удачное изображеніе извѣстнаго рода характеровъ (слугъ и т. п.); слабая его сторона: безличность, слабохарактерность главныхъ героевъ и особенно героинь, блѣдное изображеніе духа эпохи, отсутствіе единства мысли, которая лежала-бы въ основѣ завязки. Прочіе его романы справедливо называютъ подражаніями его же первому роману: *Рославлевъ*, *Аскольдова могила*, *Искуситель*, *Тоска по родинѣ*, *Мирошевъ* (лучшій романъ послѣ Юрія Милославскаго), *Брынскій лѣсъ* и *Русскіе въ началѣ 18 столѣтія*. Изъ повѣстей лучшая — *Кузьма Рощинъ*.

Лажечниковъ въ трехъ своихъ романахъ: *Послѣдній Новикъ или Завоеваніе Лифляндіи*, *Ледяной домъ* (изъ временъ Анны Іоан-

новны) и *Басурманъ* (изъ временъ Іоанна III-го), отличается достоинствами, противоположными недостаткамъ романовъ Загоскина, то есть тщательнымъ изученіемъ духа эпохи и умѣньемъ представлять его ощутительно для читателя; характеры дѣйствующихъ лицъ не описаны имъ только, но изображены въ самомъ дѣйствіи, и выдержаны всегда превосходно. За то въ романахъ этого писателя есть свои недостатки, прямо противоположные достоинствамъ романовъ Загоскина, именно: дѣйствіе, особенно въ началѣ, тянется съ несносною медленностію, обременено множествомъ не всегда оживленныхъ описаній и часто не нужныхъ эпизодовъ; разговорная рѣчь иногда не имѣетъ естественной простоты и отзывается принужденностію, украшенностію.

Николай Полевой (1796—1846), сынъ Курскаго купца, среди занятій по своему званію, страстно предавался изученію наукъ и языковъ, одинъ, безъ учителей, по жалкимъ руководствамъ, и 24-хъ лѣтъ отъ роду, уже началъ издавать въ Москвѣ журналъ «Телеграфъ», имѣвшій необыкновенное, по тому времени, число читателей. Недостатки критическихъ статей, которыя Полевой помѣщалъ въ этомъ журналѣ, тѣ-же, что и въ его „*Исторіи Русскаго народа*", именно вездѣ видно поверхностное знакомство съ предметомъ, въ слѣдствіе отсутствія въ Авторѣ систематическаго образованія, стремленіе отличиться новизнами и отсюда незрѣлость выводовъ. Достоинство его Русской Исторіи, въ свое время, опредѣлили довольно вѣрно, сказавъ, что онъ началъ заниматься ею въ то время, когда уже началъ писать её. Подобное тому можно сказать и объ романахъ Полеваго: *Аббадонна, Клятва при гробѣ Господнемъ, Византійскія легенды*, хотя, мѣстами, они отличаются горячимъ, задушевнымъ чувствомъ и доказываютъ знакомство Автора съ пріемами геніальныхъ писателей въ этомъ родѣ; но тѣмъ почти и ограничиваются ихъ достоинство; художественнаго значенія они не имѣютъ. Полевой представилъ также опыты въ драматическомъ родѣ, каковы: *Параша Сибирячка, Дѣдушка Русскаго флота, Купецъ Иголкинъ;* лучшее въ нихъ — искренность патріотическаго чувства.

Отдѣлъ 3.

§ 29. Какъ въ предъидущихъ двухъ отдѣлахъ этого періода совершался постепенно переходъ отъ прежняго безусловнаго подражанія иностраннымъ образцамъ къ народному самосознанію, такъ въ настоящее время началось *самостоятельное развитіе народнаго ума и чувства въ наукахъ и изящной Словесности.* Этому стремленію споспѣшествуетъ Правительство, указывая частнымъ усиліямъ путь къ разработкѣ народности, по тремъ главнымъ направленіямъ, каковы: право, исторія и языкъ. Изученію отечественнаго права положено прочное основаніе изданіемъ *Полнаго собранія Законовъ Россійской Имперіи* въ 1830 г. За тѣмъ послѣдовалъ: *Сводъ Законовъ Рос—*

сійской Имперіи, 15 томовъ, въ 8 частяхъ. Первое изданіе въ 1833 г., второе въ 1842 году. Въ 1846 году вышло *Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ*. Эти важныя изданія — вѣчно славный памятникъ царствованія Императора *Николая I-го*, совершены были подъ главнымъ вѣдѣніемъ знаменитыхъ ученыхъ сановниковъ Графовъ Сперанскаго и Блудова. Около того же времени изданы: *Сводъ военныхъ узаконеній* и *Сводъ мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ*. Успѣхамъ отечественной Исторіи весьма много содѣйствуетъ Археографическая Коммиссія, издавшая, со времени своего учрежденія (1834), огромное число лѣтописей и актовъ историческаго и юридическаго содержанія. Явились важные труды по этому предмету: *Устрялова* (1), *Н. Полеваго* (2), *Арцыбашева* (3), *Бутурлина* (4), *Михайловскаго-Данилевскаго* (5), *Вейдемейера* (6), *Погодина* (7), *Соловьева* (8).

Надъ ученой обработкой Русскаго языка трудились преимущественно члены 2-го отдѣленія Академіи Наукъ, издавшей *Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка* въ 4 томахъ (1847), послѣ того *Словарь областныхъ нарѣчій*, какъ дополненіе предъидущаго, и общесравнительную *Грамматику Русскаго языка*.

Разностороннимъ изученіемъ отечества ревностно занимается *Русское географическое общество* (основанное 1846), обогащающее науку множествомъ важныхъ свѣдѣній, въ своихъ повременныхъ изданіяхъ. Весьма значительную пользу и въ этомъ отношеніи приносятъ *журналы*, выходящіе при разныхъ Министерствахъ, имѣющіе, впрочемъ, свое особенное назначеніе, равно какъ и губернскія вѣдомости, печатаемыя почти во всѣхъ губернскихъ городахъ. Главное же мѣсто, въ этомъ отношеніи, занимаютъ литературные журналы, присвоившіе себѣ, въ послѣднее 25-лѣтіе, столь важное значеніе, что могутъ быть считаемы представителями нашей Словесности, такъ какъ въ нихъ помѣщаются почти всѣ замѣчательнѣйшія произведенія не только изящной, но и ученой литературы; таковы журналы: *Отечественныя записки*, *Современникъ*, *Библіотека для чтенія* и многіе другіе, издаваемые въ Петербургѣ, *Русскій Вѣстникъ*, *Русская Бесѣда* въ Москвѣ.

Отличительною чертою настоящаго отдѣла можно принять очевидное преобладаніе дѣятельности ученой надъ произведеніями собственно изящной Словесности, что доказываетъ возмужалость общества, предпочитающаго строгую истину самымъ плѣнительнымъ

(1) Два курса полной Русской Исторіи, для Гимназій и Университетовъ.
(2) Исторія Русскаго народа, въ 6 томахъ, до Іоанна Грознаго. Русская Исторія для дѣтей въ 4 частяхъ. Исторія Петра В., въ 4 книгахъ.
(3) Повѣствованіе о Россіи, въ 6 томахъ.
(4) Исторія смутнаго времени въ Россіи въ началѣ 17. столѣтія.
(5) Исторія войнъ съ Французами, и также Шведской и Турецкой при Императорѣ Александрѣ 1-мъ.
(6) Исторія Русскихъ Государей прошлаго столѣтія, отъ смерти Петра В.
(7) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи. 5 томовъ.
(8) Исторія Россіи.

поэтическимъ вымысламъ. Пушкинъ внесъ въ литературу стихію художественности, представивъ образцы прекраснаго въ своихъ классическихъ произведеніяхъ; Крыловъ, по времени своей дѣятельности принадлежащій также и къ двумъ предъидущимъ отдѣламъ этого періода, положилъ начало воздѣлыванію народности. Въ слѣдъ за ними Гоголь сталъ изображать ее преимущественно съ отрицательной ея стороны и открылъ собою рядъ новѣйшихъ писателей, которые, въ романахъ и повѣстяхъ, разработываютъ, такъ сказать, аналитически, разныя стороны Русскаго быта вообще.

§ 30. *Пушкинъ* Александръ Сергѣевичъ (1799—1837) по отцу потомокъ древняго Русскаго боярскаго рода, съ материей стороны правнукъ Адмирала Абрама Петровича Ганнибала, изъ Негровъ, крестника Петра Великаго. Съ первыхъ лѣтъ младенчества знакомила его съ народностію, въ сказкахъ и пѣсняхъ, прославленная имъ въ послѣдствіи его няня Арина Родоновна; но вскорѣ эти впечатлѣнія были почти совсѣмъ изглажены его воспитателями — Французскими эмигрантами. Уже съ 9го года пристрастился онъ къ чтенію Французскихъ классиковъ, и тогда же написалъ на Французскомъ языкѣ одну драму и одну шуточную поэму, 12ти лѣтъ поступилъ Пушкинъ въ Царскосельскій Лицей, гдѣ удивлялъ наставниковъ своей необыкновенной памятью, учился однако не ревностно, любилъ сочинять стихи, особенно эпиграммы, которыя помѣщалъ въ Лицейскихъ рукописныхъ журналахъ («Лицейскій Мудрецъ», «Неопытное Перо« и проч.).

Лицейскія стихотворенія. Изъ числа 120 своихъ лицейскихъ лирическихъ стихотвореній, Поэтъ самъ выбралъ послѣ (1826) и напечаталъ только 23; почти во всѣхъ воспѣваются радости жизни и наслажденія юности — предметъ такъ называемой Анакреонтической поэзіи; по содержанію, въ нихъ очевидно подражаніе Батюшкову; по языку ему же и Жуковскому. Въ 1817мъ году Пушкинъ окончилъ курсъ въ Лицеѣ съ чиномъ 10го класса и записанъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Эпическія произведенія. Въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ своей самостоятельной жизни Пушкинъ написалъ много мелкихъ лирическихъ стихотвореній, встрѣченныхъ всеобщими похвалами, и въ 1820 году издалъ начатую еще въ Лицеѣ сказочную поэму 1) *Русланъ и Людмила*, по прочтеніи которой Жуковскій переслалъ автору свой портретъ съ надписью: «Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя.« Хотя содержаніе этой поэмы заимствовано изъ народныхъ сказокъ, но она написана не въ народномъ духѣ и даже съ нѣкоторою насмѣшливостію надъ сказочнымъ міромъ. Въ послѣдствіи времени Пушкинъ самъ находилъ свою поэму холодною по недостатку въ ней истиннаго чувства. Между тѣмъ, поэтъ нашъ, предававшійся всѣмъ увлеченіямъ юности, за крайнюю невоздержность въ своихъ рѣчахъ и запосчивость мнѣній и поступковъ былъ удаленъ изъ Петербурга и откомандированъ по службѣ къ Попечителю южныхъ Колонистовъ *Генералу* Инзову, въ Екатеринославль. Здѣсь заболѣлъ онъ лихорад-

кой, отпущенъ на Кавказскія воды, оттуда чрезъ Тамань и Крымъ возвратился къ Инзову, и съ нимъ вмѣстѣ переведенъ въ Кишиневъ, въ Бессарабію, а наконецъ въ Одессу къ Графу Воронцову, смѣнившему Инзова. Тамъ оставался поэтъ до 1824 года; тогда, вышедши въ отставку, переѣхалъ на житье въ родовую свою Псковскую деревню, Михайловское. Ко времени пребыванія Пушкина въ южной Россіи относятся, между прочимъ, его поэмы:

2) *Кавказскій Плѣнникъ*, 3) *Бахчисарайскій фонтанъ*, 4) *Цыганы*, 5) *Братья разбойники*.

Послѣднее сочиненіе есть только отрывокъ изъ большой поэмы, которую Авторъ сжегъ; другимъ отрывкомъ изъ тойже поэмы считаютъ стихотвореніе *Женихъ*. Первыя три поэмы, по мысли, отзываются вліяніемъ Байрона, котораго Пушкинъ называлъ въ то время «властителемъ своихъ думъ» («Къ морю»), отличаются преобладающимъ въ нихъ лирическимъ элементомъ и нѣсколько блѣднымъ изображеніемъ героевъ*). Но публика была въ восторгѣ отъ дивной гармоніи языка и неслыханной дотолѣ роскоши стиховъ и описаній. Вскорѣ послѣ того Пушкинъ, возвратившись въ Петербургъ снова, вступилъ въ службу по Иностранной Коллегіи, но обыкновенно уѣзжалъ въ свою деревню — Михайловское — на всё время осени, когда онъ особенно любилъ работать. Здѣсь написалъ онъ 6) поэму «*Полтава*» (1828), принятую холоднѣе обыкновеннаго, хотя Пушкинъ уже является въ ней, какъ и въ слѣдующихъ своихъ твореніяхъ, поэтомъ народнымъ въ высшемъ смыслѣ этого слова. Въ поэмѣ превосходно изображены характеры и дѣйствіе глубокихъ страстей; но ей вредитъ двойственность плана: важность роковой борьбы двухъ народовъ и величавые лики Петра и Карла затмѣваютъ собою трагическую судьбу частныхъ лицъ.

Тогда же написаны: 7) *Графъ Нулинъ*, стихотворная шуточная повѣсть, и 8) *Евгеній Онѣгинъ*, романъ въ стихахъ, котораго первая глава вышла въ 1825-мъ году, а послѣдняя уже въ 1832-мъ году. Это какъ бы дневникъ автора, гдѣ изобразилъ онъ всё, имъ прожитое, свое воззрѣніе на современную жизнь, столичную и деревенскую, съ смѣлою откровенностію, навлекшею на него много порицаній и гоненій. Въ романѣ безпрестанныя отступленія, гдѣ блеститъ мѣткое остроуміе, и множество характеровъ обрисовано живо и вѣрно.

Драматическія произведенія: 1) трагедія *Борисъ Годуновъ* — оживлённая поэтическимъ вдохновеніемъ картина занимательнѣй-

(*) О Кавказскомъ плѣнникѣ Пушкинъ самъ отзывается такъ: „Характеръ Плѣнника неудаченъ ... я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами 19-го вѣка. Вообще я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее ниже Руслана, хотя стихи въ ней зрѣлѣе ... (въ другомъ мѣстѣ) простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ Черкесскихъ не связано съ происшествіемъ. Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе роману, нежели поэмѣ, да и что за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодаго человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю!“

шей эпохи Русской Исторіи, — роковаго столкновенія двухъ издавна враждебныхъ народностей. Идея, вложенная поэтомъ въ свое твореніе — истинно народная и трагическая: неотвратимая никакою мудростію человѣческою кара Божія за пролитіе царственной крови, которая взыскана съ виновника и съ легкомысленнаго народа, предавшаго было забвенію стятотатственное дѣло (*).

Въ 1829-мъ году Пушкинъ ѣздилъ на Кавказъ и былъ свидѣтелемъ славныхъ подвиговъ нашего войска въ Азіятской Турціи («Путешествіе въ Азерумъ»). Въ 1830-мъ году, сосватавшись въ Москвѣ, передъ женитьбой, поѣхалъ онъ для устройства даннаго ему отцемъ Нижегородскаго имѣнія (Болдино) и надолго былъ удержанъ въ немъ карантинами, по случаю холеры. Тамъ написалъ онъ между прочимъ драматическія произведенія:

2) *Скупой рыцарь*, 3) *Моцартъ и Сальери*, 4) *Пиръ во время чумы* (**) *и* 5) *Донъ Жуанъ* или *Каменный гость*. Гораздо позже написаны были: 6) *Сцены изъ рыцарскихъ временъ*, — по собственной надписи Пушкина — только планъ, хотя и въ драматической формѣ; 7) *Русалка* (не окончено), образцовое, поэтическое воспроизведеніе быта старинной Руси.

Въ 1831-мъ году Пушкинъ, женившись, возвратился въ Петербургъ. Тогда написалъ онъ свои двѣ знаменитыя оды: *Клеветникамъ Россіи* и *Бородинская годовщина*, дышащія высокимъ, благороднымъ патріотизмомъ.

Русскія сказки и пѣсни Западныхъ Славянъ.

Около тогоже времени, въ видѣ поэтическаго состязанія Пушкинъ и Жуковскій сговорились написать по одной народной сказкѣ. Жуковскаго двѣ сказки: *О спящей царевнѣ* и *Царь Берендей* при всемъ своемъ поэтическомъ достоинствѣ, оказались чуждыми духу Русской народности. Пушкина сказка «*О Царѣ Салтанѣ*» хотя подверглась укоризнѣ со стороны критиковъ за ироническій колоритъ свой, за скопленіе сказочныхъ чудесъ — какъ бы на́-смѣхъ; но это отнюдь не противорѣчитъ духу народныхъ сказокъ, въ которыхъ (какъ это видѣли мы въ отдѣлѣ объ устной народной поэзіи) нерѣдко можно замѣтить умыселъ разскащика потѣшиться на счетъ легковѣрія слушателей. Не ограничившись однимъ этимъ опытомъ, Пушкинъ написалъ еще сказки: 2) *О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ*, 3) *О золотомъ пѣтушкѣ*, въ которыхъ уже нѣтъ болѣе затаенной насмѣш-

(*) Пушкинъ говоритъ такъ объ этой своей трагедіи: „Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ всё, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣждевіе, что мною употреблены всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ.... По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохъ и лицъ историческихъ, не гоняясь за сценическими эффектами, романическими вспышками и проч.“

(**) Переводъ 4-й сцены 1-го акта Уильсоновой драмы: The city of the Plague. Но здѣсь пѣсни Мери и Президента принадлежатъ самому Пушкину. Піэсу „Скупой рыцарь“ Пушкинъ также назвалъ переводомъ изъ Англійскаго поэта Ченстона, но *такого* поэта въ Англіи никогда не бывало.

ливости, 4) *О рыбакѣ и рыбкѣ*, написана стариннымъ размѣромъ народныхъ пѣсенъ, и наконецъ 5) *О купцѣ Остолопѣ* виршами (Knüttelverse), какія употребительны въ новѣйшихъ народныхъ сказкахъ. Языкъ двухъ послѣднихъ сказокъ таковъ, что можно подумать, будто онѣ не самимъ Пушкинымъ сочинены, а только имъ записаны со словъ какого-нибудь крестьянина-сказочника.

Вѣрное пониманіе духа обще-Славянской народности Пушкинъ выразилъ въ своихъ *Пѣсняхъ западныхъ Славянъ*. Изъ числа ихъ 11 (всѣхъ 29) заимствовалъ онъ изъ книги Французскаго поэта Мериме́, который переложилъ въ легенды извѣстія аббата Форти, путешествовавшаго по Далмаціи, и выдалъ ихъ за народныя пѣсни Славянъ. Впрочемъ, Пушкинъ не вѣрилъ ихъ подлинности и значительно ихъ передѣлалъ.

Прозаическія сочиненія. Съ 1832-го года Пушкинъ началъ писать большею частію въ прозѣ. Изъ стихотвореній, написанныхъ имъ въ это время, замѣчательнѣйшее есть *Мѣдный всадникъ*. Это, какъ полагаютъ, есть вторая половина большой поэмы — неконченной; отъ первой остался одинъ отрывокъ, подъ названіемъ: *Родословная моего героя*. Въ слѣдствіе этой разрозненности, характеръ героя является только въ неясныхъ очеркахъ; но картина страшнаго Петербургскаго наводненія начертана кистію великаго художника. Послѣдніе годы своей жизни Пушкинъ посвятилъ приготовленіямъ къ сочиненію Исторіи Петра Великаго и большую часть времени проводилъ въ архивахъ. Воспользовавшись любопытными документами, которые представились ему при его историческихъ изысканіяхъ, онъ въ 1833 году написалъ *Исторію Пугачевскаго бунта*; въ награду пожалованъ былъ въ Каммеръ-Юнкеры и, для напечатанія книги, получилъ 20 тысячъ руб. асс., въ займы. Тогда же издалъ онъ свои превосходныя повѣсти: *Капитанская дочка* и *Дубровскій* (еще пять повѣстей издалъ онъ гораздо прежде, подъ псевдонимомъ Бѣлкина). Здѣсь поэтъ указалъ всѣмъ послѣдующимъ нашимъ нувеллистамъ условія изящнаго романа изъ Русской жизни и какимъ образомъ поэзія можетъ входить въ соприкосновеніе съ различными ея сферами. Эти блистательныя попытки заставляли ожидать отъ Пушкина историческихъ романовъ въ родѣ того, какой онъ самъ обѣщалъ: «Богъ дастъ, мы напишемъ историческій романъ, которымъ и чужіе полюбуются.»

Послѣдній годъ своей жизни Пушкинъ много работалъ для основаннаго имъ журнала *Современникъ* и подготовилъ уже до 5 томовъ матеріяловъ для Исторіи Петра Великаго. Правительство щедро ободряло труды его: въ 1835 году ссужено ему было 30 т. р. асс. безъ процентовъ, съ уплатою изъ жилованья. При смерти его весь долгъ его былъ ему прощенъ и выдано еще 50 т. р. на напечатаніе его сочиненій, за которыя выручка должна была составить капиталъ для его дѣтей. Кончина Пушкина прекрасно описана Жуковскимъ въ письмѣ къ отцу поэта.

Въ поэзіи Пушкина отозвались и классическое направленіе нашей Словесности, вліяніемъ на него (въ лицейскихъ стихотвореніяхъ) Итальянскихъ поэтовъ и Батюшкова, и романтизмъ — Байроновскимъ разочарованіемъ (въ первыхъ его поэмахъ); но въ лучшихъ и болѣе зрѣлыхъ своихъ твореніяхъ, каковы: Борисъ Годуновъ, Евгеній Онѣгинъ, Полтава, повѣсти и нѣкоторыя мелкія лирическія стихотворенія (особенно: Утопленникъ, Бѣсы, Женихъ, Гусаръ, Зимнее утро, Стансы, Осень, Дорожныя жалобы и проч.), Пушкинъ открываетъ новое художественно-народное направленіе Словесности. Отдѣльные элементы изящнаго, которые нравятся намъ по частямъ въ Ломоносовѣ, Державинѣ, Карамзинѣ и Крыловѣ, находимъ мы у него въ стройной, ясной, сознательной полнотѣ. Истинно Русскій взглядъ на жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, вѣрное (безъ прикрасъ) изображеніе природы Русскихъ странъ и Русскаго человѣка *), особенно высшихъ сословій, безпристрастное воззрѣніе на историческія судьбы нашего отечества и надежды его въ будущемъ, — всё это читаемъ мы у Пушкина въ стихахъ, которые всегда будутъ приводить въ восторгъ Русскихъ читателей, въ прозаическихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ настоящія поколѣнія учатся благородной простотѣ языка и изяществу слога. Въ стихахъ Пушкинъ является великимъ художникомъ, въ прозѣ онъ освободилъ Русскій языкъ отъ излишнихъ прикрасъ, которыми, какъ необходимою роскошью, прежніе писатели убирали юную Русскую рѣчь; подъ перомъ Пушкина является она возмужалою: языкъ его сжатъ и ясенъ, простъ и силенъ. Пушкинъ на столько слилъ устный языкъ съ литературнымъ, что послѣдній, при всей своей изящной формѣ, сталъ понятенъ для всѣхъ классовъ народа.

§ 31. Изъ современныхъ Пушкину поэтовъ замѣчательны три его друга: Баратынскій, Дельвигъ и Языковъ, далеко уступавшіе ему въ силѣ дарованія, но имѣвшіе также свои неоспоримыя достоинства; всѣ трое писали наиболѣе въ лирическомъ направленіи.

Баратынскій († 1845) — пѣвецъ грустныхъ думъ, разочарованія искренняго и тяжкихъ сомнѣній Печальное созерцаніе жизни брало перевѣсъ въ его твореніяхъ надъ пареніемъ фантазіи и одушевленіемъ чувства. Хотя, въ слѣдствіе этого однообразнаго настроенія духа, онъ не былъ въ свое время любимцемъ публики, но по самобытности, искренности выстраданныхъ чувствъ, а также не рѣдко по изящной отдѣлкѣ стиха, заслуживаетъ изученія. Извѣстнѣйшія его произведенія, лирическія поэмы: Эда, Пиры, Балъ, Цыганка и множество мелкихъ стихотвореній.

Дельвигъ (1793—1830) лицейскій товарищъ Пушкина. Сферою его были антологическія стихотворенія и подражанія народнымъ Рус-

(*) Впрочемъ, многостороннему поэтическому генію Пушкина были доступны народности разнороднѣйшихъ странъ и временъ: его *Сцены изъ Фауста* и *Божественной Комедіи* кажутся отрывками изъ этихъ великихъ произведеній, между тѣмъ какъ это его оригинальныя сочиненія. Въ *Каменномъ гостѣ* онъ переноситъ читателя какъ бы на яву въ Испанію; по вѣрности колорита удивительны также его *Подражанія восточнымъ стихотворцамъ*: Еврейскимъ и Корану.

скимъ пѣснямъ, плѣняющія читателя простодушнымъ и вмѣстѣ художественнымъ изображеніемъ кроткихъ, мирныхъ, иногда грустныхъ чувствъ. До сихъ поръ остается онъ любимцемъ лучшихъ Русскихъ композиторовъ: Варламова, Глинки, Алябьева и пр. Изъ пѣсенъ его многія сдѣлались вполнѣ народными, напр. Соловей, Кольцо душидѣвицы и пр. Его шесть идиллій, и изъ нихъ особенно Купальницы, Отставной солдатъ, суть лучшія въ нашей Словесности.

Языковъ († 1846) воспитывался въ Дертпскомъ Университетѣ и сперва писалъ разгульныя пѣсни молодости, въ которыхъ и доселѣ не знаетъ себѣ соперника. Въ послѣдствіи прославили его еще болѣе стихотворенія патріотическаго и религіознаго содержанія, напр. Эвпатій, Ливонія, переложенія псалмовъ. Не безъ основанія сравниваютъ его съ Державинымъ, съ которымъ онъ имѣетъ много общаго, какъ по увлеченію воображенія и чувства, по пылкой рѣчи, такъ съ другой стороны, по неровности стиха и невыдержанности вдохновенія (*).

§ 32. Рядъ новѣйшихъ поэтовъ, писавшихъ послѣ Пушкина, открываетъ Лермонтовъ; за нимъ слѣдуютъ Бенедиктовъ, Хомяковъ, Гр. Растопчина, Майковъ и др.

Лермонтовъ († 1841), умершій въ самомъ началѣ литературнаго поприща, оставилъ намъ почти только начатки своей поэзіи. Нѣкоторыя лирическія его стихотворенія проникнуты суровою грустью (*Печально я гляжу.*), доходящею даже до мизантропіи; но стихотворенія, внушенныя поэту величественной природою Кавказа, гдѣ онъ служилъ въ послѣдніе годы своей жизни, были встрѣчены какъ блистательные опыты первокласснаго поэта; таковы лирическія поэмы: *Мцыри*, *Хаджи Абрекъ*, *Измаилъ Бей* и проч. Лермонтовъ коснулся также и народной поэзіи, написавъ въ духѣ ея три лучшія свои стихотворенія: *Казачья колыбельная пѣснь*, *Бородино* и *Пѣсня про Царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова*. Стихъ Лермонтова, хотя въ слѣдствіе его ранней смерти еще не вполнѣ выработался, нерѣдко лишенъ поэтическаго лаконизма и вообще не достигъ художественной зрѣлости стиха Пушкинскаго; но лишь сему послѣднему онъ и уступаетъ въ изяществѣ.

Въ прозѣ Лермонтовъ написалъ рядъ повѣстей, подъ названіемъ *Герой нашего времени*. Кромѣ прекраснаго слога и яркаго изображенія нѣкоторыхъ характеровъ и Кавказскаго быта, онѣ обращаютъ на себя вниманіе также странностію дѣйствующаго во всѣхъ

(*) Заслуживаютъ упоминанія стихотворцы тойже эпохи: *Козловъ* († 1842), поэтъ слѣпецъ — съ грустною элегическою лирою. Кромѣ нѣкоторыхъ прекрасныхъ переводовъ изъ Байрона, В. Скотта, Шенье и др., извѣстны его лирическія поэмы: Чернецъ, Наталья Долгорукая, Безумная; онѣ и д нынѣ читаются съ удовольствіемъ. *Глинка*, Θеодоръ, славится удачными переложеніями изъ Свящ. Писанія и патріотическими стихотвореніями. *Подолинскій* въ своихъ лирическихъ поэмахъ: Дивъ и Пери, Владиміръ Борскій, отличается изящнымъ стихомъ, но бѣденъ содержаніемъ. *Веневитиновъ* (1805—1826) страстный поклонникъ науки; своими стихотвореніями с тами подавалъ много надеждъ, не исполнившихся въ слѣдствіе ранней его см *Полежаевъ* въ звучныхъ стихахъ выражалъ иногда истинное поэтическое од вленіе не всегда впрочемъ достойными предметами.

нихъ главнаго лица, Печорина, человѣка, надѣленнаго высокими духовными дарами, но не умѣющаго или не желающаго найдти для себя приличной дѣятельности. Типъ этотъ чуждъ дѣйствительной Русской жизни и не можетъ быть названъ героемъ, по крайней мѣрѣ, нашей страны, а потому не возбуждаетъ къ себѣ полнаго участія.

Бенедиктовъ писалъ короткое время въ лирическомъ родѣ, стихотворенія, поражавшія сначала своею эффектностію, а вмѣстѣ и изысканностію; великолѣпіе стиховъ его зависитъ часто лишь отъ неестественнаго напряженія фантазіи или даже только отъ риторическаго подбора словъ, при чемъ содержаніе можно назвать скуднымъ, сравнительно съ роскошью формы.

Хомяковъ, извѣстный многосторонней ученостію, въ молодости написалъ двѣ трагедіи: *Ермакъ* и *Дмитрій Самозванецъ*, гдѣ не рѣдко встрѣчается истинное вдохновеніе, но самые герои чрезвычайно идеализованы. Мелкія его стихотворенія отличаются жаркимъ патріотизмомъ, но стихъ его послѣ Пушкина и Лермонтова кажется иногда тяжеловатымъ.

Стихотворенія *Графини Растопчиной* отличаются поэтическимъ изліяніемъ летучихъ впечатлѣній свѣтской жизни, измѣнчивыхъ сердечныхъ чувствъ и мечтательныхъ, меланхолическихъ думъ; особенное участіе возбуждаютъ ея стихотворныя повѣсти.

Майковъ. Первые его опыты въ описательной поэзіи, по пластической красотѣ стиха и по глубокому сочувствію природѣ, возбудили весьма большія надежды. Позже явились его: *Три Судьбы*, *Очерки Рима*; послѣднее собраніе его стихотвореній подъ названіемъ: *1854-й годъ* дышатъ пламеннымъ патріотизмомъ.

Кольцовъ (1809—1842), пѣвецъ простонароднаго быта, котораго горе и радости зналъ онъ не по наблюденію только, а по собственному опыту. Онъ былъ Воронежскій мѣщанинъ и занимался прасольствомъ (торговлей скотомъ). Въ нѣкоторыхъ его пѣсняхъ встрѣчаемъ отличительныя красоты народныхъ пѣсенъ: искренность и силу чувства; кромѣ того какую то удалую размашистость мысли и выраженія.

Замѣчательнѣйшіе изъ современныхъ намъ лириковъ: Мей, Фетъ, Огаревъ, Полонскій, Щербина, Гербель, Миллеръ и др.

§ 33. Во главѣ прозаическихъ писателей этого отдѣла стоитъ Гоголь († 1852), родомъ Малороссъ, воспитанникъ Нѣжинскаго Лицея. Въ первый разъ явился онъ литературѣ съ сборникомъ учено-литературныхъ статей, изданныхъ подъ именемъ *Арабесокъ*. Онъ обратилъ на себя вниманіе самобытностію взгляда, глубиною мысли, чувства и поэтическимъ ихъ выраженіемъ. Вскорѣ за

тѣмъ онъ утвердилъ свою извѣстность двумя сборниками повѣстей: *Вечера на хуторѣ близь Диканьки* и *Миргородѣ*. Здѣсь дѣйствія и характеры почерпнуты изъ Малороссійскаго быта и обличали въ Авторѣ удивительный даръ наблюдательности, юморъ веселый и простодушный, который не препятствовалъ ему возноситься къ созданію умилительныхъ сценъ добродушія («Старосвѣтскіе помѣщики») и могучихъ характеровъ («Тарасъ Бульба»). Но въ главнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, въ комедіи «Ревизоръ» и въ поэмѣ «Мертвыя души», Гоголь весь предался влеченію своего юмора, который уже не сопровождался прежнимъ добросердечнымъ смѣхомъ и беззаботною шутливостію, напротивъ — произвелъ тягостное впечатлѣніе на читателей затаеннымъ презрѣніемъ къ изображаемымъ лицамъ, которыя всѣ, сряду, или ничтожны или уродливы въ нравственномъ смыслѣ. Одна часть публики стала смотрѣть на Гоголя не болѣе какъ на талантливаго каррикатуриста, между тѣмъ какъ другая, несравненно большая была въ полномъ отъ него восторгѣ, и явился цѣлый рядъ юмористическихъ нравоописателей, составившихъ такъ называемую натуральную школу. Гоголь самъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ значеніе своихъ произведеній: «Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей. Оно въ послѣдствіи усугубилось во мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нимъ нѣкотораго душевнаго обстоятельства. Это свойство выступило съ большею силою въ «Мертвыхъ душахъ.» «Мертвыя души» не потому такъ испугали многихъ и произвели такой шумъ, чтобы онѣ раскрыли какія нибудь раны общества, или внутреннія болѣзни, и не потому также, чтобы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ни чуть не бывало. Герои мои вовсе не злодѣи: прибавь я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлѣе другаго, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть, или перевести духъ бѣдному читателю, и что по прочтеніи всей книги кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ . . . . . . Явленіе замѣчательное! Испугъ прекрасный! Въ комъ такое сильное отвращеніе отъ ничтожнаго, въ томъ, вѣрно, заключено всё то, что противоположно ничтожному.» Гоголь утѣшалъ читателей обѣщаніемъ въ послѣдующихъ томахъ «Мертвыхъ душъ» представить и другую, свѣтлую сторону Русскаго міра, героевъ добра и правды, идеалы

стой красоты: «Инымъ ключемъ», говорилъ онъ, «грозная вьюга вдохновенья поднимется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей» Но, какъ справедливо замѣтилъ Профессоръ Шевыревъ (Москвитянинъ № I 1848), «если отъ высокаго до смѣшнаго только шагъ, то на оборотъ отъ смѣшнаго до высокаго нѣтъ пути, — между ними бездна. Когда вся пошлость дѣйствительной жизни поднята была хохотомъ въ міръ поэзіи, — тогда хохотъ одолѣлъ всё; — и когда поэтъ захотѣлъ обратить глаза въ другой міръ, на другую, высокую сторону жизни, — ему показалось страшно: онъ побоялся уже за своихъ исполиновъ, чтобы они не пали предъ Собакевичами и Ноздревыми (лица изъ «Мертвыхъ душъ») — и пепелъ 2-го тома «Мертвыхъ душъ» былъ первымъ ему же наказаніемъ.» Въ изданномъ уже по смерти Гоголя 2-мъ томѣ «Мертвыхъ душъ» попытка представить Русскаго героя добра въ лицѣ помѣщика Костанжогло почти единогласно признана неудавшеюся, потому что ретивый краснобай Костанжогло также мало напоминаетъ Русскаго человѣка, какъ самая его фамилія. Равно и идеальная дѣва, хотя только что появилась во 2-мъ томѣ, достаточно однако свидѣтельствуетъ о тщетныхъ усиліяхъ фантазіи Автора при созданіи этого женскаго типа.

Изданною послѣ перваго тома «Мертвыхъ душъ» книгою «Переписка съ друзьями» Гоголь, повидимому отрекавшійся отъ прежняго своего направленія, возстановилъ противъ себя значительную часть своихъ послѣдователей; но сочиненіе это, не смотря на свою нехудожественную форму, имѣетъ важное значеніе, такъ какъ въ немъ высказаны мысли Автора о тѣхъ началахъ Русской природы, на которыхъ мы должны созидать въ себѣ идеалъ высшаго человѣка.

Рѣчь Гоголя не отличается особенною легкостію и свободнымъ теченіемъ, ни безукоризненною правильностію, за то она неподражаемо изобразительна и своеобразна.

§ 34. Въ нѣкоторой степени приближаются къ Гоголю два однакоже самостоятельные писателя, *Вельтманъ* и *Даль*.

Вельтманъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ Русскихъ археологовъ, обладаетъ безспорнымъ, но весьма своенравнымъ талантомъ, при обширномъ и глубокомъ знакомствѣ съ Русской жизнію и стариною. Но въ романахъ своихъ онъ будто и не думаетъ о единствѣ дѣйствія, объ ясности развязки, оконченности характеровъ, короче: пренебрегаетъ всѣмъ тѣмъ, что интересуетъ читателя, такъ что можно подумать, будто онъ пишетъ для своего, а не для ихъ удовольствія. Никогда не даетъ онъ того, чего отъ него ожидаютъ, *за то часто* даритъ наслажденія неожиданныя, правда, неполныя и

отрывочныя. Не мало вредитъ художественности произведеній его, также охота къ историческимъ (и филологическимъ) парадоксамъ, которые онъ любитъ вплетать въ основу своихъ романовъ. Онъ умѣетъ обновлять красоты стариннаго Русскаго языка и искусно сливать ихъ съ нынѣшней народной рѣчью. Извѣстнѣйшіе его сочиненія: *Святославичъ, вражій питомецъ, Странникъ, Кощей безсмертный, Рукопись Мартына Задеки или 3448-й годъ, Генералъ Каломерось, Ратиборъ Холмградскій* (драма), *Сердце и думка, Новый Емеля или превращенія.* Послѣдній его романъ: *Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго* распался уже на нѣсколько отдѣльныхъ романовъ, *Соломея, Чудодѣй.*

Даль, извѣстный болѣе подъ псевдонимомъ Казака Луганскаго, писалъ множество разсказовъ и мелкихъ повѣстей, большею частію въ духѣ простонародья, котораго образъ мыслей, обычаи и языкъ изучилъ онъ въ совершенствѣ. Народныя пословицы, поговорки, притчи и басни нашли въ немъ лучшаго собирателя и истолкователя. Пишутъ, что у него собрано сказокъ, списанныхъ со словъ народа, болѣе 4 тысячъ, пословицъ, не считая поговорокъ, болѣе 10 тысячъ. Языкъ Даля, по избытку въ немъ пословицъ и прибаутокъ, иногда запутанъ, а слогъ затѣйливъ и неровенъ. Лучше всего удавались Далю физіологическіе очерки, то есть возсозданіе народныхъ типовъ, каковы его: *Колбасники и бородачи, Деньщикъ, Дворникъ* и проч.

Кукольникъ началъ литературное свое поприще драмами въ стихахъ, таковы были: *Князь Скопинъ-Шуйскій, Рука Всевышняго отечество спасла* и множество другихъ, для которыхъ содержаніе почерпалъ онъ часто изъ Исторіи Итальянской Живописи. Въ послѣдствіи предался онъ исключительному писанію романовъ и повѣстей, изъ коихъ извѣстнѣйшіе: *Эвелина де Вальероль, Альфъ и Альдона, Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова* и нѣсколько собраній повѣстей подъ разными наименованіями; лучшими изъ нихъ считаются тѣ, содержаніе для которыхъ почерпнуто изъ эпохи Петра Великаго. Онъ вообще мастеръ въ обрисовкѣ характеровъ и эпохи дѣйствія, но всѣ его произведенія страдаютъ недостатками скороспѣшной работы.

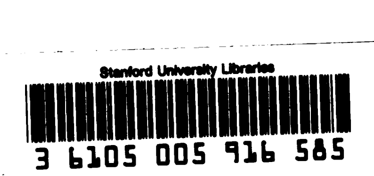
Лучшими, любимѣйшими писателями по изображенію быта высшаго класса общества почитаются *Павловъ*, написавшій двѣ книги превосходныхъ повѣстей, и *Графъ Соллогубъ*, издававшій свои сочиненія подъ разными названіями, напр. *Вчера и сегодня, На сонъ грядущій, Тарантасъ.* Оба они отличаются уточенностію литературныхъ пріемовъ и образованнѣйшимъ вкусомъ.

Въ этомъ отношеніи къ нимъ можно присоединить *Князя Одоевскаго* въ его повѣстяхъ: *Княжна Зизи, Княжна Мими* и проч. Но особенно замѣчательны его повѣсти философскія, заимствованныя преимущественно изъ жизни художниковъ (*Себастіанъ Бахъ, Послѣдній квартетъ Бетховена* и др.), а еще болѣе фантастическія

единственныя у насъ въ этомъ родѣ, по глубинѣ затаенныхъ въ нихъ мыслей (*Сильфида*, *Саламандра* и др. (*).

Въ новѣйшее время читаются съ особеннымъ удовольствіемъ сочиненія *Писемскаго*, *Гончарова*, *Тургенева*, *Григоровича*, *Графа Толстаго*, *Дружинина* и другихъ, которыхъ значеніе въ нашей Словесности еще не вполнѣ опредѣлилось.

(*) Въ свое время пользовались извѣстностію также слѣдующіе писатели: *Гребенка* и *Квитко*, удачно изображавшіе бытъ Малороссіи, *Сенковскій*, писавшій подъ именемъ *Барона Брамбеуса* весьма остроумныя повѣсти, *Калашниковъ*, *Перовскій* (*Монастырка*), *Масальскій* (*Стрѣльцы*, *Бородолюбіе*, *Регентство Бирона*), *Бѣгичевъ* (*Семейство Холмскихъ*, *Ольга*), *Ушаковъ* (*Киргисъ Кайсакъ*) и другіе.


Stanford University Libraries
3 6105 005 916 585